

88
399

801-19
~~188~~

ШЕЛЛИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ,
ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

НОВОЕ ТРЕХТОМНОЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Возмущеніе Ислама.—Царевичъ Атаназъ.—Строки, напи-
санныя среди Евангейскихъ холмовъ.—Розалинда и Елена.—
Юліанъ и Мадала.—Освобожденный Прометей.—Ченчи.

Съ пояснительными примѣчаніями К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 руб.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“. С.-Петербургъ, Невскій, 92.
1904.

В чертѣ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второй томъ настоящаго изданія вошли тѣ произведенія Шелли, которыя наиболее полно и ярко обрисовываютъ его міросозерцаніе и его способность создавать воздушные, но въ то же время совершенно отчетливые образы. Шелли является здѣсь не только иѣжкимъ, но и могучимъ. Если въ Освобожденномъ Прометей онъ усѣбно состязается съ Эхиломъ, и достигаетъ вершинъ космической лирики, въ Ченчи онъ становится въ уровень съ лучшими драматургами Шекспировской эпохи, съ авторомъ Вѣлаго Дьявола, Вебстеромъ, и создателемъ Аннабеллы, Фордомъ, а въ Лаонѣ и Цитиѣ вступаетъ въ рядъ благородныхъ создателей Утопій, зажигающъ одинъ изъ маяковъ, которые должны горѣть, потому что ночное море слишкомъ страшно.

Изъ помѣщенныхъ въ этомъ томѣ произведеній только два появятся почти въ томъ же видѣ, какъ они уже были напечатаны ранѣе, Освобожденный Прометей и Ченчи,—хотя и въ нихъ текетъ цѣликомъ пересмотрѣвъ заново и мѣстами измѣненъ. Остальные произведенія, Евганейскіе холмы, Розалинда и Елена, Юліанъ и Мадалла и первая часть Царевича Атаназа, существовали только въ прозаическомъ переводѣ, а вторая часть Царевича Атаназа и поэма Лаонъ и Цитна появятся на русскомъ языкѣ впервые.

Третій томъ выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени: въ началѣ 1904 года русскій Шелли предстанетъ въ полной законченности своихъ очертаній.

К. ВАЛЬМОНТЪ.

Меррекуль. Лѣто 1903.

47358-451

2014311324

ПОЭМЫ И

ДРАМЫ

(1817—1819).

ЛАОНЪ И ЦИТНА

(ВОЗМУЩЕНІЕ ИСЛАМА).

1817.

ЛАОНЪ И ЦИТНА

ИЛИ

ВОЗМУЩЕНІЕ ЗОЛОТОГО ГОРОДА.

ВИДѢНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Дай гдѣ статья,
и я сдвину вселенную.

Архимедъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поэма, нынѣ предлагаемая мною міру, представляетъ изъ себя попытку, отъ которой я врядь ли могу ожидать успѣха, и въ которой писатель съ установившейся славой могъ бы потерпѣть неудачу, не причинивъ себѣ этимъ никакого посрамленія. Это опытъ касательно природы общественнаго духа, имѣющій цѣлью удостоверить, насколько еще, при тѣхъ буряхъ, которыя потрясли нашу эпоху, среди людей просвѣщенныхъ и утонченныхъ, сохранилась жажда болѣе счастливыхъ условій общественной жизни, моральной и политической. Я старался соединить въ одно цѣлое напѣвность разнѣрной рѣчи, воздушныя сочетанія фантазіи, быстрые и тонкіе переходы человѣческой страсти, словомъ, все тѣ элементы, которые существеннымъ образомъ составляютъ Поэму, и все это я хотѣлъ посвятить дѣлу широкой и освободительной морали: мнѣ хотѣлось зажечь въ сердцахъ моихъ читателей благородное воодушевленіе идеями свободы и справедливости, ту вѣру и то чаяніе чего-то благого, которыхъ ни насиліе, ни искаженіе, ни предразсудокъ не могутъ совершенно уничтожить въ человѣчествѣ.

Для этой цѣли я избралъ исторію человѣческой страсти, въ ея наиболѣе всеобщей формѣ, исторію, перемѣшанную съ волнующими и романтическими приключеніями, и вызывающую, вопреки всѣмъ искусственнымъ мнѣніямъ и учрежденіямъ, ко всеобщимъ влеченіямъ каждаго человѣческаго сердца. Я не дѣлалъ попытки восхвалять, съ помощью правилъ и систематическихъ доказательствъ, тѣ внутреннія побужденія, которымъ я хотѣлъ бы доставить торжество, взявъ побужденій, нынѣ управляющихъ человѣчествомъ. Я хотѣлъ бы только возбудить чувства, такимъ образомъ, чтобы читатель могъ увидѣть красоту истинной добродѣтели, и былъ подвигнутъ къ тѣмъ изслѣдованіямъ, которыя привели меня къ моему нравственному и политическому credo, являющемуся также догматомъ самыхъ возвышен-

ныхъ умовъ міра. Поэма, такимъ образомъ,—за исключеніемъ первой Пѣсни, чисто - вводной,—является повѣствовательной, не дидактической. Это смѣна картинъ, въ которыхъ изображены ростъ и преуспѣянія отдѣльнаго ума, стремящагося къ совершенству, и полного любви къ человѣчеству; его старанія утончить и сдѣлать чистыми самые дерзновенные и необычные порывы воображенія, разумія и чувства; его нетерпѣніе при видѣ «всѣхъ угнетеній, свершенныхъ подъ солнцемъ», его стремленіе пробудить общественныя чаянія и, просвѣтительнымъ путемъ, улучшить человѣчество; быстрые результаты такого стремленія, приведеннаго къ осуществленію; пробужденіе великаго народа, погрязавшаго въ рабствѣ и низости, къ истинному чувству нравственнаго достоинства и свободы; безкровное низложеніе притѣснителей съ трона, и разоблаченіе ханжескихъ обмановъ, которыми эти люди были вовлечены въ подчиненность; спокойствіе торжествующаго патриотизма, и всеобъемлющая терпимость, озареннаго благоволеніемъ, истиннаго человѣколюбія; вѣроломство и варварство наемныхъ солдатъ; порокъ, какъ предметъ не кары и ненависти, а доброты и состраданія; предательство тирановъ; заговоръ Міровыхъ Правителей, и возстановленіе чужеземнымъ оружіемъ изгнанной Династіи; избіеніе и истребленіе Патриотовъ, и побѣда установленной власти; послѣдствія законнаго утѣсненія, гражданская война, голодъ, чума, суевѣріе, и крайнее погашеніе семейныхъ чувствъ; судебное убіеніе защитниковъ Свободы; временное торжество гнета, этотъ вѣрный залогъ конечнаго и неизбежнаго его паденія; переходный характеръ невѣжества и заблужденія, и вѣчная неизмѣнность гения и добродѣтели. Таково въ общихъ очертаніяхъ содержаніе Поэмы. И, если возвышенныя страсти, которыми я хотѣлъ отмѣтить это повѣствованіе, не возбуждаютъ въ читателѣ благороднаго порыва, пламенной жажды совершенства, глубокаго и сильнаго интереса, которые связаны со столь благородными желаніями, пусть эта неудача не будетъ отнесена на счетъ естественнаго отсутствія въ человѣческомъ сердцѣ сочувствія къ такимъ высокимъ и воодушевляющимъ замысламъ. Кому же, какъ не Поэту, надлежитъ сообщать другимъ наслажденіе и воодушевленіе, протекающія изъ такихъ образовъ и чувствъ, присутствіе которыхъ въ его умѣ составляетъ одновременно и его вдохновеніе и его награду!

Паника, подобно эндемическому изступленію охватившая всѣ

классы общества во время излишествъ, сопровождавшихъ Французскую Революцію, мало-по-малу уступаетъ мѣсто здравому смыслу. Теперь уже болѣе не вѣрятъ, что цѣли поколѣнія людей должны примириться съ злополучнымъ наслѣдіемъ невѣжества и нищеты, лишь потому, что представители одной изъ націй, которая въ теченіи столѣтій была поработена и одурочена, не были въ состояніи вести себя съ мудростью и спокойствіемъ свободныхъ людей, когда нѣкоторые изъ ихъ оковъ частью распались. То, что поведеніе этихъ людей не могло быть отмѣчено ничѣмъ инымъ, какъ свирѣпостью и безразсудствомъ, представляетъ изъ себя историческій фактъ, служащій наибольшою хвалою свободѣ и показывающій ложь во всемъ отвратительномъ ея безобразіи. Въ потокѣ человѣческихъ вещей есть нѣкое теченіе, которое относитъ потерпѣвшія крушеніе людскія надежды въ вѣрную гавань, послѣ того какъ бури отшумѣли. Миѣ кажется, тѣ, что живутъ теперь, пережили эпоху отчаянія.

Французская Революція можетъ быть разсматриваема какъ одно изъ тѣхъ проявленій общаго состоянія чувствъ среди цивилизованнаго человѣчества, которыя создаются недостаткомъ соответствія между знаніемъ, существующимъ въ обществѣ, и улучшеніемъ или постепеннымъ уничтоженіемъ политическихъ учрежденій. 1788 годъ можно принять какъ эпоху одного изъ наиболѣе важныхъ кризисовъ, созданныхъ подобными чувствами. Влеченія, связанныя съ этимъ событіемъ, коснулись каждаго сердца. Наиболѣе великодушныя и добрыя натуры участвовали въ этихъ влеченіяхъ наиболѣе широкимъ образомъ. Но осуществить въ той степени, ни съ чѣмъ не смѣшанное, благо, какъ этого ждали, было невозможно. Если бы Революція была преуспѣяніемъ во всѣхъ отношеніяхъ, злоупотребленія власти и суевѣріе наполовину утратили бы свои права на нашу ненависть, какъ цѣпи, которыя узникъ могъ разбить едва шевельнувъ своими пальцами, и которыя не вѣдаются въ душу ядовитую ржавчиной. Обратное враждебное теченіе, вызванное жестокостями демагоговъ, и возстановленіе послѣдовательныхъ тираній во Франціи, было ужасно, и самыя отдаленныя уголки цивилизованнаго міра это почувствовали. Могли ли внимать доводамъ разсудка тѣ, кто стоналъ подъ тяжестью несчастій бѣдственнаго общественнаго состоянія, благодаря которому одни разгульно роскошествуютъ, а другіе, голодая, нуждаются въ кускѣ хлѣба? Можетъ ли тотъ, кого вчера топтали какъ раба, внезапно сдѣлаться свободомыслящимъ,

сдержаннымъ, и независимымъ? Это является лишь какъ слѣдствіе привычнаго состоянія общества, созданнаго рѣшительнымъ упорствомъ и неутомимою надеждой и многотерпѣливымъ мужествомъ, долго во что-нибудь вѣрившимъ, и повторными усилиями цѣлыхъ поколѣній, усилиями постепенно смѣнявшихся людей ума и добродѣтели. Таковъ урокъ, преподанный намъ нынѣшнимъ опытомъ. Но при первыхъ же превратностяхъ чаевій на развитіе Французской свободы, пылкое рвеніе къ добру перешло за предѣлы разрѣшенія этихъ вопросовъ, и на время погасло въ неожиданности результатовъ. Такимъ образомъ, многіе изъ самыхъ пламенныхъ и кротко-настроенныхъ поклонниковъ общественнаго блага были нравственно подорваны тѣмъ, что частично неполное освѣщеніе событій, которыя они оплакивали, явилось имъ какъ бы прискорбнымъ разгромомъ ихъ завѣтныхъ упованій. Благодаря этому угрюмость и человѣконенавистничество сдѣлались отличительною чертою эпохи, въ которую мы живемъ, утѣшеніемъ разочарованія, безсознательно стремящагося найти утolenіе въ своеправномъ преувеличеніи собственного отчаянія. Въ силу этого литература нашего вѣка была занята безнадежностью умовъ, ее создавшихъ. Метафизическія изысканія, равно какъ изслѣдованія въ области нравственныхъ вопросовъ и политическаго знанія, сдѣлались ничѣмъ инымъ, какъ тщетными попытками оживить погнѣбія суевѣрія *), или софизмами, въ родѣ софизмовъ Мальтуса, рассчитанными на то, чтобы убаюкивать притѣснителей человѣчества, шепча имъ о вѣчномъ торжествѣ **). Наши беллетристическія и поэтическія произведенія омрачились той же смертоносной печалью. Но, какъ мнѣ кажется, человѣчество начинаетъ пробуждаться отъ своего оцѣпенѣнія. Я чувствую, думается мнѣ, медленную, постепенную, молчаливую перемену. Въ этой увѣренности я и написалъ данную Поэму.

Я не притязаю на состязательство съ нашими великими современными Поетами. Но я не хочу также и идти по слѣдамъ

*) Я долженъ сдѣлать пеклюшеніе для *Academical Questions* сэра В. Дрюмонда, — томъ крайне острой и мощной метафизической критики.

**) Достопримѣчательно, какъ знакъ оживленія общественныхъ чаевій, что Мистеръ Мальтусъ, въ позднѣйшихъ изданіяхъ своего сочиненія, принимаетъ нравственному воздержанію безграничную власть надъ принципомъ народонаселенія. Эта уступка отвѣчаетъ на все послѣдствія его системы, неблагоприятныя для человѣческаго преуспеванія, и превращаетъ *Опытъ о Народонаселеніи* въ изыскательную иллюстрацію къ неопорности *Общественной Справедливости*.

кого бы то ни было изъ моихъ предшественниковъ. Я старался избѣжать подражаній какому-либо стилю языка или стихосложенія, свойственному оригинальнымъ умамъ, съ которыми стиль этотъ причинно связанъ, — имѣя въ виду, чтобы то, что я создалъ, пусть даже оно не имѣетъ никакой цѣнности, было все же совершенно моимъ. Я не позволилъ также какой-нибудь чисто словесной системѣ отвлечь вниманіе читателя отъ достигнутого мной интереса, каковъ бы онъ ни былъ, и обратить это вниманіе на собственную мою замысловатость въ изобрѣтательности. Я просто облекъ мои мысли такимъ языкомъ, который мнѣ казался наиболѣе явнымъ и подходящимъ. Кто сроднился съ природой, и съ самыми прославленными созданіями человѣческаго ума, тотъ врядъ ли ошибется, слѣдуя инстинкту, при выборѣ соответствующей рѣчи.

Есть нѣкоторое воспитаніе, особенно подходящее для Поэта, воспитаніе, безъ котораго гений и впечатлительность врядъ ли завершатъ полный кругъ своихъ способностей. Конечно, никакое воспитаніе не уполномочитъ на это наименованіе умъ тупой и ненаблюдательный, или умъ, хотя бы не тупой и способный къ наблюдательности, но такой, что въ немъ пути между мыслью и выраженіемъ засорены или закрыты. Насколько моимъ удѣломъ было принадлежать къ тому или къ другому разряду, я не знаю. Я стремлюсь къ тому, чтобы быть чѣмъ-нибудь лучшимъ. Случайныя обстоятельства моего воспитанія благопріятствовали этой честолюбивой мечтѣ. Я съ дѣтства сроднился съ горами и съ озерами, и съ моремъ, и съ уединеніемъ лѣсовъ: Опасность, играющая на краю пропасти, была моею сверстницей. Я проходилъ по ледникамъ Альпъ, и жилъ подъ взоромъ Монблана. Я скитался среди отдаленныхъ равнинъ. Я плылъ по теченію могучихъ рѣкъ, и видѣлъ, какъ солнце восходитъ и заходитъ, и какъ выступаютъ звѣзды, межъ тѣмъ какъ я плылъ и ночью, и днемъ по быстрому потоку среди горъ. Я видѣлъ людныя города, и наблюдалъ, какъ страсти возникаютъ и распространяются, и падаютъ, и мѣняются среди опустошеній тиранній и войны, города и деревни, превратившіяся въ разьединенныя небольшія группы черныхъ домовъ, лишенныхъ кровли, видѣлъ, какъ нагіе ихъ обитатели сидятъ, голодные, на своихъ опустѣлыхъ порогахъ. Я говорилъ съ нынѣ живущими гениями. Поэзія древней Греціи и Рима, и современной Италіи, и нашей

собственной страны, была для меня, как вишняя природа, страстью и наслаждением. Таковы источники, из которых я извлекъ материалы для сценической обстановки моей Поэмы. Я разсматривалъ Поэзію въ самомъ широкомъ ея смыслѣ; я читалъ Поэтовъ, и Историковъ, и Метафизиковъ *), сочиненія которыхъ были мнѣ доступны; я смотрѣлъ на прекрасную и величественную панораму земли, какъ на общій источникъ тѣхъ элементовъ, соединить которые въ одно цѣлое и различнымъ образомъ сочетать—есть удѣлъ Поэта. Однако, опытъ и чувства, мною указываемыя, сами по себѣ не дѣлаютъ еще людей Поэтами, а только предуготовляютъ ихъ, чтобы они могли быть слушателями поэтовъ существующихъ. Насколько я буду признанъ обладателемъ этой другой, болѣе существенной, принадлежности Поэзіи, способности пробуждать въ другихъ ощущенія, подобныя тѣмъ, что оживляютъ мое собственное сердце, этого, говоря чистосердечно, я совершенно не знаю; и объ этомъ я, съ полной готовностью покориться, буду судить по впечатлѣнію, произведенному на тѣхъ, къ кому я теперь обращаюсь.

Какъ я уже говорилъ, я старался избѣгнуть подражанія какому-либо изъ современныхъ стилей. Но между всѣми писателями какой-либо данной эпохи должно быть извѣстное сходство, не зависящее отъ ихъ собственной воли. Они не могутъ уклониться отъ подчиненія общему вліянію, пронстекающему изъ безконечнаго сочетанія обстоятельствъ, относящихся къ эпохѣ, въ которую они живутъ, хотя каждый изъ нихъ до извѣстной степени является создателемъ того самаго вліянія, которымъ проникнуто все его существо. Такимъ образомъ, трагическіе поэты эпохи Перикла; итальянскіе возродители древняго знанія; могучіе умы нашей собственной страны, наслѣдовавшіе Реформаціи, переводчики Вибліи, Шекспиръ, Эдмундъ Спенсеръ, драматурги Елизаветинской эпохи, и Лордъ Байонъ **); болѣе холодныя души слѣдующаго періода;—всѣ они имѣютъ сходство между собою, хотя они отличаются другъ отъ друга. При такомъ порядкѣ вещей Фордъ не болѣе можетъ быть названъ подражателемъ Шекспира, чѣмъ Шекспиръ подражателемъ Форда. Между двумя этими людьми было, можетъ быть, немного другихъ точекъ сопри-

*) Въ этомъ смыслѣ въ созданіи вымысла можетъ быть извѣстное усовершенствованіе, несмотря на первѣе утвержденіе защитниковъ челоѣческаго преузнанія, будто этотъ терминъ, усовершенствованіе, прилѣпимъ только къ наукѣ.

***) Мильтонъ стоить одиноко въ эпохѣ, которую онъ озарилъ.

косновенія, кромѣ всеобщаго и неизбежнаго вліянія ихъ эпохи. Это именно то вліяніе, отъ котораго не властенъ ускользнуть ни самый ничтожный писака, ни самый возвышенный геній, какого бы то ни было времени; уклониться отъ такого вліянія не пытался и я.

Я выбралъ для своей Поэмы Спенсеровскую стансу,—размѣръ необыкновенно красивый,—не потому, что я считаю ее болѣе тонкимъ образцомъ поэтической гармоніи, чѣмъ бѣлый стихъ Шекспира и Мильтона, а потому, что въ области послѣдняго нѣтъ мѣста для посредственности: вы или должны одержать побѣду, или совершенно пасть. Этого, пожалуй, долженъ былъ бы желать духъ честолюбивый. Но меня привлекала также блестящая пышность звука, которой можетъ достигнуть умъ, напитанный музыкальными мыслями, правильнымъ и гармоническимъ распредѣленіемъ паузъ въ этомъ ритмѣ. Есть, однако, мѣста, гдѣ я потерялъ въ своей попыткѣ полную неудачу, одно мѣсто я прошу читателя разсматривать какъ простую ошибку, ибо въ серединѣ стансы я, неосмотрительнымъ образомъ, оставилъ александринскій стихъ.

Но какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, я писалъ безъ колебаній. Это истинное несчастье нашего времени, что современные писатели, совершенно не думая о безсмертіи, необыкновенно чувствительны къ временнымъ похваламъ и порицаніямъ. Они пишутъ и въ то же время трепещутъ разныхъ обзрѣній, которыя какъ будто у нихъ передъ глазами. Подобная система критики возникла въ тотъ оцѣненѣльнѣйшій промежутокъ времени, когда поэзіи вовсе не было. Лонгинъ не могъ бы быть современникомъ Гомера, ни Буало современникомъ Горация. Но такой родъ критики никогда и не притязалъ на утвержденіе своихъ приговоровъ какъ таковыхъ: эта критика, нисколько не похожая на истинное знаніе, не предшествовала мнѣнію людей, а всегда слѣдовала за нимъ, она хотѣла бы даже и теперь, цѣной своихъ ничтожныхъ похвалъ, подкупить нѣкоторыхъ изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ, чтобы они наложили добровольныя оковы на свою фантазію, и сдѣлались безсознательными соучастниками въ ежедневномъ убіеніи каждаго тенія, не столь стремительнаго или не столь счастливаго, какъ они. Я старался, поэтому, писать такъ, какъ писали, по моему представленію, Гомеръ, Шекспиръ, и Мильтонъ, съ крайнимъ пренебреженіемъ къ безымяннымъ осужденіямъ. Я увѣренъ, что клевета и искаженіе моихъ мыслей могутъ вызвать во мнѣ соболѣзнованіе, но не могутъ

нарушить мой покой. Я уразумѣю выразительное молчаніе тѣхъ проинцательныхъ враговъ, которые не осмѣливаются говорить сами. Изъ оскорбленій, поношеній, и проклятій я постараюсь извлечь тѣ увѣщанія, которыя могутъ содѣйствовать исправленію какихъ бы то ни было несовершенствъ, открытыхъ подобными осудителями въ моемъ первомъ серьезномъ обращеніи къ публикѣ. Если бѣ извѣстные критики были столь же ясновидящи, какъ они злостны, сколько благого можно было бы извлечь изъ ихъ злобныхъ писаній. При данномъ порядкѣ вещей, боюсь, я буду достаточно лукавымъ, чтобы позабавиться на ихъ дрянныя ухищренія и на ихъ хромья нападки. Если публика рѣшится, что мое произведеніе не имѣетъ цѣнности, я преклонюсь предъ трибуналомъ, отъ котораго Мильтонъ получилъ свой вѣнецъ безсмертія, и постараюсь, если только буду жить, найти въ этомъ пораженіи силу, которая подвигнула бы меня на новую попытку мысли, уже не лишенную цѣнности. И не могу представить, чтобы Лукреціи, когда онъ размышлялъ надъ поэмой, идеи которой до сихъ поръ еще составляютъ основаніе нашего метафизическаго знанія, и краснорѣчію которой дивилось человѣчество, писалъ ее и въ то же время боялся осужденія наемныхъ софистовъ, подкупленныхъ грязными и суевѣрными аристократами Рима. Лишь въ тотъ періодъ, когда Греція была плѣнена, и Азія сдѣлалась данницей республики, почти уже склонявшейся къ рабству и разрушенію, толпа Сирійскихъ плѣнниковъ, слѣпо поклонявшихся своей безстыдной Астаротъ, и недостойные преемники Сократа и Зенона, нашли себѣ свое невѣрное пропитаніе въ томъ, что, подъ названіемъ вольноотпущенниковъ, способствовали порокамъ и тщеславностямъ великихъ. Эти злосчастные были опыты въ искусствѣ защищать, наборомъ поверхностныхъ, но пріемлемыхъ софизмовъ, презрѣніе къ добродѣтели, являющееся удѣломъ рабовъ, и вѣру въ чудеса, эту гибельнѣйшую замѣну благоволенія въ умахъ людей. Неужели на неодобреніе подобнаго сорта людей мудрый и возвышенный Лукреціи смотрѣлъ съ благодѣтельнымъ страхомъ? Послѣдній и, быть можетъ, самый малый изъ тѣхъ, кто пошелъ по его дорогѣ, съ презрѣніемъ отвернулся бы отъ жизни при такихъ условіяхъ.

Я работалъ надъ предлагаемой Поэмой полгода съ небольшимъ. Въ теченіи этого періода времени я предавался осуществленію своего замысла съ неустаннымъ рвеніемъ и воодушевленіемъ. По мѣрѣ того какъ моя работа подвигалась впередъ, я подвергалъ ее самой

внимательной и серьезной критикѣ. Я охотно предалъ бы ее гласности съ тѣмъ совершенствомъ, которое, говорятъ, дается долгой работой и пересмотромъ. Но я нашелъ, что, если бы этимъ путемъ я выигралъ что-нибудь въ точности, я много потерялъ бы въ свѣжести и силѣ образовъ и языка, въ ихъ прямой непосредственности. И хотя внѣшняя работа надъ Поэмой продолжалась не болѣе шести мѣсяцевъ, мысли, вложенныя въ нее, медленно накоплялись въ теченіи многихъ лѣтъ.

Я высказываю увѣренность, что читатель тщательно будетъ различать тѣ мнѣнія, которыя, какъ драматическая принадлежность, изъясняютъ изображаемые характеры, отъ тѣхъ мыслей, которыя принадлежатъ лично мнѣ. Такъ, на примѣръ, я нападаю на ошибочное и унижительное представленіе о Верховномъ Существомъ, которое составили себѣ люди, но я не нападаю на самое Верховное Существо. То мысленное утвержденіе, которое нѣкоторые суевѣры, выведенныя мною на сцену, поддерживаютъ касательно Божества, оскорбительное для Его благоволенія, весьма отличается отъ моего. Точно также, взывая къ великой и важной переимѣнѣ въ области духа, оживляющаго общественныя учрежденія человѣчества, я избѣгалъ всякаго потаканія тѣмъ насильственнымъ и зловреднымъ страстямъ нашей природы, которыя всегда наготовѣ, чтобы смѣшаться и перенутаться съ самыми благодѣтельными нововведеніями. Здѣсь нѣтъ мѣста отмщенію, или Зависти, или Предубѣжденію. Вездѣ прославляется только Любовь, какъ единственный законъ, долженствующій управлять нравственнымъ міромъ.

Въ личномъ поведеніи моего героя и моей героини есть обстоятельство, которое введено съ цѣлью пробудить читателя изъ оцѣпенѣнія обычной повседневности. Моимъ намѣреніемъ было прорвать кору тѣхъ изношенныхъ мнѣній, на которыхъ зиждутся нѣкоторыя установленія. Я воззвалъ поэтому къ наиболѣе всеобщему изъ чувствованій, и сдѣлалъ попытку усилить нравственное чувство, возбранивъ ему истреблять свою энергію въ стараніяхъ избѣгать дѣйствій, которыя представляютъ изъ себя лишь условныя преступленія. Истинныхъ добродѣтелей такъ мало именно потому, что существуетъ такое множество искусственно созданныхъ пороковъ. Только тѣ чувства, которыя полны благоволенія или зложелательства, являются по существу добрыми или злыми. Указываемое мною обстоятельство было, впрочемъ, введено мною главнымъ обра-

зомъ для того, чтобы приучить людей къ тому милосердію и къ той терпимости, которыя имѣютъ склонность возникать при созерцаніи обычаевъ, значительно отличающихся отъ нашихъ. На самомъ дѣлѣ, ничто не можетъ быть столь зловреднымъ по своимъ послѣдствіямъ, какъ многія дѣйствія, невинныя сами по себѣ, но привлекающія на отдельныхъ людей слѣпое презрѣніе и бѣшенство толпы *).

ПОСВЯЩЕНІЕ.

*Нѣтъ для того опасности, кто знаетъ,
 Что жизнь и смерть: закона нѣтъ иного,
 Чтобъ знаніе его превосходило:
 И незаконно было бѣ, чтобъ склонялся
 Онъ предъ другимъ какимъ-нибудь закономъ.*

ЧАПМАНЪ.

---

*.) Чувства, связанныя съ этимъ обстоятельствомъ, и ему присущія, не имѣютъ къ автору никакого личнаго отношенія.

КЪ МЭРИ— —

1.

Теперь мой лѣтній трудъ оконченъ, Мэри.
Съ тобой я вновь, приютъ сердечный мой,
Какъ Рыцарь Фей, своей послушный вѣрѣ,
Съ добычею вернувшійся домой,
Съ добычей для дворца его Царицы;
Не презри, если я мою звѣзду,
Сокрытую какъ бы во мглѣ темницы,
Съ твоею сплелъ, когда я только жду,
Что можетъ быть я встрѣчу лучъ привѣта,
Тогда какъ ты—Дитя любви и свѣта.

2.

Оконченъ трудъ, что у тебя часовъ
Такъ много отнялъ,—онъ передъ тобою!
Не въ тишинѣ задумчивыхъ лѣсовъ,
Гдѣ вѣтви, встрѣтись, вьются пеленою,
Не тамъ, гдѣ въ полизвучномъ забытѣи
Журча, стремятся волны водопада,
Не между травъ, гдѣ для моей ладьи
Затонъ былъ тихій, всныхнеть мнѣ отрада,
Но близъ тебя, души моей звѣзда,
Гдѣ сердцемъ въ эти дни я былъ всегда.

3.

Мечтой ласкалъ я свѣтлыя дѣянья,
 Когда впервые съ міра спала тѣнь.
 Проснулся духъ. Я помню обаянье.
 То быть веселый свѣжій Майскій день.
 Я шелъ межъ травъ, они въ лучахъ блестяли,
 Я плакалъ, самъ не зная, почему,
 Изъ ближней школы крики долетѣли,
 Міръ звуковъ, чуждыхъ сердцу моему,
 Враждебный ропотъ боли и обмановъ,
 Скрипящій смѣхъ насильниковъ, тирановъ.

4.

И, руки сжавъ, я посмотрѣлъ вокругъ,
 Но слезъ моихъ никто не могъ замѣтить,
 Я былъ одинъ, кругомъ былъ свѣтлый лугъ,
 И, не боясь насѣшку взора встрѣтить,
 Воскликнулъ я: «Хочу я мудрымъ быть,
 Свободнымъ, кроткимъ, иѣлимымъ, справедливымъ,
 Не въ силахъ я ни видѣть, ни забыть,
 Что сильный можетъ злымъ быть и счастливымъ.»
 И я рѣшилъ быть твердымъ навсегда,
 И кроткимъ я и смѣлымъ сталъ тогда.

5.

И сталъ я накапливать съ того мгновенья
 Познанья изъ запретныхъ рудниковъ,
 Къ тиранамъ полонъ былъ пренебреженья,
 Не принималъ мой умъ пустыхъ ихъ словъ,
 И для души, въ тѣхъ горницахъ сокрытыхъ,
 Себѣ сковалъ я свѣтлую броню,
 Изъ чаяній, изъ мыслей, вмѣстѣ слитыхъ,
 Которымъ никогда не измѣню;
 Я росъ, но вдругъ почувствовалъ однажды,
 Что я одинъ, что духъ мой полонъ жажды.

6.

Увы, любовь—проклятье, злѣйшій врагъ,
 Тому, кто все въ одномъ желаетъ встрѣтить!
 Я жаждалъ свѣта; тщетно; всюду мракъ,
 И только тѣни взоръ мой могъ замѣтить;
 Повсюду тьма и холодъ безъ конца,
 Одинъ скитался я въ ночи беззвѣдной,
 Суровыя и жесткія сердца
 Встрѣчалъ я на пути, во мглѣ морозной,
 Въ груди былъ ледъ, покуда я, любя,
 Не ожилъ подъ лучомъ, узнавъ тебя.

7.

О, Другъ мой, какъ надъ лугомъ омертвѣлымъ,
 Ты въ сердцѣ у меня Весну зажгла,
 Вся—красота, однимъ движеньемъ смѣлымъ,
 Ты, вольная, оковы порвала,
 Условности презрѣла ты, и ясно,
 Какъ вольный лучъ, прошла межъ облаковъ,
 Средь дымной мглы, которую напрасно
 Рабы сгустили силой рабскихъ словъ,
 И, позабывши долгія страданья,
 Мой духъ возсталъ для свѣтлаго свиданья!

8.

И вотъ я не одинъ былъ, чтобъ идти
 Въ пустыняхъ міра, въ сумракѣ печали,
 Хоть замысла высокаго пути
 Передо мной, далекіе, лежали.—
 Порой терзаетъ добрыхъ Ницета,
 Безчестіе смѣется надъ невиннымъ,
 Друзья—враги, повсюду темнота,
 Толпа грозитъ, но въ сумракѣ пустынномъ
 Есть радость—не склоняться предъ Судьбой,
 Ту радость мы извѣдали съ тобой!

9.

Веселый часъ намъ шлетъ теперь сіянье,
 И съ нимъ друзья сѣшать опять придди;
 Страданье оставляетъ власть и знанье:
 Презрѣнемъ за презрѣнье не плати.
 Тобою рождены миѣ два ребенка,
 Отрадно намъ въ ихъ взорахъ видѣть рай.
 Ихъ дѣтскій смѣхъ звучать намъ будетъ звонко
 Мы счастливы съ тобой въ нашъ ясный Май;
 И такъ какъ ты меня приводишь къ Маю,
 Тебѣ я эти строки посвящаю.

10.

Быть можетъ, за созвучьемъ этихъ строкъ
 Звучитъ спю другое Пѣснопѣнье?
 Иль духъ мой совершенно изнемогъ,
 И замолчитъ, ища отдохновенья, —
 Хоть онъ хотѣлъ бы властно потрясти
 Обычай и наслѣя Закона,
 И Землю къ царству Правды привести,
 Священиѣ, чѣмъ лира Амфіона?
 Надѣяться-ль, что буду сильнымъ вновь,
 Иль Смерть меня погубитъ и Любовь?

11.

А ты? Чтѣ ты? Я знаю, но не смѣю
 Сказать. Пусть это скажетъ голосъ дней.
 Но блѣдностью чрезмѣрною твоею,
 Задумчивостью свѣтлою своей,
 Нѣжливѣйшими улыбками, слезами,
 Пророческій ты воплощаешь сонъ,
 И этимъ веѣмъ, и кроткими словами
 Мой страхъ, завѣтный страхъ мой покорень:
 Въ твоихъ глазахъ, въ твоей душѣ нетлѣнной,
 Огонь весталки вижу я беземѣнный.

12.

Миѣ говорятъ, что ты была нужна
 Отъ самаго рожденія. — о, Чудо
 Родителей блестящихъ. — Да, Одна,
 Чья жизнь была какъ звѣздный ликъ для взгляда,
 Тебя одѣла ясностью своей
 И отъ земли ушла; но въ дымѣ бури
 Ты все хранишь сіянье тѣхъ лучей,
 Твои глаза таятъ всю глубь лазури;
 И именемъ безсмертнымъ твой Отецъ
 Тебѣ даетъ приютъ и въ немъ вѣнецъ.

13.

Единый зовъ изъ многихъ душъ могучихъ
 Возсталъ, какъ громкій гулъ трехъ тысячъ лѣтъ;
 И шумный міръ молчалъ. Въ пескахъ слынувшихъ,
 Въ пустынѣ, пѣнь о дняхъ, которыхъ нѣтъ,
 Такъ внемлетъ путникъ. Вадрогнули тираны,
 Затрепетали блѣдые ханжи,
 Насиліе, заботы, и обманы,
 И чада Суевѣрія и Ланн
 Оставили сердца людей на время,
 Зловѣщее свое убрали бремя.

14.

Безсмертный голосъ правды межъ людей
 Живеть и медлить! Если безъ отвѣта
 Останется мой крикъ, и надъ моею
 Любовью къ людямъ, и надъ каждой свѣта
 Глушиться станетъ обшество слѣпыхъ,
 О, другъ мой, ты и я, мы можемъ ясно,
 Какъ двѣ звѣзды межъ облаковъ густыхъ,
 Въ ночи мірской свѣтиться полновластно.
 Надъ гибнущими въ морѣ, много лѣтъ,
 Мы будемъ сохранять свой ровный свѣтъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

1.

Когда, какъ краткій блескъ непрочной славы,
 Во Франціи послѣдній сонъ увялъ,
 Отъ темныхъ сновъ, исполненныхъ отравы,
 Я всталъ и поднялся къ вершинѣ скалъ,
 На мысъ, что надъ пещерами вздымался,
 Вокругъ которыхъ пѣлъ сѣдой прибой;
 Разсвѣтъ вокругъ каждой тучки занимался,
 Горѣлъ въ волнахъ, въ пустынѣ голубой:—
 Но вдругъ Земля шатнулась въ основаньи,
 Какъ бы въ своемъ предсмертномъ содроганьи.

2.

Внезапно прошумѣлъ ворчаній громъ,
 Въ раскатахъ онъ прошелъ надъ глубиною,
 Съ поспѣшностью, вверху, внизу, кругомъ,
 Туманы разростались пеленою,
 Они ползли и, сумрачно сплетаясь,
 Укрыли тѣнью солнце молодое:—
 Не слышалось ни звука; свѣтъ погасъ;
 Застыло все въ чудовищномъ покоѣ,
 Лѣса и воды; и густая мгла
 Темнѣй, чѣмъ ночь, страшнѣй, чѣмъ ночь, была.

3.

Чу, это вѣтеръ мчится надъ Землею
 И океанъ мететь. Вотъ, глубь Небесъ
 Разъята вспышкой молній; дальней мглою
 Ниспосланъ дождь изъ облачныхъ завѣсъ,
 И вѣтеръ хлещетъ зыбь, она блистаетъ;
 И все,—бурунъ, и молнія, и градъ,—
 Въ водоворотъ единый нарастаетъ.
 Мигъ тишины.—Изъ тьмы пещеръ глядятъ
 Морскія птицы: что за тишь настала,
 И что это на Небѣ возблистало?

4.

Тамъ, гдѣ вверху была разъята мгла
 Дыханіемъ неудержимой бури,
 Межъ бѣлыхъ облаковъ, нѣжна, свѣтла,
 Предстала глубь ликующей лазури,
 Подъ тѣмъ просвѣтомъ просіялъ туманъ,
 Все замерло, какъ бы подъ властью чуда,
 И призрачно-зеленый Океанъ
 Въ себѣ качалъ отбѣнки изумуда:
 Лишь тамъ вверху несчетность облаковъ
 Неслась быстрѣй оборванныхъ листовъ.

5.

Росла война межъ ярой силой бури
 И грудой тучъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ росла
 Блистательность проглянувшей лазури;
 Громада облаковъ; тѣсна, бѣла,
 Недвижной оставалась въ отдаленнѣ;
 Межъ тѣмъ воздушно-блѣдный серпъ луны
 Выходилъ въ неспѣшномъ царственномъ движеннѣ,
 Свѣтился съ недостижимой вышины;
 Надъ нимъ туманы таяли, какъ таетъ
 Подъ солнцемъ снѣгъ, и въ таяннѣ блистаетъ.

6.

Я не глядѣть не могъ; въ дунѣ, во всемъ,
 Какое-то очарованье было,
 Я грезилъ, и не знаю самъ, о чемъ,
 Чего-то ждалъ:—вдругъ взоръ мой поразило,
 Что въ небѣ синемъ, въ бѣлизнѣ луны
 Возникла тѣнь, пятно, какъ бы видѣнье,
 Оно росло въ провалахъ вышины,
 Неслось ко мнѣ изъ бездны отдаленья;
 Такъ въ морѣ, парусами шевеля,
 Подъ солнцемъ мчится призракъ корабля.

7.

Да, какъ ладья, въ расцѣлинѣ скалистой,
 Несется по теченью, и рѣка,
 Набраннымъ повахъ силъ въ тѣнистѣ мглнстой,
 Качаетъ легкй обликъ челнока,
 И весла мчатъ его надъ пѣной бѣлой,—
 Такъ на вѣтрахъ, въ лазури, предо мной,
 Крылатый Призракъ мчался, онѣмѣлый,
 Какъ будто ошьяненный вышиной,
 И гвалъ его порывъ грозы могучй,
 И молнй за нимъ рвались изъ тучи.

8.

Какъ бѣшено, какъ быстро, какъ легко
 Чудовищное мчалось видѣнье!
 Я въ воздухъ увидѣлъ, высоко,
 Орла и съ нимъ Змѣю, одно слетенье:—
 Они боролись, и предъ той скалой,
 Гдѣ я стоить, Орелъ, раскинувъ крылья,
 Замедлилъ, съ многоцвѣтною Змѣей,
 Какъ бы изнемогая отъ усилья,
 И такъ повисъ, какъ будто бы безъ силъ,
 И воздухъ дикимъ крикомъ огласилъ.

9.

Стрѣлою, лучъ, изъ дальнихъ тучъ излитый,
 Коснулся крыль, сянне струя,
 Змѣя и Птица вмѣстѣ были свиты,
 Сверкнула какъ кольчуга чешуя:
 Горя какъ драгоценные каменья,
 Сквозь перья золотыя, тамъ и здѣсь,
 Просвѣчивали искристыя звенья,
 И вздутый узелъ былъ блестящимъ весь.
 И шею отклонивъ, и вынувъ жало,
 Змѣя свой взоръ въ орлиный взоръ вперяла.

10.

Кругомъ, кругомъ,—срываясь и кружась,—
 Орелъ летать съ неудержимымъ крикомъ,
 Порой высоко въ Небо уносаясь,
 Почти скрываясь тамъ, въ порывѣ дикомъ,
 Порою, какъ бы выбившнмъ изъ силъ,
 Онъ падать съ громкимъ воплемъ надъ волнами,
 Змѣю до самой влаги доносить,
 Ее терзая клювомъ и когтями;
 Змѣя къ Орлу не уставала лннуть,
 Ища—его смертельно ранить въ грудь.

11.

Какая жизнь, какая сила въ смѣнѣ
 Удачн этихъ сказочныхъ враговъ!
 Отъ схватки наръ, подобный легкой пѣнѣ,
 Повисъ вокругъ нихъ въ дыханн вѣтровъ;
 Летали перья, въ воздухѣ, далеко,
 Блестѣла подъ когтями чешуя,
 Орлиное свѣтло горѣло око,
 Во мглѣмерца, искрилась Змѣя;
 И гдѣ они летѣли надъ волною,
 Виднѣлась кровь надъ пѣнной глубиною.

12.

Какимъ борьба закончится концомъ?
 Свирѣный бой, и каждый ровно бьется;
 Порою, бриллиантовымъ кольцомъ
 Змѣя вокругъ вражьей шеи обовьется,
 Тогда Орелъ, сдержавши свой полетъ,
 Съ своимъ врагомъ почти уже не споря,
 Съ высотъ до пѣнной зыби упадетъ,
 И чуть не мочить крылья во влагѣ моря.
 И у Змѣи, въ приливѣ торжества,
 Вадугъ гребень и поднята голова.

13.

Порою, удушалоцїя звеня
 Змѣя разъятъ готова, чтобъ хлестать,
 Всей силой искривленнаго движеня,
 Морскую, вѣтромъ схваченную, гладь;
 Чтобъ порвать тяжелыя оковы,
 Всей шеей мускулистой, взмахомъ крылья,
 Орелъ, изнеможенный и суровый,
 Не разъ напрягъ остатокъ гордыхъ силъ,
 И, мнилось, вольный, онъ среди тумана
 Взлетитъ, какъ дымъ изъ жаркаго вулкана.

14.

Такъ длился перемѣнчивый тотъ бой,
 На хитрость—хитрость, и на силу—сила;
 Но та борьба конецъ имѣла свой:
 Лампада дня почти ужъ погасила
 Свой яркій свѣтъ,—какъ мощная Змѣя
 Повисла высоко, изнемогая,
 Потомъ упала, ея жизнь тая,
 И влага приняла ее морская,
 Орелъ вскричалъ, крылами шелестя,
 И вѣтеръ прочь отнесъ его, свистя.

15.

И вмѣстѣ съ тѣмъ свирѣность дикой бури
 Окончилась, заискрился просторъ
 Земли и Океана и Лазури,
 И только съ удивленьемъ видѣлъ взоръ,
 Какъ, точно горы, трепетали волны,
 Надъ солнцемъ, низопедшимъ съ вышины:
 Ихъ гулъ врывался въ тишь и въ миръ безмолвный.
 Съ высотъ спустясь, дошелъ я до волны,—
 Былъ ясенъ вечеръ, воды моря пѣли,
 И спали, какъ ребенокъ въ колыбели.

16.

Тамъ, на прибрежьи, Женщина была,
 Она внизу сидѣла, подъ скалами,
 Прекрасная, какъ утренняя мгла,
 И какъ цвѣтокъ, расцвѣтшій надъ снѣгами;
 Прижавши руки нѣжныя къ груди,
 Она глядѣла пристально на волны;
 Съ волосъ завязка снала; впереди
 Просторъ Небесъ раскинулся безмолвный;
 А гдѣ волна ложилась на песокъ,
 Дрожала красивый маленькій челнокъ.

17.

Казалось, это нѣжное Видѣнье
 Слѣдило за причудливой борьбой;
 Теперь въ глазахъ видѣлось утомленье,
 Для нихъ былъ слишкомъ силенъ свѣтъ дневной,
 Въ нихъ слезы трепетали молчаливо,
 И на песокъ сверкающій смотря,
 Гдѣ въ кружкѣ шуршащаго прилива
 Свѣтилася вечерняя заря,
 Она стонала, блѣдная отъ горя,
 И съ каждымъ стономъ взоръ бросала въ море.

18.

Когда-жъ Змѣя упала съ высоты,
 У ней, блѣднѣя, губы задрожали,
 И дрогнули въ ея лицѣ черты,
 Но, не издавъ ни возгласа печали,
 Она привстала съ мѣста въ тотъ же мигъ.
 Въ вѣтрахъ ея одежды развѣвались,
 И бросила она свой звонкій крикъ,
 На голось тотъ пещеры отозвались,
 И серебро тѣхъ звуковъ разлилось,
 Какъ пряди тѣневыхъ ея волосъ.

19.

Напѣвность этой рѣчи, полной странныхъ
 Нежданныхъ чаръ, я слушалъ вновь и вновь.
 Въ созвучіяхъ, и нѣжныхъ, и неожиданныхъ,
 Я чувствовалъ—лишь я одинъ—любовь.
 Но для Змѣи тѣ сладостные звуки
 Понятной были рѣчью и родной;
 Она уже не билась, въ дикой мукѣ,
 Среди пѣны, надъ зеленою волной,
 А медлила среди тѣней прибрежныхъ.
 У ногъ ея, воздушно-блоснѣжныхъ.

20.

И Женщина вновь сѣла на песокъ,
 Заплакала опять, скрестила руки,
 И въ непостижной сказочной тоскѣ
 Согласные опять зашѣли звуки;
 Прекрасную она открыла грудь,
 И къ мрамору, съ воздушной бѣлизною,
 Сверкнувши, присѣвшила тѣнь прильнуть,
 Рожденная зеленою волною:—
 Она къ себѣ Змѣю изъ воду звала,
 И на груди ея Змѣя легла.

21.

Тогда она, вставая, съ грустью ясной,
 Глазами улыбулась нѣжно мнѣ,
 Какъ та звѣзда, что свѣтъ вечерне-красный
 Своимъ пронзаетъ свѣтомъ въ вышнѣ,
 И молвила: «Печалиться—разумно,
 Но безнадежность, что тебя сюда
 Къ пучинѣ воду приводитъ многошумной,
 Напрасна: ты поймешь меня, когда
 Дерзнешь, со мной и съ этою Змѣею,
 Пуститься въ странный путь надъ глубиною.»

22.

Тотъ возгласъ былъ какъ самый грустный зовъ,
 Какъ голось позабытый, но любимый.
 Я плакать. Неужели въ зыбъ валовъ,
 Она одна, надъ бездною нелюдимой,
 Со странною Змѣею въ путь пойдетъ?
 Змѣя у ней надъ сердцемъ, и, быть можетъ,
 Чтобы добычу съѣсть, лишь мига ждетъ?
 Такъ думалъ я. Кто ей въ бѣдѣ поможетъ?
 Тутъ всталъ приливъ, камнула мощь волны
 Челнокъ, что былъ какъ будто тѣнь луны.

23.

Челнокъ—мечталъ Узорчато-воздушный,
 Изъ луннаго былъ камня изсѣченъ
 Передъ его; и вѣтерокъ послушный
 Какъ будто сходствомъ съ тканью былъ плѣненъ,
 Тотъ вѣтерокъ, котораго не слышитъ,
 Не чувствуетъ никто, но по воли
 Который мчитъ, когда чуть внятно дышетъ.
 Вотъ мы въ ладѣ, доврѣясь глубинѣ;
 Безмѣрное туманное пространство
 Одѣлось въ многозвѣздное убранство.

24.

И Женщина рассказывала мнѣ
 Пугающій рассказъ, пока мы плыли;
 Кто сонъ такой увидитъ, тотъ во снѣ
 Блѣднѣетъ! Но не сна, а страшной были
 То вѣсть была. Насталъ полночный часъ,
 Безбрежнымъ Океанъ шумѣлъ потокомъ,
 И мнѣ въ глаза блеснувъ сіянемъ глазъ,
 Она о чемъ-то странномъ и высокомъ
 Вѣщала, и, еще не слыша словъ,
 Ужъ быть я полонъ музыки и сновъ.

25.

«Не говори, моимъ словамъ внимая,
 Скажу я много повѣстью моею,
 Но большее живетъ, свой ликъ скрывая
 Въ туманной урнѣ—къ намъ грядущихъ—Дней.
 Узнай же: глубина временъ безвѣстныхъ
 Надъ смертными двѣ Власти вознесла,
 Двухъ Геніевъ безсмертныхъ, повсемѣстныхъ,—
 Двумъ Духамъ равнымъ въ царство мѣръ дала;
 Когда возникли жизнь и мысль, въ ихъ зноѣ
 Ничто родило ихъ, Ничто пустое.

26.

«Надъ хаосомъ, у грани, въ этотъ мигъ,
 Стоялъ одинъ первѣйшій житель міра;
 Двухъ метеоровъ бурный споръ возникъ.
 Предъ нимъ, надъ бездной, въ пропастихъ зобра;
 Боролась съ Предразвѣтною Звѣздой
 Кровавая огнистая Комета,
 И, весь дрожа взволнованной душой,
 Слѣдилъ онъ за бореніемъ ихъ свѣта,
 Вдругъ ликъ Звѣзды въ потокъ былъ устремленъ,
 И тотчасъ же кровь брата пролилъ онъ.

27.

«Такъ зло возликовало; многоликій,
 Многоименный, мощный Геній зла
 Взялъ верхъ; непостижимо-сложный, дикій,
 Царилъ надъ міромъ: всюду встала мгла:
 Людей вчера родившееся племя
 Скиталось, проклиная боль и мракъ,
 И ненависти волочило бремя,
 Хуля добро,—а зла безсмертный врагъ
 Изъ звѣзднаго Змѣей сталъ полудимой,
 Съ звѣрями и съ людьми непримиримой.

28.

«Тотъ мракъ, что надъ зарею всѣхъ вещей
 Возсталъ, для Зла былъ жизнью и дыханьемъ;
 Высоко, между облачныхъ зыбей,
 Оно влетѣло тѣневымъ созданьемъ;
 А Духъ Добра великій ползати сталъ
 Среди людей, вездѣ встрѣчалъ проклятья,
 Никто добра отъ зла не отличалъ,
 Хоть клочки ихъ вошли во всѣ понятья,
 И значилъ на капищѣ, гдѣ злой
 Свирѣпый Демонъ властвовалъ толпой.

29.

«Неукротимый Духъ терзаній разныхъ,
 Чье имя—легионъ: Смерть, Мракъ, Зима,
 Нужда, Землетрясеніе, бичъ заразныхъ
 Болѣзней, Помѣшательство, Чума,
 Крылатые и блѣдные недуги,
 Змѣя въ цвѣтахъ, губительный самузь,
 И то, что поощряетъ ихъ услуги,—
 Страхъ, Ненависть, и Суевѣрный Умъ,
 И Тираниія, тонкой паутиной,
 И жизнь и смерть сплетаются въ адъ единый.

30.

«Онъ въ нихъ вошелъ, какъ мощь ихъ мрачныхъ силъ,
Они—его и слуги, и предтечи,
Во всемъ, отъ колыбели до могилъ,
Въ лучахъ, въ вѣтрахъ, и въ помыслахъ, и въ рѣчи,
Незримые; лишь иногда Коммаръ
Ихъ въ зеркалѣ эбеновомъ вздымаетъ,
Предъ деспотомъ, какъ духовъ темныхъ чаръ,
И каждый—образъ черный принимаетъ,
И сонмы бѣдъ они свершить снѣшатъ,
На время покидая нижній адъ.

31.

«На утрѣ міра, власть его слѣпая
Была какъ этотъ самый міръ тверда;
Но Духъ Добра, пучину покидая,
Змѣею всталъ, отпрянула вода,
Безформенная бездна отступила,
И съ Духомъ крови снова страшный бой
Возникъ, въ сердцахъ людей проснулась сила,
Надежды лучъ зажегся надъ толпой,
И Ужасъ, демонъ блѣдный и лукавый,
Покинулъ, вздрогнувъ, свой алтарь кровавый.

32.

«Тогда возникла Греція, чей свѣтъ
Возславленъ мудрецами и пѣвцами;
Имъ, спавшимъ въ долгой тьмѣ несчетныхъ лѣтъ,
Во снѣ являлись Геніи, съ крылами
Воздушно-золотыми,—и огнемъ,
Зажженнымъ, о, святая Власть, тобою,
Сердца ихъ наполнялись яркимъ днемъ;
Позднѣй, когда твой врагъ подъять былъ тьмою,
Надъ схваткою—ихъ свѣтъ благой свѣтиль,
Какъ свѣтитъ Рай надъ сумракомъ могилъ.

33.

«Таковъ тотъ бой:—когда, на гнетъ возставши,
Съ тиранами толпа ведетъ борьбу,—
Когда, какъ пламя молній заблеставши,
Умы людей на судъ зовутъ судьбу,—
Когда отродій гидры суевѣрья
Тѣснятъ сердца, уставшія отъ лжи,—
Когда свой страхъ, въ улыбкѣ лицемѣрья,
Скрываютъ притѣснители-ханжи—
Змѣя съ Орломъ тогда во мглѣ эогра
Встрѣчается—дрожать основы міра!

34.

«Ты видѣлъ эту схватку,—но, когда
Домой вернешься ты, пусть въ сердцѣ рана
Закроется, хоть велика бѣда;
Міръ, скажутъ, сталъ добычею тирана,
И онъ его пособникамъ своимъ
Въ награду хочетъ дать, дѣля на доли.—
Не бойся. Врагъ, чьимъ духомъ міръ гонимъ,
Когда-то всеобѣднѣй богъ неволнъ,
Теперь дрожитъ, схватился за вѣнецъ,
И видитъ, что идетъ къ нему конецъ.

35.

«Вниманье, странникъ. Я какъ ты—земная.
Коснись меня—не бойся—я не духъ!
Моя рука тепла, въ ней кровь людская,
Но рѣчью зачарую я твой слухъ.—
Ужъ много лѣтъ тому, какъ я впервые
Возжаждала тоскующей душой
Проникнуть мыслью въ тайны міровья,
И дрогнула надъ мукою чужой,
И мысль моя, надъ сномъ ребенка пѣжнымъ,
Была полна томленіемъ безбрежнымъ.

36.

«Вдали отъ всѣхъ людей, съ своей мечтой,
У моря, глубоко въ долину горной,
Я вольной и счастливой сиротой
Жила одна; кругомъ былъ лѣсъ узорный;
Въ грозу, во тьмѣ, блуждала въ чащѣ я,
Спокойна, когда гремѣли бури;
Но въ часъ, когда, въ усладѣ бытія,
Какъ будто былъ лучистый смѣхъ въ лазури,
Я плакала, въ восторгъ впадая вдругъ,
И трепетали пальцы сжатыхъ рукъ.

37.

«Предвѣстія моей судьбы—такія:
Предъ тѣмъ какъ сердце женщины въ груди
У дѣвушки забилось, неземныя
Оно вкусило знанья. Впереди
Просвѣтъ возникъ въ мечтаніяхъ. Съ кудрями
Сѣдыми, блѣдный юноша-поэтъ
Предъ смертью книги далъ мнѣ, и рѣчами
Безумными въ душѣ зажегъ онъ свѣтъ,
И, гость случайный, онъ во мнѣ оставилъ
Какъ будто вихрь стремлений, думъ и правилъ.

38.

Такъ я узнала повѣсть скорбныхъ дней,
Которую исторія вѣщаетъ,
Узнала, но не какъ толпа людей,
Изъ нихъ никто надъ нею не рыдаетъ;
Предъ Мудростью порвалась туча,—мгла
Скрывающая смертныя мученья;
Немногимъ вѣдомъ ликъ добра и зла,
Но я любила все огнемъ влеченья;
Когда же ключъ Надежды заблесталъ
Въ людскихъ умахъ,—мой духъ затрепеталъ.

39.

«Въ моей крови огонь зажегся новый,
Когда возстала Франція въ пыли,
Чтобы порвать тяжелыя оковы,
Сковавшія народы всей Земли;
Я вскрикнула въ восторгѣ безграничномъ,
Отъ своего вкочивши очага,
И крикомъ, какъ панѣвомъ гармоничнымъ,
Будила тучи, волны, и луга,
Они смѣялись всею силой свѣта;
Томленіемъ смѣшилась радость эта.

40.

«Безуміе панало на меня,
Грусть нѣжная и сонъ необходимый:—
Мои видѣнья были изъ огня,
И сонъ тѣней, сквозь мозгъ огнемъ гонимый,
Промчался, буря страсти пронеслась,
И глубь души спокойной стала снова,
Нѣжнѣй въ ней стала тьма, любовь зажглась,
Любила я—кого-то неземного!
Въ свое окно я глянула тогда,
Свѣтилась Предразсвѣтная Звѣзда.

41.

«Казалось мнѣ, что чей-то взоръ лучистый
Мнѣ свѣтитъ,—я глядѣла на нее,
Пока она не скрылась въ безднѣ мглистой
Средь волнъ, простершихъ царствіе свое;
Но духъ мой, воплотивъ весь міръ безбрежный
Въ одной мечтѣ, вишь яркую любовь
Изъ тѣхъ лучей, и этотъ образъ нѣжный—
Единый образъ—свѣтитъ вновь и вновь!
Какъ пышный день средь облачнаго дыма,
Въ моемъ умѣ Звѣзда неугасима.

42.

«Такъ день прошелъ; а въ ночь приснился мнѣ
 Какой-то призракъ сказочно-прекрасный,
 Онъ былъ какъ свѣтъ, что дышетъ въ вышинѣ,
 На тучахъ золотыхъ, въ лазури ясной;
 Съ Предутренней Звѣздою на челѣ,
 Онъ юношей крылатымъ мнѣ явился,
 Возникъ онъ опьяненнымъ въ сладкой мглѣ,
 И такъ дышалъ, такъ близко наклонился,
 Взглянулъ, къ губамъ прильнулъ, краснѣ и смѣлъ,
 И долгій поцѣлуй напечатлѣлъ.»

43.

«И молвила: «Любитъ Духъ тебя, о, дѣва,
 Какъ, смертная, достойна будешь ты?»
 Восторгъ и сонъ исчезли—какъ отъ гнѣва,
 Я грустнѣя лелѣла мечты,
 И къ берегу пошла, но, возрастая,
 Иной восторгъ возникъ, и мнѣ свѣтить,
 Онъ путь мой, точно въ чемъ-то убѣждая,
 Отъ берега морского отвратить;
 Казалось, голосъ Духа въ сердцѣ страстномъ
 Шепталъ, маня идти путемъ неяснымъ.»

44.

«Какъ въ городъ многолюдный я пришла,
 Который полемъ былъ для битвы священныхъ,—
 Какъ среди живыхъ и мертвыхъ я была
 Межъ злыхъ людей, межъ раненыхъ и плѣнныхъ,—
 Какъ я была за истину борцомъ
 И ангеломъ въ пещерѣ у дракона,—
 Какъ смѣло, не заботясь ни о чемъ,
 Я шла на смерть, не издавая стона,—
 И какъ вернулась я, когда погасъ
 Надежды лучъ,—то горестный рассказъ.»

45.

«Молчу. Скрываю слезъ порывъ бесплодный.
 Когда немного легче было мнѣ,
 Не стала я, какъ большинство, холодной;
 Тотъ Духъ, что я любила въ тишинѣ,
 Поддерживалъ меня; въ молчаньи ночи,
 Въ волнахъ, въ объятахъ бурей лѣсахъ,
 Я чувствовала любящія очи,
 И нѣжный зовъ; когда же въ Небесахъ
 Просторъ сияемъ звѣзднымъ зажегся,
 Я знала, это онъ свѣтло смѣялся.»

46.

Въ пустынныхъ долахъ, возлѣ мощныхъ рѣкъ,
 Во тьмѣ печей безлунныхъ я узнала
 Восторги, незабвенные вѣкъ,
 Всѣхъ словъ людскихъ, чтобъ ихъ повѣдать, мало;
 Чуть вспомню, и блѣднѣю:—скорбный крикъ,
 Чрезъ годы, разлучилъ меня со снами;
 На мнѣ покровъ таинственный возникъ,
 Незрими оны брошены были руками;
 И ярко предо мной зажглась Звѣзда—
 Змѣя съ своимъ врагомъ сошлась тогда.»

47.

«Ты значить съ ней сплелась однимъ стремленьемъ?
 Тебѣ Змѣя», спросилъ я, «не страшна?»
 «Страшна?» она вскричала съ изумленьемъ,
 И смолкла. Воцарилась тишина.
 Я глянула. Мы неслись въ пустынѣ міра,
 Какъ облако межъ небомъ и волной;
 Цѣнь снѣжныхъ горъ, какъ будто изъ сафира,
 Вдымалась тамъ, далеко, подъ луной,
 Весь горизонтъ обнявъ своей каймою;
 Мы плыли къ нимъ теперь надъ глубиною.»

48.

Отъ быстроты въ безмятество тогда
 Я внял; проснулся—музыкой разбуженъ:
 Мы океанъ проплыли, что всегда
 Вкругъ полюса шумитъ, и съ вѣтромъ дружень,—
 Природы отдаленнѣйшей предѣль.
 Мы плыли по равнинѣ водъ лазурной,
 Оплотъ эвпрныхъ горъ кругомъ блестятъ,
 Въ срединѣ Храмъ стоялъ, въ тиши безбурной,
 Грядую изумрудныхъ острововъ
 Окутанъ въ зыбкой мглѣ морскихъ валовъ.

49.

Еще ни разу смертною рукою
 Такой не воздвигался дивный Храмъ,
 Вмелѣянъ не былъ грезю людскою;
 Онъ былъ во всемъ подобенъ Небесамъ,
 Когда по зыби западнаго ската
 Еще плыветъ пурпуровый потокъ,
 И мѣсяцъ между свѣтлыхъ тучъ заката
 Готовъ поднять серебряный свой рогъ,
 И звѣзды, обольстительно-безмолвны,
 Глядятъ съ небесъ на мраморныя волны.

50.

Лишь Геній, устремляя свѣтлый взоръ
 На свой очагъ, среди пустынь Вселенной,
 Увидѣть могъ огромный тотъ соборъ,
 Въ мечтѣ, въ глубинахъ мысли сокровенной.
 Но ни ваянье, ни могучій стихъ,
 Ни живопись, не въ силахъ смертнымъ чувствамъ
 Понятыя дать о тайнахъ міровыхъ,
 Что неземнымъ сокрыты здѣсь искусствомъ:—
 Такъ этотъ непостижно-сложный видъ
 Стѣсняетъ грудь и разумъ тяготитъ.

51.

Межъ островковъ зеленыхъ проскользая,
 Изъ чьихъ лѣсовъ глядѣли вглубь цвѣты,
 Ладья пристала къ лѣстницѣ. Мелькая,
 Ступени нисходили съ высоты
 До самыхъ волнъ; въ воздушную громаду
 Черезъ высокій мы прошли порталъ,
 Сводъ входа,—радость жаждущему взгляду,—
 Изъ луннаго былъ камня и блистать
 На изваянъ, вставннй предъ нами,
 Какъ жизнь, какъ мысль, съ глубокими глазами.

52.

Мы въ залъ вошли; высокій потолокъ,
 Изъ брилліанта, весь былъ озаренный,
 Но глазъ глядѣть безъ напряженія могъ,
 Блескъ этихъ молній нѣгой жилъ смягченной,—
 Какъ будто въ сводѣ—тучъ была волна,
 И въ этой мягкой мглѣ, плѣвныя взоры,
 Видѣлся въ кругѣ кругъ, съ луной луна,
 Созвѣздія, планеты, метеоры,—
 На черныя колонны опершись,
 Какъ будто небосводъ спускался внизъ!

53.

Далеко лабиринтные придѣлы
 Шли между этихъ призрачныхъ колоннъ,
 Въ своихъ извилахъ радостны и смѣлы,—
 И Храмъ (силъ весь, какъ Небо, озаренъ;
 На яшмовыхъ стѣнахъ блистали нѣжно
 Картины, зачаровывая глазъ,
 Въ нихъ повѣсть Духа зыблилась безбрежно,
 Божественный и пламенный разсказъ;
 То Геній, въ своей крылатой пляскѣ,
 Сплелъ стихійно ткань волшебной сказки.

54.

Великіе, что были межъ людей,
 Сидѣли на престолахъ изъ сафира
 Вышу; Совѣтъ могучій:—свѣтъ кудрей
 У нихъ свѣтился кротко нѣгой мира;
 И женщины, въ чьихъ жестахъ умъ дышалъ,
 И юноши горячіе, и дѣти;
 У нѣкоторыхъ лиры, лучъ блисталь
 На тѣхъ струнахъ, мерцавшихъ въ мягкомъ свѣтѣ;
 И въ воздухѣ хрустальномъ тихій звонъ
 Былъ каждый мигъ мерцаемъ струнъ рождень.

55.

Одно сидѣнье было тамъ пустое;
 На пирамидѣ, точно изъ огня,
 Въ изваянномъ оно свѣтилось зноѣ;
 Чуть Женщина вошла въ тотъ залъ,—стена,
 Назвавши Духа, вдругъ она упала,
 И медленно сокрылася изъ глазъ.
 И мракъ на мѣстѣ томъ возникъ средь зала,
 Онъ занялъ все, и слитный свѣтъ погасъ,
 Тотъ мракъ ушелъ къ краямъ и къ средоточью,
 И Храмъ былъ скрытъ непостижимой ночью.

56.

Тогда на аметистовомъ полу
 Два огонька зажглись; кружась, мерца,
 Змѣинные глаза пронзали мглу;
 Какъ метеоръ—надъ рѣчкой пробѣгая,
 Все шли кругомъ, кругомъ, и все росли,
 Потомъ слились, блеснули какъ планета,
 И облако нависшее зажгли
 Сіянемъ побѣдительнаго свѣта,
 Пронзили тѣнь, которой былъ смущенъ
 Возникшій на огнѣ хрустальный тронъ.

57.

Подъ тучею, тѣмъ свѣтомъ раздѣленной,
 Сидѣлъ Безвѣстный; нѣтъ, ни сномъ мечты,
 Ни мыслями, ни рѣчью изступленной
 Не расскажу его я красоты;
 Воздушной теплотой очарованья,
 Какъ розоватой нѣжностью огня,
 Онъ оживлялъ и Храмъ, и изваянья,
 И всѣхъ сидѣвшихъ въ Храмѣ, и меня;
 Онъ пышетъ былъ, но кротокъ, какъ мечтанье,
 Спокоенъ, но исполненъ состраданья.

58.

На мигъ въ моихъ глазахъ померкнулъ свѣтъ,
 Настолько былъ я полонъ изумленья,
 Но кто-то мигъ, какъ бы тая привѣтъ,
 Далъ руку, и сверкнулъ какъ утѣшенье
 Взглядъ синнихъ глазъ—и кто-то мигъ сказалъ:
 «Сегодня только слѣшай, будь безгласнымъ.
 Въ мірскомъ бурунѣ смолкъ гремучій валь,
 Два мощныхъ Духа къ намъ предвѣстемъ яснымъ
 Явились, чтобъ открыть Надежды рай.
 Людская власть сильна. Учись, внимай!»

59.

Я посмотрѣлъ, и вотъ! передо мною
 Стоялъ Одинъ; глубоко былъ темный взоръ,
 Чело сіяло, какъ горять весною
 И Небо, и Земля, и выси горъ,
 Движенія его въ отвѣтъ слагались
 Его проникновенному уму,
 Черты подъ властью мысли озарялись,
 Владыкѣ повинуюсь своему,
 Изъ устъ полураскрытыхъ, съ силой жгучей,
 Лилася рѣчь, какъ нѣкій ключъ кипучій.

60.

Такъ въ темнотѣ распущенныхъ кудрей
Стоялъ онъ тѣнью свѣтлою, а рядомъ
Другая тѣнь была, свѣтлѣй, лѣтлѣй:
Взявъ за руку его, лучистымъ взглядомъ
Она сливалась съ нимъ; по этихъ глазъ
Никто другой не видѣлъ; подъ покровомъ
Вся красота ея, едва свѣтлѣя,
Манила взоръ очарованьемъ новымъ:—
Воспоминанья встали въ немъ волной,
И такъ въ тиши разсказъ онъ началъ свой.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

1.

Улыбки свѣтозарныя ребенка,
Взглядъ женщины, грудь, вскормившая меня,
Немолчный звукъ ручьевъ, поющихъ звонко,
Зеленый свѣтъ измѣчиваго дня,
Глядящаго сквозь виноградъ сплетенный,
Свѣтъ раковинъ морскихъ среди песка,
Цвѣты лѣсные, лучъ лампы сонной,
Среди стропиль идущій съ потолка,—
Вотъ, въ утро жизни, звуки и видѣнья,
Питавшіе мое воображенье.

2.

Они во мнѣ сложились въ нѣжный свѣтъ,
Тамъ, въ Арголидѣ ласковой, у моря;
Какъ знакъ отъ тѣхъ, которыхъ больше нѣтъ,
Я помню ихъ;—но вскорѣ, съ ними споря,
Другіе къ нимъ на смѣну подошли,
Миръ прошлаго, тѣ мысли и дѣянья,
Что временемъ быть стерты не могли,
И темныя старинныя преданья,

Откуда, сусвѣрьямъ давъ ростокъ,
Въ умы течеть отравленный потокъ.

3.

Я слушалъ, какъ и всѣ, легенду жизни,
И плакалъ съ огорченіемъ надъ ней.
Среди кого я былъ въ моей отчизнѣ?
Историки ея постыдныхъ дней,
Разсказчики надеждъ и опасенья,
Рабы и слуги Гнета грубыхъ силъ,
Что въ лѣтописи тоски и униженья
Страницу ежедневно заносилъ,
Рабы того, кто гвалъ ихъ, ненавидѣлъ,—
Такія тѣни въ юности я видѣлъ.

4.

Въ моей странѣ, какъ дикая чума,
Власть деспотовъ свирѣпая царила.
Въ кошониі обратились дома,
Для вольныхъ мыслей каждый дома—могила.
Убивши стыдъ въ разнузданныхъ сердцахъ,
Съ тираномъ рабъ въ Безпутствѣ состязался,
Смѣшались вождельніе и страхъ,
И дружескій союзъ образовался;
Такъ двѣ змѣи, въ пыли сиплетая, глядятъ,
И путникамъ уготовляютъ ядъ.

5.

Земля, пріютъ нашъ свѣтлый, волны, горы,
Воздушныя видѣнья, что висятъ
Въ лазури, для Земли плети узоры,
Ничей не зачаровывали взгляды,
Никто не видѣлъ тучекъ, порожденья
Морей и Солнца, нѣжно не слѣдилъ

Воздушныхъ красокъ мягкое снлетенье;
 Въ сердцахъ у всѣхъ быть душный мракъ могилъ;
 Лучи стремить блистательныя стрѣлы,
 Но видать ихъ лишь тѣ, что духомъ смѣлы.

6.

Приютъ счастливыхъ духовъ, міръ живой,
 Для всѣхъ моихъ быть мрачною тюрьмою;
 Хоть жалкихъ крохъ—искалъ несчастный рои,
 Терзаемый бѣдой своей слѣпою,
 Но лишь темнѣ находилъ тюрьму,
 Еще, другія цѣпи, тяжелѣе;
 Проваль зѣяль, и росъ, идя во тьму,
 Предъ взоромъ жадной пропастью чернѣя,
 А сзади Страхъ и Время, въ перебой,
 Несли корабль съ кричающею толпой.

7.

И создали Бѣда и Преступленья
 Изъ океанскихъ выбросковъ свой домъ,
 Жилы тревожной мысли; привидѣнья
 Туда, сюда, на берегу морскомъ,
 Блуждаютъ; и они, тѣней пугаясь,
 Шептать молитвы стали; тѣ мольбы,
 Изъ устъ въ уста вошли, и, повторяясь,
 Вѣщали: жизнь—тюрьма! мы всѣ—рабы!
 И этотъ міръ, прекрасный и безбрежный,
 Пустыней сталъ, ничтожной, безнадежной!

8.

Въ цѣняхъ томилась всѣ: тиранъ и рабъ,
 Душа и тѣло, жертва и мучитель,
 Былъ каждый предъ единой Властью слабъ,
 Надъ каждымъ былъ незримый притѣснитель;
 Свою свободу дьяволу отдавъ,

Кровавые моленія слагая,
 Для демонскихъ насмѣшекъ и забавъ—
 Они бросались въ прахъ, изнемогая,
 И паутиной въ капищахъ, кругомъ,
 Плелся обманъ, рождаемый умомъ.

9.

Въ узоры жизни я пытливымъ взоромъ
 Проникъ, и въ сердцѣ опытъ записалъ;
 Но изъ умѣшекъ тѣхъ, кто жилъ позоромъ,
 Изъ блѣдности того, кто голодь зналъ,
 Изъ той тоски, которая терзаетъ
 Лишившуюся дѣтской ласки мать,
 Изъ сердца, что въ борьбѣ горитъ и таетъ,
 Собралъ я много нищцъ, чтобъ питать
 Толпу неукротимую, живую,—
 Мои мечты, ихъ силу роковую.

10.

Среди руинъ давно отшедшихъ дней,
 Внимая, какъ шумитъ и стонетъ море,
 Бродилъ я; первый слабый свѣтъ лучей
 Луны всходящей жилъ въ нѣмомъ просторѣ,
 Гдѣ между тучъ, одна, плѣняла взоръ
 На Сѣверѣ, воздушная планета,
 Едва свѣти на выси темныхъ горъ,—
 И сумерками блѣдными одѣта,
 Какъ бы росла толпа колоннъ, могилъ,
 И вѣтеръ, мчась, въ нихъ вѣчный стоить будиль.

11.

Кто создалъ ихъ, невѣдомо мнѣ было,
 Что дѣлали они, не вѣдалъ я,
 Но раса тѣхъ, въ комъ чувствовалась сила,
 Кто былъ не грубымъ въ сказкѣ бытія,

Въ жилищахъ, въ саркофагахъ оставляетъ
Краснорѣчивый, полный тайнъ, языкъ.
И кто пытливъ, его онъ понимаетъ;
Въ лучахъ луны и я въ него проникъ,
Межъ тѣмъ какъ Небо надъ безгласной бездной
Являло мнѣ какъ бы толковникъ звѣздный.

12.

Такимъ былъ человекъ, и долженъ вновь
Такимъ быть,—о, мудрѣй, сильнѣй, нѣжнѣе,
Чѣмъ тѣ, что, въ сердцѣ чувствуя любовь,
Тотъ храмъ воздвигли, мощь свою лелѣя!
Я чувствовалъ, какъ водопадъ вѣковъ
Стремилъ мои текуція мечтанья,
И сердце билось,—мнилось, зовъ вѣтровъ
Рождался въ свѣтѣ луннаго сіянья,
И духъ мой, въ блескѣ истины святой,
Летѣлъ впередъ съ надеждой молодой.

13.

О, слишкомъ долго, въ сумракѣ могилы,
Сыны могучихъ предковъ, спали вы!—
У Правды, у Надежды мощны силы,
Проснитесь, встаньте, гордые, какъ львы!
И троны притѣснителей предъ вами,
Услышавши стремительный вашъ бѣгъ,
Падутъ во прахъ, и свѣжими вѣтрами
Тотъ жалкій прахъ развеется навѣкъ,
И Идолъ, убѣждавшій васъ къ безсилью,
Развѣется неуловимой пылью!

14.

Такъ быть должно—я встану, подниму
Дремотную толпу,—вулканомъ сѣрнымъ
Гоня снѣга вѣковъ, пронзая тьму,

Она огнемъ зажжется безпримѣрнымъ:
Такъ быть должно, въ томъ разума законъ,
Такъ будетъ!—и во тьмѣ землетрясенья
Кто жъ можетъ твердымъ быть, какъ не Лаонъ?
Кто вражеское сдержитъ нападенье?
Въ пустынѣ гордой Вольности, во мглѣ,
Онъ мраморная баня на скалѣ!

15.

Разъ ночью, лѣтомъ, радость той надежды
Лелѣялъ я, среди сѣдыхъ руинъ,
И звѣздныя свѣтло дрожали вѣжды;
Съ тѣхъ поръ всегда, въ толпѣ или одинъ,
Въ видѣннѣхъ или во снѣ, въ сіяньи свѣта
И въ темнотѣ ночной, всегда, вездѣ,
Мнѣ радостно горитъ надежда эта,
Подобная блистательной звѣздѣ,
Гдѣ бы ни былъ я, она идетъ со мною,
Въ глухихъ горахъ, и надъ морской волною.

16.

Моя душа нашла въ себѣ слова,
Чтобы связать съ собою нѣжнымъ свѣтомъ
Всѣхъ тѣхъ, въ комъ жизнь вѣстину жива,
Кто обмѣняться могъ со мной привѣтомъ;
И какъ пылаетъ утреннѣй туманъ,
Дождавшись съ солнцемъ столь желанной встрѣчи,
Такъ въ часъ, когда мой духъ былъ осиянъ,
Мои горѣли мысли въ свѣтѣ рѣчи:
И всѣ, къ кому струилъ я блескъ ума,
Свѣтлѣли, и въ сердцахъ рѣдѣла тьма.

17.

И часто думалъ я, что вижу брата,
У многихъ увлажнялся свѣтлымъ взоръ,

Когда душа другихъ, огнемъ объята,
 Въ свои мечты влетала мой узоръ,
 Я чувствовалъ, что рѣчь мою они слышатъ,
 Вонъ тотъ, и тотъ, и вотъ еще другой,
 Я слышалъ, грудь взволнованная дышитъ,
 И все мы дѣти матери одной;
 И точно,—такъ намъ будни представлялись,—
 Мы къ скорби отъ блаженства просыпались.

18.

Да, часто, между тѣмъ какъ вечеръ гасъ,
 Близи тѣхъ руинъ, сѣдѣвшихъ надъ волнами,
 Лаонъ и другъ его, въ прозрачный часъ,
 Мѣнялись высокими словами,
 А между тѣмъ, свистя, шума вокругъ,
 Въ пещеры блились бѣшенныя волны;
 Увы, невѣрнымъ былъ тотъ лживый другъ,
 И умъ его, людскихъ обмановъ полный,
 Могъ ложными сяньями горѣть,
 Могъ брату плестъ предательскую сѣть.

19.

И я такой постигнуть былъ тоскою,
 Что, если бъ не великій помысль мой,
 Я ринулся бы къ вѣчному покою,
 Я слился бы съ недумоющей тьмой;
 Безъ ласковой улыбки, безъ привѣта,
 Быть одному среди людскихъ пустынь,
 Какъ тягостна для сердца пытка эта;
 Но я не позабылъ своихъ святыхъ,
 Стараясь разогнать туманъ печали,
 Тѣ облака, что мудрость заслоняли.

20.

Съ безсмертными умами, что узоръ
 Сянья оставляютъ за собою,

Моя душа вступила въ разговоръ;
 И, усладясь бесѣдою такою,
 Я выковалъ оружье мощныхъ словъ,
 Чтобъ защищать высокія усилія,
 Броней они для яркихъ стали snowъ,
 Мечты раскрыли искристыя крылья,
 Но юный вѣстникъ истины, Лаонъ,
 Былъ не одинъ той правдой осѣненъ.

21.

Сестру любилъ я, съ свѣтлыми глазами,
 Подобными огню полярныхъ звѣздъ;
 И ни къ кому подъ всеми Небесами
 Моя мечта не бросила бы мостъ;
 Я шелъ куда-нибудь, но взоры эти
 Меня всегда къ себѣ назадъ влекли;
 И вотъ когда все было въ цѣломъ свѣтѣ
 Такъ холодно,—когда друзья ушли,
 Забывъ о всѣхъ, о, Цитна, лишь съ тобою
 Сливался я улыбкой и тоскою.

22.

Чѣмъ ты была въ далекіе тѣ дни?
 Ребенкомъ, неземнымъ, совѣмъ невиннымъ;
 Хоть въ помыслахъ уже зажглись огни,
 И съ этимъ міромъ, дикимъ и пустыннымъ,
 Во внутренней ужъ ты вступила бой,
 И иногда лучистый блескъ алмаза
 Въ твоихъ глазахъ туманился слезой,
 Отъ грезы, отъ печальныхъ словъ разказа,
 Или отъ словъ, чья страсть и чей привѣтъ
 Въ ихъ глубинѣ зажгли свой бѣглый свѣтъ.

23.

Она была как и́жкое видѣнье
 На этой утомительной Землѣ,
 Въ себѣ самой таи все побужденья,—
 Какъ облачко, что утромъ, въ свѣтлой мглѣ,
 Блуждаетъ безъ слѣда по безднѣ синей,
 И, возрастая въ и́жкой красотѣ,
 Усладою возникнетъ надъ пустыней;
 Свою мечту стреми къ моей мечтѣ,
 По зыби жизни, въ часъ отдохновенья,
 Шла эта тѣнь безсмертнаго видѣнья.

24.

Она была мнѣ какъ моя же тѣнь,
 Другое я, но лучше и и́жкѣе;
 Она зажгла непогасимый день
 Среди крутыхъ обрывовъ, гдѣ, чернѣя,
 Все темное, людское, въ цѣнь сплелось,
 Гдѣ я одинъ во тьмѣ былъ,—и покуда
 Липнеться всехъ друзей мнѣ не пришлось,
 Еще не зналъ я, что такое чудо
 Взамѣну той утраты мнѣ дано,
 Что сердцу съ сердцемъ слиться суждено.

25.

Цвѣтокъ прелестный, выросшій на камнѣ,
 Ребенокъ, жившій лишь двѣнадцать лѣтъ,
 И раньше дорога она была мнѣ,
 Теперь же въ ней замкнулся цѣлый свѣтъ;
 Товарищъ мой единственный, со мною
 Она охотно шла впередъ, туда,
 Гдѣ Океанъ встрѣчается съ Землею,
 Гдѣ въ горы бьетъ вспѣнная вода,
 И въ глушь густыхъ вѣтвей, въ лѣсные доли,
 Гдѣ ароматы и гдѣ ручей веселый.

26.

Такъ радостно мы шли, рука съ рукой,
 И счастливы были прикосновеньемъ и́жкнымъ,
 И все мѣста, въ странѣ моей родной,
 Я обнимала стремленіемъ безбрежнымъ,
 Все памятки прошлыхъ славныхъ дней
 Я озираю сочувствующимъ взглядомъ,
 А Цитра, и́жкий свѣтъ души моей,
 Была со мною въ тѣ мгновенья рядомъ,
 И взоръ ее какъ будто убѣждать,
 Чтобъ я душой тѣхъ мѣсть не покидала.

27.

Ни днемъ, ни ночью мы не разлучались,
 Насъ только разлучалъ короткій сонъ;
 И если волны моря чуть качались,
 И воздухъ былъ затишемъ напоенъ,
 У самыхъ волнъ, въ полуденномъ покоѣ,
 Она дремала на моихъ рукахъ,
 Надъ нами было Небо голубое,
 И мысль ее скользила въ разныхъ снахъ,
 То въ грусти, то въ лучахъ душа куналась,
 И плакала она и улыбалась.

28.

И иногда, въ своемъ воздушномъ снѣ,
 «Лаонъ» она шептала, и, вставая,—
 Какъ птичка, въ часъ заката, въ тишинѣ,
 Внезапнымъ и́жьемъ воздухъ наполняя,
 Летитъ,—сестра и спутница моя
 Надъ моремъ и́ла свѣтлый гимнъ Свободы,
 Который, полный страсти, создалъ я,—
 И мнилось, все внимало ей въ природѣ;
 Какъ и́жкий духъ, въ порывѣ торжества,
 Она роняла звонкія слова.

29.

И бѣня ея мерцали руки
 Сквозь темную волну ея волосъ.
 О, какъ вшивалъ я сердцемъ эти звуки!
 То упованье, что во мнѣ зажглось,
 И выразилось въ пѣснѣ этой стройной,
 Казалось мнѣ возвышеннымъ, когда
 Она, смолкая, дѣлалась спокойной,
 И духъ ея скользилъ туда, туда,
 Уйдя изъ глазъ глубокихъ въ отдаленье,
 На крыльяхъ моего, ея видѣнья.

30.

Предъ тѣмъ какъ Цитнѣ отдать я его,
 Рой мыслей въ нескончаемой вселенной
 Я создалъ изъ стремленья своего,
 Чтобъ духъ людской, въ глубокомъ мракѣ плѣнный,
 Освободить отъ тягостныхъ цѣпей:—
 Подвластными я сдѣлать все предметы
 Для пѣсни героической моей,
 Просторъ морской, и Землю, и планеты,
 Судьбу и жизнь, и все, что въ дивный строй
 Сливаются миръ, встающій предъ душой.

31.

И Цитна поняла порывъ могучій,
 Усиливши, взяла его въ себя,
 Какъ бѣлизна растущей въ небѣ тучи
 Вбираетъ вѣтеръ, гулъ грозы любя;
 Все помыслы мои, предъ тѣмъ какъ свѣтомъ
 И музыкой зажглись, горѣли въ ней,
 Ея лицо сіяло мнѣ привѣтомъ,
 И блѣдностью, серьезностью своей
 Она со мной безгласно говорила,
 Въ моемъ лицѣ за сномъ моимъ слѣдила.

32.

Въ моей душѣ сильнѣй зажегся пылъ
 Отъ единенья съ этой чистотой,
 Въ ея умѣ мой разумъ мнѣ свѣтилъ,
 Не тщетно мы надъ участью людскою
 Съ ней размышляли,—мудрость возрела:
 О, Цитна, духъ и кроткій, и могучій!
 Безъ страха боли, смерти, или зла,
 Но вѣжности исполненная жгучей,
 Она была какъ ясный дѣтскій сонъ,
 Но геній былъ въ ребенкѣ заключенъ!

33.

То знанье было новымъ: возрастъ старый,
 Съ легендой несущественныхъ вещей,
 Ничто; онъ разогнать не въ силахъ чары
 На жизнь души брошенныхъ цѣпей,
 Душа всегда раскрыть стремится крылья,
 Но старость ледяная холодна,
 Исполнена насмѣшки и безсилья,
 Невольнической жесткости полна,
 И человекъ смѣется, рабъ избитый,
 Надъ той могилой, гдѣ надежды скрыты.

34.

Нѣтъ, не суровымъ миръ принадлежитъ,
 Такъ Цитна въ чуткомъ снѣ мнѣ возвѣстила,
 Не сознавая, что за власть лежитъ
 Въ такихъ словахъ, какая въ этомъ сила;
 Пока она въ спокойствіи спала,
 Моя душа задумалась тревожно:
 Надъ вѣстниками правды духи зла
 Владычествуютъ,—какъ это возможно?
 И вотъ, въ краснорѣчивомъ полуснѣ,
 Она дала отвѣтъ желанный мнѣ.

35.

Тотъ нѣжный обликъ, женскій умъ, невинный,
 Въ себя совѣмъ не воспринявшій ядъ,
 Которымъ такъ отравленъ мѣръ пустынный,
 Былъ мой очагъ, лелѣявшій мой взглядъ;
 Увы, родной Земли другія дѣти,
 Съ природной красотой разлучены,
 Подвластны Злу, въ его попали сѣти,
 Позорные его лелѣютъ сны,
 И служить всѣмъ его увеселеньямъ,
 И дышать, наконецъ, легко—преарфнѣемъ.

36.

Я чувствовала лишь холодно позоръ
 Такой бѣды; но съ Цитной я сдружился,
 И болѣе широкимъ съ этихъ поръ
 Сочувствіемъ мой разумъ озарился;
 Не разъ о томъ скоробѣли вмѣстѣ мы,
 Что половина всей людской пустыни—
 Орудья вождѣлннй, жертвы тьмы,
 Невольницы въ тюрьмѣ, рабовъ рабыни:
 На кладбищѣ убитыхъ юныхъ силъ
 Гѣна-страсть хохочетъ межъ могилъ.

37.

Въ ея лицѣ огонь горѣлъ, сверкая,
 При мысли о позорности такой.
 И я сказала: «О, Цитна дорогая,
 Я вижу, ты вступаешь съ міромъ въ бой;
 Пока мужчина съ женщиной не встрѣтятъ
 Домашній миръ, свободны и равны,
 Взоръ челоѣка свѣта не замѣтитъ;
 Оковы быть разрушены должны,—
 Тогда придетъ восторгъ освобожденья.»—
 И вспыхнулъ взоръ у ней отъ восхищенья.

38.

Съ серьезностью сказала мнѣ она:
 «Лаонъ, мнѣ надлежитъ задача эта,
 Съ умовъ счастливыхъ женщинъ—злого сна
 Стряхну я гнетъ, и, полныя привѣта,
 Мы, вольныя, толпою молодой,
 Придемъ къ тебѣ, лучисты будутъ взгляды,
 И окружатъ весь Городъ Золотой
 Свободныя живыя мнрады.»—
 Она меня за шею обняла,
 И трепетный во мнѣ отвѣтъ нашла.

39.

Я улыбулся, и хранилъ молчанье.—
 «Зачѣмъ ты улыбаешься, Лаонъ?»
 Сказала Цитна. «Пусть мои мечтанья
 Неопытны, и пусть мой духъ смущенъ,
 И я блѣднѣть могу, но, не робѣя,
 Коль хочешь, на тирановъ я пойду.
 И было бы гораздо мнѣ труднѣе
 Въ позорѣ жить, томиться какъ въ бреду,
 Съ мѣстами, сердцу милыми, разстаться,
 И, другъ родной, съ тобою не видаться.

40.

«Какъ сдѣлалась такую я, Лаонъ?
 Ты знаешь, какъ ребенокъ можетъ смѣло
 На мѣръ взглянуть. Ты властью надбленъ,
 И на тебя я походитъ хотѣла,
 Чтобъ сдѣлаться свободной и доброй;
 Но тамъ, вдали за темнымъ Океаномъ,
 Есть многія какъ бы съ душой моею,
 Хотя они окованы обманомъ;
 Когда они, какъ я, въ твой глянуть взоръ,
 Они отвергнутъ смѣло свой позоръ.

41.

«Иль словъ я не найду, полна боязни,
И холодны пребудутъ всё вокругъ?
Однажды, помню, присужденный къ казни,
Невольникъ спасся тѣмъ, что слылъ онъ вдругъ
Ту пѣсню, что судья любилъ когда-то.—
Такъ точно всё, услышавши меня,
Смигнутся; и, въ другомъ увидѣвъ брата,
Заплачутъ каждый; полныя огня,
Сердца забьются, въ волѣ непреклонной,
Чтобъ этотъ мѣръ возсталъ—преображенный!

42.

«Да, въ злотые я дворцы войду,
И въ хижины, и въ душевные подвалы,
Гдѣ женщина живетъ въ больномъ бреду,
И рядомъ съ ней тиранъ ея усталый;
Тамъ музыкой твоихъ волшебныхъ чаръ
Освобожу тоскующихъ и пѣвниныхъ,
И будетъ молодъ тотъ, кто былъ такъ старъ;
Твой духъ, что тайнъ исполненъ сокровенныхъ,
Черезъ меня какъ солнце будетъ имъ,
И въ знаньи скорбь разсѣется, какъ дымъ.

43.

«Какъ человѣкъ способенъ быть свободнымъ,
Когда съ нимъ рядомъ женщина-раба?
Кто воздухомъ дышетъ благороднымъ,
Когда вокругъ гниющие гроба?
Какъ могутъ тѣ, чьи спутники суть твари,
Возстать на тѣхъ, кто ихъ гнететъ весь вѣкъ?
Въ позорномъ нескончаемомъ кошмарѣ
Живетъ, Обманомъ скованъ, человѣкъ;
Своихъ сестеръ позорятъ ихъ же братья,
И женщина—насмѣшка и проклятье.

44.

«Да, я еще ребенокъ, но идти
Мнѣ нужно, хоть остаться я желала бѣ.
На мой огонь, на жизненомъ пути,
Толпы рабовъ, забывъ стenanя жалобъ,
Придутъ изъ темныхъ тюремъ, онцутинъ,
Что съ членовъ ихъ спадаетъ одряхлѣлость:
О, да, могучь души моей порывъ,
Никто мою не поколеблетъ смѣлость,
На дѣтяхъ правды—свѣтлая печаль,
Ее увидя, Ложь должна молчать.

45.

«Еще помедли. Должный день настанетъ,
Уѣдешь ты, я съ берега взгляну,
Какъ нарусь твой изъ отдаленья глянеть,
Какъ ты прорѣжешь синюю волну;
И я скажу: вотъ я одна отнынѣ.
А ты надъ міромъ зовь свой возгласишь,
И миллионы, какъ пески въ пустыни,
Къ тебѣ придутъ, ты ихъ соединишь,
Ты будешь имъ какъ свѣтъ освобожденья,
Ты будешь ихъ восторгъ и возрожденье.

46.

«Тогда, какъ лѣсъ, что между горъ, высокъ,
И вотъ объятъ пожаромъ разъяреннымъ,
Настолько, что обширѣйшій потокъ
Подобенъ былъ бы каплямъ полусоннымъ,—
Изъ нашихъ сочетавшихся умовъ
Возникнетъ искра, зло сожжетъ всецѣло;
И Цитна, какъ ненужный гнетъ оковъ,
Младенчество свое отброситъ смѣло,
Направитъ въ мѣръ людей шаги свои,
Какъ птичка мчится прямо въ пасть змѣи.

47.

«Разлука ждёт насъ.—О, Лаонъ, могла ли
 Я думать, что разстанусь я съ тобой!—
 О, братъ моей души, такой печали
 Почти не принимаетъ разумъ мой!»—
 Рыданья мнѣ сказали, какъ ей больно,
 Она, дрожа, прижалася ко мнѣ,
 И я молчалъ, и плакалъ я невольно.
 Вдругъ, точно тотъ, кто былъ въ глубокомъ снѣ,
 Она со мной объятіемъ сомкнулась,
 И страстно такъ, и бурно содрогнулась.

48.

«Мы встрѣтимся—разлукѣ есть конецъ,
 Для насъ придетъ блаженная минута,
 Не въ нѣжной ласкѣ двухъ родныхъ сердецъ,—
 Въ пустой Лазури нѣтъ для насъ пріюта,—
 И не въ могилѣ встрѣтимся мы,—въ ней,
 Я думаю, мы встрѣтимъ лишь забвенье;—
 Мы встрѣтимся опять въ умахъ людей,
 Что скажутъ намъ свое благословенье,
 И свѣтъ нашъ сохранять въ своихъ сердцахъ,
 Когда вотъ это тѣло будетъ прахъ.»

49.

Я говорить не могъ, ея волненье
 Отхлынуло, смягчились черты,
 Вспѣнный токъ прервалъ свое теченье;
 При свѣтѣ звѣздъ сошли мы съ высоты,
 Безъ слезъ, безъ словъ домой свой путь свершили,
 Но оба были блѣдны, страсть была
 Внутри, въ душѣ, какъ вспышки звѣздной пыли,
 Чей свѣтъ смягчаетъ облачная мгла;
 И въ разставаньи, хоть мечтою слиты,
 Некали другъ отъ друга мы зацѣпты.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

1.

Какія мысли въ эту ночь во снѣ
 Моей сестры возникли я не знаю;
 Но тысячи вѣковъ приснились мнѣ,
 И мнилось, я не сплю, я ихъ считаю,
 Въ душѣ потокъ возникъ изъ темноты,
 Безбрежный хаосъ буйствовалъ въ туманѣ,
 Еще ничьи не вѣдали мечты
 Подобныхъ волнъ, безъ отдыха, безъ грани:
 И я глядѣлъ на тотъ бурунъ вокругъ,
 То восхищень, то весь исполненъ мукъ.

2.

Такъ два часа промчались, кругомъ властнымъ
 Обнявши продолжительнѣ срокъ,
 Чѣмъ тотъ, что міръ, въ младенчествѣ прекрасномъ,
 Сѣдымъ и престарѣлымъ сдѣлать могъ;
 Когда жъ они своей коснулись мѣры
 И третій часъ насталъ, возникла тѣнь;
 Принилось мнѣ, что съ Цитной у пещеры
 Служу я; намъ сіяетъ ясный день,
 Брионія цвѣтеть, струится воды,
 И мы вкушаемъ радости Природы.

3.

Мы жили какъ всегда, но былъ нашъ взглядъ
 Сильнѣе всѣмъ, что видѣлъ онъ, пригованъ;
 Весь міръ одѣлся въ праздничный нарядъ,
 Свѣтлѣ воздухъ былъ, и замарованъ
 Казался камень, свѣжіе листы
 Нѣжныѣ, чѣмъ имъ можно, трепетали,—

И въ лицѣ Цитны ясныя черты
Такъ радостно, такъ сказочно блистали.
Что, если раньше я ее любилъ,
Теперь объять я агоніей-былъ.

4.

За утромъ полдень, вечеръ, ночь нѣмая,
Взошла луна, и мы за мигомъ мигъ
Теряли, легкій звонъ ихъ не считая,—
Какъ вдругъ въ душѣ неожиданный страхъ возникъ:
Во мглѣ пещеры, сзади, встали звуки,
Отрывистые, вверхъ пошли по ней,
Подавленные крики, стоны муки,
Все ближе, все слышнѣе и слышнѣй,
И топотъ ногъ толпы неисчислимой
Возникъ въ пещерѣ этой нелюдимой.

5.

Картина измѣнилась, и впередъ,
Впередъ, впередъ, мы въ воздухѣ летѣли!
Я Цитну сжалъ; кругомъ былъ небосводъ.
Морскія волны тамъ внизу блестяли,
А между тѣмъ разъятая Земля
Зіяла, изъ разсѣлинь извергалась
Видѣнья, и, руками шевеля,
За Цитну эти чудница цѣплялись,
А мы неслись,—и вскорѣ, въ странномъ смѣ
Дѣйствительность являться стала мнѣ.

6.

И все еще подъ властью сновидѣнья,
Старался я порвать мечтаній нить,
Чтобъ тягостныя эти ощущенья
Съ тѣмъ, что вокругъ, умомъ соединить;
И въ свѣтѣ утра, блѣдный, бездыханный,
Я наконецъ прогналъ свой страшный сонъ,
И вижу вдругъ—нашъ домъ, во мглѣ туманной,

Толпой вооруженной окруженъ;
Мечи сверкають въ этой мглѣ тумана,
Явились къ намъ прислужники Тирана.

7.

И прежде чѣмъ успѣлъ я въ тотъ же мигъ
Спросить причину,—слабый, отдаленный,
Привлекъ мое вниманье женскій крикъ,—
И тотчасъ я, на крикъ тотъ заглушенный,
Схвативши ножъ, среди толпы пошелъ,
Я слышалъ, это Цитна закричала!
Кругомъ шумѣлъ бурунь разгульныхъ золь,
Какъ буря, агонія бушевала;
Но я прошелъ къ ней,—связана, блѣдна,
Лежала на сырой землѣ она.

8.

И на нее я глянулъ съ изумленьемъ:
Улыбкою у ней былъ полонъ взоръ,
И вся она сіяла восхищеньемъ,
Какъ бы надѣвши праздничный уборъ;
И я подумалъ, что мученій сила
Разсудокъ у нея сожгла въ огнѣ;
«Прощай, прощай», она проговорила,
Спокойно обращая ко мнѣ;
«На мигъ лишь возмущилась я тревогой,
Вотъ я тверда—я вѣстникъ правды строгой.

9.

«Способны ль погубить меня рабы?
О, вѣтъ, Лаонъ, промолви: «До свиданья»,
Такъ не смотри; я для моей судьбы
Готова, и легко пойду въ изгнанье;
Не страшны мнѣ оковы, я смѣюсь
Носить ихъ буду; знаю остальное,
Вудь безъ тревоги, ждетъ побѣда насъ;
Пребудемъ въ упованьи и въ покоѣ,

Что бь ни было намъ послано судьбой.
Въ концѣ концовъ сольемся мы съ тобой».

10.

Ее я слушалъ, но во мнѣ другая
Въ тотъ мигъ была забота: за толпой
Слѣдя, какъ бы разсѣянно взирая,
И увидавъ, что жертвою другой
Всѣ занялись, что близъ нея немного
Рабовъ, я острый ножъ свой ухватилъ.
И, прежде чѣмъ въ нихъ вспыхнула тревога,
Я трехъ изъ тѣхъ прислужниковъ убилъ.
Четвертого душилъ въ порывѣ дикомъ,
Своихъ на бой хотѣлъ поднять я крикомъ!

11.

Что было послѣ, неизвѣстно мнѣ:
На голову и руку тяжело пали
Удары, взоръ мой вспыхнулъ какъ въ огнѣ.
Я чувствъ лишился, и меня связали;
Очнувшись, увидалъ я, что меня
Несутъ по крутизнѣ къ скалѣ высокой;
Равнина, отъ рѣзни и отъ огня,
Была внизу стозвучной и стоокой,
И пламя крышъ, взлетая такъ легко,
Надъ Океаномъ рдѣло далеко.

12.

Скала кончалась мощною колонной,
Изваянной какъ будто въ небесахъ;
Для путниковъ пустыни отдаленной,
Среди морей, въ исчезнувшихъ вѣкахъ,
Она была какъ знакъ земной—въ лазури;
Надъ ней летѣть едва имѣютъ власть
Лишь туча, жадный коршунъ, или бури,
Когда жь тѣнямъ вечернимъ—время пасть
На Океанъ, вершиной вырѣзанною
Она горитъ высоко надъ скалою.

13.

Въ пещеру, что была подъ башней той,
Я принесетъ былъ; мигъ свободы снова:
Одинъ меня совѣмъ раздѣлять; другой—
Сосудъ наполнилъ изъ прудка гнилого;
И факель былъ однимъ изъ нихъ зажженъ,
И четырьмя я былъ изъ тьмы пещеры
По лѣстницѣ высокой возведенъ,
По ступенямъ витымъ, сквозь сумракъ сѣрый.
Все вверху, пока нангъ факель въ блескѣ днѣ
Не глянулъ блѣднымъ, тусклымъ на меня.

14.

Къ вершинѣ башни былъ подытъ я ими;
Къ площадкѣ, гдѣ зияла высота;
Скрипя, темнѣли глыбами своими,
Тяжелыя желѣзные врата;
Я къ нимъ, увы, прикованъ былъ цѣпями,
Вѣдавшимися въ тѣло, и враги
Ушли съ площадки, хлопнули вратами,
Раздался страшный гулъ, и вотъ шаги
Умолкли, вмѣстѣ съ этимъ шумомъ мрачнымъ,
Погаснувъ, скрылись въ воздухѣ прозрачномъ.

15.

Въ глубокомъ Небѣ былъ полдневный свѣтъ,
Въ глубокой тишинѣ синѣло море,
Мной овладѣлъ безбольный краткій бредъ,
И чувствовалъ себя я на просторѣ;
Я устремлялъ далеко жадный взоръ;
Какъ облака, лежали подо мною
Равнины, острова, громады горъ,
И, окруженъ лѣсною пеленою,
Видѣлся городъ, сѣрый камень съвалъ
Вкругъ бухты въ блескѣ солнечномъ свергалъ.

16.

Такъ было тихо, что едва былинка,
 Посѣянная на скалѣ орломъ,
 Качалась; и какъ тающая льдинка
 Одна свѣтлѣла тучка подъ лучомъ;
 Ни тѣни не видѣлось подо мною,
 Лишь тѣнь меня и тѣнь моихъ цѣпей.
 Внизу, огонь отъ кровель, съ дымной мглою,
 Терялся въ необъятности лучей;
 Ни звука до меня не доходило,
 Лишь въ жилахъ кровь неясный звонъ будила.

17.

Исчезъ, исчезъ безумный тотъ покой,
 Какъ скоро! Тамъ внизу, на зыби водной
 Стоялъ корабль и бури ждалъ живой,
 Чтобы уплыть; вмгъ, острой и холодной,
 Знакомой боли былъ исполненъ я:
 Я зналъ, далеко, водною пустыней
 Корабль уйдетъ, на немъ сестра моя,
 И Цитра станетъ жалкою рабыней;
 Какъ взоръ мой вдаль бѣжалъ, все вдаль скользя,—
 Что думалъ я тогда.—сказать нельзя.

18.

Я ждалъ, и тѣни вечера упали,
 Закрыли Землю, точно смутный дымъ—
 И двинулся корабль, и вѣтры встали,
 Онъ шелъ надъ Океаномъ тѣпелымъ;
 И блѣдныхъ звѣздъ мерцающія рѣки
 Зажглись, корабль исчезъ! И я хотѣлъ
 Закрывать глаза, но жестки были вѣки,
 И противъ воли я впередъ глядѣлъ,
 Я встать хотѣлъ, поднять хотѣлъ я руки,
 Но кожа расщепилась въ жгучей мугѣ.

19.

И цѣпи грызъ, я ихъ хотѣлъ развязать,
 И умереть. Ты мнѣ простишь, Свобода:
 На мигъ одинъ меня могла отнять
 Моей души чрезмѣрная невзгода,
 О, Вольность, у тебя! На мигъ—и прочь
 Прогнала я малодушье сновъ могильныхъ;
 Та звѣздная таинственная ночь
 Дала мнѣ много думъ, великихъ, сильныхъ;
 Все вспомнила въ тиши душа моя,
 И быть суровъ, но быть доволенъ я.

20.

Дышать, и жить, надѣяться, быть смѣлымъ,
 Или умереть,—быть разрѣшенъ вопросъ;
 И пусть лучами, что подобны стрѣламъ,
 Жгло солнце, раскаляя мой утѣсъ,
 Пусть вслѣдъ за нимъ спустился вечеръ сонный,
 И звѣзды вновь открыли вышній путь,
 Пусть съ новымъ утромъ взоръ мой утомленный
 На мѣръ безбрежный долженъ былъ взглянуть,—
 Я твердымъ быть въ пространствахъ распростертыхъ,
 Я не желать спокойствія межъ мертвыхъ.

21.

Прошло два дня—и былъ я бодрымъ, да—
 Но только жажда жгла меня, какъ лава,
 Какъ будто скорпионьяго гнѣзда
 Во мнѣ кипѣла жгучая отравка;
 Когда душа тоски была полна,
 Я оттолкнулъ ногой сосудъ съ водою,
 Не увидѣла капля ни одна!
 На третій день, своею чередою,
 Явился голодъ. Руки я кусалъ,
 Глоталъ я пыль, я ржавчину лизалъ.

22.

Съ четвертымъ днемъ мой мозгъ сталъ поддаваться:
 Жестокій сонъ измученной души
 Велѣлъ въ ея пещерахъ быстро мчаться
 Чудовищамъ, взлелѣяннмъ въ тиши,—
 Они неслись и падали съ обрыва,—
 Я чувствовалъ, что чувства больше нѣтъ,
 Все льется въ пустоту, во мглу залива,—
 Тѣ привидѣнья въ мой вступили бредъ,
 Что сторожатъ во мглѣ могилы сонной,—
 Въ безбрежности, беззвѣздной и бездонной!

23.

Всѣ призраки чудовищнаго сна
 Я помню, какъ видѣнья страшной сказки:
 Хоръ дьяволовъ, живая пелена,
 Они несутся въ безразсудной пляскѣ;
 Какъ будто Океанъ сметалъ ихъ нить,
 Ихъ—легіоны, тѣни, тѣни, тѣни,
 И мысль была не властна отдѣлнить
 Дѣйствительность отъ этихъ привидѣній:
 Я видѣлъ всѣхъ, какъ будто бы дробя
 Въ кошмарной многоликости—себя.

24.

Сознанье дня и ночи, и обмана
 И правды—уничтожилось во мнѣ.
 Я два видѣнья помню средь тумана;
 Второе, какъ узналъ я, не во снѣ
 Являлось мнѣ, и было не изъ сферы
 Чудовищныхъ отверженныхъ тѣней;
 Но первое, ужасное сверхъ мѣры,
 Не знаю, сонъ иль нѣтъ. Хоть не яснѣй,
 Но ярче, въ торопливости проворной,
 Мракъ памяти они пронзаютъ черный.

25.

Мнѣ чудилось, ворота разошлись,
 Тѣ семеро внесли четыре трупа,
 Ихъ четверемъ вѣтрамъ швырнули внизъ,
 За волосы повѣсивъ ихъ, и, тупо
 Взглянувъ, ушли. Изъ этихъ мертвецовъ
 Ужъ почернѣли трое, но четвертый,
 Прекрасенъ былъ. Межъ свѣтлыхъ облаковъ
 Взошла луна. И въ воздухъ простертый,
 Я, жадный, къ тѣлу мертвому прильнулъ,
 Чтобъ ѣсть, чтобъ острый голодъ мой уснуть.

26.

Трупъ женщины, холодный, сине-бѣлый,
 Въ которомъ жить червей кишачій рой,
 Къ себѣ я притянулъ рукою смѣлой,
 И тощей повернулъ его щекой
 Къ своимъ губамъ горящимъ. Что за пламень
 Сверкнулъ въ глазахъ застывшихъ, въ глубинѣ?
 На сердце легъ мнѣ точно тяжкій камень,
 Мнѣ показалось—призракъ Цитны мнѣ
 Въ тѣхъ взорахъ усмѣхнулся, это тѣло
 Во рту моемъ еще какъ будто тлѣло.

27.

Мой разумъ вдругъ попалъ въ водоворотъ;
 Неукротимымъ схваченъ ураганомъ,
 За солнце онъ умчался въ небосводъ,
 Гдѣ сонмы звѣздъ раскинулись станомъ,
 Туда, за грань ихъ свѣтовыхъ убранствъ,
 Гдѣ темное глубокое молчанье,
 Къ окраинѣ безформенныхъ пространствъ;
 Вдругъ, въ тишинѣ, какъ будто изваянье,
 Прекрасный Старецъ предо мной возникъ,
 И сонъ исчезъ, его увидѣвъ ликъ.

28.

И плакать я; когда же слезы пали,
 Я увидалъ колонну, и луну,
 И мертвецовъ,—и точно острой стали
 Во мнѣ движенъе было, я волну
 Терзаній ощущалъ въ себѣ, внимая,
 Какъ голодь возросталъ; и я былъ радъ
 Казалось мнѣ, что смерть идетъ ибѣдая;
 Вдругъ ровный, но исполненный усладъ,
 Раздался голосъ, точно ропотъ сонный,
 Средь сосенъ въ полночь вѣтромъ пронесенный.

29.

Ворота растворились; подъ луной,
 Явился Старець, просвѣтленный, стройный;
 Разбивши цѣпи, кротко онъ со мной
 Бесѣдовалъ, съ душой почти спокойной
 Я на него глядѣлъ.—Онъ взялъ меня,
 И тканью влажной все обвилъ мнѣ тѣло,
 Исполненное боли и огня;
 Внезапно что-то громко прогудѣло:
 То цѣпи мои, меня освободивъ,
 Вдоль лѣстницы, низринулась въ обрывъ.

30.

Что я потомъ слышалъ,—это ропотъ
 Волны, что бьется въ гавань,—и, свистя,
 Приморскій вѣтеръ превращался въ шопотъ,
 Моими волосами шелестя;—
 И вверхъ взглянулъ,—тамъ, въ безднѣ отдаленной,
 Надъ парусомъ свѣтилася звѣзда,
 Гора съ своей высокою колонной
 Видѣлася, а кругомъ вода, вода,
 И я подумалъ, вѣрно Демонъ, въ злобѣ,
 Меня увлекъ въ своей ладѣ, какъ въ гробѣ.

31.

Дѣйствительно, соленою волной
 Я плылъ, но страхъ владѣлъ моею душой,
 Не смѣлъ взглянуть я, кто мой рулевой,
 Хотя на его колѣнахъ головою
 Лежалъ я, и хотя его покровъ
 Закрывалъ мое измученное тѣло.
 Но вотъ склонился онъ, какъ Геній сновъ,
 Душа его изъ глазъ его глядѣла
 Такъ ласково, какъ будто онъ хотѣлъ,
 Чтобъ я совсѣмъ спокоенъ былъ и смѣлъ.

32.

Цѣлительный къ губамъ моимъ напитокъ
 Онъ подносилъ—и вверхъ смотрѣлъ порой,
 Чтобъ увидать,—что, многозвѣздный свитокъ
 Нисходитъ ли надъ дымною волной;
 И весело, и радостно, порою,—
 Хотя онъ и не тратилъ много словъ,—
 «Утѣшься», говорилъ онъ, «другъ съ тобою,
 Свободенъ ты, свободенъ отъ оковъ!»
 Я радовался слышать эти звуки,
 Какъ тѣ, что годы знали рабства муки.

33.

Но эта радость бѣглымъ огонькомъ
 Свѣтила мнѣ—и снова сповидѣнья:
 Все жъ думалъ я, что мы впередъ плывемъ;
 Блѣднѣли звѣзды ночи; на теченье
 Книпящихъ волнъ разсвѣтъ сошелъ съ сѣдой,
 А Старець все склонялся надо мною,
 Какъ будто я ребенокъ былъ больной,
 А онъ моею былъ матерью родною;
 Такъ плыли мы, и вотъ опять Востокъ
 Свою лазурь въ покровы мглы облекъ.

34.

Отъ берега идущій вѣтеръ ночи
 Принесъ по морю слабый ароматъ,
 И съ каждымъ новымъ мигомъ все короче
 Былъ путь; вотъ вижу, волны бороздятъ
 Прибрежье, и тростникъ качаютъ тощій,
 Вонъ вижу, мирты пѣкныя цвѣтуть,
 Звѣздятся на листьяхъ зеленой рощи;
 И кончилась дорога, вотъ мы тутъ,
 Мы въ тихой бухтѣ, и во мглу залива
 Сквозь сосны, звѣзды смотрятъ молчаливо.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

1.

Отшельникъ принялъ весла, и челнокъ
 Присталъ близъ башни—древняя громада:
 Заросшій входъ былъ темень и высокъ,
 Цвѣты плюща, усладою для взгляда,
 На немъ вились цѣпляясь; на полу
 Песокъ и чудо-раковины были,—
 Мать мѣсяцевъ, пронзая полумглу,
 Рождаетъ ихъ въ кипѣньи влажной пыли;
 Та башня здѣсь была, какъ призракъ сна,
 Искусствомъ челоуѣка рождена.

2.

У берега челнокъ свой привязавши,
 Взявъ на руки меня Старикъ сѣдой,
 И, нѣсколько привѣтныхъ словъ сказавши,
 Пошелъ онъ внизъ по лѣстницѣ со мной,
 По ступенямъ изношеннымъ пришли мы
 Въ покой уютный, всюду по стѣнамъ
 Узоры мховъ зеленыхъ были зримы,
 Тихонько положили меня онъ тамъ,
 Какъ бы въ альковъ, къ мечтамъ манищій соннымъ,
 На ложе травъ, съ дыханьемъ благоуханнымъ.

3.

Луною было все озарено,
 Ея лучистымъ желтымъ теплымъ свѣтомъ,
 Настолько теплымъ, что Старикъ окно
 Раскрылъ; за нимъ, воздушнымъ силуэтомъ,
 Качались зыбко тѣни на волнахъ,
 До самаго порога добѣгая,
 И въ призрачныхъ замѣтилъ я лучахъ,
 Что комната вверху была—рѣзная,
 И много было тамъ томовъ, чей пылъ
 Въ себя принявъ, мудрецъ сталъ тѣмъ, чѣмъ былъ.

4.

Предѣлъ морской во мглѣ быть отдаленной,
 По озеру скользилъ мой смутный взоръ,
 Кругомъ—лѣса, ихъ миръ уединенный,
 И бѣлыя громады снѣжныхъ горъ:—
 Что жъ, духъ мой уносился въ безконечность
 Въ такомъ же многоцвѣтномъ забытѣ,
 Какъ лента, что окутываетъ вѣчность,—
 Извивы символической змѣи?
 И Цитна—сонъ, упавшій мигъ на вѣжды?
 Сонъ—юность, страхъ, восторги, и надежды?

5.

Такъ вновь ко мнѣ безуміе пришло,
 Но кроткое, не страшное, какъ прежде;
 И я не ощущалъ, какъ время шло:
 Но Старецъ вѣрнѣе былъ своей надеждѣ,
 Не отходилъ отъ ложа моего,
 Какъ лучшаго меня лелѣялъ друга,
 Въ бреду я все же чувствовалъ его,
 И излѣчилъ меня онъ отъ недуга,
 И онъ теперь бесѣду велъ со мной,
 Онъ показалъ мнѣ весь свой миръ лѣсной.

6.

Онъ утѣнять меня умѣлъ словами,
 Что самъ же я въ бреду произносилъ,
 И какъ себя я спрашивалъ мечтами,
 Меня и онъ о Цитиѣ такъ спросилъ,
 И спрашивалъ, пока не перестало
 То трепетное имя на его
 Устахъ меня дивить; въ томъ было мало
 Лукаства, и ума онъ своего
 Не ухищрять, но взоръ его былъ жгучимъ,
 Какъ молнія въ стремленіи могучемъ.

7.

Такъ постепенно умъ мой просвѣтлѣлъ,
 Возникли мысли, стройное течение;
 Я думалъ, какъ прекрасенъ тѣхъ удѣлъ,
 Въ комъ неустанно строгое рѣшенье—
 Свѣтильничъ Уиованья зажигать
 Надъ затемненной долею людскою;
 Въ зеркальную глядя нѣмую гладь,
 Въ вечерній часъ склоняясь надъ водою,
 Тому я открывалъ свой тайный сонъ,
 Кто былъ Старикъ, но не былъ извращенъ.

8.

Слѣдой, всю жизнь свою онъ вѣлъ бесѣду
 Съ умершими, что, уходя отъ насъ,
 Умѣютъ отмѣчать свою побѣду
 Въ страницахъ, чей огонь въ немъ жить свѣтлѣтъ;
 Такъ умъ его лучомъ сталъ надъ туманомъ,
 Подобно тѣмъ, что онъ въ себя впиталъ;
 По городамъ и по военнымъ станамъ
 Скитаяся, не тщетно онъ блуждалъ;
 Онъ былъ влекомою глубокой жаждой знанья,
 Среди людей зналъ все пути скитанья.

9.

Но даже благородныя сердца
 Обычай, притупляя, ослѣпляетъ:
 Увидя, что мученьямъ нѣтъ конца,—
 Тотъ рокъ, что человѣка угнетаетъ,
 Онъ вѣчнымъ счелъ; чтобъ чѣмъ-нибудь свой духъ
 Утѣшить, онъ ушелъ въ уединенье;
 Но до него дошелъ однажды слухъ,
 Что въ Аргонидѣ претерпѣлъ мученье
 Одинъ, что за свободу смѣло всталъ,
 И, правду возвѣстивши, пострадалъ.

10.

Узнавши, что толпа пришла въ волненье,
 Возникла въ тишинѣ Отшельникъ;
 Покинувши свое уединенье,
 Направился къ родной своей странѣ,
 Пришелъ туда, гдѣ битва прошумѣла,—
 И каждое тамъ сердце было щитъ,
 И точно правды мечъ, горящій смѣло,
 Рѣчь каждаго «Лаонъ, Лаонъ» гласить;
 Въ томъ имени Надежда ликовала,
 Хоть власть тирана тамъ торжествовала.

11.

Къ колоніи одинокой, на скалѣ,
 Придя, онъ былъ такимъ краснорѣчивымъ,
 Что размягчилъ застывшія во злѣ
 Сердца своимъ возвышеннымъ порывомъ.
 И онъ вошелъ, и побѣдилъ онъ зло,
 И стражи путь ему не преграждали;
 Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сказалъ, семь лѣтъ прошло,
 Такъ долго мысли у меня блуждали
 Въ безуміи; но сила думъ, свѣтла,
 Мнѣ снова власть надѣяться дала.

12.

«Изъ юношескихъ собственныхъ видѣній,
Изъ знанія пѣвцовъ и мудрецовъ,
И изъ твоихъ возвышенныхъ стремлений,
Я выковать узоры мощныхъ словъ,
Твоихъ надеждъ безстрашное теченье
Въ себѣ не тщетно жадный умъ вмѣцалъ;
Отъ берега до берега, ученье
О власти чловѣка я вѣцалъ,
Мои слова услышаны, и люди
О большемъ, чѣмъ когда-то, грезять чудѣ.

13.

«Родители, въ кругу своихъ дѣтей,
Въ слезахъ, мои писанія читають;
И юности, сойдясь во тьмѣ ночей,
Союзъ, враждебный деспотамъ, сплетаютъ;
И дѣвушки, которыхъ такъ любовь
Томила, что во влажной мглѣ ихъ взгляда
Жизнь таяла, страдать не будутъ вновь,
Прекраснѣйшая имъ нашлась отрада;
Во всѣхъ сердцахъ летучія мечты,
Какъ на вѣтрахъ осенне листы.

14.

«Дрожать тираны, слыша разговоры,
Что наполняютъ Городъ Золотой;
Прислужники обмана, точно воры,
Не смѣютъ говорить съ своей душой;
Но чувствуютъ, одни другихъ встрѣчая,
Что правда—вотъ, что не уйти судьбы;
И на мѣстахъ судебныхъ засѣдая,
Убийцы поблѣднѣли, какъ рабы;
И золото презрѣли даже скряги,
Смѣхъ въ Капищахъ, и всюду блескъ Отваги.

15.

«Средь мирныхъ братьевъ—равенство законъ,
Вездѣ любовь, и мысль, и кроткій геній,
Взвѣсивъ того, чѣмъ мѣръ была затемненъ,
Подъ гнетомъ этихъ долгихъ заблуждений;
Какъ властно мчитъ въ себя водоворотъ
Всѣ выброски, что бродятъ въ Океанѣ,
Такъ власть твоя, Лаонъ, къ себѣ влечетъ
Всѣ, всѣ умы, бродившіе въ туманѣ,
Всѣ духи повинуются тебѣ,
Сплотилися, готовые къ борьбѣ.

16.

«Я былъ твоимъ орудіемъ послушнымъ»—
Такъ говоря, Отшельникъ на меня
Взглянулъ, какъ будто весь онъ былъ воздушнымъ—
«Ты всѣмъ намъ далъ сіяніе огня
Нежданнаго, ты путь къ освобожденью
Отъ старыхъ, отъ наслѣдственныхъ цѣпей;
Ты насъ ведешь къ живому возрожденью,
Ты свѣточъ на вершинѣ для людей,
Ни времени, ни смерти не подвластный;
Я счастливъ былъ—пролить твой свѣтъ прекрасный.

17.

«Но неизвѣстенъ я, увы, и старъ,
И хоть покровы мудрости умѣю
Переплетать съ огнемъ словесныхъ чаръ,
Холодною наружностью своею
Показываю я, что долго жилъ—
Свои надежды въ сердцѣ подавляя;
Но именемъ Лаона поблѣднѣлъ
Я множество; ты—какъ звѣзда живая,
Что властвуетъ и бурей, и волной,
Для племени зла ты какъ клинокъ стальной.

18.

«Быть можетъ крови и не пужно литься,
Разъ ты возстанешь; у самихъ рабовъ
Въ сердцахъ способна жалость пробудиться,
Понстинѣ могуча сила словъ:
Чуть не вчера, красивѣйшая дѣва,
Что тяжкій гнетъ отъ дѣтскихъ знала дней,
Какъ властью полнозвучнаго напѣва,
Всѣхъ покорила женъ мечтѣ своей;
Застыль палачъ, отъ словъ ея блѣднѣя:
«Не тронь меня—молю—себя жалѣя!»

19.

«Она уже привязана была,
Чтобъ быть казненной, но палачъ смягчился,
И ей въ толпѣ никто не сдѣлалъ зла,
Ея словами каждый обольстился;
Вездѣ, въ великомъ Городѣ она
Проходитъ, говоритъ, ей всѣ внимаютъ,
Она сіянемъ словъ окружена,
Презрѣнье, смерть, и пытка отступаютъ,
Она слила въ улыбки молодой
Змѣю съ голубкой, мудрость съ простотой.

20.

«И женщины съ безумными глазами
Толпятся вокругъ нея; они ушли
Изъ чувственныхъ темницъ, гдѣ ласки сами
Какъ бы влачатся въ неизменной пыли;
Изъ тюремъ на свободу убѣгаютъ,
Въ ней видятъ упованіе свое;
Войска рабовъ тираны посылаютъ,
Чтобъ укротить могущество ея;
Но, чарами той дѣвы обольщаясь,
Войска вождей свергаютъ, возмущаясь.

21.

«Такъ женщинамъ, что въ рабствѣ съ давнихъ поръ
Переживали тяжесть униженій,
Она, ихъ увлекая на просторъ,
Велитъ освободиться отъ мученій;
И зло вооруженное, предъ ней,
Трепещетъ, хоть оно еще могуче;
И дѣвы, жены, всѣ подвластны ей,
Она всегда съ толпой, подобной тучѣ!
Любовники соединяясь вновь,
Припоминаютъ прежнюю любовь.

22.

«Приходитъ къ ней и сирота бездомный,
И жертвы гордыхъ, выброски того,
Кто, грубо наслаждаясь страстью темной,
Казнитъ плоды безпутства своего;
Въ вертепахъ и въ дворцахъ, въ истомѣ страстной,
Порокъ сидитъ, оброшенный, одинъ;
Ея свободный голосъ, пѣбно-властный.
Надъ всей страной могучій властелинъ,
Ея враги, склоняя робко вѣжды,
Хотятъ любить и оживить надежды.

23.

«Такъ дѣва, силой кроткою своей,
Смирла разрушительныя страсти,
И выковали люди изъ цѣпей
Оружье, чтобъ лишить тирановъ власти;
Въ безвѣстныхъ деревняхъ, и въ городахъ,
Собираются толпы вооруженныхъ,
Изъ душъ своихъ они изгнали страхъ,
Хотятъ возстановленія правъ законныхъ,
Но деспотъ, самовластемъ ослѣпленъ,
Готовитъ бой, чтобъ поддержать свой тронъ.

24.

«И неизбежно кровь должна пролиться,
Хоть не хотят свободные ея;
Обычай, Царь Рабовъ, незрячій, тщится
Всегда умножить царствіе свое,
Онъ знамя развѣваетъ надъ тѣлами
Пророковъ и Владыкъ, онъ давитъ грудь,
Людьми онъ пробитыми сердцами
Усѣиваетъ свой жестокой путь;
И сѣя мракъ, и сѣя гнетъ безсилія,
Безмѣрныя онъ простираетъ крылья.

25.

«Равнина есть подъ городской стѣной,
Оплоты горъ вокругъ нея темнѣютъ,
Тамъ миллионы стягъ воздвигли свой,
Тамъ тысячи знаменъ свободныхъ вѣютъ,
И крикъ борцовъ пронзаетъ воздухъ—такъ,
Что чудится, то голосъ бурь и вьюги;
Короною увѣнчанный ихъ врагъ
Сидитъ въ своемъ дворцѣ, дрожитъ въ испугѣ,
И чувствуетъ—поддержки нѣтъ ни въ чемъ.
Что жь медлятъ побѣдители съ мечомъ?

26.

«Еще тѣлохранители Тирана
Крѣнятся; кровожадные, они
Отъ дѣтства жили радостью обмана,
Свирѣности, разбоя, и рѣзни;
Имъ любо сердце пытками забавить,
Какъ благо, дорога имъ сила зла,
Чтобъ торжество жестокости доставить,
Толпа свирѣныхъ цѣпи создала;
Свободные хотятъ людской любовью
Склонить ихъ духъ не упиваться кровью.

27.

«Любовь и днемъ и ночью сторожить
Надъ лагеремъ и надъ толпой свирѣной;
Въ умахъ надежда лучъ зажечь свѣститъ,
Внезапно все слилось незримой скрѣной;
Такъ иногда, пронзая въ небѣ мракъ,
Промчится громъ, и смолкнетъ, отдаленный,
И видя, что утихло все, морякъ,
Молчанію внимаетъ, облегченный;
Въ сердцахъ у побѣдителей свѣтло,—
О, пусть погаснетъ въ сердцахъ вольныхъ Зло!

28.

«Разъ кровь прольется, это только смѣна
Однихъ оковъ другими, гнетъ цѣпей
Иныхъ—взамѣнъ наскучившаго плѣна,
Позорное паденье для людей!—
Пролей любовь на этихъ ослѣпленныхъ,
Твой голосъ—мїръ преобразуетъ въ Рай,
Ты властенъ силой глазъ, лучомъ зажженныхъ!
Возстань, мой другъ, смѣлѣе, и прощай!»—
И бодро всталъ я, какъ отъ сновъ печальныхъ,
И глянулъ въ глубь, въ прозрачность водъ зеркальныхъ.

29.

Мой образъ въ этомъ зеркалѣ возникъ;—
Была какъ вѣтеръ юность золотая,
Какъ вѣтеръ на водахъ; мой блѣдный ликъ
Волна волосъ, до времени сѣдал,
Окутала; въ морицинахъ и чертахъ
Не старость, но страданье говорило,
Но все же на губахъ и на щекахъ
Горѣлъ огонь, въ немъ чувствовалась сила,
Я хрупкимъ былъ, но тамъ въ глазахъ горѣлъ
Духъ сильный, онъ утонченъ былъ и смѣлъ.

30.

И хоть печаль теперь была во взорахъ,
Хоть измѣнились блѣдныя черты,
Намекъ въ нихъ былъ на тѣ черты, въ которыхъ,
Свѣтился гений высшей красоты;
Въ нихъ чувствовался ликъ, что мнѣ когда-то
Струилъ благословеніе свое,
Лицо ея—съ ней сливагося—брата,
Тотъ обликъ былъ похожъ на ликъ ея;
Былъ зеркаломъ онъ помысловъ прекрасныхъ,
И все хранилъ слѣды видѣній ясныхъ.

31.

Что жъ я теперь? Спите съ мертвыми она.
Восторгъ и блескъ, и миръ сверкнули, скрылись.
Погибла ли та тучка, что, нѣжна,
Горѣла, но сіянья затемнились?
Или въ безвѣстной ночи, въ темнотѣ,
На крыльяхъ вѣтра своего блуждаетъ,
И въ новой освѣженной красотѣ
Живымъ дождемъ на землю упадаетъ?
Когда подъ моремъ рогъ остритъ луна,
Мерцаемъ звѣздъ лазурь озарена.

32.

Съ Отшельникомъ разстался я, печальный,
Но бодрый; много было взглядовъ, слезъ
И замедленныхъ словъ, но въ путь мой дальный
Вело меня сіянье высшихъ грезъ.
Туда, гдѣ Стань. По мощнымъ горнымъ скатамъ
Я шель среди зазубренныхъ вершинъ,
Среди лѣсовъ, съ ихъ прянымъ ароматомъ,
Среди глухихъ болотъ, среди долинъ.
Земля была въ одеждѣ звѣздотканной,
Была весна, съ весельемъ, съ грустью странной.

33.

И ожилъ я, и бодро шель впередъ,
Какъ бы вѣтрами легкими влекомый;
Когда же ночь темнила небосводъ,
Во снѣ ко мнѣ склонялся ликъ знакомый,
Мнѣ улыбались ласковые сны,
Я видѣлъ Цитну, но живой, не мертвой;
Когда же день свѣтилъ мнѣ съ вышины,
Я просыпался, видѣлъ распростертой
Широкой міръ, и этотъ нѣжный сонъ
Какъ будто былъ стѣною отдѣленъ.

34.

Та дѣва, что свѣтильникъ Правды ясный
Надъ Городомъ проснувшись зажгла,
Чьихъ свѣтлыхъ дѣлъ сіяль узоръ прекрасный,
Въ моихъ мечтахъ восторженныхъ жила.
Надежда умъ питаетъ всемъ, что встрѣтитъ,
Цвѣтами, какъ и сорною травой.
Тотъ трупъ—была ли Цитна? Кто отвѣтитъ?
Иль было то безумною мечтой?
Умъ не терзало это упованье,
О, нѣтъ, оно струило мнѣ сіянье.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

1.

Я наконецъ прошелъ послѣдній скатъ,
Уклонъ обширный снѣговой вершины;
Подъ низкою луной увидѣлъ взглядъ,
И Станъ, и Городъ, и просторъ долины,
А по краямъ верхи Азійскихъ горъ,
Полночное мерцанье Океана,
Домовъ и крышъ причудливый узоръ,
Свѣтильники, какъ звѣзды средь тумана,
И выравнившіе какъ будто изъ Земли,
Костры горѣли тамъ и сямъ вдаль.

2.

Не спали лишь один сторожевые,
 Да тѣ, что за огнемъ на маякѣ
 Смотрѣли; рѣдко возгласы живые,
 То тамъ вдали, то здѣсь невдалекѣ,
 Вставали; тишина потомъ полнѣе
 Была средь этой спящей темноты.
 Какая ночь! Какая власть, лелѣя
 Умы людей, питала въ нихъ мечты!
 Добро и зло, въ страстяхъ переплетенныхъ,
 Свой вѣчный бой вели въ тѣхъ душахъ сонныхъ.

3.

Побѣдной Власть Добра теперь была;
 По множеству тропинокъ и уклоновъ,
 Среди шатровъ, гдѣ были ночь и мгла,
 Я шелъ среди безмолвныхъ миллионовъ;
 Луна, окончивъ странствіе свое,
 Сошла съ Небесъ; востокъ бѣлѣлъ зарею;
 И юноша склоненный на копье
 Въ рѣдѣвшей мглѣ предсталъ передо мною;
 Я вскрикнулъ: «Другъ!»—и этотъ крикъ сейчасъ
 Сталъ лозунгомъ живыхъ надеждъ для насъ.

4.

Я сѣлъ съ нимъ, и до самаго разсвѣта
 О чаяньяхъ мы говорили съ нимъ,
 Какъ высока была бесѣда эта!
 И звѣзды уходили въ свѣтлый дымъ;
 И мнилось мнѣ, пока мы говорили,
 Что голосъ у него какъ бы тонулъ
 Въ какой-то давней, мнѣ знакомой, были;
 Когда жъ разсвѣтъ широкій намъ блеснулъ,
 Онъ посмотрѣлъ, и, точно предъ видѣньемъ,
 «Такъ это ты!»—воскликнулъ съ изумленьемъ.

5.

Тогда я вдругъ узналъ, что это онъ,
 Тотъ юноша, съ кѣмъ первыя надежды
 Мой духъ связалъ; но былъ онъ отдаленъ
 Словами клеветы; и онъ въ одежды
 Холоднаго молчанія замкнулъ
 Свою любовь, а я, какъ оскорбленный,
 Стыдился,—и надолго потонулъ
 Нашъ свѣтъ во тьмѣ, клеветникомъ сгущенной;
 Намъ истина теперь открылась вдругъ,
 И снова каждый былъ и братъ и другъ.

6.

Въ то время какъ, съ блестящими глазами,
 Бесѣдовали мы, раздался зовъ;
 Вставъ точно изъ земли, онъ вдругъ надъ нами
 Промчался, исходя изъ всѣхъ шатровъ:
 «Къ оружію!» Средь полчищъ, распростертыхъ
 Во снѣ, прокравшись вору-палачи,
 И въ быстрой схваткѣ—десять тысячъ мертвыхъ
 Оставили ихъ подлые мечи;
 Тѣ самыя сердца они топтали,
 Что жизнь щадили ихъ и свѣтъ имъ дали.

7.

Подобно какъ ребенокъ для змѣи
 Приноситъ пищу и встрѣчаетъ жало,
 Они рубились въ дикомъ забытіи,
 И въ воздухѣ проклятіе дрожало;
 Людей свободныхъ дрогнули ряды,
 Какъ вдругъ «Лаонъ!» раздался крикъ могучій,—
 И точно подъ сверканіемъ звѣзды
 Раздвинулись густѣющія тучи,—
 Какъ будто вѣстникъ посланъ былъ съ Небесъ,
 И дерзостный порывъ враговъ исчезъ.

8.

Убийцы, точно жалких мошек стая
 Подъ вѣтромъ,—скрылись прочь, ихъ строй бѣжалъ,
 Но наше войско, ихъ опережая,
 Замкнуло ихъ въ ущельи между скалъ;
 Отчаянье, въ усиліяхъ безплодныхъ,
 Прорвалось, но отмщеніе пришло,
 И на мгновенье у бойцовъ свободныхъ
 Душа была способна сдѣлать зло,
 Одинъ ужъ на врага копье намѣтилъ,—
 «Стой, стой!»—вскричалъ я, и ударъ тотъ встрѣтилъ.

9.

Я руку поднялъ и ударъ копы
 Ее пронзилъ; я улыбнулся ясно,
 Увидѣвъ кровь на стали острія;
 Я молвилъ: «Влага жизни, ты прекрасна,
 Такое краснорѣчіе въ тебѣ,
 Что съ нимъ бороться сердцу невозможно;
 Пока тебя могу пролить въ борьбѣ,
 Стремленіе мое живетъ не ложно;—
 Вы плачете—блѣднѣете—вотъ такъ:
 Вамъ правда подала теперь свой знакъ.

10.

«Солдаты, вами спящіе убиты
 Друзья и братья наши. Для чего?
 Когда бъ вы были терніемъ увиты,
 Они бы съ васъ хотѣли снять его;
 Вы погасили взоры, что лучами
 Сочувствія хотѣли вамъ свѣтить,
 Пролить бальзамъ надъ вашими сердцами,
 И свѣтлую въ вашъ мракъ забросить нить.
 А вы? Благихъ во снѣ вы закололи.
 Но мстить не будутъ духи свѣтлой воли.

11.

«Зачѣмъ изъ зла исходитъ вѣчно зло,
 Изъ пытки боль еще острѣйшей пытки?
 Мы братья все—и ежели могло
 Чье сердце только смерть въ житейскомъ свѣтѣ
 Читаетъ и по наему убивать,
 Пусть и оно узнастъ, въ чемъ свобода.
 Несчастье—зломъ за злое воздавать.
 О, Небо, о, Земля, и ты, Природа,
 Все черезъ васъ: и тотъ, кто сдѣлалъ зло,
 И кто, отмщенью чуждъ, глядитъ свѣтло!

12.

«Другъ другу дайте руки; мракъ и злоба
 Пусть въ прошломъ—сномъ задремлютъ въковымъ,
 Какъ мертвые, что не встаютъ изъ гроба!»
 Тутъ умъ мой погрузился въ смутный дымъ,
 Внезапной тѣнью взоръ мой затемнился,—
 Такъ много крови вытекло моею;
 Когда жъ отъ забытья я пробудился,
 Я былъ среди враговъ и межъ друзей,
 Смотрѣли все съ участіемъ и съ любовью,
 Заботливо склоняясь къ изголовью.

13.

Тотъ воинъ, что пронзилъ меня копьемъ,
 Сидѣлъ печальный, съ влажными глазами;
 Какъ братья, что въ оазисѣ одномъ
 Сошлись, идя различными путями,
 Глядѣли дружно все, и я имъ былъ
 Отецъ, и братъ, и вождь, я въ бой опасный
 Какъ будто бы за нихъ, за всехъ, ветушилъ,
 И, раненъ, спасъ отъ смерти ихъ, ужасной.
 Такъ въ этотъ день, восторгомъ братскихъ узъ,
 Соединился мощный тотъ союзъ.

14.

И съ возгласами бурными пошли мы
 По направлению къ Городу, толпой,
 Желаніемъ единственнымъ томимы—
 Въ добръ быть превосходнѣй, чѣмъ любовью;
 Свободныя тѣ воинства блистали
 Прекраснѣй, чѣмъ омыты въ крови
 Рабы тирана,—мы лишь мира ждали,
 Мы вольности хотѣли и любви;
 Мы шли теперь не отъ рѣзни позорной,
 Въ сердцахъ у всѣхъ былъ свѣтъ, не сумракъ черный.

15.

Была толпа на городскихъ стѣнахъ,
 На каждой башнѣ были мириады,
 И свѣтлыя знамена въ Небесахъ
 Качались, улаждая наши взгляды,—
 Тамъ, тамъ, на шпильяхъ; и какъ голосъ бурь,
 Въ толпѣ раздался общій крикъ привѣта,
 Казалось, онъ наполнилъ всю Лазурь,
 Имъ точно вся Земля была одѣта,
 Какъ будто бы тотъ гулкій крикъ исторгъ
 Безбрежный нескончаемый восторгъ.

16.

По сотнямъ улицъ Города, мелькая,
 Мы разлились,—какъ горные ручьи
 Въ тишь озера, со скатовъ убѣгая,
 Скользить со звономъ, льются въ забыты;
 Живыхъ лучей ласкала поволота,
 И между тѣмъ какъ мы все шли и шли,
 Вѣнки бросали намъ, вѣнки безъ счета,
 Прекраснѣйшія руки ихъ сплели,
 Намъ ангелы любви смѣялись нѣжно,
 Надъ нами Небо высилось безбрежно.

17.

Я шель—какъ зачарованъ въ странномъ снѣ:
 Толпы людей, недавно столь враждебныхъ,
 Такъ дружно шли, и было видно мнѣ,
 Что всѣ полны любви и чувствъ нѣжныхъ,
 И такъ какъ каждый раньше дѣлалъ зло,
 Они смотрѣли кротко другъ на друга,
 И было въ сердцѣ каждого свѣтло,
 Легка была бы каждая услуга,
 Насъ жизнь манила тысячу утѣхъ,
 Законъ свободы—равенство для всѣхъ.

18.

И всѣ они заплѣли нѣснощныи,
 Привѣтствуя Свободу и меня.
 «Другъ вольныхъ, свѣтлый духъ освобожденья,
 Виновики столь плѣнительнаго дня!»
 Какъ лики, что чарующимъ искусствомъ
 Возсозданы,—сіяли мнѣ кругомъ
 Прекрасные глаза, блистая чувствомъ,
 Что было зажжено ея лучомъ,
 Той дивной Дѣвы, бывшей яркимъ свѣтомъ.
 Но гдѣ жъ она? Никто не зналъ объ этомъ.

19.

Лаоною она себя звала,
 Она была безъ имени, безъ рода.
 Но гдѣ жъ Лаона въ этотъ день была,
 Когда побѣду празднуетъ Свобода?
 Была мнѣ и желанна, и страшна
 Мечта, что можетъ быть я встрѣчусь съ нею.
 Да, завтра всѣмъ покажется она,
 Сказали мнѣ. Что сдѣлать я сумѣю
 Для войска, началъ думать я тогда:
 Ужъ выступала за звѣздой звѣзда.

20.

Но все заботы были бесполезны,
 Хотя велик наш строй безмерный былъ:
 Законъ необходимости желѣзный
 Заботливости братской уступилъ.
 И въ полумгнѣ направился тогда я
 Къ Дворцу Тирана, и нашелъ его:
 Онъ былъ одинъ, уныло возсѣдая
 На ступеняхъ престола своего,
 Горѣннаго въ сѣньяхъ перемѣнныхъ
 Металла и камней въ драгоценныхъ.

21.

Лишь маленькая дѣвочка предъ нимъ
 Кружилась въ граціозной легкой пляскѣ;
 Еще вчера толпой онъ былъ любимъ,
 Еще вчера онъ зналъ и ласки, и ласки,
 Сегодня онъ одинъ. И вотъ она,—
 За то, что онъ хвалилъ ее когда-то
 За пляску,—вся блѣдна; истомлена,
 Кружилась, грустью скорбною объята,—
 Онъ слишкомъ занятъ былъ душой своей,
 Ни разу онъ не улыбнулся ей.

22.

Она къ нему испуганно прижалась,
 Услышавъ шумъ шаговъ; но онъ былъ нѣмъ,
 Во взорахъ ничего не отражалось,
 Онъ больше тронуть быть не могъ ничѣмъ;
 Не поднять взгляда онъ на наши лица,
 Хотя, когда вступили мы толпой,
 На звукъ шаговъ, какъ пыльная гробница,
 Рѣзныя стѣны дали откликъ свой;
 И какъ внутри собора склепъ угрюмый,
 Делѣлъ сумракъ тягостныя думы.

23.

Какъ блѣдно было дѣтское чело,
 И эти губы, и худыя щеки.
 Но темные глаза, горя свѣтло,
 У ней прекрасны были и глубоки;
 Она очарованья своего
 Какъ будто бы совсемъ не сознавала.
 Тиранъ глядѣлъ сурово, ротъ его
 Давнишнее презрѣнье искривляло:
 Казалось, эти созданы черты
 Въ вулканѣ и въ провалахъ темноты.

24.

Она предъ нимъ какъ радуга стояла,
 Рожденная грозою, что едва
 Прошла, и солнце въ тучахъ возсіяло;
 Казалось, Цитра въ ней была жива,
 Ея улыбка, этотъ свѣтъ мгновенный,
 Что сердце взволновало въ моей груди;
 Я видѣлъ счастья призракъ незабвенный,
 Что въ прошломъ было, тамъ гдѣ-то позади;
 Все вдругъ припомнилъ я, когда, волнуемъ,
 Я къ ней прильнуть отцовскимъ поцѣлуемъ.

25.

Вѣчнаго злодѣя я повесть
 Оттуда прочь, и, искренно жалѣя,
 Стать утѣшать его, но онъ былъ золь,
 И въ гордости, и въ страхѣ цѣненія,
 Неловко злобу мрачную тая,
 Онъ такъ смотрѣлъ, какъ посмотрѣть могла бы
 Своихъ зубовъ лишенная змѣя,
 Свирѣпѣй, чѣмъ смотрѣть умѣютъ жабы;
 Разумнымъ не внимавшій голосамъ,
 Другихъ губившій, вотъ, погибъ онъ самъ.

26.

Дворецъ его давилъ бы, какъ гробница;
 Мы вышли сквозь изваянный порталъ,
 Прекрасныя на немъ видѣлись лица,
 Тамъ точно сонъ, застывъ, чего-то ждалъ;
 И тѣни, что слѣдятъ за грезой сонной,
 Какъ стражи, молча стали по угламъ.—
 Ребенокъ шелъ походкой утомленной,
 Растерянно глядѣлъ вослѣдъ онъ намъ,
 Въ слезахъ дрожало звѣздное сіянье,
 Въ отвѣтъ на мой вопросъ—одинъ рыданья.

27.

Тиранъ вскричалъ: «Убей ее скорѣй,
 Иль дай ей хлѣба, рабъ, она не ѣла!»
 Лишь въ гробъ можно звукъ такихъ рѣчей
 Услышать. Это истина глядѣла
 Ужасными глазами на меня.
 Одинъ во всемъ дворцѣ, забыты, оба
 Не ѣли ничего въ теченіи дня:
 Онъ,—такъ какъ гордость въ немъ была, и злора,
 И страхъ,—сидѣлъ у трона своего,
 Она совсѣмъ не знала ничего.

28.

Тиранъ смущенъ былъ тѣмъ, что такъ могильно
 Міръ глгнулъ на него, что власть прошла,
 Что стало даже золото безцѣльно,—
 Дивился онъ престѣпковенно зла;
 Столь быстрое и тяжелое паденье
 Того, кто такъ недавно страшень былъ,
 Пугало и внушало изумленье;
 Его несчастный видъ въ сердцахъ будилъ
 Смущенность удивленія; какъ пѣна,
 Исчезло все—настала перемѣна.

29.

Толпа, какая въ доблестной странѣ
 Въ тысячелѣтье разъ одинъ бываетъ,
 Сошлася вокругъ Тирана; въ тишинѣ,—
 Какъ дождь и градъ весною унадаетъ,—
 Былъ слышенъ частый гулкій звукъ шаговъ,
 Но всѣ хранили строгое молчанье,
 И этотъ одинокій межъ враговъ
 Постигъ впервые тяжкій гнетъ страданья,
 Почувствовалъ, какъ силенъ стыдъ и страхъ,
 И скрылъ лицо, отъ взглядовъ острыхъ, въ прахъ.

30.

Линился чувствъ; я на землѣ сѣлъ рядомъ,
 Ребенка взялъ изъ слабыхъ рукъ его,
 И посмотрѣлъ крутомъ спокойнымъ взглядомъ,
 Чтобъ имъ никто не сдѣлалъ ничего;
 Когда имъ пищу принесли, хотѣла
 Она его кормить, но отвратилъ
 Онъ отъ нея лицо; малютка ѣла
 И плакала; въ немъ голодъ побѣдилъ
 Отчаянье, и такъ, изнеможенный,
 Сидѣлъ онъ, какъ въ дремоту погруженный.

31.

Молчанье пошатнулося въ рядахъ;
 Такъ, медленно, какъ бы придя изъ дали,
 Шумъ вѣтра собирается въ лѣсахъ.
 «Низвергнуть деспота нашъ!» они вскричали,
 «Тотъ, кто въ дома къ намъ посылалъ чуму,
 Тотъ, кто заставлялъ насъ извѣдать голодъ,
 Убийца, нагъ! Проклятіе ему!
 Онъ насъ ввергалъ въ смертельный страхъ и холодъ,
 Но въ безднѣ тотъ, кто слезы пилъ и кровь,
 Никто его не возстановитъ вновь!»

32.

И крикъ раздался: «Кто судить, пусть будетъ.
Влеко́мъ на судъ, чтобы отвѣтъ былъ данъ!
Земли его дѣяній не забудеть,—
Ужели безнаказанъ лишь Османъ?
Ужели только тѣ, что, надрываясь,
Богатства исторгали изъ земли,—
Чтобъ жить онъ могъ, порокомъ наслаждаясь,—
Какъ черви, погибать должны въ пыли,
А кровь его кинуть, и онъ свободенъ?
Встань! Ты суду, ты палачу угоденъ!»

33.

«Что пужно вамъ?» тутъ я, привставъ, вскричалъ,
«Чего бонтесь вы? Зачѣмъ вамъ надо,
Чтобы Османъ васъ кровью занятналъ?
Разъ вольность—вашимъ помысламъ отрада,
Не бойтесь, что одинъ, кто жилъ во злѣ,
Вамъ можетъ повредить; подъ Небесами,
Чей свѣтъ для всѣхъ, на Матери-Землѣ,
Пусть онъ теперь живетъ свободный съ вами;
И видя смѣну новой жизни, онъ
Какъ бы вторично будетъ въ міръ рожденъ.

34.

«Что вы *судомъ* зовете? Неужели
Никто изъ васъ другому, втайнѣ, зла
Не пожелалъ?—Неужто вы сумѣли
Такъ сдѣлать, чтобъ вся жизнь была свѣтла?
Когда же нѣтъ,—а это нѣтъ, навѣрно,—
Какъ можете желать убійства вы?
Негодованье ваше лицемѣрно,
И, ежели вы сердцемъ не мертвы,
Поймете вы, что истина въ прощеньи,
Въ любви, не въ злобѣ, и не въ страшномъ мщеньи.»

35.

Умолкъ народный ропотъ, и кругомъ
Стоявшіе, разлучены съ враждою,
Участливо склонились надъ врагомъ,
Что былъ въ пыли, съ покрытой головою;
Рыданья зазвучали въ тишинѣ,
И многіе, въ безумьи состраданья,
Склоняясь, цѣловали ноги мнѣ,
Исполнены надеждъ и ожиданья,
Нашли слова сочувствія въ себѣ
Къ тому, кто былъ жестокъ и палъ въ борьбѣ.

36.

Тогда, безмолвной окруженъ толпою,
Въ просторный домъ онъ былъ сопровожденъ,
Гдѣ, пышною отравленъ мшшурою,
Подобіе ея увидѣлъ онъ;
И если бъ обладалъ душой онъ ясной,
Какъ тѣ, къѣмъ былъ прощенъ онъ въ этотъ часъ,
Конецъ его могъ быть зарей прекрасной;
Но въ глубинѣ его обманныхъ глазъ,
Какъ говорили мнѣ, скрывалось что-то,
Иамѣна и злобщая забота.

37.

Насталъ канунъ торжественнаго дня,
Когда рѣшили братскіе народы,
Что жили раньше плача и стени,
Отпраздновать священный мигъ Свободы,
Провозглашеніе равенства для всѣхъ.
Настала полночь. По домамъ всѣ скрылись,
И сповидѣнья, полныя утѣхъ,
Надъ спящими воздушныя носились.
Но чуждой сна была душа моя,
Тревожно о Лаонѣ думалъ я.

38.

Взошла заря, прогнала тьму ночную,
 Надежду шлѣ въ ея сіяньи взорѣ,
 И вышелъ я за стѣну городскую,
 На свѣтлую равнину между горъ;
 То—зрѣлище плѣнительное было,
 Оно рыданья вызвать бы могло:
 Давнишня завѣса отступила
 Отъ власти человѣка, и свѣтло
 Глядя на міръ, всѣ вольны безъ изъятія,
 Толпились въ дружныхъ чувствахъ люди-братья.

39.

Въ лучахъ зари, надъ утреннею мглой,
 Безчисленныя вѣяли знамена,
 Всѣ возгласы въ единый кликъ, живой,
 Слились и вознеслись до небосклона;
 А между тѣмъ верхи безсмертныхъ горъ,
 Просторы моря въ трепетномъ сіяньи,
 Какъ бы сплелись въ одинъ сплошной узоръ,
 Участвуя въ безмѣрномъ ликованьи;
 Сочувственно восторгъ людей дѣля,
 Казалось, ликовала вся Земля.

40.

Какъ островъ надъ пустыней Океана,
 Алтарь Союза средь равнины встаетъ,
 Вздвигаясь пирамидой изъ тумана;
 Народъ ему рожденъ дружно далъ
 Въ теченьи ночи, волей миллионъ;
 Такъ на востокъ зрима иногда
 Надъ сонмомъ горъ, надъ цѣбью ихъ уклоновъ,
 Огромныхъ тучъ нѣмая череда;
 Въ той мощной глыбѣ чувствовался геній,
 До кораблей—ся тянулись тѣни!

41.

Вездѣ кругомъ толпа у Алтара
 Шумѣла, поминутно возростая;
 Такъ подъ зарей, вокругъ острова, горя,
 Атлантика трепещетъ золотая;
 Какъ бы возникши гдѣ-то въ вышинѣ,
 Идя изъ свѣтлой выси отдаленья,
 Воздушные, какъ музыка во свѣ,
 Сребрились и звучали пѣснопѣнья;
 Такъ изъ плывущихъ сверху облаковъ
 Идутъ лучи, лаская зыбь валовъ.

42.

То было счастьемъ, что даетъ намъ Лета,—
 Въ то утро видѣть, чувствовать, и жить!
 Всѣ слились связью новаго привѣта,
 Воспоминаній вѣхъ порвалась нить.
 Лишь у двоихъ, въ тревогѣ возбужденной,
 Отъ собственной мечты горѣла грудь,
 Я былъ однимъ,—и пусть я, пробужденный,
 Дышалъ легко, но я хотѣлъ вдохнуть
 Еще полнѣй, хотѣлъ иного счастья,
 Утраченного бывшаго участя.

43.

Великой Пирамиды я достигъ;
 На ступеняхъ ея сидѣли хоромъ
 Прекраснѣйшія женщины; въ тотъ мигъ,
 Всѣмъ овладѣвъ заоблачнымъ просторомъ,
 Залило свѣтомъ солнце небосклонъ,
 Алтарь сверкнулъ вершиной огневою;
 Изъ далей Самооракин Азонъ
 Такъ видятъ виноградари, съ зарею;
 Рѣзной престолъ горѣлъ тамъ, какъ огнемъ,
 И женскій Призракъ видѣть былъ на немъ:—

44.

Какъ сказочное свѣтлое Видѣнье,
 Сплетенное изъ свѣта и тѣней,
 Рожденное во мглѣ воображенья,
 Чтобъ чаровать мечтающихъ людей.
 Всѣ смертные къ ней взоры приковались;
 Такъ моряки, плывя сквозь бурный мракъ,
 Въ которомъ сотни дней они метались,
 Глядятъ на загорѣвшійся маякъ;
 Лишь дрогнувъ я одинъ въ терзаныи повомя:
 Тотъ дивный ликъ закутанъ былъ покровомъ.

45.

И не слыхалъ привѣтственный я крикъ,
 Въ которомъ, вдругъ нарушивши молчанье,
 Двухъ родственныхъ именъ союзъ возникъ,
 Ея и моего, одно слянье;
 Я не слыхалъ, какъ возгласили намъ,
 Что мы освободили всѣ народы,
 Привыкшие къ томительнымъ цѣнямъ,
 И не видалъ я праздника Свободы;—
 На друга опираясь, я молчалъ;
 Но вотъ волшебный голось зазвучалъ.

46.

И вдругъ я былъ исполненъ упоеній,
 Тотъ голось тѣмъ же былъ, войдя въ мой слухъ,
 Что музыка небесныхъ пѣснопѣній
 Тому, кого терзаетъ злобный духъ.
 Какъ въ зеркалѣ, въ моемъ предстали взорѣ
 Три статуи, во всей красѣ своей,
 То мѣсто, гдѣ стояли мы, и море,
 И горы, и безчисленность людей;
 Такъ въ часъ, когда окончится затѣнье,
 Хрустально все сіяетъ, какъ видѣнье.

47.

Сперва была Лаона смущена,
 И трепетность въ словахъ ея звучала;
 Но вскорѣ успокоилась она.
 «О, нашъ избранникъ, я тебя некала!
 Любила брата я, но умеръ онъ;
 Изъ всѣхъ людей, что на землѣ я знаю,
 Ты сродствомъ съ нимъ одинъ соединенъ;
 Себя покровомъ я теперь скрываю,
 Чтобъ могъ себѣ представить ты подъ нимъ
 Того, кѣмъ былъ ты нѣкогда любимъ.

48.

«Того, кто вѣрно умеръ. Ты мнѣ это
 Простишь? Отраду нѣжную прими,
 Не отвѣчая на слова привѣта.
 Была я Жрицей избрана людьми,
 Но почему, не знаю; мнѣ извѣстно
 Лишь то, что жизнерадостной волной
 Сюда принесена я столь чудесно,
 Чтобы могла я встрѣтиться съ тобой,
 Желанный; дай теперь свою мнѣ руку,
 И въ радости живой забудемъ муку.

49.

«Пусть боль застигнетъ насъ, восторгъ губя,
 Коль въ нашихъ душахъ осквернимъ мы волю,
 Коль другихъ не будемъ, какъ себя,
 Любить, дѣля сочувственно ихъ долю.»
 И строго указала мнѣ она
 Три изваянья стройныя близъ трона:
 Одно—Гигантъ, какъ будто въ презахъ сна,
 Предъ нимъ лежали скипетръ и корона,
 Онъ разрушалъ ихъ; кто-то льнулъ къ нему,
 Не зная, скорбѣть, смѣяться ли ему.

50.

Другое—Женский Образъ въ центрѣ диска
Земли; была прекрасна та Жена,
Дитя и молодого василиска
Кормила грудью иѣжною она;
Въ ея глазахъ плѣнительная иѣга,
Осенній вечеръ, мнилось, въ нихъ свѣтилъ.
И третій Образъ, точно въ хлопья снѣга,
Одѣтъ былъ бѣлизною быстрыхъ крыль;
Топталъ онъ Ложь, и вился червь ползучій,
Но онъ глядѣлъ на обликъ Солнца ягучій.

51.

Я сѣлъ предъ этимъ Образомъ, предъ ней,
Она стояла, а толпа, съ воденьемъ,
Какъ свѣтъ звѣзды среди морскихъ тѣней,
Обмѣнивалась зыбкимъ восхищеньемъ.
Въ душѣ у всѣхъ былъ незабвенный сонъ,
Въ толпѣ росла плѣнительная чара,
И тотъ обрядъ, подъ Солнцемъ, былъ свершень;
Потомъ закатъ, какъ заревомъ пожара,
Зажегъ средь волнъ лазурныхъ острова,
И слышались волшебныя слова.

Во всѣхъ сердцахъ одна любовь свѣтила,
Въ созвучьи иѣжныхъ словъ дышала сила,
Прекрасная Лаона говорила.

«О, Мудрость, ты ясна, какъ тотъ закатъ,
Сильна, быстра, смѣла, неукротима,
Какъ тѣ Орлы, что, юные, летятъ
Въ лучахъ, превыше облачнаго дыма;
Безуміе, Обычай, мрачный Адъ,
И Суевѣрье, и Печаль, блѣднѣютъ;
Смотри, основы всей Земли дрожатъ,
Они твой голосъ разумѣютъ.
Всѣ духи вольные ея
Обитованіе твое»

Хранятъ въ одной надеждѣ ягучей,
Твой зовъ вошелъ во всѣ сердца,
Они стремятся безъ конца,
Какъ туча мчится вдаль за тучей;
Одинъ ихъ иѣтеръ быстрый мчитъ,
О, Мудрость, посмотри, твои возстали чада,
Стихія—слуги имъ, тебѣ привѣтъ звучитъ,
Ихъ воля—вся твоя, ты ихъ умамъ—отрада.

«О, Духъ, обширный, какъ покровъ Ночной,
Глубокій, какъ бездонности Лазури,
Мать и душа всего, въ чемъ свѣтъ живой,
Блаженство бытія, красивость бури,
Ты снова на престолъ восходишь свой,
Въ душѣ людской, гдѣ чувства еле тлѣли;
О, въ дивныхъ снахъ, чуть встрѣтя призракъ твой,

Поэты старыхъ дней блѣднѣли:—
Теперь всевластна мощь твоя,
Лучистымъ блескомъ бытія,
Дрожа, прониклись миллионы;
Природа, Богъ, Любовь, Восторгъ,
Иль кто-бъ ты ни былъ, ты исторгъ
Тамъ счастья крикъ, гдѣ были стоны;
Ты насъ смѣяться научилъ;

Презрѣнье, Ненависть, Бездушіе, и Мищенье
Забыты навсегда, и въ блескѣ новыхъ силъ
Въ сердцахъ свободныхъ—Миръ, Любовь, и Упоенье.

«Старѣйшее изъ всѣхъ земныхъ вещей,
Божественное Равенство! Ты знаешь:
Любовь и Мудрость, полныя огней,
Твои рабы, лишь ты ихъ озаряешь;
Сокровища изъ помысловъ людей,
Со Звѣздъ, изъ темной бездны Океана
Они несутъ какъ дань красѣ твоей;
Всѣ тѣ, что жили безъ обмана,
Хранили свѣтъ, за годомъ годъ,
И приближали твой приходъ,

Дождались твоего возврата,
 Ты появилось как весна,
 И вся земля оживлена,
 Ты всё дыханья аромата
 Въ одно сливаешь для людей;

Сіянія твои не живы и не зыбки,
 Всё дѣтища Земли хотятъ твоихъ лучей,
 И льнуть къ твоимъ стопамъ, и ждуть твоей улыбки.

«О, братья, мы свободны! Сонмы горъ,
 Лѣса, равнины, и побережье моря—
 Приютъ счастливыхъ, радостный просторъ,
 Гдѣ вольные блаженствуютъ не споря;
 Низвергнуть рабства тягостный позоръ,
 Ни женщинамъ оковъ плѣтъ, ни мужчинамъ,
 И безъ условій взоръ встрѣчаетъ взоръ

Межъ двухъ существъ огнемъ единымъ.

И пусть, пока земные мы,
 Не чужды боли мы и тьмы,
 Настало утро послѣ ночи,
 Сіяетъ солнце за грозой,
 И безпечальною слезой
 Горятъ проснувшіяся очи;
 Улыбки дѣтскія въ сердцахъ,

Мечты влюбленные согласны и сліяны,
 Заря ума горитъ, и тонетъ міръ въ лучахъ,
 Тѣ пропастн заглянсь, что были такъ туманны.

«О, братья, мы свободны! Какъ горятъ
 Подъ звѣздами плоды! Какъ вѣтры дышатъ
 Надъ спѣлой рожью! Тамъ, за рядомъ рядъ,
 Колосья спятъ, и зовъ ихъ еле слышатъ,
 И звѣри, и на вѣткахъ птицы, спятъ,
 Теперь ихъ кровь не будетъ больше литься,
 Вкушать не будутъ люди жгучій ядъ,
 Что обвиненіемъ дымится,
 Крича о мести къ Небесамъ;
 Гдѣ родъ людекой, не будутъ тамъ

Царить безумье и недуги,
 И все, что дышетъ на землѣ,
 Что носится въ воздушной мглѣ,
 Въ одномъ замкнется свѣтломъ кругъ,
 Толпиться будетъ возлѣ насъ;

И Знаніе, свѣтлѣе отъ мыслей благородныхъ,
 Поэзія, огнемъ своихъ лучистыхъ глазъ,
 Преобразятъ поля и города свободныхъ.

«Побѣда всёмъ, кто былъ поверженъ нищѣ,
 Свидѣтель—Ночь, свидѣтели—Созвѣзды,
 Глядѣція съ хрустальныхъ колесницъ.
 И, вольные, мы не хотимъ возмездья;
 Мы лишь гласимъ: «Побѣда!»—До границъ
 Незримыхъ взору, до предѣловъ Южныхъ,
 До Западныхъ побережій и станицъ,

Земля услышитъ—нашихъ дружныхъ
 Освобожденныхъ мыслей зовъ;
 Онъ донесется до несковъ,
 До всѣхъ шумящихъ океановъ,
 И поблѣднѣютъ, услыхавъ,
 И задрожатъ, какъ стебли травъ,
 Ряды испуганныхъ тирановъ.
 Когда-то всемогущій Страхъ,

Тѣнь капищъ, Дьяволь-Богъ, исчезнетъ въ безднѣ мглнстой,
 Отъ нашихъ чаръ живыхъ растаетъ онъ въ лучахъ,
 И Радость съ Правдою взойдутъ на тронъ лучистый.»

Ночной туманъ соткалъ свой дымный кровъ,
 И надъ толпой простерся мглой безбрежной,
 Но слышалась еще налѣвность словъ,
 Въ молчаніи звучалъ тотъ голосъ нѣжный,
 Лелѣялъ зачарованный онъ слухъ,
 Какъ будто шопотъ вѣтра отдаленный,
 И вся она свѣтилась, точно духъ;
 Кто этой рѣчи, изъ огня сплетенной,

Внималъ, тотъ слышалъ, какъ онъ восхищенъ,
Какъ сладко тѣмъ огнемъ и онъ зажженъ.

53.

Тотъ звучный голосъ былъ какъ ключъ звенящій,
Что, съ горь струясь, осенние листы
Съ собою мнитъ, чтобъ кончить бѣгъ блестящій
Въ зеркальной глади озера—Мечты;
И такъ, какъ эти листья подъ волною
Впиваютъ влагу, чтобъ ожить потомъ
На берегу, веселою весною,
И вглубь глядятъ травой и цвѣткомъ,—
Такъ все внимали множествомъ согласнымъ,
И шопотъ пробѣгалъ въ восторгѣ ясномъ.

54.

Теперь все разошлись среди костровъ,
Которые отъ берега морского
Тянулись въ полумракѣ, полною сновъ,
До горь, до ихъ ослота тѣневого;
У темныхъ кинарисовъ, чьи стволы
Мерцали въ ярко-красномъ зыбкомъ свѣтѣ,
Средь дрогнувшей отъ этихъ вышишекъ млы,
Земли счастливой радостныя дѣти
Вели бесѣду; въ ней, какъ свѣтлый сонъ,
Вставали—Счастье, Вольность, и Лаонъ.

55.

И пировали все; ихъ пиръ былъ ясный,
Безгрѣшный, какъ способна дать Земля,
Когда улыбкой Осени прекрасной
Озолотитъ она свои поля;
Иль какъ отецъ, исполненный участья,
Миритъ своихъ враждующихъ дѣтей,
И въ ихъ блеснувшихъ взорахъ слезы счастья,
И пиръ ихъ свѣтель кротостью своей;
Все существа могли бы въ томъ слиться Пирѣ,
Что на землѣ, иль въ водахъ, иль въ эфирѣ.

56.

Тамъ не были обычные яды,
Кровь не была, отсутствовали стоны,
Тамъ громоздились пышные плоды,
Гранаты, апельсины, и лимоны,
И финики, и множество корней
Питательныхъ, и грозды винограда,
Который не былъ пагубой огней
Въ напитокъ превращенъ съ проклятемъ яда;
Не затемненъ разумокъ былъ питьемъ,
Кто жаждалъ, тотъ склонялся надъ ручьемъ.

57.

Лаона со святилища спустилась,
И ею былъ прикованъ каждый взоръ,
И въ каждомъ съ нѣжной лаской сердце билось,
Хоть отблескала нѣвучихъ словъ узоръ;
Въ толпѣ она сняла покровъ свой бѣлый,
И, какъ цвѣтокъ, прекрасный ликъ расцвѣтъ,
Но я какой-то грезой несмылой
Удержанъ былъ, и къ ней не подошелъ,
Къ костру близъ волнъ, что нѣнились широко,
Я на краю равнины сѣлъ, далеко.

58.

Нашъ праздникъ былъ весельемъ оживленъ,
Улыбками, и шутками, и пѣньемъ,
Пока горѣлъ далекий Орионъ
Надъ островами, надъ морскимъ волненьемъ;
И нѣжной связью были слиты мы,
Пока не скрылся онъ среди тумана,
Не спряталъ поясъ свой среди дымной тьмы,
Что курится надъ грудью Океана;
Толпы людей пошли домой тогда,
И прошлый день свѣтилъ имъ, какъ звѣзда.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

1.

По берегу мерцающаго моря,
 Въ узоръ сплетая иѣжность яркихъ словъ,
 И родственному сердцу сердцемъ вторя,
 Я съ другомъ шелъ, а между облаковъ
 Свѣтили звѣзды намъ; воображенье
 Намъ рисовало радостные дни,
 Любви и мира кроткія видѣнья;
 Погасли бивуачные огни
 Послѣдніе, и тьма покрыла волны,
 И тишь была кругомъ, и мракъ безмолвный.

2.

Когда мы къ городской пришли стѣнѣ,
 Какъ, почему, никто не зналъ причины,
 Возникло безпокойство въ тишинѣ,
 Среди толпы идущей отъ равнины;
 Сперва одинъ, весь блѣдный, пробѣжалъ
 И дико поглядѣлъ, не молвивъ слова;
 И съ шумомъ, какъ морской вспѣнный валъ,
 Исполненные ужаса слѣпого,
 Промчались женщины смутные ряды,
 Спасаясь отъ невѣдомой бѣды.

3.

Возникли крики въ сумракѣ туманномъ;
 «Къ оружію! Къ оружію! Огнь тутъ!
 Тирани межъ насъ, онъ съ войскомъ чужестраннымъ,
 Чтобъ насъ поработить. Они идутъ!»
 Напрасно. Всѣми Паника владѣла,
 Тотъ дьяволъ, что и сильныхъ, властью чаръ,
 Сражаетъ; словно буря налетѣла,
 Такъ всѣ бѣгутъ—увидѣвши пожаръ,
 И я взбѣжалъ на башню городскую,
 И въ бѣшенствѣ, я въ гнѣвѣ, негодую.

4.

На Сѣверѣ весь городъ былъ въ огнѣ,—
 Краснѣя, росъ огнь каждое мгновенье,
 И все яснѣ слышались мнѣ
 Крикъ торжества и возгласы мученья,
 Внизу, въ проходѣ, между тяжкихъ вратъ,
 Толпа кишѣла длинной пеленою,
 Какъ будто бы вспѣнный водопадъ,
 Взлелѣанный вершиной снѣговой,
 И бомбы, разрѣвая темноту,
 Вонзались въ ту живую густоту.

5.

И прискакали всадники—скорѣ,
 Чѣмъ скорость этихъ словъ; я увидалъ,
 Какъ мечъ, въ рукѣ у каждаго краснѣя,
 Въ зарѣ, еще не вспыхнувшей, блистать.
 Я бросился въ толпу, и силой взгляда,
 И силою отчаянья и словъ,
 Была на мигъ удержана громада,
 Проснулся стыдъ въ сердцахъ у бѣглецовъ,
 Но, стиснутые новою толпою,
 Они неслись, не властны надъ собою.

6.

Я бился, какъ захваченный волной,
 Несущійся по зыби водопада
 И слышавшій его стозвучный вой;
 Мною овладѣла быстрая громада,
 Что мчалась все скорѣе и скорѣй,
 Межъ тѣмъ какъ бомбы, съ трескомъ разрывалась,
 Прорывы образовывали въ ней;
 Живые, съ умерщвленными сливаясь,
 Исторглись на равнину наконецъ,
 И въ смертной нивѣ мечъ ходилъ какъ жнецъ.

7.

Собаки кровожадная Тирана
 Предательской толпой примчались къ намъ,
 Пришли, какъ духи страха и обмана,
 И всадники носились по полямъ,
 Звучали ихъ хохотъ, смѣхъ души ихъ низкой,
 Сбирали жатву смерти наглецы,
 А съ кораблей, отъ Пропонгиды близкой,
 Струился дождь огня во всѣ концы:
 Такъ иногда, во мглѣ землетрясенья,
 Горятъ вулканы, и въ моряхъ—волненье.

8.

Нашъ праздникъ былъ внезапно превращенъ
 Въ зловѣщій ширь для хищныхъ птицъ, простертыхъ
 Тамъ въ Небесахъ, какъ саванъ. Страшный сонъ!
 Въ разсвѣтъъ я ступалъ по грудамъ мертвыхъ,
 Стеклянными казались ихъ глаза.
 И я совѣтъ не думалъ о спасеннхъ,
 Въ моей душѣ проснулась гроза,
 Я громко о своемъ кричалъ презрѣннхъ,
 И многихъ къ упованью я вернулъ,
 Во многихъ стыдъ спасительный блеснулъ.

9.

Вокругъ меня сплотилась кучка смѣлыхъ,
 И хоть оружья не было у насъ,
 Въ рядахъ мы прорывались порѣдѣлыхъ,
 Враговъ пугая блескомъ нашихъ глазъ;
 Сомнительнымъ мы сдѣлали сраженье,
 И, сплоченные волею одной,
 Укрылися на холмъ, подъ возвышенье,
 Нависшее скалистою стѣной;
 Но нашихъ братьевъ все еще рубили,
 И по кровавой мы ступали пыли.

10.

Недвижно мы стояли. Какъ я былъ
 Обрадованъ, съ собой увидѣвъ рядомъ
 Отшельника, котораго любилъ,
 Съ божественнымъ неукротимымъ взглядомъ;
 Онъ былъ какъ бы могучею сосной,
 Упорною среди вѣтровъ бѣгущихъ,
 И юный другъ мой также былъ со мной,
 Среди борцовъ, судьбы безстрашно ждущихъ;
 И тысячи, ряды враговъ дробя,
 Стопились къ намъ, чтобъ умереть любя.

11.

Пока всходило солнце по Лазури,
 Враждебные ряды рубили насъ,
 Но сотни нашихъ, точно силой бури,
 Отбросили ихъ тысячи, въ тотъ часъ,
 Когда, увлечены рѣзкой свирѣпой,
 Они чрезмѣрно близко подошли;
 И стали намъ защитой и скрѣпой
 Тѣла убитыхъ; но, гремя вдали,
 Не спали пушки, и враги смѣялись,
 Когда по вѣтру стоны раздавались.

12.

Холмъ защищала со стороны одной
 Фалангу тѣхъ мужей неукротимыхъ,
 Съ другой же—труны паросли стѣной,
 Теряли мы товарищей любимыхъ,
 Ручьями кровь на зеленъ травъ лилась,
 Какъ бы болото было подъ ногами,
 Но мужество не погасало въ насъ;
 Когда жъ на западъ, между облаками,
 Спустилось солнце, сталъ слыше бой,—
 Сомнительной смѣнился онъ борьбой.

13.

Въ пещерѣ, на холмѣ, нашли мы груды
Тяжелыхъ деревенскихъ грубыхъ пикъ,
Какъ нѣкому обрадовавшись чуду,
Воинственный мы испустили крикъ,
Не всёмъ изъ насъ оружія хватило,
Быль изъ шести вооруженъ одинъ,
Но нашу бодрость это пробудило,
И съ длинной цѣпью вражескихъ дружинъ
Съ удвоенною силой мы схватились,
Безстрашно съ наступающими мы бились.

14.

Враги почти готовы были прочь
Въбжать отъ насъ; но вотъ сплотились снова;
Понявъ, что наступающая ночь
Побѣду намъ отдастъ,—полны двойного,
Усиленнаго бѣшенства, они
Сойдя съ коней, ряды свои сомкнули,
И началось неравенство рѣзни,
И все смѣшалось въ ропотъ и гулъ,
И то мечомъ, то силою гранатъ
Они фалангу тѣсную гремятъ.

15.

О, ужасъ, о, позоръ—глядѣть, какъ братья
Другъ съ другомъ сочетаются рѣзней,
Звѣрствуютъ, на устахъ у нихъ проклятья,
А самъ виновникъ тамъ, за ихъ спиной!—
Мой юный другъ, какъ молодость прекрасный,
Заколотъ былъ!—хранитель мой, старикъ,
Мечомъ разрубленъ въ схваткѣ былъ ужасной,
На землю онъ у ногъ моихъ поникъ!—
Сознанье закружилось, улетѣло,
Я былъ какъ всё, мной бѣшенство владѣло.

16.

И все сильнѣй была бой, и все страшнѣй;
Среди бойцовъ замедливъ, я увидѣлъ,
Какъ ты гнусна, о, Ненависть, въ своей
Свирѣпости,—хотя бѣ, кто ненавидѣлъ,
Неустрасливо бился за любовь.
Земля кругомъ какъ бы была изрыта,
Мѣнялся жребій схватки вновь и вновь
И съ грудью грудь была враждебно слита,
Одни другихъ душили—страшный видъ!—
Глаза ихъ выходили изъ орбитъ.

17.

Языкъ ихъ, какъ у бѣшеной собаки,
Болтался, мягкій, пѣной оскверненъ;
Нужда, Чума, таящійся во мракѣ
Безумный Дунаизмъ, Кошмарный Сонъ—
Всѣ собственной отмѣчены печатью,
И въ томъ была твоя печать, Война,
Наемникъ жадный, служащій проклятью.
Всю пропасть смерти видѣлъ я до дна,
Всѣ образы ея, она богата,
Я видѣлъ смерть съ разсвѣта до заката.

18.

Немного оставалось бойцовъ,
Но длился бой. Въ лазури небосклона,
Превыше горъ, на фонѣ ихъ свѣговъ,
Еще возникли новыя знамена:
Они дрожали въ тающихъ лучахъ
Исчезнувшаго между горъ свѣтила;
Все чаще, чаще смерть у насъ въ рядахъ,
И вотъ для всѣхъ раскрылася могила;
Лишь я одинъ лежу, сраженъ, но живъ,
И вижу смерть, ко мнѣ спѣшитъ приливъ.

19.

Вдругъ страхъ среди враговъ, ихъ разгоня,
 Возникъ,—какъ будто съ неба палъ огонь:
 Топча убитыхъ и живыхъ роня,—
 Гляжу,—бѣжитъ Татарскій черный конь,
 Гигантскій; стукъ копытъ его ужасенъ,
 И нѣкто свѣтлый, въ бѣломъ, на конѣ,
 Съ мечомъ, и ликъ сидящаго прекрасенъ;
 Войска бѣгутъ, смѣшались, какъ во снѣ,
 Сквозь ихъ ряды, съ чудовищною силой,
 Летитъ какъ будто Ангелъ бѣлокрылый.

20.

Бѣжали всѣ испуганные прочь.—
 Я всталъ; сдержалось Призрака стремленье;
 И вѣтеръ наступающую ночь
 Наполнилъ какъ бы ласковостью тѣнью:
 Остановился конь передо мной,
 Мнѣ женскій ликъ предсталъ, какъ ликъ святыни,
 И прозвучалъ мнѣ зовъ души родной,
 Плѣнительный, какъ звонкій ключъ въ пустынѣ:
 «Лаонъ, садись!»—звала она меня,
 И рядомъ съ нею сѣлъ я на коня.

21.

«Впередъ! впередъ!»—тогда она вскричала,
 Взмахнувъ мечомъ надъ головой коня,
 Какъ будто это бичъ былъ. Ночь молчала.
 Какъ буря мчитъ туманъ, его гоня,
 Такъ мчался конь, и были мы безмолвны,
 Неслись, неслись, безстрашно, какъ гроза;
 Ея волосъ темнѣющія волны
 Развѣявшись, слѣпили мнѣ глаза,
 Мы миновали доль, и гладь потока,
 Тѣнь отъ коня въ ней зыблилась широко.

22.

Онъ высѣкалъ огонь изъ камня скалъ,
 Копытами гремя по мертвымъ скатамъ,
 Потокъ подъ нимъ весь брызгами сверкала,
 И въ бѣгѣ, точно бурей объятъ,
 Онъ мчалъ насъ, мчалъ, впередъ и все впередъ,
 Сквозь ночь, къ горѣ, чья гордая вершина
 Свѣтилась: тамъ виднѣлся нѣкій сводъ,
 Мерцала тамъ подъ звѣздами руина;
 Могучій конь напрягъ сурово грудь,
 И наконецъ, окончили мы путь.

23.

Утесъ стоялъ въ выси надъ Океаномъ,
 И можно было слышать съ вышины,
 Какъ, скрытая нависнувшимъ туманомъ,
 Живетъ вода, и внятенъ звукъ волны,
 Такіе звуки слышатся порою
 Тамъ, гдѣ вздыхаютъ вѣтры неспѣша,
 Гдѣ въ чарахъ, порожденныхъ Тишиною,
 Какъ будто что поетъ, едва дыша;
 И можно было видѣть, тамъ далеко,
 Шатры, и Море, спавшее широко.

24.

Глядѣть, внимать,—то былъ единый мигъ,
 Онъ промелькнулъ—два существа родныя
 Одинъ въ другомъ нашли всего роднища,
 Всю глубь Небесъ, всѣ радости земныя;
 Во взорахъ Цитны,—то была она,—
 Такое было нѣжное сіянье,
 Такой бездонной грусти глубина,
 Что силою волшебнаго вліянья
 Я заколованъ былъ,—и вотъ у ней
 Невольно слезы льются изъ очей.

25.

И скрыла омоченное слезами
Она на грудь ко мнѣ лицо свое,
И обняла я усталыми руками
Все тѣло истомленное ея;
И вотъ, не то скорбя, не то въ покой,
Она сказала мнѣ: «Минувшимъ днемъ,
Ты потерялъ сраженье, въ тяжкомъ боѣ,
А я была въ цѣпяхъ передъ Царемъ.—
Разбивъ ихъ, мечъ Татарскій я схватила,
И на коня могучаго вскочила.

26.

«И вотъ я здѣсь съ тобою рѣчь веду,
Свободны мы.»—Она коня ласкала,
И бѣлую на лбу его звѣзду,
Съ признательностью нѣжной цѣловала,
И множество благоуханныхъ травъ,
Рвала ему вокругъ руины сонной,
Но я, ея усталость увидавъ,
На камень усадилъ ее, склоненный,
Къ стѣнѣ, и въ уголѣ, межъ темныхъ мховъ,
Коню я грудь положила цвѣтовъ.

27.

Быль обращенъ къ созвѣздіямъ востока,
Въ руинѣ той разрушенный порталъ,
Тамъ только духи жили одиноко,
Которымъ человекъ пріюлъ здѣсь даль,
Оставивъ имъ въ наследство то строенье:
Надъ кровлею его переплелся,
Вокругъ плюща ползучія растенья,
И свѣшивались въ заль, съ карниза внизъ,
Цѣплялись вдоль сѣдыхъ его расщелинъ,
И плотный ихъ узоръ былъ нѣжно-зелень.

28.

Осенніе здѣсь вѣтры, изъ листовъ,
Сложили даже, силой дуновеній,
Какъ бы пріюлъ для безтревожныхъ сновъ,
Подъ нѣжной тѣнью вьющихся растений,
И каждой годъ, въ блаженномъ забытій,
Надъ этими умершими листьями,
Летѣла весна цвѣты свои,
Звѣздясь по нимъ цвѣтными огоньками,
И стебли, ощущая блескъ мечты,
Переплетали тонкіе персты.

29.

Не знаемъ мы, какое сновидѣнье
Въ пещерахъ нѣжной страсти насъ ведетъ,
Въ какое попадаемъ мы теченье,
Когда плывемъ во мглѣ безвѣстныхъ водъ,
Въ потокѣ жизни, между тѣмъ какъ нами
Владѣютъ крылья вѣтра,—и зачѣмъ,
Намъ знать, чтѣ тамъ сокрыто за мечтами?
Любовь сильнѣй, когда разсудокъ нѣмъ,
Нѣжнѣй мечта, когда душою плывиной
Мы въ Океанѣ, въ музыкѣ Вселенной.

30.

Для чистыхъ чисто все. Мои мечты,
Ея мечты—окутало Забвенье:
Забыли мы, подъ чарой красоты,
Всѣхъ чаяній общественныхъ крушенье,
Хоть съ ними мы связали столько лѣтъ;
На насъ нашла та власть, та жажда, знанье,
Что мысли все живить, какъ яркій свѣтъ,
Всѣмъ облакамъ даетъ свое сіянье;
Созвѣздія намъ навѣвали сны,
На насъ глядя съ лазурной вышины.

31.

То сладкое въ насъ было упоенье,
 Когда въ молчаньи каждый вздохъ и взглядъ,
 Исполненные страсти и смущенья,
 О счастья безглагольномъ говорятъ:—
 Всѣ грезы юныхъ дней, ихъ благородство,
 Кровь общая, что въ насъ, киня, текла,
 И самыхъ чертъ, намъ дорогое, сходство,
 И все, чѣмъ наша жизнь была свѣтла,
 Вилоть до имени,—все, что въ душѣ боролось,
 Нашло для насъ безмолвный властный голосъ.

32.

И прежде чѣмъ тотъ голосъ миновалъ,
 Ночь сдѣлалась холодной и туманной,
 Съ болота, что лежало между скалъ,
 Сквозь щель въ руину гость пришелъ неожиданный—
 Бродячій Метеоръ; и поднялось
 До потолка то блѣдное сіянье,
 И пряди голубыхъ его волосъ
 Отъ вѣтра приходили въ колебанье,
 И вѣтеръ странно въ листьяхъ шелестѣлъ,
 Какъ будто духъ шепталъ намъ и блестялъ.

33.

Тотъ Метеоръ облекъ въ свое сіянье
 Листы, на ложѣ чьемъ я съ Цитной былъ,
 И обнаженныхъ рукъ ея мерцанье,
 И взоръ ея, что иѣжилъ и любилъ,—
 Одной звѣзды двойное отраженье,
 На влагѣ перемѣчивой волны,—
 Ея волосъ роскошное сплетенье,
 Мы оба были имъ окружены,
 И иѣжность губъ я видѣлъ, поблѣдѣвшихъ,
 Какъ лепестки двухъ розъ, едва зардѣвшихъ.

34.

Къ болоту Метеоръ ушелъ, во тьму;
 Въ насъ кровь какъ бы на мигъ остановилась,
 И ясно стало сердцу моему,
 Что вотъ она однимъ огнемъ забилась
 Въ обоихъ; кровь ея и кровь моя
 Смѣшалась, въ чувствѣ все слилось туманномъ,
 Въ насъ былъ восторгъ нѣмого бытія,
 Съ недугомъ, уповательно-желаннымъ;
 Лишь духи ощутить его могли,
 Покинувъ темный тусклый сонъ земли.

35.

То было ли мгновениемъ улады,
 Смѣшавшимъ чувства, мысли, въ зыбяхъ тьмы,
 И даже погасившимъ наши взгляды,
 Чтобы другъ друга не пугали мы,
 И ринувшимъ насъ въ вольное забвенье,
 Гдѣ встрѣтили мы страстность какъ весну?
 Иль было это тѣхъ время теченье,
 Что создали и солнце, и луну,
 И всѣхъ людей, что умерли, но были,
 Пока мы здѣсь о времени забыли?

36.

Не знаю. Какъ назвать, мечтой какой,
 Тѣ полная забвенья поцѣлуй,
 Когда рука сплетается съ рукой,
 И съ жизнью жизнь сливается, какъ струи?
 Какъ взоръ назвать, что потонулъ въ огнѣ,
 И что это за властное хотѣнье,
 Что сердце по обрывной крутизнѣ
 Ведетъ впередъ, за грани отдаленья,
 Къ тѣмъ вихрямъ міровымъ, гдѣ, навъ на дно,
 Два существа сливаются въ одно?

37.

То тѣнь, что между смертными незрима,
Хотя слѣпые чувствуютъ ее;
И власть ея божественнаго дыма
Здѣсь знать дала присутствіе свое,
Гдѣ иѣжною четой, въ любви сплетенной,
Мы пребывали, до тѣхъ поръ, когда
Ночь минула и новый день зажженный
Погасъ—и я почувствовала тогда.
Луна была въ выси надъ облаками,
Сбиралась буря, съ громкими вѣтрами.

38.

Казались поблѣднѣвшими уста . . .
У Цитны, подъ холодною луною,
Ея волосъ роскошныхъ красота
На грудь струилась темною волною;
А тамъ, въ груди, царила тишина,
Въ ея глазахъ, въ ихъ глубинѣ бездонной,
Была услада радости видна;
Пусть за стѣною вѣтеръ возмущенный
Свистѣлъ и пѣшилъ ключъ, обѣжавшій съ горъ,—
Мы были тихи, ясенъ былъ нашъ взоръ.

39.

Любовь горѣла въ насъ безгубнымъ свѣтомъ,
И подтверждалъ безмолвно каждый взглядъ,
Что слиты мы негаснущимъ обѣтомъ,
Что совершенъ таинственный обрядъ.—
Немногимъ былъ восторгъ такой прозрачный
Дарованъ,—къ намъ пришелъ онъ вновь и вновь:
Мы праздновали въ этой ночи брачной
Созвучность думъ и первую любовь,—
И всѣ мечты, съ ихъ вѣшнимъ ароматомъ,
Плѣнительно сестру вѣнчали съ братомъ.

40.

Природы цѣломудренный законъ
Любовь влагаетъ въ тѣхъ, что вмѣстѣ были
Въ младенчествѣ,—когда свой первый сонъ
Они подъ властью новыхъ не забыли,
И если ихъ обычай не стѣснить,
И рабство не связало роковое.
Тамъ, гдѣ течетъ Эоіопійскій Ниль,
Въ священной роцѣ дерево живое,
Чуть тѣнь къ нему отъ птицы, съ высоты,
Падеть,—сжимаетъ, дрогнувши, листы:—

41.

Но родственные листья обнимаетъ—
И въ часъ когда ему сіяетъ день,
И въ часъ когда листы разъединяетъ
У всѣхъ другихъ растений ночи тѣнь.
Такъ мы сливались въ ласкѣ неизмѣнной,
Любовь питала юныя сердца
Той мудростью святой и сокровенной,
Чья музыка струится безъ конца;
Такъ мощный Ниль даритъ обогащеньемъ,—
Египетъ весь живетъ его теченьемъ.

42.

Какъ откликъ тѣхъ журчавшихъ родниковъ
Былъ голосъ Цитны, иѣжно-переѣнный,
Мой голосъ слить былъ съ нимъ созвучьемъ словъ,
Мы были двое въ пропастяхъ вселенной;
И между тѣмъ какъ буря въ облакахъ
Гремѣла, говорили мы о грозномъ
Крушеніи всѣхъ надеждъ,—о сѣменахъ,
Что скрыты все же въ воздухѣ морозномъ
И зло убьютъ; для насъ горѣлъ маякъ,
Не поглотилъ насъ въ жадной безднѣ мракъ.

43.

Но Цитна третій день уже не ѣла;
 Я разбудил Татарскаго коня,
 И обуздаль его рукою умѣлой,
 Довѣрчиво смотрѣль онъ на меня;
 Скорбя о неизбѣжности разлуки,
 Хотя и на недолгій, быстрый срокъ,
 Быль полонъ я такой глубокой муки,
 Что усть отъ усть я оторвать не могъ,—
 Въ такихъ прощальныхъ ласкахъ есть безбрежность:
 Еще, еще, растетъ и жаждетъ лѣжность.

44.

Въ послѣдній разъ поцѣловать, взглянуть,—
 И Цитна смотритъ, какъ я уѣжаю;
 Гроза и ночь не закрывали путь
 Среди стремнинъ ближайшихъ; дальше, съ краю.
 Ползли туманы, вѣтеръ мглу принесъ,
 Но все еще сквозь сѣтъ дождя видѣлась
 На бѣлой ткани темнота волосъ,
 Разлившаяся ихъ волна чернѣлась,
 Домчался по вѣтрамъ прощальный крикъ,
 И вотъ уже равнины я достигъ.

45.

Я не боялся бури; не былъ страшень.
 Ея порывъ и гордому коню,
 Когда срывался громъ съ небесныхъ башень,
 Онъ радовался синему огню,
 Широкіе глаза налились кровью,
 И ржаньемъ откликался онъ громамъ,
 Какъ будто былъ охвачень онъ любовью,
 И поздри раздувалъ въ отвѣтъ вѣтрамъ;
 И вскорѣ пенелище я замѣтилъ,
 Тамъ, гдѣ Огонь Рѣзною привѣтомъ встрѣтилъ.

46.

Достигъ я разореннаго села.
 Съ деревьевъ листья въ бурѣ облетали,
 Тамъ кровь людская пролита была,
 Стояли груды стѣтъ, какъ знакъ печали,
 Теперь огонь въ жилищахъ тѣхъ потухъ,
 Бѣжала жизнь, и смерть въ права вступила,
 Отшелъ отъ тѣлъ, ихъ согрѣвавшій, духъ,
 Чернѣлись въ блескахъ молніи строила,
 Лежали кучей, точно сонмъ тѣней,
 Тѣла мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей.

47.

На площади былъ ключъ, и были трупы;
 Чтобъ жажду утолить, я слѣзъ съ коня,
 Глаза усоншихъ, стекловидны, тупы,
 Глядѣли другъ на друга, на меня,
 На землю, и на воздухъ безучастный;
 Склонясь къ ключу, отпрянуть въ страхѣ я:
 Вкусъ крови былъ въ немъ, горькій и ужасный:
 На привязи коня я у ручья
 Оставилъ, и въ пустынѣ той гнетущей
 Искать сталъ, есть ли въ ней еще живущій.

48.

Но были мертвы всѣ, и лишь одна
 Тамъ женщина по улицамъ бродила,
 Какой-то странной скорбью сражена,
 Она на духа ада походила:
 Заслышавъ шумъ шаговъ, она сейчасъ
 Къ моимъ губамъ горячій ротъ прижала,
 И въ дикомъ долгомъ смѣхѣ веселясь,
 Съ безумнымъ взглядомъ, громко закричала:
 «Ты пилъ напитокъ Язы моровой,
 Миліоны скоро чокнутся съ тобой.»

49.

«Меня зовутъ Чума—сестру и брата—
 Малютокъ двухъ кормила грудью я;
 Пришла домой: одна огнемъ объята,
 Другой лежитъ разрубленъ, кровь струя.
 И съ той поры ужъ я не мать, живая,
 Но я Чума;—летаю здѣсь и тамъ.
 Блуждал и живущихъ убивая:
 Чуть только прикоснусь и къ чьимъ губамъ,
 Они увянутъ, какъ и ты увянешь,
 Но разъ ты Смерть, ты помогай мнѣ станешь.»

50.

«Что ищешь ты? Сбирается туманъ,
 Горитъ луна, и росы холодѣютъ;
 Мой мальчикъ спитъ, глубоки язвы ранъ,
 И черви въ немъ теперь кипятъ, густѣютъ.
 Но что ты ищешь?»—«Пищи.»—«Ты ее
 Получишь; Голодъ—мой любовникъ жадный,
 Но онъ удержитъ бѣшенство свое,
 Тебя во мракъ не броситъ непроглядный:
 Лишь тотъ, кого цѣлую я теперь,
 Придетъ на ширь, въ отвернутую дверь.»

51.

И съ силой сумасшедшею схватила
 Она меня, и повела съ собой;
 Все мимо труновъ, каждый шагъ—могила,
 Вотъ мы дошли до хижины одной;
 Изъ всѣхъ домовъ, теперь опустошенныхъ,
 Къ себѣ она собрала хлѣбъ въ домъ,
 И въ видѣ трехъ столбовъ нагроможденныхъ
 Межъ мертвецовъ поставила кругомъ,
 Она младенцевъ мертвыхъ нарядила,
 Какъ бы на ширь, и рядомъ посадила.

52.

Грозясь рукою на гремѣвшій громъ,
 Она вскричала, съ сумасшедшимъ взглядомъ:
 «Пируйте, ѣшьте—завтра мы умремъ!»
 И хлѣбный столбъ, который былъ съ ней рядомъ,
 Толкнувъ ногой, разрушила она,
 Какъ бы гостямъ безкровнымъ предлагая;
 Я былъ въ сѣтяхъ чудовищнаго сна,
 И, если бъ не ждала меня родная,
 Тамъ далеко,—меня бъ схватила тьма,
 Отъ состраданья я бъ сошелъ съ ума.

53.

Теперь же, взявши три-четыре хлѣба,
 Уѣхалъ я:—безумную съ собой
 Не могъ увлечь. Уже съ востока, Небо
 Мелькнуло мнѣ полоской голубой,—
 Гроза притихла; но побережью моря
 Могучій конь проворно несъ меня,
 Сѣдя скалы показались вскорѣ,
 И гулъ пошелъ отъ топота коня,
 Межъ этихъ скалъ, надъ выходящей дорогой,
 Сидѣла Цитна, и ждала съ тревогой.

54.

Какъ радостно мы встрѣтились! Она
 Вся блѣдная, покрытая росой,
 Истомлена была, почти больна,
 И я домой повелъ ее тропой,
 Обявши нѣжно; мнилось мнѣ, что въ ней
 Отъ этого такое было счастье,
 Какое неизвѣстно для людей;
 Нашъ конь, какъ бы исполненный участя,
 За нами мирно шелъ, и въ полумгнѣ
 Окончили мы путь нашъ по скалѣ.

55.

Мы ласками другъ друга отогрѣли,
 Былъ поцѣлуемъ встрѣченъ поцѣлуей,
 Потому мы наши яства мирно ѣли;
 И какъ порой осенней, возлѣ струй,
 Цвѣтокъ, совсѣмъ изящнѣйшій подѣ дождями,
 Вдругъ радугой распустился въ лучахъ,—
 Жизнь юная, улыбкой и огнями,
 Сверкнула на щекахъ ея, въ глазахъ.
 Забота уступила власть здоровью,
 И озарилась вся она любовью.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

1.

Такъ мы сидѣли въ утреннихъ лучахъ,
 Веселые, какъ этотъ блескъ разсвѣта,
 Прогнавшій ночь, горящій въ облакахъ;
 Трава была росой полуодѣта,
 И въ ней игралъ чуть слышный вѣтерокъ,
 Свѣтили намъ созвучья словъ и ласки,
 И нашъ восторгъ настолькоъ былъ глубокъ,
 Что время, видя роскошь этой сказки,
 Забыло, что мгновенія летятъ,
 Забыло стрѣль своихъ смертельный ядъ.

2.

Я разсказала ей все мои страданья,—
 Какъ я терзался, какъ сошелъ съ ума,
 И какъ Свободы гордое возстанье
 Вернуло умъ, и какъ распалась тьма;
 И по щекамъ ея струились слезы,
 Вслѣдъ мыслямъ быстрымъ, что питали ихъ;
 Такъ солнце, побѣдивъ въ горахъ морозы,
 Струить потоки съ высей снѣговыхъ;
 Я кончила, воцарилось молчанье,
 И начала она повѣствованье.

3.

Необычайно быть ея разсказъ,
 Въ немъ точно память многихъ душъ слеталась,
 И хоть въ умѣ огонь тѣхъ дней не гасъ,
 Она почти въ ихъ правдѣ сомнѣвалась,
 Такъ много было сказочнаго въ нихъ.
 Въ тотъ страшный день она не проронила
 Слезы, была тверда въ мечтахъ своихъ,
 Душевная въ ней не слабѣла сила,
 Когда рабы ея, чрезъ Океанъ,
 Перевезли къ предѣлу новыхъ странъ.

4.

И вотъ она раба, кругомъ рабыни
 Тирана, низкихъ полного страстей,
 Они могли смѣяться въ той пустынѣ,
 Былъ устремленъ къ иному духъ у ней,
 Къ высокому; она была спокойна,
 Хотя грустна, и какъ-то въ грустный часъ
 Она подѣ звуки люти пѣла стройно,
 Какъ пѣлъ бы духъ, когда восторгъ погасъ;
 Тиранъ ее услышалъ—на мгновенье
 Своей души забыть онъ оскверненье.

5.

И увидавъ, какъ вся она пѣжна,
 Смягчилъ онъ духъ, гдѣ было все сурово,
 На мигъ вкусилъ чудеснаго онъ сна;
 Когда жъ въ сокрытость своего алькова
 Ту жертву онъ, что билася, стени,
 Велѣлъ ввести, и все ея терзанья,
 Слова и взгляды, полные огня,
 Не оказали на него вліянья,—
 Предѣ ней, что въ пытки билася, не любя,
 Проснулся звѣрь, властитель, рабъ себя.

6.

Она узнала гнусное мученье,
 Прикосновенье нежеланных губъ,
 Кошмаръ, въ которомъ грубость наслажденья
 Терзаетъ безучастный полутрупъ;
 Та ночь была ночь ужаса и страха,
 Въ ея душѣ зажегся свѣтъ такой,
 Что лишь душѣ, стяхнувшей бремя праха,
 Бросаетъ лучъ свой, пламень огневой;
 Тирани, ея увидѣвъ изступленье,
 Бѣжалъ, исполненъ страха и смущенья.

7.

Ея безумье было точно лучъ,
 Прорвавшій темноту души глубокой,
 Ея порывъ настолько былъ могучъ,
 Такою возмущенной, свѣтлою
 Была въ негодованіи она,
 Что захватило всѣхъ ея волненье:
 Въ водоворотъ понавши такъ, волна
 Не можетъ не испытывать вращенья;
 Рабы прониклись жалостью; они
 Горѣли, какъ подземные огни.

8.

Бояться сталъ Тирани за тронъ свой пышный,
 И ночью къ ней послать онъ двухъ рабовъ:
 Одинъ былъ внучъ, съ поступью неслышной,
 Не человекъ, орудье царскихъ словъ,
 Уродливый, ползучій, весь согбенный;
 Другой былъ съ дѣтства отъ отравы нѣмъ,
 Все въ немъ навѣки тайной было плѣнкой,
 Внималъ онъ молча повелѣнья всѣмъ,
 Онъ былъ пловецъ-ныряльщикъ, тощій, длинный,
 Какъ бы взрощенъ волной морей пустынной.

9.

Отъ огненныхъ пришелъ онъ островъ
 Оманова коралловаго моря.
 Онъ ее спесилъ ко мгли валовъ,
 И вотъ челнокъ, съ морскою зыбью спора,
 Поплылъ впередъ, и въ безднѣ голубой
 Причалили мы тамъ, гдѣ подъ вѣтрами
 И безъ вѣтровъ всегда кинитъ прибой;
 Пловецъ своими длинными руками
 Ее обвилъ, сжалъ ноги сталью ногъ,
 И вмѣстѣ съ нею ринулся въ потокъ.

10.

«Проворный, какъ орелъ, что въ дѣсѣ тѣнистый
 Свергается съ заоблачныхъ высотъ,
 Въ зеленой тишинѣ пустыни мглистой,
 Онъ мчался сквозь пещеры вѣчныхъ водъ,
 Гдѣ логовища были чудницъ темныхъ,—
 И тѣни мощныхъ формъ бѣжали прочь,
 Другія тѣни формъ иныхъ, огромныхъ,
 За нимъ гнались, плывя сквозь эту ночь,
 Онъ былъ быстрѣй, и до скалы примчался,
 Гдѣ цѣпи золотой узоръ качался.

11.

«Послышался засововъ тяжкихъ гулъ,
 Онъ повторенъ былъ темной глубиной,
 Могучій столбъ кипящихъ водъ плеснулъ,
 Открылось пространство подъ скалою,
 Блеснуло небо, точно изумрудъ,
 Сквозь влагу многихъ волнъ переплетенныхъ,
 Такъ вечеромъ лучи сіянье льютъ
 Сквозь нѣжную листву акаціи сонныхъ,—
 Пловецъ въ пространство свѣтлое нырнулъ,
 Онъ искрою проворной промелькнулъ.

12.

«Потомъ въ пещеру», Цитна продолжала,
 «Меня провель онъ, что надъ бездной водъ
 Въ кибитиі немолкнушемъ лежала,
 Приливъ и днемъ и ночью тамъ реветъ;
 Онъ отдыхать короткое мгновенье,
 И, вновь нырнувши, пересѣкъ потокъ;
 Была моя пещера какъ строенье,
 Какъ храмъ—вверху открытъ, широкъ, высокъ,
 И лишь съ вершины этого собора
 Длились лучи, усладою для взора.

13.

«Внизу быть обрамленъ тотъ водоемъ
 Всѣмъ, что въ глубинахъ привлекаетъ взоры:
 Жемчужины, коралловъ яркій сонъ,
 И раковинъ пурпуровыхъ узоры,
 Расписаны не смертною рукой,
 Песокъ, какъ драгоценныя запястья
 Изъ золота, рожденныя волной
 Въ приливныя мгновенья полновластья,
 Какъ изваянья—формы, рядъ колоннъ,
 И тутъ престоль, и тутъ свободный тронъ.

14.

«Безумный бредъ, какъ демонъ, овладѣвшій
 Моей душой, на краткій срокъ прошелъ,
 Все видѣла я мыслью прояснѣвшей:
 Мнѣ пищу приносилъ морской орелъ,
 Его гнѣздо на островѣ томъ было,
 Онъ былъ тюремщикъ странной той тюрьмы,
 Я дружескій его прилетъ любила,
 Какъ днемъ и ночью брата любимъ мы;
 Единственной онъ былъ душой родною,—
 Но вновь безумье овладѣло мною.

15.

«Оно какъ мгла окутало меня,
 И мнилось мнѣ, что море—все воздушно,
 Что вся земля—изъ яркаго огня,
 Что облака, чуть плившия послушно
 Въ полдневный часъ подъ легкимъ вѣтеркомъ,
 Уродливыя страшныя видѣнья,
 Морской орелъ быть демономъ, врагомъ,
 Мнѣ въ клювъ онъ, для полноты мученья,
 Куски тебя кровавые давалъ,
 Меня отравный саванъ обвивалъ.

16.

«Я знала вновь теченіе мгновений,
 Я видѣла орла, и водоемъ;
 Былъ бредъ другой, и новый гнетъ мученій—
 Во мнѣ—на сердцѣ кто-то быть моемъ;
 Живое что-то прочно поселилось
 Тамъ, въ родникахъ завѣтныхъ бытія:—
 Видѣнье предо мной всегда носилось,
 Его въ душѣ сплела тоска моя,
 Во мглѣ кошмаровъ, зыбкой, безнадежной,
 Оно мнѣ засвѣтилось правдой нѣжной.

17.

«Казалось мнѣ, я жизнь родить должна,
 Шли мѣсяцы, недѣли, и недѣли,
 Мнѣ говорили оцущенья сна,
 Что кто-то возлъ сердца въ самомъ дѣлѣ
 Трещеть,—что дитя мое и я
 Мы скоро будемъ міромъ другъ для друга;
 И вотъ, когда, веселый дождь струя,
 Повѣяла весна, какъ бы надъ лугомъ,
 Надъ водоемомъ,—вижу я во снѣ,
 Что милое дитя смѣется мнѣ.

18.

«Оно прекрасно было отъ рожденя,
Совсѣмъ какъ ты, твои глаза и ротъ,
Я чувствую, въ блаженствѣ восхищеня,
Какъ пальчики свои оно кладеть
На руку мнѣ,—какъ ты теперь, мой милый:—
И пусть умчался быстро дивный сонъ,
Во мнѣ живетъ сейчасъ съ такою силой,
Съ такою сладкой болью бьется онъ.»—
И Цитта на меня свѣтло взглянула,
Какъ будто бы догадка въ ней блеснула.

19.

Догадка, и сомнѣнье, и вопросъ,
И нѣжность испытующей печали;
Потомъ, когда прошло волненье слезъ,
Какъ та, кого рыданья потрясали,
Промолвила она: «Въ пустынь лѣтъ
Оазисомъ она душѣ блистала,
И нѣженъ былъ тотъ благотворный свѣтъ;
Своею грудью я ее питала,
И страха не испытывала я,
Я чувствовала, это дочь моя.

20.

«Слѣдила я за первою улыбкой,
Когда она глядѣла на волну,
И видѣла на этой влагѣ зыбкой
Созвѣздія, и солнце, и луну,
Протягивалась нѣжная рученка,
Чтобъ изъ лучей одинъ, любимый, взять,
Но онъ въ водѣ былъ, и смѣялась звонко
Она, что лучъ не могъ ее понять,
И дѣтскіе слѣдили долго взоры,
Какъ зыблились лучистые узоры.

21.

«Мнѣ чудились слова въ ея глазахъ,
Такъ много въ нихъ видѣлось выраженя,
И звуки сочтались на устахъ,
Неясные, но полные значеня,
Я видѣла въ ея лицѣ любовь,
И пальчики ея моихъ искали,
Однимъ биеньемъ билась наша кровь
Въ согласіи, когда мы вмѣстѣ спали;
Однажды свѣтлыхъ раковинъ набравъ,
Мы выдумали много съ ней забавъ.

22.

«Предъ вечеромъ, въ ея взглянувши очи,
Усталую въ нихъ радость я прочла,
И спали мы подъ кровомъ нѣжной ночи,
Какъ двѣ сестры, душа была свѣтла;
Но въ эту ночь исчезло наслажденье,
Она ушла, какъ легкій призракъ сна,
Какъ съ озера уходятъ отраженя,
Когда дымится предъ грозой луна,
Ушла лишь греза, созданная бредомъ,
Но та бѣда была вѣнецъ всѣмъ бѣдамъ.

23.

«Мнѣ чудилось, въ полночной тишинѣ
Явился вновь пловецъ изъ бездны водной,
Ребенка взявъ, и скрылся въ глубинѣ,
Я увидала зыбь волны холодной,
Когда, какъ раньше, быстро онъ нырнулъ;
Настало утро—свѣтлое, какъ прежде,
Но жизни смыслъ, какъ камень, потонулъ,
«Прости» мечтавъ, «прости» моею надеждѣ;
Я тосковала, гасла день за днемъ,
Одна межъ волнъ, съ моимъ погибшимъ сномъ.

24.

«Ко мнѣ вернулся умъ, но мнѣ казалось,
 Что грудь моя была изменена,
 И каждый разъ кровь къ сердцу отливалась,
 Какъ я была той мыслью смущена,
 И сердце холодѣло на мгновенье;
 Но наконецъ рѣшилась твердо я
 Прогнать мечту, и вмѣстѣ съ ней мученье,
 Чтобъ вновь ко мнѣ вернулась жизнь моя,
 И наконецъ видѣнье отступило,
 Хотя его безмѣрно я любила.

25.

«И вновь владѣла разумомъ теперь,
 И я боролась противъ сновидѣнья,
 Оно, какъ жадный и красивый звѣрь,
 Хотѣло моего уничтоженья;
 Но изменилось все въ пещерѣ той
 Отъ мыслей, что навѣки забывены,
 Я вспоминала взглядъ, и смѣхъ живой,
 Всѣ радости, что были такъ мгновенны;
 Я тосковала, гасла день за днемъ,
 Одна межъ волнъ, съ моимъ погибшимъ сномъ.

26.

«Шло время. Сколько? Мѣсяцы или годы,
 Не знала я: потокъ ихъ ровный несъ
 Лишь день и ночь, круговоротъ природы,
 Безслѣдность дней, бесплодность думъ и слезъ;
 Я гасла и блѣднѣла молчаливо,
 Какъ облака, что таютъ и плывутъ.
 Разъ вечеромъ, въ прозрачности прилива,
 Игралъ моллюскъ, что Ботикомъ зовутъ,
 Лазурный парусъ свой распространяя,
 Качался онъ, межъ свѣтлыхъ волнъ играя.

27.

«Когда же прилетѣлъ Орелъ,—ища
 Защиты у меня, тотъ Ботикъ мглистый,
 Какъ веслами, ногами трепеща,
 Пригналъ ко мнѣ челнокъ свой серебрястый;
 И медленно Орелъ надъ нимъ леталъ,
 Но, видя, что свою ему тревожно
 Я пищу предлагаю,—пересталъ
 Ершить перья онъ, и осторожно
 Повисъ надъ пѣжымъ дѣтницею волны,
 Роняя тѣнь съ воздушной вышины.

28.

«И вдругъ во мнѣ душа моя проснулась,
 Не знаю какъ, не знаю почему,
 Вся власть бывая въ сердцѣ шевельнулась;
 И духъ мой сталъ подобенъ твоему,
 Подобенъ тѣмъ, что, свѣтлые безъ мѣры,
 Должны бороться противъ золь людскихъ.
 Въ чемъ было назначенье той пещеры?
 Въ глубокихъ основаніяхъ своихъ
 Она не знала той побѣдной силы,
 Которой умъ горитъ надъ тьмою могилы.

29.

«И гдѣ мой братъ? Возможно ль, чтобъ Лаонъ
 Былъ живъ, а я была съ душою мертвой?
 Просторъ земли, какъ прежде, затемненъ,
 Надъ нимъ, какъ раньше, саванъ распростертый,—
 Но тотъ покровъ клялась я разорвать.
 Свободной быть должна я. Если бѣ птица
 Могла веревокъ гдѣ-нибудь достать,
 Разрушена была бѣ моя гробница.
 Игрою предметовъ, смѣной ихъ, Орла
 Я мысли той учила, какъ могла.

30.

«Опъ приносишь плоды, цвѣты, обломки
Вѣтвей,—не то, что нужно было мнѣ.—
Мы можемъ разогнать свои потемки,
Мы можемъ жить надеждой въ яркомъ свѣ:
Я вся жила въ лучахъ воображенья,
То былъ мой міръ, я стала вновь смѣла,
Повторность дней, и длительность мученья,
Мнѣ власть безстрашно-твердой быть дала;
Умъ глянулъ въ то, что скрыто за вещами,
Какъ этотъ свѣтъ, что тамъ за облаками.

31.

«Мой умъ стала книгой, и, глядя въ нее,
Людскую мудрость всю я изучила,
Богатство сокровенное свое
Глубь рудника внимательной открыла;—
Единый умъ, прообразъ всѣхъ умовъ,
Недвижность водъ, гдѣ видны всѣ движенья
Вещей живыхъ,—любовь, и блески сновъ,
Необходимость, смерть какъ отраженье,
И сила дней, съ надеждою живой,
И вся окружность сферы міровой.

32.

«Ткань мысли, сочетавшейся въ узоры,
Я знаками чертила на пескахъ,
Основность ихъ читали ясно взоры,
Чуть тронь узоръ, и вновь черты въ чертахъ:
Ключъ истинъ тѣхъ, что нѣкогда въ Крестонѣ
Неясно сознавались; и во свѣ,
Меня какъ бы качалъ въ нѣжномъ звонѣ,
Твои глаза склонялися ко мнѣ,
И я, принявъ внезапность откровенья,
Слова любви слагала въ нѣспонѣнья.

33.

«По волѣ я летала на вѣтрахъ
Въ крылатой колесницѣ пѣснопѣній,
Задуманныхъ тобой, и въ облакахъ
Какъ бы хрустальныхъ былъ мой юный геній;
Вдвоемъ сидѣли мы въ волнахъ лучей
На берегу сѣдого Океана,
Счастливые какъ прежде, но мудрѣй,
Мы были надъ могилою Обмана,
И Суевѣрья рабскаго; навѣкъ
Быль мудрымъ, чистымъ, вольнымъ человѣкъ.

34.

«Мои мечтанья всѣ мои хотѣнья
Осуществляли волею своей;
Изъ тѣновой волны воображенья
Они сзывали мнѣ толпы людей,
Лучшые я имъ бросала взоры,
Ихъ покоряла силой страстныхъ словъ,
Прошла я въ земные ихъ раздоры,
Я поняла войну земныхъ умовъ,
И власть я извлекла изъ пониманья,—
Ихъ мыслямъ дать восторгъ пересозданья.

35.

«Такъ стала вся Земля моей тюрьмой,
И такъ какъ боль мученій лишь преддверье
И свѣтъ востока властвуетъ надъ тьмой,
Я видѣла, какъ гибнетъ Суевѣрье,
Какъ пало Зло, чтобъ не воскреснуть вновь.
Какъ стали всѣ и кротки, и счастливы,
Какъ сдѣлалась свободною любовь,
Какъ нераздѣльно зажеглись нивы,—
Изъ крови и изъ слезъ взросили мы
Роскошный міръ, взаменъ былой тюрьмы.

36.

«Потеряно не все! Есть воздаянье
 Для тѣхъ надеждъ, что ярко такъ горять.
 Бесильно, хоть вѣчно, Злодѣянье,
 Вокругъ него кипитъ жестокий адъ;
 Не заглушить словъ правды и свободы,
 Грань смерти можно смѣло перейти,
 Есть души, что въ тюрьмѣ томятся годы,
 И все жь онѣ какъ свѣточъ на пути,
 И многое, какъ бы сквозь сумракъ дыма,
 Сверкаетъ и горитъ необходимо.

37.

«Такія мысли свѣтятъ намъ теперь,
 Они въ тѣ дни мнѣ пѣли точно струны,
 Они для насъ—въ тотъ мѣръ счастливый—дверь,
 Гдѣ не шумятъ вокругъ острова буруны;
 Они какъ цвѣтъ фіалки, полной слезъ,
 Предъ тѣмъ какъ день прольетъ потоки свѣта,
 Какъ въ Скионѣ растаявшій морозъ,
 Узнавшій блескъ весенняго расцвѣта,
 То вѣстники, что посланы съ небесъ,
 Предчувствія неживности чудесъ.

38.

«Такъ годы шли,—какъ вдругъ землетрясеньемъ
 Была разъята въ морѣ глубина,
 Какъ будто схваченъ мѣръ былъ разрушеньемъ,
 И смерть была вселенной суждена;
 Подъ громкій гулъ глубинъ и ихъ раската,
 Въ пещеру сверху лился водопадъ,
 Очнулась я, и вижу—все разъято,
 Приливы волнъ вокругъ меня кипятъ,
 Разрушенъ мой приютъ, тюрьма распалась,
 Кругомъ широко море разстлалось.

39.

«Предъ взоромъ—воды, небо надо мной,
 На камнѣ я разрушенномъ стояла,
 И съ плескомъ, надъ всгбненной глубиной,
 Скала, еще, еще скала, упала,
 И вдругъ—молчанье мертвое кругомъ.
 И ясно стало мнѣ, что я свободна,
 Дрожала зыбь въ безлюдн морскомъ,
 Надъ влагой вѣтеръ ластился безплодно,
 Крутятся, въ моихъ онѣ вился волосахъ,
 И лучъ горѣлъ въ высокихъ Небесахъ.

40.

«Мой духъ бродилъ надъ моремъ и въ лазури,
 Какъ вѣтеръ, что окутываетъ мысль
 Лелѣйно,—хоть поднять онъ можетъ бури
 И устремить дожди изъ тучи внизъ;
 Ужь день почти прошелъ; въ лучахъ блѣднѣвшихъ
 Корабль я увидала, тамъ, вдаль,
 На парусахъ онъ, шель отяжелѣвшихъ,
 И тѣни отъ него на зыбь легли;
 Увидѣвъ новыхъ странныхъ скалъ откосы,
 Въ испугѣ якорь бросили матросы.

41.

«Когда они сидящей на скалѣ
 Увидѣли меня, ладью послали;
 Зубцы утесовъ новыхъ къ нимъ во мглѣ
 Какъ будто бы съ угрозой нависали,
 И воды мчались, пѣнясь и звеня;
 Причлившись,—какъ я попала въ море,
 Они спросили съ робостью меня,
 И смолкли, съ тайной жалостью во взорѣ,
 Услышавши дрожащій голосъ мой;
 И молча мы поплыли надъ волной.

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

1.

«На кораблѣ я, сѣвши къ рулевому,
Вскричала:—«Распустите паруса!
Подобная свѣтильнику морекому,
Луна горитъ, покинувъ небеса,—
Тамъ, возлѣ горъ; волненье нарастаетъ;
За этимъ Мысомъ Городъ Золотой,
Отъ сѣвера къ намъ буря долетаетъ,
Дрожатъ созвѣздій зыбкихъ блѣдный рой!
Нельзя вамъ быть въ пустынь безпредѣльной!—
Домой, домой, къ усладѣ колыбельной!»

2.

«И Моряки повинвались мнѣ;
И съ Кормчимъ Капитанъ шептался:—«Злая
Тыя Мертвой, что увидѣлъ я во снѣ,
Предъ тѣмъ какъ намъ отплыть, теперь, желая
Насъ погубить, вселилась въ Дѣвъ той!»—
Но Кормчій отвѣчалъ ему спокойно:
—«Нѣтъ злого въ этой Дѣвѣ молодой,
Ея призывъ, что прозвучалъ такъ стройно,
Въ насъ будитъ грусть, насъ увлекаетъ въ путь,
О, да, она невѣста чья-нибудь!»

3.

«Мы миновали островки, влекомы
Теченьемъ водъ и свѣжимъ вѣтеркомъ;
Какъ нѣкій духъ, съ боязью незнакомый,
Я говорила смѣло, и кругомъ
Стопнулись Моряки:—«Зачѣмъ вы спите?
Проснитесь: всѣ вы—люди; лунный ликъ,
Лучистыя къ намъ протянувшій нити,
Вѣщаетъ всѣмъ, что брату братъ—двойникъ;
И тѣ же мысли въ васъ, что въ миллионахъ,
Какъ тотъ же свѣтъ въ лѣсу, въ листьяхъ зеленыхъ.

4.

«Зачѣмъ вы спите? Собственный свой домъ
Вы строили для собственного счастья;
Для многихъ тамъ, вдали, въ краю родномъ,
Зажжется взоръ, исполненный участя,
Навстрѣчу дѣти выбѣгутъ къ нему,
Бросаясь отъ давно-знакомой двери,
Къ нему, кто служитъ счастью своему.
Иль мните вы, что гдѣ-то въ вышней сферѣ
Проклятіемъ отмѣтилъ темный Рокъ
Всѣхъ вашихъ дней земныхъ недолгий срокъ?»

5.

«Кто скажетъ Рокъ, тотъ произвольно вложитъ
Людское въ то, что неизвѣстно вамъ;
Какъ будто бы причина жизни можетъ
Жить, мыслить, ощущать—подобно намъ!
Тогда и жизнь людская ощущала бъ,
Какъ человекъ,—всѣ вышнія дѣла
Узнали бъ свѣтъ надеждъ и сумракъ жалобъ.
Но вотъ! Чума свободна, Сила Зла
Кипитъ, Волѣзнь, Нужда, Землетрясенье,
Ядъ, Страхъ, и Градъ, и Снѣгъ, и Угнетенье.

6.

«Что жъ значить Рокъ? Одинъ безумный лежець,
Увидѣвъ тѣнь души своей трусливой,
Закрывъ ей Небо изъ конца въ конецъ
И Землю сдѣлалъ мрачно-молчаливой;
И почитать сталъ свой же Призракъ онъ
Въ зеркальности огромной мірозданья,—
Подобіе свое; то былъ бы сонъ
Невинный, но за нимъ пришли страданья,
И было рѣшено, что Смерть есть бичъ,
Чѣмъ Рокъ враговъ всегда готовъ застичъ.

7.

«И люди говорятъ, что Рокъ являлся,
 Быль зримымъ для избранниковъ порою,
 Какъ Форма оцъ огромная склонялся
 Съ высотъ,—Тѣнь между Небомъ и Землей;
 Святоши и тираны, суетвѣрья,
 Обычаи, домашній тяжкій гнетъ,
 Что держать духъ людской во мглѣ преддверья
 Тѣхъ областей, гдѣ вольный свѣтъ живетъ,—
 Прислужники чудовищаго Рока,
 Что ненавидятъ истину глубоко.

8.

«И говорятъ, что Рокъ отмститъ, въ своей
 Свирѣности прибавить къ мукамъ муки,
 Что адъ кишитъ среди безсмертныхъ змѣй,
 И воплей тамъ не умолкаютъ звуки;
 Что, наложивъ позорное пятно
 На жалкихъ, жившихъ язвой моровою,
 Онъ къ злу, что здѣсь имъ было суждено,
 Прибавитъ тамъ, за гранью гробовою;
 Добро и зло, любовь и злость—равны,
 Они на пытки имъ осуждены.

9.

«Что значитъ сила? Сила есть лишь мѣнье,
 Непрочное какъ тучка надъ луной:
 Пока глядимъ, въ единое мгновенье
 Ея ужъ нѣтъ, сокрыта глубиной;
 Лишь правды затемняется обманомъ,
 Но лишь на мигъ онъ ложью затемненъ,
 Которая—слѣпой оплотъ тиранамъ,
 Туманный призракъ съ тысячею именъ;
 Ложь учить, въ слѣпотѣ повиновенья,
 Съ мучительствомъ сливать свои мученья.

10.

«Названья лжи, любое—какъ бы знакъ
 Насилія, позорное проклятье:
 Безумье, похоть, гордость, злоба, мракъ,
 Всего здѣсь злого, низкаго—заматье;
 Законъ неправый: передъ нимъ любовь
 Повержена, убійца безпощадный,
 Пролитши материнскую ту кровь,
 Созвалъ сиротъ во тьмѣ, и хочеть, жадный,
 Ихъ, будто бы любя, усыновить,
 Чтобы наслѣдства матери лишить.

11.

«Любовь, ты для сердець людскихъ, въ печали,
 Какъ тишина для океанскихъ волнъ;
 Ты вмѣстѣ съ правдой, изъ туманной дали,
 Ведешь людскихъ стремленийъ зыбкій челнъ,
 Изъ лабиринта рабскихъ заблуждений
 Выводишь, имъ свою давая нить,
 На волю, на просторъ, для наслаждений,
 Къ которымъ всѣхъ ты хочешь приобщить;
 Безстрашию ты учишь и терпѣнью,—
 Идти къ добру, прощая преступленью.

12.

«Быть въ ясности гармоній съ собой,
 Всѣхъ видѣть, никого не оскорбляя,
 Какъ бы шатерь раскинуть голубой,
 Въ которомъ свѣтитъ Радость молодая,
 И такъ закончить вечеръ бытїя,—
 Иль отереть со щекъ Печали слезы,
 Жить такъ, чтобы любовь и жизнь твоя
 Слились въ одну воздушность нѣжной грезы,—
 Такая участь только тѣмъ дана,
 Въ комъ, вольная, царитъ любовь одна.

13.

«Но дѣти предъ родителями нынѣ
Трепещутъ въ послушаніи слѣпои,
Высокимъ, низкимъ править Рокъ въ пустынѣ,
И брату братъ явлется рабомъ;
И Злоба, съ блѣдной матерью, Боязнью,
Сидитъ въ предѣлахъ высшей вышнны,
Всему живому угрожая казнью;
Источники любви затемнены,
И Женщина живетъ съ рабомъ рабою,
И жизнь полна отравой роковою.

14.

«И человѣкъ въ глубокихъ рудникахъ
Отыскиваетъ золото, чтобъ цѣнн
Себѣ сковать; онъ тернитъ трудъ и страхъ,
Проходитъ чрезъ лѣса, моря, и стены,
Чтобъ услужить такимъ, какъ онъ, рабамъ;
Убіенство совершаетъ онъ въ угоду
Своимъ же мрачнымъ деспотамъ-врагамъ;
Приноситъ въ жертву онъ свою свободу,
И кровь свою предъ идоломъ онъ льетъ,
Слѣпецъ, къ своей же гибели идти.

15.

«Что Женщина? Раба! Сказать мнѣ стыдно,
Что Женщина—отбросокъ очага,
Въ ней все, о чемъ и думать намъ обидно,
Она игрушка подлаго врага;
Отъ слезъ у ней вдоль щекъ идутъ морщины,
Хотя у ней улыбка на щекахъ,—
Правдива зыбъ и борозды пучины,
Обманенъ свѣтъ на гибельныхъ волнахъ;
Извѣстно всѣмъ вамъ, Женщиной рожденнымъ,
Какая боль дается угнетеннымъ.

16.

«Такъ быть не должно; можно вамъ возстать,
И золото своей лишится силы;
Любовь способна въ мѣрѣ возлбить,
Какъ лучъ; и суевѣрья мракъ унылый,
Себя связавшій съ кровью встарину,
Разсѣется. Взгляните, мысль высокой
Скрываетъ нисходящую луну;
Такъ тюрьмы—только призракъ одинокій,
И капища исчезнутъ какъ туманъ,
Лишь Человѣку свѣточъ вѣчный данъ.

17.

«Пусть будутъ все и равны, и свободны!—
Въ душѣ у всехъ васъ откликъ слышу я,
Нѣжнѣйшій звукъ, отрадно-благородный.
Откуда вы? скажите мнѣ друзья.
Увы, какъ много я читаю горя,
Какъ много скорбныхъ тягостныхъ страпнцъ,
Всего, что возникало, тайно споря,
Въ чертахъ изнеможенныхъ вашихъ лицъ;
Легенды я читаю въ вашихъ взорахъ
О войнахъ, о владыкахъ, о раздорахъ.

18.

«Откуда вы приходите, друзья?
Вы лили кровь? вы золото собирали,
Чтобы Тиранъ, обманъ въ душѣ тая,
Могъ быть убійцей, создавать печали?
Или у бѣдныхъ вымогали вы
Достатокъ ихъ, надъ чѣмъ они корнѣли?
Иль кровь на васъ еще свѣжа, увы?
Сердца у васъ въ обманахъ посѣдѣли?
Познавъ себя, омойтесь, какъ росой,
Я буду вамъ и другомъ, и сестрой.

19.

«О, не скрывайтесь,—сердце въ насъ людское,
 Одно,—у мыслей всѣхъ одинъ очагъ;
 Чтѣ въ томъ, коль преступленъ роковое
 Тебѣ сказано: будь живущимъ врагъ;
 Въ томъ приговоръ, что быть, могъ быть, или будетъ
 Твоимъ, и всѣхъ людей. Въ томъ намъ судьба.
 На краткій срокъ насъ Жизнь изъ тьмы пробудитъ,
 И Время замыкаетъ насъ въ гроба,
 И насъ, и наши мысли, и стремленья,
 Всей цѣпи нескончаема звеня.

20.

«О, не скрывайтесь—вы полны борьбы,
 Сестра Стыда, въ васъ есть Вражда глухая;
 Въ вашъ умъ взгляните—книга въ немъ судьбы—
 Тамъ имена, и тьма въ нихъ роковая,
 Въ нихъ множество зеркалъ для одного;
 Но черный духъ, что, обмакнувъ въ отравѣ,
 Желѣзное перо, для своего
 Безсмертья, о своей тамъ ищетъ славу,
 Безвреднымъ былъ бы, если бъ у людей
 Въ сердцахъ берлоги не нашеть своей.

21.

«Да, это Злоба, призракъ безобразный,
 Что носить много мерзостныхъ именъ,
 Подъ маскою является онъ разной,
 Но смертнымъ жаломъ вѣчно надѣленъ;
 Когда свои змѣнные извивы
 Вкругъ сердца онъ советъ, и утолитъ
 Голодные свирѣпыя порывы,
 Онъ съ бѣшенствомъ вѣмъ, кто кругомъ, грозитъ;
 Такъ Амфисбена, возлѣ трупа птицы,
 Шипя, вращаетъ узкія зѣницы.

22.

«Не упрекай же собственной души,
 Не ненавидь чужого преступленья,
 Порывъ самопрезрѣнья утиши.
 Въ томъ себялюбье, самопоклоненье,
 Желать, чтобъ плакалъ, бился человѣкъ,
 За мысли прошлыхъ дней и ихъ дѣянья;
 Напрасно; что прошло, прошло навѣкъ,
 Слилось со Смертью, тщетно воздаянье;
 Но—твоей просторъ идущихъ къ намъ годовъ,
 Въ груди создать ты можешь рай цвѣтовъ.

23.

«Откуда вы? Скажи мнѣ!»—Нѣкто Юный
 Отвѣтилъ мнѣ: «Въ пустынь бурныхъ водъ
 Плыдемъ мы, и шумятъ вокругъ буруны,
 И вѣтеръ насъ на зыбкой влагѣ бьетъ;
 Твоя душа въ глазахъ читать умѣетъ,
 Но многое въ приниженныхъ сердцахъ
 Такъ глубоко, такъ боязливо тѣетъ,
 Что отраженья нѣтъ ему въ глазахъ;
 Хлѣбъ рабства, горькій, мы ѣдимъ отъ дѣтства,
 Дается безнадежность намъ въ наслѣдство.

24.

«Да, я тебѣ отвѣчу, хоть меня
 Безъ словъ томила, до сегодня, тайна,
 Что, тѣя, жгла меня, какъ голова;
 На всѣхъ ты смотришь такъ необычайно,
 О, дивная, что блеску острыхъ глазъ
 Безспорно надлежитъ повиновенье;
 Да, вѣрно ты зовешь рабами насъ,
 Отъ мѣсть, что сердцу дороги съ рожденья,
 Оторваны, влачимъ мы по волнамъ
 Добычу, что назначена не намъ.

25.

«Изъ мирныхъ селъ, отъ доловъ молчаливыхъ,
Красивѣйшихъ изъ горныхъ дочерей
Влачимъ туда, гдѣ свѣтъ вещей красивыхъ
Пятнается навѣсъ въ душѣ своей;
Рядъ лѣтъ прошелъ и сжалъ свои посѣвы,
И не было мышленія во мнѣ,
До той поры, какъ очи нѣжной Дѣвы
Блеснули мнѣ, гори въ своей веснѣ;
Въ ней жизнь моя,—я только отраженье,
Я дымъ костра,—и ждетъ уничтоженье.

26.

«Ее везутъ къ Тирану во дворец!»—
Онъ смолкъ и сѣлъ у паруса, согбенный;
Какъ будто былъ въ его душѣ свинецъ;
И плакалъ; между тѣмъ надъ влагой нѣжной
Корабль бѣжалъ, покуда за звѣздой
Звѣзда не стала гаснуть, и Матросы
Толпились вокругъ меня, и Рулевой
Глядѣлъ,—въ душѣ у каждаго вопросы,—
И Капитанъ смотрѣлъ въ нѣмой тоскѣ,
Въ немъ скорбь была—какъ въ вѣчномъ родникѣ.

27.

«Проснитесь! И не медлите! Скорѣе!
Ты старъ. Надежда можетъ молодить.
Любовь, Надежду съ Юностью лелѣя,
Связуетъ ихъ, свою даетъ имъ нить.
На насъ глядятъ созвѣзды съ небосклона.
Жива ль въ васъ правда? Жалость есть ли въ васъ
Къ другимъ сердцамъ, къ тоскѣ чужого стона?
Хотите ль вы, чтобъ жгучій ядъ погасъ?—
Свободны будьте,—вмигъ отъ тьмы проснемся.
Клянитесь!—И вскричали всѣ: «Клянемся!»

28.

«Тьма дрогнула, какъ будто тяжкій громъ
Проснулся въ отдаленномъ подземельи,
И отклики на берегу морскомъ
Зарокотали, точно ночь, въ весельи,
Съ Землей и съ Небомъ въ праздникѣ слилась,
Свободу торжествуя, въ честь которой
Семья матросовъ радостно клялась;
Раздвинулись тяжелые запоры,
И пѣвицы, при факелахъ, толпой,
На палубѣ сошлись во мглѣ ночной.

29.

«Нѣжнѣйшія чистѣйшія созданья,
Въ глазахъ у нихъ видѣлася весна,
Святинице дремотнаго мечтанья,
Гдѣ мысль еще не нарушала сна,
На ихъ челѣ тяжелое мученье
Еще не начертало страшный слѣдъ.—
Была свобода имъ—какъ сновидѣнье,
Но, черезъ мигъ понявъ, что рабства нѣтъ,
Они слились въ словахъ, въ улыбкахъ нѣжныхъ,
Въ восторгахъ молодыхъ и безмятежныхъ.

30.

«И лишь одна въ безмолвіи была,
Она была нѣжнѣй, чѣмъ день лучистый,
Она была какъ лилія свѣтла,
Подъ прядями акаціи душистой;
Но блѣдность переменная ея,
Какъ переменность лиліи отъ тѣни,
Являла грусть; дыханіе свое
Сдержавши въ нѣгѣ сладостныхъ мученій,
Тотъ Юный всталъ, я руки ихъ взяла,
И счастьемъ ихъ я счастлива была.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

1.

«Въ ту ночь пристали къ бухтѣ мы лѣнстой,
И такъ же къ намъ не прикасался сонъ,
Какъ въ часъ, когда нѣтъ больше скорби мглстой,
Онъ нѣженъ въ томъ, кто счастливъ и влюбленъ;
Ночь провели мы въ радости взаимной,
Кругомъ былъ лѣсъ дубовъ и тополой,
Сіянье звѣздъ, своею тѣнью дымной,
Они скрывали въ зеркалѣ зыбей,
И намъ шептали шепотомъ привѣтнымъ,
И трепетали въ вѣтеркѣ разсвѣтномъ.

2.

«И каждой дѣвой, каждымъ морякомъ
Принесена была изъ чаши лѣса
Живая вѣтка, не съ однимъ цвѣткомъ,
И вскорѣ ихъ зеленая завѣса
Видѣлась между мачтъ и парусовъ,
Цвѣли цвѣты надъ носомъ и кормою;
Какъ жители веселыхъ острововъ,
Мы плыли въ свѣтѣ солнца надъ волною,
Какъ будто гнаться были мы должны
За смѣхомъ вѣчно-радостной волны.

3.

«И много кораблей, чей парусъ бѣлый
Пятналъ воздушно голубой просторъ,
Отъ насъ бѣжало въ робости несмѣлой;
И тысячи людей глядѣли съ горь,
И точно пробудилась вся Природа,
Тѣ тысячи внимали долгій крикъ,
Въ немъ былъ восторгъ, въ немъ былъ твой смѣхъ, Свобода,
Земля явила дѣтямъ нѣжнѣйшій ликъ.
Всѣ слышали тотъ крикъ:—такъ надъ горами
Высь къ выси плетъ свой «Добрый день!» лучами.

4.

«Какъ тѣ лучи надъ цѣнью дружныхъ горъ,
Окутанныхъ рѣдьющимъ туманомъ,
Возникъ всеобщій возгласъ, и въ просторъ
Вознесся, точно вскинутый вулканомъ;
Въ людскихъ сердцахъ безумья яркѣй лучъ
Промчался побѣдительнымъ потокомъ,
И этотъ токъ настолько былъ могучъ,
Что смылъ всю тьму въ стремленіи широкомъ,
Никто не зналъ, какъ Вольность къ нимъ пришла,
Но чувствовали всѣ—она свѣтла.

5.

«Мы гавани достигли. Были души,
Въ которыхъ жила тотъ блескъ лишь краткѣй часъ,
Какъ свѣтъ зарп, не освѣтивши суши,
За моремъ вспыхнуть, тотчасъ же погасъ;
Но вскорѣ пламя, точно изъ расщелинъ,
Обниметь трупы, саваны сожжетъ,
И снова будетъ мѣръ весенній зеленъ,
И будетъ синимъ яснымъ небосводъ,
Во всѣ умы проникнетъ восхищенье,
Какъ судорожный блескъ землетрясенья.

6.

«Черезъ великій городъ я тогда,
Окружена счастливою толпою,
Прошла безъ страха, чуждая стыда;
И какъ среди пещеръ, глухой грозой,
Подземною, встревожилъ сонный лѣсъ,
Надъ каждою душою пробужденной
Промчался шепотъ, вѣянье чудесъ,
И плакали иные, и смущенный,
Иной твердилъ, что кончился позоръ,
Возстановлялъ забытыхъ словъ узоръ.

7.

«Я рѣчью порвала покровъ тотъ черный,
 Что Правду скрывалъ, Природу, и Любовь,
 Какъ тотъ, кто говоритъ съ вершины горной,
 Что солнце тамъ, вошь тамъ зажжется вновь,
 И тѣни подтверждаютъ указанье,
 Бѣгутъ изъ роцъ, уходятъ отъ ручьевъ.
 Такъ помыслы зажгли свое сіянье
 Во мглѣ едва проснувшихся умовъ;
 И мудрость для сердецъ была броней,
 Соединившись съ волею стальною.

8.

«Иные говорили, что ума
 Лишилась я, другіе, что Пророка
 Невѣста къ нимъ явилася сама,
 Иные же, что демонъ, духъ порока,
 Укравъ людскую форму, къ нимъ пришелъ
 Изъ темной зачарованной пещеры;
 Нѣтъ, это духъ къ намъ Божій снизошелъ,—
 Иные утверждали, полны вѣры,—
 Чтобъ съ женщины смерть и цѣпи рабства снять,
 И на себя гнѣтъ ихъ грѣховъ принять.

9.

«Но вскорѣ я для словъ людскихъ правдивыхъ
 Сочувствіе въ людскихъ сердцахъ наша,
 Союзъ возникъ изъ душъ вольнолюбивыхъ,
 Въ которыхъ мысль была, какъ жизнь, смѣла;
 Другіе, въ ожиданіи уснѣха,
 Вступили въ тотъ союзъ въ своихъ сердцахъ;
 И каждый мигъ,—свѣтила ль имъ утѣха,
 Иль проводили день въ своихъ дѣлахъ,—
 Они въ себѣ лелѣяли усилья,
 Чтобъ Жизнь легко свои взмахнула крылья.

10.

«Но женщины главнымъ образомъ мой зовъ
 Извлекъ изъ ихъ темницъ, нѣмыхъ, холодныхъ;
 Вдругъ сбросивъ гнѣтъ мучительныхъ оковъ,
 Они въ себѣ увидѣли свободныхъ;
 Тираны ихъ сидятъ въ своихъ дворцахъ,
 Пустынныхъ, все рабы изъ нихъ бѣжали,
 Въ глазахъ печезъ когда-то бывший страхъ,
 И вслѣдствіи гнѣва ихъ не удержали;
 Ничѣмъ не наложить цѣпей на тѣхъ,
 Кто раньше былъ готовъ на рабскій грѣхъ.

11.

«И тѣ, кого меня схватить послали,
 Рыдали, опустивъ свои мечи,
 Въ нихъ таялъ духъ, свои увидѣвъ дали,
 Какъ таетъ воскъ въ пылающей печи;
 Надъ Городомъ великое молчанье,
 Въ предчувствіи тающихся громовъ,
 Лелѣяло и страхъ, и упованья,
 Такъ глыбы темныхъ грузныхъ облаковъ
 Висятъ, и люди блѣдные томятся,
 Предъ тѣмъ какъ змѣи молній разразятся.

12.

«Какъ тучи, что пришли изъ дальнихъ странъ,
 На горные, въ вѣтрахъ, ложатся склоны,
 Раскинулся вольнолюбивыхъ станъ,
 Вкругъ Города собрались миллионы;
 Надежды—темныхъ вызвали изъ норъ,
 Людей сплотила истина святая,
 Твои нагѣвы, дивный ихъ узоръ,
 Твоихъ созвучій сила молодая
 По воздуху плыла, какъ аромать,
 Подъ крикъ «Лаонъ» свѣтился смѣлый взглядъ.

13.

«Тираниъ узналъ, что власть его беспильна,
 Но Страхъ, сынъ Мищеня, приказалъ ему
 Быть предавшимъ тому, что грязно, пыльно,—
 Извѣна, деньги снова могутъ тьму
 Родить въ людскихъ умахъ, затмить обманомъ
 Возможно мысли, возбудить въ нихъ страсть;
 Святоши были посланы тираномъ,
 Жрецы, чтобы мятежниковъ проклясть.—
 И вотъ они зывали къ Разрушенью,
 Къ Чумѣ, къ Нуждѣ, къ Бѣдѣ, къ Землетрясеню.

14.

«И подкунилъ онъ важныхъ стариковъ
 Вѣщать о томъ, что славныя Аонны
 Лишь пали отъ того, что гнетъ оковъ
 Имъ былъ противенъ; нужны властелины
 Немногіе, чтобъ многихъ обуздать,
 Необходимость въ томъ, и гласъ Природы,
 На людяхъ старыхъ—мудрости печать,
 А въ юныхъ—дикій бредъ, недугъ Свободы,
 Въ неволѣ—миръ, и люди старыхъ дней
 Всѣхъ вольныхъ, гордыхъ утишили ей.

15.

«И низкой ложью усть своихъ отравныхъ
 На время затемнить они могли
 Сіянье мудрецовъ и бардовъ славныхъ;
 Намъ нужно быть смиренными, въ пыли,—
 Такъ купленные громко возвѣщали,—
 Вся жизнь—необходимость темноты,
 Земной удѣлъ—тревоги и печали,
 Мы слабы, грѣшны, полны слѣпоты,
 И воля одного есть миръ спокойный,
 А мы должны терзаться въ день нашъ знойный.

16.

«Такъ устранимъ мы, намъ грозившій, адъ.—
 И лицемѣры лгали богохульно,
 Но время ихъ прошло, пришелъ закатъ,
 Не ликовать имъ властно и разгульно;
 Не обмануть умовъ имъ молодыхъ,
 Смѣшна была тщеславность ихъ сѣдая;
 Еще была толпа рабовъ другихъ,
 Они кивали, пошло утверждая,
 Что отошло владычество мужичинъ,
 И нынѣ разумъ женщинъ—господинъ.

17.

«На улицахъ монеты разсыпали,
 Лилось вино на пириествахъ дворцовъ,
 Напрасно! Башни шили вверхъ вздымали,
 Какъ прежде, но на возгласъ жрецовъ
 Чума Эвѳіпійскою дорогою
 Не приходила, Голодъ жадный взглядъ
 Кидалъ, какъ прежде, внизъ, къ толпѣ убогой,
 Изъ пышныхъ и возвышенныхъ палатъ,
 Куда нагребилъ онъ достатокъ бѣдныхъ;
 И Страхъ не омрачалъ надеждъ побѣдныхъ.

18.

«Да, Золото, а съ нимъ и Страхъ, и Адъ,
 Какъ пѣкіе развѣчанные боги,
 Утратили побѣдоносный взглядъ,
 Жрецы ихъ храмовъ ждали на порогѣ
 Напрасно почитателей своихъ,
 День изо дня ихъ алтари пустѣли,
 Ихъ голосъ въ мрачномъ каминѣ затихъ,
 И стрѣлы лжи безвредныя летѣли,
 И тщетный клевета плела узоръ,
 Чтобъ между вольныхъ возбудить раздоръ.

19.

«Тебѣ извѣстно, слишкомъ, остальное.—
 Съ тобою отъ крушенья мы спаслись—
 Мы здѣсь—и въ странномъ я теперь покоѣ—
 Съ тобой, взираю я съ угаса внизъ,
 И хоть могла бы вызывать рыданье
 Любовь людская, я смѣюсь свѣтло,
 Мы пережили радость вѣтъ страданья,
 И чувство тишины въ меня вошло,
 Нѣтъ мысли о случайностяхъ измѣны,
 О дѣтяхъ Завтра, что обманчивы пѣны.

20.

«Не знаемъ мы, что будетъ, но, Лаонъ,
 Знай, Цитна свѣтлой вѣстницею будетъ,
 Той пѣжностью, чѣмъ духъ твой озаренъ,
 Она въ чужихъ сердцахъ любовь пробудитъ,
 Свое одѣвши этой красотой,
 И сливши съ ней воздушныя видѣнья;
 Я связана съ тобой одной мечтой,
 Единой крови въ насъ горитъ теченье,
 Насиліе—какъ безпредметный сонъ,
 Что безвозвратной зыбью унесетъ.

21.

«Осенній вѣтеръ сѣмена нѣмыя
 Мчитъ надъ Землей,—загѣмъ придутъ дожди,
 Морозъ, мители, вихри снѣговые,
 Изъ Скниѣи далекой. Но гляди!
 Опять Весна промчалася надъ міромъ,
 Роняя росы съ нѣжно-свѣтлыхъ крылъ,
 Цвѣты въ горахъ, окутанныхъ эспромъ,
 Въ лѣсахъ, вездѣ, біенье новыхъ силъ,
 И музыка въ волнахъ, въ вѣтрахъ воздушныхъ,
 Въ живыхъ—любовь, спокойствіе—въ бездушныхъ.

22.

«Весна, эмблема радости, любви,
 Крылатый символъ юности, надежды!
 Откуда ты? Приютъ свой назови.
 Ты надѣваешь свѣтлыя одежды,
 Сливаешь слезы съ темною Зимой,
 Дочь Осени, съ ея улыбкой нѣжной,
 Соединенной съ радостью живой,
 Ты на ея могилѣ безмятежной
 Рождаешь блески свѣтлѣе цвѣтовъ,
 Но не тревожишь саванъ изъ листовъ.

23.

«Любовь, Надежда, Благо, какъ сіянье
 И Небо—суть окружность нашихъ сферъ.—
 Мы ихъ рабы. Отъ насъ порывъ мечтанья
 Занесъ—до отдаленнѣйшихъ пещеръ
 Людскихъ умовъ—посѣвы Правды ясной.
 Но вотъ, приходитъ мрачная Зима,
 Печаль могилъ, и холодъ Смерти властной,
 Приливъ насилья, буря и чума,
 Кровавость водъ сгустившихся застыла,
 И въ каждомъ сердцѣ—темная могила.

24.

«Посѣвы спятъ въ землѣ; а между тѣмъ
 Во мглѣ темницъ—рядъ жертвъ, какъ въ безднѣ зыбкой,
 И ихъ казнить—на поученье всѣмъ;
 На эшафотъ они идутъ съ улыбкой,
 И день за днемъ, во тьмѣ блѣднѣетъ лишь
 Ущербной славы Мудрости, и люди
 Молчатъ, ихъ умъ предъ идоломъ поникъ,
 Они лежатъ въ пыли, въ стѣсенной грудѣ,
 Ликують сѣдовласые Жрецы,
 И бичъ заботъ прошелъ во всѣ концы.

25.

«Зима настала въ мірѣ;—мы съ тобою
Застынемъ, какъ осенняя волна,
Покрытые туманной пеленою.—
Но вотъ гляди. Опять идетъ Весна,
Залогомъ были мы ея рожденья,
Изъ нашей смерти, какъ сквозь горный сводъ,
Грядущее приходитъ оживленье,
Широкій яркій солнечный восходъ;
Въ одеждѣ изъ тѣней, Земля блистаетъ,
Подъ тѣнью крыль своихъ орель взлетаетъ.

26.

«Любовь моя! остывшимъ будешь ты,
И буду я остывшею, холодной,
Когда займется утро красоты.
Ты хочешь видѣть блескъ ея свободный?
Вгляни въ глубины сердца твоего,
Въ немъ дышетъ рай безсмертнаго расцвѣта,
И между тѣмъ какъ все кругомъ мертво
И въ Небесахъ лазурь Зимой одѣта,
Въ лучахъ твоей мечты цвѣты горятъ,
И слышенъ звонъ, и дышетъ ароматъ.

27.

«Въ своихъ сердцахъ всѣ тѣ, въ комъ упованье,
Всѣ тѣ, кто упованіемъ великъ,
Находятъ волю добрую, сіянье,
Непогасимо-бьющійся родникъ,
И если мгла завистливая встанетъ,
Есть нѣчто, что встаетъ живымъ звеномъ,
И неизбежно живаго обманетъ,
И свяжетъ зло со зломъ, добро съ добромъ,
И власть добра пребудетъ безпредѣльна,
Съ тѣмъ, что—благое, слита нераздѣльно.

28.

«Они въ могилахъ, и глубоко ихъ сонъ,
Мыслители, Герои, и Поэты,
Властители законченныхъ временъ,
Но бездны міра славой ихъ одѣты;—
Мы имъ подобны: пусть могила ихъ
Сокроетъ,—ихъ мечты, любовь, надежды,
Ихъ вольность—для мечтаній міровыхъ
Какъ легкія лучистыя одежды;
Все, что сковалъ ихъ гений,—для временъ
Позднѣйшихъ—знакъ примѣра и законъ.

29.

«Пусть также подъ землей останки наши
Уснутъ, познавши странный тотъ удѣлъ,
Хотя бъ своей не выпили мы чаши,
Не охладили жизнью нашихъ тѣлъ;
Пусть наша мысль, и чувство, и мечтанья
Отъ нашего отступая существа,
Не будутъ тамъ, гдѣ дынуть всѣ созданья,
Гдѣ будетъ нашей волей мысль жива,
Пусть тѣ, что черезъ насъ въ покой вступили,
Не будутъ даже знать, кто въ той могилѣ.

30.

«Пусть. Наша жизнь, и мысли, и любовь,
И все, чѣмъ были мы, и наше счастье,
Безсмертно будутъ жить, свѣтиться вновь,
Какъ яркій день надъ сумракомъ ненастья;—
Въ разорванности тьмы былъ явленъ свѣтъ,
Лишь міра явленъ былъ надъ бездною шумной;
И какъ увидѣвъ сцену давнихъ лѣтъ,
Къ надеждѣ возвращается безумный,
И, вспомнивъ все, опять живетъ, любя,
Такъ вспомнить темный человекъ—тебя.

31.

«И Клевета межъ тѣмъ терзать насъ будетъ,
 Какъ пожирають черви мертвецовъ,
 Презрѣнныя и проклятiя пробудитъ
 Во мракѣ капищъ, въ душной мглѣ дворцовъ;
 Что мы свершили, будетъ всемъ извѣстно,
 Хотя никто того не подтвердитъ,
 Но наша память будетъ повсемѣстно,
 А ихъ дѣла забвенный прахъ затмитъ;
 Въ людской душѣ живыя изваянья
 Прочтѣнныя живутъ, чѣмъ льстивыхъ рукъ созданыя.

32.

«Но Разумъ съ Чувствомъ между тѣмъ отъ насъ
 Уйдутъ, и волшебство ихъ прекратится,
 Погаснетъ свѣтъ вотъ этихъ губъ и глазъ,
 Во тѣмѣ могилахъ, гдѣ жадный червь таится,
 Въ чудовищности мрачной слѣпоты,
 И намъ не вспыхнутъ блески возрожденья,
 Въ дремотности той душной темноты
 Не загорятся золотомъ видѣнья;
 Безчувственная смерть—гниенье—тьма,
 Глубокая холодная тюрьма.

33.

«Нѣтъ, духъ нашъ лишь фантазіей терзаемъ:
 Какъ знать уму—что мыслью не поймемъ,
 Ни чувствомъ не постигнемъ! Мы не знаемъ,
 Откуда мы, и какъ, зачѣмъ живемъ,
 Не знаемъ мы, какое Повелѣнье
 Велитъ горѣть созвѣздьямъ въ вышнѣхъ,
 Влагаетъ жизнь свою въ звѣрей, въ растенья,
 Вотъ въ эти мысли.—О, поди ко мнѣ!
 Я цѣль кую, чьи звеня неразрывны,
 Огни ихъ слишкомъ ярки и призывны.

34.

«Да, да—горять огнемъ твои уста,
 Твой подвѣлуй плѣнительнень, о, милый,
 И разъ твоя погибнетъ красота,
 Пусть будетъ взоръ мой скрытъ глухой могилой,
 Пусть я засну, чтобъ не проснуться вновь:
 Что жизнь, нераздѣленная съ тобою!
 Да, Цитру мудрой сдѣлаешь Любовь,
 Когда погаснетъ Мудрость предо мною:
 Смерть темная, разъ только смерть вѣрна,
 Милѣй, чѣмъ жизнь, коль безъ тебя она.

35.

«Что мыслимъ мы, уносится теченьемъ,
 И не придетъ къ началу своему;
 Земля и Небо, съ вѣчнымъ ихъ сплетеньемъ,
 Ихъ дѣти—лучи, свѣтъ ведущій Тьму,
 Зима, Весна, и всѣ цвѣты земные,
 Несутся въ бездну, гдѣ ихъ вѣчень плѣнь;
 Съ тѣхъ поръ какъ рѣчь я начала впервые,
 Какъ много совершилось переменъ!
 Но великую прощу я жизни смѣну,
 Лишь не въ тебѣ, лишь не твою измѣну.»

36.

Она умолкла, день межъ тѣмъ погасъ,
 Умолкла, но какъ будто рѣчь звучала
 Въ сіяніи глубокихъ темныхъ глазъ,
 И ласка вѣтра прядь волосъ качала
 Такъ нѣжно.—«О, восторгъ моей души»,
 Воскликнулъ я, «звѣзда любви безбрежной!
 Когда бъ я Небомъ былъ въ ночной тиши,
 Я тысячами глазъ съ любовью нѣжной
 Глядѣлъ бы на тебя!»—Воздушно-нѣмъ,
 Въ ея улыбкѣ вспыхнулъ мнѣ Эдемъ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

1.

Не духъ ли человѣческій скрывался
 Въ конѣ, что громкимъ ржаніемъ прервалъ
 Нашъ сонъ, когда разсвѣтъ не начинался?
 Иль тотъ, кто живъ, великъ ли онъ, иль малъ,
 Съ другими слить, живыми, и мышленьемъ
 Для всѣхъ одинъ воздвигнуть общій тронъ,
 Куда приходитъ каждый съ приношеньемъ
 Посильнымъ? И Земля, услышавъ стонъ
 Своихъ дѣтей, сама, любя, тоскуетъ,
 Своей любви богатства всѣмъ даруетъ?

2.

Я часто слышала нѣжный зовъ друзей
 Въ рѣчахъ рожденныхъ не душой людскою:
 Миѣ пѣлъ съ воздушной лаской Соловей,
 Среди плюща, межъ тѣмъ какъ я тоскою
 Былъ угнетенъ; въ долинахъ я видалъ,
 Какъ Антилопы легкія блуждаютъ,
 Въ ихъ голосахъ родной миѣ звукъ вставалъ,
 Они какъ люди чувствуютъ, страдаютъ;
 Такъ миѣ теперь сказалъ тотъ гордый конь,
 Что вотъ ужъ скоро день зажжетъ огонь.

3.

Тотъ конь могучій каждой ночью мчался
 Среди равнинъ, межъ горъ, во мглѣ ночной,
 И съ пицею домой я возвращался;
 Но конь запятнанъ кровью былъ людскою,
 Она текла вездѣ; и въ полумракѣ
 Волковъ я видѣлъ, корнуновъ, и змѣй,
 Рычали одичавшія собаки,
 Глены, съ мерзкой жадностью своей,
 Въ ужасномъ мирѣ, трунами питались,
 Передъ конемъ какъ волны размыкались.

4.

Съ предѣловъ отдаленнѣйшихъ земли
 Рабы къ Тирану шли и шли толпами,
 Ихъ деспоты въ нихъ злой огонь зажгли;
 И какъ на Югѣ, жгучими волнами,
 Пожаръ жжетъ травы, окруживъ стада,
 Такъ шли войска державъ соединенныхъ,
 Воздемъ тѣхъ рабскихъ войскъ была Бѣда,
 Ихъ путь—пожары деревень зажженныхъ;
 Земля дрожала отъ толпы людей,
 И море—отъ бѣгущихъ кораблей.

5.

Они пришли отъ каждаго народа,
 Толпы существъ, лишившихся сердець,
 Не знавшихъ, что такое есть Свобода;
 Они пришли съ покорностью овецъ,
 Которыхъ ихъ пастухъ окровавленный
 Ведетъ на бойню; волей ихъ владыкъ
 Сюда пришелъ Татаринъ разъяренный,
 И Франкъ, и миллионы тѣхъ, чей ликъ
 Вѣтровъ Индійскихъ вѣдалъ дуновенье,
 И Сѣверныя были здѣсь видѣнья.

6.

Отъ Идумейскихъ были здѣсь песковъ
 Толпы тѣней,—чудовищное братство,
 Сытъ Азін былъ слушаться готовъ,
 Когда его, исполненный злорадства,
 Европы хищный сытъ училъ пускать
 Стрѣлу въ грудь пастуха, что на высокой
 Скалѣ сидѣлъ,—и, въ счастья—убивать,
 У дикаря улыбкою широкой
 Лицо сияло, и другъ друга такъ
 Учили злу враги, сгущая мракъ.

7.

Исполненный позорнаго обмана,
 Въ тотъ самый часъ, когда онъ былъ спасенъ,
 Тирани воззвалъ къ врагамъ,—и за Тирана
 Возсталъ за миллиономъ миллионъ.
 Другимъ владыкамъ, съ горныхъ башенъ, знаки
 Онъ подавалъ,—днемъ устремляя дымъ,
 И зажигая цѣпь огней во мракѣ;
 Они пришли, соединились съ нимъ,
 И въ перемьрье странное вступили
 Тѣ, что волками межъ собою были.

8.

Ужь мириады къ Деспоту пришли,
 Еще въ дорогѣ были миллионы;
 Кровь передъ нимъ ручьемъ лилась въ пыли,
 Средь палачей онъ жадно слушалъ стоны,
 Смерть посылалъ Тирани во всѣ концы,
 «Я чувствую, что я теперь Владыка!»
 Сказалъ онъ, принести велѣлъ нищцы,
 Огонь, и дыбу, и смѣялся дико,
 Что крючья и жестокой скорпионъ
 Извлечь изъ тѣла могутъ долгій стоишь.

9.

«Но для чего вернулись дружины?»
 Спросилъ онъ. «Пусть мятежныхъ бьютъ и бьютъ,
 Ихъ миллионы, а изъ нихъ единый
 Зажечь пожаръ способенъ: тлѣеть тлѣть;
 Пусть, кромѣ тѣхъ, что здѣсь въ стѣнахъ сокрыты,
 Погибнуть всѣ, и каждый пятый здѣсь
 Залогъ того, что дерзкіе избиты,—
 Чтобъ городъ былъ отъ нихъ очищенъ весь!»
 Одинъ солдатъ отвѣтилъ: «О, владыка,
 Прости, но царство ночи многолико!

10.

«И утренній ужъ близится огонь;
 Запесь я руку надъ вождемъ ужаснымъ,
 Вдругъ вижу, мигнетъ черный адскій конь,
 Несется онъ подъ Ангеломъ прекраснымъ,
 Мечъ огненный у Ангела того.»
 «Ты смѣешь говорить со мной, несчастный?»
 Воскликнулъ Деспотъ.—«Привязать его
 На дыбѣ; пусть за этотъ бредъ напрасный
 Терзается; получить плату тотъ,
 Кто женщину найдетъ и приведетъ.

11.

«И если у него есть врагъ заклятый,
 Онъ можетъ съжечь его.—Впередъ! Скорѣй!»
 И вотъ кони послышались раскаты,
 То конница помчалась средь полей,
 За нею потянулася пѣхота,
 Какъ облако, до отдаленныхъ горъ.
 Пять сутокъ не сомкнула глазъ дремота,
 И кровь лилась, наполнила просторъ,
 И въ день шестой у города сгустилась,
 И на седьмой рѣзня остановилась.

12.

Миръ—на поляхъ, въ селеніяхъ пустыхъ,
 Средь жалкихъ изуродованныхъ мертвыхъ.
 Миръ—въ городѣ, на улицахъ нѣмыхъ,
 Погостомъ неогляднымъ распростертыхъ;
 Лишь тамъ и сямъ безумной жертвы крикъ,
 Которую влачатъ къ терзаньямъ пытки,
 И близкіе блѣднѣютъ,—вдругъ языкъ
 Кричащаго отмѣтитъ въ длинномъ свиткѣ
 Кого-нибудь еще; во мглѣ дворца—
 Миръ, пиршество, и нѣenni безъ конца.

13.

День ото дня, какъ огненное око,
Надъ оскверненной смертію Землей,
Капало Солнце жгучее съ востока,
Колосевъ рѣдкихъ вырастая строй;
Оно какъ факель Осени горѣло,
Въ лазури зной стоячій тяготѣлъ,
Безвѣтріемъ лазурь отяжелѣла,
Объятъ былъ жаждой воздухъ,—и изъ тѣль
Всю выпилъ влажность, этотъ паръ гніенія
Былъ скоръ, незримо было испаренье.

14.

Къ звѣрямъ пришла Чума, пришла Бѣда,
Они вдыхали воздухъ зараженный,
Ихъ запахъ крови заманилъ сюда,
Они пришли толпой многомиллионной
Вослѣдъ толпѣ враждующихъ людей,
Себя сполна имъ труны въ пещи дали;
Они теперь, какъ полчища тѣней,
Свирѣпые и тонкіе блуждали,
Въ глазахъ зеленыхъ странный былъ недугъ,
Къ нимъ смерть являлась въ судорогахъ, вдругъ.

15.

Въ отравныхъ рѣкахъ рыбы умирали,
И въ чащѣ птицы гибли безъ слѣда;
Родъ насѣкомыхъ вымеръ; и стонали
Послѣднія псахиіа стада,
Животныя, глядя другъ другу въ лица,
Кончались; а вокругъ Города, всю ночь,
Гіенъ худыхъ рыдала вереница,
Какъ дѣти,—точно имъ прося помочь,—
И многія изъ матерей, съ тоскою,
Дрожали, болью тронуты такою.

16.

Средь минаретовъ, легкихъ, какъ мечты,
Эіопійскихъ коршунѣвъ чернѣли
Ряды; вдругъ коршунъ падалъ съ высоты,
И люди, вдрогнувъ, съ ужасомъ блѣднѣли.—
Въ тѣхъ знакахъ слишкомъ ясной вѣсты была,
Что быть бѣдѣ. И паника настала.
Предчувствіе пугающаго зла,
Во всѣхъ сердцахъ прикосновеніе жала;
Неизреченный и тошнотный ядъ
Распространялся быстро, точно взглядъ.

17.

Съ исходомъ года наступаетъ холодъ,
Вѣнокъ листовъ срываетъ каждый день;
Такъ вихремъ, къ этимъ страннымъ людямъ, Голодъ
Примчался, ихъ орды сдавила Тѣнь,
И воздухъ застоналъ отъ новой пытки;
У Смуты порожденія нѣтъ страшнѣй,
Хотя она рождаетъ ихъ въ избыткѣ,
Питая тѣни тысячу грудей,
Чуму, Рѣзню, Ложь Мысли, Бичъ Заботы,
Безъ вѣкъ глаза ихъ, чутокъ мракъ дремоты.

18.

Вѣсть нечего, хлѣбъ выгонять въ поляхъ:
Стада погибли, всѣ; гнилыя рыбы
Лежали на зловонныхъ берегахъ;
Глубины водъ, озеръ и рѣкъ изгибы—
Безъ пшени; на поверхности вѣтровъ
Нѣтъ тѣни крыльевъ птицъ, какъ въ дни былые;
Пространства виноградниковъ, садовъ,
Всѣ Осени амбары золотые,
Сгорѣли; каждый маленькій кусокъ—
Всѣхъ золота; духъ Скряги изнемогъ.

19.

Нѣтъ хлѣба—на базарахъ продавали
 Всѣ гнусности, вплоть до кусковъ людскихъ,
 При видѣ ихъ у многихъ застывали
 Отъ страха лица; въ кладовыхъ своихъ
 Взвивъ золота, скупецъ звенѣлъ имъ звонко;
 И дѣва, ставъ отъ голода смѣлѣй,
 Себя продать хотѣла бѣ; и ребенка,
 Влекомая слѣпой нуждой своей,
 Мать приносила, снова возвращалась,
 Его кормила грудью, и кончалась.

20.

На родъ людской низвергся снѣгъ Морь.
 «О, если бѣ сталь, что такъ еще недавно
 Здѣсь кровь лила, вновь ослѣпила взоры!
 Когда бѣ землетрясенье полноправно
 Взырало, или взметнулся бѣ Океанъ!
 Напрасный вопль. Безумный строй несется
 Средь улицъ, каждый пыткой обузгъ,
 И каждый воегъ, и горигъ, и жметсѣ,
 Или, подъ властью сумасшедшихъ снова,
 Сидѣть на свѣжнхъ грудѣхъ мертвецовъ.

21.

Теперь не голодъ былъ, а ужасъ жажды.
 Гнилою кучей тяжкихъ темныхъ тѣлъ
 Набитъ былъ, какъ котель, колодець камдѣй,
 И мглой зеленой по утрамъ блестялъ.
 Къ нимъ все же притекали мнрiады,
 Чтобы залить огонь горячихъ мукъ
 Гниющей влагой мерзостной услады;
 Безъ мыслей, безъ стыда, они вокругъ
 Толклись, нагѣ, возрастовъ различныхъ,
 Въ багровыхъ язвахъ, въ ранахъ необычныхъ.

22.

Теперь была не жажда, дикій бредъ.
 Предъ многими, вездѣ, ихъ образъ тощій
 Шелъ рядомъ, отъ него спасенья нѣтъ,—
 Двойникъ упорный, полный тайной мощи.—
 И убивали жалкѣ себя,
 Чтобы уйти отъ привидѣнья сразу;
 Иные жъ гибли, но другихъ губя,
 Распространяли радостно заразу;
 Иные рвали волосы, крича:
 «Мы дождались небеснаго меча!»

23.

Порой, живой былъ спрятанъ между мертвыхъ.
 На площади, гдѣ водоемъ большой,
 Средь труповъ, пирамидой распростертыхъ,
 Крошившихся и принимавшихъ зной,
 Былъ слышенъ вздохъ задавленный, о жизни;
 И было странно видѣть красоту,
 Лежащую на этой гнусной тризгѣ,
 Какъ бы во снѣ хранящую—мечту;
 Подъ золотомъ волосъ, какъ изваянье,
 Иной былъ въ смерти—виѣ ея влѣнья.

24.

Въ дворецъ Тирана Голодъ не входилъ:—
 Онъ пировалъ съ покорною толпою
 Ханжей и стражей. Призракъ ихъ щадилъ,
 И не было Нужды; не такъ съ Чумою,
 На все она свою роняетъ тѣнь.
 Дай Голоду поѣсть; и онъ смѣется,
 Проходитъ мимо, какъ минувшій день;
 Но Волкъ-Чума за много миль несется,
 Крылатъ и жаденъ, вѣчно самъ не свой,
 Не будетъ сытъ онъ жалкой требухой.

25.

Такъ на пиру, въ дворцѣ, средь безразсудства,
Закованный въ блестящую броню,
Или полураздѣтый для распухтства,
Вдругъ преданный заразному огню,
Смолкаль на полусловѣ воинъ сильный,
Ночь новая въ его входила взоръ,
Внизъ головой, онъ падалъ въ мракъ могильный,
Или сидѣлъ, застывъ, глядя въ упоръ,
Иль выкликалъ, въ припадкѣ изступленья,
Провидецъ ада, тьмы, и угнетенья.

26.

Смутились и Владыки, и Жрецы;
Они въ своихъ обманахъ были смѣлы,
И вотъ, по недосмотру, ихъ стрѣльцы
Спустили въ нихъ же гибельныя стрѣлы:
Приюта нѣтъ, а смерть идетъ, близка,
И провожатый былъ слѣпецъ слѣпому;
И шли, и шли по улицамъ войска,
По направленью къ Капищу большому,
И каждый въ той процессіи слѣпой
Напрасно умоляетъ Идолъ свой.

27.

Они кричали: «Боже, мы надменно
Презрѣли поклоненіе тебѣ,
Мы думали, что будемъ неизмѣнно,
Смѣясь, противоборствовать судьбѣ;
Но мы теперь полны стыдомъ и страхомъ,
Будь милостивъ, о, мощный Царь Небесъ,
Мы прахъ и мы хотимъ смѣшаться съ прахомъ,
Дерзнули мы не знать твоихъ чудесъ,
Но отпусти намъ наши прегрѣшенья,
Твоимъ рабамъ не дай уничтоженья.

28.

«Всесильный Богъ, лишь ты имѣешь власть.
Кто тѣ, что предъ тобою будутъ смѣлы?
Коль ты кого задумаешь проклясть,
Кто сдержитъ наказующія стрѣлы?
Кто сдержитъ токъ нарывнаго дождя?
Будь милосердъ въ своей побѣдной силѣ!
Твоихъ враговъ, какъ паннию, бороздя,
Въ одинъ алтарь мы Землю превратили,
Мы Небо храмомъ сдѣлали твоимъ,
Гдѣ кровью дерзновенныхъ быть ты чтимъ.

29.

«Низливъ на этотъ Городъ нечестивый
Токъ мщенья, нынѣ гнѣвъ свой отзови.
Клянемся мы тобой, что міръ строитивый,
Покорные, потопимъ мы въ крови,
Лишь только дай свое соизволенье
Дружинѣ умоляющей твоей,
Мы приготовимъ страшныя мученья,
Адъ дьяволовъ и медленныхъ огней
Для дерзкихъ, что искупать долгимъ стономъ
Насмѣшку надъ святымъ твоимъ закономъ.»

30.

Они такъ чтили, блѣдные, дрожа,
Огромный призракъ собственнаго сердца,
Какъ бы завѣсу, съ трепетомъ, держа
Предъ каждымъ чуждымъ свѣтомъ иновѣрца;—
Изъ Храма вышли;—между тѣмъ Чума
То одного сражала, то другого,
Внезапная въ глазахъ вставала тьма,
Исполненная ужаса нѣмого,
И смута овладѣла всей толпой,
Быль прославляемъ каждымъ богъ иной.

31.

Ормуздъ, и Моисей, и Фо, и Брама,
И Заратуэтра, Будда, Магометъ,
Предъ зданіемъ оставленнаго храма
Возникъ именъ, паролей дикій бредъ;
Вздѣвая руки, каждый изступленный
Кричалъ: «Нашъ Богъ есть Богъ, и только оны!»
И бой ужъ надвигался, разъяренный,
Вдругъ каждый точно льдомъ былъ охлажденъ:
Раздался голосъ, жуткій, какъ шинѣе,
Подъ клубокомъ возникло привидѣнъе.

32.

То былъ ревнивый Иберійскій жрецъ,
Отъ запада привелъ онъ легіоны,
Въ его словахъ—расплавленный свинецъ,
Удѣлъ невѣрныхъ—пятаки, казни, и стоны;
Онъ былъ зловѣщимъ даже для друзей,
Притворство жило въ немъ и вмѣстѣ злоба,
Какъ узелъ двухъ, сплетенныхъ тѣсно, змѣй,
Какъ двойня подъ одною крышкою гроба;
Былъ врагъ ему—кто бытъ инымъ посмѣлъ,
Страннась Небесъ, онъ людямъ метить хотѣлъ.

33.

Но болѣе всего онъ ненавидѣлъ
Свѣтъ мудрости и вольнаго ума,
Ужъ онъ, дрожа, въ воображеніи видѣлъ,
Что Идола его разъята тьма;
Въ Европѣ уже некрилось веселье,
Въ предчувствіи, что конченъ сумракъ сновъ,
И много жертвъ, въ одной съ убійцей кельѣ,
Узнали гнетъ колодокъ и оковъ,
И видѣли, что дѣти ихъ ханжами
Захвачены и быть должны рабами.

34.

Въ Европѣ онъ не смѣлъ карать огнемъ
Или мечомъ невѣрныхъ, только пытки
Могъ назначать законнымъ онъ путемъ,
Но у закона слишкомъ длинны свитки,
И вотъ, на время—въ мирѣ, былъ онъ тамъ,
Гдѣ Богъ его презрѣнъемъ безпредѣльнымъ
Былъ окруженъ: онъ ждалъ, чтобы Исламъ
Возникъ какъ бичъ врагамъ его смертельнымъ;
Страхъ Неба тлѣлъ въ немъ вѣчно, какъ очагъ,
И былъ онъ людямъ—нетерпимый врагъ.

35.

«Умолкните!» вскричалъ онъ: «Послѣ смерти,
Когда настанетъ Страшный День Суда,
Чей Богъ есть Богъ, узнаете,—о, вѣрьте,
За всѣ ошибки въ вѣрѣ вы тогда
Заплатите мученъемъ безконечнымъ.
Но месть теперь на землю сплзнула,
За то, что, надъ судомъ смѣяся вѣчнымъ,
Болѣзнь нечестья смѣлою быть могла,
И потому возмездья васъ коснулись,
Основы государства пошатнулись.

36.

«Вы думаете, сдержитъ Богъ Чуму,
Въ отвѣтъ на ваши стоны и рыданья?
Ее по милосердью своему
Танлъ онъ, было долго ожиданье,
И выпустилъ на волю, наконецъ,
Судить его враговъ: такъ что жъ мы стоимъ,
Чтобъ этотъ полномочный божій жрецъ
Въ служеніи своемъ былъ безпокоимъ?
Нѣтъ, не замкнутся смертныя врата,
Пока живетъ его враговъ чета.

37.

«Да, голодь есть въ глубокой безднѣ ада,
И зѣвъ раскрыть у змѣй огнистой тьмы,
Они отъ насъ не отрывалотъ взгляда,
Въ ихъ пасти всѣ, что пали отъ Чумы,
Они кишатъ, какъ рыбы въ мелководье,
Имъ голодно, хотятъ пожрать они
Ихъ братьевъ, Сатанинское отродье,
Что манитъ души въ вѣчные огни;
Они хотятъ желѣзными клыками
Натѣшиться надъ гнусными сердцами.

38.

«Чумѣ велитъ умолкнуть Царь Небесъ;—
Возвышенный костеръ нагромоздите,
Вѣтвистый, оборвите цѣлый лѣсъ,
Камеди ядовитой положите,
Она лѣниво будетъ липнуть, жечь;
Прокрадываясь медленной походкой,
Огонь пройдетъ по сучьямъ, будетъ жечь,
Подъ красною желѣзною рѣшеткой,
А снизу будутъ жалить все большѣй
Стоножки, скорпионы, ленты змѣй.

39.

«На тотъ костеръ Лаона и Лаону
Взведите, мѣдью жаркою ихъ сливъ,—
Тогда молитесь Высшему Закону,
Услышанъ будетъ Небомъ вашъ призывъ.»
Онъ смолкъ, они молчаніе хранили,
Межъ тѣмъ какъ отзвукъ голоса вдали
Стихалъ, какъ въ сказкѣ молкнетъ отзвукъ были,
И на колѣни, злобный, всталъ въ пыли,
И бормоталъ проклятья. и въ раздорѣ
Толпа заволновалася, какъ море.

40.

Тотъ голосъ былъ какъ властный ураганъ,
Въ легендѣ растворившій двери Ада;
Разверзся, мшилось, огненный туманъ,
Раскрылася небесная громада,
Возникъ какъ будто тронъ на облакахъ,
На немъ Судья, окутанный грозою,
Въ душѣ у всѣхъ возсталъ безвѣстный страхъ,
Сдавиль ихъ всѣхъ палящей половою;
Они какъ зѣври были, въ лѣтній зной,
Когда кругомъ кипитъ пожаръ лѣсной.

41.

То было утромъ—въ полдень, между мертвыхъ
И средь живыхъ, глашатай возгласилъ:
«Владыка страгъ, какъ море, распростертыхъ,
Въ своемъ совѣтѣ вышемъ такъ рѣшилъ:
Кто приведетъ Лаона, иль Лаону,
Живыми, иль обоихъ ихъ убьетъ,
Наслѣдникъ царства будетъ по закону,
Но кто живьемъ обоихъ приведетъ,
Тотъ вступитъ въ бракъ съ владѣтельской Княгиней,
И будетъ, равнымъ, царствовать отнынѣ.»

42.

До ночи былъ костеръ нагромоздепъ,
И сверху былъ рѣшеткою украшенъ,
А снизу страшнымъ ложемъ гадовъ; онъ
Превыше былъ окрестныхъ мощныхъ башенъ;
Страхъ слѣдуетъ покорною стопой
За Злобою, не чувствуя обиды,—
Былъ созданъ сумасшедшею толпой
Огромный темный остовъ пирамиды;
Рабы, какъ овцы подъ огнемъ сѣбиной,
Толклись, несли еще, еще вѣтвей.

43.

Настала ночь, беззвѣздная, гѣмая,
Толпа ждала вокругъ этого костра,
Глубокое молчанье сохраняя,
Войска не расходились до утра;
И только змѣй свистанье и шипѣнье
Порою раздавалось въ этой тьмѣ,
Да кто-нибудь въ дремотное забвѣнье
Внадаль, поддавшись бѣшеней Чумѣ,
Въ веселіи она носилась дикомъ,
Свой путь въ толпѣ отмѣтивъ быстрымъ крикомъ.

44.

Настало утро,—въ полчищахъ людей
Безумье, Голодь, Страхъ, Чума крылами
Тѣла нагромождали: такъ ручей
Въ осенній день чернѣетъ весь листами;
Живые блѣдный составляли кругъ;
Предъ полднемъ вспыхнулъ страхъ всеобщій ада,
Паническій, какъ голодь, какъ недугъ,
Онъ всѣхъ душилъ удавной силой яда;
Шептались всѣ: «Чу! Чу! Они идутъ?»
О, Воже, близокъ часъ твой, близокъ судъ!»

45.

Жрецы, Святоши были въ полной силѣ,
Они въ толпѣ бродили, и одни
Являли рвенье, а другіе были
Въ дѣйствительномъ безумьи; да, въ огни,—
Они кричали,—надо богохульныхъ,
Иначе не насытимъ адскихъ змѣй,—
И вотъ зажглись, какъ въ пиришествахъ разгульныхъ,
Три сотни алчныхъ пламенныхъ печей,
И каждый, хоть родной, но разъ невѣрный,
Роднымъ сжигался, въ ревности примѣрной.

46.

Въ свирѣпомъ дымѣ полдень потонулъ,
Вечерній вѣтеръ прахъ развѣялъ сѣрый,
Отъ этихъ жертвъ, на время, бредъ уснулъ,
Но на закатѣ вновь возсталъ, безъ мѣры.
Кто скажетъ, что случилось въ темнотѣ,
Добра и зла кто уровень отмѣтитъ?
Онъ тайну къ должной приведетъ чертѣ,
И лабиринтъ людской души освѣтитъ,
Гдѣ чаенье, близъ мысленныхъ стреминъ,
Съ тоской въ борьбѣ—не часъ, не годъ одинъ.

47.

Такъ, мать одна троицъ дѣтей, со смѣхомъ,
Приволокла къ огню, и умерла;
И преданные мерзостнымъ утѣхамъ,
Служители чудовищнаго зла,
Что ѣли труны, въ Небѣ тронъ узрѣли,
И Ангела, и Ангелъ тотъ—она;
И въ ту же ночь, какъ на восторгъ веселій,
Къ огню одинъ, какъ бы подъ властью сна,
Придя, сказалъ: «Я—онъ! Въ огонь—скорбѣ!»
И былъ сожженъ, и умеръ, пламени.

43.

И въ ту же ночь рядъ нѣжныхъ юныхъ дѣвъ,
Прекрасныхъ, какъ живыя изваянья,
Сгорѣли, подъ тихій сладостный напѣвъ,
И пламени дрожали очертанья;
Одѣтыя какъ бы сіяньемъ словъ,
Онѣ въ огнѣ ложились, какъ въ постели,
«Свобода»—было слышно между словъ
Той пѣсни, что онѣ, сгорая, пѣли,
И многіе, цѣлуя ноги ихъ,
Сгорѣли, ихъ послѣдній часъ былъ тихъ.

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

1.

Надъ пропастью застывши, какъ видѣнье,
 Не слыша, и не чувствуя меня,
 Безъ возгласа, безъ вѣдоха, безъ движенья,
 Она стояла въ яркомъ свѣтѣ дня,
 И что-то было у нея во взорѣ,
 То, что бываетъ только въ тишинѣ,
 Мысль глубины, бездонная, какъ море;
 Безгласно было Небо въ вышинѣ;
 Въ пещерахъ, тамъ внизу, потоки пѣли;
 Сквозь сѣть волосъ ея глаза блестяли.

2.

На западѣ, надъ скатомъ темныхъ горъ,
 Висѣла туча; передъ ней сѣдые
 Туманы низливались въ просторъ
 Отъ сѣвера, какъ волны сѣтговья;
 День умиралъ; вдругъ яркій спомъ лучей,
 Какъ золото на зыби Океана,
 Прорвался всей текучестью своей
 И плылъ на ключьяхъ быстрого тумана;
 Какъ выброски морскіе на волнахъ,
 Они носились въ красныхъ Небесахъ.

3.

То былъ потокъ живыхъ лучей,—и справа,
 И слѣва туча берегомъ была;
 Въ ея разрывъ онъ лился величаво,
 Она въ краяхъ вдвойнѣ была свѣтла;
 Какъ бы велѣнемъ безглагольной бури,
 Приливъ огня стремился прямо къ ней;
 Ея блестящій образъ на лазури
 Какъ бы мелькалъ въ текучести лучей;
 Свѣтъ поблѣднѣлъ, она затрепетала,
 Волна ея волосъ огнемъ блистала.

4.

Она меня не видѣла, хоть я
 Былъ рядомъ; взоръ ея глядѣлъ на море,
 На Небо; счастье, радость бытія,
 Блаженство быть въ такомъ нѣмомъ просторѣ—
 Соткали страсть, силы ея слезъ и словъ,
 Сильнѣе всѣхъ обыденныхъ движеній;
 Та страсть ея сковала чарой сновъ,
 Нашедшихъ много нѣжныхъ отраженій
 Въ ея глазахъ, все существо мое
 Затмившихъ и являвшихъ лишь ее.

5.

Въ устахъ,—я слышала,—мѣрное волненье
 Дышало; въ зыбкой безднѣ темныхъ глазъ,
 Кругъ въ кругѣ,—глубже смерти, сновидѣнья,—
 Весь блескъ Небесъ горѣлъ, дрожало, и гасъ;
 Съ волненьемъ сердца слился онъ безбрежнымъ,
 Которое вошло въ глубокой взоръ,
 И всю ее своимъ сияньемъ нѣжнымъ
 Окутало на этой грани горъ,
 Дрожаніемъ ея же атмосферы,
 Блестящей и плѣнительной сверхъ мѣры.

6.

Она во мнѣ могла бы Рай зажечь,
 Ко мнѣ прильнуть горячими устами,
 Всѣмъ тѣломъ, этой нѣгой груди, плечъ,
 Но, унесенъ холодными вѣтрами,
 Не успѣхнула нѣжно-страстный поцѣлуй;
 Могъ услышать я этотъ звучный голосъ,
 Что былъ нѣжнѣй, весной поющихъ, струй,
 И все, что у меня въ душѣ боролось,
 Нашло бы въ ней живой отвѣтъ тогда,—
 Но мигъ, и мы разстались навсегда.

7.

Мы встрѣтились лишь разъ еще, не болѣй.
 Мои шаги услышала она,
 И я съ своей почти разстался волей,
 Услышавъ зовъ, и цѣнь ужь создана
 Почти была, и я лишался силы.
 «Куда? Мнѣ не догнать тебя! Куда?
 Слабѣю я! Вернись ко мнѣ, мой милый!
 Вернись, вернись! Приди ко мнѣ сюда!»
 Тотъ зовъ домчался въ вѣтрѣ, замолкая,
 Слабѣя, и въ конецъ изнемогая.

8.

О, эта ночь безъ звѣздъ и безъ луны!
 Чума и Голодь страшны, но страшнѣе,
 Чѣмъ эти ужасающіе сны,
 Страхъ Ада; онъ, какъ гидра, злость лелѣя,
 Все возросталъ и жертвами владѣя,
 И каждый, этимъ страхомъ удушенный,
 Былъ въ пламени, былъ межъ горящихъ тѣлъ,
 Какъ скорпіонъ, огнями окруженный;
 Но страхъ не могъ одну надежду сжечь,
 Она была—на нити острый мечъ.

9.

Не смерть—смерть больше не была покоемъ,
 Не жизнь—въ ней дикій ужасъ!—и не сонъ:
 Онъ пренеподней и свирѣпымъ роємъ
 Бѣсовъ былъ всѣхъ обычныхъ сновъ лишентъ;
 Кто бодрствовалъ, тотъ зналъ, что онъ предъ бездною,
 Грядущее влекло въ провалъ огней,
 И cadaго вело рукой желѣзной,
 Уторопля шагъ бичомъ изъ змѣй,
 И каждый шагъ, съ походкой равномерной,
 Грозилъ имъ адекимъ ревомъ бездны сѣрной.

10.

Погаснувъ для всего, что на землѣ,
 Одно лелѣялъ каждый упованье;
 Такъ на обѣятой пѣною скалѣ
 Моряхъ, дрожа, глядѣть на возростанье
 Кишучихъ волнъ; такъ въ бурю, на суднѣ
 Стоять матросы, сдерживая шпонтъ;
 Дрожали всѣ, чуть только въ тишинѣ
 Раздастся, тамъ далеко, конскій топотъ,
 Или невнятный возгласъ, здѣсь и тамъ,
 Возникнетъ и помчится по вѣтрамъ.

11.

Зачѣмъ блѣднѣютъ лица отъ надежды?
 Въ нихъ смерть, и здѣсь ничѣмъ нельзя помочь.
 Зачѣмъ не спать и не смыкаютъ вѣжды
 Толпы людей уже вторую ночь?
 Нѣтъ жертвъ,—и часъ за часомъ, дѣти праха,
 Ложатся на тѣла еще тѣла,
 И въ смертный часъ уста дрожатъ отъ страха,
 Плоть холодѣетъ, что была тепла;
 Толпы молчатъ, какъ скошенныя нивы;
 Вверху Арктуръ сияетъ молчаливый.

12.

А! слышишь? смѣхъ, и вскрикъ, и топотъ ногъ?
 Восторгъ, что разразился полповластно?
 Идетъ, бѣжитъ стремительный потокъ.
 Они идутъ! Дорогу имъ!—Напрасно.
 То лишь толпа безумныхъ, блѣдный хоръ,
 Отъ душнаго колодца мчитъ съ крикомъ:
 Земной, рожденный гнилью, метеоръ,
 Оттуда выйдя въ блескъ многоликомъ,
 Въ ихъ спутанные волосы впился,
 Какъ синій дымъ, окутавшій лѣса.

13.

И многие, съ сочувствіемъ ужаснымъ,
 Въ толпѣ, пустились въ этотъ странный плясъ;
 Спокойствіемъ смѣнялся безгласнымъ,
 Послѣдній откликъ страшныхъ воплей гасъ,
 И отзвучалъ средь улицъ отдаленныхъ.
 Какъ сдавленный послѣдній смертный стоить.—
 Среди своихъ совѣтниковъ безсонныхъ,
 Тирани сидѣлъ, и, опершись на тронъ,
 Ждалъ вѣсти; вдругъ предъ нимъ Нѣкто стройный
 Предсталъ одинъ, прекрасный и спокойный.

14.

Ряды Бойцовъ надменныхъ и Жрецовъ
 На пришлеца взглянули съ изумленьемъ,
 Въ монашескій онъ былъ одѣтъ покровъ;
 Но овладѣлъ онъ тотчасъ ихъ смущеньемъ,
 Едва заговорилъ: въ его словахъ
 И въ самомъ тонѣ голоса дышали
 Увѣренность, которой чуждъ былъ страхъ,
 И кротость; эти люди задрожали
 Отъ чувства неизвѣснаго, когда
 Заговорила съ ними не вражда.

15.

«Вы въ ужасѣ, Властители Земные,
 Вы проклинали,—что жъ, на звукъ тѣхъ словъ
 Проснувшись, встали силы роковыя,
 И темный Страхъ явился къ вамъ на зовъ.
 Я врагъ вашъ,—вы хотите быть врагами,—
 О, если бѣ могъ зажечь я свѣтлый день
 Своимъ врагамъ, я тотчасъ былъ бы съ вами
 Какъ братъ и другъ! Но зло бросаетъ тѣнь,
 Которая не такъ проходитъ скоро,
 И Злоба—мать печали и позора.

16.

«Вы къ Небесамъ взываете въ бѣдѣ.
 О, если бѣ вы, въ комъ мудрость есть и страстность,
 Постигли, что возможно вамъ вездѣ,
 Всегда являть живую полновластность,
 Лишь нужно не бояться ложныхъ сновъ,
 Что ты и ты, вы создали, чтобъ ими
 Держать въ повиновеніи рабовъ;
 Задумайтесь надъ мыслями своими:
 Готовите вы жертву, и она
 Безцѣльности, жестокости полна.

17.

«Вы счастья желаете—но счастья
 Нѣтъ въ золотѣ, нѣтъ въ славѣ, нѣтъ его
 Въ уродующихъ играхъ сладострастья;
 Обычай—вашъ тиранъ, и для него
 Свои сердца пустили вы въ продажу.
 Хотите вы, чтобъ въ вашей смерти умъ
 Забылъ кошмары, сновъ тревожныхъ пряху,—
 Но смертный въ смерти холоденъ, безъ думъ,
 И, если остается что, конечно,
 Любовь,—ея сіянье дышетъ вѣчно.

18.

«Зачѣмъ скорбѣть о прошломъ, и дрожать
 Предъ будущимъ! Когда бѣ я могъ заставить
 Васъ въ вольномъ мірѣ радостно дышать,
 И полному забвенью предоставить
 Эмблемы вашихъ пытокъ—багрянецъ,
 И золото, и сталь! Когда бѣ могли вы
 Вѣщать народамъ, изъ конца въ конецъ,
 Что вотъ отнынѣ люди все счастливы,
 Что лишь отъ рабства—Страхъ, Чума, Нужда,
 Что больше лжи не будетъ никогда!

19.

«Разъ такъ, отлично,—если жь нѣтъ, скажу я,
Вашъ врагъ Лаонъ—», но въ тотъ же самый мигъ,
Злорадную побѣду торжествуя,
Внезапный страхъ и шумъ въ дворцѣ возникъ:
Изъ молодыхъ вонтелей иные,
Какъ пчелы медь, вивали тѣ слова,
Они проникли въ смыслы ихъ живые,
И видѣли, что истина права;
Вскочилъ невольно каждый юный съ трона,—
Ихъ закололи вѣстники закона.

20.

Со смѣхомъ въ спину закололи ихъ,
И рабъ, что былъ близъ Деспота за трономъ,
Взялъ труны, чтобъ во мѣлѣ могилъ глухихъ
Кровавость тѣлъ подъ дерномъ скрыть зеленымъ;
Одинъ, смѣлѣй другихъ, прозвизгъ хотѣлъ
Безвѣстнаго, но онъ сказалъ сурово:
«Прочь отъ меня, ты, тѣло между тѣлъ!»
И дерзкаго сразило это слово,
Онъ выронилъ книжкаль, и сѣлъ безъ силъ
На тронъ свой,—Юный вновь заговорилъ.

21.

«О, нѣтъ, вы недостойны сожалѣнья,
Вы стары, измѣниться вамъ нельзя,
И ваша участь—ваше же рѣшенье;
Отъ книги вашей славы кровь, скользя,
Струится на-земь; въ сказкѣ, полной стона,
Жизнь будетъ правду въ лучшей день читать.
Теперь побѣда—вамъ. Я другъ Лаона,
И вамъ его теперь хочу предать,
Разъ вы мое несложное желанье
Исполните. Я все скажу. Внимание!

22.

«Народъ есть, мощный, въ юности своей,
Въ немъ цѣнится Правдивость и Свобода;
Страна за гранью Западныхъ морей—
Пріютъ того великаго народа;
Ему наипокъ Мудрости былъ данъ
Той гордою и мудрою странною,
Что первую была межъ прочихъ странъ,
Когда простилась Греція съ весною;
Теперь же просить помощи она,
У той страны, что ею рождена.

23.

«Тотъ край Орлу подобенъ, что въ лазури
Питаеть взоръ свой утреннимъ лучомъ,
Безтрепетно плывя въ теченьи бурь,
Когда Земля еще сокрыта сномъ;
Ты будешь новой жизнью надъ гробницею
Европы умерщвленной, Юный Край,
Твои дѣлныя встанутъ вереницей
Прекрасныхъ думъ; цвѣти, преусѣвай;
Твой ростъ—блескъ дня, что ширится съ разсвѣтомъ,
Ты на Землѣ сверкнешь роскошнымъ цвѣтомъ.

24.

«У Вольности въ пустынѣ есть очагъ.
Подъ новымъ Небомъ возникаютъ зданья,
Эдемъ, еще безвѣстныхъ, новыхъ благъ;
И тѣ, которыхъ бросили въ скитанья
Тираны, тамъ находятъ свой пріютъ.
Хочу, чтобъ Цитну въ этотъ край свезли вы,
Гдѣ люди пѣсни Вольности поютъ,
Гдѣ всѣ, что здѣсь бездомны, тамъ счастливы,
Въ Америку, отъ васъ навѣки прочь,—
Лаона я предаю вамъ въ ту же ночь.

25.

«Со мною поступите, как хотите.
 Я врагъ вашъ!» Вдругъ во взорахъ ста людей
 Сверкнули какъ бы искристыя нити,
 Какъ изумрудъ въ глазахъ голодныхъ змѣй.—
 «Гдѣ, гдѣ Лаонъ? Зачѣмъ не за порогомъ,
 Не здѣсь? Скорѣй! Исполнимъ просьбу мы!»
 —«Клянитесь мнѣ ужаснымъ вашимъ Богомъ!»
 —«Клянемся имъ, и бѣшенствомъ Чумы!»
 На нихъ взглянувши ясными глазами,
 Плащъ сбросивъ, Юный молвилъ: «Онъ—предъ вами!»

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

1.

Чудовищная радость и восторгъ
 По улицамъ распространились люднымъ;
 Безумный, задыхаясь, вдругъ исторгъ
 Изъ сердца звучный крикъ, въ бореньи трудномъ;
 Кто умиралъ межъ труповъ въ этотъ часъ,
 Услышавъ передъ смертью благовѣстье,
 Закрывъ глаза, въ спокойствіи погасъ;
 Изъ дома въ домъ, весь Городъ и предместья
 Та вѣсть веселымъ крикомъ обошла,
 И отклики во всѣхъ сердцахъ нашла.

2.

Разсвѣтъ зажегся въ полумракѣ дымомъ,—
 И вотъ открылся длинный рядъ солдатъ;
 Жрецы, съ своимъ кровавымъ жаднымъ гимномъ,
 Въ которомъ мысли черныя звучатъ,
 Шли рядомъ; на блестящей колесницѣ
 Средь яркихъ копій возсѣдалъ Тиранъ;
 Съ нимъ рядомъ, въ этой длинной вереницѣ,
 Былъ Призракъ, нѣжнымъ свѣтомъ осіявъ,
 Плънительный ребенокъ. И въ суровыхъ
 Цѣпяхъ Лаонъ—свободный и въ оковахъ.

3.

Босой, и съ обнаженной головой,
 Онъ твердо ждалъ пылающаго гроба;
 И тѣсной былъ онъ окруженъ толпой,
 Но ни въ одномъ не шевелилась злоба;
 Не поблѣднѣвъ, онъ былъ спокойно-смѣлъ,
 Въ устахъ его не видѣлось презрѣнья,
 Какъ утро, на идущихъ онъ глядѣлъ,
 Принявъ свое великое рѣшенье;
 Какъ пѣжное дитя въ дремотѣ, онъ
 Со всѣми и съ собой былъ примиренъ.

4.

Кругомъ былъ страхъ, злорадство, и сомнѣнье,
 Но, увидавъ, что жертва такъ свѣтла,
 Толпа пришла невольно въ изумленье,
 И тишь въ сердца глубокая сошла.
 Къ костру идетъ процессія, въ убранствѣ
 Зловѣщемъ; сотни факеловъ нѣмыхъ
 Лишь знака ждуть въ обширѣйшемъ пространствѣ,
 Въ рукахъ рабовъ покорныхъ; ропотъ стихъ;
 И утро стало ночью похоронной,
 Принявши свѣтъ, толпой рабовъ зажженный.

5.

Подъ балдахиномъ яркимъ, какъ разсвѣтъ,
 На возвышеннѣ, что съ костромъ равнялось,
 Сидѣлъ Тиранъ, блистательно одѣтъ,
 Вокругъ престола свита помѣщалась;
 У всѣхъ улыбки, лишь у одного
 Ребенка взоръ печаленъ; окруженный
 Нѣмыми, вотъ ужъ гроба своего
 Коснулся я, Лаонъ, неустрашенный;
 Всѣ острова, тамъ въ морѣ, видны мнѣ,
 И башни точно пламя въ вышннѣ.

6.

Такъ было все безгласно въ то мгновенье,
 Какъ это можно видѣть въ страшный мигъ,
 Когда, узнавъ ударъ землетрясенья,
 Всѣ ждуть, чтобъ вотъ еще ударъ возникъ;
 Безмолвствовали всѣ, лишь, умоляя
 Тирана, тотъ ребенокъ говорилъ,
 Онъ смѣлъ быть, въ немъ была любовь живая,
 Онъ за Лаона Деспота молилъ;
 Малютка трепетала, какъ въ долинѣ
 Межъ мрачныхъ сосенъ—листья на осинѣ.

7.

О чемъ онъ думалъ, солнцемъ осиянъ,
 Средь змѣй? Среди всего, что необычно?
 Чу! выстрѣлъ—и сигналъ для казни данъ,
 Чу! новый выстрѣлъ прозвучалъ вторично.
 А онъ лежитъ, какъ въ безмятежномъ снѣ—
 И факелы дымятся—выстрѣлъ третій .
 Раздался въ этой страшной тишинѣ—
 И въ каждомъ сердцѣ какъ порвались сѣти:
 Всѣ чутко ждуть, дыханье затанвъ,
 Чтобъ вспыхнулъ пламень, ярость и бурливъ.

8.

Рабы бѣгутъ—и факелы роняютъ—
 Крикъ ужаса идетъ къ высотамъ дня!—
 Они въ испугѣ жалкомъ отступаютъ.
 Вотъ, слышенъ топотъ монцаго коня,
 Гигантскій, темный, онъ съ грозою сроденъ,
 Онъ пролагаетъ путь среди рядовъ,
 И женскій призракъ, нѣженъ, благороденъ,
 На томъ конѣ; сіяющей покровъ
 На этой тѣни ласки и привѣта,
 На этомъ стройномъ призракѣ развѣта.

9.

Всѣ думали, что Богъ послалъ его,
 Что ждетъ ихъ адскій пламень, дикъ и зноенъ;
 Тиранъ бѣжалъ съ престола своего,
 Ребенокъ былъ невиненъ и спокоенъ;
 Притворствомъ свой испугъ сокрывъ, жрецы
 Къ нему зывали съ живою любовью,
 Его молили злобные льстецы,
 Служившіе ему чужою кровью;
 И страхъ животный въ сердцѣ ощутивъ,
 Толпа бѣжала, какъ морекой отливъ.

10.

Остановились, думаютъ, стыдятся,
 Раздался общій вопль, какъ всплескъ пучинъ,
 Когда потоки моря возмутятся:—
 Все множество остановилъ одинъ,
 Кто никогда предъ нѣжной красотою
 Не преклонилъ упорной головы,
 И въ сердцѣ жесткомъ вѣрою слѣпою
 Оледенилъ разорванные пшвы:—
 Жрецъ Иберійскій мудрыми считаетъ,
 Лишь тѣхъ, кто кровью, въ сердцѣ, истекаетъ.

11.

Другіе также думали, что онъ
 Великъ и мудръ, божественнымъ считая
 Все, въ чемъ терзанья пытокъ, страхъ, и стонъ,
 И красоты въ любви не замѣчая.
 Теперь, съ улыбкой демонской въ глазахъ,
 Возникши какъ злорадное видѣнье,
 Въ товарищахъ своихъ сдержалъ онъ страхъ,
 Сказавъ устами, полными презрѣнья:
 «Владыки передъ женщиной бѣгутъ?
 Опомнитесь, другая жертва—тутъ.»

12.

Тиранъ сказалъ: «Но это нечестиво
Нарушить клятву!»—И воскликнулъ Жрецъ:
«Сдержатъ ее—безчестно и трусливо!
Пусть этотъ грѣхъ—мой будетъ, наконецъ!
Рабы, къ столбу ея! Представъ предъ трономъ
Всевышняго, воскликну я: тебѣ
Я предаю ту, что надъ твоимъ закономъ
Смѣялась, непокорная судьбѣ;
Когда бъ не я, она бы радость знала,
Но мысль моя тебя не забывала.»

13.

Дрожа, никто не двигался кругомъ,
Молчали всѣ. И повода бросая,
Разсталась Цитна съ бѣшенымъ конемъ,
Цѣлуетъ лобъ его, и, убѣгая,
По улицамъ пустыннымъ онъ летитъ,
Какъ вѣтеръ, какъ порывъ грозы мятежной,
И скрылся. О, какой печальный видъ,—
Видъ женщины такой прекрасной, пѣвней,
Чей юный, полный мягкихъ блесковъ, ликъ
Въ густомъ огнѣ исчезнетъ черезъ мигъ.

14.

Изъ многихъ глазъ невольно лились слезы,
Но не могла роса весны блистать,
Оледенели свѣтлую морозы;
И что жъ они могли, какъ не рыдать!
Увы, усталость Цитну побѣдила,
Она изнемогла въ своемъ пути,
И вотъ нѣмыхъ улыбкой убѣдила
Помочь ей на костеръ ко мнѣ взойти;
Заставивъ ихъ себѣ повиноваться,
Она взшла, чтобъ съ жизнью разстаться.

15.

Со мною, у столба, среди жадныхъ змѣй,
Она стояла. Ласковымъ упрекомъ
Она сказала все, и вотъ мы съ ней
Спились глазами, въ счастьи глубокомъ;
Молчаніе безтрепетно храня,
Насытиться другъ другомъ не могли мы;
Не слыте съ толпой и съ свѣтомъ дня,
Другъ съ другомъ были мы нераздѣлимы,
Передъ любовью нашей мѣръ нечесть,
Земля сокрылась, не было Небесъ.

16.

Одно—одно—возвратное мгновенье,
Въ пространствахъ незапятнаннаго дня
Огней кроваво-красныхъ воспаленье,
Взметнувшись, коснулось до меня;
Окутано свирѣпымъ токомъ дыма,
Оно плеснуло съ шумомъ, какъ приливъ,
Свиста и трепеща неукротимо;
И сквозь его пылающій разрывъ
Увидѣлъ я, какъ будто изъ тумана,
Что цалъ ребенокъ на-земь, близъ Тирана.

17.

И это смерть? костеръ исчезъ отъ глазъ,
Нѣтъ Деспота, Чумы, толпы несчетной;
Огонь, что былъ такъ яростенъ, погасъ;
Я слышалъ звуки пѣсни беззаботной,
Подобной тѣмъ, что въ юности поютъ,
Когда нѣжна любовь съ отрадой цѣльной,
И ласки для души—живой пріютъ;
Она росла усладой колыбельной,
Она плыла, мѣняясь каждый мигъ,
И духъ ея къ моей душѣ приникъ.

18.

Я былъ разбуженъ ласковой рукою,
Коснувшей меня; передо мной
Сидѣла Цитна; свѣтлою водою
Блесталъ затопа, мацвншій глубиной;
На берегу, въ сянннхъ привѣтныхъ,
Росли, склоняясь, нѣжные цвѣты,
Быль страненъ ликъ коронокъ звѣздоцвѣтныхъ,
Безвѣстныя деревья съ высоты
Глядѣли въ глубь, цвѣты ихъ, нѣжно-юны,
Въ зеркальной влагѣ были точно луны.

19.

Кругомъ вздымался склонъ зеленыхъ горъ,
Съ пещерами, съ душистыми лѣсами,
Идущими въ блистательный просторъ;
Тамъ, гдѣ вода встрѣчалась съ берегами,
Лѣсное эхо съ откликами струй
Вело переговоры; изъ расщелинъ
Волна стремилась влажный поцѣлуй
Въ мнръ травъ, который ласковъ былъ и зеленъ,
И возникала межъ холмовъ рѣка,
Быстра, стрѣлообразна, глубока.

20.

Межъ тѣмъ какъ мы глядѣли съ изумленьемъ,
Приблизилась воздушная ладья,
Она плыла, влекомая теченьемъ,
И вѣтеръ нѣлъ, волну подъ ней струя;
Ребенокъ съ серебристыми крылами
На ней сидѣлъ, и такъ прекрасенъ былъ;
Что тѣнь, какъ отъ созвзднй, надъ волнами
Ронялъ онъ съ этихъ нѣжно-томныхъ крылъ;
И, вѣтру подчиняясь, эти крылья
Вѣтъ лодки направляли безъ усилъя.

21.

Была изъ перламутра та ладья,
Она плыла, внутри лучомъ играя;
И были заостренными края,
Она была—какъ будто молодая
Луна, когда, превыше темныхъ горъ,
Надъ соснами горитъ потокъ заката,
Но багрянецъ и золотой узоръ
Блѣднѣють, даль земная мглой объята,
И грань Земли прнѣмлетъ поздннй свѣтъ,
Отливъ лучей отхлынулъ, солнца нѣтъ.

22.

Ладья у нашихъ ногъ остановилась,
И Цитна повернулась ко мнѣ,
Сянне слезъ въ ея глазахъ свѣтлосось,
Восторгъ ввезанный былъ въ ихъ глубинѣ;
«Такъ это Рай», она сказала нѣжно,
«Не сонъ, мы—вмѣстѣ, здѣсь передо мной
Мое дитя, и счастье безбрежно;
Когда моею измученной душой
Безумнѣ владѣло, какъ могила,
Ко мнѣ малютка эта приходила.»

23.

Къ плѣнительному Призраку она
Съ рыданьемъ упоеннн прильнула,
Нѣжнѣй, чѣмъ этотъ нѣжный образъ Сна,
Ея земная красота блеснула,
И чудилось, что воздухъ задрожалъ
И заалѣлъ отъ свѣтлаго блаженства,
Согрѣлся и тепломъ ея дышалъ;
Вся—нѣга, вся—видѣнье совершенства,
Она дитя волной своихъ волосъ
Закрываетъ сердце съ сердцемъ здѣсь сошлось.

24.

Тогда тотъ Серафимъ голубоглазый
Заговорилъ, приблизившись ко мнѣ,
И искрились въ его зрачкахъ алмазы:
«Я вся была какъ будто бы во снѣ,
Съ тѣхъ поръ, когда мы встрѣтились впервые;
Меня очаровавъ мечтой своей,
Ты далъ узнать мнѣ грезы золотыя,
Твой образъ я соединяла съ ней;
И встрѣтились въ блаженный мигъ мы снова,
Изъята отъ страданія земного.

25.

«Когда зажгли костеръ, мечта моя
Исчезла, и, поддавшись безсилью,
Въ безчувствіи упала на-земь я,
Мой смутный взоръ закрылся сѣрой пылью,
Мой умъ блуждалъ; вдругъ, яркій, точно день,
Передо мною Лицъ Чумы промчался,
Дохнула, и вотъ меня коснулась тѣнь,
И шопотъ, мнѣ почудилось, раздался:
«Снѣжи къ нимъ, ждутъ они, оконченъ мракъ!»
И грудь моя пріяла смертный знакъ.

26.

«И стало мнѣ легко—я умирала.
Я видѣла дымящійся костеръ,
Зола сѣдая кучею лежала,
И черный дымъ, наполнившій просторъ,
Еще висѣлъ у шпиль и на башняхъ;
Молчали отупѣвшія войска,
Забывши о своихъ мечтахъ вчерашнихъ,
Въ сердцахъ была глубокая тоска,
Исполнилось завѣтное желанье,
И пустота смѣнила ожиданье.

27.

«Видъ пытокъ былъ какъ мигъ бѣгущихъ сновъ,
И налегло жестокое молчанье;
Тогда одинъ возсталъ среди рядовъ,
И молвилъ: «Токъ времени, безъ колебанья,
Течетъ впередъ, мы—на его краю,
Они же къ мирнымъ отошли предѣламъ,
Гдѣ тихо смерть струитъ рѣку свою.
И что же, вы своимъ довольны дѣломъ?
Погибли тѣ, къ жизни душии сонъ
Могъ быть въ видѣннѣ счастья превращень.

28.

«Они погибли такъ, какъ погибали
Великіе—великихъ прошлыхъ дней;
Убийцы ихъ узнаютъ гнетъ печали,
И много слезъ прольется изъ очей
Лишь потому, что вамъ скорбѣтъ придется,
О тѣхъ, чьей жизнью былъ украшенъ міръ,
Чей яркій свѣточъ больше не вернется;
Но, если неземной ихъ взялъ эфиръ,
Въ томъ мудрость есть для тѣхъ, что горько знаютъ,—
Жизнь—смерть, когда такіе умираютъ.

29.

«Теперь бояться нечего Чумы,
Отъ насъ должны исчезнуть страхи Ада,
Освободились отъ невѣрныхъ мы,
Ихъ казнь въ огнѣ была для васъ услада;
Но горестно вернетесь вы домой,
Несчастные и робкіе, какъ дѣти,
И этотъ часъ забросить отблескъ свой
Въ пѣмую бездну будущихъ столѣтій;
И эту ночь, въ которой все мертво,
Навѣки озаритъ огонь его.

30.

«Что до меня, мнѣ этотъ міръ холодный
 Сталь тѣснить, какъ уродливая клѣтъ.
 Узнайте же, какъ можетъ благородный
 Республиканецъ смѣло умереть,—
 И дѣтямъ расскажите.»—Тутъ, неожиданно,
 Себѣ книжалою сердце оное пронзилъ;
 Въ моемъ умѣ все сдѣлалось туманно,
 И смерть меня совсѣмъ лишила силъ,
 Но все же гулъ толпы сказалъ мнѣ ясно,
 Что новый свѣтъ возникъ въ ней полновластно.

31.

«Крылатой Мыслью, очутилась я
 Съ безсмертными, съ ихъ Хоромъ многоликимъ,
 Тамъ, гдѣ, сіянье звѣздное струя,
 Надъ всѣмъ, что можемъ мы назвать великимъ,
 Былъ Духъ блестящій, Геній мировой.
 Вкругъ Храма простираетъ оное владѣнья,
 Тамъ острова, Элизіумъ живой,
 Тамъ вольные живутъ для наслажденья;
 Отъ ихъ жилищъ я послана сюда,
 Чтобъ въ этотъ Рай ввести васъ навсегда.»

32.

Ласкающей безмолвною улыбкой
 Она дала намъ знакъ войти въ ладью,
 И вотъ мы, молча, сѣли въ лодкѣ зыбкой,
 Тревожившей прозрачную струю;
 И, распустивъ блистающія крылья
 По вѣтру благовонному, она
 Вела свой челнъ: воздушно, безъ усилія,
 Какъ паутинка, что едва видна,
 Ладья летѣла, устремляясь къ дали,
 И точно берега отъ насъ бѣжали.

33.

Все внизъ и внизъ ликующій потокъ
 Среди стремнинъ, гдѣ кедръ смотрятъ мрачно,
 Вѣжалъ, и по нему летѣлъ челнокъ,
 И глубь воды подъ нимъ была прозрачна,
 Невримый вѣтеръ, рѣя и звеня,
 Мчалъ звуки и дыханья аромата,
 Такъ плыли мы три ночи и три дня,
 Въ разсвѣтѣ, въ полднѣ, въ заревѣ заката,
 Мы уносились весело впередъ,
 По лабиринту свѣтлыхъ вольныхъ водъ.

34.

Какая поразительная сѣбна
 Тѣней и формъ и всѣхъ картинъ рѣки!
 Горитъ заря, и золотится пѣна,
 Дрожатъ, переливаясь, огоньки;
 Среди скалъ, поросшихъ нѣжными цвѣтами,
 Съ нѣвучимъ всплескомъ льется водопадъ;
 Сверкаютъ искры быстрыми звѣздами,
 Водовороты зыбкіе кипятъ;
 Блеснетъ луна и глянетъ съ небосклона,—
 Вкругъ острововъ недвижна гладь затона.

35.

Сквозь день и ночь, жемчужная ладья
 Летѣла вдаль, какъ тучка золотая,
 Какъ мысль, что вѣчно мчится, свѣтъ струя,
 И мчится все, ни гдѣ не отдыхая,—
 Черезъ лѣса дремучіе, какъ тѣма,
 Среди мощныхъ горъ, на чьихъ нѣмыхъ вершинахъ
 Циклоповскіе были терема,
 Вѣщая намъ о давнихъ властелинахъ;
 Нахмурившись, глядѣли съ высоты
 На блескъ воды ихъ грубыя черты.

36.

Порой среди луговъ необозримыхъ
 За милей милю, плыли мы впередъ,
 И въ очертаньяхъ еле уловимыхъ
 Вѣжали тѣни облачныхъ высотъ;
 Порой сквозь мглу пенцерьъ дугообразныхъ
 Скользили, съ ихъ высокихъ потолковъ
 Струился свѣтъ какъ бы лучей алмазныхъ,
 Воздушно-изумрудныхъ иѣжныхъ сновъ,
 И проскользали тѣни чрезъ теченье,
 Какъ сны на свѣтлой зыби сновидѣнья.

37.

И между тѣмъ какъ мы вступали въ Рай,
 Въ умахъ у насъ любовь и мудрость были,
 Какъ въ чашахъ, что налиты черезъ край,
 Кишитъ вино сверканьемъ влажной пыли;
 Безумны были быстрыя слова,
 Звучавшя, какъ отлѣки въ чащѣ лѣса,
 Улыбки, слезы, радость въ нихъ жива,—
 И порвалась великая завѣса;
 Мы знали, что, хоть благо на Землѣ
 Затемнено, оно горитъ во мглѣ.

38.

Три дня, три ночи—мысли сосчитали,
 Какъ много обольстительныхъ часовъ!
 Межъ тѣмъ въ лазурной выси, въ новой дали,
 Неслись Луна, и Солнце, соимы снѣвъ
 Лучистыхъ, лунно-ликія свѣтила,
 Созвѣзды неизвѣданныхъ Небесъ;
 Въ четвертый разъ зари озолотила
 Весь этотъ мѣръ непознанныхъ чудесъ,
 И сталъ потокъ—какъ яростное море,
 Но прямо духъ стремилъ челнокъ въ просторъ.

39.

Да, прямо, тамъ, гдѣ, точно глыбы горъ,
 Вздымались груды волгъ въ лоцниѣ смутной,
 И изо всѣхъ щелей лился въ просторъ,
 Подъ дикій громъ, потокъ ежеминутный,
 И вѣтеръ прилеталъ отъ береговъ,
 Какъ стая вихрей, зарывавшихъ звонко,—
 Какъ тѣнь, на зыби яростныхъ валовъ,
 Летѣлъ челнокъ прекраснаго ребенка,
 И радугъ изступленныхъ блескъ сверкалъ,
 И бился гнѣвный дождь о камни скалъ.

40.

Потокъ рѣки, безумьемъ обуянной,
 Умолкъ; челнокъ застылъ, какъ онъ взвился;
 Мы глянули назадъ: во мглѣ туманной
 Прибой блестящій съ озеромъ слился;
 И, точно овладѣла ей услада,
 Ладья застыла между двухъ Небесъ;
 Четыре рокотали водопада,
 Какъ бы изъ золотыхъ ндъ завѣсъ;
 Они изъ тучъ бѣгутъ по горнымъ склонамъ,
 И это море дѣлаютъ затономъ.

41.

На глади недвижимъ, я увидалъ,
 Какъ льнетъ вершина снѣжная къ вершинѣ,
 И каждый островъ, тамъ вдали, блисталъ,
 И, точно сфера свѣта, посрединѣ,
 Храмъ Духа возвышался вдалекъ,
 Оттуда исходилъ къ намъ звукъ призывный,
 Къ нему, въ объятю чарой челнокъ,
 Скользили мы дорогой переливной,
 Такъ дискъ Луны проходитъ вокругъ Земли,
 И гавань здѣсь мы свѣтлую нашли.

1817.

ЦАРЕВИЧЪ АТАНАЗЪ.

ОТРЫВОКЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Быль юноша; как будто отъ чрезмѣрныхъ
Трудовъ и страстей, въ слишкомъ ранній срокъ,
Онъ посѣдѣлъ; никто его невѣрныхъ

И зыбкихъ мыслей разгадать не могъ,
Но изъ страны въ страну, какъ привидѣнье,
Гонимъ былъ блѣдный—демономъ тревогъ.

На немъ не тяготѣло преступленья,
Онъ ничего дурного не хотѣлъ,
И чувствовалъ онъ только сожалѣнье

Къ тѣмъ, въ комъ возможность темныхъ думъ и дѣлъ;
И власти онъ не жаждать, или славы,
Чей свѣтъ, чуть вспыхнувъ, вотъ ужъ отблестѣлъ;

Онъ не вкушалъ отъ низменной отравы,
Что зажигаетъ грубыя сердца,
И гаситъ въ душномъ дымѣ ихъ забавы;

И смертный страхъ былъ чуждъ его лица:
Онъ былъ избранникъ Мудрости лучистой,
Такъ какъ же могъ бояться онъ конца!

Никто такой межъ смертныхъ не былъ чистый,
Никто, добромъ плѣненный какъ добромъ,
Такъ не былъ свѣтель въ этой жизни мглистой.

Нѣтъ, ничего не могъ онъ быть рабомъ
Ни на землѣ, ни въ небѣ отдаленномъ.
Какою же онъ скорбью былъ влекомъ

Въ рядахъ людей? И духомъ угнетеннымъ
Въ какой безвѣстный уходилъ онъ мракъ?
О чемъ томился помысломъ бессоннымъ?

Онъ нѣженъ былъ, онъ всѣмъ былъ другъ, не врагъ,
Такіе въ чуждыхъ блескахъ утѣшенье
Находятъ, разъ родникъ своихъ изсякъ.

У страждущихъ онъ утолялъ мученья,
Но даже въ этомъ не былъ на другихъ
Похожъ онъ: изъ подобнаго стремленья

Онъ не извлекъ услады для своихъ
Мученій, хоть со щедростью широкой
Другимъ давалъ отъ благъ онъ родовыхъ.

Онъ съ Мудростью вѣнчался свѣтлоюкой,
Своей душой, и взялъ любовь за ней,
И пребывалъ какъ въ башнѣ одинокой,

Вдали отъ вѣчно-суетныхъ людей,
Жалѣя о тщетѣ людскихъ стремлений.
Но даже въ ранней юности своей—

Свое богатство иль природный геній
Ни разу онъ во зло не обратилъ,
Онъ никогда не освящалъ тѣхъ мнѣній,

Которыми всѣ тѣ, въ комъ много силъ
И кто богатъ, для призрачныхъ величій,
Гнетутъ всѣхъ тѣхъ, кто мало благъ вкусилъ.

Ни у кого не отнял онъ добычи
Его труда, но, отмѣчая тѣхъ,
Кто мудръ, кто бѣденъ, скорбенъ,—безъ различій

Старался онъ обрадовать ихъ всѣхъ,
Несчастій ихъ разузнавалъ причины,
И доставлялъ имъ радости утѣхъ.

Безстрашный, презирая всѣ личины,
Что дѣлалъ онъ, что увидалъ умомъ,—
Не такъ, какъ большинство—до половины,—

Нѣтъ, до конца онъ доходилъ во всемъ,
И мягко говорилъ, но неуклонно,
И кроткій взоръ его горѣлъ огнемъ.

Его душа звучала полнозвонно,
Онъ горячо друзьями былъ любимъ,
И не скрывалъ онъ душу потаенно,

Но сердце раскрывалъ охотно имъ,
Коль только, въ помышленіи завѣтномъ,
Онъ находилъ слова мечтамъ своимъ.

Коль нѣтъ, онъ оставался безответнымъ,
И улыбался, иль грустилъ безъ словъ,
Но взоръ его лучомъ горѣлъ привѣтнымъ.

Не ненавидѣлъ онъ своихъ враговъ,
Хоть ненавистью дикою и смертельной
Звучалъ стозвучный хоръ ихъ голосовъ.

Но кротостью дышалъ онъ безпредѣльной,
И эти крики, точно тучи стрѣлъ,
Летѣли мимо, бурю безцѣльной.

Замкнулся ни предъ кѣмъ онъ не хотѣлъ,
Онъ былъ открытъ для всѣхъ, кого вмѣстила
Земная жизнь въ безмѣрный свой предѣлъ.

Какая жъ грусть тотъ вѣшній духъ смутила?
Увы, онъ самъ не зналъ. Пусть день за днемъ
Жизнь юная незримо уходила,

Какъ звонкій ключъ обжить своимъ путемъ;—
 Пусть взоръ его лелѣялъ сумракъ тучи,
 Произвѣнный нѣжнымъ Вespera лучомъ;—

Пусть, какъ тростникъ надъ влагою текучей,
 Изгибы губъ дрожали иногда,
 А въ снахъ его, тревожны и кипучи,

Стремилась мысль, мчалась череда,
 Невѣдомую силою влекома,
 Сверканьемъ, безпокойнымъ навсегда,—

Съ какимъ природа горная знакома,
 Когда отъ башни къ башнѣ мчится зовъ,
 И слышатся псалмы ночного грома,

И слышится вокругъ замковъ свистъ вѣтровъ,
 И внемлютъ эти ропоты и звуки
 Встревоженные жители луговъ,

И холодѣютъ ихъ, отъ страха, руки;—
 Пусть эти мысли, точно духовъ рой,
 Чья пища—пескончаемая мука,

Безсонно надъ его неслись душой,—
 Въ чемъ были тѣ печали, для которыхъ
 Онъ знака не нашелъ въ душѣ чужой,

Ни зеркала въ чужихъ мечтахъ и взорахъ,—
 Не зналъ онъ, и никто не могъ узнать,
 Въ какихъ они сплетались узорахъ.

Но кто бъ его ни вздумалъ вопрошать,
 Всегда свѣтло смотрѣлъ онъ и открыто,
 Какъ будто бы желая показать,

Что онъ не зналъ, какая скорбь въ немъ скрыта,
 И точно снисхожденья грустный взглядъ
 Просилъ,—такъ много чувствъ въ немъ было слито;

Иль, страстью безглазольною объять,
 Онъ вздрагивалъ, или блѣднѣлъ безгласно;
 Итакъ, какіе сны его томить,

Друзья его не знали, и, напрасно
 Терзать его разспросами боясь,
 Касались рѣдко боли, что безгласно

Глядѣла изъ его глубокихъ глазъ;
 Межъ сердцемъ и умомъ его былъ тайный
 Покровъ, непроницаемъ, какъ алмазъ,

И въ битвѣ жизни, съ пыткой чрезвычайной,
 Они отдѣльно бились, лишь порою
 Соединяясь встрѣчею случайной.

И говоръ шелъ среди толпы людской,
 Что онъ безумецъ былъ; «воспоминанья,
 О жизни, что предшествуетъ земной»,—

Другіе говорили,—«на скитанья
 Земную осудили жизнь его,
 Ее преобразуя въ воздаянье»;

«Для тѣхъ, кто не боится ничего»,—
 Такъ нѣкоторые мудро утверждали,—
 «Господь, отъ недовольства своего,

«Готовить тяжкій гнетъ такой печали,
 Затѣмъ, что ихъ душа подчинена
 Одной любви, лишь видитъ въ ней скрижали»;

«Нѣтъ, это тѣнь таинственнаго сна»,—
 Еще иное было утвержденье,—
 «Что пронастью души затемнена,

«Живя въ умѣ, какъ смутное видѣнье,
 Проносится, какъ взрывчатый потокъ,
 Въ подземности, во мракѣ разрушенья;

«И никогда не может и не могъ
Свѣтъ радости ему блеснуть лучистый,
Чтобъ не погаснуть въ слишкомъ быстрый срокъ,

«Въ водоворотъ не погрузиться мгlistый—
Того, чуть вспоминаемаго, сна;
Но вскорѣ въ глубинѣ души, столь чистой,

«Притихнетъ эта бурная волна:
О, Атаназъ душа твоя святая
Не можетъ быть надолго смущена!»

Безплодно такъ и праздно разсуждая
О томъ, что можетъ быть въ душѣ чужой,
Лишь тѣшила себя толпа людская,

Исполненная мудрости пустой,—
Въ томъ для людей одно изъ утѣшеній.
И онъ, какъ тотъ, кто знаетъ духъ людской,

Не отклонялъ подобныхъ разсуждений,
Но, точно былъ вопросъ о комъ другомъ,
Утонченную ткань предположений

Слеталъ усталымъ творческимъ умомъ;
Никто не зналъ,—лишь близкіе душою,—
Какъ больно это отзывалось въ немъ.

Надъ этой жизнью, нѣжно-молодою,
Печаль нависла, какъ кошмаръ безъ глазъ,
Сжимая существо его змѣю,

И жгла его, терзая каждый часъ;
Изъ жизни жизнь упорно изгоняя,
Тотъ цѣпкій врагъ, вокругъ него вѣясь,

Былъ всюду, ни на шагъ не отступая,
Безъ имени, но съ властностью оковъ,—
И потому печаль его нѣмая

Осталась—пусть останется—безъ словъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Царевичъ Атаназъ былъ въ дружбѣ нѣжной
Съ сѣдымъ и старымъ-старымъ мудрецомъ;
Тотъ старецъ—съ бородой былъ бѣлосѣбной,

Съ небесно-кроткимъ радостнымъ лицомъ,
Съ улыбкой говорившей о покоѣ,
И кротокъ былъ въ словахъ онъ, и во всемъ;

Его глаза—какъ зеркало живое,
Гдѣ отразилась тысяча умовъ;
Въ Элладѣ суетвѣрье роковое,

Изъ всѣхъ другихъ содѣлавши рабовъ,
Лишь на него, и избранныхъ свободныхъ,
Не наложило тягостныхъ оковъ.

Въ Эноѣ, полный мыслей благородныхъ,
Онъ съ дѣтства жилъ средь шепчущихъ оливъ.
Какъ тотъ, кто островъ между водъ безплодныхъ

Нашелъ въ пустынѣ, гдѣ шумитъ приливъ,
И какъ морякъ, на кораблѣ живущій,
Товарищей погибшихъ переживъ,—

Онъ жилъ въ своей душѣ, всегда-поющей,
Воздушно съ древней мудростью былъ слитъ,
Свой нѣжный свѣтъ на тѣхъ, кто слитъ съ ней, льющей:—

«Умъ дѣлается тѣмъ, на что глядитъ»,—
Такъ и Зенорасъ, вѣчно созерцаая
Созданья мудрыхъ, свѣтомъ былъ повитъ;

И услыхавъ, о, Греція святая,
 Что смуты большей грянуль ураганъ,
 Чѣмъ та, въ которой ты, изнемогая,

Извѣдала всю боль глубокихъ ранъ,
 Онъ много лѣтъ провелъ среди скитаній,
 Прошелъ пространства многихъ, разныхъ, странъ,

Извѣдалъ сѣть различныхъ испытаній,
 И въ Лайю, наконецъ, въ зеленый доль,
 Вступилъ, исполненъ смутныхъ ожиданій;

По памятнымъ мѣстамъ онъ молча шелъ,
 Гдѣ стаей прошумѣли Мусульмане,
 Принесшіе съ собою бремя золь;

Еще недавно, въ утреннемъ туманѣ,
 Безстрашный рыцарь ѣхалъ здѣсь съ конемъ,
 Но смерть его, въ безбрежномъ океанѣ,

Окутала глубокимъ забытьемъ,
 Его вдова, безмолвная, сидѣла
 Грустя передъ рѣшетчатымъ окномъ;

Поражены въ ней были духъ и тѣло
 Извѣстіемъ, что мужа нѣтъ въ живыхъ,
 И въ даль она туманную глядѣла,

Внизу, среди орѣшниковъ густыхъ,
 Шелъ нѣкій старецъ, сильно утомленный,
 Сіянемъ окруженъ волосъ сѣдыхъ,

Въ ея дворецъ роскошный приглашенный,
 Величественно-кротко онъ взиралъ,
 И весело пылалъ огонь зажженный,

А Атаназъ, хотя и былъ онъ малъ,—
 Всего трехъ лѣтъ,—глядѣлъ съ большимъ вниманьемъ,
 И всѣмъ словамъ Зонораса внималъ.

2.

Таковъ Зонорасъ былъ; и какъ съ разсвѣтомъ
 Блится амарантъ своей слезой,
 Горитъ какъ бы невянущимъ привѣтомъ,

Когда кругомъ повсюду листъ сухой,
 Такъ послѣ всякихъ бурь, мятелей мгlistыхъ,
 Сіяль Зонорасъ истинной святой;

Изъ родниковъ заброшенныхъ, но чистыхъ,
 Онъ душу Атаназъ напиталъ
 Сіянемъ пѣсенъ мудрыхъ и лучистыхъ,

Сокровища забытыхъ знаній далъ,
 Ему, ребенку съ темными глазами,
 И тонкіе узоры съ нимъ слеталъ,

Съ ученикомъ мѣняся словами,
 Дѣля неумножающуюся кладь;
 И какъ надъ изумрудными холмами

Проворно тѣни шаткія скользятъ,
 Перегоняя бѣгъ вѣтровъ, ихъ мчащихъ,
 Такъ, все огни принявши въ жадный взглядъ,

Созвучія всѣхъ словъ, къ мечтѣ маящихъ,
 Въ себя впитавъ, Царевичъ возвѣстилъ
 Учителю рядъ новыхъ словъ блестящихъ,

И, черная въ ключахъ природныхъ силъ,
 Со старцемъ связанъ дружбою святою,
 Его онъ новымъ истинамъ училъ.

Въ лѣсныхъ пещерахъ, съ ихъ зеленой мглою,
 Близъ океана, между гулкихъ скалъ,
 Нерѣдко, жаркой лѣтнею порою,

Ихъ дровосѣкъ какой-нибудь выдалъ;
 Когда жъ зимой носилися мятели
 И въ морѣ свирѣлѣлъ киняцій валь,

И вѣтры гимнъ войны протяжно пѣли,
Отъ дальнихъ Балеарскихъ острововъ
Отбившись, рыбаки сквозь мглу глядѣли,

Какъ ихъ свѣтильникъ сумракъ облаковъ
Пронзалъ, горя на башнѣ, въ Лайф сонной,
Какъ ликъ звѣзды, что, выше всѣхъ вѣтровъ,

Струить свой лучъ надъ моремъ, неуклонный,
Межъ тѣмъ какъ всѣ созвѣздія небесъ
Какъ бы погасли въ бурѣ разъяренной.

Какъ бы погасли? Нѣтъ, восторгъ чудесъ
Все длится: вновь надъ чащами лѣсными
Горитъ Арктуръ межъ облачныхъ завѣсъ,

Надъ южными волнами, словно въ дымѣ,
Явилъ свой поясъ яркій Оріонъ,
И серпъ Луны, съ лучами молодыми,

Понтъ мечтой закатный небосклонъ.—
«Ночь лѣтняя! какой небесной властью
Ночной пѣвецъ тобою надѣленъ,

«Чтобъ онъ, отдавшись ласковому счастью,
Звенѣлъ и пѣлъ, какъ будто свѣтъ струя!
Какъ много душъ, облятыхъ темной страстью,

«Забывшихъ о восторгѣ бытія,
И вновь оживъ отъ ласки колыбельной,
Благословили пѣсню соловья!

«Въ томительности скорбной и безцѣльной
Какъ часто умъ отъ скорби отдыхалъ,
Услышавъ шопотъ Ночи безпредѣльный,

«Услышавъ, какъ чуть плещетъ сонный валъ,
Какъ вѣтеръ, прилетѣвъ отъ сосенъ дальнихъ,
Которымъ грусть онъ пѣжно навѣвалъ,

«Депечетъ о какихъ-то снахъ зеркальных!
Лишь мнѣ не помогаетъ ничего,
И странно бремя думъ моихъ печальныхъ!»

Никто не слышалъ возгласа того,
Не выразилъ онъ, что его томило,
Но горечь тѣнь движенія своего

На блѣдный ликъ чуть зримо уронила,
Какъ будто бы надъ озеромъ лѣснымъ
Движеніе вѣтра воды затемнило.

Почувствовать, что другомъ молодымъ
Владѣеть скорбь, мистическую муку
Желая просвѣтить умомъ своимъ,

На блѣдную безжизненную руку
Свою Зонорасъ ласково кладетъ,
И такъ, какъ звукъ къ согласному съ нимъ звуку

До глубины мелодіи идетъ,
Онъ съ юношей, спокойно и размерно,
Возвышенную, тихо, рѣчь ведетъ:

«Ужъ годъ прошелъ съ тѣхъ поръ,—ты помнишь, вѣрно?—
Какъ мы по взморью, надъ ночной волной,
Съ тобою шли, и цѣлый міръ, безмѣрно,

«Захваченъ былъ растущей тишиной,
Луна межъ тѣмъ сокрылась съ небосклона,
Чтобъ серпъ острить за темной глубиной.

«Блестящія реченія Платона
Для насъ съ тобой весь наполняли міръ,
Отъ высей неба до морского лона,

«Мы только что съ тобой читали *Пиръ*,
И мишлось, Агагонъ и Діотима
Увидѣли бластательный эонръ,

«Отъ смертнаго освободившись дыма.»

3.

То было въ дни, когда земной просторъ
Стеблями одѣвается живыми;
И такъ же, какъ дочь Ангела свой взоръ

Брылами изумрудно-золотыми
Скрываетъ, и стоитъ передъ отцомъ,
И воздухъ слить одной любовью съ ними,—

Такъ, съ долгимъ разлучившись зимнимъ сномъ,
Земля предъ Солнцемъ юностью дышала,
И Солнце льнуло къ ней своимъ тепломъ.

Сѣдая роца вся зеленой стала,
Цвѣты сверкнули звѣздной пеленой,
Трава, качаясь, нѣжно заблистала,

Блеснули подъ прозрачною волной
Морскія почки:—о, какъ часто нѣжный
Безмолвно любить, раннею весной,

Онъ любить тѣнь души своей безбрежной,
Не види предъ собой иной души,
Или любимцевъ грезъ безмятежной—

Листы, едва возросшіе въ тиши,
И, сладкаго исполненный безіянья,
Какъ будто слышать зовъ мечты: «Спѣши!»

Его душа развѣтываетъ крылья,
Тогда и вѣтру не нагнать се,
Хотя бь онъ сдѣлалъ крайнія усіянья;

Душа вступаетъ въ царствіе свое,
Ее несетъ въ лазури смовидѣнья,
Ее качаетъ нѣжно забыть.

Внизу, тамъ гдѣ-то, зыбн отдаленья,
Насталъ веселый праздникъ, свѣтлый часъ,
Пронла зима и всѣ ея мученья.

Въ такіе дни Царевичъ Атамазъ
Прошелъ черезъ Альпійскія громады,
Гдѣ ткань снѣговъ блистала какъ алмазъ;

Кругомъ безгласны были водопады,
Ихъ всѣ морозъ въ кристаллы превратилъ,
Слѣшнвіе своимъ сіяньемъ взгляды,

Или холодный вѣтеръ, въ видѣ крыль,
Ихъ влагу остужалъ и мчалъ по скатамъ,
И кружевомъ алмазнымъ серебрилъ

Провалы, озаренные закатомъ.

4.

Любовь, Любовь, ты сладкое вино,
Лишь твоего хотимъ мы опьяненья,
И счастливы тотъ, кому оно дано;

Блаженные, хотящіе забвенья,
Пока еще листы не облетятъ,
Готовя мудро кубки наслажденья,

Собираютъ твой роскошный виноградъ,
И тысячи, что ждуть очарованья,
Росою изъ амвросіи поятъ:—

Ты Океану льешь свои сіянья,
Тобой живетъ морская глубина,
И чарой нѣжной твоего вліянья

Лазурью глубь Небесъ напоена;—
 То тѣнь твоихъ таинственныхъ воскресилій,
 Когда Земля особенно пѣжна

Богатствами цвѣточныхъ изобилій;—
 Ты межъ камней, въ горахъ, родишь мечту,
 Твои огни просторъ-пустынь поили

И ихъ не разъ одѣли въ красоту;—
 Весною, въ пышность листьевъ одѣвая
 Озябшихъ зимнихъ вѣтокъ черноту,

Ты дышешь, и тобой душа людская
 Осѣнена всечасно, безъ конца,
 Ты ждешь, толпу людскую умоляя

О томъ, что страстно, съ блѣдностью лица,
 Вымаливать она должна была бы,
 И отдають тебѣ свои сердца

Разбитыя—одни лишь тѣ, что слабы,
 Передъ тобой лицомъ склоняясь въ прахъ,—
 Но всѣхъ одѣтъ сияньемъ ты могла бы!

5.

Темна была ея волосъ волна,
 И взоръ глубокихъ темныхъ глазъ былъ страненъ;
 Въ нихъ точно отражалася луна,

Когда въ затѣненъ лунный дискъ туманенъ;
 Но, если свѣтъ, что въ нихъ былъ скрытъ, блисталь,
 Казалось, духъ ея былъ сладко раненъ

И въ боли наслажденъя трепеталь.

1818,

О К Т Я Б Р Ъ.

СТРОКИ, НАПИСАННЫЯ
 СРЕДИ ЕВГАНЕЙСКИХЪ ХОЛМОВЪ.

Какъ много пужно острововъ,
Какъ много пужно травъ, цвѣтовъ,
Среди морей, въ пустынѣ Горя,
Чтобы измученный морякъ
Могъ плыть и плыть по безднѣ моря,
Сквозь неизвѣданность и мракъ,
Подъ кровомъ сумрачной лазури,
Такъ, ночь за ночью, день за днемъ,
Межъ тѣмъ какъ вельдѣ за кораблемъ
Стремится тьма, несется бури,
И полны молнй небеса,
И воевъ вѣтеръ быстроекрылый,
Рветъ снасти, доски, паруса,
И, схваченъ влажною могилой,
Надъ гладью жадной глубины,
Корабль вшиваетъ зыбь волны,
Все ниже, ниже утонаеть,—
Какъ тотъ, кому внушаютъ сны,
Что онъ въ пространствѣ погибаетъ,
Что вѣчность, силой своего
Стремленья, прочь несетъ его:
Вдали, во мглѣ, чертой туманной,
Родимый берегъ чуть глядитъ.
О, какъ далекъ, далекъ, желанный!
Уходить отъ него, обжигать,
Совсѣмъ развѣяться сгѣшнить,—
И вотъ онъ, съ волей раздѣленной,
И спитъ, и рветъ узоры сна,
Но безпокойная волна
Свою властью неуклонной,

Все мчить и мчить его впередь,
 Туда, гдѣ пристань смерти ждетъ.
 Что, если нѣтъ тамъ дружбы иъбжной?
 Что, если скорбнаго, его
 Любовь не ждетъ, и все мертво?
 О, гдѣ бь въ пустынности безбрежной
 Онъ ни скитался день и ночь,
 Найдеть ли онъ пріютъ отъ горя,
 Любовь захочетъ ли помочь
 Тому, кто знаетъ невѣрность моря?
 Когда уйдетъ дыханье прочь,
 Чтѣ нужды въ томъ, что ждетъ участие:
 Ужъ грудь бездушна, холодна,
 Которой такъ хотѣлось счастья;
 Безкровны жилы, и блѣдна
 Та ткань, въ которой жизнь увяла;
 И каждый нервъ, что, какъ ни малъ,
 Отъ словъ упрека трепеталъ,
 Теперь навѣкъ застылъ устало,
 Скривился, точно листъ зимой,
 Что къ мерзлой вѣткѣ льнетъ, сухой.

На взоры сѣверномъ, гдѣ, спора
 Съ волной тоскующаго моря,
 Бушуютъ бури безъ конца,
 Какъ будто разъ прилетѣтъ несчастный,
 Чтобъ отдохнуть отъ муки страстной,
 И смерть застигла бѣглеца.
 Гдѣ возлѣ волнъ несли сѣдые,
 Тамъ бѣлый черепъ, семь костей
 Лежатъ средь сумрачныхъ камней,
 И, какъ черты сторожевыя,
 Въ пустынной дремлющей тини
 Стоять и шепчутъ камыши.
 И не скорбитъ никто, не стонетъ,
 Лишь чайки жалобно кричатъ,
 И вѣтры быстрые ихъ мчатъ,
 Ихъ крикъ мгновенно въ вихрѣ тонетъ,

И ропотъ бури по волнѣ
 Несется бѣшено и дико,
 Какъ будто царственный владыка
 Въ братоубійственной войнѣ.
 Да, много воплей раздастся,
 Но эти вопли не о немъ,—
 Кто никогда не засмѣется,
 Кто раньше былъ согрѣтъ огнемъ,
 Кто раньше знаетъ мечты и думы,
 Но какъ туманъ теперь, угрюмый,
 Безъ мысли, безъ лучей, безъ словъ.

О, много, много острововъ,
 Стеблей зеленыхъ въ далахъ моря,
 Успокоительныхъ цвѣтовъ
 Средь безднъ властительнаго Гора.
 И къ одному, въ недавній срокъ,
 Прибитъ былъ утромъ мой челнокъ,
 Влекомый мягкими вѣтрами.
 Я между Евганейскихъ горъ
 Стоялъ надъ свѣтлыми холмами,
 И видѣлъ мой плѣненный взоръ,
 Какъ, вѣя сѣрыми крылами,
 Въ сіяньи утреннихъ лучей,
 Кружились полчища грачей.
 Какъ въ безпредѣльномъ Океанѣ
 Сѣдыхъ тѣней кричащій рой,—
 Въ росистомъ таломъ туманѣ
 Они безумствуютъ толпой,
 Пока востокъ не загорится
 Всенобѣдительнымъ огнемъ,
 Тогда ихъ хоръ угомонится,—
 И какъ обрывки тучекъ, днемъ,
 Горять въ просторѣ голубомъ,
 И талотъ, полныя безсенля,—
 Такъ ихъ мелькающія крылья,
 Подъ золотымъ дождемъ свѣтятся,
 И краской алой золотятся,

Горять высоко надъ лѣсами,
И молчаливыми рядами,
Черезъ разорванный туманъ,
Летить ихъ строй, и юнь, и пьянь;
Межъ тѣмъ, въ порывѣ дуновенья
Полунѣмого вѣтерка,
Сползаютъ ниже испаренья,
Течетъ съ утесовъ ихъ рѣка,
И вотъ вокругъ холма все ясно,
Заря пылаетъ полновластно.

Внизу, куда ни кинешь взоръ,
Какъ бы зеленая пучина,
Какъ бы безъ волнъ морской просторъ,
Лежитъ Ломбардская равнина,
Лука, колосья, и трава,
И города, какъ острова;
Тамъ, въ дымкѣ свѣтлаго тумана,
Пронзеннаго теплою огня,
Подъ синими глазами дня,
Я вижу чадо Оксана,
Венецію, чертогъ златой
Для Амфитриты молодой,
Приютъ, изгибовъ странныхъ полный,
Теперь отецъ ея сѣдой
Тамъ стелетъ искривленныя волны.
Въ огнѣ рожденъя своего,
Вотъ, изъ-за нихъ выходитъ солнце;
Широкий красный кругъ его,
Свѣтлѣе яркаго червонца,
Надъ липей дряжащихъ водъ
Полусклонился—и плыветъ;
Ростетъ ликующая сила,
Возникъ проваломъ яркій свѣтъ.
И, будто бы внутри горнила,
Его сиянiемъ одѣтъ,
Его лучами ослѣпленный,
Проснулся Городъ къ счастью дня

Соборы, башни и колонны,
Какъ обелиски изъ огня,
Восходить къ пропастямъ эфира,
Рония тѣнь свою волнамъ,
Уходить къ синимъ небесамъ,
Горящимъ красками сафира;—
Какъ эта яркая заря,
Какъ это пламя небосклона,—
Огонь вставалъ отъ алтара,
Когда-то, въ храмѣ Аполлона.

Твой поясъ—огнецвѣтный лучъ,
О славный Городъ! Ты когда-то
Вольнолюбивъ былъ и могучъ,
Но для тебя пора заката
Настала,—сумракъ темныхъ тучъ;
Ты былъ царицей Оксана,
Но все почти въ тебѣ мертво,
Добычей будешь ты его,
Коль въ дымѣ своего тумана
Онъ дастъ уснуть твоей борьбѣ,
И влажный гробъ создастъ тебѣ.
Не столь угрюмою руиной
Какъ ты теперь, съ своимъ челомъ,
Отмѣченнымъ,—о, стыдъ!—клеимомъ,
Рукой чужого властелина,
И не рабынею рабовъ,
Соседней съ царственного трона,—
Ты отдохнешь средь тихихъ сновъ,
Среди измѣнчивыхъ валовъ
Дремотнаго морского лона;
Просторъ морской—твой будетъ царь,
Все будетъ такъ, какъ было встарь,
Надъ островами окружными,
Надъ ихъ пустынями пѣмями,
Морскія чайки полетятъ,
И только силою извива
Прилива волнъ и ихъ отлива,

Надъ гладью водь, что такъ блестятъ,
 Поросшія морскими мхами,
 Морскими странными цвѣтами,
 Твои дворцовыя врата
 Чуть слышно будутъ осыпаться,
 Какъ будто морю высота
 Твоихъ дворцовъ должна отдагся:
 Утесъ, что созданъ глубиной,
 Разрушенъ долженъ быть волной.
 Рыбакъ, на склонѣ дна блуждая
 По этимъ сумрачнымъ волнамъ,
 Свой сѣрый парусъ расширяя,
 Весломъ сильнѣе ударяя,
 Направить путь къ инымъ краямъ,
 Чтобъ миновать скорѣе мрачность
 Твоей пустыни, и боясь,
 Что, возмутивъ ея прозрачность,
 Въ тотъ запоздалый звѣздный часъ,
 Твои усоншіе проснутся,
 Волну поднимуть за волной,
 И въ пляскѣ смерти понесутся
 Надъ пробужденной глубиной.

Да, тѣмъ, которые видали
 Лишь въ золотистой зыбкой дали
 Твои соборы и дворцы,
 Не видны сумрачныя лица,
 Не виденъ Городъ весь—гробница,
 Въ которой скрыты мертвецы;
 Людскія блѣдныя видѣнья,
 Какъ черви, въ смрадѣ разложенья,
 Къ убитому величью лгнуть,
 Густѣя тамъ, цѣпляясь тутъ.
 Но, если властная Свобода
 Своими крыльями взмахнетъ,
 И гнетъ Кельтійскаго народа
 Съ себя безстрашно отряхнетъ.
 Отниметъ власть у этой Смуты

И вырветъ всѣ ключи темницъ,
 Гдѣ, точно въ холодѣ гробницъ,
 Въ цѣпяхъ, засовами замкнуты,
 Лежать сто братскихъ городовъ,—
 Ты можешь воскресить рабовъ,
 И въ краѣ солнца, снова живы,
 Какъ всѣ вы будете красивы,
 О прошломъ память сочетавъ
 Съ вѣнкомъ изъ новыхъ пышныхъ травъ.
 А если нѣтъ,—о, пусть скорѣе
 Погибнешь ты, и всѣ они,
 Пусть солнце рѣветъ, пламенѣя,
 Пусть жгутъ туманъ его огни.
 Васъ пощадитъ земля: въ пустынь
 Времени, подобные цвѣтамъ,
 Гдѣ вы погибли, встанутъ тамъ,
 Чтобы иной служить святынь,
 Народы новыхъ лучшихъ лѣтъ,
 Чей будетъ радостнѣй расцвѣтъ.

Погибни! Пусть надъ моремъ соннымъ,
 Не опускаясь на дно,
 Лишь рѣветъ ликомъ озареннымъ
 Воспоминаніе одно:
 Оно прекраснѣй, силой смѣвшихъ
 И жаждавшихъ очей нѣвца,
 Чѣмъ саванъ дней твоихъ истлѣвшихъ
 Вокругъ увиднаго лица:
 Воспоминаніе живое,
 Что въ это царство голубое,
 Въ гостепріимный твой предѣлъ,
 Изъ тьмы родного небосклона
 Прекрасный лебедь Альбіона
 Къ тебѣ на волю прилетѣлъ,
 И Океанъ въ своей лазури,
 Ему, чей взмахъ прорѣзалъ бури,
 Взволнованъ, былъ настолько радъ,
 Что это бурное волненье

Преобразилось въ пѣсноубиѣ,
 Въ громовый яростный раскатъ,
 И этой пѣсни лебединой,
 Надъ веколыхнувшей пучиной,
 Созвучья все еще звучать.
 Чтò въ томъ, что, звонкій, полновластный.
 Поэзии живою ручей
 Струить кристалльность влаги ясной
 И подъ сяннемъ лучей
 Въ предѣлахъ Альбіона вьется,
 Тревожитъ тишь святыхъ могилъ,
 Скорбя, что лебедь не вернется,
 Въ которомъ столько юныхъ силъ!
 Чтò въ томъ, что съ грезами былыми
 Со всѣми мертвыми твоими,
 Противоставить образъ свой
 Едва ль ты можешь славы той,—
 Или вѣришь, чтò въ томъ, что въ дымѣ,
 Грѣхами рабскими своими,
 Хоронишь ты, туманомъ тучъ,
 Тотъ духъ, который весь—какъ лучъ!
 Какъ тѣнь Гомера, свѣточъ міра,
 Вокругъ Скамандра навсегда;—
 Какъ духъ великаго Шекспира
 Эвонъ не кинетъ никогда,
 И въ міръ вошелъ, какъ ликъ всезнанья,
 Какимъ онъ между смертныхъ былъ;—
 Какъ негасимое сянне,
 Любви необходимый пылъ,
 Изъ урны нѣжнаго Петрарки
 Еще горитъ межъ тѣхъ холмовъ,
 И взоры сердца, странно-ярки,
 Тамъ видятъ свѣтъ нездѣнныхъ сновъ;—
 Такъ пребываешь неизмѣннымъ
 И ты, необходимый духъ,
 Такъ будетъ городъ незабвеннымъ,
 Гдѣ пнѣмемъ ты пѣшилъ нашъ слухъ.

Уже дорогой золотою
 Заря высоко поднялась;
 Такъ, окрыленная мечтою,
 Свобода всѣхъ равняетъ насъ,
 Включая все въ свой свѣтъ единый—
 Высоты, волны, и долины.
 Отъ моря всталъ туманъ, и свѣтъ,
 Которымъ Городъ былъ украшенъ,
 Въ Венеци совлекся съ башенъ,
 Какъ блескъ ея отшедшихъ лѣтъ.
 Вонъ, по краямъ той сѣрой тучи,
 Свободно различаетъ взоръ
 Соборъ, дворецъ, еще соборъ,
 То Падуя; въ пустынь глгучей,
 Средь желтыхъ выжженныхъ полей,
 Крестьянинъ жатву собираетъ
 И въ житницы нагромождаетъ—
 Тирановъ родины своей;
 Тамъ дальше, по пустынь глгучей,
 Въ тельгѣ тяжелой и скринучей,
 Молочно-бѣлые вола
 Волочуть груды винограда.
 Чтобы, изъ нихъ добывши яда,
 Который пологъ пѣяной мглы,
 Могъ грубый Кельтъ свою заботу
 Питьемъ дурманящимъ залить,
 Свою зифриную дремоту
 Могъ своевольемъ напоить;
 И мѣста, взятаго насильемъ,
 Не уступаетъ серпъ мечамъ,
 Хотя, подобныя тѣнямъ.
 Кишатъ надъ этимъ изобильемъ
 Пришельцевъ жадныя толпы,
 Изъ сорныхъ травъ плетутъ оковы,
 И этихъ плелеловъ снопы
 Уже для гибели готовы:
 Что люди съютъ, то и жнутъ,
 Ведеть къ насилію насилье,

Къ несчастю, бесполезны тутъ
 Какія бь ни было усилъя:
 Такъ было встарь, такъ будетъ вновь,
 Не можетъ умъ убитъ обмана,
 Не можетъ укротить любовь
 Ни мечь раба, ни злость тирана.

О, Падуя,—ища утѣхъ,
 Въ твоихъ стѣнахъ сидѣли гости:
 Мать съ мерзкимъ сыномъ, Смерть и Грѣхъ,
 Играли межъ собою въ кости
 На Эццелина; Смерть съ косою—
 «Мой выигрышъ!» вскричала, «Мой!»
 Теряя ставку, Грѣхъ бранился,
 И Смерть, чтобъ онъ угомонился,
 Пообѣщалась—за него
 Просить владыку своего,
 Чтобъ награжденъ былъ Грѣхъ лукавый
 Какой-нибудь иною славой,
 Чтобъ онъ, блистающій умомъ,
 Былъ сдѣланъ Вице-королемъ
 Надъ всѣмъ, что есть между снѣгами
 Восточныхъ Альпъ и По,—чтобъ всѣхъ,
 Кто смялъ Австрійскими властями,
 Плънилъ онъ, для своихъ утѣхъ.
 Грѣхъ, слыша это, улыбнулся,
 Какъ можетъ улыбаться Грѣхъ;
 И миръ въ томъ краѣ пошатнулся,
 И вотъ, съ минуты горькой той,
 Здѣсь сѣмя брошено обмановъ
 Кровосмѣсительной четой,
 Сопровождающей тирановъ,
 Всегда идущей имъ вослѣдъ,
 Какъ со звѣздой приходитъ свѣтъ,
 Раскаяніе съ Преступленьемъ,
 И какъ время круговращеньемъ,
 Дается бремя новыхъ бѣдъ.

О, Падуя, твой срокъ измѣренъ:
 Замель, затмилъ въ твоихъ стѣнахъ
 Лампаду знанья дольний прахъ;
 Какъ метеоръ, чей путь потерявъ
 Надъ свѣтлою могилой дня,
 Своей невѣрностью маяя,
 Она горитъ непрочнымъ свѣтомъ,
 Чтобъ не свѣтить, а лгать привѣтомъ.
 Когда-то прежде, въ оны дни,
 Являлись дальніе народы,
 Чтобъ почитать твои огни,
 Когда, зажженныхъ у Свободы,
 Немного было очаговъ,
 Чтобъ отдохнуть отъ холодовъ.
 Теперь отъ пламени святого
 Зажглися новыя огни,
 Но силой вражескаго слова
 Въ тебѣ затонуты они.
 Работая у ели стройной,
 Норвежскій дровосѣкъ, порой,
 Роюя искру въ чашѣ хвойной,
 Ее тяжело ступней
 Загашиваетъ межъ кустами,
 Но вдругъ безбрежный этотъ лѣсъ
 Дрожитъ, и весь кишитъ огнями,
 Восходитъ пламя до небесъ
 Волнами языковъ горящихъ,
 И, ужаснувшись, дровосѣкъ
 Подъ пламенемъ воздушныхъ рѣкъ
 Упалъ на землю, межъ свистящихъ
 Огней, глядящихъ съ высоты.
 Такъ точно, тиранія, ты
 Пожаръ огромный совершаешь,
 Огни вокругъ себя считаешь,
 И слыши ихъ, вблизи, вдали,
 Ползешь, склоняясь до земли:
 Навѣдай Правды неизмѣнность.

Умри, позорная Надменность,
Сокройся въ прахъ и пыли!

Вокругъ меня теперь нисходитъ
Осенній полдень, весь въ огнѣ,
И свой багряный блескъ приводитъ,—
Воздушный тотъ туманъ, что мнѣ
Звѣдой, въ лазури растворенной,
Является,—или, лучистъ,
Горитъ, какъ влажный аметистъ,
Огнемъ текучимъ напоенный;
До самой высоты небесъ
Отъ выгнутости кругозора.
Усладой радостной для взора,
Простеръ онъ блескъ своихъ завѣсь,
Перебѣшавши въ нѣжной ласкѣ
Благоуханія и краски.
Равнины мирныя внизу,
Листы, не тронутые зноемъ,
Гдѣ, блескомъ солнца безпокоимъ,
Свою лучистую слезу
Дити-морозъ оставилъ нѣжно,
И виденъ слѣдъ его слезы:—
Извивы зрѣющей лозы,
Что протянулись безмятежно,
Пустыню, скованную мглой,
Пронзили пестрою каймой;—
И травы острыя, что съ башни
Повисли, точно лезвіе,
Сдержавши попотъ свой всегданный,
Роптанье вѣчное свое:—
И полный сновъ благоуханныхъ,
Полураскрывшіея цвѣтокъ,
Вотъ тутъ мерцающій, у ногъ:—
И въ очертаніяхъ туманныхъ,
Горя, какъ островъ, какъ узоръ,
Вершины Аппенинскихъ горъ:—
И Альпы, вѣчными слѣгами

Пронзили нѣмой просторъ,
Межъ солнцемъ вставъ и облаками;—
И все живыя существа;—
И я, и это пѣнонѣбие,
Все тусклымъ мои слова,
Сдержавши его теченье;—
Все свѣтомъ неба сплетено,
Живеть и дышетъ заодно:—
Гармонія, благоуханья,
Любовь, и свѣтъ, и, какъ роса,
Что покидаетъ небеса,
Улада этого молчанья,
Душа созвучная всего,
И строй напѣва моего,
Тотъ разумъ, что, хотя и плѣнный,
Родитъ въ себѣ созвучья могъ,
И населилъ огнями строки
Уединеніе вселенной.

Нисходитъ полдень. Недалекъ
Тотъ часъ, когда зажжется, сонный,
Осенній вечеръ золотой,
Съ своей луной новорожденной,
И одинокою звѣдой,
Что, нѣжнымъ пламенемъ богата,
Какъ будто половину ей
Багряныхъ тѣхъ даетъ лучей,
Что взяты ею у заката:
И тѣ предутренніе сны,
Что, какъ полетъ вѣтровъ изъ дали,
И какъ движеніе волны,
Сюда ладью мою примчали,
Къ другимъ уходить островамъ,
Къ инымъ, ихъ ждущимъ, существамъ,
Въ безбрежное умчитъ ихъ море
Непобѣдимая волна,
И вновь старинный кормчій, Горе,
За руль проворнаго челна

Въ раздумьи сумрачною садится:
Куда теперь челнокъ помчится?

Иныхъ есть много пышныхъ сновъ,
Другихъ цвѣтущихъ острововъ,
Для тѣхъ, кому даны скитанья
Въ моряхъ, гдѣ жизнь и умиранье.
Еще, еще, и ихъ не счесть,
Какъ не измѣрить дали звѣздной;
Иные духи въ мѣрѣ есть,
Что выюся надъ глубокой бездной.
Быть можетъ, и сейчасъ, во мглѣ,
Тамъ гдѣ-то въ даяхъ на скалѣ,
Какъ бы окутанной приливомъ,
Они глядятъ въ предѣлы дня,
Сложивши крылья, ждутъ меня,
Чтобы въ затонѣ молчаливомъ,
Въ цвѣтущей малой бухтѣ могъ
Пристать у суши мой челнокъ.
Тамъ вѣчный свѣтъ царить, ликуя,
Тамъ для меня, какъ и для всѣхъ,
Съ кѣмъ радость пѣвную утѣхъ
Дѣлить сочувственно хочу я,
Они мечтами создаютъ
Святой безвѣтренный приютъ,
И неизвѣстны тамъ обманы,
Нѣтъ преступлений, страсти, мукъ,
Зеленыхъ горъ тамъ мирный кругъ,
Долины, свѣтлыя поляны,
Тамъ вѣчень кроткій гулъ лѣсовъ,
Тамъ вѣчень странный ропотъ моря,
И звуки эхо, блескъ цвѣтовъ,
Своею сказкой съ ними споря,
Полны неизреченныхъ сновъ.
Тамъ будемъ жить, вдали ненастья,
Исполнены такого счастья,
Такихъ восторговъ, выше словъ,
Что духи воздуха, нашъ алый,

Нашъ ясный увидавши Май,
Нечистую толпу, пожалуй,
Заманять въ нашъ цѣлебный Рай;
Но свѣтлокое забвенье
И примиреніе свое
Здѣсь встрѣтитъ бѣшенство ся,
Отъ вѣтерковъ, отъ дуновенья
Ихъ крыль, съ которыхъ по сердцамъ,
Когда-то плакавниимъ въ раздорѣ,
Прольется сладостный бальзамъ;
И вѣчно-дышущее море
Создастъ имъ музыку волны;
Когда жъ мгновенно тишины,
Порою, бездыханно встанетъ,
Смѣнитъ безмолвіе слѣша,
Заговорить стихомъ душа,
И пѣть любовь не перестанетъ,
И всѣхъ, кто, слыша говоръ воды,
Въ томъ обиталищѣ живетъ,
Соединитъ въ союзъ единый,
И въ братство кроткое сольетъ,
Эдемъ спокойный надъ лучиной.
И вскорѣ каждый духъ земной,
Живущій въ мѣрѣ подъ луной,
Забудетъ зависть, просвѣтитъ,
И вновь Земля помолодѣетъ,
И будетъ вѣчно молодой.

1817—1818.

РОЗАЛИНДА И ЕЛЕНА.

СОВРЕМЕННАЯ ЭКЛОГА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія Розалинды и Елены не представляет изъ себя, конечно, поэтическаго опыта въ самомъ высокомъ стилѣ. Ея авторъ отнюдь не рассчитывалъ вызвать читателя на глубокія размышленія, и, если она, затронувъ его чувства и усладивъ на мигъ его воображеніе, пробудитъ въ немъ нѣкоторую идеальную печаль, благоприятную для воспріятія болѣе значительныхъ впечатлѣній, это будетъ все, что авторъ самъ испытывалъ, когда ее писалъ. Въ тѣ часы, когда слагалась эта исторія, я отрѣшился отъ себя, подчинялся порыву чувствъ, опредѣлившихъ замысль, и даннымъ обстоятельствомъ объясняются перерывы въ ритмѣ, который имѣетъ притязанія на правильность лишь въ той степени, въ какой это соответствуетъ неправильности фантазіи, послужившей источникомъ вдохновенія.

Я не знаю, какія изъ немногихъ, оставленныхъ мною въ Англіи, поэмъ выберетъ мой издатель, чтобы присоединить ихъ къ предлагаемой. Одна изъ посланныхъ мной отсюда, изъ Италіи *), была написана послѣ небольшого путешествія среди прекрасныхъ горъ, окружающихъ то мѣсто, которое нѣкогда было убожищемъ Петрарки, а теперь служить ему гробницею. Быть можетъ, кто-нибудь осудитъ вступительныя строки Поэмы, рисующія внезапное отдохновеніе отъ чувства глубокой душевной подавленности, благодаря лучезарнымъ видѣніямъ, создаваемымъ внезапными вышками Итальянскаго восхода солнца, осенью, среди этихъ высокихъ возхитительныхъ горъ; я могу представить въ оправданіе только одно, а именно: эти строки

*) *Строки, написанныя среди Боганейскихъ холмовъ.* Кроме нея, къ поэмѣ *Розалинда и Елена* были присоединены *Гимнъ Духовной Красоты* и сонетъ *Озимандія*.

не были выкинуты по просьбѣ дорогого друга, по отношенію къ которому каждый новый годъ дальнѣйшаго единенія только усиливаетъ сознаніе высокыхъ его качествъ, и который, болѣе чѣмъ кто-нибудь, имѣлъ бы право сѣтовать, что во мнѣ не погасла самая способность изображать печаль.

Пенноль, Декабря 20-го, 1818.

Розалинда и Елена съ своимъ ребенкомъ. Сцена: берегъ озера Комо.

ЕЛЕНА.

Поди ко мнѣ, побудь со мною,
Прими сердечный мой привѣтъ;
О, Розалинда, мы съ тобою
Не видѣлись такъ много лѣтъ,
Но было бѣ душно намъ, душою,
Забуть мгновеній прошлыхъ свѣтъ.
У озера, въ странѣ далекой,
Я вижу, ты стоишь одна,
И красотою свѣтлоокой,
Волной кудрей, свѣтло-широкой,
Ты точно въ высь вознесена,
Въ твоихъ глазахъ играютъ краски
Зари, и дышетъ тишина,
И прелестью вечерней ласки
Ты вся какъ будто бы полна.
О, милый другъ мой, подойди же!
Ты хочешь сѣсть со мной, поближе?
Ты хочешь быть со мной опять,
Какъ были прежде мы съ тобою?
Насъ здѣсь не могутъ увидать,
И власть, что дружною четою,
Въ уединенный этотъ часъ,
Опять соединила насъ,
Когда бы ты ушла съ враждою,
Была бы зломъ награждена
За то, что насъ свела она.

О нашей родинѣ желанной,
 Что гдѣ-то тамъ, въ дали туманной,
 Поговоримъ, мой другъ, съ тобой;
 Вѣдь мы въ Итали, въ изгнаньи,
 И хотъ угрюмъ нашъ край родной,
 Но онъ живетъ въ воспомнаньи,
 Съ своей пустынной красотой,
 Одѣтый въ бѣлые туманы,
 Нѣжкѣй, чѣмъ пышные каштаны
 Въ странѣ чужой и золотой;
 Припомнимъ свѣтлыя тропинки,
 Густую чащу и кусты,
 Ручьи, и надъ ручьемъ травинки,
 И наши дѣтскія мечты,
 Все то, что было намъ въ наслѣдство
 Даровано самой судьбой,
 Холмы, что свѣтлою толпой
 Просторъ пронзили голубой,
 Обломки сновидѣній дѣтства,
 Одѣтыхъ солнечнымъ лучомъ,
 Не повторяемыхъ ни въ чемъ:
 Теперь, когда во мглѣ изгнанья
 Мы знали столько бѣдъ и зла,
 Мрачить о нихъ воспомнанье,
 Какъ память дружбы, что прошла.
 Я не ищу тѣхъ прежнихъ отношеній,
 Огонь, что намъ свѣтилъ, теперь погасъ,
 Но будь со мной хотъ нѣсколько мгновеній.
 О, говори! Ты поминишь? Каждый часъ
 Съ тобою были вмѣстѣ мы когда-то...
 Не хмурься... Не прошу я прежнихъ узъ,
 Чтѣ было, миновало безъ возврата,
 Ты порвала нашъ дружескій союзъ.
 Но я тебя теперь не осуждаю,
 Ты порвала лишь то, что порвалось;
 Но въ этотъ часъ моей будъ, заклинаю
 Вотъ этой прядью нѣжкою волосъ,
 Ты отъ нея не можешь отказать,

Взгляни же на меня—какъ будто я
 Не та, съ которой ты могла разстаться,
 А только мысль, и только тѣнь моя.

РОЗАЛИНДА.

Чтѣ это, сонъ возникъ, какъ пѣна,
 На мигъ рожденная волной,
 Иль легковѣрная Елена
 Дѣйствительно передо мной?
 Отъ твоего прикосновенья
 Хотѣла бъ скрыться я сейчасъ,
 Но въ памяти встаютъ мгновенья,
 Чей свѣтъ донынѣ не погасъ;
 Запретныя приносятъ слезы,
 И вновь тоскливая душа,
 Къ тебѣ, уставши видѣть грозы,
 Бѣжитъ, въ приобъжище сѣбѣша.
 Твое дѣлю я преступленье,
 И нѣжно плачу я съ тобой;
 Сама такого облегченья
 Я не ищу для скорби той,
 Которая всегда со мной,—
 Въ моихъ глазахъ нѣтъ слезъ привычныхъ
 Для думъ, для пытокъ необычныхъ.
 Тебя любила я всегда,
 И, какъ сестрѣ, не измѣняла,
 Но жизни нужно жертвѣ,—о, да,
 Я это слишкомъ, слишкомъ знала,
 И, о паденіи скорбя,
 Всегда жалѣла я тебя,
 Но отрекалась отъ Елены,
 Наружной полная измѣны.
 Теперь же, вся дрожа въ борьбѣ,
 Въ изнеможеніи тоскуя,
 Стыжусь, что лишь въ одной тебѣ
 Любовь и дружбу нахожу я.
 Припомнимъ же бывлыя сны.
 Сядь здѣсь, на этомъ сѣромъ камнѣ.

ЕЛЕНА.

О, нѣтъ, мой другъ, здѣсь быть нельзя мнѣ,
 Меня тревожитъ шумъ волны.
 Мнѣ чудятся родные звуки,
 Когда я слышу рѣчь твою,
 Мнѣ мнится, я въ родномъ краю,
 И вновь томительныя муки
 Гнетутъ, терзаютъ мысль мою.
 Вонъ тамъ, въ лѣсу, среди каштановъ,
 Есть тихій долъ, тамъ есть скамья,
 Съ вечерней мглою, въ часъ тумановъ,
 Нерѣдко тамъ бываю я;
 Тамъ одиночество не мрачно,
 Какъ наше, — призракъ мира тамъ,
 Лазурь надъ доломъ тѣмъ прозрачна,
 И хорошо тамъ будетъ намъ.
 Коли твое расположенье
 Мнѣ не измѣнитъ, приходи
 Въ то кроткое уединенье,
 Мы будемъ говорить.

РОЗАЛИНДА.

Иди

Впередъ, пойду я за тобою.

ГЕНРИ.

Куда вы, мама? Не туда.
 Къ скамейкѣ Феничи вонъ тою
 Дорогой, гдѣ блеститъ вода,
 Пройти черезъ деревья надо.

ЕЛЕНА.

Да, я разсѣялась совѣтѣмъ.
 О, милый, какъ тебѣ я рада!
 Ну, поцѣлуй меня. Зачѣмъ
 Вдыхаешь ты?

ГЕНРИ.

Не знаю, мама,
 Но какъ могу я не вдыхать,
 Когда и ты и эта дама
 Такъ горько можете рыдать!

ЕЛЕНА.

Ступай теперь домой, мой милый,
 И поиграй немного съ Лиллой,
 Я скоро къ вамъ приду, иди.
 Мы просто плакали отъ счастья,
 Что увидались. Погляди,
 Намъ весело, и въ насъ участие
 Другъ къ другу. Ну, прощай, дружокъ.

На мать свою взглянувши быстрымъ взглядомъ,
 Ребенокъ лишь улыбку видѣть могъ,
 И онъ, привыкшій къ смѣху и къ отрадамъ,
 Въ той радости притворства не призналъ,
 Улыбкой озарился онъ живою
 И матери тихонько прошепталъ:
 «Смотри же, приведи ее съ собою.»
 «Она такая странная!» шепнулъ.
 Потомъ онъ устремился, убѣгая,
 Остановился, матери кивнулъ,
 И вновь улыбка вспыхнула живая,
 И онъ легко, какъ птичка, упорхнулъ.
 Межъ тѣмъ, лицо руками закрывая,
 Стояла Розалинда, и, блѣдна,
 Сдержанъ была не въ силахъ слезъ она,
 И вотъ они, храня молчанье,
 Вступили въ этотъ темный лѣсъ,
 Онъ былъ исполненъ обаянья
 И мглы средъ лиственныхъ завѣсь.
 Силетались заросли густыя,
 Гнѣздился въ чащѣ сумракъ сна,
 И тѣни вечера сѣдя

Скользили, какъ скользить луна,
 И нарастала тишина.
 Тропинка шла среди огромныхъ
 Деревьевъ, между ихъ корней,
 Змѣистыхъ, узловатыхъ, темныхъ,
 Среди кочующихъ тѣней,
 Въ зеленой дремлющей пустынѣ;
 И вотъ онѣ пришли къ долинѣ,
 Изъ камня тамъ была скамья
 У сладкозвучнаго ручья;
 Стволы, подобные колоннамъ,
 Росли въ порядкѣ стройномъ тамъ,
 И создавали нѣкій храмъ,
 Подъ небомъ синимъ и бездоннымъ,
 Какъ будто напиче тѣхъ дней,
 Когда еще учепемъ новымъ
 Не сдѣлагъ былъ нашъ мѣръ суровымъ,
 И раса ранняя людей
 Предъ божествомъ, съ высотъ глядящимъ,
 Склонялась съ кроткою мольбой.
 Здѣсь, надъ ручьемъ, всегда звенящимъ,
 Безгласный въ небѣ былъ прибой,
 Росли въ немъ тучки и тонули,
 И звѣзды рѣдкія блеснули
 По этой безднѣ голубой.
 Къ ручью, къ волнѣ его пѣвучей,
 Скользить змѣя, чтобъ въ полдень жгучій
 Дыханье жаркое смягчить
 И жажду влагой утолить,
 И съ неба вѣчно-голубого,
 Съ высотъ сверкающаго крова,
 Къ ней льется лучъ,—въ волнахъ ручья
 Плыветъ и вся горитъ змѣя.
 И птички легкія порхаютъ,
 Безъ страха, близко отъ змѣи,
 И перья свѣтлыя свои
 Блестящей влагой орошаютъ,
 И капли брызжутъ въ забыты.

Внезапно вѣтеръ пронесется,
 И слышно внемлющей мечтѣ,
 Какъ одинокій листъ забьется
 Средь вѣтокъ, гдѣ-то въ высотѣ.
 И въ травахъ стрекотанье льется,
 Средь нихъ найдя себѣ пріютъ,
 Поютъ кузнечики, поютъ.
 Все, что живетъ здѣсь, въ полдень лѣта,
 Трепещетъ, иѣжитъ слухъ и взоръ:
 Встаетъ единый слитный хоръ
 Движенья, красокъ, звуковъ, свѣта.
 Теперь здѣсь сонъ и тишина,
 Теперь здѣсь забыты Природы.
 Змѣя въ пещерѣ, спитъ она;
 Дремотныя чуть плещутъ воды;
 Какъ нарисованы—сучки,
 И птички сонъ на нихъ делятъ;
 И только призраки густѣютъ,
 И лишь сверкаютъ свѣтляки;
 И только соловьи и совы,—
 Когда слабѣетъ день въ лѣсахъ
 И звѣзды заблестать готовы,—
 Здѣсь просыпаются въ кустахъ;
 Но даже совы улетѣли
 Къ другой полянѣ въ этотъ часъ:
 Здѣсь смотрятъ слишкомъ мрачно ели,
 И мѣсяцъ въ облакахъ погасъ.
 И къ этой тишинѣ привычный,
 Поющий нѣжно соловей
 На вѣткѣ здѣсь сидитъ обычной,
 Но онъ молчитъ среди вѣтвей:
 Его невѣрная подруга
 Куда-то улетѣла прочь;
 Молчитъ просторъ лѣснаго дуга,
 Безмолвствуетъ глухая ночь.

Преданья сумрачнаго гений
 Долину эту населилъ

Тѣнями мертвыхъ привидѣній;
 Здѣсь адскій призракъ приводить
 Видѣнье юности сѣдого,
 Въ полночный часъ, и съ нимъ сидѣть,
 И напряженно съ нимъ глядѣть
 Въ глубины сумрака ночного,
 И въ женщину, какъ въ вѣжнй сонъ,
 Во мракѣ превращался онъ,
 И къ нимъ ребенокъ обнаженный
 Являлся въ этотъ вѣжнй часъ.
 О, да, чудовищный разсказъ,
 И тотъ, кто говорилъ,—смущенный,
 Дрожалъ и опускалъ свой взглядъ.
 Дѣйствительность была страшнѣе.
 Здѣсь нѣкогда сестра и братъ,
 Другъ къ другу страсть въ сердцахъ лелѣя,
 Видались поздною порою,
 И въ этомъ мѣстѣ опѣмѣломъ,
 Въ горѣни желанья смѣломъ,
 Она ему, въ полночный часъ,
 Душой и тѣломъ отдалась.
 Есть тѣнь за всею необычайнымъ.
 Толпа ихъ выслѣдила въ тайномъ
 Лѣсномъ приближеніи любви,
 И вотъ ребенка разорвали,
 Онъ весь потопленъ былъ въ крови,
 Мать закололи, растоптали,
 А юношу священникъ спасъ,
 Чтобы онъ даромъ не погасъ,
 Чтобы узналъ предѣлъ печали,
 И такъ, толпою окруженъ,
 Онъ былъ на площади сожженъ.

По вечерамъ сюда Елена
 Являлась въ свой обычный срокъ
 Въ уединенный уголокъ;
 Въ теченіи будней пережвѣя
 Была желанна ей, она,

Внимая повѣсти печальной,
 Была въ своей многострадальной
 Мечтѣ слегка облегчена.
 Подъ вечеръ шла сюда Елена,
 Съ ребенкомъ ласковымъ своимъ,
 Когда на небѣ, точно пѣна,
 И точно уходящій дымъ,
 Слабѣли краски дня, блѣднѣя.
 Она садилась на скамѣ,
 Въ душѣ спокойствіе лелѣя;
 Дрожали тѣни, тамъ, въ ручьѣ,
 У ногъ ея былъ мальчикъ вѣжнй.
 Онъ на нее глядѣлъ порою,
 И былъ прекрасенъ безмятежнй
 Взоръ глазъ, съ игрою голубой.
 Порою, слѣдуя порывамъ
 Своей причудливой души,
 Какъ бы стремясь къ краямъ счастливымъ,
 Онъ исчезалъ въ лѣсной глуши,
 Его забавы были кротки,
 Была вѣжна его мечта,
 И изъ сухого онъ листа
 Нерѣдко дѣлалъ остовъ лодки,
 И закрѣплялъ ее перомъ,
 То парусъ былъ надъ челнокомъ,
 И вотъ, съ незримымъ вѣтеркомъ,
 Ладья на зыбн струи качалась,
 И мысль ребенка устремлялась
 Въ безвѣстность, вдаль, рѣчнымъ путемъ.
 Елена скорбно улыбалась,
 И съ вѣжнй думала тоской,
 Что такъ играть здѣсь могъ другой
 Ребенокъ, и такой же вѣжнй,
 Въ такой же грезѣ безмятежнй,
 Онъ былъ у этого ручья,
 И мать за нимъ, любя, слѣдила,
 Въ глубокомъ взорѣ грусть тая,
 Пока ихъ смерть не захватила.

При этой мысли, передь ней,
Скрывался образъ давнихъ дней.
За переменной переменно
Свершилась въ нашемъ мѣрѣ сна;
Ужь много мѣсяцевъ Елена
Сюда являлась, не одна;
Была съ ней прежняя подруга,
Онѣ сидѣли на скамьѣ,
И свѣжія травинки луга
Склоняясь, купались въ ручьѣ.,
Онѣ молчанье сохраняли
Въ очарованьи тишины;
Освободивъ ихъ отъ печали,
Она имъ навѣвала сны.
Рука съ рукой, онѣ сидѣли,
Довѣрье нѣжное тая,
И имъ во мглѣ вечерней пѣли
Чуть слышно ропоты ручья.
И какъ осенній вѣтеръ, вѣя,
Къ ночной красавицѣ прильнуть,
И, поцѣлуй его лелѣя,
Цвѣтокъ раскрывшійся цвѣтеть,
Окутавши могильный сводъ,—
Такъ голосъ ласковый Елены,
Ея души печальный звукъ,
Нѣжный вѣтровъ, нѣжнѣе пѣны,
Заставилъ раскрываться кругъ
Замкнутыхъ и давнишнихъ мукъ
Въ груди ея подруги нѣжной,
И изъ груди, какъ изъ тюрьмы,
Какъ вѣпшики пламени изъ тьмы,
Рвался на волю вздохъ мятежный,
И одѣвалась въ слова
Печаль, что въ ней была жива.

РОЗАЛИНДА.

Я видѣла, какъ упала
Земля на гробъ, какъ камень былъ

Положенъ, межъ другихъ могилъ,
Надъ тѣмъ, чья жизнь горѣть устала,
Кто принадлеать ко мнѣ на грудь,
Чтобы спокойнѣе уснуть.
Ты не узнаешь агоніи,
Въ которой я тогда была;
Вдругъ ощутила я впервые—
Я больше плакать не могла,
Такъ не могла я утѣшаться,
О, нѣтъ, но я могла смѣяться,
И я безтрепетно спала,
Хоть въ сердцѣ слышала упреки,
И на грядущее намеки,
Гдѣ можно было ждать всего.
У гроба мужа моего
И днемъ и ночью я сидѣла,
Была не въ силахъ отойти,
Была не въ силахъ слезъ найти,
Я на умершаго глядѣла,
И все глядѣла безъ конца.
Играли дѣти безъ печали,
Въ мечтѣ, что дома нѣтъ отца,
Но вдругъ они захохотали,
Когда, прервавъ ихъ шумъ и звонъ,
Сказала я, что умеръ онъ,
Въ восторгѣ крики испускали,
Въ которыхъ радость ихъ жила,
И бѣгали, въ ладоши били,
Другъ съ другомъ весело шутили,
И, какъ въ насмѣшку, я была
Одѣта въ трауръ, и молчала.

Они смѣялись, умеръ онъ,
Кѣмъ духъ мой такъ былъ омраченъ,
И я тихонько проклинала,
Пока раскаянье во мнѣ
Ту радостность не замѣнило,
Хоть безъ грѣховъ сознанье жило.

И я томила на огнѣ,
Въ аду невидимомъ тоскую.

Тебѣ всю правду разскажу я.
Онъ человекъ былъ жесткій, злой,
Съ душою замкнутой участью,
Томился онъ одною страстью,
Страсть къ золоту его сожгла,
И жги душа полна была;
Онъ лгаль душою нечестивой,
И лстивый сдержанный языкъ
Передавать цескамъ привыкъ
Румянецъ краски низко-живой;
Онъ съ сильнымъ былъ всегда трусливъ,
А съ слабымъ—яримъ былъ тираномъ,
И онъ всегда дышалъ обманомъ,
И былъ всегда во всемъ онъ лживъ;
Не разъ презрѣнье заблестало,
Рѣзнувъ его, въ чужихъ глазахъ,
И къ памяти его пристало,
Его къ могилѣ провожало,
Гдѣ снить его остывшій прахъ.
Онъ съ слабымъ былъ тираномъ яримъ,
Мы были слабыми, увы.
И часто, отдаваясь чарамъ,
Какъ мотыльки среди травы,
Малютки весело играли,
Или садилась близъ меня,
И молча сказкѣ фей внимали,
При тусклыхъ отсвѣтахъ огня,
И вдругъ онъ шелъ, иль намъ казалось,
Что онъ по лѣстницѣ идетъ,
Въ груди дыханье занималось,
Веселье наше прерывалось,
И холодѣли мы, какъ ледъ;
Ребенокъ младшій мой пугался,
Къ груди невольно прижимался,
Смущенъ внезапной тишиной,

И ждалъ чего-то, самъ не свой,
Два старшихъ мальчика, въ тревогѣ,
Дрожа, мои сжимали ноги,
Увидѣвъ, что и я дрожу.

Тебѣ всю правду я скажу.
О, да, любила я другого,
Жить лгкъ его въ душѣ моей,
И имя было мнѣ милѣй,
Чѣмъ всякое земное слово;
Но, если кто-нибудь чужой
Произносилъ его случайно,
Владѣлъ испугъ моей душой,
Блѣднѣли губы, въ сердцѣ тайна
Дрожала, полная огня;
Терзали ночью сны меня,
И плыли дни, какъ клубы дыма,
Я вѣчно думала о немъ,
Любовь была нестербима.
Такъ ночь за ночью, день за днемъ,
Онъ былъ моимъ дыханьемъ, свѣтомъ,
Мою жизнью, нѣжнымъ лѣтомъ.
Три года быстрые прошли,
Съ собой четвертый привели,
И мать моя, чтобы обѣтомъ
Навѣкъ соединились мы,
Ввела насъ въ храмъ, въ пріютъ молений,
Испещренный огней и тьмы.
Въ предвосхищеньи наслажденій,
Стояли мы у алтаря,
Лампады искрились, горя;
Какъ вдругъ, въ какомъ-то страхѣ дикомъ,
Тревогой страшной обуянъ,
Отецъ, прибывъ изъ дальнихъ странъ,
Къ намъ устремился съ долгимъ крикомъ,
Вѣнчанье наше прервалось.
Я видѣла худую руку,
Волну сѣдыхъ его волосъ,

И тусклый взоръ, являвшій муку,
 Я слышала его слова,
 О, Господи, и я жива!
 «Постойте!» вскрикнулъ онъ тревожно,
 «Имъ сочетаться невозможно,
 Вѣдь это братъ ея родной.
 О, юноша, узнай, не скрою,
 Что мать твоя въ землѣ сырой,
 Вонъ тамъ, подъ ивою густою,
 Теперь я дряхль, теперь я старъ,
 И мысли прежнее забыли,
 Но было время юныхъ чаръ,
 Когда-то счастливы мы были,
 Былъ поцѣлуй для этихъ губъ:
 Когда-то вмѣстѣ мы любили,
 Я прежнихъ дней, и этотъ трутъ.
 Ты наше дѣтище!» Смущенный,
 Онъ замолчалъ и отошелъ,
 И мой женихъ, какъ вступленный,
 На каменный церковный полъ
 Упавъ, остался распростертымъ.
 Онъ поднять былъ—о, горе!—мертвымъ.
 И всѣ глядѣли на меня,
 Чтобъ увидать мои терзанья.
 Но сохранила я молчанье,
 Хоть сердце плакало; стѣня.
 Да, я молчанье сохранила,
 И я спокойно прочь ушла.
 И я замкнулась, какъ могила,
 Какъ глыба мертвая была.
 Но я недѣлю за недѣлей
 Бродила, какъ живой мертвецъ.
 И дни ползли, и дни летѣли,
 И миновали, наконецъ.
 Мой другъ, быть можетъ, ты сказала бъ,
 Что камень у меня въ груди:
 Хоть сердце знало горечь жалобъ,
 Оно не порвалось, гляди.

Недолго жилъ отецъ. Я знала,
 Что дни сосчитаны его;
 Улыбка скорбная дрожала
 Въ глазахъ, гдѣ было все мертво.
 И вотъ лежалъ онъ тамъ, гдѣ тѣли
 Другіе труны межъ червей.
 Мы совершенно обѣднѣли,
 Намъ тяжело было бремя дней.
 Съ печалью неизмѣнной взгляда,
 Моя тоскующая мать
 Старалась что-нибудь сказать,
 Въ чемъ для меня была бъ услада,
 Но означали всѣ слова,—
 Ей больно, что она жива,
 И умереть она бы рада.
 И я изъ церкви, въ ту же дверь,
 Прошла, чтобъ стать женой другого,
 И послѣ мукъ, не знавшихъ слѣва,
 Онъ умеръ, наконецъ, теперь,
 Проживъ со мной недѣли, годы,
 Лишивъ меня моею свободой.
 И я, какъ вѣрная жена,
 Была все это время честной;
 Что дѣлать я была должна,
 То дѣлала, хоть въ долѣ тѣсной
 Была терзаній я полна;
 Я шла и шла, какъ побѣжденный,
 Сквозь сумракъ жизни монотонный;
 Однообразные часы,
 Какъ дождь, неумолимо-вялый,
 Что все стучить-стучить, усталый,
 Не прерывая полосы,
 Мнѣ ничего не приносили,
 Одни мученья, и во мнѣ
 Надежду даже погасили,
 Что отдохну я въ тишинѣ,
 Когда домчится смерть ко мнѣ.
 Въ моей тоскѣ, всегда туманной,

Та мысль была поддержкой странной,
Единственной, съ тѣхъ самыхъ поръ,
Когда погасъ для счастья взоръ.

Всегда моя была забота,
Покуда мать жива была,
Чтобъ раньше я не умерла,
Чтобы послѣдняя дремота
Ко мнѣ до срока не пришла.
И для нея притворнымъ свѣтомъ
Блестала, порой, потухшій взоръ,
Та мысль была монмъ завѣтомъ,
Вся жизнь моя была лишь въ этомъ,
Но миновали дни съ тѣхъ поръ,
Какъ надъ ея могилой травы
Зазеленѣли, и въ землѣ,
Могильной полные отравы,
Густѣя, черви, въ душиной мглѣ,
Въ глубокомъ гробовомъ туманѣ,
Ее баюкали, для сновъ,
Свободныхъ отъ земныхъ оковъ,
Какъ сонъ ребенка подлѣ няни.
И я внезапно ожила,
Нѣмого полная волненья:
Подъ сердцемъ теплой кровь была,
Живое было тамъ бѣнье.
И я не знала, отчего,
Въ такомъ восторгѣ опѣмѣломъ,
Во мнѣ, гдѣ было все мертво,
Кровь бьется такъ, въ порывѣ смѣломъ.
Увы, какъ твердо знала я,
Что такъ не бьется кровь моя.
Какъ будто мысль любви дрожащей
Распространялася во мнѣ,
И кто-то шѣлъ мнѣ о веснѣ,
И властный тотъ порывъ, манищій,
Зажегъ все жилы мнѣ огнемъ,
И часъ за часомъ, день за днемъ.

То обольстительное чудо
Все продолжалось, покуда
Тоска изъ сердца не ушла,—
И не было мнѣ больше больно,
И, наконецъ, я поняла,
Что больше не одна была,
И я заплакала невольно.
О, сколько долгихъ темныхъ лѣтъ
Въ своей тоскѣ я слезъ не знала,
И слышала, что вотъ ихъ нѣтъ.
Теперь же мнѣ блеснуть ихъ свѣтъ.
Весна роскошная настала,
Все слезы выплакала Апрель,
И наступило царство Мая,
Играла по утрамъ свирѣль,
И я мечтала, ей внимая.
Я дни, недѣли напролетъ,
Передъ окномъ своимъ сидѣла,
И солнце ласковое грѣло.
Я чувствовала, какъ течетъ
Слеза, за ней слеза другая,—
Такъ капли свѣтлыя дождя,
Изъ вешнихъ облаковъ идя,
Тепло тренещутъ, съ крышъ стекая.
Кто могъ бы рассказать тебѣ,
Елена, что это за счастье—
Возможность слезъ,—рыдать въ борьбѣ,
Вновь зная какъ бы тепло участя!

Во мнѣ дрожала мысль одна:
Какъ это было бы жестоко,
Когда бъ ушла моя весна,
Когда бъ лишилась я намека
На счастье,—если бъ у меня
Вдругъ отняли сѣянье дня,
Мою любовь, мои улыбки,
Чьи ласки такъ воздушно-зыбки.
Еще не знала я тогда,

Что эти трепетныя ласки
 Погаснуть могут навсегда,
 Вдруг измѣниться въ гнѣвность маски,
 Что зубы скалить и грозить,
 Чудовищный жестокий видъ!
 И какъ это должно быть нѣжно,
 Я думала, кормить его,
 Вишемъ сердца моего
 Его баюкать безмятежно,
 И видѣть, какъ его душа
 Чуть свѣтится въ улыбки кроткой,
 И слышать, какъ, едва дыша,
 Въ немъ жизнь идетъ своею походкой.
 Едва замѣтною, но четкой,
 И въ глубинѣ прекрасныхъ глазъ
 Искать намски на сиянья
 Ушедшаго воспоминанья,
 Огонь, что вспыхнулъ и погасъ.
 Я легкое сложила время,
 И видѣла, что жизнь живетъ,
 Мжешь тѣмъ, потокомъ темнымъ, время
 Все уносило впередъ,
 И много было въ немъ узоровъ,
 И для моихъ любовныхъ взоровъ,
 Какъ бы въ волшебномъ нѣжномъ снѣ,
 Два лучезарныя видѣнья,
 Два новые ребенка мнѣ
 Возникли въ этой мглѣ теченья:
 Для сердца, гдѣ жила тоска,
 Двойная кроткая отрада,
 Была нѣжнѣе та услада,
 Чѣмъ видъ ночного маяка,
 Въ крушеніе, для моряка.
 Рождаясь, каждый упоенье
 Своимъ рожденьемъ приносилъ,
 Волшебное успокоенье,
 И теплоту сердечныхъ силъ,
 И изъ груди, теперь остывшей,

Пить нѣжно каждый молоко,
 И въ ней, о счастіи забывшей,
 Такъ становилось легко;
 Когда отъ груди отнимала
 Родимаго ребенка я,
 Въ душѣ томленьѣ пропадало,
 Смягчалась мука бытія.
 Всѣ горести и оскорбленья,—
 Что составляли мой удѣлъ,
 Съ тѣхъ поръ какъ первое рожденье
 Мнѣ даровало наслажденье,
 И міръ природы поглядѣлъ
 Мнѣ въ душу съ радостью живою,—
 Какъ тѣнь, темнѣли предо мною,
 Но между горечью и мной
 Вставали свѣтлыя видѣнья.
 Теперь, всегда полна тоской,
 Скорби, что ихъ исчезовенье—
 Удѣлъ ненарушимый мой,
 Я плачу, нѣтъ успокоенья,
 Изнемогаю каждый часъ.
 О, дай мнѣ выплакать томленья!

И слезы падали изъ глазъ,
 Сверкали средь росы блестящей,
 Сіяніемъ луны горящей.
 И снова зазвучалъ разговоръ.

Онъ умеръ. Почему, не знаю.
 Коль возрастъ мѣрилъ смѣной лѣтъ,
 Насколько я припоминаю,
 Онъ не былъ старъ еще, о, нѣтъ.
 Но онъ, всегда покорный страху,
 Отъ алчности склонился къ праху,
 Она гнула его, какъ гнетъ,
 Онъ вѣчно былъ какъ бы въ припадкѣ
 Жестокой жадной лихорадки,
 И былъ онъ холоденъ, какъ ледъ,

Онъ чуждъ былъ радостямъ, утѣхамъ,
 Былъ искаженъ притворнымъ смѣхомъ,
 Онъ самъ себя готовилъ гробъ;
 Свокорыстьемъ, не годами
 Изборожденъ былъ узкій лобъ,
 И онъ жестокими мечтами
 Питался, злобу загая,
 Какъ ядовитая змѣя
 Живетъ отравными листьями.
 Была ли смертью или грѣхомъ
 Его болѣзнь, того не знали,
 Когда жъ онъ умеръ, увидали,
 Что смерть и грѣхъ гнѣздились въ немъ.

Семь дней лежалъ мертвецъ холодный,
 И дождался похоронъ,
 И дѣти, въ радости свободной,
 Играли, былъ не страшень онъ.
 Я, наконецъ, имъ объяснила,
 Въ чемъ смерть, и дѣтскій смѣхъ притихъ,
 Имъ стыдно стало, странно было,
 И старшій сѣлъ у ногъ моихъ.
 Вослѣдъ за нимъ пришли другіе,
 И сѣли около меня.
 Ребенку ль, что узналъ впервые
 Всѣ наши радости земныя,
 Весну, и смѣхъ, и ласку дня,
 Вникать, чтò значить смерть, могла.
 Быть можетъ, мнѣ не нужно было
 Совѣмъ объ этомъ говорить,
 Но жгли сознанье угрызенья,
 Мнѣ нужно было разъяснить,
 Въ чемъ состоитъ уничтоженье.
 И я была не въ силахъ скрыть
 Отъ глазъ моихъ, какъ было мало
 Въ нихъ горести,—какъ отвѣчала
 Ихъ радость радости моей,
 Что снято бремя нашихъ дней.

Я слишкомъ ясно увидала,
 Въ ихъ безыскусственныхъ глазахъ,
 Гдѣ озабоченность и страхъ
 Тѣнями сжали ихъ своими,
 Что были мысли ихъ мои;
 Они не говорили вслухъ,
 Но каждый жилъ такой же думой:
 «Теперь онъ умеръ, свѣтъ потухъ,
 Не свѣтъ потухъ, а мракъ угрюмый
 Отъ насъ ушелъ; отрадно намъ
 Отдаться ласковымъ мечтамъ.»

Прошли, казалось, пещытаны.
 Онъ, наконецъ, былъ схороненъ,
 Родные, послѣ похоронъ,
 У насъ назначили собранье,
 И прочитали завѣщанье,
 Которое оставилъ онъ.
 О, другъ мой, ты не представляешь,
 Навѣрно ты совѣмъ не знаешь,
 Что мертвецы, въ гробахъ своихъ,
 Спокойно могутъ издѣваться,
 Пытать и мучить и смѣяться.
 Кто живъ, невольно онъ живыхъ
 Еще трепещетъ и боится,
 Но безопаденъ въ гробъ трупъ,
 Не дрогнетъ сжатость мертвыхъ губъ,
 Онъ жалостью не возмутится,
 И для жестокости своей
 Онъ не найдетъ ни въ чемъ предѣла,
 Спокойно спрятанное тѣло,
 Среди кишѣвня червей.
 Нѣтъ больше у меня дѣтей!
 Меня терзанье жжетъ и гложетъ,
 И дальше мой рассказъ не можетъ
 Идти, сѣдѣть въ горѣ онъ,
 О, пусть же мой душевный стонъ
 Исчерпаетъ мой слабый голосъ,

Пусть все, что въ сердцѣ такъ боролось,
Замкнется въ непробудный сонъ,
Погаснетъ, принимая блѣдность.

Ты знаешь, что такое Бѣдность—
Для тѣхъ, чей встрѣтилъ темный взоръ
Нужду, глядящую въ упоръ;
Въ ней Преступленье, въ ней Позоръ,
Скитанья, грязь, лохмотья въ лужѣ,
Бездомность, и еще,—что хуже,
Чѣмъ это все,—о, да, пятно,
Которымъ все осквернено,
Ужасное Самопрезрѣнье,
Что лучезарный юный смѣхъ,
Какъ будто бѣ былъ онъ тайный грѣхъ,
Преобразуетъ въ отвращенье,
Въ тотъ смѣхъ, чей самый звукъ—вражда,
И въ желчь все слезы превращаетъ.
И, чтобъ не плакать никогда,
Въ глазахъ ихъ вовсе засушаетъ.
Ты знаешь, мать не обречетъ
Своихъ дѣтей на скорбь такую;
Онъ тоже зналъ всю жизнь людскую.
Быль безошибоченъ расчетъ.
То завѣщаніе гласило,
Что, если на дѣтей взглянуть
Я захочу когда-нибудь,
Иль, если бѣ тамъ я,—гдѣ свѣтло
Мнѣ солнце съ юности моей,
Гдѣ матери моей могила,—
Осталась болѣе трехъ дней,
Тѣмъ самымъ осужу ихъ дѣтство,
И навсегда лишу наслѣдства;
И тотъ, кто взять бы все себѣ,
Законникъ жесткій и холодный,
Слѣдилъ, какъ я, въ моей борьбѣ,
Въ моей печали безысходной,
Терзалась; губы сжавъ свои,

Онъ обсуждалъ мое рѣшенье,
Грѣхи обдумывалъ мои
И мертвеца постановленье;
Такъ возвѣщала клевета:
«Она жила любодѣяньемъ,
Въ ея душѣ живетъ мечта,
Что въ небѣ только пустота,
Она, смѣясь надъ воздаяньемъ,
Рѣшила—Христіанство ложь,
И въ адъ за грѣхъ свой не поидешь;
Мои мечты не такъ рѣшили,
И я хочу моихъ дѣтей
Отъ адскихъ унасти огней.»
О, да, онъ былъ въ своей могилѣ,
Какъ въ крѣпости, и могъ онъ лгать.
Спокойно могъ онъ утверждать,
Что я была не Христіанка,
И мужу не была вѣрна.
Полусгорѣвши, Индіанка
Могла быть такъ обвинена,
Хоть на кострѣ, скорбя о мужѣ,
Сгорала, мучаясь, она;
Мои мученія были хуже,
Чѣмъ пытки крѣткія огня:
Онъ, низкій, обнималъ меня.
А что до Христіанства, ложно
Иль свято-истинно оно,
Рѣшать мнѣ не было дано,
И думать было невозможно,
Его я просто приняла,
И въ этомъ я какъ все была;
У мысли не было досуга,
И не было у сердца друга,
Чтобъ размышляла я о томъ,
Что утверждали все кругомъ.

Всею были слышны обвиненія,
Не мало было тамъ людей,

Мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей,
 На лицахъ выразивъ презрѣнье,
 Все отшли брезгливо прочь,
 Никто не думалъ мнѣ помочь,
 Во всѣхъ дышало осужденье.
 И я дорогою своей
 Пошла, не проронивъ ни слова,
 Полна страданія нѣмого.
 И даже на двоихъ дѣтей,
 Что на дворѣ въ тотъ мигъ играли,
 Была не въ силахъ я взглянуть,
 Но, затанцъ гнетъ печали,
 Безрешетно пустилась въ путь.
 И шла я ровными шагами,
 Покуда, миновавъ туманъ,
 Не увидала океанъ.
 И тамъ, съ сѣдыми волосами
 Старуха, навѣ передо мной,
 Служанка старая родной,—
 Что матери моей служила,—
 Мои хъ не отпуская ногъ,
 Меня слезами умолила
 Принять набитый кошелекъ;
 Изъ денегъ, что она копила,
 Изъ всего, что сберегла,
 Она щедротною рукою
 Мнѣ половину отдала.
 И вотъ, съ безсонною тоскою,
 Скитаюсь я, душа пуста,
 И все проходитъ безучастно.
 Есть у меня одна мечта,
 Хотя можетъ быть она напрасна,
 Но только ею я жива.
 Вонъ, посмотри на ту вершину,
 Чья многоснѣжная глава,
 Прозивъ лазурную пучину,
 Глядитъ, какъ островъ въ высотѣ,
 На томъ утесистомъ хребтѣ.

Она бѣлѣетъ передъ нами,
 Съ своими гордыми снѣгами,
 Надъ цѣлою бездною быстрыхъ тучъ,
 Что простираются широко,
 Идя на западъ отъ востока,
 Надъ царствомъ пропастей и кручъ,
 И шепчущихъ ручьевъ. Кто знаетъ,
 Хотя это непонятно намъ,
 Но можетъ быть, что мертвый тамъ
 Величье смерти ощущаетъ.
 Пусть будетъ тамъ, мечтаю я,
 Могила вырыта моя.
 И потому мое желанье
 Найти могилу въ той глуши,
 Что онъ, душа моей души,
 Такое же имѣлъ мечтанье.
 Однажды, помню, онъ сказалъ:
 «Какое, вѣрно, это счастье—
 Быть тамъ, гдѣ дышетъ полновластье
 Стихий, гдѣ громъ родитъ свой валь,
 Быть между звѣздъ и молній жгучихъ,
 Среди снѣговъ, вѣтровъ могучихъ,
 Гдѣ хлопья снѣга, нѣжа взоръ,
 Чуть бьются объ ослоты горъ,
 Гдѣ царственно-огромны горы,—
 И безглаголенъ ихъ покой,
 Гдѣ тихо дремлютъ метеоры,
 Уставъ безумствовать съ грозой,
 Гдѣ—все, что сильно, все, что длится,
 И что не можетъ прекратиться!
 Какъ знать, быть можетъ, если тамъ
 Среди снѣговъ быть схороненнымъ,—
 Въ своемъ стремленіи безсонномъ,
 Стихию, мчась по тѣмъ хребтамъ,
 Средь воздуха, что свѣтъ вѣпраетъ
 И все собою окружаетъ,
 Свои откроютъ тайны намъ,
 И въ ихъ безсмертны души наши

Увидятъ міръ свѣтлѣй и краше,
 Чѣмъ то даровано мечтамъ?»
 Тогда мнѣ эта рѣчь казалась
 Причудливой, я засмѣялась,
 Иль показала, что смѣюсь.
 Теперь я тѣ слова лелю,
 И съ ними навсегда сольюсь.
 Пусть, эпитафіей моею,
 Они въ тебѣ найдутъ пріютъ,
 Въ тебѣ до времени живутъ.
 Я знаю, ты ихъ не забудешь?
 Ты упрекать меня не будешь
 За то, что въ формѣ этихъ горь
 Я вижу тайное значенье,
 За то, что къ нимъ мое влеченье
 Сильнѣе, чѣмъ твой нѣжный взоръ.

ЕЛЕНА.

Не говори такъ, умоляю,
 Поближе лучше сядь ко мнѣ.
 Твою печаль я раздѣляю,
 Хоть я сама горю въ огнѣ.
 И много мукъ въ душѣ, на днѣ.
 Моя печаль была безгласна,
 И мнѣ казалось, что я
 Одна, со мной лишь скорбь моя;
 Но нѣтъ, ты болѣе несчастна,
 Ты въ мірѣ болѣе одна.
 О, я къ тебѣ любви полна,
 И мы не будемъ разлучаться,
 Коли разлуки въ смерти нѣтъ,
 А если вовсе гаснетъ свѣтъ,
 И если мы должны разстаться,
 Мы будемъ спать, когда умремъ.
 Но хочешь ли повѣствованье,
 Мой другъ, услышать, обо всемъ,
 Что отъ послѣдняго свиданья
 И до сегодня знала я?

РОЗАЛИНДА.

И слушаю, сестра моя.
 Мерцающія звѣзды поблѣднѣли
 Отъ перемѣнчивой луны;
 Едва достигнувъ вышины,
 Она ушла и еле-еле
 Лучи струитъ изъ темноты:
 Такъ въ юности любовь намъ свѣтитъ,
 Но чуть ее душа замѣтитъ,
 Ужъ гаснутъ нѣжныя мечты.

ЕЛЕНА.

Да, тихо теплый вѣтеръ вѣетъ,
 Но какъ остыла грудь моя,
 Она всечасно холодѣетъ,
 Всечасно остываю я.
 И между тѣмъ какъ межъ листьями
 Воздушенья лететь вѣтерка,
 Въ моей душѣ горитъ тоска,
 Она печальными мечтами
 Полна, и вся дрожитъ въ борьбѣ,
 И посѣдѣла вся отъ горя.

РОЗАЛИНДА.

Не плачь, хотя я плачу, вторя
 Въ уныньи горестномъ тебѣ.
 Не плачь, сдержи свое страданье,
 И расскажи мнѣ о себѣ.

ЕЛЕНА.

Боюсь, мое повѣствованье
 Мученьемъ будетъ для тебя.
 Ты помнишь, я жила, любя,
 И я не вѣдала печали.
 Ты помнишь, какъ мы перестали
 Съ тобой видаться, и, хотя
 Любовь свѣтила мнѣ, блестя,

Хоть Лионель мой был со мною,
 Я оскорбилась глубоко,
 На то, что ты, полна враждою,
 Была способна так легко
 Со мною больше не видаться,
 Так не по-дружески разстаться.
 Во мнѣ отвѣтъ нашла вражда
 Въ негодованьи. Но, когда
 Онъ умеръ, вмѣстѣ съ нимъ надежды
 Погибли, гордость прежнихъ дней;
 Увы, когда смежилъ онъ вѣжды,
 Настала тьма въ душѣ моей.
 А людямъ въ эти дни казалось,
 Что на изношенной землѣ,
 Привыкшей быть всегда во злѣ,
 Эпоха свѣтлая рождалась,
 Тотъ предвкусенный мыслью вѣкъ,
 Что грезился давно поэтамъ,—
 Казалось имъ, что яркимъ свѣтомъ
 Проникся въ сердца челоуѣкъ,—
 Что въ упительныхъ узорахъ
 Любовь и правда расцвѣтеть,
 Тѣ сны, которыхъ греза ждетъ,
 Для воплощенія которыхъ
 Лишь воли намъ недостаетъ.

Была великая минута.
 Всѣ знаютъ, какъ среди людей
 Напрасная настала смута,
 Какъ въ дикомъ бѣшенствѣ страстей,
 Средь ослѣвленія народа,
 Средь воплей,—заглушая крикъ,—
 Твой драгоценный гимнъ, Свобода,
 Въ созвучьяхъ радостныхъ возникъ.
 И хоть изъ значаго былъ рода
 Прекрасный Лионель, раскатъ
 Созвучій тѣхъ прошелъ сквозь стѣны,
 Ему сказать, что перемѣны

Неустрашимы грозятъ.
 И какъ полночною порою
 Воспламененный метеоръ
 Внезапно поражаетъ взоръ
 Того, кто былъ объятъ мечтою,
 Своей дремотной слѣпотой,—
 Такъ правда, въ пламени лучей,
 Всѣ юныя его томленья,
 Мечтанія и сновидѣнья
 Проникла силою своей,
 Къ его прильнула изголовью,
 И онъ зажегся—не любовью,
 Но упованьемъ, и мечтой,
 Что смѣлостью безстрашной блещетъ,
 Молчить, и дышетъ красотой,
 И въ самой смерти не тренецетъ;
 Да, не любовью, потому,
 Что лучъ ея свѣтилъ ему,
 Любовь и жизнь въ немъ были снами,
 Они въ немъ были близнецами,
 Что родились въ единый часъ;
 Въ другихъ сначала жизнь застлалась,
 Потомъ любовь въ нихъ возникаетъ,
 И темный мѣръ ихъ раздѣляетъ,
 И нѣтъ имъ встрѣчи никогда,
 Пока ихъ смерть не сочетаетсяъ,—
 Онъ въ мѣрѣ все любилъ, всегда.
 Въ тѣ дни, когда была закономъ
 Глухая слѣпота страстей,
 Прошелъ онъ черезъ толпу людей,
 И точно тотъ, кто тронуть стономъ
 Всѣхъ тѣхъ, кто былъ и слабъ и хилъ,
 Предсталъ онъ смѣло передъ трономъ
 Вооруженныхъ алчныхъ силъ.
 Средь смуты, дикой и всегдашней,
 Надъ зыбью бѣшенныхъ страстей,
 Въ спокойной красотѣ своей,
 Онъ высился, какъ бы на башнѣ;

Какъ музыка, онъ чаровалъ
 Толпы кишащей бешеванье,
 Стихалъ ея текучій валъ,
 И этой властью чарованья,
 Какъ сказочный волшебникъ, могъ
 Онъ прекращать тревожный токъ,
 То роковое сновидѣнье,
 Что люди правдою зовутъ,
 На дѣлъ-жъ есть неправый судъ,
 Безумье, гордость и отщепенье.
 Въ немъ точно жили небеса,
 Такая радость въ немъ свѣтилась,
 Въ глазахъ надежда золотилась,
 И будто свѣтлая роса
 Отъ нѣжныхъ словъ его струилась;
 Такъ въ сумеречный часъ, когда
 Скользятъ вечерняя звѣзда,
 Вся проникаясь обаяньемъ,
 По краю сумрачныхъ морей,
 Туманы влажно дышутъ ей,
 Свѣтятся, живутъ ея сіяньемъ:
 И какъ вечерняя звѣзда
 Царитъ сіяньемъ всегда
 Надъ мглой плывущаго тумана,
 Такъ жесты самые его,
 Красой вліянья своего,
 Невольно трогали тирана,
 И онъ, хоть былъ неубѣжденъ,
 Но для безвѣстнаго волненья
 Въ душѣ былъ темной пробужденъ;
 И жертвъ терзаемыхъ мученья
 Мучитель созерцать не могъ,
 Увидѣвъ взоръ его лучистый,
 И пытокъ сокращался срокъ,
 И въ тѣхъ сердцахъ, гдѣ сумракъ мгlistый,
 Отъ волшебства его рѣчей
 пылалъ огонь живыхъ лучей,
 И руки, что для всѣхъ, суровы,

Ковали тяжкія оковы,
 И золотомъ давили міръ,
 Въ порывѣ новомъ размыкались,
 Какъ бы подъ звонъ свободныхъ лиръ.
 Дивились люди,—и смѣялись
 Иные, видя, что всегда
 Онъ сѣялъ сѣмена такія,
 Что мысли онъ взроститъ людскія,
 Но жать не будетъ никогда.
 Они съ укоромъ говорили:
 Вѣдь онъ богатъ, и молодъ онъ,
 Быть могъ онъ страстью охваченъ,
 Блестать въ роскошествахъ и въ силѣ;
 Коль хочетъ славу онъ найти,
 Такъ неужели онъ не знаетъ,
 Что взоръ свой слава не склоняетъ
 Къ тому, кто медлитъ на пути,
 Защитникомъ погибшей вѣры.
 Краснорѣчивые примѣры
 Онъ могъ бы безъ труда найти.
 Быть можетъ, онъ желаетъ власти?
 Такъ власть всегда имѣетъ тронъ
 Среди тѣхъ, кто слабъ и угнетенъ,
 Кто собственной лишился части
 На пиръ жизни, потерявъ
 Наслѣдіе законныхъ правъ.
 Кто хочетъ власти и отличій,
 Кто хочетъ побѣдить враговъ,
 Тотъ долженъ силой разныхъ ковъ,
 Тотъ долженъ лестью и добычей
 Кормить прожорливыхъ волковъ,
 Они, голодные, блуждаютъ
 По всѣмъ возвышеннымъ мѣстамъ,
 Весь міръ ихъ можетъ видѣть тамъ,
 Какъ важно звѣри застѣдаютъ.
 Чего же въ жизни ищеть онъ?
 Онъ все, чего хотятъ другіе,
 Къ чему идутъ со всѣхъ сторонъ,

Бросаетъ за окошко, вонъ,
 Какъ море—выброски морскія
 Прочь извергаетъ изъ себя.
 И если, все кругомъ дробя,
 Желаютъ нищѣ—законы
 Низвергнуть, и порвать препоны
 Для недовольства своего,
 Нельзя намъ не понять того,
 Законы ихъ влачатъ къ работѣ,
 Къ нуждѣ, позору и заботѣ;
 Тутъ ясно все, на первый взглядъ,
 Хотя ихъ мятежъ есть заблужденъе.
 Но Лионель? Вѣдь онъ богатъ,
 И знатнаго происхожденья!
 Такъ удивлялись на него,
 Но Лионеля всѣ любили;
 Однимъ лишь исключеньемъ были
 Святоши, въ чьихъ сердцахъ мертво.
 Ихъ ненависть—какъ бы проклятье
 Чрезмѣрно-огненныхъ лучей,
 Что силой жгучею своей
 Сжигаютъ иѣжныя зачатья
 Побѣговъ юныхъ, и трава
 Подъ ними больше не жива;
 Они къ нему питали злобу
 За то, что онъ въ стихахъ своихъ
 Осмѣивалъ обманы ихъ,
 Все то, чѣмъ жадную утробу
 Они умѣютъ усладить,
 Все, что они, слетая цѣть,
 Преобразуютъ въ измышленья,
 Чтобъ ими глупыхъ устрашать
 И для себя приобрѣтать
 Вліянье, почести, имѣнья.
 О хитрыхъ демонахъ, о тѣхъ,
 Кто побѣждаетъ искушенья,
 И о святыхъ, и обо всѣхъ,
 Подобныхъ этимъ, дѣтскихъ сказкахъ,

Умѣлъ рассказы онъ писать,
 Въ такихъ живыхъ забавныхъ краскахъ,
 Что ихъ никто не могъ читать
 Безъ смѣха. Про него сказали:
 «Гоните отъ себя бѣду,
 Гоните старость и печали,
 И прочитайте *Пиръ въ аду*,
 Тамъ Лионель намъ далъ такого
 Нанитка свѣтлаго, что мы
 Отъ смѣха молодѣемъ снова,
 Какъ будто выйдя изъ тюрьмы.»
 Его за это не терпѣли
 Сторонники цѣпей и лжи,
 Притворно-кроткіе ханжи;
 Но онъ, исполненный веселій,
 Смѣялся радостно въ отвѣтъ.
 Погибъ, погасъ тотъ яркій свѣтъ,
 Надежды міра потускнѣли,
 Пережѣнились времена,
 И унесла въ своемъ теченьи
 Его свирѣбая волна;
 Такъ, улыбаясь въ происхожденъи,
 Горитъ ущербная луна,
 Во мглѣ Апрельской свѣжей ночи,
 И лѣтній ласковый цвѣтокъ,
 Что всыхнулъ, свой не выждавъ срокъ,
 Навѣки закрываетъ очи,
 Омоченъ пагубной росой,
 Ему оледенившей вѣжды.
 Увы, погасли всѣ надежды,
 Спокойно Произволь сѣдой
 Возсѣлъ на свой престолъ старинный,
 И Суевѣрье, какъ Пинонь,
 Что раненъ, но не пораженъ,
 Въ игрѣ, и мерзкой, и безчинной,
 Въ наставшей смутѣ черныхъ дней,
 Звѣрей, что жизнь не поборола,
 Собрало, въ низости своей,

Вплоть до кровавых ступеней
 Позорно-грязного престола.
 Вновь топчут деспоты людей,
 Вновь люди скованы обманомъ,
 Рабы склонились предъ тираномъ,
 Смогли условности опять
 Все человечество связать
 И осквернить его позоромъ.
 И голодъ воцарился вновь,
 И въ бѣшенствѣ огонь и кровь
 Сплетался гибельнымъ узоромъ,
 Они для трепетныхъ рабовъ
 Сковали цѣлый сонмъ оковъ,
 И заразили ихъ недугомъ.
 И вновь на улицахъ другъ съ другомъ
 Встрѣчались люди, какъ всегда,
 Въ чертогахъ прежнихъ воссѣдали,
 Вновь идоламъ молиться стали,
 Какъ будто солнце никогда
 Не лило имъ свой лучъ свободный.
 Но друга ждалъ приемъ холодный
 У друга лучшаго его,
 Полузнешенныя мысли,
 Какъ тѣни, надо всѣмъ повисли,
 И было все, какъ мракъ, мертво,
 И по своимъ кругамъ обычнымъ,
 Готова жизнью смерти пирь,
 Опять, въ стремлени безразличномъ,
 Кружиться началъ скучный мѣрь.

Въ то время желчью, не слезами,
 Всѣ плакали, въ сердцахъ у всѣхъ,
 Нѣмыми скованныхъ мечтами,
 Паденье капель было тѣхъ,
 Чьей силой, камень, какъ ни прочень,
 А все же у ключа источникъ.
 Въ тѣ дни всѣ помыслы людей,
 Любовь, надежда, дружба, слава —

Хотя любовь была отравя,
 И свѣтъ надежды—мгла тѣней,—
 Отъ этой мрачной переменны
 Окраску приняли свою,
 Какъ трепетанье бѣлой пѣны
 Мѣняется синюю струю,
 И какъ земля воспринимаетъ
 Окраску воздуха, когда
 Дрожать отъ бури города,
 И кратеръ токъ огня вздымаетъ.

Для многихъ переменна та
 Была, какъ ночи темнота,
 Какъ свѣтъ внезапный надъ Апрѣлемъ,
 Въ весеннемъ царствѣ зимній знакъ;
 Всего больше Лиюелемъ
 Воспринять былъ тотъ скорбный мракъ.
 Надежда въ немъ, какъ день, блистала,
 Когда же онъ лишился чаръ,
 Она зажглась въ немъ, какъ пожаръ,
 И пламя жгучее снѣдало
 Его повсюду, и всегда,
 Онъ былъ какъ бы исполненъ зноя,
 И, въ мѣрь странствуя, покоя
 Не могъ найти онъ никогда.
 Онъ былъ въ скитаніяхъ три года,
 Когда же на четвертый годъ
 Вернулся, въ немъ сама природа
 Какъ бы пріяла недочетъ,
 Всѣ видѣли, что онъ не тотъ,
 Прошла ужъ не одна недѣля,
 Но онъ въ душѣ таилъ недугъ,
 Онъ замкнуть былъ въ какой-то кругъ,
 Былъ непохожъ на Лиюеля.
 Когда, бывало, онъ дремалъ,
 Въ его лицѣ, воздушно-зыбки,
 Играли ясныя улыбки,
 Какъ будто онъ во снѣ внималъ

Созвучьям стройныхъ пѣснопѣній;
 Когда онъ бодрствовалъ, вокругъ глазъ,
 И возлѣ губъ его свѣтлѣсь,
 Толпа прекрасныхъ убѣжденій
 Витала на крылахъ своихъ,
 Воздушныхъ, какъ пѣвучій стихъ,
 Чтобъ людямъ всѣ его мечтанья
 Передавать, и ихъ плѣнять,
 Его малѣйшія желанья
 Безпрекословно исполнять.
 Его увидѣть лишь—бывало—
 Блаженство рая, а теперь
 Къ нему какъ бы замкнулась дверь,
 Печать тоски на немъ лежала,
 Въ душѣ погасъ тотъ прежній пылъ,
 Хоть ко всему, что окружало
 Его, онъ такъ же нѣженъ былъ,
 И кротко всѣхъ и все любилъ.

Въ краяхъ далекихъ,—говорили,—
 Въ любви пріюта онъ искалъ,
 Но призракъ счастья солгалъ,
 Была мечта лишь горстью пыли:
 Въ тѣхъ странахъ на землѣ нашли
 Стихи съ пѣвучими словами,—
 Но полустертые слезами,
 Какъ тѣ, въ комъ скорби страсть зажгли,
 Созвучьемъ словъ, обыкновенно,
 Лелѣютъ то, что въ сердцѣ плѣнно,—
 И всякій, види тѣ мечты,
 Въ строкахъ еще стиралъ черты.

«О, какъ я измѣнился! Я огнемъ
 Горѣлъ когда-то: я любилъ, мечтаю,
 Что жизнь—любовь. Я былъ обманутъ сномъ.
 Мой духъ, на крыльяхъ жаждущихъ блуждая,
 Небеснымъ мнѣ давалъ идти путемъ.
 Я спалъ,—сны серебрились мнѣ, блистая.

Я просыпался,—миръ былъ весь со мной,
 Я думалъ, что создамъ Эдемъ земной.

«Еще люблю, но ужъ въ любовь не вѣрю.
 Желая, но надежды больше нѣтъ.
 Усталый разумъ, чувствуя потерю,
 Сны молитъ, чтобъ зажгли погибшіи свѣтъ.
 Проснувшись, я слезами время мѣрю,
 Я прячу въ сердцѣ кладь ушедшихъ лѣтъ,
 И, какъ скупецъ, незримое считаю,
 Одинъ люблю, всегда одинъ страдаю.»

Онъ жилъ у моря, близъ меня.
 Встрѣчались въ вечеръ мы безмолвный,
 Когда серебряныя волны,
 Шурша и ласково звеня,
 Подъ свѣтомъ дальнихъ звѣздъ сверкаютъ,
 И, стройно пѣнясь, забѣгаютъ
 На желтый дремлющій песокъ.
 Тотъ часъ былъ нѣженъ и глубокъ.
 Мы съ нимъ встрѣчались. Говорили.
 Слова свѣтло-печальны были.
 И эта грусть была легка.
 Онъ прояснялся понемногу,
 Въ словахъ кончалась тоска,
 Мы проходили всю дорогу,
 Что шла надъ зыбкою волной,
 И вновь онъ свѣтлый былъ, иной:
 Такъ, вся сверкая красотою,
 Гроза порою расщепитъ
 Могучій дубъ, что высокою
 Глубины неба веселитъ,
 И вотъ онъ темень, грустный видъ,
 Но вновь повѣяло весною,
 И вотъ, хотъ сломаны сучки,
 На нихъ проглянули листки,
 Они такъ слабы, рѣдки, блѣдны,
 Но все же смотреть съ высоты,
 Они утопченно-побѣдны,

Какъ неизвѣстные цвѣты,
 Съ едва-раскрывшейся коронкой.
 Его слова, какъ пламень тонкій,
 Дышали въ тѣхъ, кто былъ при немъ,
 И, видя это совершенство,
 Кто слушалъ, полонъ былъ блаженства,
 Воздушнымъ былъ согрѣтъ огнемъ.
 Онъ былъ исполненъ упоенья,
 Какой-то легкости живой,
 Свободны были всѣ движенья,
 Такъ дышетъ вѣтра дуновение,
 Когда надъ свѣжею травой
 Онъ легкой зыбью пробѣгаетъ,
 Стеблями свѣтлыми сверкаетъ,
 И гаснетъ въ безднѣ голубой;
 Опять изъ раненаго сердца
 Какъ бы струилась красота;
 Въ немъ тайная открылась дверца,
 И вознесенная мечта
 Въ его глазахъ какъ бы витала,
 Какъ нѣкій свѣтлый духъ, блистала,
 Что свѣтомъ только-что рожденъ,
 И пролетаетъ небосклонъ.
 Но надъ глазами, надъ словами
 И выраженіемъ лица,
 Мракъ, прежними рожденный днями,
 Струилъ, какъ будто тѣнь вѣнца,
 Въ ней грусть дышала безъ конца,
 И этотъ голосъ, эти взоры
 Въ душѣ будили нѣжно страсть,
 И заразительная власть
 Сплетала свѣтлые узоры,
 Какъ бы дыханіе цвѣтовъ,
 Отъ нѣги росъ вечернихъ—пьяныхъ,
 Насъ облекало чарой сновъ;
 Изъ чувствъ и мысли жилъ покровъ,
 Тонули въ нѣжныхъ мы туманахъ,
 Воздушность въ тотъ волшебный часъ

Окутывала мягко насъ,
 Другъ съ другомъ въ легкой дремѣ слиты,
 Мы становилися—сокрыты
 Отъ собственныхъ, отъ чужихъ глазъ,
 Отъ всего, чья жизнь—въ эфирѣ,
 Что только есть въ безбрежномъ мірѣ.
 Такъ исцѣлялся духъ его,
 Мой проникался страхомъ тайнымъ:
 Въ томленіи необычайномъ,
 Тревожно-чуткій для всего,
 Блѣднѣлъ онъ, силъ въ немъ было мало,
 Ему здоровье измѣняло,
 И онъ какъ хрупкій былъ челнокъ,
 Что вѣтра вынести не можетъ,
 Хоть онъ попутный,—и потокъ
 Его поглотить, онъ глубокъ,
 Никто, ничто здѣсь не поможетъ.
 Въ то время самое, какъ онъ
 Былъ новымъ свѣтомъ озаренъ,
 Заботой я томилась новой;
 Росла въ немъ сила скрытыхъ ранъ,
 Жизнь таяла своей основой:
 Онъ былъ не блѣденъ, а румянъ,
 Какъ чаши нѣжно-блѣдныхъ лилій,
 Которыхъ розы затѣнили;
 Густые волосы его,—
 Въ одномъ лишь этомъ онъ затмился
 И къ худшему перемѣнился,—
 Лишившись блеска своего,
 Какъ травы на нѣмыхъ могилахъ,
 Рѣдѣли, вились пряди ихъ.
 И кровь его въ прозрачныхъ жилахъ,
 Во всѣхъ движеніяхъ своихъ,
 Такъ призрачно, лѣниво билась,
 Что очевиднымъ становилось—
 Не жизнь, любовь ея законъ,
 Теченье жизни—прекратилось.
 Нерѣдко имъ внезапный сонъ

Овладевалъ, такой спокойный,
 Подобный смерти блѣдно-стройной;
 И только межъ его рѣсницъ
 Слеза дрожащая блистала,
 Въ ней то сіянье трепетало,
 Что видимъ въ блѣдности зарницъ.
 Дыханье было перемѣнно,
 Такъ вѣтеръ, вѣя надъ огнемъ,
 То гаситъ пламя, то мгновенно
 Живую силу будить въ немъ;
 И надъ уснувшимъ я склонялась,
 Я за его слѣдила сномъ,
 Пока настолько не смущалась,
 Что слезы падали изъ глазъ,
 И просыпался онъ сейчасъ:
 Такъ въ озерѣ, въ водѣ зеркальной,
 Дождь, пробудившись въ вышинѣ,
 Стираетъ образъ на волнѣ.
 «Не плачь. Зачѣмъ? Не будь печальной.»
 Онъ говорилъ, проснувшись, мнѣ:
 «Разъ мы не будемъ разлучаться,
 Смерть не придетъ ко мнѣ. Жива
 Моя душа, какъ травы луга.»
 Обманно-сладкія слова!
 Такъ съ нимъ любили мы другъ друга,
 Соединя все, что въ насъ
 Природа разнo засвѣтила.
 Я помню, онъ сказалъ мнѣ разъ:
 «Обычай для любви—могила,
 И то, что создано людьми,
 Чтобы скрѣплять навѣки узы,
 Обряды, живые союзы,
 Насъ только оскверняютъ, пойми,
 Они убьютъ насъ ликоваьемъ
 И молча скажутъ: Свѣтъ погасъ!»
 Я дрогнула, и съ обаяньемъ
 Ему промолвила, смѣясь:
 «Скрѣпимъ мы тоже узы наши,

Но свѣтъ нашъ не исчезнетъ прочь,
 Намъ храмомъ будетъ эта ночь,
 Гдѣ звѣзды краше все и краше,
 Земля намъ будетъ алтаремъ,
 И вѣтеръ, что листы качаетъ,
 Насъ, какъ священникъ, обвѣнчаетъ,
 И мы, счастливые, успемъ.»

Когда я это говорила,
 Спускаясь, солнце заходило.
 Одна звѣзда едва зажглась,
 Туманъ, плывя, возсталъ отъ дола,
 Былъ тихій безмятежный часъ.
 Внезапно слуги произвола
 Явились къ намъ издалека,
 И Лионелемъ завладѣли,
 И цѣпи на него надѣли,
 И вотъ,—о, горе, о, тоска!—
 Они его съ собою взяли,
 Въ обширный городъ, въ башню, въ тьму,
 Въ зловѣще-мрачную тюрьму.
 Какъ эти черви утверждали,
 Онъ посягнуть своимъ умомъ
 На ихъ боговъ, и дьяволь въ немъ,
 И хоть душа его за это
 Въ озерахъ пламени и свѣта
 Въ аду горѣть должна всегда,
 Подвергнуться онъ долженъ мести
 И на землѣ, во имя чести
 Боговъ, которыхъ никогда
 Не оскорбляютъ безъ возмездья,—
 Свидѣтели тому—созвѣзды.
 Что значать слезы и мольбы,
 Когда ихъ слушаютъ рабы,
 Что въ ненависти возростали?
 Что значить сжатая душа,
 Когда, исполнена печали,
 Дрожа, скорбя, едва дыша,

Она напраснымъ стономъ молить,
 Лицо свое блѣднѣть неволить?
 Насъ разлучили. Какъ могла,
 Я, хоть въ душѣ погасла сила,
 Бѣшенъ крови утишила,
 И, жгучей полная тоски,
 Ихъ приказаньямъ вопреки,
 Пошла за нимъ, какъ мать уходитъ
 Вослѣдъ убійцъ, что унесли
 Ребенка трупъ, и не находятъ
 Сокрывшихся, безумно бродить,
 Найти не можетъ ихъ вдали.
 Мы до дверей тюрьмы дошли,
 И я безчувственныхъ молила,
 Чтобъ мнѣ позволили они
 Дѣлать съ нимъ заключенья дни,
 Но, безучастны, какъ могила,
 Они меня прогнали прочь,
 И въ небо я съ тоской глядѣла,
 Но небо также не хотѣло
 Моимъ терзаніямъ помочь.
 И въ этотъ часъ, такой печальный,
 Одинъ лишь взглядъ его прощальный
 Успокоеніемъ былъ мнѣ,
 Хоть скорбь не погасилъ вполне.
 Онъ пристально передъ собою
 Взглянулъ, какъ будто за толпою,
 За сумракомъ домовъ и стѣнъ,
 За мглой обычныхъ перемѣнъ,
 Какъ за темнѣвшею горою,
 То увидалъ онъ, что лучомъ
 Горитъ волшебю, и о чемъ,
 Огнемъ пророческимъ одѣтъ,
 Намъ говорятъ въ стихахъ поэты;
 И голосъ прозвучалъ его,
 Всѣ дрогнули, ему внимая,
 И точно музыка живая
 Коснулась сердца моего;

Отъ словъ проснулася темница,
 И отзвукъ повторилъ слова,
 И до сихъ поръ во мнѣ жива
 Та лучезарная зарница:
 «Не бойся, что будутъ тираны всегда,
 Покорные лжи и злословью;
 Они надъ обрывомъ, бунуетъ вода,
 И волны окрашены кровью:
 Взлетѣяна тысячь темныхъ низинъ,
 Вкругъ нихъ возрастаетъ свирѣность пучинъ,
 Я вижу, на зыби время, какъ обломки,
 Мечи ихъ, вѣщицы ихъ—считаютъ потомки.»

Осталась я передъ тюрьмой.
 И странная толпа входила
 И выходила предо мной;
 Въ сердцахъ у многихъ то же было,
 Удѣлъ ихъ тотъ же былъ, какъ мой.
 И этотъ ропотъ неустанный
 И неумолчный шумъ шаговъ
 Меня-бъ измучилъ, если-бъ въ странной
 Тоскѣ я не слыхала словъ,
 Что у меня въ душѣ, вставая
 Слышнѣе, чѣмъ толпа людская,
 Не жгли меня, горя свѣтло.
 Немного времени прошло,
 Вновь было небо не безвѣдно,
 Враги раскаялись, и онъ
 Былъ изъ тюрьмы освобожденъ.
 Но это было слишкомъ поздно:
 Я не могу забыть, какъ онъ,
 Весь блѣдный, тонкій, нехудалый,
 Изъ кельи выходилъ, усталый,
 Онъ былъ настолько истощенъ,
 Что на тюремщика склонялся,
 И, опираясь, улыбался
 Улыбкой слабою, а тотъ,
 Чѣмъ міромъ былъ тюремный сводъ,

Не въ силахъ былъ владѣть собою,
 Слезу ронялъ онъ за слезою.
 И многіе, кто до тѣхъ поръ
 Не плакалъ никогда, рыдали,
 Всѣ, кто тюремный видѣлъ дворъ,
 Всѣ тѣ, что, забывъ о дали,
 Въ тюрьмѣ за мигомъ мигъ считали,
 И даже тѣ, чей произволъ
 Сюда рабовъ такъ много свель,
 Въ почтительности удивленья
 Почувствовали въ этотъ день,
 Что и они не привидѣнья,
 Хотя каждый былъ изъ нихъ, какъ тѣнь.
 И вотъ тюремныя собаки,
 Привыкшія ворчать во мракѣ,
 Увидѣвши въ тотъ свѣтлый часъ,
 Что было въ глубинѣ ихъ глазъ,
 Людской душою заразились,
 Визжа, у ногъ его кружились,
 И узники, что въ душей тьмѣ
 Томились много лѣтъ въ тюрьмѣ,
 Вздохнувъ свободѣе, шепнули,
 Что злобный пламень въ нихъ затихъ,
 И пытки горестиныя ихъ
 Почти на цѣлый день уснули:
 Дремали коршуны сердецъ,
 Приснилось узникамъ несчастнымъ,
 Что былъ тюремщикъ—ихъ отецъ,
 И въ ихъ томленіи ужасномъ
 Къ нимъ больше не былъ безучастнымъ.

Вдвоемъ, свободны были мы;
 Не знаю, какъ это случилось,
 Карета быстро уносилась,
 Насъ удаляя отъ тюрьмы,
 Мелькали улицы; смотрѣли
 Другъ другу нѣжно мы въ лицо;
 Рука съ рукой, сплетаясь, горѣли,

Какъ будто ихъ одно кольцо
 И кровь одна для наслажденья
 Соединили; между тѣмъ
 Мѣнялись быстро впечатлѣнья,
 Хотя я молчала, онъ былъ нѣмъ.
 Такъ пронеслись мы сквозь длинный
 Рядъ улицъ, сквозь просторъ пустынный,
 Гдѣ неисчисленность тѣней,
 Сквозь городъ многомилліонный,
 Гдѣ человекъ среди людей
 Одинъ съ тоской своей безсонной,
 И вѣчной жаждою томимъ,
 И такъ живетъ неутоленный,
 Никѣмъ не будетъ онъ любимъ,
 Никто не сжадется надъ нимъ.
 И вотъ намъ небо голубѣло,
 Открылись пышные луга,
 Какъ будто море безъ предѣла
 Здѣсь затошило берега,—
 Къ нему въ объятія я упала,
 Безмѣрность въ нихъ любви была,
 И ночь счастливая настала,
 И утра уступила мгла,
 Часы блаженства улетали,
 И въ этой смѣнѣ свѣтлыхъ дней
 Стремилась мы къ завѣтной дали,
 Среди лѣсовъ, среди полей,
 Покрытыхъ желтыми цвѣтами,
 Черезъ селенья, города,
 И все любовь владѣла нами,
 Желая съ нами быть всегда.
 То былъ Юнь лазурно-нѣжный,
 Когда просторъ небесъ глубокъ,
 И прихотливый вѣтерокъ
 Душисто-теплый, безмятежный,
 Волнуетъ свѣжіе листы,
 Лелѣетъ ласково терновникъ,
 И, какъ невидимый садовникъ,

Взрождаетъ свѣтлыя цвѣты;
 Тогда блуждали ароматы,
 И воздухъ мягкимъ былъ отъ нихъ,
 И наши души, имъ объаты.
 На крыльяхъ радости живыхъ,
 Какъ восхищенные созданья,
 Неслись къ бездонностямъ огня,
 Гдѣ сочетались всѣ дыханья,
 Всѣ вѣтры солнечнаго дня.
 И надъ луной новорожденной
 Взошла вечерняя звѣзда,
 И отъ земли блаженно-сонной
 Свѣтъ съ звукомъ, сладко утомленный,
 Волною отступилъ туда,
 Въ лазурь, гдѣ было все красиво;
 Такъ въ часъ усталого отлива
 Уходитъ сонная вода,
 Чтобъ успокоиться, къ глубинамъ;
 И бездыханный сонъ земли,
 Съ нимъ слившись въ помыслѣ единомъ,
 Мы приняли и миръ наши:
 И какъ цвѣты, что, другъ на другѣ
 Закрывъ листы, когда ночной
 Прохладою смѣнился зной,
 Спать на росисто-нѣжномъ лугѣ,
 Лелѣли мы нашъ покой,
 До самаго того мгновенья,
 Какъ новья пришли волненья,
 Что тѣло дѣлаютъ душой,
 И форму смертныхъ закигаютъ,
 И жизнью жизни въ нихъ сверкаютъ,
 Имъ жить даютъ въ своихъ лучахъ,
 Вторымъ рожденіемъ въ мірахъ
 Прекраснѣе земного міра;
 Волненья, что, какъ двѣ рѣки
 Гармоніи, свѣтло-легки
 Въ пространствахъ вольнаго зѳира,
 Сливаются блаженнымъ сномъ,

Разъединяются потомъ,
 Во взорахъ слезы оставляютъ,
 И въ сердцѣ сладко поселяютъ
 Забвеніе всѣхъ земныхъ тѣней,
 Съ дремотой кроткой для очей.
 Такъ межъ цвѣтовъ любя долинныхъ,
 Мы были въ чарахъ свѣта, тьмы,
 И дома Ліонеля мы
 Достигли. Между горъ пустынныхъ,
 Стоялъ онъ близъ сѣдой волны
 Сѣдого западнаго моря,
 И лѣсъ густой, роптанью вторя,
 Роняя тѣни съ вышнихъ,
 Глядѣлъ на быстрый бѣгъ волны,
 Всегда ей находя отвѣты.

Когда мы вышли изъ кареты,
 Дворецкій старый зарыдалъ
 Отъ неудержнаго волненья,
 Онъ господина увидать
 Не прежнимъ, нѣтъ, но какъ видѣнье.
 И вотъ рыданья старика,
 Въ своей печальной скорбной силѣ,
 Меня отъ счастья пробудили,
 И съ правдой вспыхнула тоска.
 На Ліонеля я взглянула,
 И вижу—это смерть на немъ.
 Но новый день смѣнился днемъ,
 Онъ жилъ, тоска моя заснула,
 Надеждою смѣнился страхъ,
 И снова свѣтъ горѣлъ въ мечтахъ,
 Я въ глубинѣ души шепнула:
 Нѣтъ, не проходитъ красота,
 Мракъ смерти грозенъ и ужасенъ,
 А онъ, какъ лучъ зари, прекрасенъ,
 Въ немъ дышетъ каждая черта.
 Но что ни день, онъ былъ слабѣе,
 И голосъ, въ ласковыхъ словахъ,

Все падалъ, меркнулъ, цвѣнья;
 На восковыхъ его щечахъ
 Румянецъ чуть свѣтилъ, какъ въ сказкѣ,
 Какъ розоватяя тѣ краски,
 Что въ часъ заката на сѣвгахъ
 Высотъ Альпійскихъ догораютъ,—
 Блѣднѣютъ, исчезаютъ, таютъ.
 И смерть не походила въ немъ
 На смерть: надъ этимъ существомъ
 Духъ жизни медлилъ, и устало
 Мгла чувства, мысли, въ немъ дышала.
 Когда же лѣтнихъ вѣтерковъ
 Примчалось слабое дыханье,—
 И ароматъ и обаянье,
 Отъ горныхъ призрачныхъ цвѣтовъ,
 Съ собой несли, какъ мглу, забвенье,—
 Онъ въ это самое мгновенье,
 Какъ дуновение прошло,
 Притихъ, и взоры намѣнились,
 Какъ будто вѣтры пронеслись
 Надъ моремъ, спавшимъ такъ свѣтло,
 И легкой зыбью отразились.
 Какъ будто облачною мглой
 Лазурь небесная блѣднѣла,
 Слабѣло гаснущее тѣло,
 И на лицѣ, въ игрѣ живой,
 Свѣтились и гасли краски;
 При звукахъ музыки, въ его
 Глазахъ, всегда такъ полныхъ ласки,
 Росу сіянья своего
 Роняла грусть, и въ нихъ мелькали
 Улыбки, полныя печали;
 И губы нѣжныя его,
 Въ дыханьи, быстромъ отъ волненья,
 Разъединялись, и биенье
 Неровное дрожало въ немъ,
 И сердце таяло огнемъ.
 Все помню, все мечтой лелѣю.

Нерѣдко прядями моихъ
 Волосъ—свою обвивши шею,
 Въ бесѣдкѣ, межъ вѣтвей густыхъ,
 Онъ усмѣхался, беззаботный,
 И въ сладостную глубину
 Взаимной ласки безотчетной
 Онъ влекъ меня во мглѣ дремотной,
 Я въ сердцѣ слышала весну,
 Въ несознаваемомъ весельи
 Сплетались члены, въ жилахъ кровь
 Горѣла, чувствуя любовь;
 Такъ узница о стѣны кельи,
 Желая быть свободной вновь,
 Все бьется, бьется, но бесплодно.
 А жизнь его, казалось мнѣ,
 Уже была совсѣмъ свободна;
 Она витала въ томъ огнѣ,
 Которымъ онъ, какъ бы тѣнями,
 Меня повсюду окружалъ.
 Онъ медлилъ, онъ не улеталъ,
 Онъ надо мной любовно ждалъ,
 Когда съ закрытыми глазами
 Я грезила, полна мечтами;
 Но такъ, какъ тучка предъ луной
 Незрима, полная бесплелья
 Предъ этой свѣтлой бѣлизной,
 И зрима въ тотъ лишь часъ ночной,
 Когда она, свернувши крылья,
 Въ равнину полночи сошла,—
 Я вскорѣ видѣть стала снова,
 Я вновь сама собой жила,
 Вернувшись къ прошлому, ушла
 Моя душа изъ-подъ живого
 Вліянья сладостной мечты,
 Спустившись съ свѣтлой высоты,
 Я въ жизнь вошла, изнемогая,
 Загглись страданья, нарастая,

И я ихъ до сихъ поръ терплю,
И до сихъ поръ его люблю.

На мысѣ ласково-зеленомъ,
Что опоясанъ бѣлизной
И зеленюю волны морской,
Предъ уходящимъ къ морю склономъ,
Въ лѣсу, гдѣ не было цвѣтовъ,
И только мирты возростали,—
Какъ образъ памятныхъ годовъ,
Что намъ свой свѣточъ передали,
Блестящій высился алтарь,
Намекъ на то, что было встарь.
Храмъ окруженъ былъ ступенями;
Надъ входомъ, тонкими чертами,
Видѣлось—«Вѣрности»; зари
Сіянье было въ этомъ словѣ,
Тамъ, въ этомъ капищѣ, внутри,
Видѣлась статуя въ покровѣ,
Въ улыбкѣ зыбила печаль,
Смѣшавшись съ нѣжною мечтою,
Кого-то было тѣни жалъ;
Она склонялась головою
На руку лѣвую слегка,
А правая ея рука
Какъ бы въ объятую борьбою
Грудь,—въ сердце нѣжное свое,—
Вонзала острое копьё.
И каждому, кто видѣлъ это,
Всѣмъ чудилось въ видѣньи томъ,
Что, хоть покровомъ тѣнь одѣта,
Но нервы въ ней дрожатъ огнемъ.
Рука, что мраморъ тотъ согрѣла,
Была павна, неумѣла,
Но жаркій геній ей водилъ,
И въ грезѣ пламя засвѣтилъ.
Однажды, ужъ давно когда-то,
Свирѣпствовалъ приливъ морской.

Мать Лioneля, имъ объята,
Тонула, схвачена волной,
И въ волны бросилась собака,
И утопавшую спасла,
Изъ смертнаго исторгла мрака,
Сама же—подлѣ умерла.
Спасенная ей посвятила
То капище среди вѣтвей,
А Лioneль,—живая сила
Мечтаніе въ немъ породила,—
Тотъ стройный призракъ высѣлъ ей.
И каждый мѣсяцъ, въ новолунье,
Здѣсь, въ этомъ капищѣ лѣсномъ,
Она, какъ нѣжная колдунья,
Склонялась передъ алтаремъ,
И къ божеству съ мольбой зывала,
Рожденному ея умомъ,
Цвѣты и травы разсыпала
На этомъ мраморномъ полу,
И въ храмѣ оживляла мгу;
Видѣлся, кругомъ бѣлоснѣжнымъ,
Изъ ласковыхъ цвѣтовъ вѣнокъ,
Зовущихся морской глазокъ,
Съ дыханьемъ слабымъ, сладко-нѣжнымъ,
И были травы,—нѣжно слить
Со стеблемъ стебель былъ пригожій,
Въ сплетеніи сказочномъ похожій
На развѣтвленный хризолитъ:
И вотъ она, полна печали,
Молилася у алтаря,
И слезы, брызнувъ, упали,
Росой вечернею горя.
Лишь стоило взглянуть на эту
Самоубительную тѣнь,
И духъ былъ тотчасъ преданъ свѣту,
И плакать, и горѣть какъ день.
И Аравійскихъ благовоній
Сквозъ чашу миртъ волна плыла,

Съ шипѣньемъ, ладонь въ легкомъ стоиѣ
 Сгоралъ,—блестя, дымилась мгла,
 Какъ пѣна легкая, свѣтла;
 Подъ сводъ воздушно-бирюзовый,
 Напоминавшій сводъ небесъ,
 Тотъ дымъ, волной вставая новой,
 Выходилъ, онъ пробирался въ лѣсъ,
 Надъ заостренными огнями,
 Что бились въ кедровыхъ кускахъ,
 Онъ восходилъ надъ ступенями,
 И въ хлоньяхъ медлил на стѣнахъ;
 И звуки арфы сочетались
 Въ напѣвъ старинный и простой,
 Въ нихъ свидѣнія качались
 Толпою вѣчно-молодой.
 Все было въ ласковомъ туманѣ.
 И приходили поселяне,
 И, поклоненіе ея
 Съ своей мечтой соединяя,
 Толпа скорбѣла, ей внимая,
 Лелѣя въ душахъ забытье.

Привелъ онъ въ то уединенье
 Однажды вечеромъ меня.
 Уже слабѣли краски дня,
 Въ послѣдней тучкѣ отраженье
 Видѣлось яркаго огня,
 И искорѣ краски посѣрѣли;
 И вотъ ужъ звонкій соловей
 Запѣлъ, и зазвенѣли трели
 Среди узорчатыхъ вѣтвей:
 Его мелодія ночная
 То побѣдительно звучитъ,
 Кругами къ небу возлетая,
 То вдругъ слабѣетъ, упадая,
 И на мгновенье замолчитъ,
 И новой силою объята,
 Она разсѣется, зоветъ,

И въ тысячѣ отдѣльныхъ потѣ,
 Въ нашъ нѣжный чуткій слухъ плыветъ,
 Какъ дуновенья аромата
 Усладно дышащихъ полей,
 Что намъ знакомы съ дѣтскихъ дней,
 И вновь баюкаетъ насъ пѣнье,
 Впадая вновь—въ изнеможенье.
 Въ уединенье то вступивъ,
 На плитахъ мраморныхъ мы сѣли,
 И струны арфы зазвенѣли,
 Я пробудила въ нихъ порывъ,
 И строй ихъ звуковъ былъ красивъ.
 Межъ тѣмъ созвучья нѣжной сказки,
 Которой, въ радости своей,
 Лазурь давала свѣтъ и краски,
 Прервалъ влюбленный соловей.
 «Осушимъ сладостную чашу»,
 Промолвилъ нѣжно Лионель,
 «Которую на радость нашу
 Небесный налил менестрель
 Виномъ своей мечты блестящей,
 Въ созвучьяхъ плавно говорящей.
 Ты слышишь свѣтлыя слова
 Сквозь это ласковое пѣнье?
 Ты слышишь звуковъ упоенье,
 Что передъ смертью, но жива,
 Душа, въ расцвѣтѣ изступленья,
 Сознавъ, что жить не будетъ вновь,
 Поетъ? Вѣдь это смерть—любовь,
 Когда сольется съ тѣломъ тѣло,
 Смерть—сонъ, когда дневное прочь
 Уйдетъ, раздвинувъ жизни ночь,
 Смерть—мысль, что вѣется, мнится смѣло
 Въ моряхъ міровъ, до ихъ предѣла,
 Смерть—музыка, созвучіи смѣть,
 Когда влюбленный поетъ?
 Благословимъ же радость нашу
 И выпьемъ сладостную чашу,

Гдѣ отъ пѣвца небесь дано
 Намъ золотистое вино.»
 Помедливъ, онъ приблизилъ нѣжно
 Свои уста къ моимъ губамъ;
 Какъ духъ, подобныя огнямъ,
 Его слова зажглись мятежно
 Въ моей крови, и, вся свѣтла,
 Я вдругъ пронизана была
 Ихъ пламенною быстротою:
 И взглядъ пронзительный его,
 Лучомъ сиянья своего,
 Усладой, пѣгой неземною,
 Наполнилъ трепетно меня;
 Сіяніе того огня
 Въ его глазахъ горѣло гдѣ-то
 Тамъ далеко: въ дрожаньяхъ свѣта,
 Такъ въ темномъ небѣ иногда
 Горитъ безмѣрная звѣзда.
 И въ то мгновенье не искусство
 Во мнѣ возникло, какъ бурюнь,
 А имъ взволнованное чувство
 Дало мнѣ власть надъ звономъ струнь.
 Его душа внушила звуки,
 Скользили пальцы по струнамъ,
 И полная блаженной муки,
 Воздушно пѣла арфа намъ.
 И губы у меня дрожали,
 И съ нихъ сорвался долгій крикъ,
 И гимнь любви, и гимнь печали
 Живой симфоніей возникъ.
 Быстрѣй, быстрѣй струилось пѣнье,
 И темный воздухъ задрожалъ.
 Что дало пѣснѣ той рожденье?
 Невыразимое волненье,
 Я вся была самозабвенье,
 Какъ будто онъ во мнѣ дышалъ.
 Нѣжныи мечты, нѣжныи свирѣли,
 Мой голосъ въ то мгновенье былъ,

И губы у меня блѣднѣли.
 Безгласно Лионель застылъ,
 Весь блѣдный, весь какъ будто снѣжный,
 Прильнуть своей щекою пѣжкой
 Къ колоннѣ онъ, и бѣлизна
 Щеки была вдвойнѣ блѣдна,
 Не такъ былъ блѣденъ мраморъ смежный;
 Но всѣ черты его лица
 Во мглѣ такимъ огнемъ сверкали,
 Что блескомъ въ душу проникали,
 Ее ласкали безъ конца:
 Такъ свѣтъ луны ночныя тучи
 Прорветъ, лучи ея могучи,
 Ихъ блескъ, что долженъ въ нихъ дышать,
 Ничто не въ силахъ удержать.
 На мигъ умолкла я, но вскорѣ
 Движеніе его руки
 Въ моемъ воспламененномъ взорѣ
 Какъ бы зажгло огни рѣки;
 Такъ вѣтеръ воздымаетъ волны,
 И тотъ просторъ, что былъ безмолвный,
 Просторъ рѣчныхъ спокойныхъ водъ,
 Придя въ волненіе, поетъ.
 Но только пѣсня измѣнилась,
 И, медля въ пѣгѣ низкихъ нотъ,
 Она все тише становилась;
 Изнеможенная рука
 По сѣти свѣтлыхъ струнь мелькала,
 И смѣну звуковъ извлекала,
 Гдѣ, въ погасаньи глубока,
 Жизнь, догорая, умирала.
 Для Лионеля моего
 Дышало грустью это пѣнье,
 Оно окутало его,
 Въ воздушныя замкнуло звенья;
 И съ каждымъ звукомъ все нѣжныи
 Печаль пѣвучая блистала,
 И возбужденность вмѣстѣ съ ней

Въ лицѣ застывшемъ пропадала;
 Онъ обратилъ его ко мнѣ,
 И радость странная, что свѣтомъ
 Горѣла въ ближномъ ликѣ этомъ,
 Блѣднѣла, гасла, тамъ, на днѣ,
 Въ его глазахъ; со взоромъ яснымъ
 Ко мнѣ прильнулъ онъ, и, свѣтла,
 Какъ ропотъ, пѣсня замерла
 И шопотомъ смѣнилась страстнымъ;
 И счастлива я съ нимъ была.
 Какими взглядами, словами
 Мы обмѣнялись? Что съ нами
 Случилось? Этотъ мигъ тая,
 Тебѣ сказать не смѣю я.
 Но какъ слова любви смѣшались,
 Такъ и уста, любя, слились.
 Но вдругъ мечтанья оборвались,
 Съ высотъ судьба ихъ свергла внизъ.
 Похолодѣвъ, теряя силы,
 Притихъ такъ страшно онъ, и я
 Спросила: «Что съ тобою, милый?»
 Молчанье! Нити бытія
 Порвались. И въ отвѣтъ ни взгляда,
 Ни звука! Что произошло?
 Сказать нельзя. Нѣтъ силъ. Ушло
 То, въ чемъ была мнѣ вся отрада.
 И увидавъ, что мертвъ онъ былъ,
 Упала я, какъ внизъ изъ тучи
 Орелъ, предъ тѣмъ свѣтло-могучій,
 На землю падаетъ безъ силъ,
 Когда нѣтъ больше въ сердцахъ свѣта,
 И вспышка жизни тьмой одѣта.

Онъ смерть тогда мнѣ запретилъ,
 А какъ я умереть хотѣла!
 Любовь, ты, вспыхнувъ, догорѣла,
 Зачѣмъ же ты, о жизнь моя,
 Просилъ, чтобъ здѣсь томилась я?

О, если бы, съ мечтой во взорѣ,
 Я вновь могла безумной быть!
 Но нѣтъ, хочу тебя любить,
 Съ тобой твое нѣмое горе,
 О Розалинда, разделить.
 И я тебя совсѣмъ забыла,
 Мой милый мальчикъ. Но, когда
 Насъ наше горе побѣдило,
 Мы говоримъ, у насъ бѣда
 Живетъ въ словахъ, и никогда
 Не знаемъ, что мы совершаемъ,
 Когда слова свои слагаемъ.

Объ этомъ берегѣ морскомъ
 Нѣтъ болѣе воспоминанья.
 И на меня одно мечтанье
 Нахлынуло безумнымъ сномъ.
 Мнѣ чудилась толпа видѣній
 Со мною рядомъ у кормы,
 Подъ силой быстрыхъ дуновеній
 Бѣжалъ корабль, и плыли мы.
 Слова невѣдомыхъ нарѣчій
 Слагались въ зыбкія черты,
 И, точно въ первой съ жизнью встрѣчѣ,
 Вставали странные цвѣты,
 Они цвѣли на влажномъ ложѣ.
 И чудилось также мнѣ,
 Что звѣзды въ сипей вышинѣ
 На наши были непохожи.
 Лазурь безоблачныхъ небесъ,
 Безурное нѣмое море
 Внушили мнѣ, что я въ просторѣ
 Загробныхъ таинствъ и чудесъ,
 И міръ тотъ былъ мнѣ страшнымъ адомъ,
 Хоть тѣмъ, кто рядомъ былъ со мной,
 Онъ былъ Эдемомъ и весной,
 И къ новымъ влекъ онъ ихъ отрадамъ;
 Въ мой мозгъ низвергся смертный сонъ,

И жизни творческая сила
 На много лѣтъ ушла, забыла
 Ту пропасть, гдѣ и скорбь и стонъ.
 Когда же это сновидѣнье
 Окончилось, и разумъ мой
 Ко мнѣ вернулся,—пробужденъе
 Я скорбной встрѣтила мечтой;
 Я плакала, когда узнала,
 Что это время все—за мной
 Ухаживала, наблюдала
 Мать Лιονеля, гений мой,
 Съ серебряными волосами,
 Съ живыми темными глазами,
 И съ доброй ласковой душой,
 Но умерла, до наступленья
 Желаннаго выздоровленья.
 Еще въ тотъ первый проблескъ дня
 Узнала чудо я другое:
 То чудо, болѣе живое,
 Былъ милый мальчикъ для меня.
 Во мнѣ твоя дрожала сила,
 О Лιονель, сквозь смутный сонъ,
 Ты былъ во мнѣ преображенъ,
 Душа въ дремотѣ сохранила
 Тѣнь дорогого существа,
 Она всегда была жива
 Въ тревогѣ сновъ неравномѣрной,
 Хоть память и была невѣрной,—
 Хранились милыя черты,
 Твое дышало тяготѣнье,
 И потому-то, нѣтъ сомнѣнья,
 Ребенокъ нашъ такой, какъ ты.
 Но, правда, это очень странно,
 Что было такъ въ душѣ туманно,
 Что такъ спала душа моя,
 Совсѣмъ не сознавала я
 Такого въ жизни измѣненья,
 Какъ зарожденъе и явленъе

На свѣтъ—единственной моей
 Улады этихъ темныхъ дней.

Оставилъ все мнѣ состоянье
 Мой Лιονель, но завѣщанье
 Оспорилъ, полный лжи, закогъ,
 Мой мальчикъ былъ всего лишень.
 Все это очень объяснимо.
 Но не хочу я вспоминать,
 Что вытерпѣть способна мать,
 И пусть сознанье уязвимо
 Для жала и укуловъ зла,
 Легко презрѣнье я снесла
 Отъ самыхъ низменныхъ, когда я,
 Съ рабами кривды въ споръ вступаю,
 Нашла опору и пріютъ
 Не въ просьбахъ, не въ мольбахъ и стонахъ,
 А въ тѣхъ же тягостныхъ законахъ,
 Что эти люди создаютъ.
 Я вѣрно впала-бъ въ заблужденъе,
 Сказавъ, что мой удѣлъ—презрѣнье:
 Я возгордиться бы могла
 Когда бы, какъ и тѣ, была я,
 Чья слава, вѣчно-золотая,
 Неумирающе-свѣтла.

Она умолкла. «Посмотри», сказала
 Ей Розалинда: «блескъ зари въ лѣсу
 Уже горитъ, его сіянье ало,
 Но серебритъ онъ лѣжкую росу.»
 И съ мѣста вставши, съ этими словами,
 Подруги, взявшись за руки, пошли
 Тропой лѣсною, ровными шагами,
 По направленью къ озеру; вдали,
 Гдѣ берегъ былъ высокими скалами
 Обрывисто-узорио затѣненъ,
 Пронзали кипарисы небосклонъ,
 Темнѣли ихъ зеленныя вершины,

Роня тѣни въ водныя глубины,
 Въ молчаніи безрешетномъ своемъ,
 И между нихъ видѣлся мирный домъ.
 Отъ небольшой террасы, окруженной
 Цвѣтами миртъ и зеленою лимонной,
 Гдѣ блѣдные цвѣты раскрыли взглядъ,
 По мрамору спокойнаго затона,
 Хранившему все тучки небосклона,
 Распространялся сладкій ароматъ.
 Былъ полонъ тишины тотъ старый садъ,
 И, точно руки, высіяны на склонахъ
 Сѣдые сучья межъ одеждъ зеленыхъ.
 Здѣсь домикъ былъ Елены, онъ въ водѣ
 Былъ отраженъ, весь бѣлый и старинный,
 Подобный тѣмъ, что можно кое-гдѣ
 Еще у насъ найти въ глуши пустынной;
 Подъ солнцемъ, что свершило вышній путь,
 Блистали окна въ листьяхъ винограда,
 И за стѣнами врядъ ли что-нибудь
 Скрывалось, что служило бы для взгляда
 Намекомъ на Италию. О, да,
 Взшедши, Розалинда въ этомъ домѣ
 Увидѣла, что все въ немъ, навсегда,
 Напоминаетъ объ Англійскомъ home'ѣ.
 И преданная горестнымъ мечтамъ,
 Она далеко мыслью улетѣла:
 Она была какъ тотъ, чьи мысли тамъ,
 Гдѣ съ ними быть его не можетъ тѣло.
 Елена отвела ее туда,
 Гдѣ спалъ ребенокъ. «Посмотри», сказала:
 «Мнѣ Лионель въ немъ видится всегда,
 Такъ онъ похожъ; вотъ такъ, какъ бы устало,
 Держалъ всегда онъ руку, и во снѣ
 Склонялся на нее. Какъ милъ онъ мнѣ!
 Ты глазъ его не видишь: это словно
 Два влажные колодца свѣтлыхъ грезъ.
 Уйдемъ теперь.»—Но слушать хладнокровно
 Могла ли Розалинда? Брызги слезъ

Изъ глазъ ея, въ сверкающей печали,
 На мальчика, живой росой, упали,
 И онъ раскрылъ рѣсницы, и на нихъ
 Услышалъ влажность слезъ, но не своихъ,
 И странная внезапность пробужденья
 Невинныя прогнала сновидѣнья.

И стали въ тѣсной дружбѣ съ этихъ поръ
 Жить вмѣстѣ Розалинда и Елена;
 Во всемъ была, въ ихъ жизни, перемѣна,
 Но нѣжностью любви свѣтился взоръ,
 Какъ въ дни, когда подъ солнцемъ, подъ дождями,
 Онъ блуждали, юныя, средь горъ,
 Гдѣ верескъ росъ пахучими кустами.
 Людская жизнь, какъ вѣтеръ горныхъ странъ,
 Мѣняется, она—что океанъ:
 За горечью дается людямъ сладость,
 Хоть Розалинда и была грустна,
 Но все же къ ней заглядывала радость,
 Ей дочь ея была возвращена.
 И въ этотъ тихій кругъ, идя дозоромъ,
 За темной ночью долгихъ грустныхъ лѣтъ,
 Входилъ и улыбался нѣжный свѣтъ.
 То милый былъ ребенокъ, съ яснымъ взоромъ,
 Въ движеніяхъ изящна и нѣжна,
 Своей воздушной граціей она,
 Къ чему ни прикоснется, все смѣется,
 И съ ней воздушной граціей сольется.
 Елены мальчикъ вмѣстѣ съ нею росъ,
 Они питались тѣми же мечтами,
 Вліяніемъ однихъ и тѣхъ же грезъ,
 Дышали тѣ же мысли въ нихъ цвѣтами,
 И двѣ души, какъ нѣжныхъ два ручья,
 Въ невинности нетронутой глубоки,
 Слились, блаженство радости тая,
 Въ одномъ и томъ же ласковомъ потоцѣ.
 И въ ихъ союзѣ матери ихъ двухъ
 Увидѣли намеки на то сляянье,

Котораго такъ раньше ждалъ ихъ духъ,
 Но жизнь имъ не сдержала обѣщанья.
 И, такъ какъ, если въ сердцѣ уязвленъ
 Бываетъ стебель, умираютъ травы,
 До срока Розалиндѣ смертный сонъ
 Далъ выпить усыпляющей отравы;
 И тѣ, что оставались въ живыхъ,
 Останки взявъ, полны благоговѣнья,
 Съ печалью блѣдной, проводили ихъ
 За грань дождей, на высь уединенья:
 Ей тамъ могила грезилась всегда,
 Гдѣ тишина и сны безперемѣнны,—
 И вотъ надъ мертвой пропастью Къявенны
 Возникла пирамида изо льда,
 Лучъ первый еле всныхнувшаго солнца
 Ея приемятъ гладкіе края,
 И вечеромъ она горитъ, тая
 Послѣдній блескъ закатнаго червонца.
 Во тьмѣ ночей вокругъ этихъ свѣтлыхъ льдовъ
 Пронесется Арктоса колесницы,
 Вокругъ, для дольнихъ помисловъ и снова
 Проскальзываютъ бѣглыя зарницы.
 Не таетъ пирамида изо льда;
 Въ ней памятникъ любви—безъ перемѣны.
 Она видна изъ домика Елены,
 И каждый годъ восходятъ ввысь, туда,
 Гдѣ слѣтъ разсыпалъ хлопья надъ обрывомъ,
 Жилыцы долинъ; на склепѣ томъ красивомъ
 Темнѣютъ нѣжно локоны средъ льдовъ,
 Вѣнки изъ амарантовыхъ цвѣтовъ,—
 И воздухъ, измѣненный ихъ привѣтомъ,
 Горитъ, морозный, необычнымъ свѣтомъ:
 Тѣ странные цвѣты цвѣли вокругъ,
 Что нашей зимней памяти подобны,
 Когда отъ насъ ушелъ любимый другъ,
 И мысль о немъ—какъ свѣтъ, но свѣтъ загробный.

Елену, чья печаль слабѣй была,

Чья свѣтлая душа была нѣжнѣе,
 Смерть медленно, ее какъ бы лелѣя,
 Въ предѣлы царства своего ввела.
 Она въ преклонныхъ лѣтахъ умерла.
 И если въ странахъ смерти, распростертыхъ,
 Любовь не умираетъ въ спящихъ мертвыхъ,
 Но въ нихъ живетъ, какъ здѣсь во всемъ живомъ,
 Тогда прекрасна эта перемѣна,
 И между смертныхъ, дышущихъ кругомъ,
 Никто въ блаженствѣ не живетъ такимъ,
 Какъ нынѣ—Розалинда и Елена.

1818.

ЮЛІАНЪ И МАЦДАЛО.

БЕСѢДА.

Пчель не насытишь тминомъ, лу-
говъ не насытишь ручьями,
Ни козь—молодою лѣтнюю Весну,
ни слезами — Любовь.

Виргилій, Gallus.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Графъ Мадало—благородный Венеціанецъ, изъ древней фамиліи, очень богатый; не вступая въ близкое соприкосновеніе съ обществомъ своихъ соотечественниковъ, онъ пребываетъ, главнымъ образомъ, въ родовомъ роскошномъ палаццо, находящемся въ Венеціи. Онъ представляетъ изъ себя гения высшаго порядка, и могъ бы сдѣлаться освободителемъ своей униженной родины, если-бы захотѣлъ посвятить свою энергію такой цѣли. Но его слабость заключается въ его гордости: изъ сопоставленія своего необыкновеннаго ума съ жалкими умами, его окружающими, онъ выводитъ непоколебимое его представленіе о ничтожествѣ человеческой жизни. Его страсти и его способности несравненно выше страстей и способностей другихъ людей; и, вмѣсто того, чтобы первыя оказались подавленными силой вторыхъ, онѣ послужили другъ для друга взаимнымъ возбуждателемъ. Его честолюбіе пожираетъ само себя, за недостаткомъ предметовъ, которые оно могло бы считать достойными своего вниманія. Я говорю, что Мадало гордъ, ибо не могу найти никакого другого слова для выраженія нетерпѣливыхъ и напряженныхъ чувствъ, его снѣдающихъ; но, повидимому, онъ топчетъ свои собственныя надежды и привязанности, потому что въ обществѣ никто не могъ бы быть болѣе любезнымъ, терпѣливымъ, и снисходительнымъ. Мадало веселъ, прямоушенъ и остроуменъ. Когда онъ говоритъ о чемъ-нибудь серьезномъ, его разговоръ представляетъ изъ себя нѣчто ошляпющее; всякій, кто участвуетъ въ такихъ бесѣдахъ, испытываетъ какое-то волшебство. Онъ много путешествовалъ, и необыкновенное очарованіе сквозитъ въ его словахъ, когда онъ рассказываетъ о какихъ-нибудь приключеніяхъ, испытанныхъ имъ въ разныхъ странахъ.

Юлианъ—Англичанинъ изъ хорошей семьи; онъ страстно преданъ тѣмъ философскимъ идеямъ, которыя гласятъ, что человѣкъ воплѣтъ властенъ надъ своимъ умомъ, и что человѣческое общество можетъ испытать великія преобразованія черезъ погашеніе извѣстныхъ нравственныхъ предрасудковъ. Нѣсколько не отрицая, что въ мірѣ есть зло, онъ постоянно размышляетъ, какимъ образомъ можно доставить торжество добру. Онъ человѣкъ совершенно невѣрующій въ смыслъ религіозномъ; онъ постоянно смѣется надо всѣмъ, что считается святымъ, и Мадалло испытываетъ извращенное удовольствіе, побуждая его къ разнымъ выходкамъ противъ религіи. Чтò по поводу этого предмета думаетъ самъ Мадалло, въ точности неизвѣстно. Вопреки своимъ еретическимъ мнѣніямъ, Юлианъ, какъ думаютъ его друзья, обладаетъ нѣкоторыми хорошими качествами. Въ какой мѣрѣ это возможно, пусть рѣшитъ благочестивый читатель. Во всякомъ случаѣ, Юлианъ человѣкъ серьезный.

О Безумномъ я не могу дать никакихъ свѣдѣній. Судя по его собственному разсказу, онъ, повидимому, испыталъ разочарованіе въ любви. Очевидно, онъ былъ образованъ и привлекателенъ, когда воплѣтъ владѣлъ своимъ разсудкомъ. Взятая въ цѣломъ, его исторія можетъ напомнить столько другихъ подобныхъ: безсвязныя восклицанія, въ которыхъ выражается его агонія, быть можетъ, покажутся читателю достаточнымъ поясненіемъ темныхъ страницъ въ жизни каждаго сердца.

ЮЛИАНЪ И МАДАЛЛО.

Въ вечерній часъ, когда еще свѣтло
И воздухъ полонъ грусти безпричинной,
Я ѣхалъ вмѣстѣ съ графомъ Мадалло
По той дорогѣ, узкой и пустынной,
Что прекращаетъ бѣгъ морскихъ валовъ
Прозрачной Адриатики, текущихъ
Туда, гдѣ въ тѣсной грани береговъ
Влится, какъ видѣныя дни грядущихъ,
Венеція съ толпой своихъ дворцовъ.
Дорога пролегаетъ полосою,
Средь вѣчно-перемѣчивыхъ песковъ,
Средь земноводныхъ порослей, волчцовъ,
Среди всего, что рождено землею,
Обнявшея съ наплывомъ иловымъ,—
Безлюдный берегъ моря, гдѣ, какъ дымъ,
Плывутъ и таютъ клубы легкой ифы.
Отсюда прочь скорѣй спѣшитъ рыбакъ,
Едва лишь сѣти высохнутъ, и такъ
Здѣсь пребываетъ все безъ перемѣны.
Два-три ничтожныхъ деревца, а тутъ
Какіе-то изломанные колья,
И вѣчно волны новыя растутъ,
Спѣшатъ къ землѣ отъ влажнаго приволья,
И будто хочетъ сузить бѣгъ валовъ,
Пришедшихъ изъ раскинувшейся дали,
То узкое пространство изъ песковъ,
Гдѣ мы вдвоемъ неспѣшно проѣзжали,
Въ косыхъ лучахъ слабѣющаго дня.
Такъ ѣздить было счастьемъ для меня.

Я чувствую томительную пѣжность
 Къ пустынному, къ далекому, гдѣ намъ
 Такъ сладко представляется, что тамъ—
 Въ душѣ у насъ—такая же безбрежность.
 Намъ вѣчно манитъ ширь, влечетъ обманъ,
 Въ насъ вѣчно спитъ какой-то сонъ свободный.
 Такимъ и былъ тотъ вольный океанъ,
 И этотъ берегъ, болѣе безплодный,
 Чѣмъ влага водъ. Но болѣе всего
 Люблю я съ другомъ ѣхать въ свѣтлой дали,
 Забывъ о всемъ, что грустно и мертво,
 Какъ мы тогда неспѣшно проѣзжали.
 Кругомъ живые вѣтры пѣну гнали,
 Сорвавъ ее съ домчавшейся волны,
 И прочь несли по воздуху, чуть зримо,
 Бросая намъ въ лицо, и дальше, мимо,
 Налетъ ея воздушной бѣлизны.
 Лазурь небесъ, до самой глубины,
 Была чиста, и, точно звуки Рая,
 Гармонію свою легко сливая
 Съ гармоніей безлюдной тишины,
 Отъ волнъ вставала какой-то гимнъ, играя
 Въ сердцахъ у насъ воздушностью струны.
 Мы ѣхали, бесѣдуя другъ съ другомъ,
 Мы дали волю сердцу своему,
 И мысли сочетались быстрымъ кругомъ,
 Покинувъ умъ и вновь спѣша къ уму,
 Сочувственно-раскрытому; дышали,
 Подъ звучный говоръ нашихъ голосовъ,
 Воспоминанья памятныхъ часовъ,
 Свободныхъ отъ медлительной печали.
 Мы понемногу къ дому подъѣзжали,
 Подъ эту примирительную сѣнь.
 Былъ холоденъ, хотя и ясенъ день,
 И солнце къ горизонту опустилось,
 И вѣтеръ начиналъ уже спадать,
 Какъ будто онъ усталъ дышать и ждать.
 Бесѣда наша тихой становилась,

Смутилась думъ враждующая рать.
 Такъ иногда проія, съ борьбою,
 Иную мысль не въ силахъ презирать,
 Смѣется не надъ ней, а надъ собою,
 И тише смѣхъ ея и глубже взглядъ.
 Печальная, но свѣтлая услада!
 Такъ нѣкогда, поэты говорятъ,
 Затеряны въ глухихъ долинахъ ада,
 Отверженные демоны, громада,
 По временамъ склоняя горькій взоръ,
 Вели проникновенный разговоръ
 О Богѣ, о судьбѣ, свободной волѣ,
 О собственной непоправимой долѣ.
 Все, чѣмъ Земля была, чѣмъ будетъ впродъ,
 Чего достигнуть воля и страданье,
 Все, что себѣ рисуетъ ожиданье,
 Привыкшее въ грядущее смотрѣть,
 Слегка смеживъ тоскующую вѣжды,
 Все, что лелѣютъ замысли надежды,
 То вольное, чего такъ жаждемъ мы,
 О чемъ молчитъ безмолвная могила,
 Въ догадкахъ нашихъ смутно проходило,
 Подъ ласкою вечерней полутьмы.
 И я, стремясь извлечь добро изъ злого,
 Приветствовалъ разсвѣтъ грядущихъ дней,
 Но другъ мой, въ темной гордости своей,
 Ждалъ только зла ото всего земного.
 Онъ чувствовалъ, что все предъ нимъ мертво,
 Что онъ другихъ превзымалъ красотою,
 И кажется, орлиный духъ его
 Былъ пораженъ глубокой слѣпотою
 Отъ созерцанья блеска своего.
 А солнце между тѣмъ распростирало
 Надъ гранью горъ пурпурный свой нарядъ,
 И, прежде чѣмъ послѣдній броситъ взглядъ,
 Оно свой бѣгъ стремительный сдержало.—
 О, какъ прекрасенъ солнечный закатъ,
 Когда имъ край такой, какъ ты, украшенъ,

Италія, изгнанниковъ Эдемъ,
 Когда блистаетъ небо надо всѣмъ,
 Горять моря, дворцы, верхушки башенъ,
 Густые виноградники, поля,
 Подъ свѣтлымъ небомъ пѣжная земля.—
 Италія, и мы тебя любили,
 И намъ свѣтиль твой свѣтъ въ вечерній часъ,—
 И мы свой путь какъ будто бы забыли,
 Хоть гондола ужъ поджидала насъ.—
 У волнъ, что ярко пѣнились, дробясь,—
 Покинувъ лошадей своихъ усталыхъ,—
 Смотрѣли мы, какъ тонетъ въ краскахъ алыхъ
 Далекій западъ, какъ блеститъ потокъ,
 Межъ городомъ и берегомъ лежащій,
 Какъ въ немъ чуть дышетъ образъ неба спящій;
 И сводъ небесъ былъ ясенъ и высокъ.
 Тамъ къ сѣверу, небесные оплоты,
 Вздыхались Альпъ воздушные хребты,
 Раскинувъ, подъ игрою позолоты,
 Какъ дымку, бѣлоснѣжные мосты
 Отъ запада къ востоку; трепетало
 Полнеба въ лучезарныхъ облакахъ,
 Какъ гордая легенда—о вѣкахъ
 Дѣяній пышно-царственныхъ; блистало
 Изъ глубины зенита, въ вышинѣ,
 Сіяніе пурпуроваго цвѣта
 И, къ западу сходя по крутизнамъ,
 Гдѣ было все туманами одѣто,
 Оно ихъ пѣжнямъ золотомъ зажгло,
 До той черты, гдѣ пышно и свѣтло,
 Блистательнѣй, чѣмъ жгучій цвѣтъ червонца,
 Замедлило, покуда не зашло,
 Среди холмовъ, ликующее солнце:
 То были Евганейскіе холмы;
 Когда среди вечерней полутьмы
 На нихъ глядишь изъ Лидо,—передъ взоромъ,
 За гаванью, сквозь сѣть ея столбовъ,
 Они встаютъ причудливымъ узоромъ

Высокихъ заостренныхъ острововъ.
 И мигъ насталь, когда земля и море,
 Какъ бы растаявъ озеромъ огня,
 Сплелись въ одномъ блистающемъ просторѣ,
 И въ свѣтѣ убывающаго дня
 Верхи холмовъ, къ лазури вознесенныхъ,
 Возстали какъ изъ волнъ воспламененныхъ,
 Къ себѣ своей воздушностью маня.
 Товарищъ мой промолвилъ мнѣ: «Покуда
 Еще свѣтло, хочу вамъ показать
 Другое мѣсто.» Въ зыбяхъ изумруда,
 Тревожа эту искристую гладь,
 Мы начали скользить; перегибался
 За черный край той траурной ладьи,
 Я видѣлъ, какъ, въ огнѣ зари купаюсь,
 Вздыхали глыбы стройныя свои
 Какъ будто зачарованныя зданья,
 Дворцы и храмы многихъ острововъ,
 Тая весь блескъ вечерняго сіянья,
 Окружены громадой облаковъ.
 И молвилъ Мадало: «Вотъ мы приплыли»,
 И гондольерамъ перестать грести
 Онъ приказалъ. «Вонъ тамъ, гдѣ свѣтлой пыли
 Рѣдѣетъ мгла на водяномъ пути»,
 Мнѣ Мадало сказалъ, скрестивши руки:
 «На западъ поглядите, Юліанъ,
 Не слышите ли колокола звуки?»
 И я взглянулъ, вдали горѣлъ туманъ,
 На островѣ одномъ вздымалось зданье,
 Одно изъ тѣхъ, что строятъ человѣкъ,
 Для пѣлей низкихъ, чтобъ, роди терзанье,
 Передавать его изъ вѣка въ вѣкъ;
 Громада, распростертая широко;
 На башнѣ, въ свѣтѣ, таявшемъ кругомъ,
 Былъ колоколь, онъ зыбнулся высоко,
 И хрипло пѣлъ желѣзнымъ языкомъ;
 Угрюмо онъ чернѣлъ на фонѣ сонныхъ
 Вечернихъ тучекъ, таявшихъ свѣтло.

«То, что мы видимъ, домъ умалишенныхъ,
 «Съ своею башней», молвилъ Мадало:—
 «Вотъ въ этотъ часъ всегда здѣсь слышать можно,
 Какъ надъ лагуной колоколь поетъ,
 И каждаго изъ кельи онъ тревожно
 Къ вечернѣ для моленія зоветъ.»
 —«Предлогъ у нихъ, конечно, надлежащій
 Благодарить Того, Кто жизнь имъ далъ,
 И радоваться жизни предстоящей»,
 Отвѣтилъ я. —«А!» Мадало сказалъ:
 «Вы говорите, какъ въ былые годы.
 Да; въ людяхъ очень мало перемѣнъ.
 Вы все еще тревожный духъ свободы,
 Волкъ между агнцевъ, и опасный членъ
 Въ союзѣ правовѣрныхъ. Разъ надъ бездною
 Не можете вы плавать, никогда
 Не возставайте на законъ желѣзный.»
 Ему въ глаза я посмотрѣлъ тогда,
 Но въ нихъ погасла свѣтлая улыбка.
 «Таковъ-то», онъ воскликнулъ, «нашъ удѣлъ,
 Что вѣчнымъ быть должно, мгновенно-зыбко,
 Здѣсь символъ нашъ, эмблема, и предѣлъ:
 Вися въ небесной озаренной башнѣ,
 Какъ этотъ черный колоколь,—душа
 Желаній нашихъ, мыслей рой всегдашній
 Сзываетъ, чтобъ сонливы они, снѣна,
 Вкругъ сердца изболѣвнаго молиться,
 Какъ эти сумасшедшіе,—зачѣмъ?
 Они не знаютъ, но молитва дניתся,
 И голосъ нашихъ думъ не будетъ нѣмъ,
 Покуда смертный мракъ не воцарится,—
 Какъ этотъ погасающій закатъ
 Стираетъ это странное видѣнье,
 И нашихъ глазъ отъ насъ исчезнетъ взглядъ,
 Отъ нашего мы отойдемъ стремленья,
 Что дало намъ насмѣшку вмѣсто сновъ.»

Я помню только смыслъ тогдашнихъ словъ:
 Какъ возсоздать всю мощь ихъ выраженія!
 Межъ тѣмъ звѣзда блистательнаго дня
 Исчезла за холмомъ широкой сферой;
 И колоколь незримъ сталъ безъ огня,
 И башня, вмѣсто красной, стала сѣрой;
 И все кругомъ,—дворцы и корабли,—
 Слилось и стерлось въ сумрачномъ просторѣ:
 Оранжевыя краски, тамъ вдали,
 Тонули въ небѣ, въ ярко-красномъ морѣ.
 Немного говорили мы, и вскорѣ
 Скользя подъ всплески легкіе весла,
 Свой путь возвратный гондола прошла.

Туманнымъ встало утро и дождливымъ.
 Я къ Мадало пришелъ, еще онъ спалъ,
 И, дожидаясь друга, я игралъ
 Съ его ребенкомъ, нѣжнымъ и красивымъ.
 О, нѣтъ, объята ласковымъ порывомъ,
 Природа не рождала до сихъ поръ
 Такой игрушки чудной; вся—забава,
 Она была серьезна и лукава,
 Безъ умысла изыщна, какъ узоръ,
 Не видящій себя. И что за взоръ!
 Взгляните въ тѣ глаза и объясните,—
 Нѣтъ, лучше ужъ о нихъ не говорите.
 Два Неба Итальянскія, и въ нихъ,
 Въ зеркальности глубокой—отраженье
 Той глубины нѣмого выраженія,
 Что въ лицахъ лишь встрѣчается людскихъ.
 Она была любимицей моею:
 Я, слабенькую, выростилъ ее,
 Какъ надъ травинкой, я дышалъ надъ нею,
 Когда она вступила въ бытіе;
 Она, казалось, и теперь узнала
 Товарища своихъ забавъ былыхъ,
 Шестъ мѣсяцевъ разлуки очень мало
 Измѣнъ внесли во всѣхъ чертахъ моихъ,

Въ ней больше,—и, когда прошли мгновенья
 Обычной первой робости, она
 Со мной,—ко мнѣ довѣрія полна,—
 Особое постигла развлеченье:
 Насъ Графъ засталъ, какъ мы, въ пылу игры,
 Катали бильярдные шары.
 Я молвилъ, за привѣтствіемъ привычнымъ:
 «То, что вы мнѣ сказали въ эту ночь,
 Легло на душу гнетомъ необычнымъ,
 И тьма изъ сердца не уходитъ прочь:
 Будь человекъ игрушкою покорной,
 Какъ это говорите вы, тогда
 Я въ суевѣрьяхъ, въ мудрости ихъ вадорной,
 Въ желѣзной ихъ жестокости позорной
 Особаго не видѣлъ бы вреда,
 Они могли-бъ ложиться тяжкимъ игомъ,
 Чтобъ обуздать природу. Никогда
 Не могъ бы я признать любовь къ веригамъ,
 О, нѣтъ, мой догматъ вовсе не такой.»
 Такъ говорилъ я,—онъ хранилъ молчанье,
 И я прибавилъ:—«Вотъ передо мной,
 Предъ вами—вашъ ребенокъ; обаянья,
 Веселости онъ полонъ,—и заботъ
 Немного у него; къ намъ гнетомъ льнетъ
 Болѣзненная мысль, какъ тѣ мечтанья,
 Что вами овладѣли въ эту ночь,
 Но не захватятъ тьмою вашу дочь.
 Со зломъ мы слиты собственной волей,
 Согласье мы же дали на него.
 Иною жизнь намъ улыбнется долей,
 Разъ захотимъ добиться своего.
 Мы можемъ быть всѣмъ тѣмъ, что сердцу снится
 О счастья, о величьи, высотѣ.
 Гдѣ, какъ не въ нашихъ помыслахъ, таится
 Все, что намъ говоритъ о красотѣ,
 Что къ правдѣ насъ влечетъ, къ любви, къ мечтѣ?
 Мы можемъ быть иными. И, когда бы
 Столь слабыми мы не были, дѣла

Мечта бы никогда не превзошла.»—
 —«О, да, бѣда лишь въ томъ, что такъ мы слабы»,
 Промолвилъ Мадало: «Замкнутый кругъ.
 Изъ путь своихъ безсильный тщетно рвется.
 Какъ сильнымъ стать? Утопія, мой другъ.»—

Я возразилъ: «Узнать намъ остается,
 И кто захочетъ, можетъ это знать,
 Насколько крѣпки вѣковыя цѣпи,
 Въ которыхъ умъ нашъ, какъ въ подземномъ склепѣ,
 Терзается, и нечѣмъ намъ дышать.
 Быть можетъ, какъ соломинка—оковы.
 Мы знаемъ: изъ того, что давитъ насъ,
 Мы многое ужъ сбросили сейчасъ,
 И сбросимъ больше, разъ къ тому готовы,
 Разъ мы хотимъ душой нашъ гнетъ проклясть.
 Надъ нами есть у насъ,—мы знаемъ,—власть,
 Чтобъ сдѣлать,—что? Мы этого не знаемъ,
 Пока попытки нѣтъ,—но что-нибудь
 Прекраснѣй, чѣмъ идти и кончить путь,
 Пожить и умереть, какъ грезы съ Маемъ;
 Такъ насъ учили древніе цари
 Высокихъ мыслей, прежде чѣмъ свѣтила
 Разсвѣтнаго погасли янтари,
 И суевѣрье Землю ослѣпило,—
 Такъ чувствуютъ всѣ тѣ, кто терпитъ зло,
 Сочувственно дѣля съ другимъ мученье.»

—«Мой милый другъ», промолвилъ Мадало:
 «Мое вы не замѣните сужденье,
 Хотя, если дѣло только о словахъ,
 Я знаю, для такихъ доброжелательствъ,
 Найдете цѣлый рядъ вы доказательствъ,
 Опору въ фактахъ, въ мысляхъ, и въ мечтахъ.
 Я зналъ здѣсь одного въ такомъ же родѣ,
 Какъ вы; и такъ же споры съ нимъ я велъ
 О жизни, человѣческой природѣ,—
 И вотъ теперь бѣднякъ съ ума сошелъ.

Онъ изъ чужихъ краевъ. Коли хотите,
Мы можемъ навѣстить его, и вы
Въ его безумной рѣчи разглядите,
Какъ замыслы подобные мертвы.»—

—«Надѣюсь», возразилъ я, «утвержденно
Мое я подтвержу инымъ путемъ:
Я вѣрю, что души его смятенне
Свое начало получило въ томъ,
Что именно отсутствовала вѣра
Въ добро, въ разумность каждаго примѣра,
Стремленне встрѣтить благо и въ дурномъ,
Найти его въ себѣ или въ другомъ:—
Есть гордыя природы,—всѣ несчастя
Снесутъ въ лучахъ терпѣнья своего;
Имъ нужно въ жизни только одного—
Любя, любимымъ быть и знать участие:
За нѣжность—нѣжность; если же въ отвѣтъ
Они увидятъ лишь пренебреженне,
Ихъ жизнь тогда—смерть заживо и тѣнь;
Не странно это, и судьбы тутъ нѣтъ,
А только злая воля человѣка,
Ей все равно, что кто-то сталь—калѣка.»—

Пока слова я эти говорилъ,
Слуга, вошедши, Графу возвѣстивъ,
Что гондола насъ ждетъ; во влажной ныли,
Сквозь частый дождь, проворно мы поплыли
По направленью къ острову, туда,
Гдѣ находился домъ умалишенныхъ,
И пѣнилась кипящая вода,
Подъ трепетаньемъ вѣтровъ возмущенныхъ.
Мы вышли. Вопли, возгласы вокругъ,
Звукъ бьющихся и судорожныхъ рукъ,
Пронзительныя жалкія рыданья,
Смѣхъ тамъ, гдѣ стоить звучать бы веселій,
Молитвы богохульныя, стенанья,
И крики, въ общей смутности своей,

Въ своемъ разнообразьи безконечномъ,
Привѣтствіемъ для насъ возникли встрѣчнымъ.
По грязной скользкой лѣстницѣ вошли
Мы въ старый дворъ. И я услышалъ звуки,
Исполненные трогательной муки.
Кто пѣлъ вверху? Мы видѣть не могли.
Лишь видѣли, что межъ рѣшетокъ черныхъ,
На томъ или иномъ нѣмомъ лицѣ,
Подъ бурю, какъ стебли травъ узорныхъ,
Ростущихъ на разрушенномъ дворцѣ,
Вились и фантастично развѣвались
Запутанные волосы всѣхъ тѣхъ
Безумцевъ, что за мигъ предъ тѣмъ смѣялись,
Кто вдругъ притихъ въ безмолвіи угѣхъ,
Кто былъ той нѣсней нѣжной зачарованъ,
И къ ней душой безумною прикованъ.

«Мнѣ кажется», промолвилъ я: «что ихъ
Заботливостью кроткой было-бъ можно
Вернуть отъ сновъ, мятущихся тревожно,
Къ разумности, разъ, властью чаръ своихъ,
Ихъ музыка такъ нѣжить и волнуется.
Но кто онъ тотъ, кто здѣсь въ тюрьмѣ тоскуетъ?»

И Мадало отвѣтила: «Лишь одно
Извѣстно мнѣ: когда онъ появился
Въ Венеціи, ужъ въ немъ недугъ гнѣзвился,
И сердце было въ немъ угнетено.
Онъ былъ богатымъ, какъ молва гласила,
Или когда-то прежде былъ богатъ.
И будто бы,—иные говорятъ,—
Его утрата денегъ поразила.
Наврядъ ли. Нѣтъ, не этимъ онъ страдалъ,
Всегда онъ въ нашемъ духѣ разсуждалъ.
Но только былъ онъ болѣе печаленъ,
Казалось, что, хотъ онъ и угнетенъ
Своей обидой, былъ сильнѣе онъ
Обиженъ тѣмъ, что такъ многострадаленъ

Предъ сильнымъ слабый: онъ страдалъ всегда
 При мысли, что для жалкихъ мѣръ ужасенъ,
 Что наглость и обманъ иногда,—
 Кой въ чемъ, конечно, съ вами я согласенъ!—
 Понявъ, что такъ, порою, удобенъ мракъ,
 Въ мошенничествѣ явномъ торжествуютъ,
 Изобличеній вѣтъ,—они лгутъ.
 Имѣль свои достоинства бѣднякъ,
 Хоть и чудачествъ я не отрицаю.»

—«Но что же приключилось съ нимъ, и какъ
 Онъ помѣшался?»

—«Право, я не знаю.

Изъ Франціи какая-то сюда
 Приѣхала съ нимъ дама, и, когда
 Онъ ею брошенъ былъ, онъ сталъ скитаться
 Вокругъ вонъ тѣхъ пустынныхъ острововъ,
 Онъ съ ней мечтой никакъ не могъ разстаться,
 И одичалъ. Ни денегъ, ни домовъ
 Онъ больше не имѣлъ. Что дѣлать было?
 Полиція его здѣсь помѣстила.
 Причуда овладѣла имъ, и онъ
 Не захотѣлъ отсюда выселяться;
 Чтобъ былъ капризъ безумнаго свершенъ,
 Я далъ ему возможность здѣсь остаться,
 Обставилъ эти комнаты ему,
 Онѣ выходятъ окнами на море,
 Послалъ цвѣтовъ и книгъ; съ несчастьемъ въ спорѣ,
 Онъ можетъ дать порыву своему
 Какой-нибудь исходъ, хотя печальный,
 За инструментъ садясь музыкальный.—
 Я все ему доставилъ, отъ чего
 Когда-то такъ свѣтилась жизнь его.
 Чтѣ больше могъ бы сдѣлать чужестранецъ,
 Иль меньше, разъ онъ видитъ предъ собой
 Красивый умъ, подавленный судьбой?
 И онъ какъ бы сплетаетъ тѣни въ танецъ,

Онъ вызываетъ чары въ гѣны струвъ,
 На мигъ въ умаленныхъ спитъ бурю
 Безумныхъ думъ, и этотъ адъ ужасный,
 Гдѣ смѣшанъ вопль со звяканьемъ цѣпей,
 Онъ превращаетъ музыкой своей
 Въ Эдемъ священный тишины безгласной.»

—«Вы были милосердны,—никакихъ
 Правъ онъ на это не имѣлъ, какъ люди
 Сказали бы.»

—«Да, кромѣ правъ моихъ

На всѣхъ людей, во всей ихъ жалкой грудѣ,
 Когда-бъ я былъ несчастіемъ такимъ
 Застигнуть. Вотъ, какъ гѣны дней прошедшихъ,
 Окончился напѣвъ, и вслѣдъ за нимъ
 Чу, возрастаютъ вопли сумасшедшихъ.
 Пойдемте, навѣстимъ его теперь;
 Всегда онъ послѣ музыки съ собою
 Ведетъ бесѣду, говоритъ съ мечтою,
 Не слыша никого.»

Смотритель дверь

Открылъ намъ; и въ его мѣ помѣщенъ
 Вошли. Въ печальной мглѣ самозабвенья,
 У фортепяно мрачно онъ сидѣлъ,
 И пальцы были судорожно сжаты;
 Морской падежь къ нему въ окно летѣлъ,
 Врывались вздохи вѣтра, и, объгаты
 Порывомъ бури, волосы его
 Въ соленыхъ брызгахъ бились и блистали;
 Отъ помысла дрожаль онъ своего,
 И что-то непонятное шептали
 Его уста, былъ слишкомъ красенъ цвѣтъ
 Тѣхъ жалкихъ губъ, чтобъ отнести къ здоровью
 Румяность ихъ; со скорбью и съ любовью,
 Какъ будто къ знаку невозвратныхъ лѣтъ,
 Они къ листу бумаги прижимались.

И точно въ сердцѣ струны оборвались,
Такая страсть въ его глазахъ зажглась,
Лицо онъ поднялъ, полное печали,
Онъ поднялъ взоръ своихъ блестящихъ глазъ,
И началъ говорить, какъ бы изъ дали;
То будто онъ кому-то написалъ
Въ далекий край, и думалъ—эти строки
Растрогаютъ того, къ кому зывалъ:
То повторялъ онъ горькіе упреки,
Что вотъ чего-то измѣнить нельзя,
И чувствовалъ, сквозь горькую усталость,
Къ себѣ онъ поразительную жалость;
Терялась рѣчь въ уныніи, скользя
Отъ слова къ слову, холодно и сонно,
Безъ выраженья, скучно, монотонно;
И только потому, что говоръ тотъ
Срывался въ рѣзкій тонъ безумныхъ жалобъ,
Чужая мысль немедля увидала-бъ,
Что безысходный нестерпимый гнетъ
Тотъ говоръ сдѣлалъ столь однообразнымъ;
И между тѣмъ какъ такъ онъ говорилъ,
Свирѣпый вѣтеръ, съ свистомъ, съ воемъ празднымъ,
Въ окно врвался, брызги приносилъ,
И сзади мы, незримые, стояли,
И слушали безумныя слова,
Отдѣльныя реченія печали
У воющаго вѣтра отнимали,
Ихъ память до сихъ поръ во мнѣ жива,
Не стерта силой жизненныхъ мятелей.
Онъ восклицалъ:—

«Какой же смыслъ есть въ томъ?»

О, день за днемъ, недѣлю за недѣлей,
Какъ лошадь, что пхлестана кнутомъ,
Влечить, влечить мучительное бремя,
И чувствовать, что не спасаетъ время,
И видѣть за собою цѣнь, тиски,
И видѣть, какъ растутъ все снова звенья

Того же нестерпимаго мученья,
Не выражать въ словахъ своей тоски,
И не впадать отчаяніе въ голосъ,
Но двигаться, и даже,—о, бѣда!—
Двѣять улыбку,—точно никогда
Ты не скрывалъ все, что въ душѣ боролось,
Не отходилъ въ свой уголь, сжато-гнѣмъ,
Чтобъ тамъ лишь, наконецъ, прорвались слезы;
Жить каждый мигъ подъ тяжестью угрозы,
Быть въ маскѣ безпечальной передъ тѣмъ,
Кто сердцу всѣхъ желаній, всѣхъ дорожекъ,
И мучиться, терзаться. Но за что же?
Ищи, душа, отвѣта не найдешь.
Ни ненависть, ни пытки, ни презрѣнье
Не могутъ такъ гнести, какъ эта ложь;
Но что всего страшнѣй,—одно мученье,
Котораго не въ силахъ я снести,
Чужовищность послѣдняго проклятья,—
Знакомый ликъ инымъ, инымъ найти,
Почувствовать холодныя объятія,
И столько недовѣрья, скорби, зла,
Что, если бы душа и захотѣла
Себя винить, она бы не смогла.
О, пусть совѣтъ мое остыло-бъ тѣло!
Пусть жизнь въ моемъ погасла бы углѣ,
Пусть я бы пересталъ кипѣть во тѣмѣ!
Тогда бы эта пытка отступила,—
Иль мысль терзаетъ даже мертвецовъ?

«Какая же безжалостная Сила
Насъ мучаетъ? Ей сладокъ звонъ оковъ?
Я знаю, что всецѣло не могу я
Взять на себя вину въ томъ, что терплю,
Хоть есть моя вина, и, погодя,
Рокъ сдѣлалъ такъ, что горько и скорблю.
Увы, никто не разсыпалъ мнѣ пѣжныхъ
Цвѣтковъ на той дорогѣ бытія,
Гдѣ повстрѣчалась мнѣ, для мукъ безбрежныхъ,

Скорбь блѣдная, нѣмая тѣнь моя.
 Когда я заблуждался, въ заблужденнѣи
 Я радости для сердца не нашель,
 Я только встрѣтилъ гнетъ несчетныхъ золь,
 Страхъ, безпокойство, муку, оскорбленье,
 Не дѣлалъ, какъ другіе, и цѣной
 Раскаянья не покупалъ восторга,
 Хотя я зналъ, что отъ такого торга
 Улыбка засіяетъ предо мной,
 И я могу извѣдать наслажденье,
 Манящаго запретомъ, преступленья;
 Когда бы правда, нѣжность, и любовь
 Продлились за минутностью Надежды,
 Моя слеза не омочила-бъ вѣжды,
 И былъ бы я спокоенъ, веселье вновь;
 Но ненависть, насмѣшка, и презрѣнье
 Возстали, какъ враги, лицомъ къ лицу
 Съ любовью, что иное отношенье
 Когда-то знала: нѣжность упоенья
 Пришла къ неумолимому концу,
 Я точно спалъ, и было сновидѣнье
 Такъ сладостно въ плѣнительной тиши,—
 Какой смѣнилось пыткой мечтанье!—

«О, ты, невѣста, свѣтъ моей души,
 Ты вся—отрада, мудрость, состраданье,
 Ты вѣрно пожалѣла бы меня,
 Когда-бъ прочла мое повѣствованье,
 Но я одинъ, я мучаюсь, стенья,
 И не прочтешь ты этотъ скорбный свитокъ;
 Ты плакала-бъ, узнавъ, какъ много пытокъ,
 Принять былъ долженъ твой погибшій другъ,
 Узнать, какія вѣдалъ я мученья,—
 Для нихъ нѣтъ словъ, нѣмой ихъ замкнуть кругъ.

«О, вы, къ кому—души моей стремленье,
 Вы въ дружбѣ ясно видѣли меня,
 Я не хочу такого униженья,

Какъ предъявлять къ вамъ, честнымъ, обвиненье
 Въ томъ, что теперь я такъ томлюсь, стенья.
 О, нѣтъ, я васъ совсѣмъ не обвиняю,
 Одна дорога къ миру есть, я знаю,
 Дорога полной правды, и по ней
 Идете вы. Любовь дорогой ложной
 Нерѣдко насъ ведетъ къ тоскѣ тревожной.
 Но, если я подавленъ тьмой скорбей,
 (А я подавленъ,—можно-ль отрекаться?),—
 Чтобъ грудь святой природы занятая
 Свирѣпымъ адомъ чувствъ моихъ могла,—
 Душа моя согласья не дала;
 Какъ тѣ, не поступилъ я, что въ презрѣннѣи
 И въ ненависти думаютъ найти
 Для раненаго сердца облегченье,
 Сказавъ: «За злобу злобой заплати».
 О, нѣтъ, кинжалъ не уврачуеъ рану,
 Ее онъ только разрываетъ вновь.
 Я не довѣрюсь этому обману,
 Хоть обманула нѣжная любовь.
 Все тотъ же я, исполненный довѣрья,
 И сердце можетъ быть побѣждено,
 Но пониманье чуждо суевѣрья,
 И умъ не гибнетъ съ сердцемъ заодно.
 Иначе все погибнетъ въ агоніи.
 О, нѣтъ, я крикомъ не сольюсь съ толпой,
 Молчаньемъ не признаю тираніи,
 Забвенья не хочу въ мечтѣ слѣпой.
 Я не хочу минутнаго забвенья
 Въ какомъ-нибудь безуміи, что тутъ,
 Среди людей, зовутъ порывомъ мщенья,
 И честолюбьемъ, выгодой зовутъ.
 Чужда мнѣ грубость жадныхъ помышлений,
 Какъ тѣ, что были казнью для меня,
 И сладострастья, алчности ступени,
 Съ своимъ сверканьемъ дымнаго огня.
 Нагромоздись скорѣе надо мною,
 О, ты, могильный прахъ! А до тѣхъ поръ

Я не разстанусь съ тѣсною тюрьмою,
 И, встрѣтятся, могутъ Вѣдность и Позоръ
 Прильнуть ко мнѣ на рынкѣ, средь народа,
 Сказать: «Онъ нашъ любовникъ. Конченъ счетъ.
 Будь съ нимъ, онъ проживетъ еще съ полгода.»—
 Или возстанетъ красный эшафотъ,
 Что тамъ, въ странѣ у насъ, встаетъ порою.
 И къ жертвѣ добровольной возгласитъ;
 Иль вы, друзья, истерзаны тоскою,
 Падете, духъ мой боль предотвратитъ;
 Всегда готовъ я, съ радостью, какъ прежде,
 Когда еще цвѣла моя весна,
 Служить добру и правдѣ и надеждѣ,
 Я твердъ.

«Постой, на мозгъ пелена.
 Она порвется. Вѣрьте мнѣ, о, вѣрьте!
 Вотъ, порвалась! О, ты блѣдна, блѣдна,
 Невѣста, предназначенная Смерти!
 Искажены красивыя черты.
 Но я вѣдь такъ же блѣденъ, какъ и ты,
 Насмѣшка, что сидишь со мною рядомъ.
 Зачѣмъ же ты глядишь укорнымъ взглядомъ?
 Могильный зовъ я въ гробъ услыхалъ,
 И поспѣшилъ на свадебный твой балъ,
 Духъ—духу, шлю привѣтъ я привидѣнью,
 Любовнику, съ которымъ ты сошла,
 Съ которымъ, въ брачной связи, наслажденью
 Ты на моей могилѣ предалась.
 Но то, что было, я не позабуду,
 У вашихъ ногъ лежать я, молча, буду,
 Слѣдить за вами, въ ткани гробовой,
 Мертвецъ, поднявшій саванъ, и сонный—
 Куда же ты? Не уходи, постой!—
 Не уходи, о призракъ возмущенный!—
 О, выслушай—я говорю съ тобой—
 Что говорю я? Я и самъ не знаю,
 Мой умъ отягощенъ—боюсь, въ немъ бредъ—

Да, ты блѣдна, блѣдна, я это знаю.
 Но ты ушла. Тебя здѣсь больше нѣтъ.
 Ты сдѣлала, что сдѣлать захотѣла,
 И я одинъ.

* * *

«О, слушай, это тѣло
 Тебя своею душой и лаской грѣло,
 А ты была отравною змѣей!
 И между тѣмъ не ты-ль меня искала,
 Не ты-ль зажгла любовью разумъ мой,
 Не ты ли говорила: «Будь со мной!
 Цѣлуй меня, еще, еще, мнѣ мало,
 Боюсь я, что не любишь ты меня!»
 Но я любилъ, любовь меня терзала,
 И я погибъ въ пылу ея огня.
 Свои слова ты сердцемъ позабыла,
 Но вырѣзалась страшная ихъ сила
 Слѣдомъ нетлѣннымъ въ мозгъ у меня,
 И смѣна пытокъ ихъ не побѣдила.

* * *

«Ты говоришь, я гордъ: мои уста
 Трещутъ и кривятся поневолю
 Отъ внутренней невыраженной боли.—
 О, если-бъ въ комъ была такъ занерта
 Самолюбиво-гордая мечта!
 Никто такой цѣной покой не купитъ.
 Вѣдь даже червь, разъ на него наступитъ,
 Взметнется, какъ бы гнѣвъ въ себѣ тая,
 И голову безсилно опускаетъ,
 И корчится въ пыли—и умираетъ?
 И умираетъ, можетъ быть, какъ я?
 О, нѣтъ, живетъ въ смертельной агоніи,
 И между тѣмъ какъ тѣни вырѣзаны
 Растущихъ травъ, какъ знаки для времени,

Мѣняются,—его нѣмыя пытки
 Мѣняясь, не кончаются въ избыткѣ,
 И каждый мигъ томительнаго дня
 Какъ вѣчность для него и для меня.

* * *

«О, если-бъ ты со мною не встрѣчалась,
 Не слышала мой голосъ никогда!
 Объятіемъ моимъ не осквернилась—
 Не говорила мнѣ, что ты всегда
 Моею будешь—если-бъ я руками
 Своими же, какъ изувѣрь-монахъ,
 Исторгъ, съ окровавленными корнями,
 Нервъ жизни, и въ стремительныхъ мечтахъ
 Сердца бы наши, всыхнувъ, не сливались,
 И съ ужасомъ опять не размыкались!—
 Такъ думала, такъ говорила ты.
 То не были мгновенныя черты,
 Глухія подавляемая вспышки,
 Что въ краткомъ отвратительномъ излишкѣ
 Врываются порою къ намъ въ мечты,
 Но не находятъ прочнаго пріюта
 Въ умѣ, гдѣ благородство думъ замкнуто,—
 Ты, какъ печатью, закрѣпила ихъ
 Чудовищностью грубыхъ словъ своихъ,
 И память мнѣ пригнала,—о, да, неложно,
 И мнѣ уже забыть ихъ невозможно.
 Проклітія свои перемѣнай,
 И мнѣ, какъ смѣсь ядовъ, ихъ выпить дай,
 Ихъ слитность будетъ мнѣ—благословенье,
 Какого ты, мою любовь кляня,
 Еще не накликала на меня,—
 Смерть, смерть, ея безмѣрное забвеніе!

«Для самаго жестокаго, когда-бъ
 Способецъ былъ любить жестокій рабъ,
 Ужаснымъ это было-бъ наказаньемъ:

Изъ той любви душевный сдѣлать адъ,
 Наполнить душу злобою, терзаньемъ,
 Презрѣніемъ, тоской, непониманьемъ.
 Но для *меня*, кто, уронивши взглядъ
 На боль чужую, зналъ весь гнетъ печали—
 Какъ будто камни въ душу упали;—
 Кто все кругомъ любилъ и все жалѣлъ,
 Кто могъ стонать, скорбя о томъ мучены,
 Котораго не видать въ отдаленіи
 Другіе,—уносился за предѣлы
 Ближайшаго, и уходилъ далеко
 Нѣжнѣйшимъ взоромъ мысленнаго ока,
 Съ униженнымъ и нищимъ шепъ во тьму,
 И узника сопровождалъ въ тюрьму;—
 Да, для *меня*, для нерва, что трепещетъ
 Отъ золь земли, невидныхъ никому,
 Для пламени, что только лаской блещетъ,—
 Ты накопила для меня чуму!
 Обрушила потокъ проклятій, гнѣва,
 Устами, что шептали мнѣ слова,
 Въ которыхъ нѣжность ласкъ была жива,
 Какъ въ нѣжныхъ звукахъ майскаго напѣва!
 Такъ пусть же не колеблется теперь,
 Кто совершитъ задумалъ злодѣянье
 Чрезмѣрное, безъ слова, безъ названья;
 Пусть будетъ онъ безжалостнымъ, какъ звѣрь,
 Коль хочеть онъ найти примѣръ того же:—
 Тебѣ я въ жизни былъ всего дороже,
 Но ты, жестокимъ взглядомъ жизнь казня,
 Вотъ такъ и такъ смотрѣла на меня,
 Ты такъ и такъ со мною говорила.
 О, я живу, чтобъ показать, чтѣ было,—
 Какъ много можетъ человекъ стерпѣть,
 Какъ можетъ биться—и не умереть!

* * *

«Я знаю, съ искаженнымъ выраженьемъ,
 Ты будешь говорить, что для тебя

Любовь моя явилась омерзеньемъ,
 Когда, меня ужь больше не любя,
 Ты видѣла ее; ты, со своею
 Жестокостью, мнѣ скажешь, какъ я смѣю
 Сказать «люблю»—съ паружностью такой,
 Что если бы еще я былъ другой...
 О, да, твоя насмѣшка сирава,
 Мое лицо, я знаю, некрасиво,
 Природа, въ мигъ созданія меня,
 Не какъ поэтъ явилась въ блескѣ дня.
 Но развѣ для тебя въ томъ оправданье?
 Съ тѣхъ поръ, какъ много лѣтъ тому назадъ,
 Твой взглядъ зажегся, встрѣтивши мой взглядъ,
 И въ первый разъ возникло губъ сліянье,
 Ничто не измѣнилось во мнѣ,
 Но знаю я, любовь сама мѣняетъ
 То, что къ себѣ ее ужь не склоняетъ,
 Что послѣ многихъ мукъ и долгихъ лѣтъ
 Въ ней пробуждаетъ только слово: «Нѣтъ.»

* * *

«О, какъ слова напрасны! Никогда я
 Не думалъ повторить подобныхъ словъ—
 Хотѣлъ, чтобы ихъ сила роковая
 Была во тьмѣ душевныхъ тайниковъ,
 И даже тамъ чтобъ крѣпко эта тайна
 Спала,—но вотъ слова, сверкнувъ случайно,
 Идутъ, сорвавшись, живы, какъ вчера,
 Они глядятъ, растутъ изъ-подъ пера,
 И слышу я отъ слезъ ежеминуто,
 Я плачу и сквозь слезы вижу смутно
 Бездушность буквъ, тиснутъ ихъ на листѣ,
 Они сжигаютъ мозгъ въ больной тоскѣ,
 Въѣдаются въ него и оскверняютъ
 Все мудрое, что времени рука
 Вписала,—и тѣснятъ, и вытѣсняють
 Мечту, хотя мечта и глубока.

«Тотъ, кто другому причиняетъ горе,
 Необходимо долженъ пострадать,
 Онъ видитъ то, что захотѣлъ создать,
 И боль въ отвѣтъ—въ его зажжется взорѣ.
 Въ томъ наша кара.—О мое дитя,
 Хотѣлъ бы я, чтобы твое возмездье
 Уменьшило мучительный свой гнетъ,—
 Для насъ обоихъ, для тебя; но вотъ,
 Ужь не блеснутъ сочувственно созвѣзды,
 И видишь ты, что мракъ ихъ погасилъ,
 Но ихъ для насъ опять зажечь—нѣтъ силъ.
 Проходятъ годы длинной чередою,
 Когда-жъ пройдетъ тотъ похоронный рядъ,
 Гдѣ тынешь за каждымъ тѣнъ съ мечтою
 Погибшей, устремивъ укорный взглядъ,
 Ужель тогда, надъ мертвымъ, надо мною,
 Чья смерть и жизнь была одна тоска,
 Ты не уронишь, другъ мой, ни цвѣтка?»

* * *

«Любовь моя, не бойся, ничего нѣтъ
 Въ душѣ, что я враждою назову;
 И если это сердце горько стонетъ,
 Не для того ли все же я живу,
 Чтобъ ты причины большей для мученья
 Не получила. Слезы за презрѣнье
 Я отдаю тебѣ, одну любовь
 За ненависть; и, чтобъ такой тоскою,
 Какъ скорбный, что растоптанъ былъ тобою,
 Ты не терзалась, плача вновь и вновь,
 Отказываю я себѣ, на много
 Жестокихъ дней, въ томъ безпечальномъ снѣ,
 Гдѣ снѣтъ всѣ скорби, всякая тревога.
 Смотри, не говори же обо мнѣ:
 «Не могъ простить онъ.» Нѣтъ, я здѣсь терзался.
 Но посмотри, совѣмъ я отказался
 Отъ всякихъ человѣческихъ страстей,

Отъ мести и отъ гордости своей;
 Во мнѣ нѣтъ больше ничего дурного
 Ни въ мысляхъ, ни въ поступкахъ, ни въ словахъ;
 Скрывается этотъ пепелъ, этотъ прахъ,
 Вотъ это замирающее слово—
 Последний уголь, свѣтъ того огня,
 Который, жаромъ вспыхнувъ, сжегъ меня.
 Уже вѣетъ темная могила:
 Какъ, ей закрыть, я буду вовсе нѣтъ,—
 О, если-бъ такъ забвеніе покрыло
 Мою печаль, чтобъ я притихъ совсѣмъ!
 Вотъ, воздухъ скрылъ всѣ звуки восклицаній,
 Какъ скорбь взяла все сердце—пусть теперь
 Смерть скорбь возьметъ—и въ жизнь закроетъ дверь.»

Онъ смолкъ, и легъ, помедливъ, на диванѣ,
 Съ печальною улыбкою, и спалъ
 Тяжелымъ сномъ, и грустно, и невнятно
 Во снѣ родное имя называлъ,
 Оплакивая то, что невозвратно,
 И вмѣстѣ съ нимъ, слезъ нашихъ не стыдись,
 Мы плакали. Нѣтъ, никогда взволнованъ
 Такъ не былъ я, какъ въ этотъ скорбный часъ.
 Кто-бъ не былъ скорбью съ этимъ скорбнымъ скованъ!
 Нечеловѣкъ онъ былъ бы.—Кликнувъ слугъ,—
 Забывши о недавнемъ разговорѣ,—
 Мы къ Мадало отправились, и море
 Туманилось и пѣнилось вокругъ,
 Бросая свой налетъ, воздушный пуха.
 Приѣхали къ обѣду. Но вино
 И пища намъ расположеня духа
 Не создали. Въ душѣ у насъ одно
 Стояло—эта тѣнь съ лицомъ несчастнымъ,
 И говорили только мы о немъ,
 Всю ночь, пока на небѣ голубомъ,
 Гася созвѣзды, не зажегся яснымъ
 Сіяніемъ разсвѣтъ,—дневной пожаръ.
 Рѣшили оба мы, что другъ любимый,

Въ жестокости, ему непоправимый
 Нанесъ, и странно-тягостный, ударъ;
 Слѣдная вопіющая измѣна,
 Измѣна послѣ клятвъ, которымъ нѣтъ
 Забвенія; въ этой женщинѣ свой свѣтъ
 Онъ видѣлъ, и для этого онъ изъна
 Какой-то ложью занявша свой умъ,
 Который жилъ лишь въ свѣтѣ правды полной;
 Она ушла, пришли и скрылись волны,
 И онъ остался съ ядомъ этихъ думъ.
 А что еще? Всей глубины несчастья
 Мы не могли представить. У него
 Друзья когда-то были, свѣтъ участя,
 Онъ былъ богатъ, и вотъ нѣтъ ничего.
 Онъ нѣженъ былъ, и зналъ вещей внушенья,
 И онъ лишенъ всего, къ чему привыкъъ,
 Всю красоту, всѣ жизни украшенья
 Все промѣнялъ на хрупкій онъ тростинокъ.
 Его ума изысканныя краски
 Какъ будто не поблекли до сихъ поръ,
 Рѣчь дикая, всѣхъ смутныхъ словъ узоръ—
 Дышали благородствомъ дивной сказки:
 Вложи онъ въ ритмъ стонъ сердца своего,
 Назвали-бъ мы поэзіей его.
 «Злосчастнѣйшіе люди отвѣчаютъ.»
 Сказалъ, я помню, Мадало тогда:
 «На боль дремотой, скорби ихъ качаютъ,
 И спать они, имъ свѣтитъ, какъ звѣзда,
 Поэзія въ недолгихъ сновидѣньяхъ:
 Познавшій въ скорби, учить въ пѣснопѣньяхъ.»

Когда бы я совсѣмъ свободнымъ былъ,
 Съ Венеціей я больше-бъ не расстался,
 Въ плѣнительной надолго бы остался:
 Я такъ поѣздки эти полюбилъ
 На лошади вдоль побережья моря;
 И въ городѣ такая тишина,
 Стукъ не ворвется въ грезу, съ нею споря;

Когда-жъ настанетъ ночь, взойдетъ луна,
 Незримо ото всѣхъ дыша прохладою,
 Спокойно можно въ гондолѣ читать
 Съ ея обычной мѣдною лампадой;
 Здѣсь книги есть, картины, и мечтать
 Предъ статуями можно, есть безсмѣнно
 Та красота, что въ мѣрѣ родилась
 Съ поэзіей святой одновременно,
 Все, что такъ въ городахъ плѣняетъ насъ,
 И для чего почти безъ сожалѣнья
 Бросаемъ мы полей уединенья.
 Въ чарующемъ палаццо Мадало
 Я могъ сидѣть безъ горя и тревоги,
 И въ немъ, какъ въ зачарованномъ чертогѣ,
 Немало-бъ зимнихъ вечеровъ прошло
 Въ утонченности стройныхъ разсужденій,
 И смыслъ ихъ, знаю я, помогъ бы мнѣ
 Понять себя; въ привѣтливомъ огнѣ,
 Въ каминѣ, трепетали-бъ въ краскахъ тѣни,
 Сверканіемъ дрожащихъ отраженій
 Мѣняя наши лица, до тѣхъ поръ
 Пока бы день, забрезживъ, не явился
 Напоминаньемъ, озаривъ просторъ
 Лазури,—и тогда бъ я удивился,
 Что я еще все здѣсь съ мечтой своей.
 Все это такъ. То было бы мечтаньемъ
 Заманчивымъ—продлить здѣсь сказку дней.
 Но въ Лондонѣ оставилъ я друзей.
 Особенно я былъ плѣненъ желаньемъ,
 Что, вставши разъ, не уходило прочь:
 Желаніемъ безумному помочь.
 Быть можетъ, эта мысль была и праздною,
 Но мнѣ казалось, будь я съ нимъ всегда,
 Въ тоскѣ, въ игрѣ часовъ однообразной,—
 Его бы могъ я излѣчить тогда;
 Когда бъ въ его я сердцѣ всѣ біенья
 Съ вниманьемъ неослабнымъ изучилъ,
 Какъ тѣ, что изучаютъ съ пыломъ рвенья

Искусство, не щадя духовныхъ силъ,
 Когда бы мощью своего терпѣнья
 Вошелъ я въ лабиринтъ его ума,
 Душевная въ немъ просвѣтлѣла-бъ тьма.
 Я въ дружбѣ счастливъ былъ, но никогда я
 Не видѣлъ никого, кому бы я
 Охотно такъ, всю душу открывая,
 Сказалъ «Мой другъ». Но эта мысль моя
 Осталась не свершенною. Влеченья
 Подобныя приходятъ иногда,
 На людяхъ и въ тиши уединенья,
 Не оставляя въ памяти слѣда.—
 Одно скажу: живое впечатлѣнье
 Того, что я хотѣлъ, на много лѣтъ
 Оставило во мнѣ свой прочный слѣдъ.
 — Огзованный какими-то дѣлами,
 Венецію тогда покинулъ я.—

И дни прошли. И годы за годами.
 И многое въ картинѣ бытія
 Перемѣнилось. Я вернулся—спова,
 На это мѣсто мертваго Былого.
 Венеція Венеціей звалась,
 И видъ ея, какъ былъ, такъ и остался.
 Но Мадало не встрѣтилъ я въ тотъ часъ,
 Онъ гдѣ-то тамъ въ Арменіи скитался.
 Давно его собака умерла.
 А дочь его, что дѣвочкой была,
 Стать женщиной успѣла,—да, одною
 Изъ тѣхъ немногихъ, что случилось мнѣ
 Увидѣть на землѣ какъ бы во снѣ,—
 Какъ чудо, какъ звѣзду надъ мглой земною,
 Какъ будто бы она вступила въ мѣръ
 Одной изъ тѣхъ, о комъ мечталъ Шекспиръ.
 Съ привѣтливостью, съ лаской безконечной,
 Съ вниманьемъ, тонко-нѣжнымъ безъ конца,
 Она была особенно сердечной

Со мной, какъ съ другомъ своего отца.
 Когда я о безумцѣ томъ несчастномъ
 Ее спросить, припомнила она
 Разсказать,—какъ въ очертаніи неясномъ
 Онъ отъ другихъ былъ переданъ. Грустна
 Была та повѣсть: «Минуло два года,
 Въ здоровьи сильно пошатнулся онъ,
 Ударамъ пытокъ поддалась природа;
 И сбился, наконецъ, желанный сонъ:
 Она къ нему вернулась. Съ видомъ властнымъ,
 Но съ духомъ присмирѣвшимъ; можетъ быть,
 Зовъ совѣсти, съ своимъ огнемъ ужаснымъ,
 Велѣлъ ей тихой стать и вновь любить.
 Присутствіемъ ея преображенный,
 Поправился больной, и много дней
 У моего отца жилъ вмѣстѣ съ ней.
 Я жизнь ихъ вижу, точно повторенной.
 Лѣтъ шесть, я помню, было мнѣ тогда;
 Я помню, какъ ея играла шалью.
 Они разстались все же, навсегда.»—

—«Какъ! и она смертельною печалью
 Не задохнулась? Какъ все порвалось?»

«Что-жь, развѣ не довольно? Повстрѣчались,
 Разстались. Безполезенъ твой вопросъ.»
 —«Дитя! И это все?»

«Нѣтъ, совершались
 И совершились вещи, въ чемъ уму
 Казалось яснымъ это *почему*:
 Какъ встрѣтились они и какъ разстались;—
 Но, если ты не хочешь, чтобъ изъ глазъ
 Усталыхъ пали слезы на морщины,
 Не спрашивай; свѣтъ жизни ихъ погасъ,
 Вонъ тамъ ихъ скрылъ навѣки гробъ единый,
 Запечатлѣнъ молчаньемъ память лѣтъ,

Что отошли, и молча стерли слѣдъ.»
 Я былъ настойчивъ, и мое желанье
 Исполнила она—но тотъ разсказъ
 Не для толпы, и я на этотъ разъ
 Кончаю здѣсь мое повѣствованье.

1819.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

ЛИРИЧЕСКАЯ ДРАМА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Audisne haec, Amphiarae, sub ter-
ram abdite?
Слышишь ли ты это, Амфіарей, скры-
тый подъ землею?

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Греческіе трагики, заимствуя свои замыслы изъ отечественной исторіи или мифологіи, при разработкѣ ихъ соблюдали извѣстный сознательный произволь. Они отнюдь не считали себя обязанными держаться общепринятаго толкованія, или подражать, въ повѣствованіи и въ заглавіи, своимъ соперникамъ и предшественникамъ. Подобный пріемъ привелъ бы ихъ къ отреченію отъ тѣхъ самыхъ цѣлей, которыя служили побудительнымъ мотивомъ для творчества, отъ желанія достигъ превосходства надъ своими соперниками. Исторія Агамемнона была воспроизведена на Аѳинской сценѣ съ такимъ количествомъ видоизмѣненій, сколько было самыхъ драмъ.

Я позволилъ себѣ подобную же вольность. *Освобожденный Прометей* Эсхила предполагалъ примиреніе Юпитера съ его жертвой, какъ отплату за разоблаченіе опасности, угрожавшей его власти отъ вступленія въ бракъ съ Фетидой. Согласно съ такимъ разсмотрѣніемъ замысла, Фетида была дана въ супруги Пелею, а Прометей, съ соизволенія Юпитера, былъ освобожденъ отъ плѣнничества Геркулесомъ. Если-бъ я построилъ мой рассказъ по этому плану, я не сдѣлалъ бы ничего иного, кромѣ попытки возстановить утраченную драму Эсхила, и если бы даже мое предпочтеніе къ этой формѣ разработки сюжета побудило меня лелѣть такой честолюбивый замыселъ, одна мысль о дерзкомъ сравненіи, которую вызвала бы подобная попытка, могла пресѣчь ее. Но, говоря правду, я испытывалъ отвращеніе къ такой слабой развязкѣ, какъ примиреніе Поборника челоуѣчества съ его Утѣшителемъ. Моральный интересъ вымысла, столь мощнымъ образомъ поддерживаемый страданіемъ и непреклонностью Прометея, исчезъ бы, если-бъ мы могли себѣ представить, что онъ отказался отъ своего гордаго языка и робко преклонился передъ торжествующимъ и коварнымъ противникомъ. Единственное созданіе воображенія, сколько-нибудь похожее на Про-

метея, это Сатана, и на мой взглядъ Прометей представляетъ изъ себя болѣе поэтической характеръ, тѣмъ Сатана, такъ какъ,—не говоря уже о храбрости, величіи и твердомъ сопротивленіи всемогущей силѣ,—его можно представить себѣ лишеннымъ тѣхъ недостатковъ честолюбія, зависти, мстительности, и жалды возвеличенія, которые въ Героѣ *Потеряннаго Рая* вступаютъ во вражду съ интересомъ. Характеръ Сатаны порождаетъ въ умѣ вредную казуистику, заставляющую насъ сравнивать его ошибки съ его несчастіями и извинять первыя потому, что вторыя превышаютъ всякую мѣру. Въ умахъ тѣхъ, кто разсматриваетъ этотъ величественный замыселъ съ религіознымъ чувствомъ, онъ порождаетъ нѣчто еще худшее. Между тѣмъ Прометей является типомъ высшаго нравственнаго и умственнаго совершенства, повинующимся самымъ чистымъ, безкорыстнымъ побужденіямъ, которыя ведутъ къ самымъ прекраснымъ и самымъ благороднымъ цѣлямъ.

Данная поэма почти цѣликомъ была написана на горныхъ развалинахъ Термъ Каракаллы, среди цвѣтущихъ прогалищъ и густыхъ кустарниковъ, покрытыхъ пахучими цвѣтами, что распространяются въ видѣ все болѣе и болѣе запутанныхъ лабиринтовъ по огромнымъ террасамъ и головокружительнымъ аркамъ, висящимъ въ воздухѣ. Яркое голубое небо Рима, вліяніе пробуждающейся весны, такой могучей въ этомъ божественномъ климатѣ, и новая жизнь, которой она оупьяняетъ душу, были вдохновеніемъ этой драмы.

Образы, разработанные мною здѣсь, во многихъ случаяхъ извлечены изъ области движеній челоуѣческаго ума, или изъ области тѣхъ виѣшнихъ дѣйствій, которыми они выражаются. Въ современной поэзіи это пріемъ необычный, хотя Данте и Шекспиръ полны подобныхъ примѣровъ,—и Данте болѣе, чѣмъ кто-либо другой, и съ наибольшимъ успѣхомъ, прибѣгалъ къ данному пріему. Но Греческіе поэты, какъ писатели, знавшіе рѣшительно о всѣхъ средствахъ пробужденія сочувствія въ сердцахъ современниковъ, пользовались этимъ сильнымъ рычагомъ часто. Пусть же мои читатели припишутъ эту особенность изученію созданія Элллады, потому что въ какой-нибудь другой, болѣе высокой, заслуживъ мнѣ, вѣроятно, будетъ отказано.

Я долженъ сказать нѣсколько чистосердечныхъ словъ относительно той степени, въ которой изученіе современныхъ произведеній могло повліять на мою работу, ибо именно такой упрекъ дѣлался

относительно поэмъ гораздо болѣе извѣстныхъ, чѣмъ моя, и, несомнѣнно, заслуживающихъ гораздо большей извѣстности. Невозможно, чтобы человѣкъ, живущій въ одну эпоху съ такими писателями, какъ тѣ, что стоятъ въ первыхъ рядахъ нашей литературы, могъ добросовѣстно утверждать, будто его языкъ и направленіе его мыслей могли не претерпѣть измѣненій отъ изученія созданій этихъ исключительныхъ умовъ. Достоверно, что если не характеръ ихъ генія, то формы, въ которыхъ онъ сказался, обязаны не столько ихъ личнымъ особенностямъ, сколько особенностямъ моральнаго и интеллектуальнаго состоянія тѣхъ умовъ, среди которыхъ они создались. Извѣстное число писателей такимъ образомъ обладаетъ внѣшней формой, но имъ недостаетъ духа тѣхъ, кому будто бы они подражаютъ; дѣйствительно, форма есть какъ бы принадлежность эпохи, въ которую они живутъ, а духъ долженъ являться самопроизвольно вспышкой ихъ собственнаго ума.

Особенный стиль, отличающій современную Англійскую литературу, — напряженная и выразительная фантастичность, — если его разсматривать, какъ силу общую, не былъ результатомъ подражанія какому-нибудь отдѣльному писателю. Масса способностей во всякій періодъ остается, въ сущности, одной и той же; обстоятельства, пробуждающія ее къ дѣятельности, непрерывно мѣняются. Если-бъ Англія была раздѣлена на сорокъ республикъ, причемъ каждая по размѣрамъ и населенію равнялась бы Афинамъ, нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что, при учрежденіяхъ не болѣе совершенныхъ, чѣмъ учрежденія Афинскія, каждая изъ этихъ республикъ создала бы философовъ и поэтовъ равныхъ тѣмъ, которые никогда не были превзойдены, если только мы исключимъ Шекспира. Великимъ писателямъ золотого вѣка нашей литературы мы обязаны пламеннымъ пробужденіемъ общественнаго мнѣнія, низвергнувшимъ наиболее старыя и наиболее притѣснительныя формы ортодоксальныхъ предразсудковъ. Мильтону мы обязаны ростомъ и развитіемъ того же самаго духа: пусть вѣчно помнить, что священный Мильтонъ былъ республиканцемъ и смѣлымъ изслѣдователемъ въ области морали и религіи. Великіе писатели нашей собственной эпохи, какъ мы имѣемъ основаніе предполагать, являются создателями и предшественниками какой-то неожиданной перемѣны въ условіяхъ нашей общественной жизни, или въ мнѣніяхъ, являющихся для нихъ цементомъ. Умы сложились въ тучу, она разряжается своей много-

сложной молніей, и равновѣсіе между учрежденіями и мнѣніями теперь восстанавливается, или близко къ восстановленію.

Что касается подражанія, поэзія есть искусство мимическое. Она создаетъ, но она создаетъ посредствомъ сочетаній и изображеній. Поэтическія отвлеченія прекрасны и новы, не потому, что составныя ихъ части не имѣли предварительнаго существованія въ умѣ человѣка или въ природѣ, а потому, что все въ цѣломъ, будучи создано ихъ сочетаніемъ, даетъ нѣкоторую мыслимую и прекрасную аналогію съ этими источниками мысли и чувства, и съ современными условіями ихъ развитія: великій поэтъ представляетъ изъ себя образцовое созданіе природы, и другой поэтъ не только долженъ его изучать, но и непрерывно изучаетъ. Если бѣ онъ рѣшился исключить изъ своего созерцанія все прекрасное, что существуетъ въ произведеніяхъ какого-нибудь великаго современника, это было бы такъ же неразумно и такъ же трудно, какъ приказывать своему уму не быть болѣе зеркаломъ всего прекраснаго, что есть въ природѣ. Такая задача была бы пустымъ притязаніемъ для каждаго, кромѣ самаго великаго, и даже у него въ результатѣ получились бы напряженность, неестественность и безсиліе. Поэтъ представляетъ изъ себя сочетаніе извѣстныхъ внутреннихъ способностей, измѣняющихъ природу другихъ, и извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній, возбуждающихъ и поддерживающихъ эти способности; онъ является такимъ образомъ олицетвореніемъ не одного недѣльнаго, а двухъ. Въ этомъ отношеніи каждый человѣческій умъ измѣняется подъ воздѣйствіемъ всѣхъ предметовъ природы и искусства, подъ воздѣйствіемъ всякаго слова, великаго внушенія, которому онъ позволилъ вліять на свое сознаніе; онъ — какъ зеркало, гдѣ отражаются всѣ формы, сочетаясь въ одну. Поэты, такъ же какъ философы, живописцы, ваятели и музыканты, являются въ одномъ отношеніи творцами своей эпохи, въ другомъ — ея создателями. Отъ такой подчиненности не могутъ уклониться даже высшіе умы. Есть извѣстное сходство между Гомеромъ и Гезіодомъ, Эсхиломъ и Эврипидомъ, Виргиліемъ и Горациемъ, Данте и Петраркой, Шекспиромъ и Флетчеромъ, Драйденомъ и Пономъ; въ каждомъ изъ нихъ есть общія родовая черта, подъ господствомъ которой образуются ихъ личныя особенности. Если такое сходство есть слѣдствіе подражанія, охотно признаюсь, что я подражалъ.

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы засвидѣтельствовать, что

мною руководило чувство, которое Шотландскій философъ весьма мѣтко опредѣлялъ, какъ «страстное желаніе преобразовать міръ». Какая страсть побуждала его написать и опубликовать свою книгу, этого онъ не объясняетъ. Что касается меня, я предпочелъ бы скорѣе быть осужденнымъ вмѣстѣ съ Платономъ и Лордомъ Бэкономъ, чѣмъ быть въ Небесахъ вмѣстѣ съ Палесемъ и Мальтусомъ. Однако, было бы ошибкой предполагать, что я посвящаю мои поэтическія произведенія единственной задачѣ—усиливать непосредственно духъ преобразованій, или что я смотрю на нихъ, какъ на произведенія, въ той или иной степени содержащія какую-нибудь, созданную разсудкомъ, схему человѣческой жизни. Дидактическая поэзія мнѣ отвратительна; то, что можетъ быть одинаково хорошо выражено въ прозѣ, въ стихахъ является претенціознымъ и противнымъ. Моею задачею до сихъ поръ было—дать возможность наиболѣе избранному классу читателей съ поэтическимъ вкусомъ обогатить утонченное воображеніе идеальными красотами нравственнаго превосходства; я знаю, что до тѣхъ поръ пока умъ не научится любить, преклоняться, вѣрить, надѣяться, добиваться, разсудочныя основы моральнаго поведенія будутъ сѣменами, брошенными на торную дорогу жизни, и беззаботный путникъ будетъ топтать ихъ, хотя они должны были бы принести для него жатву счастья. Если-бъ мнѣ суждено было жить для составленія систематическаго повѣствованія о томъ, что представляется мнѣ неподдѣльными элементами человѣческаго обществія, защитники несправедливости и суевѣрія не могли бы льстить себя тою мыслью, будто Эхила я беру охотнѣе своимъ образцомъ, нежели Платона.

Говоря о себѣ съ свободой, чуждой аффектаціи, я не нуждаюсь въ самозащитѣ передъ лицомъ людей чистосердечныхъ; что касается иныхъ, пусть они примутъ во вниманіе, что, искажая вещи, они оскорбятъ не столько меня, сколько свой собственный умъ и свое собственное сердце. Какимъ бы талантомъ ни обладалъ человѣкъ, хотя бы самымъ ничтожнымъ, онъ обязанъ имъ пользоваться, разъ этотъ талантъ можетъ сколько-нибудь служить для развлеченія и поученія другихъ: если его попытка окажется неудавшейся, несовершенная задача будетъ для него достаточнымъ наказаніемъ; пусть же никто не утруждаетъ себя, громоздя надъ его усиліями прахъ забвенія; куча пыли въ этомъ случаѣ укажетъ на могилу, которая иначе осталась бы неизвѣстной.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Прометей.	Азія.	} Океаниды.
Демогоргонъ.	Пантея.	
Юпитеръ.	Іона.	
Земля.	Призракъ Юпитера.	
Океанъ.	Духъ Земли.	
Аполлонъ.	Духъ Луны.	
Меркурій.	Духи Часовъ.	
Геркулесъ.	Духи, Отзвуки Эхо, Фавны, Фурии.	

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена: Индійскій Кавказъ, ущелье среди скалъ, покрытыхъ льдомъ. Надъ пропастью прикованъ Прометей. Пандей и Иона сидятъ у его ногъ.—Ночъ. По мѣрѣ развитія сцены медленно занимается разсвѣтъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Монархъ Боговъ и Демоновъ могучихъ,
 Монархъ всѣхъ Духовъ, кромѣ Одного!
 Передъ тобой—блестящія свѣтила,
 Несчетныя летучіе міры;
 Изъ всѣхъ, кто живъ, кто дышетъ, только двое
 На нихъ глядятъ бессонными очами:
 Лишь ты и я! Взгляни съ высотъ на Землю,
 Смотри, тамъ нѣтъ числа твоимъ рабамъ.
 Но что-жь ты имъ дашь за ихъ молитвы,
 За всѣ хвалы, колѣнопреклоненья,
 За гекатомбы гибнущихъ сердець?
 Презрѣнье, страхъ, бесплодную надежду.
 И въ ярости слѣпой ты мнѣ, врагу,
 Далъ царствовать въ триумфѣ безконечномъ
 Надъ собственнымъ моимъ несчастьемъ горькимъ,
 Надъ мстью неудавшейся твоей.
 Три тысячи какъ будто вѣчныхъ лѣтъ,
 Исполненныхъ бессонными часами,
 Мгновеньями такихъ жестокихъ пытокъ,
 Что каждый мигъ казался дольше года,—
 Сознаніе, что нѣтъ нигдѣ пріюта,
 И боль тоски, отчаянья, презрѣнья—
 Вотъ царство, гдѣ царить досталось мнѣ.
 Въ немъ больше славы, вѣчной и лучистой,

Чѣмъ тамъ, гдѣ ты царишь на пышномъ тронѣ,
 Котораго я не взялъ бы себѣ.
 Могучій Богъ, ты былъ бы Всемогущимъ,
 Когда бы я съ тобою сталъ дѣлать
 Позоръ твоей жестокой тиранніи,
 Когда бы здѣсь теперь я не висѣлъ,
 Прикованный къ стѣнѣ горы гигантской,
 Смѣющейся надъ дерзостью орла,
 Безмѣрной, мрачной, мертвенно-холодной,
 Лишенной травъ, животныхъ, насѣкомыхъ,
 И формъ и звуковъ жизни. Горе мнѣ!
 Тоска! Тоска всегда! Тоска навѣки!

Ни отдыха, ни проблеска надежды,
 Ни ласки сна! И все же я терплю.
 Скажи, Земля, граниту горъ не больно?
 Ты, Небо, ты, всевидящее Солнце,
 Скажите, эти пытки вамъ не видны?
 Ты, Море, область бурь и тихихъ сновъ,
 Небесъ далекихъ зеркало земное,
 Скажи, ты было глухо до сихъ поръ,
 Не слышало стenanій агоніи?
 О, горе мнѣ! Тоска! Тоска навѣки!

Меня тѣснятъ враждебно ледники,
 Пронзаютъ остріемъ своихъ кристалловъ,
 Морозно-лунныхъ; цѣпи, точно змѣи,
 Въѣдаются, сжимаютъ до костей
 Объятіемъ—и жгучимъ, и холоднымъ.
 Нѣмыхъ Небесъ крылатая собака
 Нечистымъ клопомъ, дышущимъ отравой,
 Огнями яда, даннаго тобою,
 Въ груди моей на части сердце рветъ;
 И полчища видѣній безобразныхъ,
 Исчадія угрюмой сферы сновъ,
 Вокругъ меня сбирается съ насмѣшкой;
 Землетрясенія демонамъ свирѣпымъ
 Довѣрена жестокая забава—

Изъ ранъ моихъ дрожащихъ дергать гвозди,
 Когда за мной стѣна бездушныхъ скалъ
 Раздвинется, чтобъ тотчасъ вновь сомкнуться;
 Межъ тѣмъ какъ духи бурь изъ безднъ гудящихъ
 Торопятъ дикимъ воемъ ярость вихря,
 Вѣдутъ, слѣшать нестройною толпой,
 И бьютъ меня, и хлещутъ острымъ градомъ.

И все же мнѣ желанны день и ночь,
 Блѣднѣть ли туманъ сѣдого утра,
 Покорный свѣту солнечныхъ лучей,
 Восходить ли по тусклому Востоку,
 Межъ тучъ свинцовыхъ, Ночь въ одеждѣ звѣздной,
 Медлительна и грустно-холодна,—
 Они влекутъ семью часовъ безкрылыхъ,
 Ползучую лѣнивую толпу,
 И между ними будетъ часъ урочный,
 Тебя онъ свергнетъ, яростный Тиранъ,
 И вынудитъ—стереть лобзаниемъ жаднымъ
 Потоки крови съ этихъ блѣдныхъ ногъ,
 Хотя они тебя топтать не будутъ,
 Такимъ рабомъ потеряннымъ гнушаясь.
 Гнушаясь? Нѣтъ, о, нѣтъ! Мнѣ жаль тебя.
 Какъ будешь ты ничтожно-беззащитенъ,
 Какая гибель будетъ властно гнать
 Отверженца въ бездонныхъ сферахъ Неба!
 Твоя душа, растерзанная страхомъ,
 Откроется, зіяя точно адъ!
 Въ моихъ словахъ нѣтъ гнѣва, много скорби,
 Ужь больше я не въ силахъ ненавидѣть:
 Сквозь тьму скорбей я къ мудрости пришелъ.
 Когда-то я дышалъ проклятьемъ страшнымъ,
 Теперь его хотѣлъ бы я услышать,
 Чтобъ взять его назадъ. Внемлите, Горы,
 Чье Эхо чары горькаго проклятья
 Разсыпало, развѣяло кругомъ,
 Гремя стозвучно въ хорѣ водонадовъ!
 О, льдистые холодные Ключи,

Покрытые морщинами Мороза,
 Вы дрогнули, услышавши меня,
 И съ трепетомъ тогда сползла съ утесовъ,
 По Индіи поспѣшно потекли!
 Ты, ясный Воздухъ, гдѣ блуждаетъ Солнце,
 Пылая безъ лучей! И вы, о Вихри,
 Безгласно вы повисли между скалъ,
 Съ безжизненно-застывшими крылами,
 Вы замерли надъ пропастью притихшей,
 Межъ тѣмъ какъ громъ, что былъ сильный, чѣмъ вангъ,
 Заставилъ мѣръ земной дрожать со стономъ!
 О, если тѣ слова имѣли власть,—
 Хоть зло во мнѣ теперь навѣкъ погасло,
 Хоть ненависти собственной моей
 Я болѣе не помню,—все-жъ прошу васъ,
 Молю, не дайте имъ теперь погибнуть!
 Въ чемъ было то проклятіе? Скажите!
 Вы слушали, вы слышали тогда!

первый голосъ: изъ горъ.

Много дней и ночей, трижды триста вѣковъ
 Наполнялись мы лавой кипучей,
 И, какъ люди, подъ бременемъ тяжкихъ оковъ,
 Содрогались толпою могучей.

второй голосъ: отъ источниковъ.
 Насъ пронзали стремительныхъ молній огни,
 Осквернились мы горькою кровью.
 И внимали стенающимъ свирѣбой рѣзни,
 И дивились людскому злословью.

третій голосъ: изъ воздуха.
 Съ первыхъ дней бытія надъ землею молодой
 Я блистала по высотамъ и склонамъ,
 И не разъ и не два мой покой золотой
 Былъ смущенъ укороженнымъ стономъ.

четвертый голосъ: отъ вихрей.
 У подножія горъ мы крутились вѣка,
 Мы внимали громовымъ ударамъ.

И смотрѣли, какъ лавы несется рѣка
 Изъ вулкановъ, объятыхъ пожаромъ.
 Не умѣли молчать и, чтобъ вѣчно звучать,
 Мы желаньемъ ломали Безмолвья печать,
 Отдаваясь ликующимъ чарамъ.

первый голосъ.

Но лишь однажды ледники
 До основанья пошатнулись,
 Когда мы съ ужасомъ согнулись
 Въ отвѣтъ на крикъ твоей тоски.

второй голосъ.

Всегда стремясь къ пустынь Моря,
 Одинъ лишь разъ во тѣмъ время
 Промчали мы протяжный стогъ
 Нечеловѣческаго горя.
 И вотъ морякъ, на дѣль лавы
 Лежавшій въ сонномъ забытѣ,
 Услышалъ ревъ пучины шумной,
 Вскочилъ,—и, вскрикнувъ: «Горе мнѣ!»—
 Онъ въ Море бросился, безумный,
 И скрылся въ черной глубинѣ.

третій голосъ.

Внимая страшнымъ заклинающимъ,
 Былъ такъ истерзанъ сводъ Небесъ,
 Что между порванныхъ завѣсъ
 Рыданья вторили рыданьямъ;
 Когда жъ лазурь сомкнулась вновь,
 По небу выступила кровь.

четвертый голосъ.

А мы ушли къ высотамъ спящимъ
 И тамъ дыханьемъ леденящимъ
 Сковали шумный водопадъ;
 Въ пещеры льдистыя бѣжали
 И тамъ испуганно дрожали,
 Глядя впередъ, глядя назадъ;
 Отъ изумленья и печали,

Мы все молчали, мы молчали,
Хотя для нас молчанье—адъ.

ЗЕМЛЯ.

Неровныхъ скалъ безгласныя Пенцеры
Тогда вскричали: «Горь!» Сводъ Небесъ
Отвѣтилъ имъ протяжнымъ воплемъ: «Горь!»
И волны Моря, пурпуромъ покрывшись,
Карабкались на землю съ громкимъ воемъ,
Толпа вѣтровъ хлестала ихъ бичомъ,
И блѣдные дрожащія народы
Внимали долгій возгласъ: «Горь! Горь!»

ПРОМЕТЕЙ.

Я слышу смутный говоръ голосовъ,
Но собственный мой голосъ дней далекихъ
Не слышенъ мнѣ. О мать моя, зачѣмъ
Глумишься ты съ толпой своихъ созданій
Надъ тѣмъ, безъ чьей все выносящей воли
Исчезла бѣ ты съ семьей своихъ дѣтей
Подъ бѣшенствомъ свирѣпаго Тирана,
Какъ легкій дымъ незримо исчезаетъ,
Развѣянный дыханіемъ вѣтровъ.
Скажи мнѣ, вы не знаете—Титана,
Кто въ горечи своихъ терзаній жгучихъ
Нашелъ преграду вашему врагу?
Вы, горныя зеленныя долины,
Источники, питаемые снѣгомъ,
Чуть видныя глубоко подо мной,
Лѣсовъ тѣнистыхъ смутныя громады,
Гдѣ съ Азіей когда-то я бродилъ,
Встрѣчая жизнь въ ея глазахъ любимыхъ,—
Зачѣмъ теперь тотъ духъ, что васъ живитъ,
Глушается бесѣдовать со мною?
Со мною, кто одинъ вступилъ въ борьбу
И всталъ лицомъ къ лицу съ коварной сплю
Властителя заоблачныхъ высотъ.
Насмѣшливо глядящаго на Землю,

Гдѣ стонами измученныхъ рабовъ
Наполнены безбрежныя пустыни.
Зачѣмъ же вы безмолвствуете? Братья!
Дадите ли отвѣтъ?

ЗЕМЛЯ.

Они не смѣютъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Но кто жъ тогда посмѣетъ? Я хочу
Опять услышать звуки заклинанья.
А! Что за страшный попотъ пробѣгалъ.—
Встаютъ, растутъ! Какъ будто стрѣлы молній
Дрожать, готовясь бурно разразиться.
Стихійный голосъ Духа смутно шепчетъ,
Онъ близится ко мнѣ, я съ нимъ сливаюсь.
Скажи мнѣ, Духъ, какъ проклялъ я его?

ЗЕМЛЯ.

Какъ можешь ты услышать голосъ мертвыхъ?

ПРОМЕТЕЙ:

Ты—Духъ живой. Скажи, какъ жизнь сама
Сказала бы, ведя со мной бесѣду.

ЗЕМЛЯ.

Я знаю рѣчь живыхъ, но я боюсь,—
Жестокій Царь Небесъ меня услышитъ
И въ ярости привяжетъ къ колесу
Какой-нибудь свирѣпой новой пытки,
Большій, чѣмъ та, которую терплю.
Въ тебѣ добро, ты можешь все постигнуть,
Твоя любовь свѣтла,—и, если Боги
Не слышатъ этотъ голосъ,—ты услышишь,
Ты болѣе, чѣмъ Богъ,—ты мудрый, добрый:
Такъ слушай же внимательно теперь.

ПРОМЕТЕЙ.

Какъ сумрачныя тѣни, быстрымъ роємъ,
Въ моемъ умѣ встаютъ и таютъ мысли,
И вновь трепещутъ страшною толпой.

Я чувствую, что все во мнѣ смѣшалось,
 Какъ въ томъ, кто слился съ кѣмъ-нибудь въ объятьи;
 Но въ этомъ нѣтъ восторга.

ЗЕМЛЯ.

Нѣтъ, о, нѣтъ,—

Услышать ты не можешь, ты безсмертенъ,
 А эта рѣчь понятна только тѣмъ,
 Кто долженъ умереть.

ПРОМЕТЕЙ.

Печальный Голосъ!

Но кто же ты?

ЗЕМЛЯ.

Я мать твоя, Земля.

Та, въ чьей груди, въ чьихъ жилахъ каменистыхъ,
 Во всѣхъ мельчайшихъ фибрахъ,—до листовъ,
 Трепещущихъ на призрачныхъ вершинахъ
 Деревьевъ высочайшихъ,—билась радость,
 Какъ будто кровь въ живомъ и тепломъ тѣлѣ,
 Когда отъ этой груди ты воспрянулъ,
 Какъ духъ кипучій радости живой,
 Какъ облако, пронизанное солнцемъ!
 И внявъ твой голосъ, всѣ мои сыны
 Приподняли измученныя лица,
 Покрытыя обычной грязной пылью,
 И нашъ Тиранъ, жестокий и всевластный,
 Въ испугѣ жгучемъ сталъ дрожать, блѣднѣть,
 Пока не грянулъ громъ ему въ защиту,
 И ты, Титанъ, прикованъ былъ къ скалѣ.
 И вотъ взгляни на эти миллионы
 Мировъ, что мчатся въ пляскѣ круговой,
 Со всѣхъ сторонъ пылая вѣчнымъ блескомъ:
 Ихъ жители, взирая на меня,
 Увидѣли, что свѣтъ мой гаснетъ въ Небѣ;
 И встало Море съ ропотомъ протяжнымъ,
 Приподнятое властью странной бури;
 И столбъ огня, невиданнаго прежде,
 Подъ гнѣвомъ Неба всталъ изъ снѣжныхъ горъ,
 Тряса своей мохнатой головою;

Въ равнинахъ былъ Потопъ—и стрѣлы Молній,
 Цвѣли волчцы средь мертвыхъ городовъ;
 Въ чертогахъ жабы ползали, и пала
 Чума на человѣка и звѣрей
 И на червей, а съ ней явился Голодь;
 И черный вередъ глянулъ на растеньяхъ;
 И тамъ, гдѣ прежде нѣжились хлѣба,
 И тамъ, гдѣ виноградникъ былъ и травы,
 Мелькнули ядовитые цвѣты,
 И сорною толпой зашевелились,
 И высосали грудь мою корнями,
 И грудь моя изсохла отъ тоски;
 Мое дыханье,—воздухъ уточненный,—
 Мгновенно потемнѣло, запятналось
 Той ненавистью жгучей, что возникла
 У матери къ врагу ея дѣтей,
 Къ врагу ея возлюбленнаго чада;
 Я слышала проклятiе твое,
 И если ты теперь его не помнишь,—
 Мои моря, пенцеры, сонмы горъ,
 Мои ручьи, и тотъ далекий воздухъ,
 И вѣтры, и несчетныя громады
 Невнятно говорящихъ мертвецовъ
 Хранятъ его, какъ талисманъ завѣтный.
 Мы въ радованьи тайномъ размышляемъ,
 Надѣемся на страшныя слова,
 Но вымолвить не смѣемъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Мать моя!

Все, что живетъ, что бьется и страдаетъ,
 Находить утѣшенье у тебя,
 Цвѣты, плоды, и радостные звуки,
 И сладкую, хоть бѣлую, любовь;
 Не мой удѣлъ—извѣдать это счастье,
 Но я свои слова прошу назадъ,
 Отдай ихъ мнѣ, молю, не будь жестокой.

ЗЕМЛЯ.

Ты долженъ ихъ услышать. Такъ внимай же!
 Въ тѣ дни, какъ не былъ прахомъ Вавилонъ,
 Мой мудрый сынъ, кудесникъ Зороастръ,
 Въ саду блуждая, встрѣтилъ образъ свой.
 Изъ всѣхъ людей одинъ лишь онъ увидѣлъ
 Видѣніе такое. Знай, что есть
 Два міра: жизни міръ и блѣдной смерти.
 Одинъ изъ нихъ ты видишь, созерцаешь,
 Другой сокрытъ въ глубинахъ преисподнихъ,
 Въ туманномъ обиталищѣ тѣней
 Всѣхъ формъ, что дышуть, чувствуютъ, и мыслятъ.
 Покуда смерть ихъ вмѣстѣ не сведетъ
 Навѣкъ туда, откуда нѣтъ возврата.
 Тамъ сны людей, ихъ свѣтлыя мечтанья,
 И все, чему упорно сердце вѣрить,
 Чего надежда ждетъ, любовь желаетъ;
 Толпы видѣній, образовъ ужасныхъ,
 Возвышенныхъ, и странныхъ, и тающихъ
 Гармонію спокойной красоты;
 Въ тѣхъ областяхъ и ты видишь, какъ призракъ
 Страданьемъ искаженный, между горъ,
 Гдѣ бурные гнѣздятся ураганы;
 Всѣ боги тамъ, всѣ царственные силы
 Міровъ неизреченныхъ, соимы духовъ,
 Тѣней огромныхъ, властью облеченныхъ,
 Герои, люди, звѣри; Демогоргоны,
 Чудовищнаго мрака воплощенье;
 И онъ, Тиранинъ верховный, на престолѣ
 Огнисто-золотомъ. Узнай, мой сынъ,
 Одинъ изъ этихъ призраковъ промолвитъ
 Слова проклятья, памятнаго всѣмъ,—
 Какъ только воззовешь протяжнымъ зовомъ,
 Свою ли тѣнь, Юпитера, Гадеса,
 Тифона, или тѣхъ Боговъ сильнѣйшихъ,
 Властителей дробящагося Зла,
 Что въ мірѣ расплакаются обильно,
 Съ тѣхъ поръ какъ ты погибъ, со дня, какъ стонуть

Мои сыны, поруганныя чада.
 Спроси, они должны тебѣ отвѣтить,
 Спроси, и въ этихъ призракахъ безплотныхъ
 Отмщеніе Всевышняго забьется,—
 Какъ бурный дождь, гонимый быстрымъ вѣтромъ,
 Врывается въ покинутый чертогъ.

ПРОМЕТЕЙ.

О мать моя, хочу, чтобъ злое слово
 Не высказано было мной опять
 Иль кѣмъ-нибудь, въ комъ сходство есть со мною.
 Подобіе Юпитера, явись!

ИОНА.

Крылами скрyla я глаза,
 Крылами мой окутанъ слухъ,—
 Но чу! мнѣ слышится гроза,
 Но вотъ! встаетъ какой-то Духъ.
 Сквозь мягкихъ перьевъ бѣлизну
 Я вижу темную волну,—
 И свѣтъ потухъ
 О только-бъ не было вреда
 Тебѣ, чьи боли намъ больны,
 Чьи пытки видимъ мы всегда,
 Съ кѣмъ мы страдать должны.

НАНТЕА.

Подземный смерчъ гудитъ вокругъ,
 Звучитъ гряда разбитыхъ горъ,
 Ужасенъ Духъ, какъ этотъ звукъ,
 На немъ изъ пурпура уборъ.
 Своею жилистой рукой
 Онъ держитъ посохъ золотой.
 О, страшный взоръ!
 Свирѣлъ огонь глубокихъ глазъ,
 Тотъ свѣточъ ненависть зажгла,
 Онъ точно хочетъ мучить насъ,
 Но самъ не терпитъ зла.

ПРИЗРАКЪ ЮПИТЕРА.

Зачѣмъ сюда вѣлѣнье тайныхъ силъ,
 Что властвуютъ надъ этимъ міромъ страннымъ,
 Въ раскатахъ бурь закинуло меня,
 Непрочное пустое привидѣнье?
 Вкругъ устъ моихъ какіе звуки рѣютъ?
 Не такъ во мракѣ, блѣдными устами,
 Толпа видѣній шепчетъ межъ собой.
 И ты, скажи, страдалецъ гордый,—кто ты?

ПРОМЕТЕЙ.

Ужасный Образъ! Вотъ таковъ, какъ ты,
 И онъ, Тирани свирѣпый, тотъ, чьей тѣнью
 Ты долженъ быть. Я врагъ его, Титани.
 Скажи слова, которыя услышать
 Желалъ бы я, хотя глухой твой голосъ
 Не будетъ отраженьемъ думъ твоихъ.

ЗЕМЛЯ.

Внимайте всѣ, сдержавши голосъ Эхо,
 Сѣдыя горы, древніе лѣса,
 Семья ручьевъ, цвѣтами окруженныхъ,
 Пророческихъ нещерь, ключей, бѣгущихъ
 Вкругъ пышныхъ островковъ,—ликуйте всѣ.
 Внимая звукамъ страшнаго заклатья,
 Котораго не можете сказать.

ПРИЗРАКЪ ЮПИТЕРА.

Какой-то духъ, меня своею силой
 Окутавши, бесѣдуетъ во мнѣ.
 Онъ рветъ меня, какъ тучу—стрѣлы молній.

ПАНТЕЯ.

Смотрите! онъ глядитъ могучимъ взглядомъ.
 Надъ нимъ темнѣетъ Небо.

ИОНА.

Если бѣ скрыться!
 Куда бы скрыться мнѣ! Онъ говорить.

ПРОМЕТЕЙ.

Въ его движеняхъ, гордыхъ и холодныхъ,
 Проклятіе сквозитъ. Я вижу взоры,
 Въ нихъ свѣтится безстрашный вызовъ, твердость.
 Отчаянье и ненависть,—и все
 Какъ будто бы записано на свиткѣ.
 О, говори, скорѣе говори!

ПРИЗРАКЪ.

Заклятый врагъ! Свирѣпствуй! Будь готовъ
 Исчерпать все, безумство, злобу, страсти;
 Тирани Людскаго рода и Боговъ,—
 Есть духъ одинъ, что выше дикой власти.
 Я здѣсь! Смотри! Бичуй меня
 Морозомъ, язвою огня,
 Громи вѣтрами, градомъ, бурей,
 Какъ вѣстникъ ужаса приди,
 За болью боль нагромозди,

Гони ко мнѣ скорѣй толпу голодныхъ фурій!

А! Сдѣлай все! Тебѣ запрета нѣтъ.
 Ты всемогущъ,—собой лишь не владѣешь,
 Да тѣмъ, что я хочу. Источникъ бѣды!
 Ты бременемъ надъ міромъ тяготѣешь.
 Пытай на медленномъ огнѣ
 Меня и всѣхъ, кто дорогъ мнѣ;
 Гонимый злобой вѣроломной,
 Достигни грани роковой,
 А я, съ поднятой головой,

Взгляну, какъ будешь ты гремѣть изъ тучи темной.

Но помни, Богъ и Царь среди Боговъ,
 Ты, чьей душой исполненъ міръ мученій,
 Ты, правящій подъ громкій звонъ оковъ,
 И жаждущій колѣнопреклоненій,
 Тебя, мучитель, проклялъ я,
 Съ тобою ненависть моя,
 Она тебя отравитъ ядомъ,

Вѣнецъ, въ которомъ будетъ зло,
Тебѣ надѣнетъ на чело,
На тронѣ золотомъ съ тобою сидеть рядомъ.

Будь проклятъ! Знай: тебѣ придетъ пора,
Одинъ, ты встрѣтишь вражескую Вѣчность,
И, зло любя, познаешь власть добра,
Извѣдаешь мученій безконечность.

Да будетъ! Дѣлай зло—и жди,
Потомъ къ возмездію приди,—

Лишенный царскаго убранства,
Исчерпавъ бѣшенство и ложь,
Позорнымъ плѣнникомъ падешь,

Въ безбрежности временъ, въ безбрежности пространства.

ПРОМЕТЕЙ.

Скажи, о Мать, мои слова то были?

ЗЕМЛЯ.

Твои слова.

ПРОМЕТЕЙ.

Мнѣ жаль. Они безплодны.

Я не хочу, чтобъ кто-нибудь страдалъ.

ЗЕМЛЯ.

О, гдѣ для горя взять мнѣ силъ!

Теперь Юпитеръ побѣдилъ.

Ревни, гремучій Океанъ!

Поля, покройте кровью ранъ!

О Духи мертвыхъ и живыхъ,

Рыдайте въ мукахъ огневыхъ,

Земля отвѣтитъ вамъ на стонъ,—

Кто былъ защитой вамъ, разбить и побѣжденъ!

ПЕРВОЕ ЭХО.

Разбить и побѣжденъ!

ВТОРОЕ ЭХО.

И побѣжденъ!

ІОНА.

Не бойтесь: это лишь порывъ,

Титанъ еще не побѣжденъ;

Но тамъ, взгляните за обрывъ,

За сибѣжнѣй горный склонъ:

Воздушный Призракъ тамъ спѣшитъ,

Подъ нимъ лазурь Небесъ дрожитъ,

Крутится тучекъ длинный рядъ;

Блестя отдѣлкой дорогой,

Его сандалии горятъ;

Подъятаю правою рукою

Какъ будто онъ грозитъ,—и въ ней

Сверкаетъ жезлъ, и вокругъ жезла

То меркнетъ свѣтъ, то всыхнетъ мгла,—

Играютъ кольца змѣй.

ПАНТЕЯ.

Юпитера герольдъ, спѣшитъ Меркурій.

ІОНА.

А тамъ за нимъ? Несчетная толпа,—

Видѣнія съ желѣзными крылами,

Съ кудрями гидры,—вотъ, они плывутъ,

Ихъ воплями смущенъ далекій воздухъ,

И гнѣвный Богъ, нахмурившись, грозитъ имъ.

ПАНТЕЯ.

Юпитера прожорливые псы,

Въ раскатахъ бурь бѣгущія собаки,

Которыхъ онъ накармливаетъ кровью,

Когда несется въ сѣрныхъ облакахъ,

Предѣлы Неба громомъ разрывая.

ІОНА.

Куда-жь они теперь спѣшать

Неисчислимыми толпами?

Покинувъ пытокъ темный адъ,

Питаются новыми скорбями!

ПАНТЕЯ.

Титанъ глядитъ не гордо, но спокойно.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

А! Запахъ жизни здѣсь я слышу!

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Дай мнѣ

Лишь взглянуть въ лицо ему!

ТРЕТЬЯ ФУРІЯ.

Надежда

Его терзать мнѣ сладостна, какъ мясо
Гниющихъ тѣлъ на стихшемъ полѣ битвы
Для хищныхъ птицъ.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

Еще ты будешь медлить,
Герольды! Впередъ, смѣлѣй, Собаки Ада!
Когда же Маѳи съѣсть намъ пищу дастъ?
Кто можетъ Всемогущему надолго
Угоднымъ быть?

МЕРКУРІЙ.

Назадъ! къ жѣлѣзнымъ башнямъ!

Голодными зубами скрежещите
Вблизи потока воплей и огня!
Ты, Геріонъ, возстань! Приди, Горгона!
Химера, Сфинксъ, изъ демоновъ хитрѣйшій,
Что Фивамъ далъ небесное вино,
Отравленное ядомъ,—далъ уродство
Чудовищной любви, страшнѣйшей злобы:
Они за васъ свершать задачу вашу.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

О, сжался, сжался! Мы умремъ сейчасъ
Отъ нашего желанья. Не гоши насъ.

МЕРКУРІЙ.

Тогда лежите смирно и молчите.—
Страдалецъ грозный, я къ тебѣ пришелъ
Безъ всякаго желанья, противъ воли,

Иду, гонимый тягостнымъ вѣлѣньемъ
Всевышняго Отца, дабы свершить
Замышленную пытку новой мести.
Мнѣ жаль тебя, себя я ненавижу
За то, что едѣвать большаго не въ силахъ.
Увы, едва вернусь я отъ тебя,
Какъ Небо представляется мнѣ Адомъ,—
И день и ночь преслѣдуетъ меня
Измученный, истерзанный твой образъ,
Съ улыбкой укоризненной. Ты—мудрый,
Ты—кроткій, добрый, твердый,—но замѣмъ же
Напрасно ты упорствуешь одинъ
Въ борьбѣ со Всемогущимъ? Иль не видишь,
Что яркіе свѣтлячки небесъ,
Медлительное время измѣряя,
Тебѣ гласятъ о тщетности борьбы,
И будутъ вновь и вновь гласить все то же.
И вотъ опять Мучитель твой, задумавъ
Тебя подвергнуть пыткамъ, страшной властью
Облекъ тѣ силы злыя, что въ Аду
Неслыханныя муки измышляютъ.
Мой долгъ—вести сюда твоихъ враговъ,
Нечистыхъ, ненасытныхъ, изощренныхъ
Въ свирѣности,—и здѣсь оставить ихъ.
Зачѣмъ, зачѣмъ? Вѣдь ты же знаешь тайну,
Сокрытую отъ всѣхъ живыхъ существъ,
Способную исторгнуть власть надъ Небомъ
Изъ рукъ того, кто ею облеченъ,
И дать ее другому; этой тайны
Страшится нашъ верховный Повелитель:
Одѣнь ее въ слова, и пусть она
Придетъ къ его стопамъ, какъ твой заступникъ;
Склони свой духъ къ мольбѣ, и будь какъ тотъ,
Кто молится въ великолѣпномъ храмѣ,
Согнувъ колѣна, гордость позабывъ:
Ты знаешь, что даянье и покорность
Смиряютъ самыхъ дикихъ, самыхъ сильныхъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Злой умъ мѣняетъ доброе согласно
 Своей природѣ. Кто его облекъ
 Могучей властью? Я! А онъ въ отплату
 Меня сковаль на мѣсяцы, на годы,
 На долгіе вѣка,—и Солнце жжетъ
 Иссохшую, израненную кожу,—
 И холодъ Ночи снѣжные кристаллы,
 Смѣясь, бросаетъ въ волосы мои,
 Въ то время какъ мои любимцы, люди,
 Для слугъ его потѣхой стали. Такъ-то
 Тиранъ платить умѣетъ за добро!
 Что-жь, это справедливо: злыя души
 Принять добра не могутъ: дай имъ миръ,—
 Въ отвѣтъ увидишь страхъ, и стыдъ, и злобу,
 Но только не признательность. Онъ мститъ мнѣ
 За рядъ своихъ же низкихъ злодѣяній.
 Для душъ такихъ добро—большій упрека,
 Оно терзаетъ, ранитъ ихъ, и жалитъ,
 И спать имъ не даетъ, твердя о Мести.
 Покорности онъ хочеть? Нѣтъ ея!
 И что сокрыто въ томъ зловищемъ словѣ?
 Глухая смерть и рабство для людей.
 Покорность—Сицилійскій мечъ, дрожащій
 На волоскѣ надъ царскою короной,—
 Онъ могъ бы взять ее, но я не дамъ.
 Другіе пусть потворствуютъ Злодѣйству,
 Пока оно, безчинствуя, царитъ.
 Имъ нечего бояться: Справедливость,
 Достигнувъ торжества, карать не будетъ,
 А только съ состраданіемъ оплачетъ
 Мученія свои. И вотъ я жду.
 А часъ возмездья близится, и даже
 Пока мы рѣчь ведемъ, онъ ближе сталъ.
 Но слышишь—то ревутъ собаки Ада,
 Скорѣй, не медли, Небо омрачилось,
 Нахмурился во гнѣвѣ твой Отецъ.

МЕРКУРІЙ.

О, если бѣ можно было намъ избѣгнуть:
 Тебѣ—страданій, мнѣ—постылой кары
 Быть вѣстникомъ твоихъ скорбей. Отвѣтъ мнѣ,
 Ты знаешь, сколько времени продлится
 Владычество Юпитера?

ПРОМЕТЕЙ.

Одно лишь
 Открыто мнѣ: оно должно пройти.

МЕРКУРІЙ.

Увы, не можешь ты исчислить, сколько
 Еще придетъ къ тебѣ жестокихъ мукъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Пока царитъ Юпитеръ, будутъ пытки—
 Не менѣе, не болѣе.

МЕРКУРІЙ.

Помедли,

Мечтой въ нѣмую Вѣчность погрузись.
 Туда, гдѣ все, что Время записало,
 Все то, что можемъ въ мысляхъ мы увидѣть,
 Вѣка, загроможденные вѣками,
 Лишь точкой представляются,—куда
 Смущенный умъ идти не можетъ больше,—
 Въ предѣлы, гдѣ, уставши отъ полета,
 Онъ падаетъ и кружится во тьмѣ,
 Потерянный, ослѣпшій, безпріютный,—
 Быть можетъ, даже тамъ ты счастье не сможешь
 Всей бездны лѣтъ, которыя придутъ
 Съ безсмѣннымъ рядомъ новыхъ-новыхъ пытокъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Быть можетъ, умъ безсиленъ счастье мученья,—
 И все-жь они проходятъ.

МЕРКУРІЙ.

Если бѣ ты
 Могъ жить среди Боговъ, овѣянь нѣгой!

ПРОМЕТЕЙ.

Мнѣ лучше здѣсь,—висѣть въ ущельи мертвомъ,
Не вѣдая раскаянья.

МЕРКУРИЙ.

Увы!
Дивлюсь тебѣ, и все-жъ тебя жалѣю.

ПРОМЕТЕЙ.

Жалѣи рабовъ Юпитера покорныхъ,
Сидяемыхъ презрѣннемъ къ себѣ,
Меня жалѣть нельзя, мой духъ спокоенъ,
Въ немъ ясный миръ царить, какъ въ солнцѣ—пламя.
Но что слова! Зови скорѣй враговъ.

ИОНА.

Сестра, взгляни, огнемъ бездымно-бѣлымъ
Равбило стволъ того густого кедра,
Окутаннаго снѣгомъ. Что за гнѣвъ
Звучить въ раскатахъ яростнаго грома!

МЕРКУРИЙ.

Его словамъ, а также и твоимъ,
Я долженъ быть послушенъ. Какъ мнѣ трудно!

ПАНТЕЯ.

Смотри, ты видишь, тамъ дитя Небесъ
Вѣжить, скользить крылатыми ногами
По косвенной покатости Востока.

ИОНА.

Сестра моя, сверни скорѣе крылья,
Закрой глаза: увидишь ихъ—умрешь:
Они идутъ, идутъ, рожденье дня
Несчетными крылами затемняя,
Какъ смерть, пустыми снизу.

ПЕРВАЯ ФУРИЯ.

Прометей!

ВТОРАЯ ФУРИЯ.

Титанъ безсмертный!

ТРЕТЬЯ ФУРИЯ.

Другъ Людскаго рода!

ПРОМЕТЕЙ.

Тотъ, кто здѣсь слышитъ этотъ страшный голосъ,
Титанъ плѣненный, Прометей. А вы,
Чудовищныя формы,—что вы, кто вы?
Еще ни разу Адъ, всегда кипящій
Уродствами, сюда не высылалъ
Такихъ кошмаровъ гнусныхъ, порожденныхъ
Умомъ Тирана, жаднымъ къ безобразью;
Смотря на эти мерзостныя тѣни,
Какъ будто бы я дѣлаюсь подобенъ
Тому, что созерцаю,—и смѣюсь,
И глазъ не отрываю, проникаясь
Чудовищнымъ сочувствіемъ.

ПЕРВАЯ ФУРИЯ.

Мы—слуги

Обмановъ, пытокъ, страха, преступленья
Когтистаго и цѣпкаго; всегда,
Подобныя собакамъ исхудалымъ,
Что жадно гонять раненую лань,
Мы гонимся за всѣмъ, что плачетъ, бьется,
Живеть и намъ дается на забаву,
Когда того захочетъ высшій Царь.

ПРОМЕТЕЙ.

О, множество ужаснѣйшихъ созданій
Подъ именемъ однимъ! Я знаю васъ.
И гладь озеръ, и стонущее Эхо
Знакомы съ шумомъ вашихъ темныхъ крылъ.
Но все жъ зачѣмъ другой, кто васъ ужаснѣй,
Изъ бездны вызвалъ ваши легіоны?

ВТОРАЯ ФУРИЯ.

Не знаемъ. Сестры, сестры, наслаждайтесь!

ПРОМЕТЕЙ.

Что можетъ въ безобразьи ликовать?

ВТОРАЯ ФУРИЯ.

Влюбленные, взирая другъ на друга,
Отъ прелести восторга веселяются:
Равно и мы. И какъ отъ яркихъ розъ
Воздушный свѣтъ струится, вѣжно-альпій,
На блѣдное лицо склоненной жрицы,
Для праздника слетающей вѣнокъ,
Такъ съ нашихъ жертвъ, съ ихъ мрачной агоніи,
Струится тѣнь и падаетъ на насъ,
Давая вмѣстѣ съ формой одѣянье,
А то бы мы безъ образа дышали,
Какъ наша мать, безформенная Ночь.

ПРОМЕТЕЙ.

Смѣюсь надъ вашей властію, надъ тѣмъ,
Кто васъ послалъ сюда для низкой цѣли.
Презрѣнныя! Исчерпайте всѣ пытки!

ПЕРВАЯ ФУРИЯ.

Не думаешь ли ты, что мы начнемъ
Срывать отъ кости кость и нервъ отъ нерва?

ПРОМЕТЕЙ.

Моя стихія—боль, твоя—свирѣпость.
Терзайте. Что мнѣ въ томъ!

ВТОРАЯ ФУРИЯ.

Да ты какъ будто

Узналъ, что мы всего лишь посмѣемся
Въ твои глаза, лишеныя рѣнищъ?

ПРОМЕТЕЙ.

Что дѣлаете вы, о томъ не мыслю,
А думаю, что вы должны страдать,
Живя дыханьемъ зла. О, какъ жестоко
То властное велѣніе, которымъ
Вы созданы, и все, что такъ же низко!

ТРЕТЬЯ ФУРИЯ.

Подумалъ ли о томъ, что мы способны
Тобою жить, въ тебѣ, черезъ тебя,

Одна, другая, третья, всей толпою?
И если омрачить не можемъ душу,
Горящую внутри,—мы сядемъ рядомъ,
Какъ праздная крикливая толпа,
Что портитъ ясность духа самыхъ мудрыхъ.
Въ твоемъ умѣ мы будемъ страшной думой,
Желаньемъ грязнымъ въ сердцахъ изумленномъ,
И кровью въ лабиринтѣ жилъ твоихъ;
Ползущей жгучимъ ядомъ агоніи.

ПРОМЕТЕЙ.

Иначе быть не можете. А я
Попрежнему—владыка надъ собою,
И роюмъ пытокъ такъ же управляю,
Какъ вами—ваши Юпитеръ.

ХОРЪ ФУРИЙ.

Отъ предѣловъ земли, отъ предѣловъ земли,
Гдѣ и Утро и Ночь полусумракъ спалили,—
Къ намъ сюда, къ намъ сюда!

Вы, отъ возгласовъ чьихъ стонъ стоитъ на холмахъ,
Въ часъ, когда города разсыпаются въ прахъ,
Вы, что мчитесь межъ тучъ, разрушенье твоя,
И безкрылой стопой возмущая моря,
Вы, что гоните смерчъ, промелькнувшій вдали,
Чтобъ со смѣхомъ губить и топить корабли,—
Къ намъ сюда, къ намъ сюда!

Бросьте сонныхъ мертвецовъ,
Тѣхъ, что дремлютъ сномъ вѣковъ;

Дайте отдыхъ лютой злобѣ,

Пусть до времени она

Спитъ, какъ въ тихомъ черномъ гробѣ,—

Встанетъ свѣжей послѣ сна,—

Радость вашего возврата.

Бросьте юные умы,—

Въ нихъ дыханіе разврата

Вскормить бѣшенство чумы.

Пусть безумецъ тайну Ада

Не измѣритъ силой взгляда;

Страхомъ собственнымъ смущенъ,
Будеть вдвое мучимъ онъ.

Къ намъ сюда, къ намъ сюда!
Мы бѣжимъ изъ мрачныхъ вратъ,
Сзади востъ шумный Адъ,
Мы плывемъ,

Громъ усилилъ свой раскатъ,
Васъ на помощь мы зовемъ!

ИОНА.

Сестра, я слышу грохотъ новыхъ крыльевъ.

ПАНТЕЯ.

Оплоты скалъ дрожатъ отъ этихъ звуковъ,
Какъ чуткій воздухъ. Сонмы ихъ тѣней
Рождаютъ мракъ темнѣ черной ночи.

ПЕРВАЯ ФУРІЯ.

Къ намъ домчался быстрый зовъ,
Насъ умчалъ среди вѣтровъ,
Съ красныхъ нажитей войны;

ВТОРАЯ ФУРІЯ.

Прочь отъ людныхъ городовъ;

ТРЕТЬЯ ФУРІЯ.

Гдѣ всѣ улицы полны
Стономъ тѣхъ, кто хочетъ вѣсть;

ЧЕТВЕРТАЯ ФУРІЯ.

Гдѣ всечасно льется кровь,
Гдѣ страдающихъ не счесть;

ПЯТАЯ ФУРІЯ.

Гдѣ пылаютъ вновь и вновь,
Въ яркомъ пламени печей,
Бѣлыхъ, жаркихъ—

одна изъ Фурій.

Стой, молчи,
Вмигъ прервемъ потокъ рѣчей,
Не шепчи:

Если втайнѣ сохранимъ,
Въ чемъ—страшнѣйшая бѣда,
Непокорнаго тогда
Мы скорѣ побѣдимъ,
Мы его поработимъ,

А теперь, Поборникъ Мысли, онъ еще неукротимъ.

ФУРІЯ.

Порви покровы!

ДРУГАЯ ФУРІЯ.

Онъ порванъ, онъ разорванъ!

ХОРЪ.

Встала, выросла бѣда!
Съ Неба свѣтитъ на нее
Утра блѣдная звѣзда.
Что, спокойствіе свое
Позабылъ, Титанъ?

Ты падешь,
Не снесешь
Новыхъ ранъ!

Что-жь, ты похвалишь то знанье, что въ душахъ людей про-
будить?

Дать имъ сумѣлъ только жажду,—а чѣмъ же ты ихъ напоить?
Дать имъ надежду, желанья, любви лихорадочный бредъ,
Воды ключей мелководныхъ,—безплодный вопросъ,— не от-
вѣтъ.

Видишь мертвые поля,
Видишь, видишь, вся Земля
Кровью залита.
Вотъ пришелъ одинъ, съ душой
Нѣжной, кроткой и святой,
Молвили уста
Тѣ слова, что будутъ жить
Послѣ смерти этихъ устъ,
Будутъ истину душишь,
Будетъ мѣръ угрюмъ и пустъ.
Видишь, дальній небосклонъ

Дымомъ яростнымъ смущень:
 Въ многолюдныхъ городахъ
 Крикъ отчаянья и страхъ.
 Плачеть нѣжный духъ того,
 Кто страдалъ отъ слезъ людскихъ:
 Кроткимъ именемъ его
 Губятъ тысячи другихъ.
 Вотъ, взгляни еще, взгляни:
 Гдѣ-жъ блестящіе огни?
 Точно искрится свѣтлякъ,
 Чуть смущая лѣтній мракъ.
 Тлѣють угли,—вкругъ углей
 Сонмъ испуганныхъ тѣней.
 Всѣ глядятъ по сторонамъ.
 Радость, радость, радость намъ!

Всѣ вѣка время прошедшихъ громоздятся вкругъ тебя,
 Мракъ въ грядущемъ, всѣ столѣтья помнятъ только про себя,
 Настоящее простерлось, какъ подушка изъ шиповъ,
 Для тебя, Титанъ безсонный, для твоихъ надменныхъ сновъ.

первый полухоръ.

Агонія верхъ взяла:
 Онъ трепещеть, онъ дрожитъ,
 Съ поблѣднѣвшаго чела
 Кровь мученія бѣжитъ.
 Пусть немного отдохнетъ:
 Вотъ, обманутый народъ
 Отъ отчаянья возсталъ,
 Поднимъ яркимъ заблесталъ,
 Правды хочеть, Правды ждетъ,
 Воли духъ его ведетъ:—
 Всѣ какъ братья стали вновь,
 Ихъ зоветъ дѣтми Любовь—

второй полухоръ.

Стой, гляди, еще народъ,
 Братъ на брата, всѣ на всѣхъ,
 Жатву пышную сберетъ
 Выѣстъ съ смертью черный грѣхъ:

Кровь, какъ новое вино,
 Шумно бродитъ, заодно
 Съ горькимъ страхомъ,—гибнетъ міръ,
 Тлѣветъ, гаснетъ,—и тирановъ, и рабовъ зоветъ на пиръ.
(Всѣ Фуріи исчезаютъ, кромѣ одной).

ТОНА.

Сестра, ты слышишь, какъ благой Титанъ
 Въ мученьяхъ стонетъ,—тихо, но ужасно,—
 Какъ будто грудь его должна порваться:
 Такъ бурный смерчъ взрываетъ глубь морей,
 И стонутъ вдоль по берегу пещеры.
 Быть можетъ, ты осмѣлишься взглянуть,
 Какъ лютые враги его терзаютъ?

НАНТЕА.

Смотрѣла дважды,—больше не могу.

ТОНА.

Что-жъ видѣла?

НАНТЕА.

Ужасное! прибитый
 Къ кресту, печальный юноша, со взоромъ,
 Исполненнымъ терпѣнья.

ТОНА.

Что еще?

НАНТЕА.

Кругомъ—все небо, снизу—вся земля
 Усыяны толпой тѣней ужасныхъ,
 Нѣмыхъ видѣній смерти человѣка,
 Сплетенныхъ человѣческой рукой;
 Иныя представляются созданиемъ
 Людскихъ сердець: толпы людскія гибнутъ
 Отъ одного движенія устъ и глазъ;
 Еще другія бродятъ привидѣнья,
 На нихъ взглянуть—и послѣ жить нельзя,
 Не станемъ искушать сильнѣйшій ужасъ,
 Къ чему смотрѣть, когда мы слышимъ стоны?

ФУРІА.

Замѣть эмблему: кто выноситъ зло
За человѣка, кто гремитъ цѣпями,
Идетъ въ изгнанье,—тотъ лишь громоздитъ
И на себя и на него страдающа
Все новыя и новыя.

ПРОМЕТЕЙ.

Смягни

Мучительную боль очей горящихъ;
Пусть губы искаженные сомкнутся;
Пускай съ чела, увитаго шипами,
Не льется кровь,—мѣшается она
Съ росой глазъ твоихъ! О, дай орбитамъ,
Которыя вращаются въ испугѣ,
Узнать недвижность смерти и покоя;
И пусть твоей угрюмой агоніей
Не будетъ сотрясаться этотъ крестъ,
И пальцы блѣдныхъ рукъ играть не будутъ
Запекшеюся кровью. Не хочу
Назвать тебя по имени. Ужасно!
Оно проклятемъ стало. Вижу, вижу
Возвышенныхъ, и мудрыхъ, и правдивыхъ;
Твои рабы ихъ съ ненавистью гонять;
Иныхъ нечистой ложью отпугнули
Отъ очага ихъ собственныхъ сердецъ,
Оплаканнаго послѣ—слишкомъ поздно;
Иные цѣпью скованы съ тѣлами,
Гніющими въ темницахъ нездоровыхъ;
Иные—чу!—толпа хохочетъ дико!—
Прикованы надъ медленнымъ огнемъ.
И множество могучихъ царствъ проходить,—
Плывутъ у ногъ моихъ, какъ острова,
Изъ глубины исторгнутыя съ корнемъ;
Ихъ жители—все вмѣстѣ, въ лужахъ крови,
Въ грязи, облитой заревомъ пожаровъ.

ФУРІА.

Ты видишь кровь, огонь; ты слышишь стоны;

Но худшее, неслышимо, незримо,
Сокрѣто позади.

ПРОМЕТЕЙ.

Скажи!

ФУРІА.

Въ душѣ

У каждаго, кто пережилъ погибель,
Рождается боязнь; высокій духомъ
Бойтсѣ увидать, что вѣрно то,
О чемъ онъ даже мыслить не хотѣлъ бы;
Встааетъ обычай вмѣстѣ съ лицемѣрьемъ,
Какъ капища, гдѣ молятся тому,
Что совѣстью изношено. Не смѣя
О томъ, что людямъ нужно, размышлять,
Они не сознаютъ, чего не смѣютъ.
У добраго нѣтъ силы, кромѣ той,
Что позволяетъ плакать безнадежно.
У сильныхъ нѣтъ того, что имъ нужно,
Чѣмъ что-нибудь другое,—доброты.
Мудрецъ лишенъ любви, а тотъ, кто любитъ,
Не знаетъ свѣта мудрости,—и въ мірѣ
Все лучшее живетъ въ объятыхъ зла.
Для многихъ, кто богатъ и власть имѣетъ,
Является мечтою справедливость,
А между тѣмъ среди скорбящихъ братьевъ
Они живутъ, какъ будто бы никто
Не чувствовалъ: не знаютъ, что творятъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Твои слова—какъ туча змѣй крылатыхъ,
И все же я жалѣю тѣхъ, кого
Не мучаютъ они.

ФУРІА.

Ты ихъ жалѣешь?

Нѣтъ больше словъ!

(Исчезаетъ)

ПРОМЕТЕЙ.

О, горе мнѣ! О, горе!

Тоска всегда! Навѣки ужасъ пытки!
Глаза мои, безъ слезъ, закрыты—тицетно:
Въ душѣ, терзаньемъ жгучимъ озаренной,
Яснѣй лишь вижу всѣ твои дѣянья,
Утонченный тиранъ! Въ могилѣ—миръ.
Въ могилѣ все скрывается благое,
Прекрасное, но я, какъ Богъ, безсмертенъ,
И смерти не хочу искать. О, пусть,
Свирѣпый царь, ты страшно мстить умѣешь.—
Въ отмщеніи нѣтъ побѣды. Тѣ видѣнья,
Которыми ты мучаешь меня,
Моей душѣ терпѣнья прибавляютъ,
И часъ придетъ, и призраки не будутъ
Прообразомъ дѣйствительныхъ вещей.

НАНТЕЯ.

Увы! Что видѣлъ ты?

ПРОМЕТЕЙ.

Есть два мученія:

Одно—смотреть, другое—говорить;
Избавь меня отъ одного. И слушай:
Въ святилищахъ Природы внесены
Завѣтные слова,—то кличъ безгласный,
Къ высокому и свѣтлому зовущій.
На тотъ призывъ, какъ человекъ одинъ,
Сошлись народы, громко восклицая:
«Любовь, свобода, правда!» Вдругъ съ небесъ
Непостовство, какъ молнія, упало
Въ толпу людей,—борьба, обманъ и страхъ,—
И вторгнулись тираны, раздѣляя
Добычу межъ собою. Такъ я видѣлъ
Тѣнь истины.

ЗЕМЛЯ.

Возлюбленный мой сынъ,

Я чувствовала всѣ твои мученія,

Съ той смѣшанною радостью, что въ сердцѣ
Встаютъ отъ чувства доблести и скорби.
Чтобъ дать тебѣ вздохнуть, я позвала
Прекрасныхъ легкихъ духовъ, чье жилище—
Въ пещерахъ человѣческихъ умовъ;
Какъ птицы рѣютъ крыльями по вѣтру,
Такъ эти духи носятся въ зорѣхъ;
За нашимъ царствомъ сумерекъ они,
Какъ въ зеркалѣ, грядущее провидятъ;
Они придутъ, чтобъ усладить тебя.

НАНТЕЯ.

О сестра, посмотри, тамъ собираются духи толпой,
Точно хлопья играющихъ тучекъ на утрѣ весны,
Нанюливаютъ просторъ голубой.

ГОЛА.

Посмотри, вонъ еще, какъ туманы среди тишины,
Что встаютъ съ родника, если вѣтры усталые спятъ,
И встаютъ, и сибшатъ по оврагу скорбій и скорбій.
Слышишь? Чтò это? Музыка сосенъ? Вершины шумятъ?
Или озеро плещетъ? Иль шепчетъ ручей?

НАНТЕЯ.

Это что-то гораздо печальнѣй, гораздо нѣжнѣй.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Съ незапамятныхъ временъ
Мы не дремлемъ надъ толпой
Человѣческихъ племенъ,
Угнетаемыхъ судьбой.
Мы услада всѣхъ скорбей,
Мы защитники людей,
Мы печалимся о нихъ,
Дышемъ въ помыслахъ людскихъ,—
Въ нашемъ воздухѣ родномъ;
Если тамъ сгустится тьма,
Если тамъ за лѣтнимъ днемъ
Встанетъ бурная зима:—
Или все опять свѣтло,

Словно въ часъ, когда рѣка—
 Какъ недвижимое стекло,
 Гдѣ не таютъ облака;—
 Легче вольныхъ рыбъ морскихъ,
 Легче птицъ въ дыханьи бурь,
 Легче помсловъ людскихъ,
 Вѣчно мчавшихся въ лазурь,—
 Въ нашемъ воздухѣ родномъ
 Мы какъ тучки вешнимъ днемъ;
 Ищемъ молній и зарницъ,
 Медлимъ тамъ, гдѣ нѣтъ границъ.
 Мы для всѣхъ, кто твердь въ борьбѣ.
 Тотъ завѣтъ несемъ, любя,
 Что кончается въ тебѣ,
 Начинаясь отъ тебя.

iona.

Еще, еще приходятъ другъ за другомъ,
 И воздухъ, окружающій видѣнья,
 Блестательнѣе, какъ воздухъ вкругъ звѣзды.

первый духъ.

Прочь отъ яростной борьбы,
 Гдѣ сошлись на зовъ трубы
 Возмущенные рабы,
 Я летѣлъ среди зыбей,
 Все скорѣй, скорѣй, скорѣй.
 Все смѣшалось тамъ, какъ сонъ,
 Тѣнь разорванныхъ знаменъ,
 Тамъ глухой протяжный стонъ
 Мчится въ меркнувшую твердь:
 «Смерть! На бой! Свобода! Смерть!»
 Но одинъ побѣдный звукъ,
 Выше мрака и могилъ,
 Выше судорожныхъ рукъ,
 Всюду двигался и жилъ,—
 Нѣжно въ яростной борьбѣ
 Тотъ завѣтъ звучалъ, любя,

Что кончается въ тебѣ,
 Начинаясь отъ тебя.

второй духъ.

Замокъ радуги стоялъ,
 Въ морѣ снизу бился валъ;
 Побѣдительно могутъ,
 Призракъ бури прочь бѣжалъ,
 Между плѣнныхъ, между тучъ,
 Жгучихъ молній яркѣй лучъ
 Пополамъ ихъ раздѣлялъ.
 Посмотрѣлъ я внизъ—и вотъ
 Вижу, гибнетъ мощный флотъ,
 Точно щепки—корабли,
 Бьются, носятся вдали,
 Вотъ ихъ волны погребли,—
 Точно адъ кругомъ возсталъ,
 Бѣлой пѣной заблесталъ.
 Точно въ хрупкомъ челнокѣ,
 Плылъ спасенный, на доскѣ,
 Врагъ его недалекъ,
 Обезсилѣвъ, шелъ во тьму—
 Доску отдалъ онъ ему,
 Самъ, смиряясь, утонулъ,
 Но предъ смертію вдохнулъ,
 Былъ тотъ вздохъ воздушный грезъ,
 Онъ меня сюда принесъ.

третій духъ.

У постели мудреца
 Я, незримый, молча ждалъ;
 Красный свѣтъ огня блесталъ
 Возлѣ блѣднаго лица:
 Книгу тотъ мудрецъ читалъ.
 Вдругъ на пламенныхъ крылахъ
 Началъ рѣять легкѣй Сонъ,
 Я узналъ, что это онъ,
 Тотъ же самый, что въ сердцахъ
 Много лѣтъ назадъ зажегъ

Вдохновенъ и печаль,
 Ослѣпительный намекъ,
 Тѣнь огня, что манитъ вдаль.
 Онъ меня сюда увлечь—
 Быстро, быстро, точно взглядъ.
 Прежде чѣмъ настанетъ день,
 Долженъ онъ летѣть назадъ,
 А не то стуснитъ тѣнь
 Въ сонныхъ думахъ мудреца,
 И, проснувшись, онъ весь день
 Не прогонитъ эту тѣнь
 Съ омраченнаго лица.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДУХЪ.

У поэта на устахъ,
 Какъ влюбленный, я дремать
 Въ уютельныхъ мечтахъ;
 Онъ едва-едва дышалъ.
 Онъ не ищетъ нѣгъ земныхъ,
 Знаетъ ласки устъ иныхъ,
 Поцѣлуй красоты,
 Что живетъ въ глуши мечты;
 Любитъ онъ лелѣять взоръ,—
 Не волнуясь, не ища,—
 Блескомъ дремлющихъ озеръ,
 Видомъ пчелъ въ цвѣтахъ плюща;
 Онъ не знаетъ, что предъ нимъ,
 Занять помысловъ однимъ:
 Изъ всего онъ создаетъ
 Стройность дышащихъ тѣней,
 Имъ дѣйствительность даетъ,
 Что прекраснѣй и полнѣй,
 Чѣмъ живущій человекъ,
 Долговѣчнѣй блѣдныхъ дней,
 И живетъ изъ вѣка въ вѣкъ.
 Изъ видѣній тѣхъ одно
 Сна разрушило звено,—
 Я скорѣй умчался прочь,
 Я хочу тебѣ помочь.

ЮНА.

Ты видишь, два видѣнія сюда
 Отъ запада летятъ и отъ востока,
 Созданія воздушныхъ высшихъ сферъ,
 Какъ близнецы, какъ голуби, что мчатся
 Къ родимому гнѣзду,—плывутъ, скользятъ,—
 Ты слышишь звуки нѣжныхъ пѣнопѣній,
 Плѣнительно-печальныхъ голосовъ,
 Съ любовью въ нихъ отчаянье сдѣшалось!

НАПТЯ.

Ты говоришь! Во мнѣ слова погасли.

ЮНА.

Ихъ красота даетъ мнѣ голосъ. Видишь,
 Какъ свѣтятся измѣчивыя крылья,
 То облачно-пурпурныя, то вновь
 Лазурныя и нѣжно-золотыя;
 Улыбкой ихъ окрестный воздухъ дышетъ
 И свѣтится, какъ въ пламени звѣзды.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Ты видѣлъ нѣжный ликъ Любви?

ПЯТЫЙ ДУХЪ.

Летѣлъ я надъ пустыней,
 Какъ облачко, снѣжилъ, скользилъ въ пространствѣ тверди
 сней;
 И этотъ призракъ ускользалъ на крыльяхъ искрометныхъ,
 Звѣзда—въ челѣ, восторгъ живой—въ движеньяхъ беззабот-
 ныхъ;
 Куда ни ступить, змигъ цвѣты воздушные блистають,
 Но я иду, они за мной, блѣднѣя, увядають.
 Зіяла гибель позади: безглавыя герон,
 Толпы безумныхъ мудрецовъ, страдальцевъ юныхъ рон
 Сверкали въ сумракѣ ночномъ. Блуждалъ я въ безднѣ зыбкой,
 Пока твой взоръ, о Царь скорбей, не скрасилъ все улыбкой.

ШЕСТОЙ ДУХЪ.

О духъ родной! Отчаянье живетъ въ нездѣшней мглѣ,

Не носится по воздуху, не ходитъ по землѣ,
 Придетъ оно безъ шороха и вѣяньемъ крыла
 Навѣтъ упованія въ сердца, что выше зла,
 И живое спокойствіе отъ тѣхъ безшумныхъ крылъ
 Въ сердцахъ, что дышуть нѣжностью, смиряетъ страстный
 пылъ,

И музыка воздушная летѣтъ ихъ тогда,
 Баякаетъ и шепчетъ имъ о счастья навсегда,
 Зовутъ они Любовь къ себѣ,—чудовище земли,—
 Пробудятся и Скорбь найдутъ въ лохмотьяхъ и въ пыли.

ХОРЪ.

Пусть съ Любовью Скорбь—какъ тѣнь,
 Пусть за ней, и ночь, и день,
 Гибель мчится по пятамъ,
 Вѣлокрылый скачетъ конь,
 Вѣстникъ Смерти, весь—огонь,
 Смерть всему, цвѣтамъ, плодамъ,
 Воплощенью красоты
 И уродливымъ чертамъ.
 Пусть! Но часъ пробѣтъ,—и ты
 Укротишь безумный бѣгъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Вамъ открыто, что придетъ?

ХОРЪ.

Если таетъ вѣшній снѣгъ,
 Если стаялъ вѣшній ледъ,—
 Опадаетъ старый листъ,
 Мягкій вѣтеръ нѣжитъ слухъ,
 Воздухъ ласковъ и душистъ,
 И блуждающій паслухъ,
 Торжествуя смерть зимы,
 Ужъ предчувствуетъ и ждетъ,
 Что шиповникъ зацвѣтетъ;—
 Такъ и тамъ, гдѣ дышемъ мы,
 Правда, Мудрость и Любовь,
 Пробуждаясь къ жизни вновь,

Намъ, подремлющимъ въ борьбѣ,
 Тотъ завѣтъ несутъ, любя,
 Что копчается въ тебѣ,
 Начинаясь отъ тебя.

ИОНА.

Куда же скрылись Духи?

ПАНТЕЯ.

Только чувство
 Отъ нихъ осталось въ сердцахъ,—словно чары
 Отъ музыки, въ тѣ свѣтлыя мгновенья,
 Когда утихнеть лютня, смолкнетъ голосъ,
 Но отзвуки мелодіи нѣмой
 Въ душѣ глубокой, чуткой, лабиринтной
 Еще живутъ и будятъ долгій гулъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Плѣнительны воздушныя видѣнья,
 Но, чувствую, напрасны всѣ надежды,
 Одна любовь вѣрна; и какъ далеко
 Ты, Азія, чье сердце предо мной,
 Въ былые дни, открытое, горѣло,
 Какъ искристая чаша, принимая
 Душистое и свѣтлое вино.
 Все тихо, все мертво. Тяжелымъ гнетомъ
 Виситъ надъ сердцемъ сумрачное утро;
 Я сталъ бы спать теперь, хотя съ тревогой,
 Когда бы можно было мнѣ уснуть.
 О, какъ хотѣлъ бы я свершить скорѣе
 Свое предназначенье—быть опорой,
 Спасителемъ страдальца-человѣка;
 А то—уснуть, безмолвно потонуть
 Въ первичной безднѣ всѣхъ вещей,—въ пучинѣ,
 Гдѣ нѣтъ ни сладкихъ нѣгъ, ни агоній,
 Гдѣ нѣтъ угѣхъ Земли и пытокъ Неба.

ПАНТЕЯ.

А ты забылъ, что около тебя
 Всю ночь, въ холодной мглѣ, тревожно дышитъ

Одна, чьи очи только и сомкнутся,
Когда надъ ней тѣнь духа твоего
Наклонится съ заботливостью нѣжной.

ПРОМЕТЕЙ.

Я говорилъ, что всѣ надежды тщетны,
Одна любовь вѣрна: ты любишь.

НАНТЕЯ.

Правда!

Люблю глубоко. Но звѣзда разсвѣта
Блѣднѣетъ на востокѣ. Я иду.
Ждетъ Азія—тамъ, въ Индіи далекой,
Среди долинъ изгнанья своего,—
Гдѣ раньше были дикіе утесы,
Подобные морозному ущелью,
Свидѣтели твоихъ безсмѣнныхъ пытокъ,
Теперь же дышутъ нѣжные цвѣты,
Вздыхаютъ травы, отклики лѣсные,
И звуки вѣтра, воздуха и воды,
Присутствіемъ ея преображенныхъ,—
Всѣ чудныя созданія зенитъ,
Которыя живутъ сляпнѣемъ тѣснымъ
Съ твоимъ дыханьемъ творческимъ. Прощай!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Утро.—Красивая долина въ Пидійскомъ Кавказѣ.—Азія одна.

АЗІЯ.

Во всѣхъ дыханьяхъ неба ты нисходишь,
Какъ духъ, какъ мысль,—Весна, дитя вѣтровъ!—
Въ глазахъ застывшихъ нѣжно будишь слезы,
Въ пустынномъ сердцѣ, жаждущемъ покоя,
Віенія ты рождаешь,—о Весна,
Питомица, взлелѣянная бурей!
Приходишь ты внезапно, точно свѣтъ
Печальныхъ думъ о сладкомъ свидѣннѣи;
Ты—геній, ты—восторгъ, съ лица земли
Встающей сонмомъ тучекъ золотистыхъ
Въ пустынѣ нашей жизни. Ночь проходитъ.
Вотъ время, день и часъ. Я жду тебя,
Сестра моя, желанная, ты медлишь,
Съ разсвѣтомъ ты должна ко мнѣ придти,
Я жду тебя, приди, приди скорѣе!
Едва ползутъ безкрылыя мгновенья,
Еще трепещетъ блѣдный ликъ звѣзды,
Надъ альми вершинами, въ просвѣтѣ
Ростущей ввысь оранжевой зари;
Смотря въ провалъ разорванныхъ тумановъ,
Въ зеркальной глади озера дрожить
Стыдливая звѣзда, блѣднѣетъ, гаснетъ—
Опять горитъ въ прозрачной ткани тучекъ—
И пѣть ея! И сквозь вершины горъ,

Съ ихъ облачно-воздушными свѣтами,
Трепещеть розоватый свѣтъ зари.
Чу! слышу вздохъ Эоловыхъ мелодій,—
То звукъ ея зеленоватыхъ крылъ,
Съ собою приносящихъ алость утра.

(Входитъ Пантея)

Я чувствую глаза твои. Я вижу
Лучистый взоръ,—въ слезахъ улыбка меркнетъ,
Какъ свѣтъ звѣзды, потопленный въ туманахъ
Серебряной росы. Сестра моя,
Любимая, прекрасная! Съ тобою
Приходить тѣнь души, которой я
Живу. Зачѣмъ ты медлила такъ долго?
Ужъ солнца свѣтлый шаръ взошелъ по морю.
Мой духъ надеждой раненъ былъ, предъ тѣмъ
Какъ воздухъ, гдѣ ничьихъ слѣдовъ не видно,
Почувствовалъ движеніе крылъ твоихъ.

ПАНТЕЯ.

Прости, сестра! Полетъ мой былъ замедленъ
Восторгомъ воспоминаемаго сна,
Какъ медленный полетъ вѣтровъ полдневныхъ,
Впивающихъ дыханіе цвѣтовъ.
Всегда спала я сладко, пробуждалась
Окрѣпшею и свѣжей, до того
Какъ палъ Титанъ священный, и любовью
Несчастною меня ты научила
Соединять страданье и любовь.
Тогда въ пещерахъ древнихъ Океана
Спала я межъ камней зелено-сѣрыхъ,
Въ пурпурной колыбели нѣжныхъ мховъ;
Тогда, какъ и теперь, меня Иона
Во свѣ рукою нѣжной обнимала,
Касаясь темныхъ ласковыхъ волосъ,
Межъ тѣмъ какъ я закрытыми глазами
Къ ея груди волнистой прижималась,
Вдыхая свѣжесть юности ея.
Теперь не то, теперь я словно вѣтеръ,
Что падаетъ, стихая отъ мелодій

Твоихъ рѣчей безмолвныхъ; я дрожу,
Мой сонъ смущенъ какой-то сладкой нѣгой,
Какъ будто слышу я слова любви;
А только сонъ уйдетъ,—приходитъ мука,
Заботы угнетаютъ.

АЗІЯ.

Подними

Опущенный свой взоръ,—прочтешь хочу я
Твой сонъ.

ПАНТЕЯ.

Я говорю: у ногъ его
Спала я вмѣстѣ съ нашею сестрою,
Океанидой. Горные туманы,
Внявъ голосъ нашъ, сгустились подъ луной
И хлопьями пушистыми покрыли
Ключій ледъ, чтобъ спать намъ не мѣшало.
Два сна тогда пришли. Одинъ не помню.
Въ другомъ я увидала Прометей,
Но не былъ онъ израненъ, изнуренъ,—
И ожилъ вдругъ лазурный сумракъ ночи
Отъ блеска этой формы, что живетъ—
Внутри не измѣнилась. Прозвучали
Его слова, какъ музыка,—такая,
Что умъ отъ счастья гаснетъ, задыхаясь
Въ восторгѣ ошьяненія: «Сестра
Той, чьи шаги воздушные рождаютъ
Цвѣты и чары,—ты, что всѣхъ прекраснѣй,
Лишь менѣ прекрасна, чѣмъ она,—
О тѣнь ея, взгляни!» И я взглянула:
Безсмертный призракъ высился, блистая
Любовью ослѣпительной; и весь,—
Въ своихъ воздушныхъ членахъ, въ гармоничныхъ
Устахъ, порывомъ страсти раздѣленныхъ,
Въ пронзительныхъ и меркнущихъ глазахъ,—
Весь, весь горѣлъ онъ пламенемъ подвижнымъ;
Дыханьемъ всемогущей сладкой власти
Окуталь онъ меня, и я тонула,

Я таяла,—какъ облачко росы,
 Блуждающей въ эфирѣ, таетъ, тонетъ,
 Въ дыханьи теплыхъ утреннихъ лучей:
 Не двигаясь, не слыша, и не видя,
 Я вся жила присутствіемъ его,
 Онъ въ кровь мою вошелъ, со мной смѣшался.
 И онъ былъ—мною, и жизнь его—моей,
 Моя душа въ его души исчезла.
 Потомъ огонь погасъ, и я опять
 Во тьмѣ ночной сама собою стала,
 Какъ сумрачный туманъ, что въ часъ заката
 На соснахъ собирается и плачетъ
 Въ дрожащихъ капляхъ; мысли вновь зажелись,
 И я могла еще услышать голосъ,
 Еще дрожали звуки, замирая,
 Какъ слабый вздохъ мелодіи ушедшей,
 Но между смутныхъ звуковъ только имя
 Твое, сестра, могла я разобрать.
 Напрасно слухъ я снова напрягала,
 Глухая ночь въ безмолвіи замкнулась.
 Иона, пробудившись ото сна,
 Сказала мнѣ: «Не можешь ты представить,
 Что въ эту ночь встревожило меня!
 Всегда я прежде знала, что мнѣ нужно,
 Чего хочу; ни разу не вкушала
 Блаженства неисполненныхъ желаній.
 Чего теперь ищу—сказать не въ силахъ;
 Не знаю; только сладкаго чего-то,
 Затѣмъ что даже сладко мнѣ желать;
 Ты, вѣрно, посмѣялась надо мною,
 Негодная сестра, ты, вѣрно, знаешь
 Какихъ-нибудь старинныхъ чаръ восторги:
 Съ ихъ помощью похитивши мой духъ,
 Покуда я спала, съ своимъ смѣшала:
 Когда съ тобой сейчасъ мы цѣловались,
 Внутри твоихъ разъединенныхъ губъ
 Услышала я сладостный тотъ воздухъ,
 Что былъ во мнѣ; живительная кровь,

Безъ теплоты которой я томилась,
 Дрожала въ нашихъ членахъ въ мигъ объятья.»—
 Звѣзда Востока между тѣмъ блѣднѣла,
 И я, сестру оставивъ безъ отвѣта,
 Скорѣй къ тебѣ направила полетъ.

АЗІЯ.

Слова твои—какъ воздухъ; не могу я
 Проникнуть въ нихъ. О, подними свой взоръ,
 Хочу въ твоихъ глазахъ увидѣть цѣльность
 Его души.

ПАНТЕЯ.

Взгляну, какъ ты желаешь,
 Хотя къ землѣ склоняются они
 Подъ тяжестью невыраженныхъ мыслей.
 Что можешь ты увидѣть въ нихъ иное,
 Какъ не свою прекраснѣйшую тѣнь?

АЗІЯ.

Твои глаза подобны безграничнымъ
 Глубокимъ темносинимъ небесамъ;
 Ихъ обрамляютъ длинныя рѣсницы;
 Я вижу въ кругѣ—кругъ, въ чертѣ—черту,
 Все вмѣстѣ сплетено въ одну безмѣрность,
 Далекую, неясную.

ПАНТЕЯ.

Зачѣмъ

Ты смотришь такъ, какъ будто духъ прошелъ?

АЗІЯ.

Въ твоихъ глазахъ свершилась переменна:
 Тамъ далеко, въ ихъ глубинѣ заѣтной,
 Я вижу призракъ, образъ: это—Онъ,
 Украшенный плѣнительнымъ сіяньемъ
 Своихъ улыбокъ, льющихъ нѣжный свѣтъ,
 Какъ облачко, скрывающее мѣсяцъ.
 Твой образъ, Прометей! Еще помедли!
 Не говорить ли мнѣ твои улыбки,

Что мы опять увидимся съ тобою
 Въ роскошномъ и блистательномъ шатрѣ,
 Который будетъ выстроенъ надъ міромъ
 Изъ ихъ лучей нетлѣнныхъ? Сонъ повѣданъ.
 Но что за тѣнь возникла между нами?
 Грубѣтъ вѣтеръ, только прикоснувшись
 Къ кудрямъ суровымъ; взоръ поспѣшно-дикъ;
 Но то—созданье воздуха: сквозь ткани
 Одежды сѣрой искрится роса,
 Не выпитая полднемъ свѣтозарнымъ.

сонъ.

Иди за мной!

пантея.

Мой сонъ другой!

азія.

Онъ скрылся.

пантея.

Онъ шествуетъ теперь въ моей душѣ.
 Казалось мнѣ, пока мы здѣсь сидѣли,
 Вдругъ вспыхнули гирляндами цвѣты
 На деревѣ миндальномъ, что разбито
 Ударомъ грозовымъ; поспѣшный вѣтеръ,
 Съ пустынь сѣдыхъ, отъ Сквоин, примчался,
 Лицо земли избороздилъ морозомъ,
 И всѣ листья сорвалъ; по каждый листъ,—
 Какъ синій колокольчикъ Гиацинта
 О мукахъ Аполлона повѣствуетъ,
 Въ себѣ хранилъ слова: „ИДИ ЗА МНОЙ!“

азія.

Пока ты говоришь мнѣ, понемногу
 Изъ словъ твоихъ рождаются видѣнья
 И формами своими заполняютъ
 Мой собственный забытый сонъ. Мнѣ снилось,
 Бродили мы съ тобой среди долинъ,
 Въ сѣдомъ разсвѣтъ дня, по горнымъ склонамъ
 Чуть шли стада рунообразныхъ тучъ,

Густой толпой, лѣшивъ повинуюсь
 Медлительнымъ велѣньямъ вѣтерка;
 И бѣлая роса висѣла, молча,
 На листьяхъ чуть пробившейся травы;
 И многое,—чего я не припомню.
 Но вдоль пурпурныхъ склоновъ сонныхъ горъ,
 На тѣневыхъ изображеныхъ тучекъ,
 Забрезжились слова: „ИДИ ЗА МНОЙ!“
 Когда они, блеснувши, стали таять,
 Переходя къ травѣ, на каждый листъ,
 Съ себя стряхнувший блескъ росы небесной,—
 Поднялся вѣтеръ, въ соснахъ зашумѣлъ,
 И музыкой звенящей онъ наполнилъ
 Сквозную сѣть ихъ вѣтокъ,—и тогда,
 Звуча, переливался, замирая,
 Какъ стонъ «Прости!» исторгнутый у духовъ,
 Послышалось: „ИДИ ИДИ ЗА МНОЙ!“
 Я молвила: «Пантея, посмотри!»
 Но въ глубинѣ очей, желанныхъ сердцу,
 Все видѣла: „ИДИ ЗА МНОЙ!“

эхо.

За мной!

пантея.

Смѣясь между собою вѣшнымъ утромъ,
 Утесы вторятъ нашимъ голосамъ:
 Подумать можно, будто ихъ устами
 Вѣщаетъ духъ.

азія.

Вкругъ этихъ скалъ нависшихъ
 Какое-то витаетъ существо.
 Струятся звуки ясные! О, слушай!

отзвуки эхо, незримые.

Мы отзвуки Эхо,
 Мы вѣчно бѣжимъ,
 Для жизни и смѣха
 Рождаются спѣвшимъ,—
 Дитя Океана!

АЗІЯ.

Чу! межъ собою духи говорятъ.
Еще не смолкли плавные отвѣты
Воздушныхъ устъ. Сестра, ты слышишь?

ПАНТЕЯ.

Слышу.

ОТВЗВУКИ ЭХО.

О, слѣдуй призывамъ,
За мною, за мной!
Къ пещернымъ извивамъ,
По чащѣ лѣсной!

(Болѣе отдаленно).

О, слѣдуй призывамъ,
За мною, за мной!
Звукъ таютъ и плывутъ,
Улетаютъ и зовутъ,
Вслѣдъ за ними послѣши
Въ чащу лѣса, гдѣ въ тиши
Еле дышетъ межъ листовъ
Сладкій сонъ ночныхъ цвѣтовъ,
Гдѣ не держитъ путь пчела,
Гдѣ и въ полдень вѣчно мгла,
Гдѣ въ пещерахъ лишь ручьи
Льютъ сіянія свои,
Гдѣ нѣжили твоихъ шаговъ
Нашъ воздушный странный зовъ,—
Дитя Океана!

АЗІЯ.

Не слѣдовать ли намъ за роемъ звуковъ?
Они уходятъ въ даль, они слабѣютъ.

ПАНТЕЯ.

Чу! ближе къ намъ опять плыветъ нагбвѣ!

ОТВЗВУКИ ЭХО.

Въ безвѣстномъ молчаньи
Спитъ мертвая рѣчь.

Лишь ты въ состояннѣ
Тотъ голосъ зажечь,—
Дитя Океана!

АЗІЯ.

Отхлынулъ вѣтеръ, съ нимъ слабѣютъ звуки.

ОТВЗВУКИ ЭХО.

О, слѣдуй призывамъ,
За мною, за мной!
Къ пещернымъ извивамъ,
По чащѣ лѣсной!
Звукъ таютъ и плывутъ,
Улетаютъ и зовутъ,
Въ глушь лѣсную, гдѣ—роса,
Гдѣ чуть видны небеса,
Гдѣ въ ущельи древнихъ горъ
Блещетъ зеркало озеръ,
Гдѣ съ уклона на уклонъ
Отъ ключей нисходитъ звонъ,
Гдѣ когда-то *Окъ*, скорбя,
Удалился отъ тебя,
Чтобъ теперь обняться вновь,
Принести любви любовь,—
Дитя Океана!

АЗІЯ.

О милая Пантея, дай мнѣ руку,
Иди за мной, пока нагбвѣ не смолкъ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Лѣсъ, перемежающийся утесами и пещерами. Въ него входитъ Азія и Пантея. Два молодые Фауны сидятъ на скалѣ и слушаютъ.

ПЕРВЫЙ ПОЛУХОРОЪ ДУХОВЪ.

Пронла прекрасная чета,
И путь ей покрыть тѣнями;
Сокрыта неба красота,
Какъ сътъ нависшими, вѣтвями;
Здѣсь кедры, сосны, вѣчный тишь
Одной завѣсою сплелись.

Сюда ни солнце, ни луна,
 Ни дождь, ни вѣтеръ не заходятъ;
 Здѣсь медитъ вѣчная весна
 И росы дышущія бродягъ,
 Растутъ лавровые кусты,
 Глядятъ ихъ блѣдные цвѣты.

На мигъ оставши ото сна,
 Здѣсь тотчасъ вянетъ анемона;
 Звѣзда случайная, одна,
 Сюда заглянетъ съ небосклона;
 Но небо мчится, мчится прочь,
 И ту звѣзду сокрыла ночь.

второй полухоръ.

Здѣсь въ часъ полудня соловьи
 Поютъ о нѣжѣ сладострастья,
 Сперва одинъ мечты свои
 Расскажетъ въ звукахъ, полныхъ счастья,—
 Всего себя изливши, вдругъ
 Онъ гаснетъ, полный сладкихъ мукъ.

Тогда въ нпощѣ, среди вѣтвей,
 Слѣди за звукомъ уходящимъ,
 Другой рокочетъ соловей,—
 И полонъ рокотомъ звенящимъ,
 И полонъ жаждою чудесъ,
 Внимаетъ чутко смутный лѣсъ.

И кто, войдя въ тотъ лѣсъ, молчить,
 Онъ крыльевъ быстрый плескъ услышитъ,
 И будто флейта прозвучитъ,
 И онъ, волнуясь, еле дышитъ,
 Его зоветъ куда-то вдаль
 До боли сладкая печаль.

первый полухоръ.

Здѣсь нѣжный сонъ завороненъ,
 Звѣня, кружатся отголоски,

Имъ Демогоронъ далъ законъ,
 Чтобъ вѣчно пѣли переплески;
 И власть онъ далъ имъ—всѣхъ вести
 На сокровенные пути.

Когда сугробы стають съ горъ,—
 Потокъ растетъ среди тумана,
 Ладья сплвнитъ въ морской просторъ,
 Въ неизлѣримость Океана;
 Такъ душу, полную заботъ,
 Неясный голосъ вдаль зоветъ.

И тѣхъ, кому настала предѣль,
 Какъ будто вѣтеръ приподниметъ,
 Отъ ихъ всеневныхъ тусклыхъ дѣлъ
 Умчить, и звуками обниметъ;
 И умъ не знаетъ, отчего
 Такъ легко быстрой обѣтъ его.

Они сплвнать своимъ путемъ,
 Плывуть въ просторѣ незнакомомъ,
 И звуки падаютъ дождемъ,
 И гимнъ внезапно грянетъ громомъ,
 И вѣтеръ мчитъ ихъ въ полумгль,—
 Умчить къ таинственной скаль.

первый фавнъ.

Не можешь ли сказать мнѣ, гдѣ живутъ
 Тѣ духи, что мелодіей плвучей
 Звенятъ въ лѣсахъ? Заходимъ мы въ пещеры,
 Гдѣ мало кто бываетъ,—въ глушь лѣсовъ,—
 И знаемъ эти странныя созданья,
 И часто слышимъ голосъ ихъ, но встрѣтить
 Не можемъ никогда,—они дичатся.
 Гдѣ прячутся они?

второй фавнъ.

Нельзя узнать.
 Отъ тѣхъ, кто видѣлъ много разныхъ духовъ,

Такой рассказ я слышала: чары солнца
 Проходят съ высоты на дно затоновъ,
 На илистое дно лѣсныхъ озеръ,
 Тамъ блѣдныя подводныя растенія
 Цвѣтутъ, и съ ихъ цвѣтовъ лучи дневныя
 Выплавляютъ сокъ воздушныхъ пузырей;
 Вотъ въ этихъ-то шатрахъ, такихъ прозрачныхъ,
 Въ зеленой золотистой атмосферѣ,
 Которую засвѣчиваетъ полдень,
 Пройдя сквозь ткань листовъ переплетенныхъ,
 Тѣ духи гармоничныя живутъ;
 Когда же ихъ жилища разлетятся,
 И воздухъ, распаленный ихъ дыханьемъ,
 Изъ этихъ замковъ свѣтлыхъ мчится къ небу,—
 Они летятъ на искрахъ, гонятъ ихъ,
 И внизъ полетъ, блестящій направляють,
 И вновь скользятъ огнемъ въ подводной мглѣ.

ПЕРВЫЙ ФАВНЪ.

О, если такъ, тогда другіе духи
 Живутъ иною жизнью? Въ лепесткахъ
 Гвоздики, въ колокольчикахъ лазурныхъ,
 Растущихъ на лугахъ? Внутри фіалокъ,
 Иль въ ихъ душистой смерти—въ ароматѣ?
 Иль въ капелькахъ свергающей росы?

ВТОРОЙ ФАВНЪ.

И множество еще придумать можемъ
 Для нихъ жилищъ. Но если будемъ мы
 Стоять и такъ болтать,—Силень сердитый,
 Увидѣвъ, что до полдня не дошли
 Мы козъ его, начнемъ на насъ ворчать,
 За то, что мы поемъ святыя гимны
 О Хаосѣ, о Богѣ, о судьбѣ,
 О случаѣ, Любви, и о Титанѣ,
 Какъ тернить онъ мучительную участь,
 Какъ будетъ онъ освобожденъ, чтобъ сдѣлать
 Единнымъ братствомъ землю,—тѣ напѣвы,
 Которые мы въ сумерки поемъ,

Смягчая одиночество досуга
 И заставляя смолкнуть соловьевъ,
 Не знающихъ, что есть на свѣтѣ зависть.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Вершина скалы между горъ Азія и Пантея.

ПАНТЕЯ.

Сюда привелъ насъ звукъ, на высю горъ,
 Гдѣ царствуетъ могучій Демогоргонъ.
 Встаютъ врата, подобныя жерлу
 Вулкана, извергающаго искры
 Падучихъ звѣздъ; на утрѣ дней, блуждая,
 Здѣсь люди одинокіе выплавляютъ
 Дыханіе пророческихъ паровъ,
 Зовутъ ихъ добродѣтелью, любовью,
 Восторгомъ, правдой, гениемъ,—и пьютъ
 Хмѣльной напѣтокъ жизни, до подонковъ,
 Пока не опьянятъ себя,—и громко
 Кричатъ, какъ рой вакханокъ, «Эво!»—
 Для міра заразителей тотъ голосъ.

АЗІЯ.

Престоль, достойный Власти! Что за пышность!
 Земля, о какъ прекрасна ты! И если
 Ты только тѣнь прекраснѣйшаго духа,
 И если заняла язва зла
 Красивое и слабое созданье,—
 Я все-таки готова ницъ упасть,
 И передъ нимъ и предъ тобой молиться.
 И даже въ этотъ мигъ моя душа
 Готова обожать. О, какъ чудесно!
 Взгляни, сестра, пока еще пары
 Твоей умъ не затуманили: подъ нами
 Пѣмая ширь волнистыхъ испареній,
 Какъ озеро въ какой-нибудь долигѣ
 Среди Индійскихъ горъ, подъ небомъ утра
 Сверкающее блескомъ серебра!
 Смотри, равнина этихъ испареній,
 Подобная могучему приливу.

Плыветъ, и верхъ скалы, гдѣ мы стоимъ,—
 Какъ островъ одинокій, посредиѣ;
 А тамъ, кругомъ, какъ поясъ исполнскій,
 Цвѣтуще и темные лѣса,
 Прогалины, окутанныя мглою,
 Пещеры, озаренныя ключами,
 И вѣтромъ зачарованныя формы
 Кочующихъ и тающихъ тумановъ;
 А дальне, съ горъ, прорѣзавшихъ лазурь,
 Отъ ихъ остроконечностей воздушныхъ,
 Встаеъ заря, какъ брызги свѣтлой пѣны,
 Разбившейся объ островъ, гдѣ-нибудь
 Въ Атлантикѣ, по вѣтру Океана
 Разсыпанной играющей блестяи;
 Ихъ стѣны опоясали долину;
 Отъ ихъ обрывовъ, тронутыхъ тепломъ,
 Рвущіе струятся водопады
 И грохотомъ тяжелымъ насыщаютъ
 Заслушавшіеся вѣтеръ; долгіи гулъ,
 Возвышенный и страшный, какъ молчанье!
 Снѣгъ рушится! Ты слышишь? Это—солнце
 Лавину пробудило; тѣ громады,
 Просѣяныя трижды горной бурей,
 По хлопьямъ собирались; такъ въ умахъ,
 На судъ зовущихъ небо, возникаетъ
 За думой дума властная, пока
 Не вырвется на волю пѣсни правды,
 И долгимъ эхомъ вторять ей народы.

ПАНТЕЯ.

Взгляни, прибой тумановъ безпокойныхъ
 Разсыпался у самыхъ нашихъ ногъ
 Багряной пѣной! Ширится все выше,
 Какъ волны Океана, повинуясь
 Волшебной чарѣ мѣсяца.

АЗІЯ.

Обрывки
 Огромныхъ тучъ развѣялись кругомъ;

И вѣтеръ, что разноситъ ихъ, ворвался
 Въ волну мохъ волосъ; мои глаза
 Какъ будто слѣпнуть; умъ—въ водоворотѣ;
 Рядъ образовъ прозрачныхъ предо мной!

ПАНТЕЯ.

Я вижу—вдалѣ зовущую улыбку!
 И въ золотѣ кудрей огонь лазурный!
 За тѣнью тѣнь! Они поютъ! Внимаи!

ПѢСНЬ ДУХОВЪ.

Внизъ, туда, гдѣ глубина,
 Внизъ, внизъ!
 Гдѣ у Смерти, въ царствѣ сна,
 Съ Жизнью вѣчная война.
 Дальше, сквозь обманъ вещей,
 Бросивъ кладбище тѣней,
 Гдѣ миражи обнялись,—
 Внизъ, внизъ!

Неустанно звукъ свѣшнть
 Внизъ, внизъ!
 Отъ собаки лань бѣжитъ;
 Въ тучѣ молнія дрожитъ;
 Смерть къ отчаянью ведетъ;
 За любовью мука идетъ;
 Мчится все,—и ты умчиъ
 Внизъ, внизъ!

Къ безднѣ вѣчной и сѣдой,—
 Внизъ, внизъ!
 Гдѣ ни солнцемъ, ни звѣздой
 Не зажжется мракъ пустой,
 Гдѣ всегда вездѣ—Одно,
 Тѣмъ же все Однимъ полно,—
 Въ эту бездну устремись,—
 Внизъ, внизъ!

Въ глубь туманной глубины,—
 Внизъ, внизъ!

Для тебя сохранены
 Чарь властительные сны,—
 Цѣнный камень въ рудникахъ,
 Голосъ грома въ облакахъ,—
 Заклинанью подчинись,—
 Внизъ, внизъ!

Мы тебя очаровали,
 Заклинаніемъ связали,—
 Внизъ, внизъ!
 Съ утомленьемъ безъ печали
 Сердцемъ кроткимъ не борись!
 О, въ Любви такая сила,
 Что ее не побѣдила
 Неуступчивость Судьбы,
 И Безсмертный, Безконечный
 Эту кротость къ жизни вѣчной
 Пробудилъ отъ сна борьбы!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пещера Демогоргона.—Азія и Пантея.

ПАНТЕЯ.

Какая форма, скрытая покровомъ,
 Сидитъ на томъ эбеновомъ престолѣ?

АЗІЯ.

Покровъ уналь.

ПАНТЕЯ.

Я вижу мощный мракъ,
 Онъ дышетъ тамъ, гдѣ мѣсто царской власти,
 И черные лучи струить кругомъ,—
 Безформенный, для глазъ неразличимый;
 Ни ясныхъ чертъ, ни образа, ни членовъ;
 Но слышимъ мы, что это Духъ живой.

ДЕМОГОРГОНЪ.

Спроси о томъ, что хочешь знать.

АЗІЯ.

Что можешь

Ты мнѣ сказать?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Все, что спросить посмѣешь.

АЗІЯ.

Кто создалъ міръ живущій?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Богъ.

АЗІЯ.

Кто создалъ

Все, что содержитъ онъ,—порывъ страстей,
 Фантазію, разсудокъ, волю, мысль?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Богъ: Всемогущій Богъ.

АЗІЯ.

Кто создалъ чувство,

Что въ меркнущихъ глазахъ рождаетъ слезы,
 Свѣтлѣй, чѣмъ взоръ неплачущихъ цвѣтовъ,
 Когда весенній вѣтеръ, пролетая,
 Къ щекамъ прильнетъ случайнымъ поцѣлуемъ,
 Или музыкой желанной прозвучитъ
 Любимый голосъ,—то нѣмое чувство,
 Что цѣлый міръ въ пустыню превращаетъ,
 Когда, мелькнувъ, не хочетъ вновь блеснуть?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Богъ, полный милосердія.

АЗІЯ.

Кто-жъ создалъ

Раскаянье, безумье, преступленье,
 И страхъ, и все, что, бросивъ цѣнь вещей,
 Влечась, вползаетъ въ разумъ челоуѣка
 И тамъ надъ каждымъ помысломъ виситъ,
 Идя невѣрнымъ шагомъ къ смертной ямѣ?

Кто создалъ боль обманутой надежды,
И ненависть—обратный ликъ любви,
Презрѣнїе къ себѣ—питье изъ крови,
И крикъ скорбей, и стоны безпокойства,
И Адъ, иль острый ужасъ Адскихъ мукъ?

демогоргонъ.

Онъ царствуетъ.

азія.

Скажи мнѣ только ими,—

Лишь имени его хотять страдальцы,
Проклятїя его повергнуть ницъ.

демогоргонъ.

Онъ царствуетъ.

азія.

Я вижу, знаю. Кто?

демогоргонъ.

Онъ царствуетъ.

азія.

Кто царствуетъ? Въ началѣ
Повсюду были—Небо и Земля,
Любовь и Свѣтъ; потомъ Сатурнъ явился,
Съ его престола Время снизошло,
Завистливая тѣнь. Въ его правленье
Всѣ духи первобытныя земли
Спокойствїемъ и радостью дышали,
Какъ тѣ цвѣты, которыхъ не коснулся
Ни вѣтеръ изсушающій, ни зной,
Ни ядъ червей полуживыхъ; но не далъ
Онъ права имъ—рождать себѣ подобныхъ.
Ни знанїя, ни власти, ни умѣнья
Повелѣвать движеньями стихій,
Ни мысли проникающей, какъ пламя,
Въ туманный мїръ, ни власти надъ собою,
Ни стройнаго величїя любви,
Чего имъ такъ хотѣлось. И тогда-то
Юпитеру далъ мудрость Прометей,

А мудрость—власть; и лишь съ однимъ закономъ—
«Пусть вѣчно будетъ вольнымъ человѣкомъ!»—
Ему все Небо сдѣлалъ онъ подвластнымъ.
Не вѣдать ни закона, ни любви,
Ни вѣры; быть всеильнымъ, не имѣя
Друзей,—то значить царствовать; и вотъ
Юпитеръ царствовалъ; угрюмымъ роємъ
На родъ людской съ небесъ низверглись бѣды;
Свирѣпый голодъ, темный рядъ заботъ,
Несчастїя, болѣзни и раздоры,
И страшный призракъ смерти, неизвѣстный
Дотолѣ никому; попеременно
То зной, то холодъ, сонмомъ стрѣлъ своихъ,
Въ безвременное время безпрїютныхъ
Погналъ къ пещерамъ горнымъ: тамъ себѣ
Нашли берлогу блѣдныя народы;
И въ ихъ сердца пустынные послалъ онъ
Кипящїя потребности, безумство
Тревоги жгучей, мнимыхъ благъ миражъ,
Поднявшїй смуту войнъ междоусобныхъ
И сдѣлавшїй приютъ людей—вертепомъ.
Увидѣвъ эти бѣды, Прометей
Своимъ призывомъ ласковымъ навѣялъ
Дремоту многоликихъ упованій,
Чье ложе—Элизійскїе цвѣты,
Нетлѣнный Амарантъ, Нинейскїе, Моли,
Чтобъ эти пробужденныя надежды,
Прозрачностью небесно-лѣжныхъ крылъ,
Какъ радугой, закрыли призракъ Смерти.
Послалъ Любовь связать единой сѣтью
Сердца людей,—побѣтцъ винограда,
Дающаго напитокъ бытїя,
Смирилъ огонь,—и пламя, точно звѣрь,
Хоть хищный, но ручной, рѣзвиться сталъ
Отъ одного движенья глазъ людскихъ;
И золото съ желѣзомъ, знаки власти,
Ея рабы, сокрытые въ землѣ,
Покорны стали волѣ человѣка,—

И цѣнные каменья, и яды,
 И сущности тончайшія, что скрыты
 Въ водѣ и въ нѣдрахъ горъ; онъ человѣку
 Далъ слово, а изъ слова мысль родилась,
 Что служить измѣреніемъ вселенной;
 И Знаніе, упорный врагъ преградъ,
 Поколебало мощные олпоты
 Земли и Неба; стройный умъ разлился
 Въ пророческихъ нагѣвахъ; духъ того,
 Кто слушалъ вздохи звуковъ гармоничныхъ,
 Возвысился, пока не сталъ блуждать
 По свѣтлой зыби музыки, изъятый
 Изъ тьмы заботъ, изъ смертнаго удѣла,
 Какъ Богъ; и стали руки человѣка
 Ваянія изъ камня создавать,
 Сначала зримымъ формамъ подражая,
 Потомъ превосходя ихъ такъ высоко,
 Что мраморъ сталъ печатью Божества.
 Ключей и травъ сокрытую цѣлебность
 Истолковалъ,—Недугъ вкусить и спалъ.
 И смерть, какъ сонъ, являясь людямъ стала.
 Онъ изъяснилъ запутанность орбитъ,
 Разоблачилъ пути свѣтилъ небесныхъ,
 И все сказалъ онъ—какъ мѣняетъ солнце
 Прибѣжище свое въ скитаньяхъ вѣчныхъ,
 Какаѣ власть чаруетъ блѣдный мѣсяць,
 Когда его мечтательное око
 Не смотритъ на подлунныя моря;
 Онъ научилъ людей, какъ нужно править
 Крылатой колесницей Океана,
 И Кельтъ узналъ Индійца. Въ эти дни
 Воздвиглись города; чрезъ ихъ колонны,
 Сверкающія свѣжнкой бѣлизной,
 Повѣяли ласкающіе вѣтры,
 Съ высотъ на нихъ глядѣлъ эонръ лазурный,
 Вдали видѣлось море голубое,
 Тѣнистые холмы. Такія были
 Дарованы услады Прометеемъ,

Чтобъ человѣкъ имѣлъ иной удѣлъ;
 И вотъ за это онъ виситъ и тернитъ
 Назначенныя пытки. Кто же въ мірѣ
 Является владыкой темныхъ золь,
 Чумы неизлѣчимой, той отравы,
 Которая,—лишь стоитъ человѣку
 Великое создать и поглядѣть
 Съ божественнымъ восторгомъ на созданье,—
 Сибнитъ скорѣй клеймомъ его отмѣтить,
 И дѣлаетъ скитальцемъ, отщепенцемъ,
 Отверженнымъ посмѣшищемъ земли?
 Юпитеръ? Нѣтъ: когда, отъ гнѣва хмурясь,
 Онъ небо сотрясалъ, когда противникъ
 Его въ своихъ цѣпяхъ алмазныхъ проклялъ,—
 Онъ самъ дрожалъ, какъ рабъ. Молю, открой же,
 Кто господинъ его? И рабъ-ли онъ?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Всѣ духи,—если служатъ злу,—рабы.
 Таковъ или нѣтъ Юпитеръ,—можешь видѣть.

АЗІЯ.

Скажи, кого ты Богомъ называешь?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Я говорю, какъ вы. Юпитеръ—высшій
 Изъ всѣхъ существъ, которыя живутъ.

АЗІЯ.

Кому подвластенъ рабъ?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Возможно-ль бездѣй-

Извергнуть сокровенность изъ себя!
 Нѣтъ образа у истины глубокой,
 Нѣтъ голоса, чтобъ высказать ее.
 И будетъ ли тебѣ какаѣ польза,
 Когда передъ тобой весь міръ открою
 Съ его круговращеніемъ? Заставлю
 Бесѣдовать Судьбу, Удачу, Случай,

Изъмѣнчивость, и Время? Имъ подвластно
Все, кромѣ нескончаемой Любви.

АЗІЯ.

Такъ много вопрошала я,—и въ сердцѣ
Всегда отвѣтъ такой же находила,
Какъ ты давалъ; для этихъ истинъ каждый
Въ себѣ самомъ найти оракулъ долженъ.
Еще одно спрошу я, и отвѣтъ,
Какъ мнѣ моя душа отвѣтъ дала бы,
Когда бы знала то, о чемъ прощу я.
Въ урочный часъ возстанетъ Прометей
И будетъ солнцемъ въ мірѣ возрожденномъ.
Когда же этотъ часъ придетъ?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Смотри!

АЗІЯ.

Раздвинулся утесъ, въ багряной почвѣ
Я вижу—быстро мчатся колесницы,
На радужныхъ крылахъ несутся кони
И топчутъ мракъ вѣтровъ; ихъ гонять вдаль
Возницы съ удивленными глазами,
Съ безумнымъ взоромъ; тотъ глядитъ назадъ,
Какъ будто врагъ за нимъ заклятый мчится,
Но сзади только—лики яркихъ звѣздъ;
Другіе, съ лучезарными очами,
Впередъ перегибаются—и жадно
Впиваютъ вѣтеръ скорости своей,
Какъ будто тѣнь, что такъ для нихъ желанна,
Предъ ними—тутъ—несется—и они
Ее сейчасъ обнимутъ—обнимаютъ;
Ихъ локоны блестящіе струятся,
Какъ вспыхнувшіе волосы кометъ;
И всѣ, легко скользя, стремятся дальше,
Все дальше.

ДЕМОГОРГОНЪ.

То безсмертные Часы,
О нихъ ты вопрошала за минуту.
Одинъ съ тобою хочешь говорить.

АЗІЯ.

Съ лицомъ ужаснымъ, духъ одинъ замедлилъ
Полетъ послѣдний темной колесницы
Надъ бездною разорванныхъ утесовъ.
Ты, страшный, ты, на братьевъ непохожий,
Скажи мнѣ, кто ты? Дай мнѣ знать, куда
Меня умчишь?

ДУХЪ.

Я тѣнь предназначенья,
Страшнѣйшаго, чѣмъ этотъ видъ ужасный.
И не зайдетъ еще вонъ та планета,
Какъ черный мракъ, со мною восходящій,
Неумолимой ночью обойметъ
Небесный тронъ, царя небесъ лишенный.

АЗІЯ.

Что хочешь ты сказать?

ПЛАНТЕЯ.

Тотъ страшный призракъ
Сплываетъ вверхъ съ престола своего,
Какъ всплывъ бы надъ равниною морскою
Зловѣще-синій дымъ землетрясенья,
Дыханіе погибшихъ городовъ.
Смотри: на колесницу онъ восходитъ.
Объяты страхомъ, кони понеслись.
Смотри, какъ путь его межъ звѣздъ небесныхъ
Чернѣетъ въ черной ночи!

АЗІЯ.

То—отвѣтъ.

Не странно ли!

ПАНТЕЯ.

Взгляни: у края бездны
Другая колесница; въ перламутрѣ
Играетъ алый пламень, измѣняясь
По краю этой раковины вѣжной,
Какъ кружево сквозное; юный духъ,
Сидящій въ ней, глядитъ, какъ духъ надежды;
Улыбка голубиныхъ глазъ его
Притягиваетъ душу; такъ во мракѣ
Лампада манитъ бабочекъ ночныхъ.

ДУХЪ.

Поспѣшностью молій лучистыхъ
Пою я проворныхъ коней,
Съ зарею, межъ тучъ золотистыхъ,
Купаю ихъ въ морѣ огней.
Быстрота! Что сравняется съ ней!
Улетимъ же, о дочь Океана!

Я жажду: и полночь блистаетъ;
Боюсь: отъ Тифона уйдемъ;
И съ Атласа туча не стагетъ,
Какъ землю съ луной обогнемъ.
Отъ скитаній мы въ полдень вздохнемъ.
Улетимъ же, о дочь Океана!

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Колесница останавливается въ облакѣ на вершинѣ вѣжной горы Азіи,
Пантея и Духъ Часа.

ДУХЪ.

Гдѣ разсвѣтъ и ночная прохлада,
Тамъ былъ отдыхъ всегда для коня.
Но Земля прошептала, что надо
Гнать коней съ быстротою огня,—
Пусть дыханіе пьютъ у меня!

АЗІЯ.

Ты дышешь въ ноздри имъ, но я могла бы,
Вздохнувъ, придать имъ больше быстроты.

ДУХЪ.

Увы! нельзя.

ПАНТЕЯ.

Скажи, о Духъ, откуда
Свѣтъ въ облакѣ? Вѣдь солнце не взошло!

ДУХЪ.

Оно взойдетъ сегодня только въ полдень.
На небѣ Аполлонъ удержанъ чудомъ,
И этотъ свѣтъ, подобный легкой краскѣ
Въ водѣ—отъ розъ, глядящихся въ фонтанъ,
Исходитъ отъ твоей сестры могучей.

ПАНТЕЯ.

Да, чувствую, что...

АЗІЯ.

Что съ тобой, сестра?

Блѣдишь ты.

ПАНТЕЯ.

О, какъ ты измѣнилась!
Не смѣю на тебя взглянуть. Не вижу,
Лишь чувствую тебя. Почти не въ силахъ
Переносить сіянье красоты.
Я думаю, въ стихіяхъ совершилась
Благая перемѣна, если могутъ
Они терпѣть присутствіе твое,
Не скрытое покровомъ. Нереиды
Разсказывали мнѣ, что въ день, когда
Раздвинулась прозрачность океана,
И ты стояла въ раковинѣ свѣтлой.
По глади водъ хрустальныхъ унывая,
Межъ острововъ Эгейскихъ, къ берегамъ,
Что носятъ имя Азіи,—любовью,
Внезапно засверкавшей отъ тебя,
Наполнился весь міръ, какъ свѣтомъ солнца,—
И небо, и земля, и океанъ,
И темныя пещеры,—до тѣхъ поръ,
Пока печаль—въ души, откуда встала,—

Не создала затмения; теперь
 Не я одна, твоя сестра, подруга,
 Избранница,—а цѣлый міръ со мной
 Въ тебѣ найти сочувствіе хотѣлъ бы.
 Ты слышишь звуки въ воздухѣ? То вѣсть
 Любви всѣхъ тѣхъ, въ комъ есть душа и голосъ.
 Ты чувствуешь, что даже мертвый вѣтеръ
 Къ тебѣ любовью страстной дышетъ? Чу!

(Музыка)

азія.

Твои слова—какъ эхо словъ его;
 По нѣжности однимъ лишь имъ уступать.
 Но всякая любовь нѣжна,—и та,
 Что ты дашь, и та, что получаешь;
 Любовь—для всѣхъ, какъ свѣтъ; и никогда
 Ея знакомый голосъ не наскучитъ;
 Какъ даль небесъ, какъ все хранящій воздухъ,
 Она червя равняетъ съ Божествомъ.
 И кто внушитъ любовь, тотъ сладко счастливъ,
 Какъ я теперь; но кто полюбитъ самъ,
 Насколько онъ счастливѣй, послѣ скорби,
 Какъ скоро буду я.

пантея.

О, слушай! Духи!

Голосъ въ воздухъ, поющій.
 Жизни Жизни! Любовью дышетъ
 Воздухъ между губъ твоихъ;
 Счастливъ тотъ, кто смѣхъ твой слышитъ.
 Спрячь его въ глазахъ своихъ;
 Кто туда свой взглядъ уронитъ,
 Въ лабиринтѣ ихъ потонетъ.
 Чадо Свѣта! Твой покровъ
 Свѣтлыхъ членовъ не скрываетъ;
 Такъ завѣсу облаковъ
 Блескъ разсвѣта разрываетъ;
 И куда бы ты ни шла,

Вкругъ тебя растаетъ мгла.

Красота твоя незрима,
 Только голосъ внятенъ всѣмъ,
 Ты для сердца оцутима,
 Но невидима никѣмъ,
 Души всѣхъ съ тобой, какъ звеня,—
 Я, погибшее видѣнье.

Свѣтъ Земли! Вездѣ, гдѣ ты,
 Тѣни, въ блескѣ, бродятъ стройно,
 Въ ореолѣ красоты
 По вѣтрамъ идутъ спокойно,
 И погибнуть—не скорбя,
 Ярко чувствуя тебя.

азія.

Моя душа—какъ лебедь сонный,
 И какъ челнокъ замороженный,
 Скользитъ въ волнахъ серебрянаго лѣнья.
 А ты, какъ ангелъ бѣлоснѣжный,
 Ладыю влечешь рукою нѣжной,
 И вѣтры чуть звенятъ, ища забвенья.
 Тотъ звукъ впередъ ее зоветъ,
 И вотъ душа моя плыветъ
 Въ рѣкѣ, среди излучинъ длинныхъ,
 Средь горъ, лѣсовъ, средь новыхъ водъ,
 Среди какихъ-то мѣстъ пустынныхъ.
 И мнѣ ужъ снится Океанъ,
 И я плыву, за мной—туманъ,
 И сквозь волнение,
 Сквозь упоенье,
 Все ярче ширится немолкнущее лѣнье,
 И я кружусь въ звенящей мглѣ забвенья.
 Все выше мчимся мы, туда,
 Гдѣ свѣтъ гармоніи всегда,
 Гдѣ небеса всегда прекрасны.
 И нѣтъ теченій, нѣтъ пути,
 Но намъ легко свой путь найти,

Мы чувству музыки подвластны,
 И мы снѣшимъ. Отъ лучшихъ сновъ,
 Отъ Элизійскихъ острововъ,
 Ты мчишь ладью моихъ желаній,
 Въ инья сферы бытія,—
 Туда, гдѣ смертная ладья
 Еще не вѣдала скитаній,—
 Въ тотъ свѣтлый край, гдѣ все любовь,
 Гдѣ чище волны, вѣтры тише,
 Гдѣ землю, узрѣнную вновь,
 Соединимъ мы съ тѣмъ, что всѣхъ предчувствій выше.
 Покинувъ Старости пріютъ,
 Гдѣ льды свой блескъ холодный льютъ,
 Мы Возмужалость миновали,
 И Юность, ровный океанъ,
 Гдѣ все—улыбка, все—обманъ,
 И дѣтство, чуждое печали.
 Сквозь Смерть и Жизнь—къ иному дню,
 Къ небесно-чистому огню,—
 Чтобъ вѣчно дали голубѣли!
 Въ Эдемъ уютной красоты,
 Гдѣ внизъ глядяще цвѣты
 Струятъ сіянье въ колыбели,—
 Гдѣ миръ, гдѣ мѣста нѣтъ борьбѣ,
 Гдѣ жизнь не будетъ сномъ докучнымъ,
 Гдѣ тѣни, близкія тебѣ,
 Влуждаютъ по морямъ, съ напѣвомъ сладкозвучнымъ!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Небо.—Юпитеръ на престолѣ; Геттида и другія Волшебства.

ЮПИТЕРЪ.

Союзъ, подвластный мнѣ,—о силы неба,
 Вы дѣлите со мною власть и славу,
 Ликуйте! Я огниѣ всемогущъ.
 Моей безмѣрной силѣ все подвластно,
 Лишь духъ людской, огнемъ неугасимымъ,
 Еще горитъ, взметаясь къ небесамъ,
 Съ упреками, съ сомнѣьемъ, съ буйствомъ жалобъ,
 Съ молитвой неохотной,—громоздя
 Восстаніе, способное подрывъ
 Подъ самыя основы нашей древней
 Монархіи, основанной на вѣрѣ
 И страхѣ, порожденномъ вмѣстѣ съ адомъ.
 Какъ хлопья снѣга въ воздухѣ летятъ,
 Къ утесу прилиная,— такъ въ пространствѣ
 Безчисленность моихъ проклятій людямъ
 Пристала къ нимъ, заставила взбираться
 По скатамъ жизни, ранящимъ ихъ ноги,
 Какъ ранилъ ледъ лишеннаго сандалій,—
 И все-таки они, превыше бѣдъ,
 Стремятся ввысь, по часъ паденья близокъ:
 Вотъ только-что родилъ я чудо міра,
 Дитя предназначенья, страхъ земли,
 И ждетъ оно медлительнаго часа,
 Чтобъ съ трона Демогоргона примчатъ

Чудовищную силу вѣчныхъ членовъ,
Которой этотъ страшный духъ владѣеть,—
Оно сойдетъ на землю и растопчетъ
Мятежный духъ возстанья.

Ганимедъ,

Налей вина небеснаго, наполни
Какъ бы огнемъ Дедаловы чашы.
И ты, союзъ торжественныхъ гармоній,
Воспрянь въ цвѣтахъ отъ пажитей небесныхъ,
Всѣ пейте, всѣ,—покуда свѣтлый нектаръ
Въ крови у васъ, о Гени безсмертья,
Не поселить духъ радости живой,
И шумная восторженность прорвется
Въ одномъ протяжномъ говорѣ, подобномъ
Напѣвамъ Элизійскихъ бурь.

А ты,

Блестящій образъ вѣчности, Тетиды,
Взойди и сядь на тронъ со мною рядомъ,
Въ сіяніи желанія, которымъ
И я, и ты сливаемся въ одно.
Когда кричала ты: «О всепобѣдный
Богъ, пощади меня! Изнемогаю!
Присутствіе твое—огонь палящій;
Я таю вся, какъ тотъ, кого сгубила
Отравой Нумидійская змѣя.»—
Въ то самое мгновеніе два духа
Могучіе, смѣшавшись, породили
Сильнѣйшаго, чѣмъ оба; онъ теперь
Невоплощенный между насъ витаетъ
Невидимо; онъ ждетъ, чтобы къ нему
Отъ трона Демогоргона явилось
Живое воплощеніе! Чу! грохочутъ
Среди вѣтровъ колеса изъ огня!
Побѣда! Слышу громъ землетрясенья.
Побѣда! Въ быстролетной колесницѣ
Тотъ мощный духъ спѣшитъ на высь Олимпа.

(Приближается колесница Часа. Демогоргонъ сходитъ и направляется къ трону Юпитера)

Чудовищная форма, кто ты?

ДЕМОГОРГОНЪ.

Вѣчность.

Не спрашивай названія страшнаго.
Сойди, и въ бездну уходи со мною.
Тебя Сатурнъ родилъ, а ты меня,
Сильнѣйшаго, чѣмъ ты; и мы отнынь
Съ тобою будемъ вмѣстѣ жить во тьмѣ.
Не трогай молній. Въ небѣ за тобою
Преемника не будетъ. Если-жъ хочешь,
Съ червемъ полураздавленнымъ сравнийся,—
Онъ корчится, покуда не умретъ,—
Что-жъ, будь червемъ.

ЮПИТЕРЪ.

Исчадье омерзенья!

Въ глубокихъ Титаническихъ пещерахъ
Тебя я растопчу. Вотъ такъ! Ты медлишь?

Пощады, о, пощады! Нѣтъ ея!
Ни жалости, ни капли снисхожденья!
О, если-бъ врагъ мой былъ моимъ судьей,
Хоть тамъ, гдѣ онъ виситъ въ горахъ Кавказа,
Прикованный моею долгой мезью,
Не такъ бы онъ судилъ меня. Скажи мнѣ,
Онъ кроткій, справедливый и безстрашный,
Монархъ вселенной? Кто же ты? Скажи!
Отвѣта нѣтъ.

Такъ падай же со мною.

Въ угрюмыхъ зыбяхъ гибели умчима,
Какъ коршунъ съ истощенною змѣей,
Сплетенные въ одномъ объятіи схватки
Низвергнемся въ безбрежный океанъ,
Пусть адское жерло испуститъ пламя,
Пусть въ эту бездну огненную рухнетъ
Опустошенный міръ, и ты, и я,
И тотъ, кто побѣжденъ, и побѣдитель,

И выброски ничтожныя того,
Изъ-за чего была борьба.

О, горе!

Не слушаютъ меня стихіи. Внизъ!
Лечу! Все ниже, ниже! Задыхаюсь!
И, словно туча, врагъ мой торжествомъ
Темнитъ мое паденіе. О, горе!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Устье широкой рѣки на островѣ Атлантидѣ. — Океанъ, склонившійся около
берега. — Аполлонъ возлѣ него.

ОКЕАНЪ.

Ты говоришь: онъ палъ? Низвергнуть въ бездну
Подъ гнѣвомъ побѣдителя?

АПОЛЛОНЪ.

Да! Да!

И лишь борьба, смутившая ту сферу,
Что мнѣ подвластна, кончилась, и звѣзды
Недвижныя на небѣ задрожали,—
Какъ ужасъ глазъ его кровавымъ свѣтомъ
Все небо озарилъ, и такъ онъ палъ
Сквозь полосы ликующаго мрака
Послѣдней вспышкой гаснущаго дня,
Горящаго багряной агоніей
По склону неба, смятаго грозой.

ОКЕАНЪ.

Онъ палъ въ туманность бездны?

АПОЛЛОНЪ.

Какъ орель,

Застигнутый надъ высями Кавказа
Взорвавшеюся тучей, въ бурѣ бьется,
И съ вихремъ обнимается крылами,—
И взоръ очей, глядѣвшихъ прямо въ солнце,
Отъ блеска ярко-бѣлыхъ молній слѣпнетъ,
А градъ тяжелый бьетъ его, пока

Онъ внизъ не устремится, точно камень,
Облѣпленный воздушнымъ цѣпкимъ льдомъ.

ОКЕАНЪ.

Отнынѣ подъ мятежными вѣтрами
Поля морей, куда глядится Небо,
Не будутъ подниматься тяжело,
Запятнанныя кровью; нѣтъ, какъ нивы,
Едва шумя въ дыханьи лѣтнихъ дней,
Они чуть слышно будутъ волноваться;
Мои потоки мирно потекутъ
Вокругъ материковъ, кшащихъ жизнью,
Вкругъ острововъ, исполненныхъ блаженства;
И съ троновъ гляцевитыхъ будетъ видно
Протею голубому, влажнымъ нимфамъ,
Какъ будутъ плыть нѣмые корабли;
Такъ смертные, поднявъ глаза, взираютъ
На быструю ладью небесъ—луну,
Съ наполненными свѣтомъ парусами
И съ рулевымъ—вечернею звѣздой,
Влекомой въ быстрой зыби, по отливу
Темнѣющаго дня; мои валы
Въ скитаніяхъ не встрѣтятъ криковъ скорби,
Не встрѣтятъ ни насилія, ни рабства,
А лики—въ глубь глядящихся—цвѣтовъ,
Дыханіе пловучихъ ароматовъ,
И сладостныхъ напѣвовъ музыкальность,
Какая духамъ грезится.

АПОЛЛОНЪ.

А я

Не буду видѣть темныхъ злодѣяній,
Мрачащихъ духъ мой скорбью, какъ затменье
Подвластную мнѣ сферу омрачать.
Но чу! звенитъ серебряная лютня,
То юный духъ на утренней звѣздѣ
Изъ струнъ воздушность гимна исторгаетъ.

ОКЕАНЪ.

Спѣши. Твои недремлющія кони
 Подъ вечеръ отдохнутъ. Пока прощай.
 Морская глубь зоветъ меня протяжно,
 Чтобъ я шпалъ ее лазурной пѣгой,
 Что въ урнахъ изумрудныхъ, въ преизбыткѣ,
 Скопляется у трона моего.
 Смотри, изъ волнъ зеленыхъ Нереиды
 Возносятъ по теченью, какъ по вѣтру,
 Волнующихся членовъ красоту,
 Приподняты ихъ руки къ волосамъ,
 Украшеннымъ гирляндами растений,
 Морскими звѣздоносными цвѣтами,—
 Они спѣшатъ привѣтствовать восторгъ
 Своей сестры могучей.

(Слышенъ звукъ волнъ)

Это—морѣ

Спокойной пѣги жаждетъ. Подожди же,
 Чудовище. Иду! Прощай.

АПОЛЛОНЪ.

Прощай.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Кавказъ.—Прометей, Гераклесъ. Иона, Земля, Духи, Азія и Пантея
 несутся въ колесницѣ вывѣтъ съ Духомъ Часа.
 Гераклесъ освобождаетъ Прометей; Прометей сподитъ внизъ.

ГЕРАКЛЕСЪ.

Славнѣйшій въ царствѣ духовъ! Такъ должна
 Служить, какъ рабъ, властительная сила
 Предъ мудростью, предъ долгою любовью
 Предъ мужествомъ,—передъ тобой, въ чемъ сердца
 Всѣхъ этихъ свѣтлыхъ качествъ совершенство.

ПРОМЕТЕЙ.

Твои слова желаннѣй для меня,
 Чѣмъ самая свобода, о которой
 Такъ долго, такъ мучительно мечталъ я.

Внемлите мнѣ—ты, Азія моя,
 Свѣтъ жизни, тѣнь неузрѣннаго солнца,
 Вы, сестры-нимфы, сдѣлавшія мнѣ
 Года жестокихъ штыокъ сномъ чудеснымъ,
 Любовью вашей скрашеннымъ навѣкъ,—
 Отнынѣ мы не будемъ разлучаться.
 Здѣсь есть пещера; вся она кругомъ
 Обвита сѣтью вьющихся растений,
 Семей цвѣтовъ,—преградой для дня;
 Мерцаетъ полъ отливомъ изумруда,
 Звучитъ фонтанъ, какъ пѣсня пробужденья;
 Съ изогнутаго верха сходятъ внизъ,
 Какъ серебро, какъ снѣгъ, какъ брилліанты,
 Холодныя спирали, слезы горъ,
 Струятъ вокругъ невѣрное сіянье;
 И слышенъ здѣсь всегда-подвижный воздухъ,
 Отъ дерева онъ къ дереву спѣшитъ,
 Съ листа на листъ; тотъ рокотъ—внѣ пещеры;
 И слышно пѣнье птицъ, жуужканье пчелъ;
 Повсюду видны мшистыя сидѣнья,
 И камни стѣнъ украшены травой,
 Продолговатой, сочной; здѣсь мы будемъ
 Въ жилищѣ невзыскательномъ сидѣть,
 Бесѣдовать о времени, о мірѣ,
 О томъ, какъ въ немъ приливы и отливы
 Проходятъ цѣлымъ рядомъ переменъ,—
 Межъ тѣмъ какъ мы отъ вѣка неизмѣнны,—
 О томъ, какъ челоуѣка уберечь
 Отъ узъ его измѣнчивости вѣчной.
 Вздохнете вы, и я вамъ улыбнусь,
 А ты, Иона, слухъ нашъ зачаруешь,
 Припомнимъ звуки музыки морской,—
 Пока изъ глазъ моихъ не брызнутъ слезы,
 Чтобъ вы улыбкой стерли ихъ опять.
 Переплетемъ лучи, цвѣты, и почки,
 Сплетемъ изъ повседневности узоры,
 Нежданые по странности своей,—
 Какъ то доступно дѣтямъ челоуѣка

Въ разсвѣтъ ихъ невинности; мы будемъ
 Упорствомъ словъ любви и жадныхъ взглядовъ
 Искать сокрытыхъ мыслей, восходя
 Отъ свѣтлаго къ тому, въ чемъ больше свѣта,
 И точно лютни, тронутыя въ бурю
 Воздушнымъ поцѣлуемъ, создадимъ
 Все новыхъ-новыхъ звуковъ гармоничность,
 Изъ сладостныхъ различій безъ вражды;
 Со всѣхъ концовъ небесъ примчатся съ вѣтромъ,—
 Какъ пчелы, что съ цвѣтовъ воздушныхъ Эины
 Летятъ къ своимъ знакомымъ островамъ,
 Домамъ въ Химерѣ,—отзвуки людскіе,
 Почти неслышимый тихій вздохъ любви,
 И горестное слово состраданья,
 И музыка, сердечной жизни эхо,
 И все, чѣмъ человѣкъ, теперь свободный,
 Смягчается и дѣлается лучшимъ;
 Красивыя видѣнія,—сперва
 Туманныя, блистательныя позже,
 Какъ умъ, въ который брошены лучи
 Отъ тѣснаго объятія съ красотою,—
 Прибудутъ къ намъ: безсмертное потомство,
 Чьи свѣтлые родители—Ваяны
 И Живопись, и сказочный восторгъ
 Поэзіи, и многія искусства,
 Что въ эти дни невѣдомы мечтѣ,
 Но будутъ ей открыты; рой видѣній,
 Призывы, откровенія того,
 Чѣмъ будетъ человѣкъ,—восторгъ предчувствій,
 Связующихъ зиждительной любовью
 Людей и насъ,—тѣ призраки и звуки,
 Что быстро измѣняются кругомъ,
 Становятся прекраснѣй и вѣжливѣ,
 Въ то время какъ добро сильнѣй растетъ
 Среди людей, бѣгущихъ отъ ошибокъ.
 Такихъ-то чаръ исполнена пещера
 И все вокругъ нея.

(Обращаясь къ Духу Часа)

Прекрасный Духъ,
 Еще одно сверши предназначенье.
 Даи раковину свѣтлую, Иона,
 Которую изъ моря взялъ Протей
 Для Азии, какъ свадебный подарокъ:
 Дыша въ нее, онъ вызоветъ въ ней голосъ,
 Тобою скрытый въ травахъ подъ скалой.

ИОНА.

Желанный Часъ, изъ всѣхъ Часовъ избранникъ,
 Вотъ раковина тайная, возьми;
 Играютъ въ ней мистическія краски,
 Лазурь, блѣднѣя, чистымъ серебромъ
 Ее живить и вѣжно одѣваетъ:
 Неправда ли, она какъ тотъ нагѣвъ,
 Что дремлетъ въ ней, мечтою убаюканъ?

ДУХЪ.

Да, въ водахъ Океана вѣтъ другой,
 Чтобъ съ ней могла сравниться; въ ней, конечно,
 Скрытъ нагѣвъ—и сладостный, и странный.

ПРОМЕТЕЙ.

Слѣши, лети надъ сонмомъ городовъ,
 Пусть кони вѣтроногіе обгоняютъ
 Стремительное солнце, вокругъ земли
 Свершающее путь; буди повсюду
 Горящій воздухъ; въ раковинѣ свѣтлой
 Могучесть звуковъ скрытыхъ воззови,—
 На этотъ громъ Земля отвѣтитъ эхомъ,
 Потомъ вернись, и будешь вмѣстѣ съ нами
 Въ пещерѣ жить. А ты, о Мать Земля—

ЗЕМЛЯ.

Я слышу, слышу устъ родныхъ дыханье,
 Твое прикосновеніе доходитъ
 До центра брилліантоваго мрака,
 Что бьется въ нервахъ мраморныхъ монхъ.
 О жизнь! О радость! Чувствую дыханье
 Безсмертно-молодое! Вкругъ меня

Какъ будто мчатся огненные стрѣлы.
 Отнынѣ въ лоѣ ласковомъ моемъ
 Всѣ дѣтница мои, растенья, рыбы,
 Животныя, и птицы, и семья
 Ползучихъ формъ и бабочекъ цвѣтистыхъ,
 Летающихъ на радужныхъ крылахъ,
 И призраки людскіе, что отраву
 Въ груди моей увядшей находили,—
 Теперь взаѣмну яда горькихъ мукъ
 Найдутъ иную сладостную пищу;
 Всѣ будутъ для меня—какъ антилопы,
 Рожденныя одной красивой самкой,
 Всѣ будутъ нѣжно-чистыми, какъ снѣгъ,
 И быстрыми, какъ вѣтеръ безпокойный,
 Питаемый шумящею рѣкой
 Средь бѣлыхъ лилій; сонъ мой будетъ рѣять
 Росистыми туманами надъ міромъ,—
 Бальзамъ для всѣхъ, кто дышетъ въ царствѣ звѣздъ;
 Цвѣты, свернувъ листки свои во мракъ,
 Найдутъ во снѣ таинственныя краски,
 Что раньше имъ не грезились; а люди
 И звѣри, въ сладкой нѣгѣ сновъ ночныхъ,
 Для зрѣющаго дня найдутъ блаженство
 Нетронутыхъ, нерасточенныхъ силъ;
 И будетъ смерть—объятіемъ послѣднимъ
 Той матери, что жизнь дала ребенку
 И шепчетъ: «Милый, будь со мной всегда».

ЛЗІЯ.

Зачѣмъ ты вспоминаешь имя смерти?
 Скажи, родная, тотъ, кто умираетъ,
 Перестаетъ глядѣть, дышать, любить?

ЗЕМЛЯ.

Могу ли я отвѣтить? Ты безсмертна,
 А эта рѣчь понятна только тѣмъ,
 Кто мертвое хранитъ молчанье, мертвый;
 Смерть есть покровъ, который въ царствѣ жизни
 Зовется жизнью: если-жъ тотъ, кто жилъ,

Уснетъ навѣкъ,—покровъ предъ нимъ приподнять;
 А между тѣмъ, въ разнообразіи нѣжномъ,
 Проходить смѣны осени, зимы,
 Весны и лѣта; радугой обвиты,
 Снѣжать дожди, воздушно шепчутъ вѣтры,
 И стрѣлы метеоровъ голубыхъ
 Пронизываютъ ночь, и солнце свѣтитъ
 Всезрящимъ, вѣчно-творческимъ огнемъ,
 И летаетъ влажный блескъ спокойствій лунныхъ;
 Вліянія зидительныя всюду,
 Въ лѣсахъ, въ поляхъ, и даже въ глубинѣ
 Пустынныхъ горъ, лелѣющихъ растенья.
 Но слушай! Есть пещера, гдѣ мой духъ
 Изнемогалъ отъ горести безумной,
 Дыша твоимъ мученьемъ,—и другіе,
 Дышавшіе тѣмъ воздухомъ со мной,
 Испытывали также бредъ безумья:
 Построивъ храмъ, воздвигли въ немъ оракулъ,
 И множество кочующихъ народовъ
 Къ войнѣ междоусобной подстрекали;
 Теперь въ мѣстахъ, гдѣ рѣялъ духъ вражды,
 Вдыхаетъ дуновение фіалокъ,
 Сіянье безмятежное поитъ
 Прозрачный воздухъ алостью чудесной;
 Живутъ лѣса, уклоны горъ; заѣвится
 Зеленый виноградъ; плететь узоры
 Причудливый, замысловатый плющъ;
 Цвѣты,—въ бутонахъ,—въ пышности расцвѣта,—
 Съ увядшимъ благовоіемъ,—вздыхаютъ,
 Звѣздятся въ вѣтрѣ всплывками цвѣтными;
 Висятъ плоды округло-золотые
 Въ своихъ родныхъ зеленыхъ небесахъ,
 Среди листовъ съ ихъ тканью тонкихъ яблокъ;
 Среди стеблей янтарныхъ дышутъ чаши
 Пурпуровыхъ цвѣтовъ, блестя росой,
 Напиткомъ духовъ; съ шопотомъ о счастья
 Кругомъ чуть вѣютъ крылья сновъ полдневныхъ,
 Блаженныхъ, потому что съ нами—ты.

Иди въ свою завѣтную пещеру.

Явись! Возстань!

(Духъ полагается въ образъ крылатаго ребенка)

Мой факельникъ воздушный,

Онъ въ древности свѣтильникъ погасилъ,
 Чтобъ въ тѣ глаза смотрѣть, откуда снова
 Досталъ огня сверкающей любви,
 Въ твои глаза, о дочь моя, въ которыхъ
 Дѣйствительно горитъ огонь лучистый.
 Бѣги впередъ, шалунъ, веди собранье
 Все дальше, за Вакхическую Нису,
 Пристанище Менадъ,—за выси Инда
 Съ подвластной свитой рѣкъ, тончи потоки
 Извилистыхъ ручьевъ, тончи озера
 Своими неустанными ногами,—
 Иди туда, туда, гдѣ мирный долъ,
 Къ стремнинѣ зеленѣющей, гдѣ дремлетъ
 На глади неподвижнаго прудка,
 Среди кристальной влаги, образъ храма,
 Стоящаго въ прозрачной высотѣ,
 Съ отчетливою стройностью узоровъ
 Колоннъ и архитрава, и съ похожей
 На пальму кашителью, съ цѣлымъ роємъ
 Праксителевыхъ формъ, созданий мысли,
 Чьи мраморныя кроткія улыбки
 Притихшій воздухъ вѣчно наполняютъ
 Безсмертіемъ немеркнувшей любви.
 Тотъ храмъ теперь покинуть, но когда-то
 Твое носилъ онъ имя, Прометей;
 Тамъ юноши въ пылу соревновавья
 Сквозь мракъ священный въ честь твою несли
 Твою эмблему—свѣточъ; вмѣстѣ съ ними
 Другіе проносили тотъ же факель,
 Свѣтильникъ упованія, сквозь жизнь
 Идя въ могилу,—какъ и ты побѣдно
 Пронесъ его сквозь тьму тысячелѣтій
 Къ далекой цѣли Времени. Прощай.
 Иди въ тотъ храмъ, иди къ своей пещерѣ!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Лѣсъ.—На заднемъ фонѣ пещера.—Прометей, Азія, Пантея, Гона, и Духъ Земли.

ГОНА.

Сестра! Но это что-то неземное!
 Какъ онъ легко надъ листьями скользитъ!
 Надъ головой его горитъ сѣянье,
 Какаѣ-то зеленая звѣзда;
 Силетается съ воздушными кудрями,
 Какъ пряди изумрудныя, лучи;
 Онъ движется, и велѣдъ за нимъ на землю
 Ложатся пятна сѣбга. Кто-бъ онъ былъ?

ПАНТЕЯ.

Прозрачно-пѣкный духъ, ведущій землю
 Сквозь небо. Съ многочисленныхъ созвѣздій
 Издалека онъ виденъ всѣмъ, и пѣтъ
 Другой планеты болѣе прекрасной;
 Порою онъ плыветъ вдоль пѣны моря,
 Проносится на облакѣ туманномъ,
 Блаждасть по полямъ и городамъ,
 Покуда люди спятъ; онъ бродитъ всюду,
 На высахъ горъ, по водамъ рѣкъ широкихъ,
 Средь зеленъ пустынь, людьми забытыхъ—
 Всему дивясь, что видитъ предъ собой.
 Когда еще не царствовалъ Юпитеръ,
 Онъ Азію любилъ, и каждый часъ,
 Когда освобождался отъ скитаній,
 Онъ съ нею былъ, чтобъ нить въ ея глазахъ
 Лучистое и влажное мерцанье.
 Ребячески онъ съ ней болталъ о томъ,
 Чтò видѣлъ, чтò узналъ, а зналъ онъ много,
 Хотя о всемъ по-дѣтски говорилъ.
 И такъ какъ онъ не зналъ,—и я не знаю,—
 Откуда онъ,—всегда онъ звалъ ее:
 «О мать моя!»

ДУХЪ ЗЕМЛИ (*блѣжитъ къ Азии*).

О мать моя родная!
Могу ли я бесѣдовать съ тобою?
Прильнуть глазами къ ласковымъ рукамъ,
Когда отъ счастья взоры утомятся?
И близъ тебя рѣзвиться въ долгій полдень,
Когда въ безмолвномъ мѣрѣ нѣтъ работы?

АЗІЯ.

Люблю тебя, о милый, нѣжный мой,
Теперь всегда тебя ласкать я буду;
Скажи мнѣ, что ты видѣлъ: рѣчь твоя
Была утѣхой, будетъ наслажденьемъ.

ДУХЪ ЗЕМЛИ.

О мать моя, я сдѣлался умнѣе,
Хоть въ этотъ день ребенкомъ быть не можетъ
Такимъ, какъ ты—и умнымъ, и счастливымъ.
Ты знаешь, змѣи, жабы, червяки,
И хищныя животныя, и вѣтви,
Тяжелыя отъ ягодъ смертоносныхъ,
Всегда преградой были для меня,
Когда скитался я въ зеленомъ мѣрѣ.
Ты знаешь, что въ жилищахъ человѣка
Меня пугали грубыя черты,
Вражда холодныхъ взглядовъ, гнѣвность, гордость,
Надменная походка, ложка улыбокъ,
Невѣжество, влюбленное въ себя,
Съ усмѣшкою тупой,—и столько масокъ,
Которыми дурная мысль скрываетъ
Прекрасное созданіе,—кого
Мы, духи, называемъ человѣкомъ;
И женщины,—противнѣе, чѣмъ все,
Когда не такъ онѣ, какъ ты, свободны,
Когда не такъ онѣ чистосердечны,—
Такую боль мнѣ въ сердцѣ поселяли,
Что мимо проходить я не рѣшался,
Хотя я былъ незримъ, онѣ же спали;

И вотъ, послѣдній разъ, мой путь лежалъ
Сквозь городъ многолюдный, къ чащѣ лѣса,
Къ холмамъ, вокругъ него сплетеннымъ цѣпью;
Дремалъ у входа въ городъ часовой;
Какъ вдругъ раздался возгласъ, крикъ призывный,—
И башни въ лунномъ свѣтѣ задрожали:
То былъ призывъ могучій, нѣжный, долгій,
Онъ кончился какъ будто не хотѣлъ;
Вскочивъ съ постелей, граждане сбѣжались,
Дивясь, они глядѣли въ Небеса,
А музыка гремѣла и гремѣла;
Я спрятался въ фонтанъ, въ тѣнистомъ скверѣ,
Лежалъ, какъ отраженіе луны,
Подъ зеленою листвою, на зыбкой влагѣ,
И вскорѣ все людскія выраженья,
Путавшія меня, проплыли мимо
По воздуху, блѣднѣющей толпой.
Развѣялись, растаяли, исчезли;
И тѣ, кого покинули они,
Видѣнными илѣнительными стали,
Ниспала съ нихъ обманчивая вѣщность;
Привѣтствуя другъ друга съ восхищеньемъ,
Все спать пошли; когда же свѣтъ зари
Забрезжился,—не можешь ты представить,—
Вдругъ змѣи, саламандры и лягушки,
Немного измѣнивши видъ и цвѣтъ,
Красныя стали; все преобразилось;
Въ вещахъ дурное сгладилось; и вотъ,
Взглянувъ я внизъ на озеро, и вижу—
Къ водѣ склонился кустъ, переплетенный
Съ вѣтвями белладонны; на вѣтвяхъ
Усылись два лазурныхъ зимородка
И быстрыми движеніями клова
Счищали гроздыя свѣтлыхъ ягодъ амбры,
Ихъ образы видѣлись въ глади водъ.
Какъ въ небѣ; видя всюду перемѣны
Счастливыя, мы встрѣтились опять,
И въ этой новой встрѣчѣ—верхъ блаженства.

азія.

И больше мы не будем разлучаться,
Пока твоя стыдливая сестра,
Ведущая непостоянный мѣсяць,—
Холодную луну,—не взглянетъ съ лаской
На болѣе горячее свѣтило,
И сердце у нея, какъ снѣгъ, растаетъ,
Чтобъ въ свѣтъ вѣннихъ дней тебя любить.

духъ земли.

Не такъ ли, какъ ты любишь Прометея?

азія.

Молчи, проказникъ. Что ты понимаешь?
Ты думаешь, взирая другъ на друга,
Вы можете самихъ себя умножить,
Огнями напоить подлунный воздухъ?

духъ земли.

Нѣтъ, мать моя, пока моя сестра
Свѣтильникъ свой на небѣ оправляетъ,
Идти впотѣмахъ мнѣ трудно.

азія.

Тсс! Гляди!

(Духъ Часа входитъ)

ПРОМЕТЕЙ.

Мы чувствуемъ, что видѣлъ ты, и слышимъ,
Но все же говори.

духъ часа.

Какъ только звукъ,
Обнявшій громомъ землю съ небесами,
Умолкъ,—свершилась въ мѣрѣ перемѣна.
Свѣтъ солнца вездѣсущій, тонкій воздухъ
Таинственно вездѣ преобразились,
Какъ будто въ нихъ растаялъ духъ любви
И слить ихъ съ міромъ въ сладостномъ объятъ.
Острѣе стало зрѣніе мое,
И могъ взглянуть въ святилища вселенной;

Отдавшись вихрю, внизъ поплылъ я быстро,
Лѣвивыми крылами развѣвая
Прозрачный воздухъ; кони отыскали
На солнцѣ мѣсто; гдѣ они родились,
И тамъ отнынѣ будутъ жить, питаея
Цвѣтами изъ растуцаго огня.
Тамъ встану я съ своею колесницей,
Похожей на луну, увижу въ храмѣ
Плѣнительныя Фидіевы тѣни—
Тебя, себя, и Азію съ Землей,
И васъ, о нимфы ифжнныя,—глядящихъ
На ту любовь, что въ нашихъ душахъ блещетъ;
Тотъ храмъ воскреснетъ въ память перемѣнъ,
Вздываясь на двѣнадцати колоннахъ,
Глядя открыто въ зеркало небесъ
Нѣмымъ соборомъ, съ фресками-цвѣтами;
И змѣи-амфибены...

Но увя!

Увлечшись, ничего не говорю я
О томъ, что вы хотѣли бы узнать.
Какъ я сказалъ, я плыль къ землѣ, и было
До боли сладко двигаться и жить.
Скитаясь по жилищамъ человѣка,
Я былъ разочарованъ, не увидѣвъ
Такихъ же полновластныхъ перемѣнъ,
Какія ощутилъ я въ мѣрѣ виѣшнемъ.
Но это продолжалось только мигъ.
Увидѣлъ я, что больше нѣтъ насилій,
Тирановъ нѣтъ, и нѣтъ ихъ троновъ больше,
Какъ духи, люди были межъ собой,
Свободные; презрѣніе, и ужасъ,
И ненависть, и самоуниженье
Во взорахъ человѣческихъ погасли,
Гдѣ прежде въ страшный приговоръ сплетались,
Какъ надписи на стѣнѣ у входа въ адъ:
«Кто въ эту дверь вошелъ, оставь надежду!»
Никто не трепеталъ, никто не хмурилъ
Очей угрюмыхъ; съ острымъ чувствомъ страха

Никто не долженъ былъ смотрѣть другому
 Въ холодные глаза и быть игрушкой
 Въ рукахъ тирановъ, гонимыхъ раба
 Безжалостно, покуда не надеть онъ,
 Какъ загнанная лошадь; я не видѣлъ,
 Чтобъ кто-нибудь съ усмѣшкой спуталъ правду.
 Храни въ своей душѣ отраву лжи;
 Никто огня любви, огня надежды
 Въ своемъ остывшемъ сердцѣ не топталъ,
 Чтобы потомъ, съ изношенной душою,
 Среди людей влачиться, какъ вампиръ,
 Внося во все своей души заразу;
 Никто не говорилъ холоднымъ, общимъ,
 Лишеннымъ содержания языкомъ,
 Твердящимъ *нѣтъ* на голосъ утверженья,
 Звучащій въ сердцѣ; женщины глядѣли
 Открыто, кротко, съ нѣжной красотой,
 Какъ небо, всѣхъ ласкающее свѣтомъ,—
 Свободныя отъ всѣхъ обычныхъ золь,
 Изящныя блестящими тѣни,
 Онѣ легко скользили по землѣ,
 Бесѣдуя о мудрости, что прежде
 Имъ даже и не снилась,—видя чувства,
 Которыхъ раньше такъ онѣ боялись,—
 Сливаясь съ тѣмъ, на что дерзнуть не смѣли,
 И землю обращающа въ небеса;
 Исчезли ревность, зависть, вѣроломство,
 И ложный стыдъ, горчайшій изъ всего,
 Что портило восторгъ любви—забвенье.
 Суды и тюрьмы, все, что было въ нихъ,
 Все, что ихъ спертымъ воздухомъ дышало,
 Орудья пытокъ, цѣпи, и мечи,
 И скипетры, и троны, и тиары,
 Тома холодныхъ, жесткихъ размышленій,
 Какъ варварскія глыбы, громоздились,
 Какъ тѣнь того, чего ужъ больше нѣтъ,—
 Чудовищные образы, что смотрять
 Съ безсмертныхъ обелисковъ, поднимаясь

Надъ пышными гробницами, дворцами
 Тѣхъ, кто завоевалъ ихъ,—рядъ эмблемъ,
 Намекъ на то, что прежде было страхомъ,—
 Видѣнія, противныя—и богу,
 И сердцу человѣка; въ разныхъ формахъ
 Они служили дикимъ воплощеньемъ
 Юпитера,—мучителя міровъ,—
 Народности, окованныя страхомъ,
 Склонялись передъ ними, какъ рабы,
 Съ разбитымъ сердцемъ, съ горькими слезами,
 Съ мольбою, оскверненной грязью лести—
 Тому, къ кому они питали страхъ;
 Теперь во прахѣ идолы; распались;
 Разорванъ тотъ раскрашенный покровъ,
 Что въ дни былые жизнью назывался
 И былъ изображеніемъ небрежнымъ
 Людскихъ закоренѣлыхъ заблужденій;
 Упала маска гнусная; отнынѣ
 Повсюду будетъ вольнымъ человѣкъ,
 Братъ будетъ равенъ брату, всѣ преграды
 Исчезли межъ людьми; племень, народовъ,
 Сословія больше нѣтъ; въ одно всѣ слились,
 И каждый полномастенъ надъ собой;
 Настала мудрость, кротость, справедливость;
 Душа людская страсти не забудетъ,
 Но въ ней не будетъ мрака преступленья,
 И только смерть, измѣчивость и случай
 Останутся послѣднею границей,
 Послѣднимъ слабымъ гнетомъ надъ движеніемъ
 Души людской, летящей въ небеса,—
 Туда, гдѣ высшій ликъ звѣзды блистаетъ
 Въ предѣлахъ напряженной пустоты.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена.—Часть лѣса вблизи пещеры Прометей.—Пантея и Гона спятъ; въ теченіи первой пѣни онѣ постепенно пробуждаются.

ГОЛОСЪ НЕВИДИМЫХЪ ДУХОВЪ.

Звѣзды, блѣднѣя, ушли,

Свѣтъ ихъ потухъ;

Солнце вдали,

Ихъ быстрый пастухъ,

Въ выси голубой

Блескомъ своимъ

Гонитъ стада ихъ домой,—

Встаетъ въ глубинѣ разсвѣта,

Метеоры гаснутъ за нимъ

Въ волнахъ голубого свѣта,

И близкія звѣзды къ далекой звѣздѣ

Слѣшать, отдаваясь предутреннимъ играмъ,

Толнятся, какъ лани предъ тигромъ.

Но гдѣ же вы? Гдѣ?

длинный рядъ темныхъ формъ и тѣней смутно проходить съ пѣніемъ.

Идемъ мы къ забвенью,

Несемъ къ погребенью

Отца отошедшихъ годовъ;

Уносимъ мы въ вѣчность

Время безконечность,

Мы тѣни погибшихъ Часовъ!

Не зеленю тиса,

Не сномъ кипариса,

А мрачностью мертвыхъ цвѣтовъ,—

Не свѣтлой росой,—

Почтите слезою

Царя отошедшихъ Часовъ!

Скорѣе, скорѣе!

Какъ тѣни, блѣднѣя,

Вѣгутъ предъ сіяніемъ дня,

Небесной пустыней,

Бездонной и синей,

Развѣются въ брызгахъ огня,—

Такъ пѣной мы тасемъ,

Вѣжнимъ, пропадаемъ

Предъ чадами лучшаго дня;

И вѣтры за нами

Чуть плещутъ крылами,

Чуть плещутъ, крылами звеня!

ГОНА.

Кто тамъ шестуется толпой?

ПАНТЕЯ.

То минувшіе Часы

Мчатся длинною тропой

Въ свѣтѣ гаснущей росы.

ГОНА.

Гдѣ же всѣ они?

ПАНТЕЯ.

Ушли.

Вонъ ужъ тамъ, вдали, вдали,

Обогнали молній свѣтъ,—

Лишь сказали мы, ихъ нѣтъ.

ГОНА.

Ушли, но куда? Къ небесамъ? Или къ морю огромному?

ПАНТЕЯ.

Ушли навсегда къ невозвратному, къ мертвому, къ темному.

ГОЛОСЪ НЕЗРИМЫХЪ ДУХОВЪ.

Сбираются тучи и тають,
И звѣздныя росы блистають,
Рѣдѣть тумань,
Высоты безмолвны,
Всталъ Океанъ,
Пляшутъ шумящія волны;
Въ синей водѣ
Рождается грохотъ,
Паническій хохотъ.
Но гдѣ же вы? Гдѣ?

Безсмертныя сосны-громады
Поютъ вѣковыя баллады;
Ихъ голосъ могучъ,
Звенять ихъ вершины;
Плещется ключъ,
Музыкѣ внимають долины,
Радость вездѣ,
Въ восторгѣ истомы
Рождаются громы.
Но гдѣ же вы? Гдѣ?

ГОЛА.

Кто они?

ПАНТЕА.

Гдѣ они?

ПОЛУХОРЪ ЧАСОВЪ.

Заклятія духовъ Земли и Лазури
Порвали узорное кружево сна;
Мы спали глубоко въ дыханіи бури.

ГОЛОСЪ.

Глубоко?

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Глубоко: гдѣ спитъ глубина.

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Надъ нами во мракѣ склонялись видѣнья

Бѣжали столѣтья, враждою полны,
И мы открывали глаза на мгновенье,
Чтобъ встрѣтиться съ правдой—

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Страннѣе, чѣмъ сны.

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Любовь позвала насъ, и мы задрожали,
Внимали мы лютѣ Надежды во снѣ,
И вѣянье Власти слышавъ, бѣжали—

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Какъ утромъ волна убѣгаетъ къ волнѣ.

ХОРЪ.

Носитесь, кружитесь по склонамъ зефира,
Пронзайте наивномъ иѣмой небосводъ,
Чтобъ день торопливый не скрылся изъ міра
Въ пещерѣ полночной, за дымкою водъ.
Когда-то Часы безпощадной толпою,
Голодные, гнали испуганный день;
Теперь онъ не будетъ долиной ночью
Вѣжать, какъ бѣжитъ полумертвый олень.
Силетемъ же, силетемъ полнотою иѣвучей
И пѣсни и пляски въ живое звено,
Чтобъ духи блаженства, какъ радуга съ тучей,
Съ Часами сливались.

ГОЛОСЪ.

Сливались въ одно.

ПАНТЕА.

Толпятся Духи разума людского,
Закутаны, какъ въ свѣтлую одежду,
Въ гармонию наивновъ неземныхъ!

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Въ восторгѣ своемъ
Мы пляшемъ, поемъ,
И дикіе вихри свистятъ;

Такъ съ птичьей толпой
Надъ бездной морской
Летучія рыбы летятъ.

ХОРЪ ЧАСОВЪ.

Откуда вы мнитесь? Безумецъ вашъ взгляды!
На вашихъ сандаляхъ некры горятъ,
Стремительны крылья, какъ мысли полетъ,
Во взорахъ любовь никогда не умретъ!

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Изъ людского ума,
Гдѣ сгущалася тьма,
Гдѣ была слѣбота безъ просвѣта;
Тамъ растаялъ туманъ,
Тамъ теперь океанъ,
Небеса безграничнаго свѣта.

Изъ глубокихъ пучинъ,
Гдѣ лишь свѣтъ—властелинъ,
Гдѣ дворцы и пещеры—хрустальны,
Гдѣ съ воздушныхъ высотъ
Вьется Думъ хороводъ,
Гдѣ Часы навсегда безпечальны.

Изъ пѣмыхъ уголковъ,
Гдѣ въ прозрачный альковъ
Никогда не заглянуть пзмѣны;
Изъ лазурной тиши,
Гдѣ улыбки Души
Зачаруютъ, какъ пѣсня сирены.

Гдѣ Поэзи свѣтъ,
Гдѣ Скульптуры привѣтъ,
Гдѣ Наука, вздохнувъ отъ усилъ,
Ключевою водой
И росой молодой
Освѣжаетъ Дедаловы крылья.

За годами года
Намъ грозила Сѣда
И съ тоскою мы ждали блаженства,
Но въ травѣ острововъ
Было мало цвѣтовъ,
Полумертвыхъ цвѣтовъ совершенства.

А теперь нашъ полетъ
Человѣчскій родъ
Орошаетъ бальзамомъ участъя
И любовь изъ всего
Создаетъ торжество,
Создаетъ Элизійское счастье.

ХОРЪ ДУХОВЪ И ЧАСОВЪ.

Сплетемте-жь узоры мелодій пѣвучихъ;
Съ небесныхъ глубинъ, отъ предѣловъ земли,
Придите, о Духи восторговъ могучихъ,
Чтобъ пѣсни и пляски устать не могли;
Какъ дождь между молній проворныхъ и жгучихъ
Мы будемъ, блистать въ золотистой пыли,
Мы будемъ какъ звуки поющего грома,
Какъ волны, какъ тысячи брызгъ водоема.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Мы закрытую дверь
Ототкнули теперь,
Мы свободны, свободны, какъ птицы;
По высотамъ летимъ,
За звѣздою слѣдимъ,
Догоняемъ сверканье зарницы.

Мы уходимъ за грань;
Многозвѣздную ткань
Разрываемъ въ бездонной лазури;
Смерть; и Хаосъ, и Ночь
Устремляются прочь,
Какъ туманъ отъ грохочущей бури.

Нашъ могучій полетъ
 Всѣмъ Дыханье дасть,
 И Любовь улыбается Нѣгѣ;
 Звѣздъ играющій рой,
 Свѣтъ, и Воздухъ съ Землей
 Сочетаются въ огненномъ бѣгѣ.

Въ пустотѣ мы поемъ
 И чертогъ создаемъ,
 Будетъ Мудрость царить въ немъ, свѣтлѣя;
 Возрожденья хотимъ,
 Новый мiръ создадимъ,
 Назовемъ его сномъ Прометей.

ХОРЪ ЧАСОВЪ.

Разсыпьте, какъ жемчугъ, гармонию словъ,
 Одни оставайтесь, умчитесь другіе;

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Насъ манитъ за небо, за ткань облаковъ;

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Насъ держать, къ намъ ластятся чары земныя;

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Мы быстры, мы дикі, свободны во всемъ,
 Мы новую землю мечтой создаемъ,
 У неба не просимъ отвѣта;

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Мы шествуемъ тихимъ и яснымъ путемъ,
 И Ночь обгоняемъ, и День мы ведемъ,
 Мы—Геніи чистаго свѣта;

ПОЛУХОРЪ ПЕРВЫЙ.

Мы вьсемся, поемъ,—и являются сномъ
 Деревья, и звѣри, и тучи кругомъ,
 И въ хаосѣ дышутъ видѣнья;

ПОЛУХОРЪ ВТОРОЙ.

Мы вьсемся вокругъ океановъ земли,

И горы, какъ тѣни, подъ нами лежатъ,—
 Созвучія нашего лѣнья.

ХОРЪ ЧАСОВЪ И ДУХОВЪ.

Разсыпьте, какъ жемчугъ, гармонию словъ,
 Одни оставайтесь, умчитесь другіе;
 Для нѣжной любви мы сплетаемъ покровъ,
 Мы всюду несемъ откровенія сновъ,
 Несемъ облака дождевыя.

НАНТЕЯ.

Они ушли!

ЮНА.

Но развѣ ты не слышишь,
 Какъ дышетъ сладость нѣжности минувшей?

НАНТЕЯ.

О, слышу! Такъ зеленые холмы
 Смѣются миллиономъ свѣтлыхъ капель,
 Когда гроза, промчавшись, отзвучитъ.

ЮНА.

И вновь, пока бесѣда наша длится,
 Кругомъ встаютъ нныя сочетанья
 Пѣвучихъ звуковъ.

НАНТЕЯ.

То нагѣвъ чудесный,

То музыка грохочущаго мiра,
 Летящаго по воздуху нѣмому
 И въ вѣтрѣ зажигающаго звуки
 Золотыхъ мелодій.

ЮНА.

Слушай, слушай!

Еще звучатъ стихающіе звуки,
 Пронзительно-сребристые нагѣвы,
 Чаруютъ душу, съ чувствами живутъ
 Однимъ созвучьемъ братскимъ, точно звѣзды,
 Кто въ воздухѣ зимы кристальной свѣтятъ,
 Глядя на ликъ свой въ зеркалѣ морей,

ПАПТЕЯ.

Но видишь, тамъ, среди вѣтвей нависшихъ,
 Раздвинулись прогалины въ лѣсу,
 Среди мховъ густыхъ, съ фіалками сиреневыхъ,
 Одинъ ручей раскинулъ два теченья,
 И два ключа сѣбшатъ, какъ двѣ сестры,
 Чтобъ встрѣтиться съ улыбкой послѣ вздоховъ.
 Тамъ два видѣнья въ блескѣ непонятномъ
 Плывуть въ волнахъ магическихъ мелодій,
 Что все звончѣй, настойчивѣй звучатъ
 Во мглѣ земли, въ безвѣтрнн лазурн.

ИОНА.

Я вижу, колесница быстро мчится,
 Какъ та ладья тончайшая, въ которой
 По тающимъ волнамъ глубокой ночи
 Мать мѣсяцевъ уносится на Западъ,
 Когда встаетъ отъ междулунныхъ сповъ,
 Обвѣянныхъ покровомъ нѣжной дымки.
 И темные холмы, лѣса, долины
 Отчетливо изъ этой мглы растутъ,
 Какъ тѣни въ свѣтломъ зеркалѣ у мага;
 Ея колеса—тучи золотыя,
 Подобныя громадамъ разноцвѣтнымъ,
 Что гени громовъ молніеносныхъ
 Надъ моремъ озареннымъ громоздятъ,
 Въ тотъ часъ, какъ солнце ринется за волны;
 Какъ будто вѣтромъ внутреннимъ гонимы,
 Они растутъ, и катятся, и блещутъ;
 Внутри сидитъ крылатое дитя,
 Его лицо блистаетъ бѣлизною
 Нетронутаго снѣга; перья крыльевъ—
 Какъ пухъ мороза въ солнечныхъ лучахъ;
 Сквозь складки перламутровой одежды
 Воздушно-бѣлой, дышетъ красота
 Лучисто-бѣлыхъ членовъ; кудри—бѣлы,
 Какъ бѣлый свѣтъ, рассыпанный по струнамъ,
 Но взоръ двухъ глазъ—два неба влажной тьмы,

Какъ будто Божество туда палилось,
 Какъ буря изливается изъ тучъ,
 И стрѣльчатыхъ рѣсницъ густыя тѣни
 Холодный свѣтлый воздухъ умигчаютъ;
 Въ рукѣ того крылатого дитяти—
 Дрожащій лунный лучъ; съ его конца,
 Какъ кормчій, сходитъ правящая сила,
 Ведя по тучамъ эту колесницу,
 Межъ тѣмъ какъ тучи мчатся надъ травой,
 Надъ царствомъ волнъ, цвѣтовъ, и будятъ звуки
 Нѣжной, чѣмъ звонъ поющего дождя.

ПАПТЕЯ.

А изъ другой прогалины стремится,
 Съ гармоніей кружащихся циклоновъ,
 Иная сфера,—сотни тысячъ сферъ
 Какъ будто въ ней вращаются,—кристаллы
 Могли бы съ ней по плотности сравниться,
 Но сквозъ нее, какъ сквозъ просторъ пустой,
 Плыветъ сіянье, музыка; я вижу,
 Какъ тысячи круговъ, одинъ въ другомъ,
 Одинъ легко летящій изъ другого,
 Силетаются, пурпурно-золотые,
 Лазурные, играющіе свѣтомъ,
 То бѣлымъ, то зеленымъ; сфера въ сферѣ;
 И каждое пространство между ними
 Населено нежданными тѣнями,
 Какія спятся духамъ въ глубинѣ
 Безжизненныхъ просторовъ, чуждыхъ свѣта;
 По каждая изъ тѣхъ тѣней прозрачна,
 И все онѣ вращаются, кружатся,
 Въ богатствѣ направленийъ разнородныхъ,
 На тысячѣ незримыхъ тонкихъ осей,
 И съ силой быстроты, въ себѣ самой
 Рождающей и гибель, и начало,
 Настойчиво, торжественно стремятся,
 И смѣшанностью звуковъ зажигаютъ
 Разумность словъ, безуміе напѣвовъ;

Вращеніемъ могучимъ сложный шаръ,
 Какъ жерновомъ, захватываетъ воды
 Блестящаго ручья, дробить ихъ мелко,
 Изъ нихъ лазурный дѣлаетъ туманъ—
 На свѣтъ похжей тонкости стихійной;
 И дикій ароматъ лѣсныхъ цвѣтовъ,
 Богатство пѣсенъ воздуха, деревьевъ,
 Живыхъ стеблей, листовъ переплетенныхъ,
 Съ ихъ свѣтомъ переливно-изумруднымъ,
 Вкругъ этой напряженной быстроты,
 Въ себѣ самой преграду находящей,
 Сливаются легко въ одну воздушность,
 Гдѣ тонуть чувства. Въ самомъ центрѣ шара,
 Склонясь на алебастровыя руки,
 Свернувши крылья, кудри разметавъ,
 Забылся Духъ Земли въ дремотѣ сладкой,
 Усталое и пѣжкое дитя,
 Едва лепечутъ маленькія губы,
 Въ невѣрномъ свѣтѣ собственныхъ улыбокъ,
 И чудится, что шепчетъ онъ о томъ,
 Что любить въ сновидѣніи.

иона.

Онъ только

Гармоніи всей сферы подражаетъ.

пастыя.

Съ его чела звѣзда струитъ лучи,
 Подобные мечамъ огнисто-синимъ
 И коньямъ золотымъ, переплетеннымъ
 Съ листьями кроткой мирты—символъ мира
 Земли и неба, слитыхъ воедино—
 Огромные лучи, какъ будто спицы
 Колесъ незримыхъ,—кружатся они
 Съ круженьемъ сферы; молніи трепещутъ,
 Летятъ, бѣгутъ, пространство заполняютъ,
 Здѣсь косвенны они, а тамъ отвѣсны,
 Огнемъ пронзаютъ сумрачную почву,
 И грудь земли разоблачаютъ тайны;

Видѣются безъ счета рудники,
 Въ нихъ слитки золотые, брилліанты,
 Игра камней невиданныхъ, безцѣнныхъ,
 Пещеры на столбахъ изъ хрустали,
 Съ отдѣлкой изъ серебряныхъ растений,
 Вездонные колодцы изъ огня;
 Ключи прозрачной влажности, кормилицы
 Своихъ дѣтей—морей необозримыхъ.
 Сплетающихъ свои пары въ узоры—
 Царямъ земли, вершинамъ горъ, покрытымъ
 Воздушностью нетронутыхъ свѣговъ,
 Одеждою изъ царскихъ горностаевъ;
 Лучи горятъ, и въ блескѣ ихъ встаютъ
 Умершихъ цикловъ скорбныя рунны;
 Вонь якоря, обломки кораблей;
 Вонь доски, превратившіяся въ мраморъ;
 Колчаны, шлемы, конья; рядъ цитовъ,
 Съ верхушками—какъ голова Горгоны;
 Украшенныя рѣзницей косою,
 Военныя повозки; цѣлый міръ
 Знаменъ, трофеевъ, битвенныхъ животныхъ,
 Вкругъ чьей толпы смѣлалась смерть; эмблемы
 Погибшія умершихъ разрушеній;
 Развалина въ развалинѣ! Обломки
 Обширныхъ населенныхъ городовъ,
 Чьи жители, засыпанные прахомъ,
 Когда-то были, двигались и жили
 Толпой пчеловѣческой, хоть смертной;
 Лежатъ изображенья страшныхъ дѣлъ,
 Раскинуты ихъ грубые скелеты,
 Ихъ статуи, ихъ капища, дома:
 Объятыя сѣдымъ уничтоженьемъ,
 Чудовищныя формы, другъ на другѣ,
 Другъ другомъ сжаты, стиснуты, разбиты,
 Въ угрюмой, безднощадной глубинѣ;
 Другіе сверху видятся скелеты
 Крылатыхъ и невѣдомыхъ существъ,
 Скелеты рыбъ, что были островами

Подвижной чешуи,—цѣпей когтистыхъ,
Гигантскихъ змѣй,—одни изъ нихъ свились
Вкругъ черныхъ скалъ,—другіе, въ смертныхъ

мукахъ

Свою извивающейся мощью
Испепеливъ желѣзные утесы,
Застыли въ грудяхъ праха; въ высотѣ
Видѣется зубчатый аллигаторъ,
И землю потрясавшій бегемотъ;
Среди звѣрей они царями были
И, точно черви въ лѣтній день на трущѣ,
Плодился въ вязкомъ илѣ, размножались
На берегахъ, средь исполинскихъ травъ,
До той поры, когда потопъ, сорвавшись
Со свода голубого, задушилъ ихъ
Одеждою текучей, между тѣмъ какъ,
Разинувъ пасть, они пугали воздухъ
Пронзительнымъ, протяжно-дикимъ воплемъ,
Иль, можетъ быть, до той поры, когда
Промчался Богъ какой-нибудь по небу,
На огненной кометѣ пролетѣлъ,
И крикнулъ: „Да не будетъ ихъ!“—И вотъ ужъ,
Какъ этихъ словъ, ихъ въ мірѣ больше нѣтъ.

земля.

Восторгъ, безумье, счастье, торжество!
Безбреженъ блескъ блаженства моего!
Я вся горю, дрожу отъ изступленья!
Во мнѣ для муки мѣста нѣтъ,
Меня, какъ тучу, обнялъ свѣтъ,
Уноситъ бури дуновенье.

луна.

О счастливая сфера земли,
Братъ, спокойно бѣгущій вдали,
Отъ тебя устремляется Духъ изъ огня,
Онъ пѣвучъ, онъ могучъ, онъ подобно ручью
Проникаетъ въ замерзшую сферу мою,
Онъ проходитъ, любя, и дына, и звеня,
Сквозь меня, сквозь меня!

земля.

Мои пещеры, доли, склоны горъ,
Мои ключи, бѣгущіе въ просторъ,
Грохочутъ побѣдительною смѣхою;
Вулканы вторятъ имъ, гора,
Пустыни, тучи и моря
Имъ шлютъ хохочущее эхо.

Они кричатъ: Проклятіе всегда
Пугало насъ; намъ грезилась бѣда,
Зловѣщая угроза разрушенья;
Земля дрожала, и надъ ней
Изъ тучъ свергался дождь камней,
Живому несъ уничтоженье.

Чума плыла вездѣ, во все концы;
Соборы, обелиски, и дворцы,
И сонмы горъ, окутанныхъ лавиной,
Лпсты, прильнувшіе къ вѣтвямъ,
Лѣса подобные морямъ,
Казались мертвенной трясинной.

О, счастье! Уничтоженьемъ зло
Исчерпано; растаяло; прошло;
Все вышито, какъ стадомъ ключъ въ пустынь;
И небеса уже не тѣ,
И въ безпредѣльной пустотѣ
Любовь—любовь горитъ огнемъ.

луна.

Снѣга на моихъ помертвѣлыхъ горахъ
Превратились въ ручьи говорящіе,
Мои океаны сверкаютъ въ лучахъ,
Гремятъ, какъ напѣвы звенящіе.
Духъ загорѣлся въ груди у меня,
Что-то рождается, пѣжно звеня,
Духъ твой, согрѣтый въ кипучемъ огнѣ,
Дышетъ на мнѣ,—

На мнѣ!

Въ равнинахъ моихъ вырастаютъ цвѣты,
 И зеленые стебли качаются,
 Въ лучахъ изумрудныхъ твоей красоты
 Влюбленные тѣни встрѣчаются.
 Музыкой дышетъ мой воздухъ живой,
 Море колышетъ просторъ голубой,
 Тучи, растаявъ, ступаютъ вновь,
 Это любовь,—

Любовь!

земля.

Всѣ камни, весь гранитъ проникнуть ей,
 Узлы глубокихъ спутанныхъ корней,
 Листы, что чуть трепещутъ на вершинахъ;
 Она проносится въ вѣтрахъ,
 Живетъ въ забытыхъ мертвецахъ,
 Въ нѣкѣмъ незнаемыхъ долинахъ.

И какъ гроза изъ облачной тюрьмы
 Гремить, встаетъ, взрывается изъ тьмы,—
 Болото мысли, спавшее отъ вѣка,
 Огнемъ любви возмущено,
 И страхъ съ тоскою за одно
 Обѣгутъ, обѣгутъ отъ человѣка.

Многостороннимъ зеркаломъ онъ былъ
 И столько отраженій извратить;
 Теперь любовь не смята въ немъ обманомъ,
 Теперь душа съ душой людскою,
 Какъ небо съ бездною морскою
 Горятъ единымъ океаномъ.

Ребенокъ зачумленный такъ идетъ
 За звѣремъ заболѣвшимъ, все впередъ,
 Къ расщелинѣ, гдѣ ключъ цѣлебный блещетъ,
 И возвращается домой,
 Здоровый, розовый, живой,
 И мать рыдаетъ и трепещетъ.

Теперь душа людей слилась въ одно—
 Любви и мысли мощное звено,
 И властвуетъ надъ сонмомъ силъ природныхъ,
 Какъ солнце въ безднѣ голубой
 Царемъ блистаетъ надъ толпой
 Планетъ и всѣхъ свѣтилъ свободныхъ.

Изъ многихъ душъ единый духъ возникъ,
 Въ себѣ самомъ всему нашелъ родникъ,
 Въ немъ все течетъ, сливаясь на просторѣ,
 Какъ всѣ потоки, всѣ ручьи
 Несутъ теченія свои
 Въ непечерное море.

Обычныхъ дѣлъ знакомая семья
 Живетъ въ зеленой рошѣ бытiя,
 И новья въ нихъ краски заблестали;
 Никто не думалъ никогда,
 Чтобъ скорбь и тягости труда
 Когда-нибудь такъ легки стали.

Людская воля, страсти, мракъ заботъ
 Слились, преображенные, и вотъ
 Корабль крылатый мчится океаномъ,
 Любовь на немъ, какъ рулевой,
 Волна звучитъ, растетъ прибой
 И манитъ къ новымъ дикимъ странамъ.

Все въ мирѣ признаетъ людскую власть,
 На мраморѣ запечатлѣлась страсть,
 И въ краскахъ спятъ людскихъ умовъ мечты,
 Изъ свѣтлыхъ нитей—для дѣтей—
 Сплетають руки матерей
 Живыя ткани одѣянья.

Людской языкъ—Орфическiй нагѣвъ,
 И мысли внемлютъ звукамъ, присмирѣвъ,
 Растутъ по зову стройныхъ заклинанiй,

И громъ изъ дальнихъ облаковъ
Гремитъ въ отвѣтъ на звучный зовъ
И ждетъ послушно приказаній.

И взоромъ человека сочтены
Всѣ звѣзды многозвѣздной глубины,
Они идутъ покорными стадами;
И бездна къ небу говоритъ:
«И твой, и твой покровъ раскрыть!
Людская мысль царитъ надъ нами!»

ЛУНА.

Наконецъ отъ меня отошла
Вѣлой смерти упорная мгла,—
Мой могильный покровъ
Мертвыхъ сновъ и снѣговъ;
И въ зеленой пустынѣ моей молодой,
Обнимаясь, идетъ за счастливой четой
Молодая чета;
И хоть въ дѣтяхъ твоихъ дышетъ высшая власть,
Но въ сердцахъ у моихъ—та же нѣга и страсть,
И одна красота.

ЗЕМЛЯ.

Какъ теплое дыханіе зари,
Обнявъ росу, живить ея кристалы,
И золотомъ пронзаеть литари,
И ласки дна властительны и алы,
И мчится ввысь крылатая роса,
Скитается, воздушна и лучиста,
До вечера не броситъ небеса,
Весь день виситъ руномъ изъ аметиста,—

ЛУНА.

Такъ и ты лежишь, объята
Блескомъ радостей безнечныхъ—
Своего же аромата
И своихъ улыбокъ вѣчныхъ,
Сколько есть свѣтилъ небесныхъ,

Всѣ тебя струять сіянье,
Изъ лучей плетуть чудесныхъ
Золотое одѣянье.
И богатствомъ свѣтлой сферы
Ты струишь потокъ огня,
Ты лучи свои безъ мѣры
Проливаешь на меня.

ЗЕМЛЯ.

Вращаюсь я подъ пирамидой почи,
Она горитъ въ лазури гордымъ спомъ,
Глядитъ въ мои восторженные очи,
Чтобъ я могла унѣться торжествомъ;
Такъ юноша, въ любовныхъ снахъ вздыхая,
Лежитъ подъ тѣнью прелести своей
И нѣжится, и слышитъ пѣсни Раи,
Подъ гремящей улыбкою лучей.

ЛУНА.

Когда на влюбленныхъ дрожащихъ устахъ
Въ застеніи сладкомъ съ душою сойдется луна,
Темнѣетъ огонь въ лучезарныхъ глазахъ,
И гордое сердце дрожитъ, не дыша;
Когда на меня упадетъ отъ тебя
Широкая тѣнь, я твоей красотой смущена,
Молчу и дрожу, замираю, любя!
Тобою полна! О, до боли полна!

Сфера жизни, ты блистаешь
Самой свѣтлой красотой,
Ты вокругъ солнца пролетаешь
Изумрудною звѣздой;
Миръ восторговъ повсемѣтныхъ
И непознанныхъ чудесъ,
Межъ свѣтильничковъ небесныхъ
Ты избранница небесъ;
Притягиваетъ лучезарный,
Побѣдительный твой видъ,
Какъ влечетъ Эдемъ полярный

И любимыхъ глазъ магнить;
 Подъ тобою я кристальна,
 Я невѣстой создана,
 Отъ блаженныхъ сновъ печальна,
 До безумья влюблена;
 Непасытно язираю
 На тебя со всѣхъ сторонъ,
 Какъ Вакханка умираю,
 Мой восторгъ заворожень;
 Таѣвъ въ исполненныхъ прохлады,
 Дивныхъ Кадмовыхъ лѣсахъ
 Собиралися Менады
 И кружились въ сладкихъ снахъ.
 О, куда бы ты ни мчалась,
 Я должна снѣшить вослѣдъ,
 Лишь бы ты мнѣ улыбалась,
 Лишь бы твой увидѣть свѣтъ;
 Въ безпредѣльности пространства
 Я приютъ себѣ нашла,
 Отъ тебя свое убранство,
 Красоту свою взяла,
 Отъ тебя мой блескъ исходитъ,
 Я слилася съ душой твоей,—
 Какъ влюбленная походить
 На того, кто дорогъ ей,—
 Какъ, въ окраскѣ измѣняясь,
 Вѣчно слить хамелеонъ
 Съ тѣмъ, гдѣ дышетъ онъ, скрываясь,—
 Съ тѣмъ, на чтозираетъ онъ,—
 Какъ фиалка голубѣетъ,
 Созерцая даль небесъ,—
 Какъ туманъ рѣчной темнѣетъ,
 Если смолкъ вечерній лѣсъ,
 Если солнце отблистаетъ
 И на склонахъ горъ темно.

ЗЕМЛЯ.

И угасшій день рыдастъ,
 Отчего такъ быть должно.

Луна! Луна! Твой голосъ нѣгой дышетъ,
 Моя душа его съ отрадой слышитъ,
 И въ тотъ же мигъ волна ладью колышетъ
 Среди острововъ, навѣкъ спокойныхъ.
 Луна! Луна! Съ мелодіей кристальной
 Пришелъ покой къ моему пещерѣ дальней,
 Бальзамъ отрады сладостно-печальной
 Для всыпнекъ тигровыхъ и знойныхъ.

НАНТЕЯ.

Мнѣ чудится, я только-что купалась
 Межъ темныхъ скалъ, среди лазурной влаги,
 Игравшей переливами сіянья,
 Въ потокѣ звуковъ.

ГОЛА.

Милая сестра,

Мнѣ больно,—звуки прочь отъ насъ умчались,
 И правда, можно было бы подумать,
 Что вышла ты изъ тѣхъ нѣвучихъ волнъ:
 Твои слова струятся нѣжной, ясной
 Росой, какъ капли съ влажныхъ членовъ нимфы,
 Когда она выходитъ изъ воды.

НАНТЕЯ.

Молчи, молчи! Властительная Сила,
 Какъ мракъ, встаетъ изъ самыхъ нѣдръ земли,
 И съ неба ночь густымъ дождемъ струится,
 Нахлынуло изъ воздуха затменье,
 И свѣтлыя видѣнія, въ чьемъ лонѣ
 Бродили съ нѣбемъ радостные духи,
 Горятъ подобно блѣднымъ метеорамъ
 Въ дождливую погоду.

ГОЛА.

Чувство словъ

Дрожитъ въ моихъ унахъ.

НАНТЕЯ.

То звукъ всемірный!

Какъ бы слова, что говорятъ: Внемли.

демогоргонъ.

Земля, спокойно-свѣтлая держава,
Тѣней и звуковъ стройная краса,
Блаженная, божественная слава,
Любовь, чьимъ свѣтомъ полны небеса!

земля.

Я слышу твой призывъ: я меркну, какъ роса!

демогоргонъ.

Луна, чей взглядъ взираетъ съ удивленьемъ
На землю въ часъ ночной, когда она
Исполнена спокойнымъ восхищеньемъ,
Увида, какъ свѣтло горитъ Луна!

луна.

Я слышу: я, какъ листъ дрожащій, смущена!

демогоргонъ.

Цари свѣтилъ, Воздушные Престолы,
Союзъ Боговъ и Демоновъ, предъ кѣмъ
Раскинуты безвѣтренные доли,
Пустынныхъ звѣздъ заоблачный Эдемъ!

голосъ съ высоты.

Мы слышимъ твой призывъ: равно мы свѣтимъ всѣмъ!

демогоргонъ.

Герои отошедшихъ лѣтъ, нѣмые,
Должны-ль вы были въ смерти утонуть,
Какъ часть вселенной, или какъ живые—

голосъ снизу.

Мѣняемся и мы, уходимъ въ новый путь!

демогоргонъ.

Вы, Гении стихійные, чьи хоры,
Умы людей звѣздою замѣнивъ,
Уносятся въ небесные соборы,
На днѣ морей питаютъ волкъ порывъ!

смутный голосъ.

Мы слышимъ: пробудилъ Забвенье твой призывъ!

демогоргонъ.

Вы, Духи, чьи дома—живое тѣло!
Вы, звѣри, птицы, рыбы, рой цвѣтвъ,
Туманы, тучи дальняго предѣла,
Стада паучихъ звѣздъ, услышьте зовъ!

голосъ.

Твой кличъ для насъ звучитъ, какъ долгій шумъ лѣсовъ!

демогоргонъ.

Ты, Человѣкъ, мучитель и страдалецъ,
Отъ древнихъ дней обломокъ; глубока
Была твоя печаль; ты былъ сыгалецъ,
Сквозь мракъ ночной тебя вела тоска.

всѣ.

Пророчествуй: тебѣ внимаютъ всѣ вѣка!

демогоргонъ.

Вотъ день, избранникъ времени счастливый!
Его заклатьемъ вызвалъ Сынъ Земли,
Чтобъ люди видѣть счастье могли;
Любовь съ престола власти терифливой,
Побѣдоносная, сошла
И собрала свои усилы.
Изъ крайней пытки создала
Благословенье изобилы,

Простерла надо всѣмъ врачующія крылья.

Терифыне, Мудрость, Нѣжкость, Доброта—
Печать надъ тѣмъ, въ чемъ скрыто Разрушенье;

И если Вѣчность, мать Уничтоженя,
Растворитъ дверь, гдѣ дремлетъ темнота,

Освободитъ змѣю измѣны

И кинетъ въ мѣръ чуму, какъ бичъ,

Желайте лучшей перемѣны,

Пошлите въ воздухъ звучный кличъ;

Вотъ чары, чтобъ опять гармоніи достигъ:—

Не вѣрять въ торжество несовершенства;

Прощать обиды, черными, какъ ночь;

Упорствомъ невозможность превозмочь;
Терпѣть, любить; и такъ желать блаженства,
Что Солнце вспыхнетъ сквозь туманъ
И обезсилѣетъ отравя,—
Надъ этимъ образъ твой, Титанъ,
Лишь въ этомъ Жизнь, Свобода, Слава,
Побѣда Красоты, лучистая Держава!

1819.

ЧЕНЧИ.

ТРАГЕДІЯ.

ПОСВЯЩЕНІЕ ЛЕЙ ГЕНТУ.

Мой милый другъ,

Въ далекомъ краю, послѣ разлуки, мѣсяцы которой показались мнѣ годами; я ставлю вамъ ими надъ послѣднею изъ моихъ литературныхъ попытокъ.

Мои писанія, опубликованныя до сихъ поръ, были, главнымъ образомъ, писаны инимъ, какъ воплощеніемъ моихъ собственныхъ представлений о прекрасномъ и справедливомъ. И теперь я уже могу видѣть въ нихъ литературные недостатки, связанные съ молодостью и нетерпѣливостью; они были снами о томъ, чѣмъ имъ нужно было быть, или чѣмъ бы они могли быть. Драма, которую я предлагаю вамъ теперь, представляетъ изъ себя горькую дѣйствительность здѣсь я отказываюсь отъ всякой притязательной позы человѣка поучающаго, и довольствуюсь простымъ изображеніемъ того, что было,—въ краскахъ, заимствуемыхъ мною изъ моего собственнаго сердца.

Если бы я зналъ кого-нибудь болѣе одареннаго, чѣмъ вы, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ долженъ обладать человѣкъ, я постарался бы прибѣгнуть къ его имени, чтобы украсить это произведеніе. Но я никогда не зналъ никого, кто съ своею деликатностью сочеталъ бы столько достоинства, прямоты и смѣлости; никого, кто, будучи самъ свободенъ отъ зла, относился бы съ такою удивительною терпимостью ко всѣмъ, въ чьихъ дѣлахъ и мысляхъ — злое; никого, кто такъ умѣлъ бы принять или оказать услугу, хотя онъ не можетъ не дѣлать такъ, чтобы послѣднее не превышало перваго; я не зналъ, наконецъ, никого, чья жизнь была бы болѣе простою и болѣе чистою въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. А я уже былъ счастливъ въ дружбѣ, когда къ числу именъ моихъ дорогихъ присоединилось ваше.

Пусть же эта упорная и непримиримая вражда ко всякому семейному и общественному произволу и обману, которою украшена ваша жизнь и которая украсила бы мою, будь у меня для этого талант и здоровье, не разгадается съ вами никогда, пусть съ нею мы живемъ и умремъ, поддерживая другъ друга въ нашей задачѣ.

Будьте же счастливы!

Искренно преданный вамъ другъ вашъ,
Перси Б. Шелли.

Римъ, 29 мая, 1819.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во время моего путешествія по Италіи мнѣ сообщили манускриптъ, который былъ скопированъ изъ архивовъ Палаццо Ченчи въ Римѣ и содержалъ подробный разсказъ объ ужасахъ, окончившихся гибелью одной изъ самыхъ благородныхъ и богатыхъ Римскихъ фамилій въ эпоху правленія Папы Климента VIII, въ 1599-мъ году. Разсказъ заключается въ томъ, что нѣкій старикъ, проживъ жизнь въ распутствѣ и беззаконіяхъ, въ концѣ концовъ прошиксъ немолимою ненавистью къ своимъ собственнымъ дѣтямъ; по отношенію къ одной изъ дочерей это чувство выразилось въ формѣ кровосмѣнительной страсти, отягченной всякаго рода жестокостями и насиліемъ. Дочь его, послѣ долгихъ и напрасныхъ попытокъ избѣгнуть того, что она считала неизгладимымъ оскверненіемъ души и тѣла, задумала наконецъ, съ своею мачихой и братомъ, убить обидца ихъ притѣснителя. Молодая дѣвушка, побужденная къ такому страшному поступку извѣстнымъ душевнымъ движеніемъ, которое пересилило его ужасъ, была, несомнѣнно, кроткимъ и прекраснымъ существомъ, созданнымъ для того, чтобы быть любимымъ и обожаемымъ, и, такимъ образомъ, она была насильственно отброшена отъ своей мягкой натуры неотвратимою силой обстоятельствъ и убѣжденія. Преступленіе было быстро обнаружено, и, несмотря на самыя настойчивыя просьбы, съ которыми обращались къ Папѣ наиболѣе высокопоставленныя лица въ Римѣ, виновные были казнены. Старикъ Ченчи въ продолженіи своей жизни неоднократно покупалъ у Папы, за сумму въ сто тысячъ кроень, прощенье своимъ преступленіямъ, для которыхъ нѣтъ словъ,—такъ они чудовищны; поэтому смертная казнь для его жертвъ врядъ ли можетъ быть объяснена любовью къ правосудію. Среди другихъ побудительныхъ мотивовъ къ строгости, Папа, вѣроятно, чувствовалъ, что, кто бы

ни убилъ Графа Ченчи, во всякомъ случаѣ убійца лишилъ его казну вѣрною и богатаго источника доходовъ. Папское правительство предприняло крайнія мѣры предосторожности противъ опубликованія фактовъ, являющихся такимъ трагическимъ доказательствомъ собственнаго его беззаконія и слабости; такъ что пользованіе манускриптомъ, до послѣдняго времени, было связано съ извѣстными затрудненіями. Сообщить читателю такія событія, представивъ ему все чувства тѣхъ, кто былъ въ нихъ нѣкогда дѣйствующими лицами, изобразить ихъ надежды и опасенія, ихъ увѣренность въ успѣхъ и предчувствіе темнаго исхода, ихъ разнородные интересы, страсти и мнѣнія, связанные взаимодействіемъ и соперничествомъ, но въ своей разнородности какъ бы вступившіе въ одинъ тайный заговоръ и ведущіе къ одному страшному концу,—изобразить все это, значить—бросить полосы свѣта въ самыя сокровенныя области человѣческаго сердца и сдѣлать явнымъ то, что есть тайнаго въ его темныхъ пещерахъ.

По приѣздѣ въ Римъ я замѣтилъ, что, находясь въ Итальянскомъ обществѣ, нельзя упомянуть объ исторіи фамиліи Ченчи, безъ того, чтобы не вызвать глубокаго захватывающаго интереса; я замѣтилъ также, что въ Итальянцахъ неизмѣнно проявляется романтическая жалость къ той, чье тѣло два столѣтія тому назадъ смѣшалось съ обичнымъ прахомъ, и страстное оправданіе ужаснаго поступка, къ которому она была вынуждена своими обидами. Представители самыхъ разнородныхъ слоевъ общества знали фактическую канву разсказа и неизмѣнно отзывались на его подавляющій интересъ, который, повидимому, съ магическою силой можетъ завладѣвать человѣческимъ сердцемъ. У меня была съ собою копія съ портрета Беатриче, сдѣланнаго Гвидо и хранящагося въ Палаццо Колонна, и мой слуга тотчасъ же узналъ его, какъ портретъ *La Cenci* *).

Этотъ національный и всеобщій интересъ, который данное повѣствованіе въ теченіи двухъ столѣтій вызывало и продолжаетъ вызывать среди всѣхъ слоевъ общества, въ больномъ городѣ, гдѣ воображеніе вѣчно чѣмъ-нибудь занято, внушилъ мнѣ мысль, что данный сюжетъ подходитъ для драмы. Въ дѣйствительности это

* Портретъ Беатриче Ченчи, сдѣланый Гвидо Ренц, находится теперь въ Палаццо Барберини, зала III, № 85.

была уже готовая трагедія, получившая одобреніе и снискавшая успѣхъ, благодаря своей способности пробуждать и поддерживать сочувствіе людей. Нужно было только, какъ мнѣ думалось, облечь ее такимъ языкомъ, связать ее такимъ дѣйствіемъ, чтобы она показалась родною для воспринимающихъ сердецъ моихъ соотечественниковъ. Глубочайшія и самыя возвышенныя созданія трагической фантазіи, *Король Лиръ* и двѣ драмы, излагающія разсказъ объ Эдипѣ, были повѣствованіями, уже существовавшими въ преданіи, какъ предметъ народной вѣры и народнаго сочувствія, прежде чѣмъ Шекспиръ и Софокль сдѣлали ихъ близкими для симпатій всѣхъ послѣдовательныхъ поколѣній человѣчества.

Правда, эта исторія Ченчи въ высшей степени ужасна и чудовищна: непосредственное изображеніе ея на сценѣ было бы чѣмъ-то нестерпимымъ. Тотъ, кто взялся бы за подобный сюжетъ, долженъ былъ бы усилить идеальный и уменьшить реальный ужасъ событій, такъ чтобы наслаженіе, протексающее изъ поэзии, связанной съ этими бурными страстями и преступленіями, могло смягчить боль созерцанія нравственнаго уродства, служащаго ихъ источникомъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ отнюдь не слѣдуетъ пытаться создать зрѣлище, служащее тому, что на низкомъ просторѣчій именуется моральными задачами. Высшая моральная задача, къ которой можно стремиться въ драмѣ высшаго порядка, это—черезъ посредство человѣческихъ симпатій и антипатій—научить человѣческое сердце самопознанію: именно въ соотвѣтствіи съ тѣми или иными размѣрами такого знанія каждое человѣческое существо, въ той или иной мѣрѣ, можетъ быть мудрымъ, справедливымъ, искреннимъ, снисходительнымъ и добрымъ. Если догматы могутъ сдѣлать больше,—прекрасно; но драма вовсе не подходящее мѣсто, чтобы заняться ихъ подкрѣпленіемъ. Нѣтъ сомнѣній, что никакой чловѣкъ не можетъ быть въ дѣйствительности обезчещенъ тѣмъ или инымъ поступкомъ другого; и лучшій отвѣтъ на самыя чудовищныя оскорбленія, это—доброта, сдержанность и рѣшимость отвратить оскорбителя отъ его темныхъ страстей силою кроткой любви. Местъ, возмездіе, воздаяніе—не что иное, какъ зловерное заблужденіе. Если бы Беатриче думала такъ, она была бы болѣе мудрою и хорошею, но она никогда не могла бы явить изъ себя характеръ трагическій: тѣ немногіе, кого могло бы заинтересовать подобное зрѣлище, не были бы въ состояніи обусловить драматическій за-

мысль, за отсутствием возможности снискать сочувствие к их интересу в массах людей, их окружающих. Эта беспокойная анатомизирующая казуистика, с которою люди стараются оправдать Беатриче, в то же время чувствуя, что она сдѣлала нечто нуждающееся в оправданіи:—этотъ суевѣрный ужасъ, съ которымъ они созерцаютъ одновременно ея обиды и ея месть,—и обуславливаютъ драматическій характеръ того, что она совершила и что она претерпѣла.

Я попытался изобразить характеры съ возможною историческою вѣрностью, такими, какими они, вѣроятно, были, и старался избѣгнуть ошибочнаго желанія заставить ихъ дѣйствовать согласно съ моими собственными представленіями о справедливомъ и несправедливомъ, истинномъ и ложномъ, ибо въ этомъ случаѣ подъ сквознымъ покровомъ именъ и дѣяній шестнадцатаго вѣка выступили бы холодныя олицетворенія извѣстныхъ чертъ моего собственного ума. Герои моей драмы представлены, какъ Католики, и какъ Католики, глубоко проникнутые религиознымъ чувствомъ. Протестантское чувство увидитъ въ этомъ неестественное въ этомъ настойчивомъ и безпрерывномъ ощущеніи связи между Богомъ и человекомъ, которыми проникнута трагедія Ченчи. Оно въ особенности будетъ поражено соединеніемъ несомнѣнной убѣжденности въ истинности общепринятой религіи съ холоднымъ и рѣшительнымъ упорствомъ въ осуществленіи чудовищнаго преступленія. Но религія въ Италіи не является, какъ въ странахъ Протестантскихъ, нарядомъ, который носятъ въ особенные дни, или паспортомъ, избавляющимъ отъ притѣсненій, или мрачной страстью къ разгадыванію непроницаемыхъ тайнъ нашего бытія, которая лишь пугаетъ того, кто обладаетъ ею, приводя его къ краю темной бездны. Въ умѣ Католика-Итальянца религія, такъ сказать, сосуществуетъ съ вѣрой въ то, относительно чего все люди имѣютъ самое достовѣрное свѣдѣніе. Она переплетена здѣсь со всемъ строемъ жизни. Это—обожаніе, вѣра, подчиненность, раскаяніе, слѣпое восхищеніе; не правило нравственнаго поведенія. Она не имѣетъ необходимой связи съ какой-либо добродѣтелью. Въ Италіи самый отъявленный негодяй можетъ быть вполне набожнымъ человекомъ и признавать себя таковымъ, не оскорбляя этимъ установившуюся вѣру. Религія здѣсь напряженнымъ образомъ проникаетъ весь общественный строй и представляетъ изъ себя, со-

гласно съ тѣмъ или инымъ темпераментомъ, страсть, убѣжденіе, извиненіе, приобѣщаніе,—никогда не задержку. Самъ Ченчи выстроилъ часовню въ честь св. Тины Апостола и установилъ мессы для успокоенія своей души. Такъ точно въ первой сценѣ четвертаго дѣйствія Лукренція, послѣ того какъ она подлила Ченчи опиума, подвергаетъ себя всемъ послѣдствіямъ пререканій съ нимъ, лишь бы только добиться, посредствомъ вымышленной исторіи, чтобы онъ исповѣдался передъ смертью, что считается Католиками существеннымъ для спасенія души, и она только тогда отказывается отъ своего намѣренія, когда видитъ, что ея настойчивость можетъ подвергнуть Беатриче новымъ оскорбленіямъ.

Когда я писалъ эту драму, я тщательно избѣгалъ введенія въ нее того элемента, который носитъ названіе чистой поэзіи, и я надѣюсь, что въ ней едва-едва найдется какое-нибудь отдѣльное уподобленіе или описаніе такого рода, если только не считать, вложенное въ уста Беатриче, описаніе пропасти, гдѣ, по уговору, должно произойти убіеніе ея отца *).

Въ драматическомъ произведеніи воображеніе и страсть должны взаимно проникать другъ друга, такъ чтобы первое служило всецѣло для полного развитія и освѣщенія второй. Воображеніе—это какъ бы бессмертный Богъ, который долженъ принять тѣлесную оболочку, чтобы принести освобожденіе отъ смертныхъ страстей. Такимъ путемъ, какъ самые отдаленные отъ обычнаго, такъ и самые повседневные образы одинаково могутъ служить цѣлямъ драматическаго искусства, когда ихъ примѣняютъ къ освѣщенію сильнаго чувства, которое возвышаетъ то, что низко, и ставитъ въ одинъ уровень съ пониманіемъ то, что возвышено, набрасывая на все тѣнь своего собственного величія. Въ другихъ отношеніяхъ я менѣе стѣснялъ себя какими-либо соображеніями, т. е. писалъ безъ чрезмѣрной разборчивости и учености въ выборѣ словъ. Въ данномъ случаѣ я совершенно схожу съ тѣми изъ современныхъ критиковъ, которые утверждаютъ, что нужно употреблять самый простой человеческій языкъ, чтобы вызвать истинную симпатію, и что наши великіе предки, старые Англійскіе поэты, были писате-

*) Идея этого монолога была внушена однимъ изъ самыхъ возвышенныхъ мѣстовъ въ драмѣ Кальдерона *El Purgatorio de San Patricio* (*Чистилище святого Патрика*),—единственный плагиатъ, который я умышленно допустилъ въ этой пьесѣ.

лямп, изучение которых должно побуждать насъ сдѣлать для нашего вѣка то, что они сдѣлали для своего. Но тогда языкъ поэзи долженъ быть реальнымъ языкомъ людей вообще, а не того отдѣльнаго класса, къ которому писатель случайно принадлежитъ. Все это я говорю о томъ, что я пытался сдѣлать; излишнее прибавлять, что успѣхъ—дѣло уже другое; въ особенности успѣхъ того, чье вниманіе лишь съ недавняго времени было обращено на изученіе драматической литературы.

Во время своего пребыванія въ Римѣ я старался ознакомиться съ памятниками, которые, относясь къ данному сюжету, доступны для иностранца. Портретъ Беатриче въ Палаццо Колонна представляетъ изъ себя превосходнѣйшее произведеніе искусства: Гвидо сдѣлалъ его въ то время, когда она была заключена въ тюрьму*). Въмѣстѣ съ тѣмъ, портретъ этотъ въ высшей степени интересенъ, какъ вѣрное изображеніе одного изъ прекраснѣйшихъ созданій природы. Въ неподвижныхъ чертахъ блѣднаго лица чувствуется спокойная гармонія: она, повидимому, печальна и удручена, но отчаяніе, застывшее въ ея выраженіи, смягчено изящною кротостью терпѣнія. Ея голова задрапирована бѣлымъ тюбаномъ, изъ-подъ складокъ котораго выбиваются свѣтлыя пряди золотыхъ волосъ, падающія вокругъ ея шеи. Очертанія лица ея въ высшей степени деликатны; брови раздѣлены и дугообразно приподняты; губы отмѣчены тою яркою и опредѣленною выразительностью воображенія и впечатлительности, которой не подавило страданіе и сама смерть, повидимому, не могла бы погасить. Лобъ широкій и открытый; глаза, которые, какъ передаютъ, были замѣчательны по своей живости, опухли отъ слезъ и лишены блеска, но они исполнены прекрасной вѣжности и ясности. Во всемъ лицѣ чувствуется простота и достоинство, производящія несказанно-патетическое впечатлѣніе, въ соединеніи съ изысканнымъ очарованіемъ и глубокою скорбью. Повидимому, Беатриче Ченчи была одною изъ тѣхъ рѣдкихъ личностей, въ которыхъ энергія и грація уживаются вмѣстѣ, не умаляя одна другую: ея натура была простою и глубокою. Преступленія и бѣды, въ чьихъ сѣтяхъ пришлось ей быть дѣйствующимъ и страдательнымъ лицомъ, являются какъ бы маской

*) Это легенда, отвергнутая послѣдними изысканіями.

и мантией, которыми обстоятельства облекли ее для ея индивидуальной роли на міровой сценѣ.

Палаццо Ченчи по размѣрамъ своимъ очень обширно; и хотя оно частью модернизировано, въ немъ еще остается обширная и мрачная масса феодальной архитектуры, въ томъ самомъ состояніи, въ какомъ она была, когда здѣсь разыгрывались ужасающія сцены, явившіяся сюжетомъ этой трагедіи. Палаццо расположено въ одномъ изъ мрачныхъ уголковъ Рима, вблизи Еврейскаго квартала; изъ верхнихъ его оконъ можно видѣть обширныя руины Палатинскаго Холма, наполовину скрытыя подъ навѣсомъ пышной растительности. Въ одной части Палаццо есть дворъ,—быть можетъ, тотъ самый, гдѣ Ченчи выстроилъ Капеллу въ честь св. Томы; окруженный гранитными колоннами и украшенный античными фризами тонкой работы, онъ замкнутъ въ то же время, согласно со стариннымъ Итальянскимъ вкусомъ, балконами надъ балконами, въ видѣ открытыхъ ложъ. Одни изъ воротъ Палаццо, выстроенныя изъ огромныхъ камней и ведущія темнымъ и высокимъ переходомъ къ угрюмымъ подземнымъ комнатамъ, поразили меня совершенно особеннымъ образомъ.

О Замкѣ Петрелла я не могъ получить никакихъ свѣдѣній, кромѣ тѣхъ, которыя находятся въ манускриптѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графъ Франческо Ченчи.
 Джакомо } его сыновья.
 Вернардо }
 Кардиналь Камилло.
 Орсино, прелатъ.
 Савелла, испскій легатъ.
 Олимпіо } убійцы.
 Марціо }
 Андреа, слуга Ченчи.
 Повилан, судья, стражи, слуги.
 Лукреція, жена Ченчи и мачеха его дѣтей.
 Вватриче, его дочь.

Сцена главнымъ образомъ въ Римѣ; во время четвертаго дѣйствія она переносится въ Петреллу, Замокъ среди Апулійскихъ Аппенинъ.

Эпоха: папство Климента VIII.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ Палаццо Ченчи. Входятъ графъ Ченчи и кардиналь Камилло.

КАМИЛЛО.

Мы можемъ это дѣло объ убійствѣ
 Замять совсѣмъ, но только вамъ придется
 Отдать его Святѣйшеству помѣстье,
 Которое за Пинчіо лежитъ.
 Чтобъ въ этомъ пунктѣ вынудить у Паны
 Согласіе, я долженъ былъ прибѣгнуть
 Къ послѣднему ресурсу—опереться
 На все мое вліяніе въ конклавѣ,
 И вотъ его Святѣйшества слова:
 «Графъ Ченчи покушаетъ за богатства
 Такую безнаказанность, что въ ней
 Великая скрывается опасность;
 Уладить два-три раза преступленья,
 Свершаемья вами, это значитъ—
 Весьма обогатить святую Церковь
 И дать возможность гибнущей душѣ
 Раскаяться и жить, избѣгнувъ Ада:
 Но честь его высокаго престола
 Не можетъ допустить, чтобъ этотъ торгъ
 Былъ вещь ежедневной, прикрывая
 Обширный сонмъ чудовищныхъ грѣховъ,
 Которыхъ и скрывать вы не хотите
 Отъ возмущенныхъ взоровъ глазъ людскихъ.»

ченчи.

Треть всѣхъ моихъ владѣній,—что-жь, недурно!
Идетъ! Какъ слышала я, племянникъ Паны
Однажды архитектора послала,
Чтобъ выстроить недуренькую виллу
Средь пышныхъ виноградниковъ моихъ,
Въ ближайшій разъ, какъ только я улажу
Свои дѣла съ его почтеннымъ дядей.
Не думала я, что такъ я понадусь!
Отнынѣ ни свидѣтель, ни лампада
Не будутъ угрожать разоблачить
Все, что увидѣлъ этотъ рабъ негодный,
Грозившій мнѣ. Онъ щедро награжденъ,—
Набилъ ему я глотку цѣпкой пылью.
И кстати, все, что видѣлъ онъ, лишь стоитъ
Того, что стоитъ жизнь его. Печально.—
«Избѣгнуть Ада!»—Пусть же Сатана
Поможетъ душамъ ихъ избѣгнуть Неба!
Сомнѣнья нѣтъ, что съ Паною Климентомъ
Любезные племянники его,
Склонивъ колѣни, молятся усердно
Апостола Петру и всѣмъ святымъ,
Чтобъ ради ихъ онъ далъ мнѣ долгой жизни,
Чтобъ далъ мнѣ силы, гордости, богатства
И чувственныхъ желаній,—чтобы могъ я
Творить поступки, служащія имъ
Чудеснымъ казначеемъ. Пусть же знаютъ
Мои доброжелатели, что много
Еще владѣній есть у Графа Ченчи,
Къ которымъ прикоснуться имъ нельзя.

камилло.

О, много, и достаточно, съ избыткомъ,
Чтобъ честно жить и честно примириться
Съ своей душой, и съ Богомъ, и съ людьми.
Подумайте, какой глубокой ужасъ:
Дѣянья сладострастія и крови,
Прикрытыя почтенностью сѣдницъ!

Вотъ въ этотъ часъ могли бы вы спокойно
Сидѣть въ кругу семьи, среди дѣтей,
Но странно вамъ, въ ихъ взорахъ вы прочтете
Позоръ и стыдъ, написанные вами.
Гдѣ ваша молчаливая жена?
Гдѣ ваша дочь? Своимъ прозрачнымъ взглядомъ
На что она, бывало, ни посмотритъ,
Все дѣлалось какъ будто веселѣй.
Быть можетъ, могъ бы взоръ ея прекрасный
Убить врага, гибдящагося въ васъ.
Зачѣмъ она живетъ въ уединеннѣ,
Бесѣдуя съ одной своей тоской,
Не находящей словъ для выраженья?
Откройтесь мнѣ, вы знаете, что я
Желаю вамъ добра. Я видѣлъ близко,
Какъ юность ваша бурная прошла,
Исполненная дымаго пожара;
Я видѣлъ близко дерзкій бѣгъ ея,
Какъ тотъ, кто видитъ пламя метеора,
Но въ васъ не гаснетъ этотъ жадный блескъ;
Я видѣлъ близко вашу возмужалость,
Въ которой вмѣстѣ съ бѣшенствомъ страстей,
Шла объ руку безжалостность; и нынѣ
Я вижу обезчещенную старость,
Согбенную подъ бременемъ грѣховъ,
Со свитою безстыдныхъ преступленій.
А я все ждалъ, что въ васъ проглянетъ свѣтъ.
Что вы еще исправитесь,—и трижды
Я спасъ вамъ жизнь.

ченчи.

За что Альдобрандино
Вамъ земли дастъ близъ Пинчю.—Еще
Прошу васъ, Кардиналь, одно замѣтить,
И можемъ столкнуться мы тогда:
Одинъ мой другъ заговорилъ сердечно
О дочери и о женѣ моей;
Онъ часто навѣщалъ меня; и что же!
Назавтра послѣ той бесѣды теплой

Его жена и дочь пришли ко мнѣ
Спросить,—что, не видалъ ли я ихъ мужа
И пѣжнаго отца.—Я улыбнулся.
Мнѣ помнится, съ тѣхъ поръ они его
Не видѣли.

КАМИЛЛО.

Несчастный, берегись!

ЧЕНЧИ.

Тебя? Помилуй, это бесполезно.
Пора намъ знать другъ друга. А насчетъ
Того, что преступленіемъ зовется
Среди людей,—насчетъ моей привычки
Желанія свои осуществлять,
Къ обману и къ насилью прибѣгая,—
Такъ это вѣдь ни для кого не тайна,—
Къ чему-жь теперь объ этомъ говорить?
Я чувствую спокойную возможность
Сказать одно и то же, говоря
Какъ съ вами, такъ и съ собственной душою.
Вѣдь вы же выдаете, будто вы
Меня почти исправили,—такъ, значитъ,
Невольно вамъ приходится молчать,
Хотя бы изъ тщеславія, притомъ же,
Я думаю, и страхъ побудитъ васъ
Не очень обо мнѣ распространяться.
Всѣ люди услаждаются въ развратѣ;
Всѣмъ людямъ месть сладка; и сладко всѣмъ
Торжествовать надъ ужасомъ терзаній,
Которыхъ не испытываешь самъ,
Ласкать свой тайный миръ чужимъ страданьемъ.
Но я ничѣмъ другимъ не наслаждаюсь,
Я радуюсь при видѣ агоніи,
Я радуюсь при мысли, что она
Другому смерть, а мнѣ—одна картина.
И нѣтъ укоровъ совѣсти въ душѣ,
И мелочнаго страха я не знаю,
Всего, въ чемъ грозный призракъ для другихъ.

Такія побужденія неразлучны
Со мной, какъ крылья съ коршуномъ,—и вѣчно
Мое воображеніе рисуетъ
Передо мной одиѣ и тѣ же формы,
Одни и тѣ же алчныя мечтанья,
И только тѣ, которыя другихъ,
Подобныхъ вамъ, всегда заставляютъ дрогнуть,
А мнѣ, какъ яство сладкое, какъ сонъ
Желанный,—ждешь его и не дождешься.

КАМИЛЛО.

Не чувствуешь, что ты изъ жалкихъ жалкій?

ЧЕНЧИ.

Я жалкій? Нѣтъ. Я только—то, что ваши
Теологи зовутъ ожесточеннымъ,
Иначе закосѣлымъ называютъ;
Межь тѣмъ какъ если кто и закосѣлъ,
Такъ это лишь они въ своемъ безстыдствѣ,
Позоря такъ особенный мой вкусъ.
Не скрою, я счастливѣй былъ когда-то,
Въ тѣ дни, какъ все, о чемъ я ни мечталъ,
Сейчасъ же могъ исполнить, какъ мужчина.
Тогда развратъ манилъ меня сильнѣе,
Чѣмъ месть; теперь мой затѣи меркнутъ;
Мы всѣ старѣемъ; да; таковъ законъ.
Но есть еще завѣтное дѣянье,
Чей ужасъ можетъ страсти пробудить
И въ томъ, кто холоднѣй меня, и жажду
Его свершить—свершу—не знаю, что.
Въ дни юности моей я думалъ только
О сладкихъ удовольствіяхъ, питался
Лишь медомъ; но, клянусь святымъ Өомой,
Не могутъ люди вѣчно жить, какъ пчелы;
И я усталъ; но до тѣхъ поръ, пока
Я не убилъ врага и не услышалъ
Его стenanій жалкихъ, и рыданій
Его дѣтей, не зналъ я, что на свѣтѣ
Есть новая услада, о которой

Теперь я мало думаю, любя
 Не смерть, а дурно-скрытый ужасъ смерти,
 Недвижные раскрытые глаза,
 И блѣдныя, трепещущія губы,
 Которыя безмолвно говорятъ,
 Что скорбный духъ внутри залить слезами
 Страшнѣе, чѣмъ кровавый потъ Христа.
 Я очень-очень рѣдко убиваю
 То тѣло, въ чьей мучительной темницѣ
 Заключена плѣненная душа,
 Покорная моей жестокой власти
 И каждый мигъ питаемая страхомъ.

КАМИЛЛО.

Нѣтъ, даже самый черный адскій духъ,
 Ликуя въ опьяненныя преступленья,
 Не могъ такъ говорить съ самимъ собою,
 Какъ въ этотъ мигъ ты говоришь со мной.
 Благодарю Создателя, за то, что
 Онъ позволяетъ мнѣ тебѣ не вѣрить.

(Входитъ Андреа)

АНДРЕА.

Васъ, господинъ мой, хочеть увидать
 Какой-то дворянинъ изъ Саламанки.

ЧЕНЧИ.

Проси его въ пріемный залъ.

(Андреа уходитъ)

КАМИЛЛО.

Прощай.

Я буду умолять Творца Благого,
 Чтобъ слухъ Онъ не склонялъ къ твоимъ рѣчамъ,
 Обманнымъ и безбожнымъ, чтобъ тебя Онъ
 Не предалъ тѣмъ.

(Камилло уходитъ)

ЧЕНЧИ.

Третъ всѣхъ моихъ владѣній!

Я долженъ сократить свои расходы,

Не то богатство, мечъ преклонныхъ лѣтъ,
 Уйдетъ навѣкъ изъ рукъ моихъ изсохшихъ.
 Еще вчера пришелъ приказъ отъ Папы,
 Чтобъ содержанье я учетверилъ
 Проклятымъ сыновьямъ моихъ; нарочно
 Изъ Рима я послалъ ихъ въ Саламанку,
 Быть можетъ, съ ними что-нибудь случится,
 Быть можетъ, мнѣ удастся умертвить
 Голодной смертью ихъ. О Боже мой,
 Молю Тебя, пошли имъ смерть скорѣ!
 Бернардо и женѣ моей теперь ужъ
 Не лучше, чѣмъ въ аду; а Беатриче...

(Подозрительно оглядывается кругомъ)

Я думаю, что тамъ меня не слышать,
 Да если-бъ даже слышали! Но все же
 Не нужно говорить, хотя въ словахъ
 Ликуеть торжествующее сердце.
 Не нужно! О нѣмой безгласный воздухъ,
 Ты не узнаешь тайныхъ думъ моихъ.
 Вы, каменные плиты, по которымъ
 Я шествую, иди въ ея покой,
 Пусть ваше эхо шепчется тревожно
 О томъ, какъ властенъ шагъ мой, не о томъ,
 Что думаю!—Андреа!

(Входитъ Андреа)

АНДРЕА.

Господинъ мой!

ЧЕНЧИ.

Поди, сказки, чтобъ въ комнатѣ своей
 Меня ждала сегодня Беатриче
 Въ вечерній часъ,—нѣтъ, въ полночь, и одна.

(Уходитъ)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Садъ, примыкающій къ Палаццо Ченчи. Входятъ БЕАТРИЧЕ и ОРСИНО, продолжая свой разговоръ.

БЕАТРИЧЕ.

Не искажайте истины, Орсино.
 Вы помните, мы съ вами говорили

Вонъ тамъ. Отсюда видно это мѣсто.
Съ тѣхъ поръ прошло два года,—столько дней!
Апрѣльской ночью лунной, тамъ, подъ тѣнью
Развалинъ Палатинскаго Холма,
Я вамъ открыла тайны мечтанья.

орснно.

Вы мнѣ сказали: «Я тебя люблю.»

БЕАТРИЧЕ.

Священническій санъ стоитъ межъ нами,
Не говорите больше о любви.

орснно.

Но получить могу я разрѣшенье
Отъ Папы. Онъ позволитъ мнѣ жениться.
Вы думаете, можетъ быть, что послѣ
Того, какъ принялъ я духовный санъ,
Вашъ образъ не стоитъ передо мною,
Во тьмѣ ночной и въ яркомъ свѣтѣ дня?

БЕАТРИЧЕ.

Я снова повторяю вамъ, Орснно:
Не говорите больше о любви.
И если-бъ разрѣшенье вы имѣли,
Оно для васъ, отиодъ не для меня.
Могу ли я покинуть домъ печали,
Пока Вернардо бѣдный въ немъ и та,
Чьей кротости обязана я жизнью
И всѣмъ, что есть хорошаго во мнѣ!
Пока есть силы, я должна терзаться.
И самая любовь, что прежде я
Къ вамъ чувствовала, стала горькой мукой.
Увы, Орснно! Юный нашъ союзъ
Дѣйствительно былъ только юной грезой.
И кто-жъ его разрушилъ, какъ не вы,
Принявъ обѣтъ, который уничтожить
Не можетъ Папа. Я еще люблю,
Еще любить я васъ не перестану,
Но только какъ сестра, или какъ духъ;

И въ вѣрности холодной я клянусь вамъ.
Быть можетъ, это даже хорошо,
Что намъ нельзя жениться. Въ васъ я вижу
Какую-то неискренность и скрытность,
Что мнѣ не нравится. О, горе мнѣ!
Куда, къ кому должна я обратиться?
Вотъ даже и теперь, глядя на васъ,
Я чувствую, что вы не другъ мнѣ больше.
И вы, какъ будто сердцемъ отгадавъ,
Что въ сердцѣ у меня теперь, смѣетесь
Притворною улыбкой, точно я
Несправедлива въ этомъ подозрѣнн.
О, нѣтъ, простите! Это все не то!
Меня печаль казаться заставляетъ
Такою жесткой,—въ сердцѣ нѣтъ того,
Чѣмъ я кажусь. Я вся изнемогаю
Отъ бремени глубоко-скорбныхъ думъ,
Которыя какъ будто предвѣщаютъ
Какое-то несчастье... Впрочемъ, что же
Случиться можетъ худшаго еще?

орснно.

Все будетъ хорошо. Готова просьба?
Вы знаете, какъ сильно, Беатриче,
Вниманіе мое къ желаньямъ вашимъ.
Не сомнѣвайтесь, я употреблю
Все рвенье, все умѣние, и Папа
Услышитъ вашу жалобу.

БЕАТРИЧЕ.

Вниманье
Къ желаньямъ моимъ, умѣнье, рвенье...
О, Боже, какъ вы холодны ко мнѣ!
Скажите мнѣ одно лишь слово...

(Въ сторону) Горе!

Мнѣ не къ кому пойти, а я стою
И ссорюсь здѣсь съ моимъ послѣднимъ другомъ!
(Къ Орснно)

Орснно, мой отецъ сегодня ночью

Готовить пышный пиръ. Изъ Саламанки
 Онъ добрыя извѣстья получилъ
 Отъ братьевъ, и наружною любовью
 Онъ хочетъ скрыть, съ насмѣшкой, ту вражду,
 Которая въ его душѣ гнѣздится.
 Онъ дерзкій лицемѣръ. Скорѣй, я знаю,
 Онъ сталъ бы смерть ихъ праздновать, о чемъ,
 Какъ слышала сама я, онъ молился.
 О Боже мой! Кого должна я звать
 Своимъ отцомъ!—Для пира все готово.
 Онъ созвалъ всѣхъ родныхъ и всѣхъ главнѣйшихъ
 Изъ лучшей римской знати. Приказалъ мнѣ
 И матери запуганной моей
 Одѣться въ наши лучшія одежды.
 Бѣдняжка! ей все чудится, что съ нимъ
 Какая-то случится переменна,
 Надѣется, что въ черный духъ его
 Прольется лучъ какой-то просвѣтленья.
 Я ничего не жду. Во время пира
 Ходатайство свое я вамъ отдамъ.
 Теперь же—до свиданья.

орсиппо.

До свиданья.

(Беатриче уходитъ)

Я знаю, если Папа согласится
 Обѣтъ мой уничтожить, выѣстъ съ тѣмъ
 Онъ уничтожить всѣ мои доходы
 Съ епархій. Беатриче, я хочу
 Тебя купить дешевле. Не прочтеть онъ
 Твое краснорѣчивое посланье.
 А то, пожалуй, выдалъ бы онъ замужъ
 Тебя за одного изъ неимущихъ
 Прислѣнниковъ племянника шестого,
 Какъ это сдѣлалъ онъ съ твоей сестрой.
 Тогда «прости» навѣкъ мои расчеты.
 Да правда и насчетъ того, что будто
 Отецъ ее терзаетъ, это все

Весьма преувеличено. Конечно,
 Брюзгливы старики и своевольны.
 Почтенный человѣкъ убьетъ врага,
 Замучаетъ прислужника,—вотъ важность!—
 Немножко позабавится насчетъ
 Вина и женщинъ, поздно возвратится
 Въ свой скучный домъ, и въ скверномъ настроены
 Начнетъ бранить дѣтей, ругать жену,
 А дочери и жены называютъ
 Все это—нестерпимой тиранніей.
 Я былъ бы счастливъ, если-бъ у меня
 На совѣсти грѣховъ не тяготѣло
 Важнѣй, чѣмъ тѣ, что связаны неволью
 Съ затѣями любви моей. Изъ этой
 Искусной сѣти ей не ускользнуть.
 И все-жъ мнѣ страшнѣе умъ ея пытливый,
 Глубокій взглядъ ея внушаетъ страхъ,
 Все скрытое во мнѣ онъ обначаетъ,
 Всѣ мысли потаенныя провидитъ.
 И поневолѣ долженъ я краснѣть.
 Но нѣтъ! Она одна и беззащитна,
 Во мнѣ ея послѣдняя надежда,
 Я былъ бы непростительнымъ глумцомъ,
 Когда бы я позволилъ ускользнуть ей;
 Я былъ бы такъ же страшно глумъ, какъ если-бъ
 Пантера, увидавши антилопу,
 Почувствовала ужасъ.

(Уходитъ)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Великолѣпный залъ въ Палаццо Ченчи. Входятъ Ченчи, Лукреція,
 Беатриче, Орсиппо, Камилло, Новили.

ЧЕНЧИ.

Привѣтъ вамъ всѣмъ, мои друзья, родные,
 Основы церкви—Принцы, Кардиналы,
 Вамъ всѣмъ, своимъ присутствіемъ почтившимъ
 Нашъ праздникъ,—самый искренній привѣтъ.
 Я слишкомъ долго жилъ анахоретомъ,

И въ эти дни, какъ быть лишень я васъ,
Насчетъ меня распространились слухи
Нелестные, какъ, вѣрно, вамъ извѣстно,
Но я надѣюсь, добрые друзья,
Что вы, принявъ участие въ нашемъ ширѣ,
Узнавъ его достойную причину,
И чокнувшись со мною два-три раза,
Увидите, что я похожъ на васъ,
Что я, какъ вы, родился человѣкомъ,
Конечно, не безгрѣшнымъ; но, увы,
Насъ всѣхъ Адамъ содѣлалъ таковыми.

первый гость.

О Графъ, у васъ такой веселый видъ,
Вы съ нами такъ пріятливы, что слухи,
Конечно, лгутъ, приписывая вамъ
Дѣянья недостойныя.

(Къ своему сосѣду).

Смотрите,

Какой прямой, какой веселый взглядъ!

второй гость.

Скажите намъ скорѣе о желанномъ
Событїи, порадовавшемъ васъ,—
И радость будетъ общей.

ченчи.

Да, признаться,

Для радости достаточно причинъ.
Когда отецъ взываетъ неустанно,
Изъ глубины родительскаго сердца,
Къ Всевышнему Родителю всего,—
Когда одну мольбу онъ возсылаеть,
Иди ко сну, вставая ото сна,—
Когда лелѣеть онъ одно желанье,
Всегда одну завѣтную мечту,
И съ той мечтою связаны два сына,—
Когда внезапно, даже сверхъ надежды,
Его мольба услышана вполне,—
О, такъ вполне, что греза стала правдой,—

Еще-бъ ему тогда не ликовать,
Еще бы не сывать на пиръ веселый
Своихъ друзей, какъ сдѣлалъ это я.

БЕАТРИЧЕ (Къ Лукреціи).

О Боже! Что за ужасъ! Вѣрно, братьевъ
Постигло что-то страшное.

ЛУКРЕЦІЯ.

Не бойся.

Его слова звучать чистосердечно.

БЕАТРИЧЕ.

Мнѣ страшно отъ чудовищной улыбки,
Играющей вокругъ глазъ его, въ морщинахъ,
Что стягиваютъ кожу до волосъ.

ченчи.

Вотъ здѣсь письмо ко мнѣ изъ Саламанки,
Пусть мать твоя узнаеть, Беатриче,
Что пишутъ мнѣ. Прочти его. Господь,
Благодарю Тебя! Незримой дланью
Исполнилъ Ты желаніе мое
Въ короткій срокъ одной и той же ночи.
Ужъ нѣтъ въ живыхъ моихъ дѣтей мятежныхъ,
Упрямыхъ, непослушныхъ! Нѣтъ въ живыхъ!
Что значить это странное смущенье?
Вы, кажется, не слышите: мои
Два сына приказали долго жить,
И больше имъ не нужно ни одежды,
Ни пищи,—только траурныя свѣчи,
Что будутъ озарять ихъ темный путь,
Послужать ихъ послѣднею издержкой.
Я думаю, что Папа не захочеть,
Чтобъ въ ихъ гробахъ я сталъ ихъ содержать.
Такъ радуйтесь—я счастливъ—я ликою.

(Лукреція въ полу-обморокъ; Беатриче поддерживаетъ ее)

БЕАТРИЧЕ.

Не можетъ быть! Приди въ себя, молю,
Не можетъ быть, вѣдь есть же Богъ на Небѣ,

Ему не могъ бы Онъ позволить жить
И милостью такою похваляться.
Ты лжешь, безчеловѣчный, ты солгалъ.

ЧЕНЧИ.

Поистинѣ, солгалъ, какъ самъ Создатель.
Зову теперь въ свидѣтели Его:
Не только смерть, но самый родъ ихъ смерти—
Порука въ благосклонности ко мнѣ
Святого Провидѣнья. Сытъ мой Рокко
Съ шестнадцатю другими слушалъ мессу:
Вдругъ сводъ церковный рухнулъ, всѣ спаслись,
Погибъ лишь онъ одинъ. А Кристофано
Случайно, по ошибкѣ, былъ заколотъ
Какимъ-то тамъ стремительнымъ ревнивцемъ,
Въ то время какъ жена его спала
Съ любовникомъ. И это все случилось
Въ единый часъ одной и той же ночи.
И это есть свидѣтельство, что Небо
Особенно заботится о мнѣ.
Прошу моихъ друзей, во имя дружбы,
Отмѣнить этотъ день въ календарѣ.
Число двадцать седьмое. Новымъ дивнымъ
Обогатился праздникомъ Декабрь.
Хотите, можетъ быть, меня провѣрить?
Вотъ вамъ письмо, пожадуйте, прочтите.

*(Всѣ присутствующіе смущены; некоторые изъ
гостей встаютъ)*

первый гость.

Чудовищно! Я ухожу.

второй гость.

И я!

третій гость.

Постойте, я увѣренъ, это шутка,
Хоть онъ и шутить слишкомъ ужъ серьезно.
Я думаю, что сынъ его обвинчанъ
Съ инфантой, или, можетъ быть, нашель

Онъ кони золотыя въ Эльдorado,—
Онъ хочетъ эту вѣсть преподнести
Съ пикантною приправой,—смотрите,
Онъ только насмѣхается.

ЧЕНЧИ *(наполняя кубокъ виномъ и
поднимая его)*.

О, ты,

Веселое вино, чей блескъ багряный
Играетъ, пѣнясь, въ кубкѣ золотомъ,
Какъ духъ мой, веселящійся при вѣсти
О смерти этихъ гнусныхъ сыновей!
Когда-бъ не ты, а кровь ихъ здѣсь блистала,
Я выпилъ бы ее благоговѣнно,
Какъ кровь Святыхъ Даровъ, и, полный смѣха,
Привѣтствовалъ бы я задраннымъ тостомъ
Могучаго владыку Сатану.
Онъ долженъ ликовать въ моемъ триумфѣ,
Коль правда, какъ свидѣлствуютъ люди,
Что страшное отцовское проклятье
За душами дѣтей, на быстрыхъ крыльяхъ,
Летитъ и тащитъ ихъ въ глубокой Адъ,
Хотя-бъ отъ самого престола Неба!
Ты лишнее, вино мое: я пьянъ
Отъ пьяности восторга—въ этотъ вечеръ
Другой мнѣ хмѣль не нуженъ.

Эй, Андреа,

Неси скорѣе кубокъ круговой!

первый гость *(оставал)*.

Несчастный! Неужели между нами
Не будетъ никого, кто-бъ удержалъ
Позорнаго мерзавца?

камилло.

Ради Бога,

Позвольте мнѣ, я распушу гостей,
Вы виѣ себя! Смотрите, будетъ худо!

второй гость.

Схватить его!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Связать его!

ТРЕТИЙ ГОСТЬ.

Смѣльте!

ЧЕНЧИ *(съ жестомъ угрозы обращается къ тѣмъ, которые встаютъ).*

Тутъ кто-то шевелится? Кто-то шепчетъ?

(Обращаясь къ сидящимъ за столомъ)

Нѣтъ, ничего. Прошу васъ, веселитесь.

И помните, что мнѣнье Графа Ченчи—

Какъ царскій запечатанный приказъ,

Который убиваетъ, но никто

По имени не назоветъ убійцу.

(Пиръ прерывается; некоторые изъ гостей уходятъ)

БЕАТРИЧЕ,

О гости благородные, прошу васъ,

Останьтесь здѣсь, молю, не уходите;

Что въ томъ, что деспотизмъ безчеловѣчный

Отцовскими сѣдинами прикрытъ?

Что въ томъ, что онъ, кто далъ намъ жизнь и сердце,

Пытая насъ, хохочетъ, какъ палачъ?

Что въ томъ, что мы, покинутыя всѣми,

Его родныя дѣти и жена,

Съ нимъ скованы неразрушимой связью?

Ужель за насъ не вступится никто?

Ужели въ цѣломъ мірѣ нѣтъ защиты?

Подумайте, какую бездну мукъ

Должна была я вынести, чтобъ въ сердцѣ,

Исполненномъ нѣмого послушанья,

Погасло все—любовь, и стыдъ, и страхъ?

Подумайте, я вытерпѣла много!

Ту руку, что гнала меня къ землѣ,

Я цѣловала кротко, какъ святыню,

И думала, что, можетъ быть, ударъ

Былъ карою отеческой, не больше!

Я много извиняла, сомнѣвалась,

Потомъ, понявъ, что больше нѣтъ сомнѣній,

Старалась я терпѣньемъ безъ конца

И ласкою смягчить его; когда же

И это оказалось бесполезнымъ,

Въ тиши бессонныхъ тягостныхъ ночей

Я падала съ рыданьемъ на колѣни,

Молясь душой Всевышнему Отцу.

И видя, что молитвы не доходятъ

До Неба, все же я еще терпѣла,

Ждала,—пока на этотъ подлый пиръ

Не созвалъ онъ васъ всѣхъ, чтобъ веселиться

Надъ трупами моихъ погибшихъ братьевъ.

О Принцъ Колонна, ты намъ самый близкій.

О Кардиналъ, ты—Панскій камерарій,

И ты, Камилло, ты судья верховный:

Возьмите насъ отсюда!

ЧЕНЧИ *(въ то время, когда Беатриче произносила первую половину своего монолога, разговаривала съ Камилло; услышавъ заключительныя слова Беатриче, онъ приближается).*

Я надѣюсь,

Что добрые друзья не захотятъ

Послушать эту дерзкую дѣвчонку,—

О собственныхъ заботахъ дочеряхъ,

Иль, можетъ быть, свое пощупавъ горло.

БЕАТРИЧЕ *(не обращая вниманія на слова Ченчи).*

Что-жь, даже вы не взглянете никто?

Вы даже мнѣ отвѣтить не хотите?

Одинъ тиранъ способенъ побѣдить

Толпу другихъ, умнѣйшихъ и добрѣйшихъ?

Иль я должна ходатайство свое

Въ законной точной формѣ вамъ представить?

О Господи, зачѣмъ я не въ землѣ,

Не съ братьями! Цвѣты весны увядшей

Теперь бы надъ моей могилой гасли,

И мой отецъ одинъ бы пиръ устроилъ

Надъ общимъ гробомъ!

КАМИЛЛО.

Горькое желанье
Въ устахъ такихъ невинно-молодыхъ!
Не можемъ ли мы чѣмъ-нибудь помочь имъ?

КОЛОННА.

Мнѣ кажется, ничѣмъ помочь нельзя.
Графъ Ченчи врагъ опасный. Но... я могъ бы...
Другого поддержать...

КАРДИНАЛЬ.

И я... охотно...

ЧЕНЧИ.

Иди отсюда въ комнату свою,—
Ты, дерзкое созданіе!

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, ты
Иди отсюда, извергъ богохульный!
Сокройся, пусть никто тебя не видитъ.
Ты хочешь послушанья? Нѣтъ его!
Мучитель!—О, замѣть, что, если даже
Ты властвуешь надъ этою толпою,
Изъ злого можетъ выйти только злое.—
Не хмурься на меня! Слѣвши, исчезни,
Не жди, чтобъ твои братьевъ отошедшихъ
Видѣньями возникли предъ тобой
Со взорами, исполненными мести!
Закрой свое лицо отъ смертныхъ взглядовъ,
Дрожи, когда услышишь звукъ шаговъ,
Найди себѣ приубѣжище во мракѣ,
Въ какомъ-нибудь безмолвномъ уголкѣ,
И тамъ, склонивши голову съдую,
Козѣнопреклоненный, ницъ пади
Предъ Господомъ, тобою оскорбленнымъ,
Мы тоже ницъ падемъ, и вокругъ тебя
Молимся будемъ Богу всею душою,
Чтобъ Онъ не погубилъ тебя и насъ!

ЧЕНЧИ.

Друзья мои, мнѣ жаль, что пиръ веселый
Испорченъ сумасшедшею дѣвчонкой.
Прощайте, доброй ночи. Не хочу
Вамъ больше досаждать глухѣйшей скукой
Домашнихъ нашихъ сценъ. Итакъ, надѣюсь,
До скорого свиданья.

(Уходитъ всѣ, кромѣ Ченчи и Беатриче)

Дать мнѣ кубокъ!

Мой умъ скользнуть.

(Къ Беатриче)

Ты, милая ехидна!

Прекрасный, страшный звѣрь! Я знаю чары,
Чья власть тебя заставитъ быть ручной.
Прочь съ глазъ моихъ теперь!

(Беатриче уходитъ)

Сюда, Андреа,

Наполни кубокъ Греческимъ виномъ!
Сегодня не хотѣлъ я пить ни капли,—
Я долженъ; какъ ни странно, я робѣю
При мысли о рѣшеніи своемъ.

(Пьетъ вино)

Да будешь ты въ моихъ застывшихъ жилахъ —
Какъ быстрая рѣшимость юныхъ думъ,
Какъ твердое упорство зрѣлой воли,
Какъ мрачный и утонченный развратъ
Распутной престарѣлости. О, если-бы
Дѣйствительно ты не было виномъ,
А кровью синовей моихъ проклятыхъ,
Чтобъ могъ и утолить себя! Вотъ, такъ!
Я слышу; чары дѣйствуютъ. Мечта
Должна быть свершена. Она свершится!

(Уходитъ)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ Палаццо Ченчи. Входят Лукреція и Бернардо.

ЛУКРЕЦІЯ

Не плачь, мой милый мальчикъ, онъ вѣдь только
 Меня ударилъ; я терпѣла больше.
 И право, если-бъ онъ меня убилъ,
 Онъ лучше-бъ сдѣлалъ. Боже Всемогущій,
 Взгляни на насъ, другой намъ нѣтъ защиты!
 Не плачь же. Если даже я тебя
 Люблю, какъ своего родного сына,
 Тебѣ я не родная.

БЕРНАРДО.

Больше, больше,
 Чѣмъ можетъ быть для собственнаго сына
 Родная мать! И если бы онъ не былъ
 Отецъ мнѣ, развѣ сталъ бы я рыдать?

ЛУКРЕЦІЯ.

Ну, что-жь еще ты могъ бы, мальчикъ бѣдный?
(Входитъ Беатриче)

БЕАТРИЧЕ *(торопливымъ голосомъ)*.

Онъ здѣсь прошелъ? Вы видѣли его?
 А! Нѣтъ! Вотъ-вотъ, на лѣстницѣ я слышу
 Его шаги, все ближе, вотъ теперь
 Его рука уже на ручкѣ двери.
 О мать моя, спаси меня, спаси,
 Коль я тебѣ всегда была послушной!
 Ты, Господи, чей образъ на землѣ
 Есть лишь отца, и Ты меня покинулъ?
 А! Онъ идетъ! Я вижу. Дверь открыта.
 Онъ хмурится на всѣхъ, и только мнѣ
 Смѣется, улыбается, какъ ночью.

(Входитъ Слуга)

О, Господи, благодарю Тебя,
 Ты милосердѣ. Слуга Орсино это.
 Что новаго?

СЛУГА.

Меня сюда послалъ
 Мой господинъ; Святой Отецъ обратно
 Ходатайство вернулъ, не распечатавъ.

(Отдастъ булагу)

Мой господинъ еще велѣлъ спросить,
 Въ какомъ часу онъ можетъ безъ помѣхи
 Прийти опять?

ЛУКРЕЦІЯ.

Мы ждемъ къ Ave Maria.

(Слуга уходитъ)

Такъ, дочь моя. Последняя надежда
 Намъ измѣнила. Боже, что съ тобой?
 Какъ ты блѣдна! Ты вся дрожишь, о чемъ-то
 Задумалась такъ страшно и глубоко.
 Какъ будто ты не можешь совладать
 Съ какой-то мыслью: взоръ твой полонъ блеска
 Холоднаго. О милое дитя,
 Отвѣтъ мнѣ, если можешь! Ты лишилась
 Разсудка? О, скажи мнѣ!

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, ты видишь,
 Я говорю. Я не сонна съ ума.

ЛУКРЕЦІЯ.

Что сдѣлалъ твой отецъ сегодня ночью,
 Что послѣ пира страшнаго онъ могъ
 Еще страшнѣе сдѣлать? Какъ ужасно
 Воскликнулъ онъ: «Ихъ больше нѣтъ въ живыхъ!»
 И каждый посмотрѣлъ въ лицо сосѣда,
 Чтобъ видѣть, такъ ли блѣденъ онъ, какъ всѣ.
 Какъ только слово первое сказалъ онъ,
 Вся кровь мнѣ къ сердцу хлынула, и я
 Лишилась чувствъ; когда-жь опять очнулась,

Кругомъ всё были ужасомъ объаты,
И только ты, безстрашная, стояла
И рѣчью укоризненною въ немъ
Смирила необузданную гордость.
Я видѣла, какъ демонъ, въ немъ живущій,
Затрепеталъ. И ты всегда была
Межъ нами и отцомъ твоимъ жестокимъ
Единственной посредницей; въ тебѣ
Мы находили вѣрную защиту,
Прибѣжище. Что-жь такъ могло теперь
Тебя поработить? Откуда этотъ
Печальный взглядъ, смѣнившій твой испугъ?

БЕАТРИЧЕ.

О мать моя, что хочешь ты сказать мнѣ?
Я думала, что лучше, можетъ быть,
Съ несчастьемъ не бороться. Были люди,
Такіе же, какъ мой отецъ, грѣшили
И совершали страшныя дѣла,
Но никогда... О, прежде, чѣмъ случится
То, худшее, не лучше-ль умереть!
Со смертью все кончается.

ЛУКРЕЦІЯ.

Не надо

Такъ говорить, о милое дитя!
Скажи мнѣ лучше, что отецъ твой сдѣлалъ,
Что онъ сказалъ тебѣ? Вѣдь послѣ шира
Проклятаго онъ въ комнату твою
Не заходилъ.—Скажи.

БЕРНАРДО.

Сестра, сестра,

Отвѣть намъ, умоляю.

БЕАТРИЧЕ *(говоря очень медленно
съ насильственнымъ
спокойствіемъ)*

Это было

Одно лишь слово, мать моя, такъ, слово;
Одинъ лишь взглядъ, одна улыбка. *(Дико)* А!

А! онъ не разъ меня топталъ ногами,—
И по щекамъ моимъ струилась кровь,
Давалъ намъ пить гнилую воду, мясо
Больныхъ быковъ давалъ намъ ѣсть, со смѣхомъ,
И говорилъ, чтобъ ѣли мы и пили,
Не то умремъ,—и ѣли мы и пили.
Онъ силой заставлялъ меня глядѣть,
Какъ на рукахъ у милаго Бернардо,
Отъ ржавыхъ, крѣпко стянутыхъ, цѣпей,
Росли и до костей вросли язвы,—
Я никогда себѣ не позволяла
Отчаянью предаться—но теперь!
Что я сказать хотѣла?

(Овладевъ собою)

Нѣтъ, не то,

Все это ничего. Страданья наши
Меня лишили разума. Онъ только
Меня ударилъ, мимо проходя,
Онъ мнѣ послалъ какое-то проклятье,
Онъ посмотрѣлъ, онъ мнѣ сказалъ, онъ сдѣлалъ—
Все то же, что всегда,—но я смуглилась
Сильнѣй обыкновеннаго. Увы!
Обязанность свою я позабыла,
Я ради васъ спокойной быть должна.

ЛУКРЕЦІЯ.

Молю, не надай духомъ, Беатриче,
Ужь если кто отчаяться бы долженъ,
Такъ это я; когда-то я его
Любила, и теперь должна съ нимъ жить,
Пока Господь не скажится надъ нами
И отзоветъ его или меня.
А предъ тобой замужество, улыбки;
Пройдутъ года, и на твоихъ колѣняхъ
Усядутся смѣющіеся дѣти,
И я, тогда ужъ мертвая, и все,
Что пережили мы, весь ужасъ пытокъ,
Скованній насъ мучительнымъ кольцомъ,
Передъ тобой предстанетъ сномъ далекимъ.

БЕАТРИЧЕ.

Не говори о мужѣ, о семьѣ!
 Когда скончалась мать моя, не ты ли
 Была замѣной ей? Не ты-ль была
 Защитой мнѣ и этому ребенку?
 Мой милый братъ, какъ я его люблю!
 И кто намъ въ дѣтствѣ былъ завѣтнымъ другомъ,
 Кто ласками и кротостью своей
 Склонилъ отца, чтобъ насъ не убивалъ онъ?
 И мнѣ тебя покинуть! Пусть душа
 Моей умершей матери возстанетъ
 И будетъ мстить моему душѣ, когда я
 Покину ту, кто выказалъ любовь
 Сильнѣй любви и ласки материнской!

БЕРНАРДО.

И я во всемъ съ моею сестрой согласенъ!
 Въ такой бѣдѣ намъ нужно быть съ тобой.
 И если-бъ даже Папа разрѣшилъ мнѣ
 Свободно жить среди солнечныхъ лучей,
 На воздухѣ, питаться нѣжной пищей,
 Играть съ другими, тѣхъ же лѣтъ, какъ я,
 Тебя я не покинулъ бы, родная!

ЛУКРЕЦІЯ.

О дѣти, дѣти милыя мои!
(Входитъ Ченчи внезапно)

ЧЕНЧИ.

Какъ, Беатриче здѣсь! Поди сюда!
(Она отступаетъ и закрываетъ лицо руками)
 Нѣтъ, нѣтъ! Не прячь лицо. Оно прекрасно!
 Смотри смѣлѣй! Вѣдь ты вчера смотрѣла
 Такъ дерзко и упрямо на меня,
 Стараясь разгадать суровымъ взглядомъ,
 Что я хотѣлъ сказать, межъ тѣмъ какъ я
 Старался скрыть намѣренье—напрасно.

БЕАТРИЧЕ *(шатаясь, въ безумномъ
 смущеніи направляется
 къ двери).*

О Господи, сокрой меня! Земля,
 Раскройся предо мной!

ЧЕНЧИ.

Тогда не ты,

Я говорилъ безсвязными словами,
 Дрожавшими шагами я старался
 Отъ твоего присутствія ѡбжечь,
 Какъ ты теперь ѡбжишь отсюда. Стой же,
 Стой, говорить тебѣ, и знай: отнынѣ,
 Отъ этого рѣшительнаго часа,
 Безстрашнымъ взглядомъ, видомъ превосходства,
 И этими прекрасными губами,
 Что созданы природою самою,
 Чтобъ цѣловать или выражать презрѣнье,
 Всѣмъ этимъ, говорю я, никогда ужь
 Не сможешь ты заставить замолчать
 Последняго среди людей, тѣмъ меньше
 Меня. Ступай теперь отсюда прочь!

(Къ Вернардо)

И ты еще, двойникъ противно-мерзкій
 Твоей проклятой матери, съ лицомъ
 Молочно-бѣлымъ, мягкимъ,—прочь отсюда!

*(Беатриче и Вернардо уходятъ)**(Въ сторону).*

Такъ много уже было между нами,
 Что я могу быть смѣлымъ, а она
 Должна бояться. Страшно прикоснуться
 Къ задуманному мною злодѣянью;
 Такъ человѣкъ на влажномъ берегу,
 Дрожить и воду пробуетъ ногами,
 Разъ тамъ,—какой восторгъ, какая нѣга!

ЛУКРЕЦІЯ *(боязливо приближа-
 ется къ нему).*

Супругъ мой, не сердись на Беатриче,
 Дурного въ мысляхъ не было у ней.

ЧЕНЧИ.

Какъ не было и у тебя, быть можетъ?
 Какъ не было у этого чертенка,
 Котораго ты азбукъ учила,
 Читая по складамъ—отцеубійство?
 Джакомо также, вѣрно, не хотѣлъ
 Дурного ничего, равно какъ эти
 Два выродка, поссорившіе Пану
 Со мною,—слава Богу, Онъ прибралъ ихъ
 Одновременно. Агицы! Ничего
 Дурного нѣтъ въ ихъ мысляхъ! Значитъ, вы
 Здѣсь не вступали въ заговоръ, не такъ ли?
 О томъ вы ничего не говорили,
 Чтобъ въ сумасшедшій домъ меня упрятать?
 Или судомъ преслѣдовать меня,
 Добиться смертной казни? Если-жь это
 Не выгоритъ,—тогда нанять убійцъ,
 Иль всыпать ядъ въ мое питье ночное?
 Иль задушить, когда упиюсь виномъ?
 Вѣдь нѣтъ судьи иного, кромѣ Бога,
 А Онъ меня давно приговорилъ,
 И, кромѣ васъ, здѣсь на землѣ, кому же
 Исполнить этотъ смертный приговоръ,
 Виссенный въ списки въ Небѣ?

ЛУКРЕЦІЯ.

Видитъ Богъ,
 Я никогда не думала объ этомъ!

ЧЕНЧИ.

Коль ты вторично такъ солжешь, тебя я
 Убую. Не ты велѣла Беатриче
 Испортить ширъ вчерашній? Ты хотѣла
 Поднять моихъ враговъ и убѣжать,
 Чтобъ досыта надъ тѣмъ поиздѣваться,
 Предъ чѣмъ теперь твоей каждый нервъ дрожить!
 Не такъ-то люди смѣлы: промахнулась.
 Немногіе безумцы захотятъ
 Встать между мной и собственной могилой.

ЛУКРЕЦІЯ.

Клянусь тебѣ,—о, не смотри такъ страшно!—
 Клянусь моимъ спасеньемъ,—ничего
 Не знала я о планахъ Беатриче,
 И думаю, что даже у нея
 Ихъ не было, пока не услышала
 Она о смерти братьевъ.

ЧЕНЧИ.

Снова лжешь,

И въ адъ пойдешь за это богохульство!
 Но я васъ всѣхъ возьму съ собой туда,
 Гдѣ вамъ придется къ каменному полу
 Припасть, прося, чтобъ онъ освободилъ васъ.
 Тамъ нѣтъ ни одного, кто-бъ не рѣшился
 На все,—на все, что я ни прикажу.
 Я выѣзжаю въ эту Среду. Знаешь
 Тотъ мрачный Замокъ на скалѣ, Петреллу?
 Онъ славно укрѣпленъ, оконанъ рвами,
 Подземными темницами снабженъ,
 И каменные стѣны плотныхъ башенъ
 Не выдали ни разу тайнъ своихъ,
 И людямъ ничего не говорили,
 Хоть видѣли и слышали такое,
 Что мертвый камень могъ заговорить.
 Чего-жь ты ждешь? Иди скорѣй, собирайся,
 Чтобъ не было задержекъ у меня!

(Лукреція уходитъ)

Еще горитъ всевидящее солнце,
 И шумъ людской на улицахъ не смолкъ;
 Въ окно глядитъ свѣтящееся небо,
 Назойливый, широкій, яркій день;
 Онъ смотритъ подозрительно, онъ полонъ
 Ушей и глазъ; и въ каждомъ уголкѣ,
 И въ каждой чуть замѣтной тонкой щели
 Стоитъ и не уходитъ наглый свѣтъ.
 Приди же, тьма!—Но что мнѣ день, когда я
 Задумалъ совершить такое дѣло,

Которое смутить и день, и ночь.
 О, да, не я,—она поидеть наощупь
 Въ слѣпомъ туманѣ ужаса: и если
 Взойдетъ на небо солнце,—не дерзнетъ
 Она взглянуть на свѣтъ и не услышитъ
 Тепла его лучей. Такъ пусть она
 Желаетъ темной ночи; для меня же
 Дѣяніе мое погаситъ все:
 Въ себѣ нощу я мракъ, страннѣй, мертвѣе,
 Чѣмъ тѣнь земли, чѣмъ междулунный воздухъ,
 Чѣмъ звѣзды, потонувшія во мглѣ
 Мрачнѣйшей тучи; въ этой безднѣ черной
 Незримо и спокойно я иду
 Къ намѣченной и неотступной цѣли.
 О, только бы скорѣй достигъ ея!

(Уходитъ)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ Ватиканѣ. Входитъ Камилло и Джакомо, разговаривая.

КАМИЛЛО.

Да, есть такой законъ,—недостовѣрный,
 Совсѣмъ забытый; если вы хотите,
 Онъ вамъ доставитъ нищу и одежду,
 Въ размѣрахъ скудныхъ...

ДЖАКОМО.

Это все? Увы,

Я знаю, скудно будетъ содержанье,
 Которое прикажетъ мнѣ давать
 Разсчетливый законъ, платить же станетъ
 Косящаяся пасмурная скудость.
 Зачѣмъ отецъ не научилъ меня
 Хоть одному изъ тѣхъ ремеслъ, въ которыхъ
 Нашелъ бы я свой хлѣбъ дневной, не зная
 Потребностей моихъ высокородныхъ?
 Да, старшій сынъ въ любомъ хорошемъ домѣ—
 Наслѣдникъ неспособностей отца.
 Желаній много, ихъ насытить—нечѣмъ.
 Скажите, Кардиналь, когда-бъ внезапно

Васъ кто-нибудь лишилъ тройныхъ перинъ,
 Шести дворцовъ, и сотни слугъ, и нищи
 Изысканной,—и если-бъ васъ къ тому лишь,
 Что требуетъ природа, низвели?

КАМИЛЛО.

Кто говорить, мнѣ было-бъ очень трудно;
 Есть правда въ вашихъ доводахъ.

ДЖАКОМО.

Такъ трудно,

Что только очень твердый человѣкъ
 Способенъ это вынести. Притомъ же,
 Я не одинъ, со мной моя жена.
 Она привыкла къ роскоши и нѣгѣ,
 Въ несчастный часъ приданое ея
 Я далъ взаймы отцу, не взявъ росписки,
 И не было свидѣтелей при этомъ.
 Приходится отказывать и дѣтямъ
 Рѣшительно во всемъ, а между тѣмъ
 Они, какъ мать ихъ, любятъ жить въ довольствѣ.
 И я отъ нихъ упрековъ не слышалъ.
 Скажите, Кардиналь, быть можетъ Пана
 Захочетъ намъ помочь и оказать
 Вліянье свыше точныхъ словъ закона?

КАМИЛЛО.

Хоть случай вашъ особенный,—я знаю,
 Что Пана не захочетъ отступить
 Отъ буквы непреложнаго закона.
 Съ Святѣйшествомъ его я говорилъ
 О томъ, какъ ширъ устроенъ былъ безбожнѣй.
 О томъ, что надо чѣмъ-нибудь сдержатъ
 Такой жестокой гнетъ руки отцовской;
 Но онъ нахмурилъ брови и сказалъ:
 «Всегда и всюду дѣти непослушны,
 Изранить, до безумья довести
 Родительское сердце—что имъ въ этомъ!
 Они всегда презрѣнемъ буйнымъ платять»

За долгій рядъ отеческихъ заботъ.
 Всѣмъ сердцемъ я жалбю Графа Ченчи:
 Онъ, вѣрно, оскорбленъ былъ очень горько
 Въ своей любви, и вотъ теперь онъ мститъ,
 И ненависть—любви его замѣна.
 Въ великой и кощунственной войнѣ
 Межъ молодымъ и старымъ я, который
 Съдинами украшенъ, тѣломъ дряхлъ,
 Хочу, по меньшей мѣрѣ, быть нейтральнымъ.»

(Входитъ Орсино)

Вы были тамъ, Орсино, подтвердите
 Его слова.

орсино.

Слова? Какія?

джакомо.

Нѣтъ,

Прошу не повторяйте ихъ. Довольно.
 Такъ, значить, нѣтъ защиты для меня,—
 Нѣтъ кромѣ той, которую найду я
 Въ себѣ самомъ, ужъ разъ меня пригнали
 На край обрыва. Но еще скажите,
 Невинная сестра моя и братъ
 Доведены до крайности и гибнутъ
 Въ рукахъ у безсердечнаго отца.
 Я знаю, лѣтописныя страницы
 Италіи укажутъ имена
 Мучителей извѣстныхъ, Галеаццо
 Висконти, Эццелино, Борджіа.
 Но никогда своихъ рабовъ послѣднихъ
 Такъ не терзали эти палачи,
 Какъ собственныхъ дѣтей терзаетъ Ченчи.
 Что-жь, имъ, какъ мнѣ, защиты нѣтъ?

камилло.

Зачѣмъ же,—

Пусть подадутъ они прошенье Папѣ,
 Я думаю, что онъ имъ не откажетъ;
 Но онъ не хочетъ только ослаблять

Отеческую власть, онъ видитъ въ этомъ
 Примеръ опасный, такъ какъ власть отца
 Есть какъ бы тѣнь его верховной власти.
 Прошу васъ извинить меня. Я занятъ,
 И дѣло неотложное.

(Камилло уходитъ)

джакомо.

Но вы,

Орсино,—для чего-жь вы задержали
 Ходатайство?

орсино.

Я представлялъ его,

Сопровождая просьбами, мольбами,
 Онъ даже не отвѣтилъ на него.
 Я думаю, что ужасъ злодѣяній,
 Описанныхъ въ прошеніи (и правда,
 Кто могъ бы въ нихъ повѣрить), перенесъ
 Весь гнѣвъ его Святѣйшества съ злодѣя
 На тѣхъ, кто были страдательнымъ лицомъ.
 Такъ разумно я изъ словъ Камилло.

джакомо.

О другъ мой, этотъ дьяволъ, что блуждаетъ
 Во всѣхъ дворцахъ и носитъ имя—деньги,
 Молчанье напечаталъ Отцу Святому.
 Что-жь намъ осталось? Быть какъ скорпионъ,
 Когда онъ сжать огнемъ кольцообразнымъ,
 Убить себя? Вѣдь тотъ, кто нашъ мучитель,
 Прикрытъ священнымъ именемъ отца,—
 А то бы...

(Рѣзко умолкаетъ)

орсино.

Что-жь ты смолкъ? Скажи, не бойся.

Понятье—только звукъ, когда оно
 Не совпадаетъ съ точнымъ содержаниемъ.
 Когда служитель Бога вѣроломно
 Со словомъ Богъ соединяетъ ложь,—

Когда судья неправымъ приговоромъ
 Невинность заставляетъ трепетать,—
 Когда хитрецъ, надѣвъ личину друга,
 Какъ если-бъ я теперь хитрилъ съ тобой,
 Даетъ совѣты съ тайной личной цѣлю,—
 И, наконецъ, когда свирѣпый деспотъ
 Скрывается подъ именемъ отца,—
 Изъ этихъ каждый только осквернитель
 Того, чѣмъ быть онъ долженъ.

джакомо.

Не могу я
 Сказать тебѣ, что въ мысляхъ у меня.
 Нашъ умъ готовъ перѣдко противъ воли
 Измыслить то, чего онъ не хотѣлъ бы;
 Воображеню нашему перѣдко
 Мы довѣряемъ ужасы, которыхъ
 Вложить въ слова не смѣемъ; взоръ души,
 На нихъ взглянувъ, смущается и слѣпнетъ.
 Я слышу въ сердцѣ ропотъ возмущенья,
 Въ отвѣтъ на мысль, встающую въ умѣ.

орсино.

Но сердце друга то же, что завѣтный
 Укромный уголъ нашей же души,
 Гдѣ скрыты мы отъ свѣтлыхъ взоровъ полдня
 И воздуха, что можетъ все предать.
 Въ твоихъ глазахъ читаю я догадку,
 Мелькнувшую во мнѣ.

джакомо.

О, пощади!

Вокругъ меня какъ будто лѣсъ полночный,
 И я, ступая въ немъ, спросить не смѣю
 Невиннаго прохожаго, какъ выйти,—
 Боюсь, что онъ, какъ помыслы мои,
 Окажется убійцею. Я знаю,
 Что ты мой другъ, и все, что я посмѣю
 Сказать моей душѣ, скажу тебѣ,

Но только не сейчасъ. Теперь хочу я
 Побить одинъ во тьмѣ заботъ безсонныхъ.
 Прости, не говорю тебѣ привѣтствій,
 Не въ силахъ я сказать тебѣ—«Всего
 Хорошаго»,—что я сказать хотѣлъ бы
 Своей душѣ, измученной и темной,
 Гдѣ встало подозрѣнiе.

орсино.

Всего

Хорошаго! Будь чище или смѣлѣе!

(Джакомо уходитъ)

Я убѣдилъ Камилло поддержать
 Чуть-чуть его надежды. Такъ и вышло.
 Съ моимъ сокрытымъ планомъ совпадаетъ
 Одна черта, замѣченная мною
 У всѣхъ, принадлежащихъ къ ихъ семьѣ:
 Они всегда подробно разсѣкаютъ
 Свой духъ и духъ другихъ, и эта склонность
 Быть собственнымъ анатомомъ—всегда
 Опаснымъ тайнамъ волю научаетъ;
 Она, какъ искуситель, увлекаетъ
 Способности души въ глухую пропасть
 Намѣреній, давая намъ понять,
 Что можемъ мы задумать, можемъ сдѣлать:
 Такъ Ченчи рухнулъ въ яму; такъ и я:
 Съ тѣхъ поръ, какъ Беатриче мнѣ открылась,
 И мнѣ пришлось постыдно отступить
 Предъ тѣмъ, чего не жаждать не могу я,—
 Я представляю жалкую фигуру
 Предъ собственнымъ судомъ своимъ, съ которымъ
 Теперь я начинаю примиряться.
 Я сдѣлаю возможно меньше зла:
 Пусть этой мыслью нѣсколько смягчится
 Мой обвинитель—совѣсть.

(Послѣ паузы)

И потомъ,

Что тутъ дурного, если Ченчи будетъ
 Убитъ,—и если будетъ онъ убитъ,

Зачѣмъ же буду я орудьемъ смерти!
 Не лучше-ль мнѣ всю выгоду извлечь
 Изъ этого убійства, предоставивъ
 Другимъ опасность, связанную съ нимъ,
 И черный грѣхъ? Изъ всѣхъ земныхъ созданий
 Я только одного боюсь: того,
 Чей мѣткій ножъ быстрѣ словъ. И Чеччи
 Какъ разъ такой: пока онъ живъ, священникъ,
 Дерзнувшій обвиняться съ Беатриче,
 Найдеть въ ея приданомъ скрытый гробъ.
 О сладостная греза, Беатриче!
 Когда бы могъ тебя я не любить!
 Иль, полюбивъ, когда бы могъ презрѣть я
 Опасности, и золото, и все,
 Что хмурою угрозой возникаетъ
 Межъ вспыхнувшимъ желаніемъ и цѣлью,
 И дразнить за предѣлами желанья,
 Заманчиво смѣясь! Исхода нѣтъ.
 Нѣмая тѣнь ея со мною рядомъ
 Склоняется, молясь, предъ алтаремъ,
 Преслѣдуетъ меня, когда иду я
 На торжища людскія, наполняетъ
 Мой сонъ толпой мягущихся видѣній,
 И я, проснувшись, чувствую, дрожа,
 Что въ жилахъ у меня не кровь, а пламя;
 Когда рукой горячей я коснусь
 До головы, исполненной тумана,
 Моя рука и жжетъ ее, и ранитъ;
 И если кто-нибудь передо мной
 Въ обичной рѣчи скажетъ «Беатриче»,
 Я весь дрожу, горю и задыхаюсь;
 И такъ бесплодно мыслью обнимаю
 Видѣнья неиспытанныхъ восторговъ,
 Пока воображеніе мое
 Не изнеможетъ такъ, что отъ желанья
 Наполовину сладко обладаетъ
 Самимъ же имъ возсозданною тѣнью.
 Но больше не хочу я наполнять

Свой жадный духъ бессонными часами.
 Въ разгаданныхъ сомнѣніяхъ Джакомо—
 Опора сладкихъ замысловъ монахъ,
 На нихъ они возникнутъ дерзновенно:
 Какъ съ башни, вижу я конецъ всего.
 Ея отецъ погибъ; межъ мной и братомъ
 Глухая тайна, вѣрная, какъ гробъ;
 У матери въ душѣ испугъ безмолвный
 И, чуждая упрековъ, мысль о томъ,
 Что страшно такъ мечта ея свершилась.
 И, наконецъ, она!—Смѣлѣе, сердце!
 Смѣлѣй! Что можетъ значить предъ тобою
 Неопытность дѣвической души,
 Во всемъ пустынномъ мірѣ одинокой.
 Есть нѣчто, что даетъ мнѣ все предвидѣть
 И служить мнѣ порукой за успѣхъ.
 Когда подходит страшное,—какой-то
 Незримый демонъ въ сердцѣ у людей
 Взметааетъ мысли черныя, и вѣчно
 Не тотъ преусиживаетъ, кто для злого
 Становится орудіемъ, а тотъ,
 Кто льстить умѣетъ духу преисподней,
 Пока его не сдѣлаетъ рабомъ,
 И сможетъ захватить его владѣнья,
 Съ добычей человѣческихъ сердецъ,
 Какъ это я теперь сумѣю сдѣлать.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ Палаццо Ченчи. Лукреція, за ней входитъ Беатриче.

БЕАТРИЧЕ *(входитъ, шатаясь, и говоритъ безсвязно)*.

Скорѣ дай платокъ мнѣ! Мозгъ мой раненъ;
Глаза налились кровью; вытри ихъ—
Я вижу все неясно.

ЛУКРЕЦІЯ.

Беатриче,

Дитя мое, нѣтъ раны у тебя,
Холодный потъ росой съ чела струится.
Увы! увы! Скажи мнѣ, что съ тобою?

БЕАТРИЧЕ.

Какъ? Волосы распуцены? зачѣмъ?
Такъ это я отъ нихъ совсѣмъ ослѣбла—
Но я вѣдь, заплетала ихъ.—О, ужасъ!
Коледается земля, вотъ-вотъ, раскрылась!
И стѣны зашатались. Вонъ, я вижу,
Тамъ женщина рыдаетъ; неподвижно,
Спокойно, далеко стоитъ она,
А я съ землею въ бездну упадаю.
О Боже! Сводъ небесъ запачканъ кровью.
Лучи дневные черны. Свѣтлый воздухъ
Внезапно превратился въ тѣ пары,
Которыми въ могилахъ трупы дышутъ!
А! Задыхаюсь! Вкругъ меня ползеть,
Цѣпляется туманъ—заразой черной

Онъ входитъ въ душу, плотный и тяжелый,
Я не могу сорвать его съ себя,
Онъ липнетъ,—вотъ, склеились пальцы, члены,
Онъ жилы развѣдаетъ, онъ меня
Наполнилъ ядомъ, гнизымъ разложениемъ,
Источникъ самой жизни осквернилъ!
О Господи! Я до сихъ поръ не знала,
Что чувствуютъ безумные. Конечно!
Конечно, я съ ума сошла!

(Болѣе дико)

Но нѣтъ!

Я умерла! Гнилые эти члены
Скрываютъ душу, рвущуюся къ свѣту,
Ее въ могилѣ держать!

(Пауза)

Надо вспомнить...

Какая мысль ужасная была
Сейчасъ въ моей душѣ? Ушла... Уходитъ...
Но гнетъ ея, какъ прежде, остается
Въ глазахъ потухшихъ—въ сердцахъ утомленномъ!
О мнръ! О жизнь! О день! О, горе мнѣ!

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя мое, о чемъ ты такъ скорбишь?
Она молчитъ; она душою помнитъ
Страданіе, но не его причину,
Источникъ мукъ отъ горькихъ мукъ изсякъ.

БЕАТРИЧЕ *(въ изступленіи)*.

Отцеубійца—да, несчастье быть
Отцеубійцей; знаю—да—но, Боже!
Его отецъ былъ не такой, какъ мой.
Нѣтъ, никогда!—О Боже, что со мною?

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя мое, что сдѣлалъ твой отецъ?

БЕАТРИЧЕ *(подозрительно)*.

Ты кто, чтобъ такъ выспрашивать? Не знаешь:
У Беатриче нѣтъ отца. *(Въ сторону)* Она

Приставлена смотрѣть за мной. Сидѣлка
Въ больницѣ для лишившихся расудка!
Печальная обязанность! *(Къ Лукреціи тихо и медленно)*

Ты знаешь,

Мнѣ странно такъ почудилось, что я—
Та, жалкая, чье имя—Беатриче;
О ней такъ много люди говорятъ;
Ея отецъ, схвативъ ее за пряди
Распущенныхъ волосъ, таскалъ ее
По комнатамъ,—изъ комнаты въ другую;
А то нагую въ погребъ запералъ,
Гдѣ ползали чешуйчатые черви,
Въ зловонной ямѣ голодомъ морилъ,
Пока она, измучившись, не ѣла
Какое-то причудливое мясо.
Печальное преданіе о ней
Такъ часто я въ умѣ перебирала,
Что мною овладѣлъ кошмаръ ужасный,
И я себя представила... О, нѣтъ!
Не можетъ быть! Въ безбрежномъ этомъ мірѣ
Есть много ужасающихъ видѣній,
Смѣшенной поразительныхъ, сляньи
Добра и зла въ чудовищныхъ чертахъ,
И худшее порой въ умахъ вставало,
Чѣмъ сдѣлано могло быть худшимъ сердцемъ.
Но никогда ничье воображенье
Не смѣло... *(Остонавливаясь, внезапно приходитъ въ себя)*.

Кто ты? Дай скорѣе клятву,—

Не то отъ ожиданья я умру,—
Клянись, что ты совсѣмъ не та, какую
Ты кажешься... О мать моя!

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя

Родное, ты вѣдь знаешь...

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, не нужно!

Не говори, мнѣ страшно, потому что

Когда ты скажешь правду, и другое
Должно быть правдой,—правдой навсегда,
Необходимо-точной и упорной,
Соединенной связью неразрывной
Со всѣмъ, что въ этой жизни быть должно,
И не пройдетъ, останется навѣки.
Да, такъ и есть. Я здѣсь, въ Палаццо Ченчи.
Тебя зовутъ Лукреція. А я
Была и вѣчно буду Беатриче.—
Я что-то говорила, такъ безсвязно,
Безумное. Но я не буду больше.
Поди ко мнѣ. О мать моя, отпхни
Я стала...

(Ея голосъ, слабѣя, замираетъ)

ЛУКРЕЦІЯ.

Что съ тобою, дочь моя,
Родная? Расскажи мнѣ, что же сдѣлалъ
Отецъ твой?

БЕАТРИЧЕ.

Что я сдѣлала? Вѣдь я
Невинна? Развѣ это преступленье
Мое, что онъ, сѣдинами покрытый,—
И съ властнымъ видомъ,—мучившій меня
Отъ дѣтскихъ лѣтъ, уже забытыхъ мною,
Какъ мучаютъ родители одни,
Зоветь себя моимъ отцомъ,—и долженъ
Имъ быть... О, какъ же мнѣ назвать себя!
Какое дать мнѣ имя, память, мѣсто?
Какой прощальный крикъ о мнѣ напомнить,
Чтобъ пережить отчаянье мое?

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя мое, я знаю, онъ ужасенъ,
Насъ можетъ только смерть освободить
Отъ пытки этихъ страшныхъ притѣсненій:
Смерть деспота или наша. Но скажи мнѣ,
Какое оскорбленіе, страшнѣе

Всего, что было, могъ онъ нанести?
 Тѣмъ могъ тебѣ онъ причинить обиду?
 Ты больше не похожа на себя,
 Въ твоихъ глазахъ мелькаетъ выраженье,
 Такъ страшно-непривычное. Зачѣмъ
 Ты смотришь такъ? Зачѣмъ ломаешь пальцы
 Такъ судорожно сжатыхъ блѣдныхъ рукъ?

БЕАТРИЧЕ.

Въ нихъ бьется жизнь, которой нѣтъ исхода.
 Должно случиться что-нибудь,—не знаю,
 Что именно, но что-нибудь такое,
 Чтобъ мой позоръ былъ только блѣдной тѣнью,
 Въ смертельной вспышкѣ мстительныхъ огней,
 Громовыхъ, быстрыхъ, грозныхъ, непреложныхъ,
 И губящихъ послѣдствіе того,
 Что больше быть исправлено не можетъ.
 Должно случиться что-нибудь такое,
 И я тогда навѣки успокоюсь,
 И стихну, не заботясь ни о чемъ.
 Но что теперь мнѣ дѣлать?—Кровь моя,
 Мятущаяся въ жилахъ оскорбленныхъ,
 Кровь не моя, а моего отца,
 Когда-бъ, струями хлынувши на землю,
 Могла ты смыть мучительный позоръ,
 Изгладить преступленье... Невозможно!
 У многихъ, такъ замученныхъ страданьемъ,
 Возникло бы сомнѣнье, есть ли Богъ,
 Они сказали-бъ: «Нѣтъ, Господь не могъ бы
 Дозволить зло»—и умерли-бъ легко;
 Во мнѣ мученья вѣры не погасятъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Съ тобою что-то страшное случилось,
 Но что—не смѣю даже угадать.
 О дочь моя, несчастная, не прячь же
 Своихъ страданій въ скорби непреступной.
 Откройся.

БЕАТРИЧЕ.

Я не прячу ничего.

Но гдѣ возьму я словъ для выраженья
 Того, что я въ слова вложить не въ силахъ?
 Въ моей душѣ нѣтъ образа—того,
 Чтò сдѣлало меня навѣкъ другою;
 Въ моей душѣ есть только мысль о томъ,
 Что я—какъ трунъ, возставшій изъ могилы,
 Закутанный, какъ въ саванъ гробовой,
 Въ безформенный и безъмянный ужасъ.
 Какія же слова должна я выбрать
 Изъ тѣхъ, что служатъ смертнымъ для бесѣдъ?
 Нѣтъ слова, чтобъ сказать мое мученье.
 Когда-бъ другая женщина узнала
 Хотя что-нибудь подобное, она
 Скорѣй бы умерла, какъ я умру,
 Но только бы оставила свой ужасъ
 Безъ имени, что сдѣлаю и я.
 Смерть! Смерть! И нашъ законъ, и наша вѣра
 Зовутъ тебя наградою и карой!
 Чего изъ двухъ заслуживаю я?

ЛУКРЕЦІЯ.

Спокойствія невинности и мира,
 Пока въ свой часъ не будешь позвана
 На небо. Чтò-бъ съ тобою ни случилось,
 Ты не могла дурного сдѣлать. Смерть
 Должна быть страшной карой преступленья
 Иль сладостной наградою для тѣхъ,
 Кто шелъ по тернямъ, брошеннымъ отъ Бога,
 На путь, что насъ къ безсмертію ведетъ.

БЕАТРИЧЕ.

Смерть—кара преступленія. О Боже,
 Не дай мнѣ быть введенной въ заблужденье,
 Когда сужу. Такъ жить день изо дня
 И сохранять вотъ эти члены, тѣло,
 Храмъ, недостойный Духа Твоего,
 Какъ грязную берлогу, изъ которой

То, чѣмъ Твой Духъ гнушается, начнеть
 Глядѣть, какъ звѣрь, смѣяться надъ Тобою,—
 Нѣтъ, этому не быть. Самоубійство—
 Въ немъ тоже нѣтъ исхода: Твой запретъ,
 О Господи, какъ грозный Адъ зияеть.
 Межъ нимъ и нашей волей. Въ этомъ мѣрѣ
 Нѣтъ мести надлежащей, нѣтъ закона,
 Чтобъ, осудивъ, исполнить приговоръ
 Надъ тѣмъ, чрезъ что терплю я эти пытки.

*(Входитъ Орсино, она приближается къ нему
 съ торжественностью)*

Мой другъ, я вамъ должна сказать одно:
 Со времени послѣдней нашей встрѣчи
 Со мной случилась горькая бѣда,
 Такая безысходная, несчастье,
 Такое необычное, что мнѣ
 Ни жизнь, ни смерть не могутъ дать покоя.
 Не спрашивайте, что со мной случилось:
 Есть муки, слишкомъ страшныя для словъ,
 Есть пытки, для которыхъ нѣтъ названья.

орсино.

Кто вамъ нанесъ такое оскорбленье?

беатриче.

Онъ носить имя страшное: отецъ.

орсино.

Не можетъ быть...

беатриче.

Не можетъ или можетъ,

Объ этомъ думать лишнее теперь.
 Случилось, есть, боюсь, что будетъ снова,
 Скажи мнѣ, какъ избѣгнуть. Я хотѣла
 Искать спасенья въ смерти,—невозможно;
 Мѣшаетъ мысль о томъ, что ждетъ за гробомъ,
 И мысль, что даже смерть сама не будетъ
 Прибѣжищемъ отъ страшнаго сознанья
 Того, что не искуплено. Отвѣть же,
 Что дѣлать?

орсино.

Обвини его! Законъ

Отметить за оскорбленье.

беатриче.

Горе мнѣ!

Совѣтъ твой дышетъ холодомъ. Когда бы
 Могла найти я слово, чтобъ отмѣтить
 Преступное дѣяніе того,
 Кто былъ мнѣ палачомъ;—когда-бъ рѣшилась
 Я этимъ словомъ вырвать, какъ ножомъ,
 Изъ сердца тайну, служащую язвою
 Для лучшей части сердца моего;—
 Когда-бъ я все разоблачила, сдѣлавъ
 Изъ славы незапятнанной моей
 Истасканный рассказъ подлѣйшихъ шлетницъ,
 Насмѣшку, бранный возгласъ, поговорку;—
 Когда бы все, что сдѣлано не будетъ,
 Я сдѣлала,—подумаи же о томъ,
 Какъ силенъ золотой мѣшокъ злодѣя,
 Какъ ненависть его страшна, какъ страненъ
 Весь необычный ужасъ обвиненья,
 Смѣющійся надъ самымъ вѣроятнымъ
 И чуждый человѣческимъ словамъ,—
 Едва встающій въ шопотъ трусливымъ,
 Въ намекахъ омерзительныхъ... О, да,
 Поистинѣ прекрасная защита!

орсино.

Что-жь, будешь ты терпѣть?

беатриче.

Терпѣть! Орсино,

Въ совѣтахъ вашихъ очень мало прока.
(Отвертывается отъ него и говоритъ какъ бы сама съ собою)
 Да, все должно быть рѣшено мгновенно,
 Исполнено мгновенно. Предо мной
 Встаютъ неразличимые туманы,—
 Что тамъ за мысли черныя растутъ?
 За тѣнью тѣнь, одна темнитъ другую!

ОРСИНО.

Ужели оскорбитель будетъ жить?
Торжествовать въ позорномъ злодѣяньи?
И силою привычки повседневной
Заставитъ преступленіе свое
Содѣлаться твоей второй природой,
Пока не станешь ты совѣсьмъ погибшей
И всей душой воспримешь духъ того,
Что ты допустишь?

БЕАТРИЧЕ *(къ самой себѣ)*.

Царственная смерти!
Ты, тѣнь съ двойнымъ лицомъ! Судья единый!
Произноситель правыхъ приговоровъ!
(Отходитъ въ сторону, погруженная въ свои мысли)

ЛУКРЕЦІЯ.

О, если Божій гнѣвъ когда-нибудь
Какъ громъ сходить отмстить...

ОРСИНО.

Не богохульствуй!

Святое Провидѣнье поручаетъ
Землѣ Свою немеркнушую славу,
И бѣды, что нисходятъ на людей,
Оно даетъ сполна въ людскія руки;
Когда же преступленье наказать
Они не поспѣшаютъ...

ЛУКРЕЦІЯ.

Что же дѣлать,
Когда злодѣй, какъ нашъ палачъ, смѣется
Надъ обществомъ, надъ властью, надъ закономъ,
Найдя законъ въ карманѣ у себя?
Когда нельзя воззвать къ тому, что можетъ
Заставить самыхъ падшихъ трепетать?
Когда несчастья, чуждыя природѣ,
Такъ странны и чудовищны, что даже
Имъ вѣрить невозможно? Боже мой!
Что дѣлать, если тѣ какъ разъ причины,

Въ которыхъ бы для насъ должна возникнуть
Мгновенная и вѣрная защита,
Преступнику даютъ торжествовать?
А мы несемъ—мы, жертвы!—наказанье
Сильнѣй, чѣмъ понесетъ мучитель нашъ?

ОРСИНО.

Пойми: возмездье—тамъ, гдѣ—оскорбленье,
Пойми, и въ насъ довольно будетъ силы,
Чтобъ смыть позоръ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Когда-бъ могли мы знать,
Что мы отыщемъ вѣрную дорогу,
Какую,—я не знаю... Хорошо бы...

ОРСИНО.

То, чѣмъ онъ Беатриче оскорбилъ,—
Хоть это я угадываю смутно,—
Раскаяніе дѣлаетъ безчестьемъ,
Какъ долгъ, ей оставляетъ лишь одно—
Отмстить, найти дорогу къ быстрой мести;
Вамъ—лишь одинъ исходъ изъ этихъ бѣдствій;
Мнѣ—лишь одинъ совѣтъ...

ЛУКРЕЦІЯ.

Намъ нѣтъ надежды,
Что помощь, воздаянье или судъ,
Найдемъ мы тамъ, гдѣ съ меньшею нуждою
Нашель бы ихъ любой.

(Беатриче приближается)

ОРСИНО.

Итакъ...

БЕАТРИЧЕ.

Орсино

Прошу, ни слова, мать моя, ни слова,
Пока я говорю, откиньте прочь,
Какъ старья лохмотья, уваженье,
Раскаянье, и сдержанность, и страхъ,

Всё узы повседневности, что съ детства
 Служили мнѣ одеждой, а теперь
 Явились бы злорадною помѣхой
 Для высшаго стремленья моего.
 Какъ я сказала вамъ, со мной случилось
 То, что должно остаться безъ названья,
 Но что взываетъ голосомъ глухимъ
 Къ возмездію. Возмездія за то,
 Что было, и за то, что можетъ снова
 День ото дня позоръ нагромождать
 Въ моей душѣ, грѣхомъ обремененной,
 Пока она, окутанная тьмой,
 Не станетъ тѣмъ, что даже вамъ не снится.
 Молилась Богу я. Я говорила
 Съ моей душой, и спутанную волю,
 Распутать удалось мнѣ, наконецъ,
 И знаю я, что право, что неправо.
 Ты другъ мнѣ или нѣтъ, скажи, Орсино?
 Невѣрный или вѣрный? Поклянись
 Твоимъ спасеньемъ!

Орсино.

Я клянусь—отнынѣ
 Отдать тебѣ, чѣмъ только я владѣю,
 Мое умѣнье, силы, и молчанье.

Лукреція.

Вы думаете—мы должны найти
 Возможность умертвить его?

Беатриче.

И тотчасъ,
 Найдя возможность, выполнить ее.
 Быть смѣлыми и быстрыми.

Орсино.

Равно,
 И крайне осторожными.

Лукреція.

Законы,
 Узнавъ, что мы виновники убійства,
 Накажутъ насъ безчестіемъ и смертью
 За то, что сами сдѣлать бы должны.

Беатриче.

Пусть будемъ осторожными, но только
 Скорѣй, скорѣй. Орсино, какъ намъ быть?

Орсино.

Я знаю двухъ свирѣпыхъ отщепенцевъ,
 Для нихъ, что человекъ, что червь—одно,
 Равны для нихъ и честный, и безчестный
 По самому ничтожному предлогу
 Они готовы каждаго убить.
 Такихъ людей здѣсь, въ Римѣ, покунають.
 Они намъ нужны—что-жь—мы купимъ ихъ.

Лукреція.

Но завтра предъ зарею Ченчи хочетъ
 Насъ увезти къ пустынному утесу
 Петрелла въ Апулійскихъ Аппенинахъ.
 И если только онъ туда пріѣдетъ...

Беатриче.

Туда пріѣхать онъ не долженъ.

Орсино.

Башни

Достигнете вы засвѣтло?

Лукреція.

Какъ разъ,
 Когда заходитъ солнце.

Беатриче.

Тамъ, я помню,
 Отъ вала крѣпостного милья въ двухъ,
 Идетъ дорога рытвиной глубокой,
 Она узка, обрывиста, и вьется

По склону вниз, гдѣ въ пропасти глухой
 Виситъ скала могучая—свидѣтель
 Время давно-прошедшихъ—между стѣнъ
 Той пропасти она въ провалъ склонилась
 И, кажется, вотъ-вотъ сорвется внизъ,
 И въ ужасѣ цѣпляется за стѣны,
 И въ страхѣ подается ниже, ниже.
 Такъ падшая душа, день ото дня,
 Цѣпляется за тьму оплотовъ жизни,
 Цѣпляясь, подается и, склоняясь,
 Еще темнѣе дѣлаетъ ту бездну,
 Куда упасть боится. Подъ скалой
 Гигантская, какъ тьма и безутѣшность,
 Зияетъ снизу мрачная гора,
 Гремить потокъ, невидимый, но слышимый,
 Свирѣпствуетъ среди пещеръ,—и мостъ
 Пересѣкаетъ узкую тѣснину;
 А сверху, высоко, свои стволы
 Съ утесовъ на утесы перекинувъ,
 Толпой темнѣютъ кедръ, тисъ, ели;
 Ихъ вѣтви сплетены въ одинъ коверъ
 Плещемъ темно-зеленымъ. Въ яркій полдень
 Тамъ сумерки, съ закатомъ солнца—ночь.

орсино.

Предъ тѣмъ какъ къ мосту этому прѣхать,
 Старайтесь какъ-нибудь замедлить путь.
 Старайтесь, чтобы муны...

БЕАТРИЧЕ.

Тсс! Идутъ!

ЛУКРЕЦІЯ.

Кто-бъ это былъ? Слуга идти такъ быстро
 Не могъ бы. Вѣрно Ченчи возвратился
 Скорѣй, чѣмъ думалъ. Нужно чѣмъ-нибудь
 Присутствіе Орсино извинить.

БЕАТРИЧЕ (къ Орсино, выходя).

Шаги, что приближаются такъ быстро,

Пусть завтра не пройдутъ чрезъ этотъ мостъ.
 (Луcreція и Беатриче уходятъ)

орсино.

Что дѣлать мнѣ? Сейчасъ увижу Ченчи,
 И долженъ буду вывести, какъ пытку,
 Его ненормально-властный взоръ.
 Онъ взглядомъ инквизиторскимъ допросить,
 Зачѣмъ я здѣсь. Такъ скрою же смущенье
 Улыбкой незначительной.

(Вбѣгаетъ Джакомо торопливо)

Какъ? Вы?

Сюда войти рѣшились вы? Должно быть,
 Известно вамъ, что Ченчи дома нѣтъ!

джакомо.

Я именно его хочу увидѣть
 И буду ждать, пока онъ не придетъ.

орсино.

И вы опасность взвѣсили?

джакомо.

Онъ взвѣсилъ

Свою опасность? Съ этихъ поръ мы съ нимъ
 Ужъ больше не отецъ и сынъ, а просто
 Два человѣка: жертва и палачъ;
 Позорный клеветникъ и тотъ, чье имя
 Осквернено позорной клеветою;
 Врагъ противъ ненавистнаго врага;
 Ему щитомъ была сама Природа,
 Надъ ней онъ насмѣялся, и теперь
 Онъ выбросокъ передъ лицомъ Природы,
 А я смѣюсь надъ нею и надъ нимъ.
 Отцовская ли это будетъ глотка,
 Которую схвачу я и скажу:
 «Я денегъ не прошу, и мнѣ не надо
 Счастливыхъ лѣтъ, похищенныхъ тобой;
 Ни сладостныхъ воспоминаній дѣтства;
 Ни мирнаго родного очага;

Хоть все это украдено тобою,
И многое другое;—имя, имя
Отдай мнѣ,—то единственный былъ кладъ,
Который я считалъ навѣкъ сохраннымъ
При нищетѣ, дарованной тобой,—
Отдай мнѣ незапятнанное имя,
Не то...»—Господь пойметъ, Господь проститъ.
Зачѣмъ съ тобой я говорю объ этомъ?

орснно.

О другъ мой, успокойся.

джакомо.

Хорошо.

Я расскажу спокойно все, какъ было.
Я раньше говорилъ тебѣ, что этотъ
Старикъ Франческо Ченчи взялъ однажды
Приданое жены моей взаимъ;
Взявъ деньги безъ росписки, онъ отрекся
Отъ займа и обрекъ меня на бѣдность;
Я нищету свою хотѣлъ поправить,
Хоть скудную отыскивая должность.
И мнѣ была обѣщана такая;
Уже купилъ я новую одежду
Моимъ несчастнымъ дѣтямъ, оборванцамъ,
Ужъ видѣлъ я улыбку на лицѣ
Моей жены, и сердце примирилось,—
Какъ вдругъ я узнаю, что эта должность,
Благодари внимательству отца,
Передана какому-то мерзавцу,
Которому за подлая услуги
Такой услугой Ченчи заплатилъ.
Съ печальными вѣстями я вернулся
Къ себѣ домой, и мы съ женой сидѣли,
Уныніе стараясь побѣдить
Слезамъ дружбы, ласковостью вѣрной,
Что та же—въ самой тягостной бѣдѣ;
Внезапно входитъ онъ, мой истязатель,
Какъ онъ имѣлъ привычку это дѣлать,

Чтобъ насъ осыпалъ цѣлымъ градомъ низкихъ
Упрековъ и проклятій, насмѣхался
Надъ нашей нищетою и говори
Что въ этомъ—Божій гнѣвъ на непослушныхъ.
Тогда, чтобъ онъ хоть чѣмъ-нибудь смутился,
Чтобъ онъ умолкъ,—сказалъ я о приданомъ
Моей жены. Но что же сдѣлалъ онъ?
Въ одну минуту сказку рассказалъ онъ,
Весьма правдоподобную, о томъ,
Что я ся приданое растратилъ
Средь тайныхъ оргій; тотчасъ увидавъ,
Что онъ сумѣлъ мою жену затронуть,
Онъ прочь пошелъ, съ улыбкой. Я не могъ
Не видѣть, что жена съ презрѣньемъ тайнымъ
Внимаетъ страстнымъ доводамъ моимъ,
Что смотритъ съ недоувѣремъ, враждебно,
И тоже прочь пошелъ; потомъ вернулся,
Почти сейчасъ, но все же слишкомъ поздно,—
Она успѣла дѣтямъ передать
Всѣ жесткія слова, всѣ мысли злыя,
Возникшія въ душѣ ея,—и вотъ,
Услышалъ я: «Отецъ, давай намъ платья,
Давай намъ лучшей пицци. Ты вѣдь за ночь
Истратилъ столько, сколько намъ хватило-бъ
На мѣсяцы!» И я увидѣлъ ясно,
Что мой очагъ сталъ адомъ,—и вернулся я
Въ тотъ адъ кромѣшный развѣ лишь тогда,
Когда мой подлый врагъ вину загладитъ,—
Иначе, какъ онъ далъ мнѣ жизнь, такъ я,
Презрѣвъ запретъ, наложенный природой...

орснно.

Повѣрь, мой другъ, что здѣсь ты не найдешь
Отплаты за тяжелую обиду,
Твои надежды тщетны.

джакомо.

Если такъ,—

Вѣдь ты мой другъ! Не ты ли намекалъ мнѣ

На тотъ жестокий выборъ, предъ которымъ
Теперь я, какъ надъ пронастью, стою.
Ты помнишь, мы объ этомъ говорили,
Тогда страдалъ я меньше. Это слово—
Отцеубійство—до сихъ поръ меня
Пугаетъ, словно выходецъ могильный,
Но я рѣшился твердо.

орсино.

Слово—тѣнь,

Насмѣшка безиредметная; бояться
Должны мы лишь того, въ чемъ—самый страхъ,
Замѣть, какъ Богъ разумно совлекаетъ
Въ единый узелъ нити приговора,
Своимъ судомъ оправдывая насъ.
То, что замыслилъ ты, теперь какъ будто
Исполнено.

джакомо.

Онъ мертвъ?

орсино.

Его могила

Ужъ вырыта. Не знаешь ты, что Ченчи
За это время, послѣ нашей встрѣчи,
Глубоко оскорбилъ родную дочь.

джакомо.

Въ чемъ было оскорбленіе?

орсино.

Не знаю.

Она не говоритъ, но ты, какъ я,
Наполовину можешь догадаться,
Взглянувъ на это скорбное лицо,
Окутанное блѣдностью недвижной,
Увидя безпредѣльную печаль,
Услыша этотъ голосъ монотонный,
Въ которомъ кротость съ ужасомъ слилась,
Какъ бы звуча суровымъ приговоромъ;

Чтобъ все тебѣ сказать, скажу одно:
Пока, объята ужасомъ, какъ чарой,
Мы говорили съ матрехой ея,
Намеками неясными, блуждая
Вкругъ истины и робко заппнаясь,
И все же къ мести съ трепетомъ идя,
Она прервала насъ, и яснымъ взглядомъ
Сказала прежде, чѣмъ въ словахъ воскликнуть:
«Онъ долженъ умереть!»

джакомо.

Онъ долженъ. Такъ.

Теперь мои сомнѣнія исчезли.
Есть высшая причина, чѣмъ моя,
Чтобъ выполнить ужасное дѣянье.
Есть мститель незапятанный, судья,
Исполненный святости. Беатриче,
Проникнутая иѣжностью такой,
Что никогда червя не раздавила,
Цвѣтка не растоптала, не проливши
Ненужныхъ, но прекрасныхъ слезъ! Сестра,
Созданіе чудесное, въ которомъ
Любовь и умъ, на удивленіе людямъ,
Слились въ одно, другъ другу не вредя!
Возможно ли, чтобъ образъ твой лучистый
Быть оскверненъ? О сердце, замолчи!
Тебѣ не нужно больше оправданій!
Какъ думаешь, Орсино, подождать мнѣ
У двери здѣсь и заколотъ его?

орсино.

Нѣтъ, что-нибудь всегда случиться можетъ,
Въ чемъ онъ найдетъ спасеніе для себя,
Какъ разъ теперь, когда идетъ онъ къ смерти.
И некуда бѣжать тебѣ, и печѣмъ
Убійство оправдать или прикрыть.
Послушай. Все обдуманно. Предъ нами
Успѣхъ.

(Входитъ Беатриче)

БЕАТРИЧЕ.

То голосъ брата моего!
Ты болѣе не знаешь Беатриче.

ДЖАКОМО.

Сестра моя, погибшая сестра!

БЕАТРИЧЕ.

Погибшая! Я вижу, что Орсино
Съ тобою говорилъ, и ты теперь
Въ душѣ рисуешь то, что слишкомъ страшно,
Чтобъ быть способнымъ вылиться въ словахъ,
И все-жь не такъ чудовищно, какъ правда.
Теперь иди. Онъ можетъ возвратиться.
Но только поцѣлуй меня. Я въ этомъ
Увижу знакъ того, что ты согласенъ
На смерть его. Прощай. И пусть теперь
Твое благословіе предъ Богомъ
И братская любовь, и милосердіе,—
Все, что смягчить способно самыхъ жесткихъ,
Въ твоей душѣ, о братъ мой, укрѣпится,
Какъ жесткая безтрепетность и твердость.
Не отвѣчай мнѣ. Такъ. Прощай.—Прощай.

(Уходятъ порознь)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Небольшая комната въ домѣ Джакомо. Джакомо одинъ.

ДЖАКОМО.

Ужъ полночь. А Орсино нѣтъ какъ нѣтъ.

(Гролъ и шумъ бури)

Что значить эта буря? Неужели
Безсмертныя стихіи могутъ такъ же,
Какъ человѣкъ, страдать и сострадать?
О, если такъ, изломъ воздушныхъ молній
Не долженъ былъ бы падать на деревья!
Жена моя и дѣти крѣпко спать.
Они теперь живутъ средъ сповидѣній,
Лишенныхъ содержанія. А я

Здѣсь бодрствую и долженъ сомнѣваться
Въ добрѣ того, что было неизбѣжно.
Неполная лампада, твой огонь
Дрожить и бѣтается узкою полоской;
Въ дыханьи вѣтра, съ краю, дышетъ тьма,
Нависла печальная. О пламя,
Подобное послѣднему бѣнью
Еще живой, уже погибшей жизни,
Ты борешься, то вспыхнешь, то замрешь,
И если-бъ не поддерживалъ тебя я,
Какъ быстро бы угасло ты, исчезло,
Какъ будто бы и не было тебя.
Кто знаетъ, въ это самое мгновеніе,
Быть можетъ, жизнь, зажегшая мою,
Такимъ же тлѣетъ пламенемъ. Но эту
Лампаду, разъ одинъ ее разбивъ,—
Потомъ уже ничѣмъ не возстановишь.
Та кровь, что бѣтается здѣсь, вотъ въ этихъ жилахъ,
Теперь бѣжитъ слабѣющимъ отливомъ
Отъ членовъ остывающихъ, пока
Во всемъ не воцарится мертвый холодъ;
Тѣ самыя живыя очертанья,
По чьимъ узорамъ созданы мои,
Теперь объаты судорогой смерти,
Подернулись налетомъ восковымъ;
Та самая душа, что облачила
Мою подобьемъ Господа безсмертнымъ,
Теперь стоитъ предъ Судіей Всевышнимъ,
Безсильная, нагая.

(Ударъ колокола)

Бьютъ часы.

Одинъ ударъ. Другой. Ползутъ мгновенья.
Когда сѣдымъ я буду старикомъ,
Мой сынъ, быть можетъ, будетъ ждать вотъ такъ же,
Колѣбаясь между ненавистью правой
И суетнымъ раскаяньемъ, ропца,—
Какъ я ропщу,—что нѣтъ вѣстей ужасныхъ,
Подобныхъ тѣмъ, которыхъ здѣсь я жду.

Не лучше-ль было-бъ, если-бъ онъ не умеръ!
Хоть страшно велика моя обида,
Но все же... Тсс! Шаги Орсино.

(Входит Орсино)

Ну?

орсино.

Пришелъ я сообщить, что Ченчи спасся.

джакомо.

Онъ спасся?

орсино.

Часомъ раньше онъ проѣхалъ
Назначенное мѣсто, и теперь
Находится въ Петреллѣ.

джакомо.

Значить, мы—

Игралище случайности, и тратимъ
Въ предчувствіяхъ слѣпыхъ часы, когда
Мы дѣйствовать должны. Такъ, значить, буря,
Казавшаяся звономъ похороннымъ,
Есть только громкій смѣхъ Небесъ, которымъ
Оно надъ нашей слабостью хохочетъ!
Отнынѣ не раскаюся я ни въ чемъ,
Ни въ мысляхъ, ни въ дѣяніяхъ, а только
Въ раскаяніи моемъ.

орсино.

Лампада гаснетъ.

джакомо.

Но вотъ, хоть свѣтъ погасъ, а въ нашемъ сердцѣ
Не можетъ быть раскаянія въ томъ,
Что воздухъ впилъ въ себя огонь безвишній:
Что-жь намъ скорбѣть, что жизнь Франческо Ченчи,
Въ мерцаніи которой злые духи
Яснѣ видятъ гнусныя дѣла,
Внушаемыя ими, истощится,
Погаснетъ навсегда. Нѣтъ, я рѣшился!

орсино.

Къ чему твои слова? и кто боится
Вмѣнительства раскаянія, когда
Мы правое задумали? Пусть рухнулъ
Нашъ планъ первоначальный,—все равно,
Сомнѣнія нѣтъ, онъ скоро будетъ мертвымъ.
Но что же ты лампаду не засвѣтишь?
Не будемъ говорить впотьмахъ.

джакомо *(зажигая огонь)*.

И все же,

Однажды погасивши жизнь отца,
Я не могу зажечь ее вторично.
Не думаешь ли ты, что духъ его
Предъ Господомъ представить этотъ доводъ?

орсино.

А миръ твоей сестры вернуть ты можешь?
А мертвыя надежды ты забылъ
Твоихъ угасшихъ тѣтъ? А злое слово
Твоей жены? А эти оскорбленія,
Швыряемые всѣмъ, кто нагъ и слабъ,
Счастливыми? А жизнь и всѣ мученья
Твоей погибшей матери?

джакомо.

Умолкни.

Не надо больше словъ! Своей рукою
Я положу предѣлъ той черной жизни,
Что для моей началомъ послужила.

орсино.

Но въ этомъ нѣтъ нужды. Постой. Ты знаешь
Олимпіо, который былъ въ Петреллѣ
Смотрителемъ во времена Колонны,—
Его отецъ твой должности лишилъ,
И Марціо, безстрашнаго злодѣя,
Котораго онъ годъ тому назадъ
Обидѣлъ—не далъ платы за дѣянье

Кровавое, содѣланное имъ
Для Ченчи?

джакомо.

Да, Олимпіо я знаю.

Онъ, говорятъ, такъ Ченчи ненавидитъ,
Что въ ярости безмолвной у него
Влѣдѣютъ губы, лишь его замѣтить.
О Марціо не знаю ничего.

орсино.

Чья ненависть сильнѣй,—рѣшить мнѣ трудно,
Олимпіо иль Марціо. Обоихъ,
Какъ будто бы по твоему желанью,
Къ твоей сестрѣ и мачехѣ посласть я
Поговорить.

джакомо.

Поговорить?

орсино.

Мгновенья,

Вѣгунція, чтобъ къ полночи привесть
Медлительное «завтра», могутъ бѣгъ свой
Увѣковѣчить смертью. Прежде чѣмъ
Пробѣсть полночный часъ, они успѣютъ
Условиться и, можетъ быть, исполнить
И, выполнивъ...

джакомо.

Тсс! Что это за звукъ?

орсино.

Ворчитъ собака, балка заскрипѣла,
И больше ничего.

джакомо.

Моя жена

Во снѣ на что-то жалуется,—вѣрно,
Тоскуетъ, негодуя на меня,
И дѣти спать вокругъ, и въ сповидѣньяхъ
Имъ грезится, что я грабитель ихъ.

орсино.

А въ это время онъ, кто горькій сонъ ихъ
Голодную тоскою омрачилъ,
Тотъ, кто ихъ обокралъ, спокойно дремлетъ,
Позорнымъ сладострастьемъ убаюканъ,
И съ торжествомъ смѣется надъ тобой
Въ видѣньяхъ вражды своей усиленной,
Въ тѣхъ снахъ, въ которыхъ слишкомъ много правды.

джакомо.

Клянусь, что, если онъ опять проснется,
Не надо рукъ наемныхъ больше мнѣ.

орсино.

Такъ, правда, будетъ лучше. Доброй ночи.
Когда еще мы встрѣтимся—

джакомо.

Да будетъ

Все кончено и все навѣкъ забыто.
О если-бъ не родился я на свѣтъ!

(Уходитъ)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ Замкѣ Петреллы. Входитъ Ченчи.

ЧЕНЧИ.

Она нейдетъ. А я ее оставилъ
 Изнеможенной, сдавшейся. И ей
 Извѣстно наказанье за отсрочку.
 Что, если всѣ мои угрозы тщетны?
 Какъ, развѣ я не въ замкѣ у себя?
 Не окружень оконами Петреллы?
 Боюсь ушей и глазъ докучныхъ Рима?
 Не смѣю притащить ее къ себѣ,
 Схвативъ ее за пряди золота?
 Топтать ее? Держать ее безъ сна,
 Пока ей разсудокъ не померкнетъ?
 И голодомъ, и жаждою смирать,
 И въ цѣпи заковать ее? Довольно
 И меньшаго. Но время убѣгаетъ,
 А я еще не выполнилъ того,
 Чего хочу всѣмъ сердцемъ. А! Такъ я же
 Сломлю упорство гордое, исторгну
 Согласіе у воли непреклонной,
 Заставлю такъ же низко поклониться,
 Какъ то, что внизъ теперь ее влечетъ?

(Входитъ Лукреція)

Проклятая, исчезни, прочь отсюда,
 Вѣги отъ омерзенья моего!
 Но, впрочемъ, стой. Скажи, чтобъ Беатриче
 Пришла сюда.

ЛУКРЕЦІЯ.

Супругъ, молю тебя,
 Хотя бы изъ любви къ себѣ, подумай,
 О томъ, что хочешь сдѣлать! Человѣкъ,
 Идущій по дорогѣ преступлений,
 Какъ ты, среди опасностей грѣха,
 Ежеминутно можетъ поскользнуться
 Надъ собственной внезапною могилой.
 А ты ужь старъ, сѣдинами покрытъ;
 Спаси себя отъ смерти и отъ Ада,
 И пожалѣй твою родную дочь;
 Отдай ее кому-нибудь въ супруги,
 Тогда она не будетъ искушать
 Твоей души къ враждѣ, или къ худшимъ мыслямъ,
 Когда возможно худшее.

ЧЕНЧИ.

Еще бы!

Чтобъ такъ же, какъ сестра ея, она
 Нашла пріютъ, гдѣ можно насмѣхаться
 Своимъ благополучіемъ безстыднымъ
 Надъ ненавистью ягучею моею.
 Ея, тебя и всѣхъ, кто остается,
 Ждетъ страшная и бѣшеная гибель.
 Да, смерть моя, быть можетъ, будетъ быстрой,—
 Ея судьба мою опередитъ.
 Иди, скажи, я жду ее, и прежде,
 Чѣмъ прихоть переменится моя,—
 Не то я притащу ее за пряди
 Густыхъ ея волосъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Она послала

Меня къ тебѣ, супругъ мой. Какъ ты знаешь,
 Она передъ тобой лишилась чувствъ,
 И голосъ услышала, говорившій:
 «Франческо Ченчи долженъ умереть!
 Свои грѣхи онъ долженъ исповѣдать!
 Ужь Ангель-Обвинитель ждетъ, внимаешь,

Не хочеть ли Всевышній покарать
Сильвѣйшей карой тьму грѣховъ ужасныхъ,
Ожесточивъ скудбующее сердце!»

ченчи.

Что-жь, можетъ быть. Случается. Я знаю,
Есть свыше откровенія. И Небо
Въ особенности было благосклонно
Ко мнѣ, когда я проклялъ сыновей.
Они тотчасъ же умерли. Да!—Да!
А вотъ насчетъ того, что справедливо
И что несправедливо,—это басни.
Раскаянье! Раскаянье есть дѣло
Удобнаго мгновенья и зависить
Не столько отъ меня, какъ отъ Небесъ.
Прекрасно. Но теперь еще я долженъ
Главнѣйшаго достигнуть: осквернить
И отравить въ ней душу.

*(Пауза. Лукреція боязливо приближается и, по мнрть
того какъ она говоритъ, съ ужасомъ отступаетъ)*

Двѣ души

Отравлены проклятьемъ: Кристофано
И Рокко; для Джакомо, полагаю,
Жизнь—худшій Адъ, чѣмъ тотъ, что ждетъ за гробомъ;
А что до Беатриче, такъ она,
Коль только есть искусство въ люттой злобѣ,
Научится усладѣ богохульства,
Умреть во тьмѣ отчаянья. Бернардо,
Какъ самому невинному, хочу я
Достойное наслѣдство завѣщать,
Воспомнанье этихъ всѣхъ дѣяній,
И сдѣлаю изъ юности его
Угрюмый гробъ надеждъ, гдѣ злая мысль
Взростутъ, какъ рой могильныхъ сорныхъ травъ.
Когда-жь исполню все, въ поляхъ Кампаньи
Построю столбъ изъ всѣхъ монхъ богатствъ.
Все золото, всѣ рѣдкія картины,
Убранства, ткани, утварь дорогую,
Одежды драгоценныя мои,

Пергаменты, и росписи владѣній,
И все, что только я зову своимъ,
Нагромоздивъ роскошною громадой,
Я въ честь свою привѣтственный костеръ
Зажгу среди равнины неоглядной:
Изъ всѣхъ своихъ владѣній—для потомства
Оставлю только имя,—это будетъ
Наслѣдство роковое: кто къ нему
Притронется, тотъ будетъ, какъ беззлавые,
Нагимъ и нищимъ. Это все свершивъ,
Мой бичъ, мою ликующую душу
Вручу тому, кто даль ее: пусть будетъ
Она своею карой или ихъ,
Ее онъ отъ меня не спроситъ прежде,
Чѣмъ этотъ бичъ свирѣйшій нанесетъ
Послѣднюю чудовищную рану,
И сломится въ кровавости глубокой.
Вся ненависть должна найти исходъ.
И чтобы смерть меня не обогнала,
Я буду скоръ и кратокъ.

(Идетъ)

ЛУКРЕЦІЯ *(удерживая его)*.

Погоди.

Я выдумала все. И Беатриче
Видѣнья не видала, голосъ Неба
Не слышала, я выдумала все,
Чтобъ только устранить тебя.

ченчи.

Прекрасно.

Ты лжешь, играя истиною Бога.
Такъ пусть твоя душа въ своемъ конунствѣ
Задохнется навѣкъ. Для Беатриче
Есть ужасы похуже наготовѣ,
И я ее скрочу своею волей.

ЛУКРЕЦІЯ.

Своею волей скрутишь? Боже мой,

Какія ты еще придумалъ пытки,
Невѣдомыя ей?

ЧЕНЧИ.

Андреа! Тотчасъ

Скажи, чтобъ дочь моя пришла сюда,
А если не придетъ она, скажи ей,
Что я приду. Невѣдомыя пытки?
Я повлеку ее сквозь цѣлый рядъ
Неслыханныхъ доселѣ оскверненій,
И шагъ за шагомъ будетъ путь пройденъ.
Она предстанетъ, въ полдень, беззащитной,
Среди толпы, глумящейся надъ ней,
И будетъ стыдъ о ней гремѣть повсюду,
Разскажутъ позорныя дѣянья,
И будетъ между этихъ всѣхъ одно:
Чего она сильнѣй всего боится,
Волшебною послужитъ западней
Ея неповинующейся волѣ.
Предъ совѣстью своею она возникнетъ
Тѣмъ, чѣмъ она покажется другимъ;
Умретъ безъ покаянья, безъ прощенья,
Мятежницей предъ Богомъ и отцомъ;
Ея останки выбросятъ собакамъ,
А имя будетъ ужасомъ земли.
И духъ ея придетъ къ престолу Бога
Покрытый, какъ проказой гноевой,
Чумой моихъ губительныхъ проклятій,
И духъ и тѣло вмѣстѣ образу я
Въ одинъ обломокъ смерти и уродства.

(Входитъ Андреа)

АНДРЕА.

Синьора Беатриче...

ЧЕНЧИ.

Говори,

Ты, блѣдный рабъ! Скорѣй! Отвѣтъ ей!

АНДРЕА.

Мой господинъ, она сказала только,

Что видѣла: «Иди, скажи отцу,
Я вижу Адъ, кипящій между нами,
Онъ можетъ перейти его, не я.»

(Андреа уходитъ)

ЧЕНЧИ.

Иди скорѣй, Лукреція, скажи ей,
Чтобы она пришла; пусть только знаетъ,
Что, разъ приди, она даетъ согласие;
И также не забудь сказать, что, если
Я буду ждать напрасно, прокляну.

(Лукреція уходитъ)

А! Чѣмъ, какъ не проклятиемъ, Всевышній
Въ побѣдѣ окрыленной будитъ ужасъ
Паническій, и сонмы городовъ
Окутываетъ блѣдностью испуга?
Отецъ вселенной долженъ внять отцу,
Возставшему на собственное чадо,
Хоть среди людей мое онъ носитъ имя.
И развѣ смерть ея мятежныхъ братьевъ
Не устранишь ее, предъ тѣмъ какъ я
Скажу свое проклятіе? Лишь только
На нихъ призвалъ я быструю гибель,
Она пришла.

(Входитъ Лукреція)

Ну, тварь, отвѣтъ, живѣе!

ЛУКРЕЦІЯ.

Она сказала: «Нѣтъ, я не могу!
Поди, скажи отцу, что не приду я.
Межъ нимъ и мною вижу я потокъ
Его пролитой крови,—негодую,
Онъ мчится.»

ЧЕНЧИ *(становясь на колѣни)*

Боже! выслушай меня!

О, если та плѣнительная форма,
Что ты содѣлалъ дочерью моею,
Кровь, служащая частью, отдѣленной
Отъ крови и отъ сущности моею,

Или скорбей моя болѣзнь, проклятье,
 Чей видъ заразой служить для меня;—
 О, если эта дьявольская греза,
 Возникшая таинственно во мнѣ,
 Какъ Сатана, возставшій въ безднахъ Ада,
 Тобою предназначена была,
 Чтобъ послужить для доброй цѣли;—если
 Лучистое ея очарованье
 Зажглось, чтобъ озарить нашъ темный мѣръ;—
 И если добродѣтели такія,
 Взлелѣанныя лучшею росой
 Твоей любви, роскошно расцвѣли въ ней,
 Чтобъ въ эту жизнь внести любовь и мѣръ,—
 Молю Тебя, о Боже всемогущій,
 Отецъ и Богъ ея, меня и всѣхъ,
 Отвергни приговоръ Свой! Ты, земля,
 Прошу тебя, молю во имя Бога,
 Дай въ пищу ей отраву, пусть она
 Покроется корою чумныхъ пятенъ!
 Ты, небо, брось на голову ея
 Нарывный дождь зловонныхъ росъ Мареммы,
 Чтобъ пятнами покрылася она,
 Какъ жаба; исеуши ей эти губы,
 Окрашенные пламенемъ любви;
 Скриви ея чарующіе члены
 Въ противную горбатость! Порази,
 Всевидящее солнце, эти очи,
 Огнемъ твоихъ слѣпительныхъ лучей!

ЛУКРЕЦІЯ.

Молчи! Молчи! Свою судьбу жалѣя,
 Возьми назадъ ужасныя слова.
 Когда всевышній Богъ къ такимъ молитвамъ
 Склоняется слухъ, Онъ страшно мститъ за нихъ!

ЧЕНЧИ *(вскакивая и быстро поднимая къ небу правую руку)*.

Своей Онъ служитъ волѣ, я—своей!
 Еще одно проклятіе прибавлю:
 Когда-бъ она беременною стала...—

ЛУКРЕЦІЯ.

Чудовищная мысль!

ЧЕНЧИ.

Когда-бъ у ней

Ребенокъ зародился,—о Природа
 Послѣшная, тебя я заклинаю,
 Пребуди въ ней плодоносной, будь послушна
 Велѣнію Создателя, умножься,
 Умножь мое глубокое проклятье,—
 Пусть это чадо гнусной будетъ тѣнью,
 Подобьемъ омерзительнымъ ея,
 Чтобы она всегда передъ собою,
 Какъ дикій образъ въ зеркалѣ кривомъ,
 Могла себя навѣкъ увидѣть слитой
 Съ тѣмъ, что ее страшитъ сильнѣй всего,
 На собственной груди увидѣть гада,
 Глядящаго съ улыбкой на нее!
 И пусть отъ дѣтскихъ дней отродье это
 День ото дня становится мерзвѣй,
 Уродливѣй, чтобъ радость материнства
 Росла бѣдой, и оба, мать и сынъ,
 Дождались упительнаго часа,
 Когда за цѣлый рядъ заботъ и мукъ
 Онъ ей отплатитъ ненавистью черной,
 Иль чѣмъ-нибудь еще безчеловѣчнѣй!
 Пусть гонитъ онъ ее сквозь громкій хохоть,
 Сквозь цѣлый мѣръ двусмысленностей грязныхъ,
 Къ могилѣ обезчещенной!—Иди,
 Скажи, пускай придетъ, пока есть время,
 Еще могу проклятье взять назадъ,
 Пока не вступитъ въ лѣтисиса Неба.

(Лукреція уходитъ)

Мнѣ чудится, что я не человѣкъ,
 А нѣкій демонъ, призванный глумиться
 И мститъ за цѣлый сонмъ обидъ иного,
 Уже неслепомнимаго міра:
 Стремится кровь моя живымъ ключомъ,

Она шумитъ въ восторгѣ дерзновенья,
 Ликуеть, содрогается, горитъ.
 Я чувствую какой-то страшный ужасъ,
 И сердце бьется въ грезѣ круговой,
 Рисующей чудовищную радость.

(Входитъ Лукреція)

Ты мнѣ несешь...

ЛУКРЕЦІЯ.

Отказъ. Она сказала,
 Что можешь проклинать ее, и если-бъ
 Проклітія твои могли убить
 Ея неумирающую душу...

ЧЕНЧИ.

Она придти не хочетъ? Хорошо.
 Передо мной двойкій путь: сначала
 Возьму, чего хочу, потомъ исторгну
 Согласіе. Ступай къ себѣ. Вѣги,
 Не то тебя я вышвырну отсюда.
 И помни, въ эту ночь твои шаги
 Съ моими пусть не встрѣтятся. Скорѣе
 Стань между тигромъ и его добычей.

(Лукреція уходитъ)

Глаза мои слипаются и меркнутъ
 Подъ необычной тяжести сна.
 Должно быть, поздно. Совѣсть! Лжець наглѣйшій!
 Я слышала, будто сонъ, роса небесъ,
 Не освѣжаетъ сладостнымъ бальзамомъ
 Изгибовъ тѣхъ умовъ, гдѣ встала мысль,
 Что ты пустой обманщикъ. Я намѣренъ
 Тебя изблечить во лжи, уснуть
 Въ теченіи часа спомъ невозмутимымъ,
 И чувствую, что будетъ онъ глубокъ.
 Потомъ,—о грозный Адъ, гдѣ столько духовъ
 Отверженныхъ, твои ослоты дрогнутъ,
 Когда въ предѣлахъ царственныхъ твоихъ
 Всѣхъ дьяволовъ охватитъ дикій хохотъ!
 По Небу пронесется горькій вопль,

Какъ будто бы объ ангелѣ погибшемъ,
 И на Землѣ все доброе поблекнетъ,
 А злое шевельнется и возстанетъ
 Для жизни неестественной, ликуя,
 Какъ я теперь ликую и живу.

(Уходитъ)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Передъ Замкомъ Петреллы. Появляются Беатриче и Лукреція вверху на
 крѣпостномъ валу.

БЕАТРИЧЕ.

Ихъ нѣтъ еще.

ЛУКРЕЦІЯ.

Едва настала полночь.

БЕАТРИЧЕ.

Какъ медленно въ сравненіи съ бѣгомъ мысли,
 Большой отъ быстроты, влачится время
 Съ свинцовыми стопами!

ЛУКРЕЦІЯ.

Улетаютъ

Мгновенія. Что если онъ проснется,
 Пока не совершится ничего?

БЕАТРИЧЕ.

О мать моя! Проснуться онъ не долженъ.
 Твои слова глубоко убѣдили
 Меня, что нашъ поступокъ лишь изгонитъ
 Изъ тѣла чловѣка духа тьмы,
 Бѣжавшаго изъ адскихъ безднъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

О смерти

И о судѣ такъ твердо говорилъ онъ,
 Съ довѣріемъ, рисующимъ такого
 Отверженца въ какомъ-то странномъ свѣтѣ,
 Какъ будто въ Бога вѣрять онъ и только
 Добра и зла не хочетъ различать.

И все же, умереть безъ покаянья!
(Входятъ Олимпіо и Марціо снизу)
 Они идутъ!

БЕАТРИЧЕ.

Все смертное здѣсь въ мірѣ
 Должно спѣшить къ угрюмому концу.
 Сойдемъ!

(Луcreція и Беатриче уходятъ сверху)

ОЛИМПІО.

О чемъ ты думаешь?

МАРЦІО.

О томъ,

Что десять сотенъ кронъ большая плата
 За жизнь убійцы стараго. Ты блѣденъ.

ОЛИМПІО.

То—отраженъ блѣдности твоей,
 Цвѣтъ щекъ твоихъ...

МАРЦІО.

Естественный ихъ цвѣтъ?

ОЛИМПІО.

Цвѣтъ ненависти жгучей и желанья
 Отмстить.

МАРЦІО.

Такъ ты готовъ на это дѣло?

ОЛИМПІО.

Не менѣ, какъ если бы мнѣ дали
 Такія-жъ точно десять сотенъ кронъ,
 Чтобъ я скорѣй убилъ змѣю, чѣе жало
 Лишило жизни сына моего.

(Входятъ Беатриче и Луcreція снизу)

БЕАТРИЧЕ.

Рѣшились вы?

ОЛИМПІО.

Онъ спитъ?

МАРЦІО.

Вездѣ все тихо?

БЕАТРИЧЕ.

Пусть смерть его лишь будетъ переменной
 Ужасныхъ сновъ, карающихъ грѣхи,
 Угрюмымъ продолженъемъ адекой бури,
 Которая кипитъ въ его душѣ
 И ждетъ, чтобъ отъ разгнѣваннаго Бога
 Низвергся дождь ее гасящихъ словъ.
 Такъ вы рѣшились твердо? Вамъ извѣстно,
 Что это благороднѣйшее дѣло?

ОЛИМПІО.

Рѣшились твердо.

МАРЦІО.

Что до благородства,
 Мы это вамъ рѣшить предоставляемъ.

БЕАТРИЧЕ.

Идемъ же!

ОЛИМПІО.

Тсс! Откуда этотъ шумъ?

МАРЦІО.

Идутъ!

БЕАТРИЧЕ.

О трусы, трусы! Успокойте
 Смѣшной испугъ ребяческихъ сердець!
 Когда сюда входили вы, навѣрно
 Раскрытыми оставили ворота,
 Они скрипятъ, и это быстрый вѣтеръ
 Надъ вашей жалкой трусостью смѣется.
 Идемъ же, наконецъ. Впередъ, смѣлѣй!
 Какъ я иду: легко, свободно, смѣло.

(Уходятъ)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната въ Замкѣ. Входитъ Беатриче и Лукреція.

ЛУКРЕЦІЯ.

Они теперь кончаютъ.

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ, теперь

Все кончено.

ЛУКРЕЦІЯ.

Я стона не слыхала.

БЕАТРИЧЕ.

Стонать не будетъ онъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Ты слышишь?

БЕАТРИЧЕ.

Шумъ!

То звукъ шаговъ вокругъ его постѣли.

ЛУКРЕЦІЯ.

О Господи! Быть можетъ, онъ теперь
Лежить холоднымъ трупомъ.

БЕАТРИЧЕ.

Не тревожься.

Что сдѣлано—не страшно. Бойся только

Того, что не исполнено еще.

Успѣхъ вѣщаетъ все.

(Входятъ Олимпіо и Марціо)

Готово?

МАРЦІО.

Что?

ОЛИМПІО.

Вы звали насъ?

БЕАТРИЧЕ.

Когда?

ОЛИМПІО.

Сейчасъ.

БЕАТРИЧЕ.

Мы? Звали?

И спрашиваю, кончено ли все?

ОЛИМПІО.

Его убить не смѣемъ мы, онъ старъ,
Онъ спитъ глубокимъ сномъ, онъ сѣдъ, и брови
Неспящія нахмурены, и руки
Скрестились на встревоженной груди,
И сонъ его меня обезоружилъ.
О, нѣтъ! О, нѣтъ! Убить его нельзя!

МАРЦІО.

Но я смѣлѣе былъ я, осуждая
Олимпіо, сказалъ ему, чтобъ онъ
Терпѣлъ свои обиды до могилы,
Мнѣ одному награду предоставивъ.
И вотъ уже мой ножъ почти рѣзнулъ
Открытое морщинистое горло,
Какъ вдругъ старикъ во снѣ пошевелинулся,
И я услышалъ: «Господи, внемли
Отцовскому проклятію! Вѣдь Ты же
Отецъ намъ всѣмъ.»—И тутъ онъ засмѣялся.
И понялъ я, что этимъ устами
Духъ моего покойнаго отца
Проклятье изрекаетъ, и не могъ я
Его убить.

БЕАТРИЧЕ.

Злосчастные рабы!

Нѣтъ мужества въ душонкахъ вашихъ жалкихъ,
Чтобъ человѣка спящаго убить.

Откуда же вы храбрости набрались,

Чтобъ, дѣла не свершивъ, сюда придти?

Позорные измѣнники и трусы!

Да эта совѣсть самая, что въ васъ

Гнѣздится лишь для купли и продажи
Или для низкой мести, есть увертка!
Она спокойно спитъ во время тысячъ
Невидныхъ ежедневныхъ преступленій;
Когда же нужно дѣло совершить,
Въ которомъ жалость будетъ богохульствомъ...
Да что тутъ!

*(Выхватываетъ кинжалъ у одного изъ нихъ
и поднимаетъ его въ воздухъ)*

Если-бъ даже ты посмѣлъ
Всѣмъ рассказать, что я отцеубійца,
Я все-жъ его должна убить! Но только
Переживете вы его немного!

ОЛИМПІО.

Остановись, во имя Бога!

МАРЦІО.

Я

Сейчасъ пойду убить его!

ОЛИМПІО.

Отдай мнѣ

Кинжалъ, и мы твою исполнимъ волю.

БЕАТРИЧЕ.

Бери! Ступай! Чтобъ живо возвратиться!

(Олимпіо и Марціо уходятъ)

Какъ ты блѣдна! Мы дѣлаемъ лишь то,
Чего не сдѣлать было-бъ преступленьемъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, если бъ это было уже въ прошломъ!

БЕАТРИЧЕ.

Вотъ, въ этотъ самый мигъ въ твоей душѣ
Проходятъ колебанья и сомнѣнья,
А міръ ужъ перемѣну ощутилъ.
Пожрали адъ и тьма то испаренье,
Что ими было послано смутить
Сіянье жизни. Вотъ ужъ мнѣ какъ будто

Отрадѣ дышать; въ застывшихъ жилахъ
Струится кровь свободнѣй. Тсс!

(Входятъ Олимпіо и Марціо)

Онъ...

ОЛИМПІО.

Мертвъ!

МАРЦІО.

Чтобы слѣдовъ кровавыхъ не осталось,
Его мы задушили, и потомъ
Въ тотъ садъ, что подъ балкономъ, сонвырнули
Отяжелѣвшій трупъ,—какъ будто онъ
Упалъ случайно.

*БЕАТРИЧЕ (отдавая имъ кошелекъ съ
деньгами)*

Вотъ, берите деньги,

И поскорѣй отсюда уходите.

И такъ какъ ты, о Марціо, смутился

Лишь тѣмъ, что духъ мой въ трепетъ повергалъ,
Возьми вотъ эту мантію.

(Надѣваетъ на него богатую мантію)

Ее

Носилъ мой дѣдъ во дни своихъ успѣховъ,

Когда будилъ онъ зависть: пусть же всѣ

Твоей судьбѣ завидуютъ. Ты былъ

Орудіемъ святымъ въ десницѣ Бога.

Живи, преуспѣвай и, если есть

На совѣсти твоей грѣхи, раскайся!

Въ томъ, что теперь ты сдѣлалъ,—нѣтъ грѣха.

(Слышенъ зовъ рога)

ЛУКРЕЦІЯ.

Чу! Замковый сигнальный рогъ. О Боже!

Звучитъ онъ словно зовъ на Страшный Судъ.

БЕАТРИЧЕ.

Какой-то гость не во-время пріѣхалъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Подъемный мостъ опущенъ: во дворѣ

Я слышу стук копытъ. Скорѣй, спасайтесь!
(*Уходятъ Олимпіо и Марціо*)

БЕАТРИЧЕ.

Уйдемъ къ себѣ, и притворимся, будто
Мы спимъ глубокимъ сномъ, да, впрочемъ, мнѣ
Наврядъ ли даже надо притворяться;
Тотъ духъ, что этимъ тѣломъ властно править,
Мнѣ кажется такъ странно-безмятежнымъ,
Что я усну невозмутимымъ сномъ:
Все зло теперь окончилось навѣки.

(*Уходитъ*)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Другая комната въ Замокѣ. Входитъ съ одной стороны Легать Савелла, въ
сопровожденіи слуги, съ другой Лукреція и Бернардо.

САВЕЛЛА.

Синьора, да послужить извиненьемъ
Мой долгъ передъ Святѣйшествомъ его,
Что я теперь покой вашъ нарушаю
Въ такой неподходящій часъ: я долженъ
Имѣть бесѣду тотчасъ съ Графомъ Ченчи.
Онъ спитъ?

ЛУКРЕЦІЯ (*съ торопливимъ смущеніемъ*)

Навѣрно, спитъ, но я прошу васъ
Ночной его покой не возмущать;
Пусть онъ поспитъ, не то случится худо,—
Онъ вспыльчивый и злобный человекъ.
Онъ долженъ этой ночью спать и видѣть
Въ жестокихъ снахъ свирѣпый ужасъ Ада.
Пусть только день забрезжитъ, и тогда...

(*Въ сторону*)

О, я изнемогаю!

САВЕЛЛА.

Мнѣ прискорбно,
Что я вамъ доставляю безпокойство,
Но долженъ Графъ немедля дать отвѣтъ

На цѣлый рядъ важнѣйшихъ обвиненій,
И въ этомъ цѣль пріѣзда моего.

ЛУКРЕЦІЯ (*съ возрастающимъ безпокой-
ствомъ*)

Но разбудить его я не посмѣю,
И кто бы могъ—не знаю никого я;
Будить змѣю опасно,—не змѣю,
А трупъ, въ которомъ спитъ свирѣпый демонъ.

САВЕЛЛА.

Мнѣ ждать нельзя, мой мгновенья здѣсь
Сосчитаны. И если никого
Здѣсь нѣтъ, кто разбудить его посмѣлъ бы,
Я самъ пойду будить его.

ЛУКРЕЦІЯ (*въ сторону*)

О, ужасъ!

Отчаянье!

(*Къ Бернардо*)

Бернардо, проводи же
Посланника Святѣйшества его
Въ ту комнату, гдѣ твой отецъ.

(*Савелла и Бернардо уходятъ*)

(*Входитъ Беатриче*)

БЕАТРИЧЕ.

То вѣстникъ,

Прибывшій, чтобъ виновнаго схватить,
Уже теперь стоящаго предъ Богомъ,
Съ Его неотвѣгаемымъ судомъ.
Соединясь въ согласномъ приговорѣ,
Насъ оправдали Небо и Земля.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, ужасъ нестерпимый! Если-бъ только
Онъ былъ въ живыхъ! Я слышала сейчасъ,
Когда они все мимо проходили,
Шепнуть одинъ изъ свиты, что Легать
Имѣеть полномочіе отъ Папы
Немедленно казнить его. Такъ, значитъ,

Путем законнымъ все произошло бы,
 За что теперь мы дорого заплатимъ.
 Вотъ-вотъ, они обыскиваютъ крѣпость,
 Они находятъ трущъ, и подозрѣнье
 Диктуетъ имъ, гдѣ истина; потомъ
 Тихонько совѣщаются, что дѣлать;
 Потомъ воскликнуть громко: «Это—вы!»
 О, ужасы! Все открылось!

БЕАТРИЧЕ.

Мать моя,
 Что сдѣлано разумно, то прекрасно.
 Будь столь же смѣлой, какъ ты справедлива.
 И было бы ребячествомъ бояться,—
 Когда спокойна совѣсть,—что другіе
 Узнаютъ то, что сдѣлано тобой,
 Съ нугливостью смотрѣть, въ лицѣ мѣняясь,
 И этимъ обнажать, что хочешь скрыть.
 Себѣ лишь вѣрной будь и, кромѣ страха,
 Не бойся ничего, другого нѣтъ
 Свидѣтеля, а если-бъ онъ явился,—
 Что прямо невозможно,—если-бъ вдругъ
 Возникло что-нибудь не въ нашу пользу,
 Мы можемъ подозрѣнье ослѣпить
 Такимъ правдоподобнымъ удивленьемъ,
 Такою оскорбленностью надменной,
 Какая невозможна для убійцъ.
 Что сдѣлано, то нужно было сдѣлать,—
 И что мнѣ до другого! Я какъ мѣръ,
 Какъ свѣтъ, лучи струящій по вселенной,
 Какъ землю окружившій вольный воздухъ,
 Какъ твердый центръ всѣхъ міровъ. Что будетъ,
 Меня волнуетъ такъ же, какъ екаду
 Безшумный вѣтеръ.

(Крикъ внутри покоевъ и спятеель)

Смерть! Убійство! Смерть!

(Входитъ Бернардо и Савелла)

САВЕЛЛА (обращаясь къ своей свитѣ).

Весь замокъ обыскать и бить тревогу;
 У выходныхъ воротъ поставить стражу,
 Чтобъ всѣ остались въ Замокѣ!

БЕАТРИЧЕ.

Что случилось?

БЕРНАРДО.

Не знаю, какъ сказать: отецъ нашъ мертвъ!

БЕАТРИЧЕ.

Какъ? Мертвъ? Онъ только спитъ. И ты ошибся,
 Мой милый братъ; онъ крѣпко-крѣпко спитъ,
 И тихій сонъ его подобенъ смерти.
 Не странно ли: мучитель можетъ спать!
 Но онъ не мертвъ?

БЕРНАРДО.

Онъ мертвъ! Убитъ!

ЛУКРЕЦІЯ (въ крайнемъ возбужденіи)

Нѣтъ, нѣтъ!

Онъ не убитъ, хотя, быть можетъ, умеръ.
 Ключи отъ этихъ комнатъ у меня.

САВЕЛЛА.

А! Вотъ какъ!

БЕАТРИЧЕ.

Монсеньоръ, простите насъ,
 Но мы должны уйти: ей очень худо;
 Какъ видите, она изнемогаетъ
 Отъ ужаса подобныхъ испытаній.

(Луcreція и Беатриче уходятъ)

САВЕЛЛА.

Не можете ли вы кого-нибудь
 Въ убійствѣ заподозрить?

БЕРНАРДО.

Я не знаю.

Что думать.

САВЕЛЛА.

Можетъ быть, вы назовете
Кого-нибудь, кто въ смерти Графа Ченчи
Имѣлъ бы интересъ?

БЕРНАРДО.

Увы, не въ силахъ
Назвать хоть одного, кто не имѣлъ бы;
Имѣютъ все, особенно же ты,
Кто горше всехъ скорбитъ о происшедшемъ:
Моя сестра, и мать, и самъ я.

САВЕЛЛА.

Странно!

Есть знаки несомнѣнные насилья.
Трупъ старика нашелъ я, въ лунномъ свѣтѣ,
Висящимъ подъ окномъ его же спальни,
Среди вѣтвей сосны; упасть не могъ онъ,—
Онъ весь лежалъ безформенною кучей.
Слѣдовъ кровавыхъ, правда, нѣтъ. Прошу васъ,—
Для чести дома вашего такъ важно,
Чтобъ выяснилось все,—скажите дамамъ,
Я ихъ прошу пожаловать сюда.

*(Бернардо уходитъ)**(Входитъ Стража и сводитъ Марціо)*

СТРАЖА.

Вотъ, одного поймали!

ОФИЦЕРЪ.

Монсеньоръ,

Мы этого злодѣя и другого
Нашли среди уступовъ. Нѣтъ сомнѣнья,
Они и есть убійцы графа Ченчи:
У каждаго нашли мы кошелекъ,
Наполненный монетами; а этотъ
Былъ мантией роскошною покрытъ;
Сверкая золотой своей отдѣлкой
Средь темныхъ скалъ, подъ мутною луной,

Она его намъ выдала; другой же
Въ отчаянной защитѣ былъ убитъ.

САВЕЛЛА.

И что онъ говоритъ?

ОФИЦЕРЪ.

Хранить молчанье
Упорное; но эти строки скажутъ:
Письмо нашли мы у него въ карманѣ.

САВЕЛЛА.

По крайней мѣрѣ, ихъ языкъ правдивъ.

(Читаетъ)

«Доннѣ Беатриче.

«Чтобы возмездіе за то, что вообразить
«моя душа противится, могло случиться скоро, я
«посылаю къ тебѣ, по желанію твоего брата,
«тѣхъ, которые скажутъ и сдѣлаютъ больше,
«чѣмъ я рѣшаюсь писать.

«Твой вѣрный слуга Орсино.»

(Входятъ Лукреція, Беатриче, и Бернардо)

Тебѣ извѣстенъ этотъ почеркъ?

БЕАТРИЧЕ.

Нѣтъ.

САВЕЛЛА.

Тебѣ?

ЛУКРЕЦІЯ *(во все время этой
сцены она исполнена
крайняго возбужденія).*

Что это значить? Что такое?

Мнѣ кажется, рука Орсино это!
Откуда же достали вы письмо?
Въ немъ говорить невыразимый ужасъ,
Который не нашелъ себѣ исхода,
Но между этой дѣвушкой несчастной
И собственнымъ ея отцомъ усопшимъ
Успѣлъ создать зияющую бездну
Глухой и темной ненависти.

САВЕЛЛА.

Такъ?

Синьора, это вѣрно, что отецъ твой
Тебѣ нанесъ такія оскорбленія.
Что ненависть зажегъ въ твоей душѣ?

БЕАТРИЧЕ.

Не ненависть, а нѣчто, что сильнѣе.
Но для чего объ этомъ говорить?

САВЕЛЛА.

Здѣсь что-то есть, о чемъ ты знаешь больше,
Чѣмъ выразить въ вопросѣ я могу.
Въ твоей душѣ есть тайна.

БЕАТРИЧЕ.

Монсеньоръ,

Вы говорите дерзко, не подумавъ.

САВЕЛЛА.

Отъ имени Святѣйшества его
Присутствующихъ всѣхъ я арестую.
Мы ѣдемъ въ Римъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, нѣтъ! Мы невинны.

Не нужно въ Римъ!

БЕАТРИЧЕ.

Винны? Кто же смѣетъ

Сказать, что мы виновны? Монсеньоръ,
Въ отцеубійствѣ такъ же я виновна,
Какъ безъ отца родившійся ребенокъ;
Еще, быть можетъ, меньше. Мать моя,
Твоя святая кротость, благородство,
Щитомъ служить не могутъ передъ этимъ
Язвительнымъ неправосуднымъ міромъ,
Предъ этой обоюдоострой ложью,
Что сразу выставляетъ два лица.
Какъ! Ваши безпощадные законы,
Вѣрнѣй, осуществляющіе ихъ,

Вы, слуги ихъ невѣрные, сначала
Дорогу къ правосудью заградите,
Потомъ, когда, во гнѣвѣ, Небеса,
Суда земного вида небреженъе,
Вмѣшаются и метиеля пошлютъ,
Чтобъ наказать несслыханное дѣло,
Вы скажете, что тотъ, кто правды ждалъ,
Преступникъ? Вы преступники! Вотъ этотъ
Несчастный, что блѣднѣетъ и дрожитъ,
Коль вѣрно то, что онъ убійца Ченчи,
Есть мечъ въ десницѣ праведнаго Бога.
Зачѣмъ же я его взяла бы въ руки?
Богъ метитъ за тѣ дѣянья, о которыхъ
Не скажешь этимъ смертнымъ языкомъ.

САВЕЛЛА.

Такъ смерть его была для васъ желанной?

БЕАТРИЧЕ.

Когда бы хоть на мигъ въ моей душѣ
Остыло это дикое желанье,
То было-бъ преступленіемъ,—такимъ же,
Какъ черный грѣхъ, въ его душѣ возникшій.
Да, правда, я надѣялась, ждала,
Молилась, даже больше—твердо знала,—
Вѣдь есть же правосудный, мудрый Богъ,—
Я знала, что надъ нимъ нависла кара
Какой-то роковой внезапной смерти.
И вотъ, она пришла—и это правда,
Что для меня на всей землѣ и въ Небѣ
Была одна послѣдняя надежда,
Одно успокоеніе—смерть его.
И что-жъ теперь?

САВЕЛЛА.

Обычное явленіе.

Изъ странныхъ мыслей—странныя дѣла.
Я не могу судить тебя.

БЕАТРИЧЕ.

Но, если

Меня вы арестуете, невольню
 Вы станете судьей и палачомъ
 Того, что я считаю жизнью жизни.
 И самое дыханье обвиненья
 Пятнаетъ незапятнанное имя,
 И, послѣ оправданія косою,
 Все то, что было свѣтлымъ и живымъ,
 Становится безжизненною маской.
 Я снова повторяю, это ложь,
 Что будто я грѣшна въ отцеубійствѣ,
 Хотя я по сираведливости должна
 Прийти въ восторгъ, узнавъ объ этой смерти,
 Узнавъ, что чья-то чуждая рука
 Послала духъ его молить у Бога
 Того, въ чемъ отказалъ онъ мнѣ: пощады.
 Оставьте насъ свободными, прошу васъ;
 Нашъ знатный домъ навѣкъ не оскверняйте
 Неяснымъ подозрѣньемъ въ преступленіи;
 Котораго не могъ онъ совершить;
 Къ небрежности своей и къ нашимъ мукамъ
 Еще сильнѣйшихъ мукъ не прибавляйте.
 Ихъ было слишкомъ много; не лишайте
 Обманутыхъ и выброшенныхъ бурей—
 Последняго: обломковъ корабля.

САВЕЛЛА.

Синьора, я не смѣю. Приготовьтесь.
 Прощу васъ, мы поѣдемъ вмѣстѣ въ Римъ.
 Что будетъ дальше, скажетъ воли Папы.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, нѣтъ, не надо въ Римъ! Не надо въ Римъ!

БЕАТРИЧЕ.

Зачѣмъ ты такъ тревожишься, родная?
 Зачѣмъ бояться Рима? Тамъ, какъ здѣсь,
 Мы нашей невиновностію можемъ

Безстрашно обвиненье растоптать.
 Есть Богъ и тамъ, а Онъ свою тѣню
 Всегда прикроетъ слабыхъ, беззащитныхъ,
 Обиженныхъ, какъ мы. Утѣшься. Помни,
 Что на меня ты можешь опереться;
 Блауждающія мысли собери.
 Какъ только, Монсиньоръ, вы отдохнете
 И выясните все, что только нужно
 Для слѣдствія, вы насъ внизу найдете
 Готовыми къ отъѣзду. Ты побѣдишь,
 Родная?

ЛУКРЕЦІЯ.

А! Они насъ будутъ мучить,
 Привяжутъ къ колесу, начнутъ пытать,
 И этотъ ужасъ мукъ невыносимыхъ
 У насъ исторгнетъ самообвиненье.
 Джакомо будетъ тамъ? Орсино тамъ?
 И Марціо? И всѣ на очной ставкѣ?
 И каждый у другого на лицѣ
 Увидитъ тайну собственнаго сердца!
 О, горе мнѣ!

(Она лишается чувствъ, и ее уносятъ)

САВЕЛЛА.

Она лишилась чувствъ.
 Недобрый знакъ.

БЕАТРИЧЕ.

Она людей не знаетъ,
 И думаетъ, что власть есть дикій звѣрь,
 Который схватитъ острыми когтями
 И больше ужъ не выпуститъ: змѣя,
 Которая въ отраву превращаетъ
 Что только ни увидитъ, находя
 Въ свирѣпомъ ядѣ собственную пищу.
 Она не можетъ знать, какъ хорошо
 Прислужники слѣпного произвола
 Читатъ умѣютъ истину вещей
 Въ чертахъ лица безгрѣшно-простодушныхъ:

Невинности не видить, въ торжествѣ
 Стоящей предъ судомъ того, кто смертенъ,
 Судьей и обвинителемъ обидѣ,
 Ее туда привлекшихъ. Монсеньоръ,
 Прошу васъ приготовиться къ отъѣзду;
 Мы ждемъ васъ во дворѣ съ своею свитой.
 (Уходитъ)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната въ Палаццо Орсино. Входятъ Орсино и Джакомо.

ДЖАКОМО.

Такъ быстро злодѣяніе приходитъ
 Къ ужасному концу? О, для чего же
 Безплодное раскаянье, казня
 За черный грѣхъ, когда онъ совершится,
 Не можетъ громко насъ предостеречь,
 А только ранить жаломъ смертоноснымъ,
 Когда непоправимо преступленье!
 О, если-бъ этотъ прошлый часъ тогда
 Съ себя совлекъ покровъ туманной тайны,
 Представъ съ злодѣйскимъ ликомъ привидѣнья,
 Съ которымъ онъ является теперь,
 Когда душа—какъ мрачная берлога,
 Гдѣ спугнуть дикій звѣрь, теперь гонимый
 Свирѣнымъ лаемъ псовъ, чье имя совѣсть!
 Увы! Увы! Какая злая мысль—
 Убить сѣдого дряхлаго отца.

ОРСИНО.

Кто зналъ, что все окончится такъ плохо!

ДЖАКОМО.

Безбожно посягнуть на святость сна!
 Похитить кроткій миръ спокойной смерти,
 Которая преклонности усталой
 Назначена природою самой!

Отнять у Неба гибнущую душу,
Не давши ей раскаяньемъ сердечнымъ
И жаркими молитвами загладить
Жизнь, полную грѣховъ!

орсино.

Но развѣ я
Къ убійству побуждалъ тебя?

джакомо.

О, если-бъ
Въ твоёмъ лицѣ услужливо-любезномъ
Я зеркала не встрѣтилъ для своихъ
Ужасныхъ мыслей; если-бъ цѣлымъ рядомъ
Намековъ и разспросовъ ты меня
Не вынудилъ чудовище увидѣть
Моей души и на него глядѣть,
Пока оно съ желаньемъ не сроднилось!

орсино.

Вотъ такъ всегда, кто терпитъ неудачу,
Вину за все слагаетъ на того,
Кто былъ его рѣшенію поддержкой,
Или вишитъ другое что-нибудь,
Но только не себя. А въ то же время,
Признайся, что раскаянье твое
Съ его больною блѣдностью возникло
Всецѣло оттого, что ты теперь
Находишься въ опасности; признайся,
Что это страхъ, откинувши свой стыдъ,
Скрывается подъ маской угрызений.
А если-бъ мы могли еще спастись?

джакомо.

Но какъ же это можно? Беатриче,
Лукреція и Марціо въ тюрьмѣ.
И, вѣрно, исполнители закона
Ужъ посланы, пока мы говоримъ здѣсь,
Схватить и насъ.

орсино.

Я приготовилъ все
Для вѣрнаго немедленнаго бѣгства.
И если ты желаешь, мы сейчасъ же
Воспользуемся случаемъ.

джакомо.

Скорѣй

Дыханье испущу среди пытокъ страшныхъ.
Какъ, бѣгствомъ обвинивъ самихъ себя,
Мы сложимъ всю вину на Беатриче?
Межъ тѣмъ какъ въ этомъ дѣлѣ богохульномъ
Она одна—какъ свѣтлый Ангелъ Бога,
Прислужниковъ нашедшій въ духахъ тьмы
И мстящій за обиду безъ названья,
Предъ ужасомъ которой черный грѣхъ
Отцеубійства сталъ святымъ дѣяньемъ;
Тогда какъ мы для нашихъ низкихъ цѣлей...
Орсино, если я сравню твои
Слова и взгляды съ этимъ предложеньемъ,
Боюсь необходимости сознаться,
Что ты—подлецъ. Скажи, съ какою цѣлью,
Намеками, улыбками, словами
Въ опасное такое преступленье
Меня ты заманилъ—и бросилъ въ пропасть?
И ты не лжецъ? И ты не ложь сама?
Измѣнникъ и убійца! Трусъ и рабъ!
Да что тутъ тратить время! Защищайся!

(Обнажаетъ шпагу)

Пусть скажетъ сталь, чѣмъ заклеимъ тебя
Гнушается языкъ мой.

орсино.

Спрячь оружье.

Джакомо, неужели до того
Твой страхъ тебя отчаяньемъ исполнилъ,
Что руку поднимаешь ты на друга,
Изъ-за тебя погибшаго? Но, если

Ты къ этому подвигнуть честнымъ гнѣвомъ,
 Узнай, что предложеніемъ своимъ
 Хотѣлъ я испытать тебя, не больше.
 Что-жь до меня, своимъ безплоднымъ чувствомъ
 Я приведенъ къ той точкѣ, отъ которой
 Не въ силахъ отступить, хотя бы даже
 Мой твердый духъ раскаянье узналъ.
 Пока мы говоримъ, внизу, у входа,
 Ревнители закона ждуть, и мнѣ
 Даны лишь эти краткія мгновенья.
 И если хочешь ты къ своей жепѣ
 Теперь пойти съ печальнымъ утѣшеньемъ,
 Иди вотъ этимъ ходомъ потаеннымъ,—
 Ты ихъ избѣгнешь.

джакомо

Другъ великодушный!

Такъ ты меня простишь? О, если-бъ могъ я
 Своею жизнью выкупить твою!

орсина.

Твое желанье на день опоздало.
 Слѣши. Всего хорошаго. Ты слышишь,
 Идутъ по коридору!

(Джакомо уходитъ)

Очень жаль,

Но стражи ждуть его теперь у входа
 Его же дома; это сдѣлать я,
 Чтобъ отъ него, какъ и отъ нихъ, сокрыться.
 На этихъ размалеванныхъ подмосткахъ
 Измѣнчиваго міра я задумалъ
 Торжественную пьесу разыграть,
 Хотѣлъ достичь монхъ особыхъ цѣлей
 Силетеніемъ добра и зла въ узоръ,
 Подобный тѣмъ, какіе ткуются всюду;
 Но встала Неожиданность и властно
 Схватила нити замысловъ моихъ,
 Порвала ихъ и съ страшной быстротою

Силела изъ нихъ сѣть гбелли. Кричатъ!

(Слышеть крикъ)

Чу! Слышу. Я объявленъ виѣ закона,
 Но съ ложнымъ простодушіемъ въ лицѣ,
 Въ лохмотьяхъ жалкихъ, я пройди сумѣю
 Въ толпѣ, всегда обманутой, что судить
 Согласно съ тѣмъ, что кажется. И послѣ,
 Подъ именемъ другимъ, въ странѣ другой,
 Я почести покинутого Рима
 Легко перемѣню на жизнь другую,
 Создавъ ее по старымъ образцамъ,
 Служа своимъ желаньямъ. И душа
 Останется все тою же, а обликъ
 Всего, что виѣ, послужитъ вѣрной маской.
 Но если происшедшее не дастъ мнѣ
 Покоя—никогда? О, нѣтъ, къ чему же!
 Никто о злодѣяніяхъ моихъ
 Не будетъ знать! Зачѣмъ себя я буду
 Своимъ же осужденіемъ тревожить!
 Ужели побѣдить я не смогу
 Безплодныхъ угрызений? Буду вѣчно
 Рабомъ—чего? Безсмысленнаго слова,
 Которое все люди примѣняютъ
 Другъ противъ друга, только не къ себѣ,
 Точь въ точь, какъ несятъ шнагу, чтобы сю
 При случаѣ кого-нибудь убить
 И защитить себя отъ нападенья.
 Но, если я глубоко заблуждаюсь,—
 Что буду дѣлать, гдѣ тогда найду я
 Личину, чтобы скрыться отъ себя,
 Какъ я теперь сокрыть отъ чуждыхъ взоровъ?

(Уходитъ)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Залъ суда. Камилло, Судья, и проч., сидятъ. Входятъ Марціо.

первый судья.

Ну, что же, обвиняемый, какъ прежде,
 Вы будете упорно отрицать?

Скажите, вы виновны въ преступленн
Иль нѣтъ? Скажите, кто у васъ зачинщикъ?
Иль, можетъ быть, ихъ нѣсколько? Отвѣтите,
Но только, чтобы правду говорить!

МАРЦЮ.

О Господи! Когда бы правду зналъ я!
Не я его убійца. Этотъ плащъ,
Который для меня уликкой служить,
Олимпіо мнѣ продалъ.

второй судья.

Взять его!

первый судья.

Ты смѣешь поблѣднѣвшими губами
Произносить безстыднѣйшую ложь,
Еще дрожа отъ поцѣлуевъ дыбы?
Тебѣ, должно быть, очень полюбились
Объятыя собесѣдницы такой?
Ты хочешь предоставить ей исторгнуть
Изъ тѣла жизнь и душу? Взять его!

МАРЦЮ.

Поцады! О, поцады! Я признаюсь!

первый судья.

Скорѣй!

МАРЦЮ.

Я задушилъ его во снѣ.

первый судья.

И кто подговорилъ тебя?

МАРЦЮ.

Джакомо,

Его же сынъ родной, и съ нимъ Орсино,
Прелатъ, меня отправили въ Петреллу.
Тамъ донна Беатриче вмѣстѣ съ донной
Лукреціей со мною говорили,
Меня прельстили тысячею кропъ.

И я съ своимъ товарищемъ немедля
Убилъ его. Теперь меня казните.
Пусть я умру!

первый судья.

Признание звучитъ
Зловѣщею правдивостью. Эй, стражи!
Введите заключенныхъ!

*(Входятъ Лукреція, Беатриче и Джакомо,
подъ стражей)*

Посмотрите

На этого, что здѣсь стоитъ: когда вы
Въ послѣдній разъ съ нимъ видѣлись?

БЕАТРИЧЕ.

Его

Мы никогда не видѣли.

МАРЦЮ.

Синьора,

Я вамъ извѣстенъ слншкомъ хорошо.

БЕАТРИЧЕ.

Ты мнѣ извѣстенъ? Какъ? Когда? Откуда?

МАРЦЮ.

Забить вы не могли, что вы меня
Угрозами и подкупомъ склонили,
Чтобъ вашего отца я умертвилъ.
Потомъ, когда убійство совершилось,
Вы, давъ мнѣ плащъ съ отдѣлкой золотою,
Сказали мнѣ, чтобъ я преуспѣвалъ.
Какъ преуспѣлъ я, можете вы видѣть!
И вы, синьоръ Джакомо, вы, синьора
Лукреція, не можете отречься
Отъ правды словъ моихъ.

*(Беатриче приближается къ нему; онъ закры-
ваетъ свое лицо и отшатывается)*

О, не гляди

Такъ страшно на меня! Бросай на землю,
Безчувственно-нѣмую, взоры мести!

Они меня терзают. Это пытка
Изъ устъ моихъ признаніе исторгла.
Молю, пусть буду я теперь казнень.

БЕАТРИЧЕ.

Мнѣ жаль тебя, несчастный. Но помедли!

КАМИЛЛО.

Пусть онъ здѣсь ждеть.

БЕАТРИЧЕ.

О Кардиналь Камилло,

Извѣстно всѣмъ, какъ вы добры и мудры.
Возможно ли, что вы сидите здѣсь,
Возможно ли, что съ вашего согласья
Разыгрываютъ этотъ низкій фарсъ?
Несчастливаго раба влекутъ насильно,
Терзаютъ цѣлымъ рядомъ страшныхъ пытокъ,
Что могутъ самыхъ смѣлыхъ ужаснуть,
И требуютъ потомъ, чтобъ онъ отвѣтилъ
Не такъ, какъ говоритъ его душа,
А такъ, какъ палачи ему диктуютъ,
Вопросами отрицать ему внушая:
И это подъ угрозой новыхъ мукъ,
Такихъ, какихъ не знаютъ въ безднѣ Ада,
По благодати Создателя. Скажите,
Когда бы ваше собственное тѣло
Раскинули на дыбѣ и сказали:
«Сознайтесь, что ребенокъ синеглазый,
Что былъ для васъ звѣздой путеводной,
Племянникъ вашъ, малютка, былъ отравленъ
И ядъ подсыпанъ вашею рукою?»—
Хотя извѣстно всѣмъ, что съ той поры,
Какъ смерть его похитила внезапно,
Для васъ земля и небо, день и ночь,
И все, на что была еще надежда,
И все, что было, все перемѣнилось,
Отъ тлостности великой вашей скорби,—
Скажите, вы бы въ пыткахъ не сказали:

«Да, я его убійца, сознаюсь»,—
Не стали бы мучителей просить,
Какъ этотъ рабъ, чтобъ вамъ скорѣе дали
Прибѣжище въ позорной, низкой смерти?
Прошу васъ, Кардиналь, не откажитесь
Мою невинность громко подтвердить.

КАМИЛЛО (*очень тронутый*)

Синьоры, что вы скажете на это?
Стыжусь горячихъ слезъ своихъ, я думалъ,
Что въ сердцѣ ихъ источникъ оскудѣлъ.
Готовъ своей душою поручиться,
Что нѣтъ на ней вины.

одинъ изъ судей.

И все же нуженъ

Ее подвергнуть пыткамъ.

КАМИЛЛО.

Я скорѣе

Свое согласье далъ бы, чтобы мой
Племянникъ былъ подвергнутъ лютымъ пыткамъ.
(Когда-бъ онъ жилъ, онъ былъ бы тѣхъ же лѣтъ,
Съ такого-жъ точно цвѣта волосами,
Съ глазами, какъ у ней, но не такими
Глубокими, и цвѣта голубого).
Нельзя порочить лучшій образъ Бога,
Блуждающій въ печали по землѣ.
Она чиста, какъ дѣтская улыбка!

судья.

Прекрасно, Монсиньоръ, но, если вы
Ее подвергнуть пыткамъ не хотите,
Пусть грѣхъ ея падетъ на васъ. Его
Святѣйшества прямое повелѣнье—
Преслѣдовать чудовищный поступокъ
По всей суровой строгости закона,
Его усилить даже въ примѣненъи
Къ преступникамъ. Они обвинены
Въ грѣхѣ отцеубійства, и улики

Настолько очевидны, что вполне
Оправдываютъ пытку!

БЕАТРИЧЕ.

Гдѣ улики?

Признаніе вотъ этого?

СУДЬЯ.

Ну, да.

БЕАТРИЧЕ (къ Марціо).

Поди сюда. Итакъ, ты, значить, выбранъ
Изъ множества живущихъ, чтобъ убить
Невиннаго? Кто-жъ ты?

МАРЦІО.

Я былъ когда-то

Служителемъ у твоего отца.

Я Марціо.

БЕАТРИЧЕ.

Смотри въ мои глаза,

И отвѣчай на всѣ мои вопросы.

(Къ Судьямъ)

Прошу васъ наблюдать его лицо.
Онъ непохожъ на тѣхъ безстыдно-наглыхъ
Клеветниковъ, которые не смѣютъ
Сказать о томъ, что взоромъ говорятъ;
Напротивъ, онъ сказать не смѣетъ взглядомъ
Того, что говоритъ въ словахъ, и взоры
Склоняетъ онъ къ слѣпой землѣ.

(Къ Марціо)

Такъ что-жъ!

Ты скажешь мнѣ, что я отцеубійца?

МАРЦІО.

Молю! Пощады! Все во мнѣ смѣшалось!
Что мнѣ сказать? Свирѣпный ужасъ пытокъ
Меня принудилъ къ правдѣ. Дайте мнѣ
Уйти отсюда прочь! Не позволяйте
Ей на меня глядѣть! Я жалкій, низкій

Преступникъ; все, что знаю, я сказалъ:
Такъ дайте-жъ умереть теперь!

БЕАТРИЧЕ.

Синьоры,

Когда бы я была такой жестокой,
Чтобъ это преступленіе задумать,
Какъ ваши подозрѣнія диктуютъ
Вотъ этому злосчастному рабу,
Который ихъ высказываетъ въ страхѣ
Предъ ужасами пытокъ,—неужели
Мнѣ хитрость не велѣла-бъ уничтожить
Орудье злодѣянья моего?
Зачѣмъ же я оставила бы этотъ
Кровавый ножъ, съ моей фамильной мѣткой
На черенкѣ, среди моихъ враговъ,
Для собственной моей грядущей казни?
Ужели я, нуждаясь безконечно
Въ молчаньи навсегда, не приняла бы
Такой предосторожности ничтожной,
Какъ сдѣлать изъ его иѣмой могилы
Хранилище для тайны роковой,
Записанной въ воспомнаньи вора?
Что жизнь его, лишешная значенья?
Что сотни жизней? Разъ отцеубійца,—
Топчи ихъ всѣхъ. Смотрите же, онъ живъ!

(Обращаясь къ Марціо)

А ты...

МАРЦІО.

О, пощади меня! Не надо,
Не надо больше словъ. Твой призывъ
Торжественно-печальные, твой взоръ,
Одновременно полный состраданья
И строгости, терзаютъ хуже пытки.

(Къ Судьямъ)

Я все сказалъ. Молю, во имя Бога,
Ведите же меня скорѣй на казнь.

КАМИЛЛО.

Пусть онъ поближе станетъ къ Беатриче:
Отъ взоровъ испытующихъ ея
Онъ такъ же уклоняется, какъ желтый
Осенній листъ трепещетъ и бѣжитъ
Отъ рѣжущаго сѣвернаго вѣтра.

БЕАТРИЧЕ.

О ты, уже склонившійся надъ бездною,
Надъ пропастью, гдѣ слиты жизнь и смерть,
Помедли, прежде чѣмъ ты мнѣ отвѣтишь:
Тогда ты съ меньшимъ ужасомъ предстанешь
Съ отвѣтомъ предъ Всевѣдущимъ Судьею.
Какое зло мы сдѣлали тебѣ?
Чѣмъ я—увы!—могла тебя обидѣть?
Здѣсь на землѣ, гдѣ жизнь, и день, и солнце,
Я прожила такую малость лѣтъ,
Исполненныхъ томительной печали;
И участи моей угодно было,
Чтобъ мой отецъ бездушно отравилъ
Всѣ юныя мгновенья утра жизни,
Всю радость расцвѣтающихъ надеждъ;
Потомъ однимъ ударомъ безопаднымъ
Убилъ онъ душу вѣчную мою,
Убилъ мою нетронутую славу.
И даже возмутилъ тотъ чистый мѣръ,
Что тихо дремлетъ въ пѣжномъ сердцѣ сердца.
Но рана оказалась несмертельной,
И я одну лишь ненависть мою
Могла съ тѣхъ поръ впадать въ мои молитвы,
Склоняясь предъ Родителемъ всего,
Который, проникаясь милосердьемъ,
Какъ ты сказалъ, тебя вооружилъ,
Чтобъ ты его убралъ съ лица земного.
И смерть его—улика на меня!
И кто же обвинитель? Ты! О, если
Ты ждешь еще пощады въ небесахъ,
Яви же въ этомъ мѣрѣ справедливость,—

Пойми, что зачерствѣлость сердца хуже
Руки окровавленной. Если ты
Убийства совершалъ и цѣлою жизнью
Топталъ законы Бога и людей,
Побойся безразсудства, не бросайся
Предъ вѣчнымъ Судьею, восклицая:
«Создатель мой, я сдѣлалъ то, и больше;
Тамъ, на землѣ, я погубилъ одну,
Она была чиста, была невинна,
И вотъ за то, что вынесла она,
Чего не выносишь еще доселѣ
Никто,—ни тотъ, кто чистъ, ни тотъ, въ комъ грѣхъ.—
За то, что ужасъ, выстраданный ею,
Не можетъ быть ни понятъ, ни рассказанъ,
За то, что, наконецъ, Твоя рука
Ее освободила, я—словами—
Убилъ ее и всѣхъ ея родныхъ.»—
Подумай, заклинаю, какъ жестоко
Въ умахъ людей навѣки умертвить
Лелѣемое ими преклоненье
Предъ нашимъ древнимъ домомъ, нашей славой,
Ни разу не занятнаго! Подумай,
Что значить задунить ребенка-жалость,
Которую во взорахъ прямодушныхъ
Блуждаетъ довѣріе. Подумай,
Что значить—и безславіемъ, и кровью
Навѣки занятнать все то, на чемъ
Лежитъ печать невинности и—Боже!—
Клянусь, что въ самомъ дѣлѣ есть невинность,
Которую ты властенъ осквернить
Настолько, что утратится различье
Межъ хитрымъ дикимъ взглядомъ преступленья
И тою чистотою, что теперь
Тебя зоветъ и властно принуждаетъ
Отвѣтить мнѣ. Виновна я, или нѣтъ
Въ грѣхѣхъ отцеубійства?

МАРЦЮ.

Невиновна!

СУДЬЯ.

Какъ? Что?

МАРЦЮ.

Я объявляю здѣсь, что тѣ,
ого оговорилъ я, невиновны.
Виновенъ только я.

СУДЬЯ.

Пытать его.

На дыбу. Къ колесу. Пусть пытки будутъ
Утонченны и длительны, пусть въ немъ
Изгибы сокровенные порвутся.
Пытать его, пока онъ все не скажетъ.

МАРЦЮ.

Пытайте, какъ хотите. Худшей пытки
Не выдумать, чѣмъ та, что съ губъ моихъ,
Охваченныхъ дыханіемъ послѣднихъ,
Сорвала правду вышнюю. Невинна,—
Она совѣтъ невинна, говорю я!
Ищейки кровожадныхъ, не люди,
Насытитесь мной, но я вамъ не позволю
Сгубить такой безцѣнный перлъ земли!

(Марціо уходитъ подъ стражей)

КАМИЛЛО.

Что-жъ вы на это скажете, синьоры?

СУДЬЯ.

Пусть пытки, какъ клещами, тянуть правду,
Пока она, какъ снѣгъ, не поблѣдетъ,
Простѣйшій морознымъ вѣтромъ трижды.

КАМИЛЛО.

И въ то же время кровью обогранный!

СУДЬЯ *(къ Беатриче)*.

Синьора, это вамъ письмо извѣстно?

БЕАТРИЧЕ.

Не ставьте мнѣ ловушекъ! Кто встанетъ здѣсь,
Какъ обвинитель мой? А! Это ты!
Судья, и обвинитель, и свидѣтель,
И все въ одномъ лицѣ? Я вижу имя
Орсино? Гдѣ Орсино? Позовите.
Пусть только взглянетъ онъ въ мои глаза.
Что значить эта жалкая бумага?
А! Это неизвѣстно вамъ, и вы
Въ одномъ предположены, что, быть можетъ,
Здѣсь кроется какая-то вина,
Хотите насъ убить?

(Входитъ Офицеръ)

ОФИЦЕРЪ.

Преступникъ умеръ.

СУДЬЯ.

Что-жъ онъ сказалъ предъ смертью?

ОФИЦЕРЪ.

Ничего.

Лишь къ колесу его мы привязали,
Онъ посмотрѣлъ съ улыбкою на насъ,
Какъ тотъ, кто надъ врагомъ своимъ смѣется,
Дыханье задержалъ свое—и умеръ.

СУДЬЯ.

Намъ больше ничего не остается
Какъ слѣдствіе сурово примѣнить
Къ упорствующимъ этимъ заключеннымъ.

КАМИЛЛО.

Я протестую противъ примѣненія
Дальнейшей процедуры. Я иду
Просить его Святѣйшество за этихъ
Невинныхъ благороднѣйшихъ людей,
И постараюсь сдѣлать все, что можно.

СУДЬЯ.

Итакъ, да совершится воля Папы.

А до тѣхъ поръ пусть стража размѣститъ
Преступниковъ по одиночнымъ кельямъ.
Держать орудья пытки на-готовѣ:
Сегодня-жъ ночью, если только Папа
Въ рѣшеніи правосудномъ сохранить
Суровую рѣшимость благочестья,—
Изъ этихъ жилъ, изъ этихъ нервовъ тонкихъ,
Всю истину я вырву, стою за стономъ.

(Уходитъ)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Тюремная келья. Беатриче спитъ на постели. Входитъ Бернардо.

БЕРНАРДО.

Какъ нѣженъ сонъ въ чертахъ ея лица,
Похожій на послѣднія мечтанья
Плѣнительнаго дня, который былъ
Однимъ сильнѣйшимъ восторгомъ, и съ закатомъ
Замкнулся въ ночь и въ сны, и вотъ все дѣлится.
Какъ послѣ этихъ пытокъ, что она
Послѣдней ночью вынесла безъ крика,
Легко ея дыханье. Горе мнѣ!
Мнѣ чудится, я больше спать не буду.
Но съ этого закрытаго цвѣтка
Я долженъ, противъ воли, миръ небесный
Стряхнуть, какъ блескъ росы... Проспись! Проспись!
Сестра, ты можешь спать?

БЕАТРИЧЕ (пробуждаясь).

Мнѣ сладко спилось,
Что мы въ Раю. Ты знаешь, эта келья
Мнѣ кажется какимъ-то свѣтлымъ Раемъ,
Съ тѣхъ поръ какъ спасена я отъ отца.

БЕРНАРДО.

Сестра моя! Сестра! О Беатриче!
Когда бы сонъ твой не былъ только сномъ!
О Боже, какъ сказать тебѣ?

БЕАТРИЧЕ.

Мой милый,
Что хочешь ты сказать мнѣ?

БЕРНАРДО.

Не гляди же
Такимъ счастливымъ взглядомъ, а не то,
Подумавъ, что тебѣ сказать я долженъ,—
Умру.

БЕАТРИЧЕ.

Вотъ ты меня заставилъ плакать.
Мой милый, какъ ты былъ бы одинокъ,
Когда-бъ я умерла! Ну, говори же,
Что хочешь ты сказать?

БЕРНАРДО.

Они признались;
Не въ силахъ больше пытки выносить,
Они...

БЕАТРИЧЕ.

Признались? Въ чемъ? Чтобы потѣшить
Позорныхъ палачей, сказали ложь.
И что-жъ они сказали? Что виновны?
Невинность бѣлоснѣжная, и ты
Должна носить личину преступленья,
Чтобъ скрыть спокойно-грозное лицо
Предъ тѣми, кто совѣмъ тебя не знаетъ.

(Входитъ Судья съ Лукреціей и Джакомо, въ сопровожденіи Стражи)

О низкія сердца! Изъ-за того,
Чтобъ избѣжать короткихъ спазмъ терзаній.
Которыя, по меньшей мѣрѣ, смертны,
Какъ эти члены, схваченные пыткой,—
Столѣтія величія и блеска
Повержены во прахъ, и эта честь,
Которая должна была, какъ солнце,
Сіять превыше дыма смертной славы,
Навѣки стала жалкою насмѣшкой,

Позорной кличкой? Какъ? Такъ вы хотите,
 Чтобъ эти благородныя тѣла,
 Привязанныя къ бѣшеннымъ конькамъ
 Свирѣпныхъ лошадей, вздымали пыль,—
 Чтобъ мы волной волосъ своихъ сметали
 Слѣды слѣпой безчувственной толпы,
 Тѣхъ жалкихъ, для которыхъ наше горе
 Покажется настолько любопытнымъ,
 Что, выбѣжавъ на зрѣлище такое,
 Они оставить церкви и театры
 Пустыми, какъ сердца ихъ? Эта чернь
 По прихоти, когда пойдѣмъ мы мимо,
 Начнетъ швырять проклятья, или жалость
 Безумную, какъ мертвые цвѣты,
 Прикрасу для живыхъ—полуумершихъ.
 Какую-жъ мы оставимъ память? Кровь,
 Безславіе, отчаянье и ужасъ?
 О ты, что мнѣ была какъ мать родная,
 Не убивай дитя свое! И пусть
 Тебя мои обиды не погубятъ.
 О братъ, пойдѣмъ скорѣй со мной на дыбу!
 Мы будемъ вмѣстѣ такъ молчать, какъ только
 Молчать умѣетъ трупъ; и вскорѣ пытка
 Намъ будетъ какъ покойный тихій гробъ!
 Одно лишь можетъ сдѣлать пытку страшной—
 Ея способность вырвать слово лжи.

ДЖАКОМО.

Въ концѣ-концовъ и ты имъ скажешь правду,
 Отъ ужаса такихъ свирѣпныхъ мукъ;
 Скажи изъ состраданія, скажи имъ,
 Что ты виновна.

ЛУКРЕЦІЯ.

О, скажи имъ правду!
 Позволь намъ умереть, и послѣ смерти
 Намъ будетъ Богъ судья, а не они;
 Онъ сжалятся надъ нами.

БЕРНАРДО.

Если это
 Дѣйствительно такъ было, такъ скажи имъ,
 Сестра моя, и Папа васъ проститъ,
 И все тогда забудется.

СУДЬЯ.

Сознайтесь,
 А то я ваше тѣло такъ скручу
 Свирѣпой пыткой...

БЕАТРИЧЕ.

Пыткой! Съ этихъ поръ
 Пусть дыба станетъ прялкою! Пытайте
 Голодныхъ вашихъ псовъ, чтобы они
 Сказали вамъ, когда они лизали
 Въ послѣдній разъ ту кровь, что пролилъ здѣсь
 Хозяинъ ихъ,—меня пытать нельзя!
 Мои мученья—въ разумѣ и въ сердцѣ,
 Въ сокрытыхъ тайникахъ моей души,
 Рыдающей слезами жгучей желчи
 При мысли, что въ ничтожномъ этомъ мѣрѣ
 Никто себѣ не вѣренъ, и мои
 Родные—отъ самихъ себя—бѣжали.
 И если я подумаю о томъ,
 Какъ я была несчастна въ этой жизни,
 И какъ ко мнѣ и къ тѣмъ, кого люблю я,
 Несправедливы Небо и Земля,
 И что ты за мучитель, что за трусы
 Вотъ эти малодушные рабы,—
 Въ моей душѣ встаютъ такія пытки,
 Что я къ отвѣту вынуждена. Ну?

СУДЬЯ.

Отвѣтъ, виновна-ль ты въ отцеубійствѣ?

БЕАТРИЧЕ.

Не хочешь ли скорѣе обвинить
 Всевышняго Создателя за то, что
 Позволилъ Онъ тому произойти,

Что я спесла и что Онъ видѣлъ съ неба;
 Что сдѣлалъ безъмяннымъ, у чего
 Онъ отнялъ все, приближице, защиту,—
 Оставивъ только то, что ты зовешь
 Отцеубійствомъ? Есть ли грѣхъ, или нѣтъ
 Въ томъ, что людьми зовется преступленьемъ,
 И я виновна въ немъ или невиновна,
 Какъ хочешь, такъ рѣши. Миѣ все равно.
 Я больше ничего не отрицаю.
 Когда ты хочешь такъ, да будетъ такъ,
 И кончено. Свою исполни волю.
 Пытай, но я ни слова не прибавлю.

судья.

Она уличена, но не созналась.
 Довольно и того. Теперь, пока
 Последній приговоръ не вступить въ силу,
 Чтобъ къ нимъ не приходилъ никто. Синьоръ
 Бернардо, уходите!

БЕАТРИЧЕ.

О, прошу васъ,
 Пусть онъ со мною здѣсь побудеть!

судья.

Стражи,

Вашъ долгъ.

БЕРНАРДО (*обнимая Беатриче*)

Не разлучайте душу съ тѣломъ!

офицеръ.

То дѣло палача.

(*Уходятъ все, кромѣ Лукреціи, Беатриче,
и Джакомо*)

джакомо.

Такъ я сознался?

Все кончено и больше нѣтъ надежды!
 О слабый, о позорный мой языкъ,
 Зачѣмъ тебя не вырвалъ я, зачѣмъ

Не выбросилъ собакамъ! О несчастный,
 Убить отца, потомъ предать сестру,
 Тебя, безгрѣшный ангелъ въ этомъ мірѣ,
 Гдѣ всюду черный грѣхъ, тебя предать
 Заслуженной лишь мною лютой казни!
 Жена моя! И маленькія дѣти!
 Одни! Въ нуждѣ! И я—отецъ! О Боже!
 Простишь ли непростивимъ, если сердце
 У нихъ на части рвется—такъ—вотъ такъ!
 (*Закрываетъ свое лицо и плачетъ*)

ЛУКРЕЦІЯ.

Дитя мое родное, какъ могли мы
 Придти къ такому страшному концу?
 Какъ я сдалась? Зачѣмъ не поборола
 Мученій? О, зачѣмъ я не могу
 Иллить себя въ своихъ слезахъ безилродныхъ,
 Которыя, не чувствуя, бѣгутъ!

БЕАТРИЧЕ.

О томъ, что было слабостію сдѣлать,
 Разъ сдѣлано, жалѣть—двойная слабость.
 Смѣлѣй! Господь мою обиду знаетъ,
 Черезъ насъ Имъ былъ ниспосланъ ангелъ мести,
 Теперь Онъ насъ, какъ будто бы, покинулъ,
 Но это только кажется, и мы,
 Я вѣрю, не умремъ. Поди поближе,
 Мой милый братъ, дай руку, ты мужчина.
 Смѣлѣе же! И ты, моя родная,
 Прильни ко миѣ усталой головою,
 Попробуй задремать; твои глаза
 Измучены безсонницей и скорбію,
 Отяжелѣли вѣки. Ну, прилягъ,
 А я, склонясь къ тебѣ, спою тихонько
 Какой-нибудь медлительный напѣвъ,
 Ни грустный, ни веселый, а дремотный;
 Такъ, что-нибудь изъ давнихъ-давнихъ лѣтъ,
 Созвучья пѣсни смутно-монотонной,
 Одну изъ тѣхъ, что пряхи напѣвають,

Пока онъ почти совсѣмъ забудуть,
Живуть или не живутъ онъ на свѣтѣ.
Прилягъ. Вотъ такъ, родная! Какъ же быть?
Слова я позабыла? Нѣтъ, по, право,
Не знала я, что такъ они печальны!

пѣсня.

Невѣрный другъ моей мечты,
Вздохнешь ли ты, поймешь ли ты,
Что твой умершій другъ не дышетъ?
Но что улыбка, что слеза
Для тѣхъ, кого смела гроза!
Живого мертвый не услышитъ.

Конецъ—мечтамъ.

Кто шепчетъ тамъ?

Змѣя въ твоей улыбкѣ! Милый!
Въ твоихъ слезахъ—смертельный ядъ,
Такъ это правду говорятъ,
Что видишь правду—надъ могилой!

О, если-бъ могъ быть смертнымъ сонъ,
О, если-бъ смерть была какъ онъ,
Такой же ласковой и нѣжной,
Глаза смежила-бъ я тогда,
Чтобы забыться безмятежно,
И не проснуться—никогда!

О мѣръ! Прости.

Пора идти.

Ты слышишь звонъ? То стонъ разлуки.
Два сердца врозь; въ твоемъ—покой,
Въ моемъ, истерзанномъ тоской,
Неумирающія муки!

(Сцена закрывается)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тюремный залъ. Входятъ Камилло и Бернардо.

КАМИЛЛО.

Нѣтъ, Папа безпощаденъ. Невозможно
Его смягчить или хотя бы тронуть.

Онъ смотритъ такъ произительно-спокойно,
Какъ будто онъ орудье лотой казни,
Которая терзаетъ, но другихъ,
Убьетъ, но не себя; онъ—точно камень,
Глухое изваянье, сводъ закона,
Уставъ церковный, но не человекъ.
Онъ хмурился: какъ будто хмурить брови,—
Въ его душѣ, какъ въ скудномъ инструментѣ,
Пружиною единственною было:
Онъ хмурился. Защитники ему
Записки докладныя подавали,
А онъ ихъ рвалъ въ клочки, и безучастно
Охрипшимъ жесткимъ голосомъ ворчалъ имъ:
«Кто между васъ защитникъ ихъ отца,
Убитаго во снѣ?» Потомъ къ другому:
«Ты это говоришь по долгу чина;
Прекрасно, одобряю.»—И затѣмъ
Ко мнѣ онъ повернулся и, увидя,
Что у меня въ глазахъ стоитъ мольба,
Онъ два лишь слова холодно промолвилъ:
«Убійцамъ—смерть!»

БЕРНАРДО.

Но вы не отступились?

КАМИЛЛО.

Я продолжалъ настаивать, какъ могъ;
Сказалъ объ этомъ адскомъ оскорбленнѣ,
Которое ускорило гибель
Безжалостнаго изверга-отца.
А онъ въ отвѣтъ: «Паоло Санта Кроче
Вчера убилъ свою родную мать,
И спасся бѣгствомъ. Да, отцеубійство
Теперь совсѣмъ не рѣдкость,—и, навѣрно,
Коль не сегодня, завтра, молодежь,—
Конечно, по какой-нибудь причинѣ.
Разумной, уважительной,—задушитъ
Насъ всѣхъ, когда дремать мы будемъ въ креслахъ.
Вліянье, власть и волосы сѣдые

Теперь тяжелымъ сдѣлалась грѣхомъ.
 Вы мой племянникъ, вы ко мнѣ явились
 Просить, чтобъ я простилъ ихъ. Подождите.
 Вотъ приговоръ. Возьмите, и пока
 Онъ выполненъ не будетъ, и буквально,—
 Ко мнѣ не приходите.»

БЕРНАРДО.

Боже мой!

Не можетъ быть! Не можетъ быть! Я думалъ.
 Что все, что говорили вы, есть только
 Печальное начало, за которымъ
 Послѣдуетъ желаннѣйшій конецъ.
 О, есть же взгляды, есть слова такія,
 Что самаго жестокаго смягчатъ!
 Когда-то я ихъ зналъ, теперь, когда мнѣ
 Они нужнѣй всего, я ихъ забылъ.
 Что, если-бъ я его сейчасъ увидѣлъ,
 Горячими и горькими слезами
 Омывъ его стопы, его одежду?
 Тѣснилъ его молениями, терзалъ
 Его усталый умъ докучнымъ крикомъ,
 И до тѣхъ поръ свой стонъ не прерывалъ,
 Пока, объятый бѣшенствомъ, меня бы
 Онъ не ударилъ посохомъ своимъ,
 И голову простертую не сталъ бы
 Топтать, топтать, пока не брызнетъ кровь!
 Быть можетъ, онъ раскаянемъ проникся-бъ,
 И въ немъ бы вдругъ проснулось милосердье?
 О, да, я такъ и сдѣлаю! Проню васъ
 Дождитесь моего прихода здѣсь!

(Стремительно убѣгаетъ)

КАМИЛЛО.

Увы! Несчастный мальчикъ! Съ тѣмъ же самымъ
 Успѣхомъ погибающій морякъ
 Воззвалъ бы съ корабля къ глухому морю.

*(Входитъ Лукреція, Беатриче и Джакомо,
 въ сопровожденіи Стражи)*

БЕАТРИЧЕ.

Мнѣ кажется, едва ли я должна
 Надѣяться на что-нибудь другое,
 Какъ не на то, что ты теперь приносишь
 Извѣстіе, что Папа насъ простилъ.

КАМИЛЛО.

Пусть Богъ на небесахъ къ молитвамъ Папы
 Не будетъ такъ неумолимо глухъ,
 Какъ Папа былъ къ моимъ! Вотъ полномочье,
 Вотъ смертный приговоръ.

БЕАТРИЧЕ *(Она)*.

О Боже мой!

О Господи, какъ можетъ это быть—
 Такъ умереть внезапно? Молодою,
 Лежать въ землѣ, холодной, влажной, мертвой,
 Средь разложенія, мрака и червей;
 Забитой быть въ какомъ-то узкомъ мѣстѣ,
 Не видѣть больше солнечнаго свѣта,
 Не слышать голосовъ живыхъ существъ,
 Не думать о вещахъ давно-знакомыхъ,
 Печальныхъ, но утраченныхъ, вотъ такъ...
 Ужасно! Быть ничѣмъ! А то—по чѣмъ же?
 Ничѣмъ! О Боже, гдѣ я? Умоляю,
 Не позволяйте мнѣ сходить съ ума!
 О Господи, прости мнѣ эти мысли!
 Чтò если бы въ пустомъ бездонномъ мѣрѣ
 Не стало Бога, Неба и Земли!
 Чтò если-бъ всюду былъ безцвѣтный, сѣрый,
 Раскинутый, слѣпой, безлюдный мѣръ!
 Чтò если вдругъ тогда все станетъ духомъ
 Его, отца, начнетъ меня тѣснить,
 Обступитъ, какъ его прикосновежье,
 Какъ взглядъ его, какъ голосъ,—всюду будетъ
 Тяжелое дыханье мертвеца!
 Чтò если онъ придетъ въ той самой формѣ,
 Въ какой меня онъ мучилъ на землѣ,
 Такъ страшно на себя во всемъ похожій,

Съ морщинами, съ сѣдыми волосами,
 Придетъ ко мнѣ въ той мертвой полумгѣ
 И адскими объятіями охватить,
 Въ мои глаза вонзятъ свои глаза,
 И повлечетъ все ниже, ниже, ниже!
 Не онъ ли на землѣ былъ всемогущимъ,
 Одинъ лишь онъ, повсюду и всегда?
 И даже мертвый всѣми онъ владѣетъ—
 Вошелъ въ живыхъ, какъ духъ, внушаетъ имъ
 Все то, въ чемъ боль, отчаянье, презрѣнье
 И гибель для меня и для моихъ!
 Какъ знать! Еще никто не возвращался
 Разоблачить законы царства смерти,
 Гдѣ нѣтъ слѣдовъ, оставленныхъ живыми!
 Быть можетъ, та же тамъ несправедливость,
 Которая насъ гонитъ здѣсь—куда?

ЛУКРЕЦІЯ.

Вручи себя любви живого Бога
 И кроткимъ обѣщаніямъ Христа!
 Мы вступимъ въ Рай еще до этой ночи.

БЕАТРИЧЕ.

Теперь прошло. И что бы ни случилось,
 Мнѣ сердце уже больше не измѣнить.
 И все же—почему, не знаю, право—
 Твои слова такъ холодно звучать.
 Мнѣ кажется, что все кругомъ такъ низко,
 Такъ холодно и тускло. Въ этомъ мірѣ
 Я видѣла всегда несправедливость.
 И никогда ни Богъ, ни человекъ,
 Ни эта власть безвѣстная, что вѣчно
 Моей судьбой несчастной управляла,
 Не дѣлали различья для меня
 Между добромъ и зломъ. На утрѣ жизни
 Я лишена единственнаго міра,
 Который знаю; нѣтъ мнѣ ничего,
 Ни жизни, ни любви, ни свѣта солнца.
 Ты хорошо сказала мнѣ о Богѣ,

Что я должна вручить себя Ему:
 Надѣюсь, что въ Него могу я вѣрить.
 Въ кого-жь еще возможно вѣрить здѣсь?
 И все-таки въ душѣ мертвящей холодъ.

*(Пока она произносила послѣднія слова, Джакомо въ сторону
 говорилъ съ Камилло, который теперь уходитъ. Джакомо
 приближается)*

ДЖАКОМО.

Родная, ты не знаешь,—ты, сестра,
 Не знаешь; вѣдь какъ разъ теперь Бернардо
 Предъ Папой преклоняется съ мольбами,
 Прося о спусхожденіи для насъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Быть можетъ, онъ и вымолитъ прощенье.
 Мы будемъ жить, и эти муки станутъ
 Какъ сказка для грядущихъ дальнихъ лѣтъ.
 О, только я подумала объ этомъ,
 И къ сердцу кровь прихлынула волной.

БЕАТРИЧЕ.

Ужь скоро въ немъ не будетъ больше крови.
 Гони скорѣ эту мысль. Надежда
 Ужаснѣе отчаянья, ужаснѣй,
 Чѣмъ горечь смерти. Въ этотъ страшный часъ,
 Влекущій къ безднѣ узкою тропинкой,
 Что съ каждымъ шагомъ дѣлается уже,
 У насъ одно несчастье только есть:
 Надежда. Лучше споръ съ морозомъ быстрымъ,
 Проси его, чтобъ онъ не убивалъ
 Цвѣтовъ весны, не во-время расцвѣтшихъ;
 Прося землетрясенье не взметаться,
 Скажи, что города надъ нимъ стоятъ,
 Могучіе, прекрасные,—быть можетъ,
 Оно задержитъ взрывы черноты,
 Не выброситъ смертельныхъ токовъ дыма;
 Ходатайствуй предъ голодомъ; проси
 Заразу вѣтроногую, сверканья
 Слѣпыхъ и быстрыхъ молній; умолай

Глухое море,—но не человѣка!
 А! Онъ жестокъ, онъ весь живетъ во вѣишемъ;
 Онъ холоденъ; въ словахъ онъ справедливъ,—
 Въ дѣлахъ онъ—Канни. Нѣтъ, о, нѣтъ, родная,
 Намъ нужно умереть,—ужь разъ такая
 Отплата за невинность—облегченье
 Отъ самыхъ горькихъ золь. И до тѣхъ поръ,
 Пока убійцы наши торжествуютъ,
 Живутъ себѣ, бездушные, тихонько
 Идя сквозь мѣръ скорбей къ могилѣ мирной,
 Гдѣ смерть съ улыбкой встрѣтитъ ихъ, какъ сонъ,—
 Родная, намъ одна осталась радость,
 И эта радость странная—могила.
 Приди же, Смерть, и заключи меня
 Въ свои всеобнимающія руки!
 Какъ любящая Мать, меня сокрой
 На ласковой груди и убаюкай,
 Чтобъ я заснула сномъ непробудимымъ,
 Которымъ, разъ заснувши, будешь спать.
 Живите-жь вы, живущіе, сливайтесь
 Одинъ съ другимъ въ позорной, рабской связи,
 Какъ нѣкогда сливались и мы,
 Идущіе теперь...

(Бернардо обѣгаетъ)

БЕРНАРДО..

О, ужась, ужась!
 Напрасно все, рыданія, мольбы.
 Настоячивыхъ и неотступныхъ взглядовъ,
 Отчаянье умолкнувшаго сердца,
 Напрасно все! У самой двери ждуть
 Прислужники нѣмой, угрюмой смерти.
 Мнѣ чудится, у одного изъ нихъ
 Я на лицѣ замѣтилъ пятна крови,—
 Иль, можетъ быть, мнѣ только показалось?
 Ужь скоро кровь изъ сердца тѣхъ, кого
 Люблю я въ этомъ мѣрѣ, брызнетъ ярко
 На палача, а онъ лишь оботрется,

Какъ будто это брызнулъ только дождь.
 О жизнь! О, мѣръ! Когда бик могъ я скрыться!
 Не жить! Не быть! Я долженъ видѣть гибель
 Невинности чистѣйшей. Та зеркальность,
 Въ которую глядѣлся я всегда,—
 И дѣлался счастливѣй,—предо мною
 Должна разбиться въ прахъ, Беатриче,
 Тебя, которой мѣръ былъ такъ украшенъ,
 Что предъ тобой все дѣлалось милѣй,
 Тебя, свѣтъ жизни, долженъ я увидѣть
 Холодной, мертвой! Я скажу: «Сестра»,
 Мнѣ скажутъ: «Нѣтъ сестры!»—И ты, родная,
 Связавшая насъ всѣхъ своей любовью,
 Ты—мертвая! Порвалась связь!

(Входитъ Камилло и стража)

Идутъ!

Скорѣй, скорѣй! Живыя эти губы
 Скорѣй поцѣловать, пока на нихъ
 Румяные цвѣты еще не смяты,
 Не стали тускло-блѣдными, нѣмыми!—
 Скажи мнѣ: «До свиданія!», пока
 Не задавила смерть твой нѣжный голосъ.
 О, дай услышать, какъ ты говоришь!

БЕАТРИЧЕ.

Мой братъ, прощай, будь счастливъ. Думай вѣчно
 О нашей горькой участи съ любовью,
 Какъ думаешь теперь. И пусть твоя
 Любовь и жалость къ намъ тебѣ послужатъ
 Усладою въ страданіяхъ твоихъ.
 Не отдавайся грусти безутѣшной,
 Въ отчаяньи холодномъ не замкнись,—
 А знай всегда терпѣніе и слезы.
 Дитя мое, еще одно запомни:
 Будь вѣренъ намъ, будь твердъ въ своей любви,
 Твоя душа себѣ найдетъ въ ней благо.
 Будь вѣренъ убѣжденію, что я,
 Окутанная тѣнью необычной,

Туманомъ преступленья и стыда,
 Была всегда святой и безупречной.
 И если даже злые языки
 Начнутъ терзать мое воспоминанье,
 И наше имя общее, какъ кличка,
 Къ тебѣ прильнетъ мучительнымъ клеймомъ,
 И каждый на тебя въ толгѣ укажетъ,—
 Щади, жалѣй, и никогда не думай
 Дурного ничего о тѣхъ, чьи души,
 Быть можетъ, тамъ въ гробахъ тебя жалѣютъ.
 И смерть тебѣ покажется не страшной,
 Ты встрѣтншь смертный часъ, какъ я, спокойно,
 Безъ горечи. Прощай! Прощай! Прощай!

БЕРНАРДО.

Я не могу промолвить—до свиданья!

КАМИЛЛО.

О донна Беатриче!

БЕАТРИЧЕ.

Кардиналь,

Прошу васъ, не скорбите, не тревожьтесь.
 Родная, завяжи мнѣ этотъ поясъ,
 И заплети мнѣ волосы—вотъ такъ—
 Въ какой-нибудь простой непышный узелъ.
 И у тебя распутались они.
 Мы часто ихъ другъ другу заплетали,
 Въ вечерній часъ и утренней порой,—
 Но это безвозвратно. Мы готовы.
 Идемъ. Такъ хорошо. Все хорошо.

ПРИМѢЧАНІЯ

К. Д. БАЛЬМОНТА.

Какъ я уже сообщалъ въ первомъ томѣ Шелли, о крупныхъ его произведеніяхъ я буду говорить подробно въ особомъ изслѣдованіи, посвященномъ его жизни и творчеству. Я буду здѣсь поэту кратокъ.

Лаонъ и Цитта, или Возмущеніе Золотого Города.

Эта поэма была написана во время отшельнической жизни Шелли въ небольшомъ городѣ Марло. Въ ней онъ впервые серьезно вступилъ въ борьбу съ окружавшей его дѣйствительностью, и въ роскошной, частью космогонической, частью соціальной, симфоніи набросалъ рядъ поразительно яркихъ картинъ, прикоснулся въ упоръ къ вопросамъ общежитія, и съ чисто-шеллиевскою пѣжностью и оригинальностью затронулъ вопросы тончайшей психологіи, интересовавшіе Кальдерона и Тирсо де-Моллину, Джона Форда и современныхъ художниковъ, какъ Д'Аннуціо и Шибышевскаго. Общеизвѣстное лицемѣріе британскаго общества заставило эту поэму пережить разныя перипетіи, и прежде всего переименованіе ея въ *Возмущеніе Ислама* и возникновеніе ея въ нѣсколько измѣненной формѣ. При переводѣ я держался первичнаго текста. Поэма названа *видѣніемъ* *дванадцатаго вѣка*, главнымъ образомъ, потому, что въ ней впервые созданъ типъ Свободной Женщины, безстрашно борющейся за полную свободу чувства и дѣйствія. Шелли и въ этомъ и въ другихъ отношеніяхъ вполне точно предвидѣлъ характеръ начинавшагося столѣтія. Онъ только выразилъ свои предвидѣнія не въ реальной формѣ, а въ воздушныхъ очертаніяхъ, какъ воздушны были его грезы и воздушны краски и черты въ природѣ, когда, создавая свою поэму, онъ проплывалъ въ лодкѣ среди букowychъ деревьевъ, наклоняющихъ вѣтви къ водѣ. По воздушной дымкой неизбежно должны быть закутаны очертанія предметовъ, когда глазъ глядитъ на обширный міръ, уходящій къ дальнѣмъ горизонту. Въ первой пѣснѣ Шелли— въ области космогоническихъ мифовъ, въ послѣдней—въ сферѣ тѣхъ ви-

дѣній, которыя доступны только для сторонниковъ Тайнаго Ученія (Теософін). Между двумя этими предѣлами, которые родственны и въ извѣстномъ смыслѣ тождественны, проходить полносложная панорама утонченной созерцательности. Таинственная связь сна съ дѣйствительностью, ихъ взаимная слиянность, которую позднѣе такъ хорошо описали Пушкинъ въ снѣ Татьяны, Достоевскій въ *Братьяхъ Карамазовыхъ* и Левъ Толстой въ *Войнѣ и Мирѣ*, поразительно описаны у Шелли въ пѣснѣ третьей. „Трупный кошмаръ“ этой же пѣсни, такъ же какъ величественный кошмаръ Чумы въ пѣснѣ десятой, превосхищаютъ блестящія страницы Эдгара По, полномасштабнаго въ области поэзіи ужаса, и составили бы украшеніе замѣчательной книги Де-Фо *Годъ Чумы*. Пѣсня пятая, съ ея эпическимъ сномъ освобожденія Человѣчества, напоминаетъ лучшіе моменты освободительныхъ историческихъ переворотовъ, когда человѣкъ съ человѣкомъ дѣйствительно сливался въ массовыхъ размѣрахъ, и самыя простыя вещи, какъ общая трапеза, становились мистеріей. Любовныя строфы пѣсни шестой написаны такъ утонченно-воздушно, что поэзія переходитъ здѣсь въ музыку и въ волны свѣта. И въ каждой изъ остальныхъ пѣсней Шелли сумѣлъ воплотить въ словахъ что-нибудь настолько благородное по чувству, яркое по краскамъ, тонкое по отбѣнкамъ, или необычное по настроенію, что вся поэма переливается и сложно говоритъ душѣ, какъ переливается и говорить звукомъ и свѣтомъ широкая масса плещущихъ волнъ.

Два слова о формѣ. Шелли написалъ *Лаона и Цитну* Спенсеровскими стансами, съ ихъ перепѣвными римами. Желая передать текстъ съ возможно большей точностью, я нѣсколько упростилъ размѣръ. Если я потерялъ что-нибудь въ пѣвучести, я получилъ зато возможность не опустить ни одного образа, родившагося въ воображеніи Шелли. Считаю, кромѣ того, нужнымъ прибавить, что мѣ, какъ и многимъ англійскимъ поклонникамъ Шелли, Спенсеровская станса представляется мало подходящей къ условіямъ эпической поэмы; наоборотъ, она удивительно подходит къ поэмѣ лирической *Адонаисъ*, которую я перевелъ съ точнымъ воспроизведеніемъ ритма. (Войдетъ въ третій томъ).

Царевичъ Атаназъ.

Поэма имѣющая внутренне-біографическій характеръ, и родственная съ поэмами *Аласторъ*, *Эписихидіонъ*, *Цукка*. Въ первичномъ наброскѣ Шелли называлъ ее *Пандемосъ и Уранія*. Отсылаю читателя къ діалогу Платона *Пиръ*, который имѣетъ тѣсную связь съ мыслями Шелли о любви, и который, между прочимъ, былъ переведенъ имъ на англійскій языкъ.

Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ.

Залитыя блескомъ осенняго солнца, онѣ были созданы въ ту эпоху, когда Италия была еще полурабскою страной. Шелли страстно любилъ Италію, и какъ страну Солнца, и какъ историческую страну искусства и знанія. Въ немъ самомъ было много итальянскаго въ смыслѣ нѣжности и утонченности, и нигдѣ за-границей культъ Шелли не укоренился такъ прочно, какъ именно въ Италіи. Эта страстная любовь въ странѣ солнечныхъ городовъ, овѣянныхъ славнымъ прошлымъ, и внушила Шелли такой легкой и пѣвучій гимнъ въ честь жизни и свободы. Подъ „прекраснымъ лебедемъ Альбіона“ подразумевается, конечно, Байронъ, связанный съ Италіей такими же неразрывными узами, какъ и Шелли.

Итальянскимъ воздухомъ окружены и всѣ другія произведенія, вошедшія въ данный томъ.

Розалинда и Елена.

Поэма начата въ Марло, по окончена въ Луккѣ. Въ этой поэмѣ повседневной жизни, будничной, хотя и связанной съ необычными приключеніями (но гдѣ же, какъ не на фонѣ повседневной жизни зарождаются и возникаютъ необычныя приключенія?), Шелли въ лицѣ Лиели нарисовалъ одинъ изъ своихъ собственныхъ ликовъ, главный свой ликъ—человѣка, въ которомъ любовь и жизнь являлись близнецами. Мэри Шелли справедливо говоритъ по поводу этой поэмы, что Шелли никогда не упоминалъ о Любви безъ того, чтобы не окружить ее очарованіемъ собственнаго своего существа. Онъ также понималъ и поэтически описалъ здѣсь, какъ никто, нѣжнѣйшія ощущенія, связанныя съ материнствомъ, и вридь ли какая-нибудь женщина, бывшая разъ матерью, можетъ читать эту поэму безъ глубокаго волненія.

Юліанъ и Мадалло.

Здѣсь Шелли опозитизировалъ свою дружбу съ Байрономъ, съ которымъ, по закону контраста, онъ былъ неразрывно связанъ послѣдніе годы своей жизни, несмотря на многія внутреннія и внѣшнія обстоятельства, періодически отталкивавшія ихъ другъ отъ друга. Шелли не измыслилъ, а взялъ изъ дѣйствительности трагическую обстановку поэмы—сумасшедшій домъ. И теперь, какъ въ его дни, недалеко отъ Венеціи, среди волнъ, стоитъ домъ, гдѣ живутъ умаленные. Только поэма Шелли связываетъ съ тѣмъ, далекими отъ насъ, днями образъ покинутого влюбленнаго, а когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ я приплылъ въ гондолѣ взглянуть на это

убъжище живыхъ, выброшенныхъ изъ жизни, лицо, болѣе всѣхъ поразившее меня, было изстуженное лицо молодой красивой итальянки, которая, стоя на рѣшетчатомъ окнѣ, съ бѣшенствомъ безъ конца выкрикивала повѣсть, какъ онъ ее бросилъ.

Освобожденный Прометей.

Эта драма во многихъ отношеніяхъ является самымъ крупнымъ и наиболѣе цѣннымъ созданіемъ Шелли. Онъ далъ здѣсь свой догматъ, и этотъ догматъ гласитъ о неизбежной побѣдѣ Человѣчества надъ всѣмъ, что называютъ зломъ, и что, можетъ быть, вѣрнѣе было бы называть болью. По представленіямъ Шелли, зло не составляетъ неизбежной принадлежности мірозаданію. Оно можетъ и должно быть устранено черезъ посредство воли. Геній Человѣчества, Прометей—геній Огня, которымъ дышутъ звѣзды, и которымъ исполнено все, что живетъ, на всемъ пространствѣ звѣзднаго неба, отъ края до края, и тамъ, въ невидимой небесной безкрайности. Окруженный стихіями, съ ихъ разорванностью, съ темнотою незнанія, и съ ихъ воплощеніями въ видѣ жестокихъ чудовищъ, Прометей въ концѣ концовъ—побѣдитель, ибо съ нимъ, не боящимся самопожертвованія, сливаются воедино Демогоргонъ, духъ Міровой Справедливости, приводящей черезъ устраненіе космическаго противорѣчія къ міровой гармоніи, съ нимъ Іона, юный духъ стремленія, Пантея, духъ проникновенной мудрости, Азія, духъ любви и красоты; съ нимъ принадлежащая ему планета Земли, которая со святою всѣхъ своихъ созданій, окруженная духами часовъ, неустойчиво мчится къ Свѣту и къ полной побѣдѣ Свѣта.

Ченчи.

Многіе англичане считаютъ это произведеніе лучшей драмой, написанной послѣ Шекспира. Шелли явилъ въ ней удивительную многогранность своего генія, давъ цѣлый рядъ совершенно реалистическихъ картинъ и характеровъ, и въ то же время фантастически касаясь тѣхъ таинственныхъ и страшныхъ областей, которыя носятъ названіе пола, и которыя не устаютъ создавать въ человѣческой жизни самыя неправдоподобныя, и однако же самыя убѣдительныя событія. Въ этой трагедіи онъ предсталъ какъ одинъ изъ могучихъ властелиновъ поэзіи ужаса, и показалъ, что, твердо вѣря въ полную окончателъную побѣду Свѣта, онъ ясно сознаетъ, какъ глубоко можетъ падать человѣческое сознаніе, и въ какіе страшные и странные переходы можетъ уходить запутанная мысль.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	V
ПОЭМЫ И ДРАМЫ:	
1. Возмущеніе Ислама (Лаонъ и Цитна). Поэма.	1
2. Царевичъ Атаназъ. Отрывокъ.	197
3. Строки, написанныя среди Евганиевскихъ холмовъ.	213
4. Розалинда и Елена. Современная эклога.	231
5. Юліанъ и Мадалла. Бесѣда.	299
6. Освобожденный Прометей: Лирическая драма.	333
7. Ченчи. Трагедія	449

КАТАЛОГЪ

книжнаго склада

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА

„Знаніе.“

Отъ 1 декабря 1903 г.

Простятъ обращаться исключительно по адресу:

*Контора товарищества „ЗНАНИЕ“,
С.-Петербургъ, Невскій пр., 92.*

Лица, выписывающія по этому адресу книги, помѣщенныя въ каталогѣ, за пересылку не платятъ; исключаются книги, по которымъ въ данный моментъ принимается подписка.

Подписка считается дѣйствительной лишь въ томъ случаѣ, если деньги внесены до выхода книги.

Наложенія платена на подписныя изданія не допускаются; книги, поступившія въ продажу, высылаются наложеннымъ платежомъ только въ томъ случаѣ, если при заказѣ доставленъ задатокъ въ размѣрѣ не менѣе четверти стоимости книгъ.

Каталогъ изданій по первому требованію высылается бесплатно.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.

1903.

Списокъ отъ 1 декабря 1903 г. Цѣна.

М. Горькій. Разказы. Томъ I.	1 р. — к.
М. Горькій. Разказы. Томъ II.	1 » — »
М. Горькій. Разказы. Томъ III.	1 » — »
М. Горькій. Разказы. Томъ IV.	1 » — »
М. Горькій. Разказы. Томъ V.	1 » — »
М. Горькій. Пьесы. Томъ VI.	1 » — »
М. Горькій. Мѣщане. Только съ переплетомъ.	1 » — »
М. Горькій. На днѣ. Картины.	— » 60 »
Л. Андреевъ. Разказы. Томъ I.	1 » — »
Сниталець. Разказы. Томъ I.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разказы. Томъ I.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разказы. Томъ II.	1 » — »
Е. Чириковъ. Разказы. Томъ III.	1 » — »
Е. Чириковъ. Пьесы.	— » 60 »
Ив. Бунинъ. Томъ I. Разказы.	1 » — »
Ив. Бунинъ. Томъ II. Стихотворенія	1 » — »
Н. Толешовъ. Разказы. Томъ I.	1 » — »
А. Серафимовичъ. Разказы. Томъ I.	1 » — »
А. Купринъ. Разказы. Томъ I.	1 » — »
С. Юшневичъ. Разказы. Томъ I.	1 » — »
С. Гусевъ-Оренбургскій. Разказы. Томъ I.	1 » — »
Н. Гаринъ. Дѣтство Тѣмы	1 » — »
Н. Гаринъ. Гимназисты	1 » — »
Н. Гаринъ. Студенты	1 » — »
А. Яблоновскій. Разказы	1 » — »
С. Елеонскій. Разказы	1 » — »
Эсхиль. Скованный Прометей. Изд. второе.	— » 30 »
Софокль. Эдипъ-царь. Изд. второе.	— » 40 »
Софокль. Эдипъ въ Колонахъ. Изд. второе.	— » 40 »
Софокль. Антигона. Изд. второе.	— » 40 »
Эврипидъ. Медра. Изд. второе.	— » 40 »
Эврипидъ. Ипполитъ. Изд. второе.	— » 40 »
Эсхиль, Софокль и Эврипидъ. Траседін. Роскоши-иллюстр. изд. Печатаются.	— » — »
Платонъ. Ширь. Съ иллюстраціями	— » 60 »
Бьёрнсонъ. Черчатка	— » 40 »
Гауптманъ Роза Берилъ.	— » 50 »
Байронъ. Манфредъ.	— » 40 »
Байронъ. Кантъ. Печатаются.	— » — »
Леопарди. Разговоры. Печатаются.	— » — »
Леопарди. Мысли. Печатаются.	— » — »
Красинскій. Иридионъ.	— » 60 »
Шелли. Полное собраніе сочиненій въ 3 томахъ. Томъ I.	2 » — »
Шелли. Полное собраніе сочиненій » » Томъ 2.	2 » — »
Шелли. Освобожденный Прометей	— » 50 »
Шелли. Ченчи	— » 50 »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Роскошно-илл. изд.	2 » — »
Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Дешевое изданіе.	— » 80 »
Э. Золя. Углекокъ. Изд. второе	1 » — »
Эрксманъ-Шатрианъ Гаспаръ Фиксъ.	— » 65 »
П. Милоновъ. Изв. исторіи русской интеллигенціи. Изд. 2-е	1 » 50 »
Н. Рубанинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Изд. 2-е. Печатаются.	— » — »
Нинольскій. Лѣтнія повѣзки натуралиста	2 » — »
Клейнъ. Астрономическіе вечера. Изд. третье	2 » — »
Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Изд. второе	1 » 50 »
Юнгъ. Солнце. Изд. второе	1 » 50 »
Гиндаль. Звукъ. Изд. второе.	1 » 50 »

Списокъ отъ 1 декабря 1903 г. Цѣна

Григорьевъ. Краткій курсъ химіи. Изд. второе	— » 80 »
Клейнъ. Чудеса земного шара. Печатаются	— » — »
Боммели. Исторія земли. Печатаются	— » — »
Гетчинсонъ. Вымершія чудовища	1 » 20 »
Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологич. эпохъ. Печатаются.	— » — »
Джемсъ. Психологія. Изд. пятое. Печатаются.	1 » 50 »
Штёррингъ. Психопатологія въ примѣненіи къ психологіи.	1 » 50 »
Вундтъ. Введеніе въ философію. Печатаются	— » — »
Кунъ Фишеръ. Исторія новой философіи. Томъ IV; Кантъ	4 » — »
Сеньобосъ. Полит. исторія соврем. Европы, 2 т. Изд. третье	3 » — »
Гиббинсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англіи	1 » 20 »
Инсаровъ. Современная Франція	2 » 50 »
Курти. Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи.	1 » — »
Зомбартъ. Идеалы социальной политики. Печатаются	— » 40 »
Каутскій. Колониальная политика въ прошлѣ и настоящемъ.	— » 40 »
Фальборнъ и Чарнолускій. Народное образованіе въ Россіи	1 » 50 »
Гюйо. Исторія и крит. совр. анал. ученій о нравственности	2 » — »
Гюйо. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура	2 » — »
Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали	2 » — »
Гюйо. Воспитаніе и наследственность	1 » 50 »
Гюйо. Стихи философа.	1 » — »
Гюйо. Искусство съ социологической точки зрѣнія	2 » — »
Моррисъ. Искусство. Съ иллюстраціями. Печатаются	— » — »
Левассеръ. Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ	3 » — »
Фальборнъ и Чарнолускій. Справочныя изданія по народному образованію: Поступило въ продажу 16 книжекъ. Подробнѣе см. на стр. 22-й и 23-й	— » — »
Лендеръ. Воспитаніе и общество въ Англіи.	3 » — »
Паульсонъ. Общеобразовательная школа будущаго	— » 40 »
Мертваго. Не по торному пути	1 » 50 »
Майръ. Статистика и обществовъдѣніе	6 » — »
Дройфусъ. Пять лѣтъ моей жизни	1 » 20 »
Штраусъ. Вольтеръ.	1 » — »
Бернштейнъ. Историческій материализмъ. Изд. второе	— » 80 »
Каутскій. Аграрный вопросъ	1 » 50 »
Герцъ. Аграрные вопросы.	— » 80 »
Вандервельде. Притягательная сила городовъ	— » 40 »
Вурмъ. Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ	— » 80 »
Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ	1 » 50 »
Люксембургъ. Промышленное развитіе Польши	— » 50 »
Финляндія.	3 » 50 »
Гуго. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ хозяйствѣ.	1 » 50 »
Гобсонъ. Общественные идеалы Дж. Рескина	1 » 50 »
Мутеръ. Исторія живописи отъ среднихъ вѣковъ до новѣйшихъ временъ. Часть I.	2 » 50 »
Мутеръ. То же сочиненіе. Часть II.	2 » 50 »
Мутеръ. Исторія живописи въ XIX вѣкѣ	17 » — »

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА:

Клейнъ. Чудеса земного шара	3 р. — к.	3 р. 50 к.
Боммели. Исторія земли	3 р. — к.	3 р. 50 к.
Гетчинсонъ. Вымершія чудовища	4 » 50 »	5 » 50 »
Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ	4 » 50 »	5 » 50 »
Населенная книга по народному образованію, 3 т.	5 » — »	6 » — »

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНИЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

М. Горькій. РАЗСКАЗЫ.

Въ шести томахъ. *Содержаніе:*

I томъ. Макаръ Чудра.—О чижѣ.—Емельянъ Пияй.—Дѣдъ Архипъ и Ленъка.—Челкашъ.—Старуха Изергиль.—Однажды осенью.—Ошибка.—Мой спутникъ.—Дѣло съ застежками.—Пѣсня о соколѣ.—На плотяхъ.—Болезнь.—Тоска.

II томъ. Коноваловъ.—Ханъ и его сынъ.—Выводъ.—Супруги Орловы.—Бывшіе люди.—Озорникъ.—Варенька Олесова.—Товарищи.

III томъ. Въ степи.—Мальва.—Ярмарка въ Голтвѣ.—Зазубрина.—Скуки ради.—Каинъ и Артемъ.—Дружки.—Проходимецъ.—Читатель.—Кирилка.—О чортѣ.—Еще о чортѣ.—Васька Красный.

IV томъ. Оома Гордѣевъ.—Двадцать шесть и одна.

V томъ. Трое.—Пѣсня о буревѣстникѣ.

VI томъ. Пьесы:—Мѣщане.—На днѣ.

Цѣна наждаго тома 1 рубль, въ роскошн. перепл. 1 р. 40 к.
Каждый томъ можно приобрѣтать отдѣльно.

М. Горькій. МѢЩАНЕ.

Драматическій эскизъ въ 4 актахъ.

Цѣна въ роск. переплетѣ 1 р.

М. Горькій. НА ДНѢ.

Картинны. 4 акта.

Цѣна 60 к., въ роск. переплетѣ 1 р.

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНИЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

Скиталець. РАЗСКАЗЫ и ПѢСНИ. Томъ I.

Содержаніе:—Колоколь.—Оквозъ строй.—«Спитъ море предо мной».—Композиторъ.—«Закипѣла въ сердцѣ кровь...».—Пѣвчье.—Опѣвка.—«Колокольчики-бубенчики звенятъ...».—«Я хочу веселья...».—«Утромъ зорька молодая...».—Любовь декоратора.—Огонь.—Ночи.—«Вы сказались, бессонныя ночи...».—Ранняя обѣдня.—Нищій.—Ручей.—Газетный листъ.—«Нѣтъ, я не съ вами...».—«Моя жизнь—это бурная ночь на поляхъ...».—Октава.—«Я оторванъ отъ жизни родимыхъ полей...».—Уаникъ.—«Я уналь съ облаковъ...».—«Каждый вечеръ...».—«Ты скажи-ка, оборванецъ молодой...».—«Ну, товарищи...».—За тюремной стѣной.—Алмазы.—Кузнецы.

Цѣна 1 р.

Л. Андреевъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе:—Большой шлемъ.—Набатъ.—Ангелочекъ.—Молчаніе.—Смѣхъ.—Валд.—Рассказъ о Сергѣй Петровичѣ.—На рѣкѣ.—Бездна.—Въ подвалѣ.—Дождь.—Петька на дачѣ.—У окна.—Жили-были.—Стѣна.—Въ темную даль.

Е. Чириковъ. РАЗСКАЗЫ. Томы I, II и III.

Цѣна наждаго тома 1 р.—*Содержаніе:*

I томъ. Ранніе восходы.—Вродичій мальчикъ.—Gaudeamus igitur.—Въ лѣсу.—Калигула.—На стоянкѣ.—Студенты пріѣхали.—Съ почтовой.—Озорьдъ.—Прогрессъ.
II томъ. Инвалиды.—Влудный смыкъ.—Чужестранцы.—Въ отставку.
III томъ. Танино счастье.—Въ ложицѣ межъ горъ.—Какъ это случилось.—Фаустъ.—Именинница.—Лунная ночь.—Лошадка.—Предатель.—Обостренныя отношенія.—Одуванчикъ.

Е. Чириковъ. ПЬЕСЫ.

Содержаніе:—На дворѣ во флигелѣ.—За славой. Цѣна 60 к.

С. Гусевъ-Оренбургскій. РАЗСКАЗЫ. Томъ I.

Содержаніе: Пастыръ добрый.—Отецъ Памфила.—По теченію.—Самходка.—Обида.—Гдѣ ветлы стояли.—Вольной.—Конокрадъ.—Миша.—Агасферъ.—Оквозъ преграды.—Последній часъ.—На родину.—Кажетника.—Капитанъ Кузь.—Вѣдный приходъ.—Сборщикъ.—Худая молва.—Идеальность.—Злой духъ.—Жалоба.

Цѣна 1 р.

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНИЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

И. Бунинъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Переваль.—Руда.—Новая дорога.—Осенью.—Тумапъ.—Байбаки.—Новый годъ.—Автоновскія яблоки.—Велга.—Скиты.—Тарантелла.—Костерь.—На край свѣта.—Кастрюкъ.—Въ Августѣ.—Безъ роду-племени.—Поздней ночью.—На Доницъ.—Фангазеръ.—Сосны.—Тишина.—Надежда.

И. Бунинъ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II. Цѣна 1 р.

Н. Телешовъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Пѣсьи о трехъ юношахъ.—Домой!—Нужда.—Елка Митрича.—Съ Богомъ!—Противъ обычая.—Сухая бѣда.—Счастливецъ.—Сумерки.—Хлѣбъ-соль.—Дѣти.—Дуэль.

А. Серафимовичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: — Въ камышахъ.—Местъ.—На льдинѣ.—Подъ увлонъ.—Тундра.—Бури.—Дежурство.—Прогулка.—Степные люди.—Ночью.—Сцѣпчивъ.—Преступленіе.—Рождественскій канунъ.—На заводѣ.—Подъ землей.

А. Купринъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе:—Молохъ.—Ночная смѣна.—Волото.—Походъ.—Одиночество.—Ночлеги.—Лѣсная глушь.—Дознаніе.—Въ паркѣ.—На покое.

С. Юшкевичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I. Цѣна 1 р.

Содержаніе: — Распадъ.—Невинно.—Портной.—Убийца.—Кабатчикъ Гейманъ.—Ита Гайше.

С. Елеонскій. РАЗСКАЗЫ. Цѣна 1 р.

Содержаніе:—Неизреченный свѣтъ.—На поповомъ дворѣ.—Паша-крестный.—Грубьянъ.—Зарокъ.—Огорченіе.—Юбилей.—Ссора.

А. Яблоновскій. РАЗСКАЗЫ. Цѣна 1 р.

Содержаніе:—Очерки гимназической жизни.—Нухимъ.—Дебютъ.—Деревескія картинки.—На изысканіяхъ.—Конокрадъ.—Удружилъ.—Ребятышка.—Завѣтная мечта.

Каталогъ книжнаго склада т-ва «ЗНАНИЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТѢМЫ.—Цѣна 1 р.

Н. Гаринъ. ГИМНАЗИСТЫ.—Цѣна 1 р.

Н. Гаринъ. СТУДЕНТЫ.—Цѣна 1 р.

Шелли. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Переводъ К. Д. Бальмонта. Новое трехтомное переработанное изд.

Вышелъ томъ первый.

Его содержаніе:—Вся лирика, 186 стихотвореній.—Царина Мабъ.—Примѣчанія Шелли къ «Царигъ Мабъ».—Демонъ міра.—Аласторъ.—Съ гелиографурой Джардэна, изображающей Шелли.—Съ пояснит. примѣч. К. Д. Бальмонта. Цѣна 2 р.

Вышелъ томъ второй.

Его содержаніе:—Возмущеніе Ислама.—Царевичъ Атаназъ.—Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ.—Розалинда и Елена.—Юліанъ и Маддала.—Освобожденный Прометей.—Ченчи.—Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта. Цѣна 2 р.

Печатается томъ третій.

Его содержаніе:—Маскарадъ анархіи.—Письмо къ Маріи Джисборнъ.—Волшебница Атласа.—Эпициклидонъ.—Адонансъ.—Эллада.—Отрывки неоконченной драмы.—Карлъ Первый.—Торжество жизни.—Повѣствовательныя отрывки.—Статьи.—Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта. Очеркъ жизни Шелли.

**Штёррингъ. ПСИХОПАТОЛОГІЯ
ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ПСИХОЛОГІИ.**

Переводъ А. А. Крогіуса. Цѣна 1 р. 50 к.

Съ предисловіемъ академика В. М. Вехтерева.

Съ приложеніемъ указателя сочиненій по психологіи, педагогикѣ, теоріи познанія и психопатологіи, составленнаго проф. Слб. Университета А. И. Введенскимъ, приватъ-доцентомъ И. И. Лапшинимъ и А. А. Крогіусомъ.

П. Милюковъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ.

Второе изданіе.

Верховники и шляхетство.—С. Т. Аксаковъ.—Станкевичъ.—Вѣдлинскій.—Герцень.—Грановскій.—Эпигоны славянофильства.—Вл. Соловьевъ.

Съ портретами. Цѣна 1 р. 50 к.

ТОЛЬКО-ЧТО ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

1. Эсхиль. СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ. . . . . — р. 30 к.
  2. Софокль. ЭДИПЪ-ЦАРЬ . . . . . — » 40 »
  3. Софокль. ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНЪ . . . . . — » 40 »
  4. Софокль. АНТИГОНА . . . . . — » 40 »
  5. Эврипидъ. МЕДЕЯ . . . . . — » 40 »
  6. Эврипидъ. ИПОЛИТЪ . . . . . — » 40 »
- Примѣчаніе:* Всѣ шесть трагедій переведены съ греческаго Д. С. Мережковскимъ. Въ стихахъ. При каждой—портретъ автора.
7. Платонъ. ПИРЪ . . . . . — » 60 »
- Философская поэма. *Иллюстраціи:* снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивиада; картины пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимокъ съ картины „Пиръ“ Фейербаха.
8. Байронъ. МАНФРЕДЪ . . . . . — » 40 »
  9. Шелли. ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ . . . . . — » 50 »
  10. Шелли. ЧЕНЧИ . . . . . — » 50 »
  11. Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙВАТЪ . . . . . 2 » — »
- Переводъ И. А. Бунина. Въ стихахъ. *Роскошно-иллюстрированное* изданіе: около 400 рисунковъ въ текстѣ; портретъ Лонгфелло и 22 большихъ рисунка на отдѣльныхъ таблицахъ.
12. Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙВАТЪ . . . . . — » 80 »
- Дешевое* изданіе: тотъ-же переводъ, тѣ-же 400 рис. въ текстѣ, 22 таблицы и портретъ Лонгфелло; только бумага и форматъ другіе.
13. Красинскій. ИРИДИОНЪ . . . . . — » 60 »
  14. Бьёрнсонъ. ПЕРЧАТКА . . . . . — » 40 »
  15. Гауптманъ. РОЗА БЕРНДЪ . . . . . — » 50 »
  16. Золя. УГЛЕКОПЫ . . . . . 1 » — »

№ 1 КЛЕЙНЪ № 1

АСТРОНОМИЧЕСКІЕ ВЕЧЕРА.

Общедоступная астрономія съ очерками по исторіи астрономіи.

Третье изданіе русскаго перевода.

ДОПОЛНЕНІЯ изъ Араго, Барнарда, Боля, Гельмгольца, Гершеля, Лапласа, Митчелла, Ньюкома, Сенки, Сианарелли, Фламмаріона и другихъ астрономовъ.

Дополненіе о послѣднихъ открытіяхъ, написаннаго профессоромъ С.-Петербургскаго Университета С. П. Глазенапомъ.

Дополненіе объ идеяхъ Э. А. Бредихина, написанное астрономомъ-наблюдателемъ Юрьевского Университета Н. Д. Попровскимъ.

Тридцать двѣ таблицы съ темными и цвѣтными рисунками. Около 400 иллюстрацій въ текстѣ. Карты луны. Карта Венеры по Лоуэллю. Карта Марса по Скиапарелли. Карта Марса по Фламмаріону. Карта Марса по Лоуэллю. Карта Марса по Бреннеру. Карта сѣвернаго звѣзднаго неба. Карты, представляющія движенія Марса, Юпитера и Сатурна въ 1899 г. и 1900 г. 66 портретовъ.

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. книга

рекомендована для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для библиотекъ городскихъ училищъ, для народныхъ читаленъ и для подарковъ учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга

рекомендована для библиотекъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

Ученымъ Ком. Учебнаго Отд. Мин. Финансовъ книга

*рекомендована для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ коммерческихъ училищъ.*Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга *рекомендована для пріобрѣтенія въ библиотеки кадетскихъ корпусовъ*

Отзывы печати:

«Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора для популяризаціи астрономіи какъ изданіе вышеозначенной книги Клейна; ее смѣло можно назвать образцовою во всѣхъ отношеніяхъ»... (Журн. Мин. Нар. Просв.)

«Дѣйствительно, прекрасная книга»... (Образованіе).

«Изданіе «Астрономическіе вечера» несомнѣнно является украшеніемъ нашей популярной астрономической литературы»... (Новости).

Цѣна 2 руб.

За экземпляры въ роскошныхъ переплетахъ доплачивается по 66 коп.

№ 2 Клейнъ. ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ и БУДУЩЕЕ ВСЕЛЕННОЙ № 2

Общедоступныя бесѣды по космологіи.

9 портретовъ. 185 рисунковъ въ текстѣ. Одиннадцать цвѣтныхъ таблицъ.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга
| **рекомендована** для приобретения въ библиотеки кадетскихъ корпусовъ.

Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просв. книга
| **одобрена** для *фунд. и учен. библиотекъ средн. уч. зав. Мин. мужск. и женск., и для библиотекъ учит. инст. и сем., а также для выдачи въ награду учащимся въ означенныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга
| **одобрена** для *библиотекъ уч. зав., подведомственныхъ Мин. Земл. и Гос. Им.*

Ученымъ Ком. Учебнаго Отдѣла Мин. Финансовъ книга
| **одобрена** для *фунд. и учен. библиотекъ коммерч. училищъ.*

Цѣна 1 р. 50 к.; за роскошный переплетъ доплачивается 65 к.

№ 3. Юнгъ. СОЛНЦЕ. № 3.

Съ англійскаго. Дополненія, написанныя самимъ авторомъ.
16 портретъ Три цвѣтныхъ таблицы. Больше 150 иллюстрацій.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Народн. Просв. книга
| **рекомендована** для приобретения въ фундаментальныя и учебныя библиотечныя заведенія старшаго возраста, библиотечныя заведенія Министерства, въ библиотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библиотечныя городскихъ училищъ и для выдачи въ награду ученикамъ гимназій и реальныхъ училищъ, а также допущена въ бесплатныя народныя читальни и библиотеки.

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга
| **рекомендована** для *библиотекъ уч. зав., подведомственныхъ Мин. З. и Гос. Им.*

Ученымъ Ком. Учебнаго Отдѣла Мин. Финансовъ книга
| **рекомендована** для *фунд. и учен. библиотекъ коммерч. училищъ.*

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга
| **рекомендована** для приобретения въ библиотеки кадетск. корпусовъ.

Цѣна 1 р. 50 к.; за роскошный переплетъ доплачивается 65 к.

Продолжается подписка на книгу:

КЛЕЙНЪ.

№ 13 — ЧУДЕСА ЗЕМНОГО ШАРА. — № 13

Общедоступныя бесѣды по физической географіи.

Съ ижепцаго.—Переводъ В. А. Верещагина и А. П. Нечаева.

Съ предисловіемъ заслуж. ордин. профессора С.-П. Университета

А. А. ИНОСТРАНЦЕВА.

Книга посвящена настоящему землѣ. Въ 35 главахъ авторъ сумѣлъ затро-
нуть и изложить въ современномъ освѣщеніи всѣ главные вопросы, относя-
щіеся къ жизни земли.

Краткій очеркъ содержанія. Рядъ рассказовъ изъ исторіи земледѣлія. Новѣй-
шія научныя экспедиціи. Форма и размѣры земли. Вѣсъ и плотность. Внутрен-
няя теплота. Возрастъ и происхожденіе материковъ. Моря. Полярные льды.
Морскія теченія. Приливы и отливы. Острова. Источники. Пещеры. Рѣки.
Озера. Происхожденіе озеръ. Болота. Лавины. Ледники. Ледниковый періодъ.
Землетрясенія. Горные обвалы. Вулканическія явленія. Маары. Атмосфера. Дав-
леніе. Вѣтры. Ураганы. Облака. Осадки. Грозовыя явленія. Полярныя сіянія.
Земной магнетизмъ. Погода.

Въ русскомъ изд. сдѣланы дополненія, написанныя А. П. Нечаевымъ.

Прибавлены цѣлыя главы. Таковы:

1. Дѣятельность моря.—2. Волга, какъ типичная рѣка русской рав-
нины.—3. Овраги.—4. Дѣятельность вѣтра, дюны, пустыни.—5. Происхожде-
ніе и распредѣленіе почвъ.

Кромѣ того, въ большинствѣ главъ сдѣланы обширныя дополненія по физи-
ческой географіи Россіи. Напримѣръ:

Коралловые известняки Крыма. — Медоборскія горы. — Артезіанскіе колодези
Россіи.—Минеральныя источники Россіи.—Пещеры Крыма.—Пещеры-ледники;
Кунгурская пещера.—Рѣки Россіи: ихъ пороги, водопады, перемѣненія, мели,
острова, террассы, дельты, половодья.—Озера Россіи, ихъ происхожденіе, ихъ
заростаніе.—Болота Россіи.—Ледники Россіи.—Землетрясенія въ Россіи.—
Оползни.—Вулканы Россіи и пр.

Въ книгу введены карты въ нѣсколько красокъ:

1. Почвенная карта Европ. Россіи. — 2. Сейсмическая карта Россіи.—
3. Вулканы. — 4. Морскія теченія. — 5. Льды въ настоящемъ и прошломъ.—
6. Распредѣленіе осадковъ.—7. Распредѣленіе грозъ и пр.

Цвѣтныя рисунки изготовлены за границей.

Въ книгѣ будетъ больше 400 иллюстрацій. Особенное вниманіе будетъ
обращено на иллюстраціи, относящіяся къ физической географіи Россіи.

Подписная цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Каталог книжного склада т-ва «ЗНАНИЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

Товариществомъ „ЗНАНИЕ“ открыта подписка на серію книгъ по геологіи и палеонтологіи:

№ 15. БОММЕЛИ. ИСТОРИЯ ЗЕМЛИ. № 15.

Общедоступная геологія.—Съ нѣмецкаго. Переводъ М. А. Энгельгардта.

Дополненія по геологіи Россіи.

Роскошныя иллюстраціи: не менѣе 300 рисунковъ въ текстѣ и на отдѣльныхъ таблицахъ. Рисунки въ нѣсколько красокъ. Ландшафты съ изображеніемъ растений и животныхъ прошлыхъ геологическихъ эпохъ.

Геологическая карта Европейской Россіи въ 14 красокъ.

Сейсмическая карта Россіи въ 4 краски.

Карта, показывающая распредѣленіе вулкановъ.

Карта, показывающая распредѣленіе льдовъ въ настоящую и прошлыя геолог. эпохи и др.

№ 16. Гетчинсонъ. Вымершія чудовища. № 16.

Общедоступныя бесѣды по палеонтологіи. — Съ англійскаго. Переводъ А. М. Никольскаго.

150 рисунковъ въ текстѣ. Кромѣ того, на отд. таблицахъ 28 картинъ, изображающихъ давно исчезнувшихъ исполиновъ животнаго царства.

Эти картины заслужили лестный отзывъ Флоуэра, члена Корол. Общ. и директора Естественнo-историческаго Музея въ Лондонѣ: «Я могу», пишетъ онъ: «съ полною увѣренностью подтвердить, что г. Гетчинсонъ и работавшій для него вполне образованный художникъ г. Смитъ исполнили свою работу тщательно и добросовѣстно и дали намъ въ большинствѣ случаевъ полное понятіе о внѣшности животныхъ, которыхъ они старались изобразить, согласно лучшимъ свидѣтельствамъ, доступнымъ для насъ въ настоящее время»...

Книга № 16 поступила въ продажу. См. стран. 13.

№ 17. Гетчинсонъ. Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. № 17.

Съ англійскаго.—Переводъ Дм. Андр. Корончевскаго.

Масса рисунковъ. Кромѣ того, на отд. таблицахъ 24 картины, рисованныя тѣмъ-же Смитомъ.

Въ трехъ книгахъ, № 15, № 16 и № 17, больше 60 печатныхъ листовъ; около 600 иллюстрацій.

Подписная цѣна за эти три книги 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 50 к. Допускается разсрочка: при полученіи первой книги 2 р., при полученіи слѣдующаго выпуска серіи—остальное.

По закрытіи подписки цѣна будетъ значительно повышена.

Каталог книжного склада т-ва «ЗНАНИЕ» (С.-Петербургъ, Невскій, 92).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА

№ 16. Гетчинсонъ. № 16.

ВЫМЕРШІЯ ЧУДОВИЩА.

Общедоступныя бесѣды по палеонтологіи.—Съ англійскаго. Переводъ А. М. Никольскаго.

150 рисунковъ въ текстѣ. Кромѣ того, на отд. таблицахъ 28 картинъ, изображающихъ давно исчезнувшихъ исполиновъ животнаго царства.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга рекомендована для приобрѣтенія въ библіотеки кадетскихъ корпусовъ.

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просвѣщ. книга

одобрена для учительскихъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для бесплатныхъ читаленъ, а также для раздачи въ награду ученикамъ.

Ученымъ Ком. Мин. Землед. и Госуд. Им. книга

рекомендована для библіотекъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственнаго Имущества.

ЦѢНА 1 р. 20 к. За роск. переплеть двѣмъ л. 65 к.

Книга входитъ въ составъ серіи по геологіи и палеонтологіи. ПОДПИСКА на серію по уменьшенной цѣнѣ еще продолжается; о подпискѣ см. 12 стран. этого каталога.

ТОЛЬКО-ЧТО ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ КНИГА:

Тиндаль. Звукъ.

Съ англійскаго —Переводъ М. А. Антоновича.—Второе русское изданіе.—Двѣсти четыре иллюстраціи въ текстѣ.—Цѣна 1 р. 50 к.

Уч. Ком. Мпп. Нар. Просв. настоящее изданіе перевода Антоновича

одобрено для ученическихъ, старшаго возраста, и для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для раздачи учащимся въ этихъ заведеніяхъ въ награду, а также для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

Никольскій,

Факторъ зоологии, пр.-доцентъ С.-Петерб. Университета,
и д. зоологъ С.-Петербургской Академіи Наукъ.

ЛѢТНІЯ ПОѢЗДКИ НАТУРАЛИСТА.

СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТЬ рис. въ текстѣ, ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ рис. на
отдѣльныхъ таблицахъ: растенія; животныя; сцены изъ жизни животных;
виды мѣстностей; типы жителей.

Рассказъ о четырехъ научныхъ путешествіяхъ: I. ВЪ ТУРКЕСТАНѢ. II. НА
ЛЕДОВИТОМЪ ОКЕАНѢ. III. ВЪ СѢВЕРНОЙ ПЕРСІИ. IV. НА САХАЛИНѢ.

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній книга
рекомендована для пріобрѣтенія въ бібліотеки кадетскихъ корпусовъ.

Ученымъ Ком. Мин. Нар. Просв. книга

*одобрена для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго воз-
раста, бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерствъ
Народнаго Просвѣщенія, для бібліотекъ учительскихъ институ-
товъ и семинарій, а также для бесплатныхъ народныхъ бібліо-
текъ и читаленъ.*

Ученымъ Ком. Мин. Земледѣлія и Гос. Им. книга

*одобрена для бібліотекъ учебныхъ заведеній, подведомственныхъ
Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ*

Ученымъ Ком. Учебнаго Отд. Мин. Финансовъ книга

*одобрена для фундаментальныхъ и ученическихъ бібліотекъ ком-
мерческихъ училищъ.*

Цѣна 2 р.—За роскошный переплетъ доплат. 65 к.

Григорьевъ. КРАТКІЙ КУРСЪ ХИМІИ.

62 рисунка въ текстѣ. Портреты. Цѣна 80 коп.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книга до-
пущена для употребленія въ качествѣ учебнаго руководства въ тѣхъ
учебныхъ заведеніяхъ Министерства, въ которыхъ химія преподается въ
объемъ, соответствующемъ этой книгѣ, и для пріобрѣтенія въ учениче-
скія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній Мини-
стерства, въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ
бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Товариществомъ «ЗНАНИЕ» издается

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ТОЛЬКО - ЧТО ВЫШЛО

ТРЕТЬЕ иллюстрированное, исправленное и дополненное издание:

Сеньобосъ

№ 1

№ 1

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ.**

Эволюція партій и политическихъ формъ.

Съ приложеніемъ очерка „Европа нашихъ дней“ (1897—1902 гг.)
русской бібліографіи и подробнаго указателя.

Два тома; 840 стр.

Издатель: Парламентъ въ Берлинѣ.
ВЪ БУ: Бисмарка, Гладстона, Биконсфильда, Тьера, Гамбэтты, Гарл-
бальди, Кошута, К. Маркса, Лассалы, Бебеля, Либкнехта, Оуэна, Луи Блана
и многихъ другихъ,—всего до 50 портретовъ.

«Эта книга представляетъ собою замѣчательное по ясности и сжатости и-
ложенія обзорѣе европейской исторіи за періодъ времени отъ 1814 до
1896 года, причемъ авторъ главное вниманіе обращаетъ на исторію учрежде-
ній и образованіе, составъ, тактику и программы партій, какъ выдающихся
факторовъ, рѣшающихъ судьбу учреждений. Но Сеньобосъ удѣляетъ также
мѣсто и фактамъ, касающимся организаціи мѣстныхъ управленій, арміи,
церкви, образованія политическихъ учений, экономического строя въ тѣхъ слу-
чаяхъ, когда эти факты оказываютъ вліяніе на политическую жизнь... (Отзывъ
«Русскихъ Вѣдомостей» о первомъ изданіи).

«Главное достоинство книги — точныя формулировки политическихъ
программъ, конкретныя характеристики конституцій, иногда краткія опредѣ-
ленія политическихъ доктринъ. Сеньобосъ старается схватить политическія и
конституціонныя аналогіи, ясно опредѣлить всѣ характерныя моменты поли-
тического положенія...»

Переводъ сдѣланъ хорошо и дополненъ бібліографическими указаніями
книгъ и статей, появившихся на русскомъ языкѣ. (Отзывъ «Міра Божьяго»
о второмъ изданіи).

Цѣна за оба тома 3 руб.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

№ 2. **В. ЗОМБАРТЪ.** № 2.

Профессоръ Бреславльскаго Университета.

ИДЕАЛЫ СОЦІАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.

Переводъ съ нѣмецкаго П. Ф. Теплова. Цѣна 40 коп.

«Превосходное разсмотрѣніе задачъ соціальной политики читатель найдетъ въ недавно выпущенной въ русскомъ переводѣ книгѣ проф. В. Зомбарта «Идеалы соціальной политики»... Зомбартъ превосходно доказалъ автономность соціально-экономическаго идеала». (Изъ статьи П. Берлина въ «Жизни» апрѣль 1900 г.).

(Первое изданіе распродано, второе—печатается).

№ 3. **Э. Курти,** № 3.

членъ швейцарскаго національнаго совѣта, членъ сенъ-галленскаго правительственнаго совѣта.

ИСТОРИЯ НАРОДНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**И ДЕМОКРАТИИ ВЪ ШВЕЙЦАРИИ.**

Переводъ съ нѣмецкаго Г. Э. ЛЬВОВИЧА. Цѣна . . .

СЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ: 1. Общій обзоръ развитія швейцарскаго народоправства и права народной инициативы въ союзѣ. Г. Э. Львовича. — II. Результаты швейцарскаго референдума. Э. Курти.

«Изъ множества переводныхъ книгъ, которыми заваливаютъ нашъ книжный рынокъ, книга Курти выдѣляется интереснымъ содержаніемъ и мастерскимъ изложеніемъ. Ея авторъ не компиляторъ, трактующій свою тему по источникамъ изъ вторыхъ рукъ, а безукоризненный политическій дѣятель, которому, какъ члену швейцарскаго національнаго совѣта, хорошо извѣстно то, о чемъ онъ хочетъ бесѣдовать съ читателями».

(Изъ отзыва «Вѣстника Всемирной Исторіи»).

«Для лицъ, интересующихся государственнымъ бытомъ Западной Европы, книга Курти безусловно необходима».

(Изъ отзыва «Журнала для всѣхъ»).

№ 5. **К. Каутскій.** № 5.**КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.**

Цѣна 40 коп.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

№ 4. **ГИББИНСЪ И САТУРИНЪ.** № 4.**Исторія современной Англiи.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Англія въ началѣ столѣтія.—Европейскій конфликтъ и Наполеонъ I.—Наполеонъ и Веллингтонъ.—Промышленная революція и политическія реформы. Вліяніе промышленности.—Торговля и политика.—Англійская индустрія въ прежнія времена.—Великія изобрѣтенія въ области механики.—Примѣненіе силы пара и послѣдствія его.—Промышленная революція въ связи съ ростомъ богатства.—Политическія послѣдствія промышленной революціи.—Агитація въ пользу парламентской реформы.—Положеніе народа. Благосостояніе и некоторыхъ общественныхъ классовъ.—Бѣдность народныхъ массъ.—Зло первыхъ фабрикъ.—Агитація въ пользу фабричной реформы.—Недовольство пемуты.—Рабочіе союзы.—Пауперизмъ.—Заработная плата.—Печальныя условія труда.—Внутренняя политика и ирландскія дѣла.—Эмансипація католиковъ.—Язвы Ирландіи.—Аграрныя затрудненія и О'Коннелъ.—Ирландское земледѣіе и картофельный голодъ.—Железныя дороги.—Почты и телеграфы.—Народная королева. Бѣдственное положеніе рабочихъ классовъ.—Агитація противъ хлѣбныхъ законовъ.—Развитіе свободной торговли.—Чартизмъ.—Англичане за моремъ.—Вестъ-Индія.—Индія.—Южная Африка.—Канада и т. д.—Англичане и иностранныя державы.—Карьера лорда Пальмерстона.—Восточный вопросъ.—Пальмерстонъ и Наполеонъ III.—Крымская война.—Иностранная политика Биконсфильда и т. д.—Парламентская реформа и ирландскія смуты.—Феніи.—Парноль и борьба за гомруль и т. д.—Промышленность и общественная жизнь.—Колониальный элементъ въ англійской политикѣ.—Народонаселеніе и большіе города.—Упадокъ земледѣлія.—Стачки рабочихъ и т. д.

Книга кончается обширнымъ приложеніемъ

Д. Сатуринъ.**ПОСЛѢДНІЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИИ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА.**

СОДЕРЖАНІЕ.

Южно-африканская война.—Причины изолированности Англiи.—Исторія Трансвааля до открытія золотыхъ россыпей.—Постройка золотого города.—Родезія.—Набѣгъ Джемсона. Конституція Трансвааля.—Оранжевая республика. Ея конституція.—Почему Оранжевая республика соединила свою судьбу съ судьбой Трансвааля?—Почему колоніи пришли на помощь Англiи?—Джинговъ англійской націи.—Деморализація англійской прессы.—Первый періодъ войны.—Второй періодъ.—Мертвая схватка.—Черная недѣля.—Третій періодъ.—Освобожденіе Кимберлея.—Взятіе въ плѣнъ Кромье.—Занятіе Преторіи и т. д.—Итоги южно-африканской войны.—Федерація австралійскихъ колоній.—Голодъ въ Индіи.

ОТЗЫВЪ «Журнала для всѣхъ» (мартъ 1901 г.). Англичанину Гиббинсу въ этой книгѣ принадлежитъ большая и болѣе значительная первая часть: «Англійскій народъ въ XIX в.». Это сжатый и весьма толково составленный очеркъ всѣхъ выдающихся событій въ государственной жизни Англiи, какъ внешней, такъ и внутренней, вплоть до 1898 года. Авторъ, какъ англичанинъ, подсчитываетъ ростъ матеріальнаго богатства и политическаго значенія своей родины за 100 лѣтъ и приходитъ въ общему къ самымъ утѣшительнымъ выводамъ...

Русскій Д. Сатуринъ, въ краткомъ очеркѣ «Послѣдніе моменты исторіи англійскаго народа» останавливается, главнымъ образомъ, на обратной сторонѣ медали, разбираетъ причины и родъ южно-африканской войны, рисуетъ темныя стороны голода въ Индіи.

Съ портретами англійскихъ политическихъ дѣятелей. Цѣна 1 р. 20 н.

М. Гюйо. Исторія и критика современныхъ английскихъ ученій о нравственности.

Первая часть: изложение ученій. Бентамъ, Овенъ, Макинтошъ, Джемсъ, Милль, Стюартъ Милль, Гротъ, Бенъ, Бэли, Льюисъ, Сиджвикъ, Дарвинъ, Гербертъ Спенсеръ, Клиффордъ, Барратъ. Лесли Стефенъ.

Вторая часть: критика. Введение Книга первая: о методѣ морали. Методъ индуктивный и методъ интуитивный. Книга вторая: нравственная цѣль. Количество удовольствій, какъ нравственный критерій. Арифметическая мораль. Бентама. Полуинтеллектуальная мораль Стюарта Милля. Счастье человечества, какъ нравственный критерій. Мораль симпатій Ст. Милля. Необходимые законы жизни, какъ нравств. критерій. Натуралистическая и альтруистическая мораль Спенсера. Книга третья: о нравственномъ долгѣ. Естественная тождественность интересовъ и принципъ долга по Бентаму. Политическая экономія, социальная полиція и симпатія. Искусственные ассоціація интересовъ въ мысли, какъ основаніе долга по Ст. Миллю. Искусственное отождествленіе интересовъ путемъ общественной организаціи. Утилитарное воспитаніе и религія. Нравственный организмъ и нравственный инстинктъ. Принципы долга по ученію Ч. Дарвина и Спенсера. Книга четвертая: о нравственной санкціи. Нравственная отвѣтственность. Соціальная отвѣтственность. Заключение и общіе выводы.

Цѣна 2 рубл. 458 стр. 8°.

М. Гюйо. Происхожденіе идеи о времени. Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ИДЕИ О ВРЕМЕНИ. Введение Альфреда Фулье. Предисловіе автора. Периодъ первоначальнаго смѣшенія. Пассивная форма времени; ея генезисъ исходитъ изъ понятій разницы, сходства, множественности, степени и порядка. — Активная основа понятія времени; его генезисъ. Участіе воли, намѣренія двигательной дѣятельности. Настоящее, прошлое и будущее. — Время и память, воспоминаваніе и фонографъ. Пространство, какъ способъ представленія времени. — Нормальными и патологическими иллюзіями времени. — Заключение.

Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями. Книга первая. Плотскія удовольствія. — Книга вторая. Духовныя удовольствія. — Книга третья. Частныя и общественныя добродѣтели. — Книга четвертая. Новѣйшіе послѣдователи Эпикура.

Цѣна 2 рубл. 372 стр. 8°.

М. Гюйо. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали.

ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИКИ. Предисловіе. — Книга первая: Принципы искусства и поэзіи. — Книга вторая: Будущее искусство и поэзія. — Книга третья: Будущность и законы стиха.

ОЧЕРКЪ МОРАЛИ. Предисловіе. Введение. Критика различныхъ попытокъ метафизическаго оправданія долга. — Книга первая: Нравственный двигатель съ научной точки зрѣнія. Первые эквиваленты долга. — Книга вторая: Последніе возможные эквиваленты долга для поддержанія нравственности. — Книга третья: Идея санкціи.

Цѣна 2 рубл. 376 стр. 8°.

М. Гюйо. Наслѣдственность и воспитаніе.

СОДЕРЖАНІЕ: Внушеніе и воспитаніе, какъ средства, измѣняющія нравственный инстинктъ. Генезисъ нравственнаго инстинкта; роль наследственности, идей и воспитанія. Физическое воспитаніе и наследственность. Переутомленіе. Цѣль и методъ интеллектуальнаго воспитанія. Школа. Высшее и среднее образованіе. Воспитаніе дѣвушекъ и наследственность. Воспитаніе в периодическая смѣна культуръ интеллекта. Что составляетъ истинную цѣль эволюціи и воспитанія: наследственный автоматизмъ или полная сознательность. Дополненія 340 стран. 8°.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

М. Гюйо. Искусство съ социологической точки зрѣнія.

Предисловіе А. Фулье. — Портретъ автора.

Часть первая: Принципы, какъ социологическая сущность искусства. — 1. Общественная солидарность — принципъ наиболѣе полной эстетической эмоціи. — 2. Гений, какъ сила общности и какъ созданіе новой среды. — 3. О симпатіи и объ общности въ критикѣ. — 4. Выраженіе индивидуальной и соціальной жизни въ искусствѣ. — 5. Реализмъ. Тривіализмъ и средство избѣгнуть его. — Часть вторая: Примѣненіе принциповъ. Социологическая эволюція современнаго искусства. — 1. Психологическій и социологическій романъ. — 2—4. Введение философскихъ и соціальныхъ идей въ современную поэзію. — 5. Стиль, какъ способъ выраженія и орудіе симпатіи. Эволюція современной прозы. 6. Литература декадентовъ и неуравновѣшенныхъ: ея анти-соціальный характеръ. Нравственная и социальная задача искусства.

Цѣна 2 рубл.

М. Гюйо. Стихи философа.

Книга I: Мысль. — Книга II: Любовь. — Книга III: Искусство. Книга IV: Природа и человечество.

Цѣна 1 р.

М. ЛЕКЛЕРКЪ.

ВОСПИТАНИЕ И ОБЩЕСТВО ВЪ АНГЛІИ.

Редакція Г. Фальборна и В. Чарнолуснаго.

КНИГА ПЕРВАЯ. Воспитаніе среднихъ и правящихъ классовъ въ Англии. Воспитаніе въ семьѣ. Англійская и французская семья. Воспитаніе въ школахъ, воспитаніе физическое, нравственное, умственное. Публичныя школы. Параллель съ Франціей. Родъ государства. Организация начальнаго образованія. Департаментъ наукъ и искусствъ. Техническое образованіе. Среднее образованіе въ Валлійск. Университеты. Характеристика старыхъ англійскихъ университетовъ. Внутренняя жизнь Оксфорда и Кембриджа. Расширеніе дѣятельности университетовъ. Вліаніе университетовъ на среднія школы и на страну. Мѣстные университетскіе экзамены. Распространеніе университетскаго образованія. Провинціальныя университетскіе колледжи. Экзаменующія корпораціи. Печать, газеты и журналы. Библиотеки. Общій обзоръ современнаго положенія. КНИГА ВТОРАЯ. Профессіи и общество въ Англии. Экономическое положеніе Англии прежде и въ настоящее время. Развитіе общества въ политическомъ отношеніи. Общественные классы. Ихъ взаимныя отношенія. Политическое воспитаніе. Культура страны. Индивидуальная и общественная нравственность. Религія. 516 стр. 8°. Цѣна 3 рубля.

Паульсенъ. ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА БУДУЩАГО. Цѣна 40 коп.

Георгъ Майръ.

СТАТИСТИКА И ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЕ.

Профессора ГЕОРГА МАЙРА.

Въ двухъ томахъ.

Это капитальное произведеніе знаменитаго статистика, недавно появившееся въ нѣмецкомъ оригиналѣ, распадается на два тома.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА. Человѣкъ, какъ массовое явленіе. Соціальныя группы и союзы. Соціальная масса, какъ объектъ научнаго наблюденія. Наука о соціальныхъ массахъ. Отношеніе науки о соціальныхъ массахъ къ другимъ отраслямъ знанія. Статистическая наука и ея общія основанія. Статистическій методъ и статистическая техника. Статистическія учрежденія. Къ исторіи статистики.

ВТОРОЙ ТОМЪ посвященъ статистикѣ населенія.

Цѣна за оба тома (878 стр. 8°) 6 рублей.

Принимается подписка на изданіе т-ва „ЗНАНИЕ“, составленное Г. Фальборномъ и В. Чарнолускимъ.

Настольная книга по народному образованію.

Законы, распоряженія, правила, инструкціи, уставы, справочныя свѣдѣнія и пр. по школьному и внѣ-школьному образованію народа.

Пособіе для земскихъ и городскихъ общественныхъ учреждений, директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, учреденій и лицъ духовно-учебнаго вѣдомства, народныхъ учителей и другихъ дѣятелей по народному образованію.

Въ трехъ томахъ, свыше 2500 страницъ очень убористой печати.

Изданіе составлено по первоисточникамъ; программа его охватываетъ всѣ вопросы школьнаго и внѣ-школьнаго образованія народа.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ. Отдѣлъ I. Загѣдываніе народнымъ образованіемъ.— Отдѣлъ II. Общія узаконенія и распоряженія, имѣющія отношеніе къ народному образованію.

ТОМЪ ВТОРОЙ. Отдѣлъ III. Узаконенія и распоряженія, касающіяся государственной службы.—Отдѣлъ IV. Учебныя заведенія и испытанія, дающія права на учительскія званія.

ТОМЪ ТРЕТІЙ. Отдѣлъ V. Узаконенія и распоряженія о низшихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ.—Отдѣлъ VI. О школьной гигиенѣ и санитаріи.—Отдѣлъ VII. Узаконенія и распоряженія, касающіяся статистики народнаго образованія.—Отдѣлъ VIII. О внѣ-школьномъ образованіи народа.—Отдѣлъ IX. О до-школьномъ образованіи.

Цѣна за три тома по подпискѣ: 5 руб., съ пересылкой 6 руб.

Два тома (1538 стр.) вышли изъ печати и немедленно высылаются подписчикамъ.

Особымъ отдѣломъ Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. вышедшіе 2 тома «Настольной книги» допущены въ библ. учит. институтовъ и семинарій, въ учит. библ. низшихъ учеб. зав. и въ бесплатныя нар. читальни и библиотеки.

Народное образованіе въ Россіи.

Г. Фальборна и В. Чарнолуснаго.

Историческій очеркъ.—Современная организация начальнаго народнаго образованія въ Россіи.—Статистика и изданія по народному образованію.—Финансовыя средства народнаго образованія.—Главные статистическія данныя о современномъ положеніи народнаго образованія.

Грамотность населенія.—Таблицы.—Литература. Съ приложеніемъ статьи В. Ю. Скалона:

«Народное образованіе въ Финляндіи».

Цѣна 1 руб. 50 коп. 253 стр. 8°.

Справочныя изданія по народному образованію,

составленныя Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ.

1) Учительскія семинаріи и школы. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для учащихся и учащихся въ учительскихъ семинаріяхъ и школахъ всѣхъ вѣдомствъ, а также для готовящихся къ поступленію въ нихъ. Цѣна 2 р.

2) Испытанія на званіе уѣздныхъ, домашнихъ, городскихъ и начальныхъ учителей, на магометанскія должности, на вольноопредѣляющагося II разряда и на первый классный чинъ. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для экзаменаторовъ и подвергающихся испытаніямъ. Второе, значительно дополненное, изданіе. Цѣна 1 р.

3) Испытанія на званіе начального учителя (начальныхъ училищъ; инородческихъ училищъ; церковно-приходскихъ школъ). Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній для экзаменаторовъ и подвергающихся испытаніямъ. Цѣна 25 н.

4) Учительскія общества, курсы и съѣзды. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. Цѣна 50 н.

5) Городскія, уѣздныя и маріинскія училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній о городскихъ училищахъ по Положенію 1872 г., объ уѣздныхъ училищахъ по Уставу 1828 г. Маріинскихъ женскихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Цѣна 1 р.

6) Народныя училища по Положенію 25 мая 1874 года. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній. Цѣна 75 н.

7) Приходскія училища. Систематическій сводъ законовъ, постановленій и распоряженій о приходскихъ училищахъ по Уставу 1828 г. и городскихъ начальныхъ училищахъ въ Москвѣ по Положенію 1839 г. Цѣна 25 н.

8) Министерскія училища. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній о двухклассныхъ и одноклассныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. Цѣна 25 н.

9) Частныя училища и домашнее обученіе. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ II и III разрядовъ, домашнемъ обученіи, училищахъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества и горнозаводскихъ училищахъ. Цѣна 50 н.

10) Инородческія и иновѣрческія училища. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній объ училищахъ-солонистскихъ, протестантскихъ, католическихъ, армянскихъ, для раскольниковъ и сектантовъ, инородческихъ, магометанскихъ, караимскихъ и еврейскихъ. Цѣна 50 н.

11) Инструкція директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій и справочныхъ свѣдѣній. Цѣна 40 н.

См. слѣд. стр.

Справочныя изданія по народному образованію,

составленныя Г. Фальборкомъ и В. Чарнолускимъ.

(Продолженіе).

12) Народныя училища ъверо-западнаго края. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. Ц. 50 н.

13) Народныя училища юго-западнаго края. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. Ц. 40 н.

14) Народныя училища Прибалтійскаго края. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій и справочныхъ свѣдѣній. Ц. 75 н.

15) Народныя училища Царства Польскаго. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній. Цѣна 60 коп.

16) Народныя училища Кавказа, Сибири, Степнаго края, Туркестана, Архангельской, Астраханской и Оренбургской губерній, Донской области и Казачьихъ войскъ. Систематическій сводъ законовъ, распоряженій, правилъ, инструкцій, программъ и справочныхъ свѣдѣній. Цѣна 75 коп.

Готовится къ печати рядъ новыхъ справочныхъ изданій по различнымъ вопросамъ школьнаго и внѣ-школьнаго образованія.

Э. ЛЕВАССЕРЪ.

Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ.

Переводъ подъ редакціей Г. Фальборка и В. Чарнолускаго.

Въ составленіи книги принимали участіе: проф. Георгъ Майръ, Бленнъ, Бодю и многіе другіе выдающіеся статистики и государственные дѣятели. Она является плодомъ болѣе чѣмъ десятилѣтней работы автора, выполненной при помощи Международнаго Статистическаго Института. Цѣль книги—объединить и свести въ одну картину данныя о развитіи и современномъ положеніи народнаго образованія въ цивилизованныхъ странахъ міра.

Первая часть книги заключаетъ въ себѣ описаніе положенія народнаго образованія въ отдѣльныхъ странахъ. Вторая часть посвящена общему сравнительному очерку положенія народнаго образованія въ цивилизованныхъ странахъ.

Цѣна 3 рубля. 452 стр. 8°.

Финляндія.

Подъ редакціей Д. Протопопова.

При участіи И. Андреева (псевд.), В. Валлина, Г. В., А. Гранфельта, О. Грундстрёма, Г. К—на, Я. Клерикуса (псевд.), Н. Лейно, Neuter (псевд.), Д. Протопопова, В. Скалона, I. Тикканена, г-жи Т. Хультинъ, Т. Форселля, г-жи М. Фрибергъ и Э. Эрнко.

Содержаніе: Географическій очеркъ. — Политическое положеніе Финляндіи и „Финляндскій вопросъ“. — Законодательство, управленіе и судъ. — Церковное устройство и религіозныя движенія — Финнаевъ. — Промышленность и торговля. — Сельское хозяйство. — Сельское населеніе. — Рабочіе. — Среднее образованіе. — Национальное движеніе и партія. — Общественная жизнь. — Периодическая печать. — Высшее образованіе. — Университетъ и студенческая жизнь. — Наука. — Литература. — Искусство. — Борьба съ пьянствомъ. — Признаніе бѣдныхъ.

61 иллюстрація: (виды Финляндіи, группы жителей, портреты выдающихся дѣятелей и писателей, картины финскихъ художниковъ и т. п.). Карта Финляндіи.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Вандервельда.

ПРИТЯГАТЕЛЬНАЯ СИЛА ГОРОДОВЪ

Переводъ Л. Вилли. Редакція Р. П. Цѣна 40 коп.

Дрейфусъ. ПЯТЬ ЛѢТЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

(1894 — 1899).

Съ французск. — Перев. подъ редакціей и съ примѣчаніями Е. Смирнова.

Цѣна 1 р. 20 к.

А. И. Мертваго.

НЕ ПО ТОРНОМУ ПУТИ.

Третье изданіе.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

К. Г У Г О.

Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи.

(Städte-Verwaltung und Municipal-Sozialismus in England).

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей

Д. Протопопова.

Содержаніе: Глава I. Введеніе. — II. Исторія англійскихъ муниципалитетовъ. — III. Исторія самоуправленія Лондона. — IV. Совѣтъ лондонскаго графства. — V. Задачи городовъ въ области общественной гигиены. — VI. Пожарное и страховое дѣло. — VII. Рынки. — VIII. Снабженіе газомъ. — IX. Электрическое освѣщеніе. — X. Снабженіе гидравлической силой. — XI. Городскіе трамваи. — XII. Телефоны. — XIII. Народныя бібліотеки. — XIV. Музеи, галлерей и художественныя школы. — XV. Технические школы. — XVI. Отношеніе къ рабочему вопросу. — XVII. Реформа городского обложенія. — XVIII. Заключеніе.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

«Новыя теченія въ англійскомъ городскомъ управленіи, о которыхъ идетъ рѣчь въ чрезвычайно интересной и поучительной книжкѣ Гуго, заключаются въ постепенномъ расширеніи сферы городского самоуправленія и въ борьбѣ муниципалитетовъ съ частными предприятиями» (Міръ Божій, июнь 1898 г.).

«... Мы дали только приблизительное понятіе о содержаніи этой любопытной и поучительной книги. Мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ ее всякому, кто интересуется вопросами городского самоуправления». (Жизнь).

ВЫШЛА КНИГА:

Э. Бернштейнъ.

Историческій Матеріализмъ.

Второе изданіе.

Цѣна 80 коп.

Издание товарищества „ЗНАНИЕ“:

Вольтеръ.

По Коллини, Ваньеру, Штраусу и друг.

Переводъ съ нѣмецкаго *И. Андреева*. Редакція Д. Протопопова.

Съ портретомъ Вольтера. Цѣна 1 рубль.

БИОГРАФІЯ ВОЛЬТЕРА И ХАРАКТЕРИСТИКА ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

«... Блестящая, полная, несмотря на свою краткость, штраусовская биографія Вольтера занимаетъ очень видное мѣсто въ литературѣ о «шарѣ мысли XVIII вѣка» и вмѣстѣ съ книгою Морлея и подробнымъ жизнеописаніемъ Денуартера представляетъ лучшее, что когда-либо было написано о немъ. Всѣ болѣе важные факты долгой жизни Вольтера освѣщены съ мастерствомъ настоящаго художника, литературныя произведенія его оцѣнены съ тонкимъ критическимъ тактомъ. Переводъ очень хорошій.»

(Русскія Вѣдомости, 1898 г. № 228).

«Книга Штрауса, такъ блестяше и тонко написанная, составляетъ для нашей исторической литературы цѣнный вкладъ. Имя Штрауса русскимъ читателямъ извѣстно по его другому труду, тоже прекрасному, «Ульрихъ фонъ-Гуттенъ». Въ нашей замѣткѣ мы не дѣлаемъ разбора его сочиненія о Вольтерѣ, потому что самъ по себѣ трудъ этотъ давно уже занимаетъ первоклассное мѣсто въ ряду многочисленныхъ биографій и сочиненій о Вольтерѣ. Его отличительные особенности—объективность и полнота, несмотря на краткость, и талантливое освѣщеніе дѣятельности Вольтера. Издана и переведена книга прекрасно.»

(Живнѣ, январь 1899 г., книга 2-я).

Куно Фишеръ.

ИСТОРИЯ НОВОЙ ФИЛОСОФІИ.

Поступилъ въ продажу томъ четвертый. Содержание:

Иммануиль Кантъ. Возникновеніе и основаніе критической философіи.Съ четвертаго, юбилейнаго нѣмецкаго изданія.—Перев. *Н. Н. Поллова, Н. О. Лоссаго и Д. Е. Жуковскаго*.—Съ портретомъ Канта.

Цѣна 4 рубля.

Издание товарищества «ЗНАНИЕ»:

ДЖ. А. ГОБСОНЪ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИДЕАЛЫ РѢСКИНА.

Переводъ съ англійскаго *Н. Лончевской* и *В. Либина*.

Редакція Д. Протопопова.

СОДЕРЖАНІЕ: Первые годы жизни и ихъ вліяніе.—Переходъ отъ искусства къ вопросамъ общественныхъ реформъ.—Критика ходячей политическаго экономіи.—Теорія социальнаго экономіи Рѣскина.—Заблужденія въ наукѣ и практикѣ новейшей промышленности.—Промышленная конкуренція.—Истинный общественный строй.—Соціализмъ и аристократизмъ.—Машина и промышленный городъ.—Воспитаніе.—Положеніе женщины въ обществѣ и ея воспитаніе.—Промышленные опыты.—Гильдія св. Георга.—Краткая характеристика дѣятельности и вліянія Рѣскина.

Съ гелиографурнымъ портретомъ Рѣскина.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ЭРКМАНЪ-ШАТРИАНЪ.

ГАСПАРЪ ФИКСЪ.

РАЗСКАЗЪ.

Переводъ *Е. Джумковской*.

Редакція Д. Протопопова.

Цѣна 65 коп.

«Въ живой формѣ разказа въ этомъ произведеніи правдиво обрисовывается эпоха революціи 1848 г. и начало 2-ой имперіи во Франціи... Въ общемъ правдивый, ярко развѣченный искреннимъ чувствомъ разказъ читается съ большимъ интересомъ... (Отзывъ «Сѣв. Кавказа»).

ИНСАРОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ФРАНЦІЯ.

Исторія третьей республики. Цѣна 2 р. 50 к.

Новое изданіе товарищества „ЗНАНИЕ“:

К. КАУТСКІЙ.
АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ.

Переводъ *И. Андреева* и *В. Либина*.

Редакція *Д. Протопопова*.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Ф. О. Гертцъ.
АГРАРНЫЕ ВОПРОСЫ.
Съ предисловіемъ *Э. Бернштейна*.
Переводъ *А. Иминскаго*. Редакція *Д. Протопопова*.
Цѣна 80 коп.

Л. Вигуру.

РАБОЧИЕ СОЮЗЫ

въ

СѢВЕРНОЙ АМЕРИКЪ.

Съ предисловіемъ *Поля де-Русье*.

Переводъ *А. Серебряковой*.

Редакція *Д. Протопопова*.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Изданіе товарищества «ЗНАНИЕ»:

Э. ВУРМЪ.
ЖИЗНЬ НѢМЕЦКИХЪ РАБОЧИХЪ.

Переводъ съ нѣмецкаго *М. Мандельштама*.

Редакція *Д. Протопопова*.

СОДЕРЖАНІЕ: Питаніе нѣмецкихъ рабочихъ, помѣщеніе, домашнее хозяй-ство, доходы, болѣзненность и смертность.

Цѣна 80 коп.

«...Въ каждой главѣ авторъ сопоставляетъ требованія нормальной гигие-ны съ данными точныхъ статистическихъ изслѣдованій о современномъ по-ложеніи рабочихъ въ Германіи... Книга Вурма даетъ массу интересныхъ фак-товъ и наводитъ на серьезное размышленіе... Переводъ сдѣланъ удовлетвори-тельно и хорошимъ языкомъ». (Сынъ Отчизны, 28 апр. 1899).

«Книга Вурма, депутата германскаго рейхстага, представляетъ огромный интересъ и наирѣно разойдется въ широкихъ кругахъ публики. Такъ какъ циклъ экономическаго развитія разныхъ странъ во многомъ совпадаетъ, то съ помощью книги Вурма мы, говоря словами проф. Чупрова, «какъ бы въ туман-ной перспективѣ» можемъ взглянуть въ будущія судьбы экономически отста-вшихъ странъ». (Извѣстія Книж. Магази. Т-ва М. О. Вольфъ, № 9—10, 1899).

Роза Люксембургъ,

Докторъ Государственныхъ Наукъ.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТІЕ ПОЛЬШИ.

Переводъ съ нѣмецкаго *Ф. Гурвича*.

Редакція *Д. Протопопова*.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Исторія и современное положеніе польской промышленности. 1) Мануфак-турный періодъ 1820—1850; 2) Переходъ къ крупной промышленности; 3) Періодъ крупной промышленности въ Польшѣ; 4) Главные районы польской промышленности; 5) Сбытъ произведеній польской промышленности.

II. Экономическая политика Россіи въ Польшѣ. 1) Исторія борьбы между Лодвью и Москвой; 2) Условія промышленнаго производства въ Польшѣ и въ Россіи; 3) Экономическія отношенія между Польшей и Россіей; 4) Политиче-скіе интересы Россіи въ Польшѣ; 5) Экономическіе интересы Россіи на Востокъ.

Цѣна 50 коп.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ:

Р. МУТЕРЪ.**Исторія живописи въ XIX вѣкѣ.**Переводъ съ нѣмецкаго *В. Венгеровой.*I, II, III тт. и исторія «РУССКОЙ ЖИВОПИСИ» *А. Бенца*, которая составляетъ отдѣльный IV томъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Томъ I. Введеніе.—Завѣты XVIII вѣка.—Начатки современнаго искусства въ Англіи.—Положеніе искусства въ остальной Европѣ.—Реакція классицизма въ Германіи.—Классическая реакція во Франціи.—Традиція и свобода. Возвратъ къ прошлому.—Нимфреяне. Мюнхенское искусство при королѣ Людовикѣ I.—Дюссельдорфская школа.—Завѣты нѣмецкой романтики.—Предвѣстники романтизма во Франціи.—Положеніе 1830 г.—Juste-milieu.—Эпизоды классицизма и романтизма.—Историческая живопись въ Бельгіи.—Колористы въ Германіи.—Паденіе псевдо-идеализма.

Томъ II. Введеніе.—Побѣда современнаго искусства.—Рисовальщики.—Англійская живопись до 1850 г.—Батальная живопись.—Этнографическій жанръ.—Юморъ.—Анекдотическая живопись. Соціалистическая тенденція въ живописи.—Сельская жизнь въ искусствѣ.—Пейзажная живопись въ Германіи.—Начатки рауваде imite.—Пейзажъ 1830 г.—Миле (J. P. Millet).—Реализмъ во Франціи.—Реализмъ въ Англіи.—Реализмъ въ Германіи.—Современное пониманіе колорита.—Японцы. Импрессионисты.

Томъ III. Введеніе.—Реалисты.—Франція.—Испанія.—Италія.—Англія.—Бельгія.—Голландія.—Данія.—Швеція.—Норвегія.—Россія.—Америка.—Германія.—Исоондизмъ.—Духъ новаго идеализма.—Англія.—Уистлеръ и Шотландцы.—Франція.—Германія.—Литература.—Указатель рисунковъ.—Библиографическій указатель художниковъ.

Томъ IV. Введеніе.—Первые шаги.—Портретисты XVIII в.—Кипренскій. Тропининъ. Орловскій.—Венеціановъ и его школа. Ф. Толстой.—Первые пейзажисты.—Первый академическій періодъ.—К. Брюлловъ въ Италіи.—К. Брюлловъ въ Россіи.—Бруни.—Эпизоды академизма. Вліяніе академіи на реалистическую школу.—Академическій жанръ.—Карикатуристы.—А. Ивановъ: Явленіе Мессіи.—А. Ивановъ: Эскизы.—Крамской.—В. Васнецовъ.—Пестеревъ. Федотовъ.—Переломъ 50-хъ годовъ.—Эстетика 50-хъ годовъ.—Откъмъ 13-ти конкурентовъ.—Реалисты 50-хъ годовъ.—Петръ Соколовъ.—Сверчковъ.—В. Перовъ.—Художники 60-хъ годовъ.—Прияшниковъ.—Крамской.—Рѣпинъ.—Савицкій.—Ярошенко.—Верещагинъ.—В. Маковский. Освобожденіе отъ тенденціи.—Пейзажисты Воробьевской школы. Лебедевъ.—Ф. Васильевъ.—Айвазовскій.—Клодтъ.—Шинквинъ. Куинджи.—Саврасовъ.—Полѣновъ.—Дубовской.—Реалисты. Суриковъ.—Новыя вѣянія.—«Миръ искусства»: С. Дягилевъ. С. Мамонтовъ.—Левитанъ.—Сѣровъ.—Константинъ Коровинъ.—Нестеревъ.—Аполлинарій Васнецовъ.—Якунчикова.—Остроумовъ.—Цюгановскій.—Интернационалисты.—Бразъ.—Мяливинъ.—Возрожденіе декоративнаго искусства. В. Васнецовъ.—Е. Полѣнова.—К. Коровинъ.—Годовицъ.—Малютинъ.—Национализмъ въ искусствѣ.—Врубель.—Бакстъ.—Лансере.—К. Сомовъ.—Литература.

Цѣна за всѣ четыре тома 17 руб.

Допускается разсрочка:

При полученіи	I-го тома	5 руб
>	> II >	5 >
>	> III >	4 >
>	> IV >	3 >

Раскошше переплеты каждаго тома по 1 руб., крыпки по 75 в.

НОВОЕ СОЧИНЕНІЕ Р. МУТЕРА:

ИСТОРИЯ ЖИВОПИСИ

ОТЪ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ ДО XIX СТОЛѢТІЯ.

Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей *Е. Вальмонта.*

Иллюстрированное изд. въ ТРЕХЪ томахъ:

томъ 280 стр. 8°, съ 52 рис. на отд. табл., на мѣл. бум.

Цѣна I тома 2 руб. 50 коп.

СОДЕРЖАНИЕ: Томъ I. Мозаичный стиль.—Мистицизмъ въ станковой живописи.—Эпическій стиль Джотто. Фресковая живопись конца тринцетого.—Борьба стараго духа времени съ новымъ.—Византийство и мистика.—Конецъ монументальнаго стиля.—Первые реалисты.—Бура и натискъ во Флоренціи.—Перо-делла Франческа.—Зарницы.—Мантенья.—Послѣдователи Мантенья.—Гуго-ванъ-деръ-Гусъ.—Эпоха Лоренцо Великолепнаго.—Савинарола.—Пигро-ди-Козимо.—Боттичелли.—Филиппино Липпи.—Религіозно-мірское настроеніе.—Кривелли.—Перуджино.—Беллини.—Мемлинъ.—Леонардо.—Сближеніе съ Италіей.—Пидераадцы.—Кельяцы.—Дюреръ.—Франконія и Баварія.—Эльзасъ и Швабія.—Гольбейнъ.

Только что вышелъ II томъ.

Томъ II. Вліяніе Леонардо.—Послѣдователи Леонардо.—Джиорджіоне.—Корреджіо.—Понятіе о красотѣ чинквеченто.—Тиціанъ.—Современники Тиціана. Микель-Анжело. Побѣда формальнаго.—Рафаэль.—Конецъ Возрожденія въ Италіи.—Roma carpit mundi.—Лоренцо Лотто.—Тинторетто.—Испанцы.—Духъ контръ-реформаціи.—Церковная живопись.—Бытовая живопись.—Пейзажная живопись.—Рибейра и Сурбаранъ.—Веласкесъ.—Мурильо.—Рубенсъ.—Современники Рубенса.—Ванъ Дейкъ.—Первые портретисты.—Франсъ Хальсъ.—Современники Хальса.—Рембрандтъ.

Томъ II. 242 стр. 8°, съ 40 рис. на отдѣльныхъ таблицахъ

Цѣна 2 руб. 50 коп.

III томъ печатается.

СОДЕРЖАНИЕ III тома (краткое): I Конецъ Голландской живописи II. Аристократическое искусство во Франціи III. Побѣда буржуазіи.

Послѣднія изданія товарищества „ЗНАНІЕ“.

М. Горькій. РАЗСКАЗЫ. Томы I—V.	по 1 р. — в.
М. Горькій. ПЬЕСЫ. Томъ VI.	1 > — >
Л. Андреевъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I.	1 > — >
Скиталець. РАЗСКАЗЫ И ПЬСНИ. Томъ I.	1 > — >
Е. Чириковъ. РАЗСКАЗЫ. Томы I—III.	по 1 > — >
Е. Чириковъ. ПЬЕСЫ.	— 60 >
И. Бунинъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I.	1 > — >
И. Бунинъ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Томъ II.	1 > — >
Н. Телешовъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I.	1 > — >
А. Серафимовичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I.	1 > — >
А. Купринъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I.	1 > — >
С. Юшкевичъ. РАЗСКАЗЫ. Томъ I.	1 > — >
С. Гусевъ-Оренбургскій. РАЗСКАЗЫ. Томъ I.	1 > — >
Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТѢМЫ.	1 > — >
Н. Гаринъ. ГИМНАЗИСТЫ.	1 > — >
Н. Гаринъ. СТУДЕНТЫ.	1 > — >
А. Яблоновскій. РАЗСКАЗЫ.	1 > — >
С. Елеонскій РАЗСКАЗЫ.	1 > — >
Гауптманъ. РОЗА БЕРНДЪ.	— > 50 >
Шелли. ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ. Новое	
трехтомное изд. Вышли: томъ I.	2 > — >
томъ II.	2 > — >
Шелли. ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.	— > 50 >
Шелли. ЧЕНЧИ.	— > 50 >
Лонгфелло. ПЬСНЬ О ГАЙВАТЪ. Роскошно-	
иллюстр. изданіе: около 400 рис. въ текстѣ; портретъ	
Лонгфелло; 22 большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ	2 > — >
Лонгфелло. ПЬСНЬ О ГАЙВАТЪ. Дешевое изд.	— > 80 >
Байронъ. МАНФРЕДЪ	— > 40 >
Красинскій. ИРИДІОНЪ.	— > 60 >
Платонъ. ПИРЪ. Иллюстрированное изд.: снимки съ бю-	
стовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивиада; картины	
пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и	
рельефовъ; снимокъ съ картины «Пиръ» Фейербаха	— > 60 >